

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

3

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калинин,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyppin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,

доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,

доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,

доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,

доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,

доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,

доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,

доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,

доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,

Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,

Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,

Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,

Doctor of Legal Sciences, Professor

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
М. А. Вяхирева

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723

Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АМЕЛЬЧАКОВА В. Н., СУСЛОВА Г. Н. К вопросу о предмете и границах доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях.....	12
АНТОНЯН Ю. М. Психическая зависимость и фанатичное преступное поведение	17
АХЪЯДОВ Э. С.-М. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве	22
БАЙМУХАМЕТОВА Г. М. Принцип преобразования криминального сознания в медиации: путь к реабилитации и предотвращению преступлений.....	26
БАКАНОВ К. С. Программно-целевой и проектный метод управления в области обеспечения безопасности дорожного движения (ретроспективный анализ)	30
БРЯНСКАЯ Е. В. Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции и проблематики процесса доказывания в расследовании отдельных видов коррупционных деяний.....	39
БУЛАТОВ Р. Б. Конституционно-правовые гарантии личных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: понятие и механизм их реализации	45
ГАНДИЛОВ Т. М. Международные санкции как нарушение этических основ договорного права и меры по защите национальных интересов России	50
ДАРМЕНОВ А. Д. Эволюция принципов: детализация, эффективность и перспективы внедрения новых концепций.....	55
ЕЛИНСКИЙ В. И. Организация контроля за производством первоначальных следственных действий и назначением судебных экспертиз	61
ЕПИФАНОВ А. Е. Политические программы «основных» партий в период выборов Учредительного собрания 1917 года.....	67
ЗАЙЦЕВ О. А., ШХАГАПСОВ Э. Л. Противодействие экстремизму как приоритетное направление уголовной политики российского государства	72
ИВАНЦОВ С. В., БОРИСОВ С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности	78

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
 Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.
 В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма.
 Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение.
 Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 165

Подписано в печать 19.06.2024 г.
Цена договорная

**Московский университет
 МВД России имени В. Я. Кикотя
 117997, г. Москва,
 ул. Академика Волгина, д. 12**

ИНШАКОВА А. О., МАТЫЦИН Д. Е. Инвестирование в цифровые права с использованием инвестиционных платформ: специфика правоотношений	85
КАЛИНИЧЕНКО А. И., ЧИКОВАНИ М. А. Критерии допустимости доказательств. Взгляд практика	94
КОЗЛОВА Е. Б., ФОМЕНКО Е. В. Политические факторы развития предпринимательской среды России на современном этапе	100
КУРСАЕВ А. В., ОСОКИН Р. Б. Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	106
ЛАРИНА Т. В. Влияние глобализации на формирование источников частного права	113
МЕЦГЕР А. А. Демократия как форма политического (государственного) режима: историко-правовой аспект	123
МОЛОТКОВ М. Б. Пропаганда правовых знаний как обязанность полиции	129
НИЗАМЕТДИНОВ А. М., ПОТАПЕНКОВА И. В. К вопросу о привлечении к административной ответственности юридических лиц, допускающих нарушения в сфере безопасности дорожного движения	134
НОВИКОВА С. В. Защита прав и интересов заказчика в государственных контрактах для государственных нужд	139
ОЛЬШЕВСКАЯ А. В. Теоретико-правовые основы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания	148
ОЛЬШЕВСКИЙ А. В., ЖЕСТКОВ К. В. Личное поручительство в органах внутренних дел	156
ПОПОВА Л. И. Актуальные проблемы и тенденции развития института самозащиты гражданских прав в России	162
ПОПОВА Н. Ф., НИКОЛАЕВА Ю. В. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в условиях санкций	168
ПРОТАС Е. В. Проблема беспилотника как нового субъекта гражданского права: транспорт без человека и субъект ответственности	175
ПРОХОРОВА Е. А. О проявлении диалектической закономерности сбрасывания формы в уголовно-процессуальном праве	180
РУМЯНЦЕВ Н. В. Противодействие правоохранительными органами экстремистской и террористической угрозам как фактор обеспечения безопасности государства: организационно-правовой аспект	185
САРКИСЯН А. Ж. Количественно-качественные показатели преступности в киберпространстве	190
СОЙНИКОВ С. А. Средства подвижной радиотелефонной связи: понятие и применение	198
УСТИМОВА С. А. Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий	202

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ЧИЖИК А. П. Теоретические основы правового регулирования конкуренции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.....	206
ЧИСТОВА Л. Е. Значение криминальных ситуаций, возникающих при незаконном изготовлении и производстве наркотических средств.....	212
ШАГИЕВА Р. В., РЫЖИК А. В. Методологические подходы к исполнению обязательств	215
ШЕЛЕНГОВСКИЙ П. Г. Институт прав и свобод человека и гражданина в истории государства и гражданского общества	222
ШУРУХНОВА Д. Н. Современный этап цифровизации законодательства об административной ответственности: состояние, риски, перспективы развития	227

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Финансы

АРТЕМЬЕВ Н. В., МИТЯКОВ Е. С. Система экономической безопасности организации в условиях инновационных и цифровых преобразований	231
БЫКОВСКАЯ Ю. В. Современные тенденции преступности экономической направленности в Российской Федерации	240
КОБЛОВ С. В. Факторы корпоративного управления бизнесом российских компаний/организаций и развития экономики в современных условиях	248
МЯЧИН Н. В. Методика противодействия преступности в рамках экономической политики	257
ЦХАДАДЗЕ Н. В. Выгоды и риски импортозамещения в экономике	262

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

КАЛИНИЧЕНКО И. А., КОСТИНА Л. Н. «Информационный след личности» в контексте осуществления профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации	271
НИКОЛАЕВА Ю. В. Особенности работы психолога органов внутренних дел в зоне чрезвычайных ситуаций	275
РЕАН А. А., СТАВЦЕВ А. А. Семья и школа как факторы риска и профилактики агрессии молодежи: современные вызовы	280
ШАРАФУТДИНОВА Н. В. Эмпирическая верификация ресурсов профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел	287

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
Winner of the Award of the
Government of Russia in the field
of Education, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
M. A. Vyakhireva

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

**Editorial Staff address:
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official**

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 3 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

AMELCHAKOVA V. N., SUSLOVA G. N. On the issue of the subject and limits of evidence in the proceedings on administrative offenses.....	12
ANTONYAN YU. M. Mental dependence and fanatical criminal behavior.....	17
AKHYADOV E. S.-M. Prevention of extremism and terrorist behavior of youth in the Internet space	22
BAYMUKHAMETOVA G. M. The principle of transformation of criminal consciousness in mediation: the way to rehabilitation and crime prevention	26
BAKANOV K. S. Program-target and project method of management in the field of road safety (retrospective analysis).....	30
BRYANSKAYA E. V. Issues of implementation of state policy in the field of anti-corruption and problems of the process of proof in the investigation of certain types of corruption acts	39
BULATOV R. B. Constitutional and legal guarantees of personal human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: the concept and mechanism of their implementation	45
GANDILOV T. M. International sanctions as a breach of ethical principles of contract law and measures for the protection of national interests of Russia	50
DARMENOV A. D. Evolution of principles: detailing, effectiveness and prospects for introducing new concepts.....	55
ELINSKIY V. I. Organization of control over the production of initial investigative actions and the appointment of forensic examinations	61
EPIFANOV A. E. Political programs of the «main» parties in the period of the elections to the Constituent Assembly in 1917	67
ZAITSEV O. A., SHKHAGAPSOEV Z. L. Countering extremism as a priority area of the criminal policy of the Russian state	72
IVANTSOV S. V., BORISOV S. V. Current issues of criminal law counteraction sabotage activities.....	78

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

**Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)**

Order № 165

*It is sent for the press 19.06.2024
Contractual price*

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

INSHAKOVA A. O., MATYTSIN D. E. Investing in digital rights using investment platforms: specifics of legal relations	85
KALINICHENKO A. I., CHIKOVANI M. A. Criteria for the admissibility of evidence. A practitioner's view	94
KOZLOVA E. B., FOMENKO E. V. Political factors of the development of the Russian business environment at the present stage.....	100
KURSAEV A. V., OSOKIN R. B. Particular issues of criminalization and qualification of the distribution of pornographic materials using information and telecommunication networks.....	106
LARINA T. V. The impact of globalization on the formation of sources of private law.....	113
METSGER A. A. Democracy as a form of political (state) regime: historical and legal aspect	123
MOLOTKOV M. B. Promotion of legal knowledge as a police responsibility	129
NIZAMETDINOV A. M., POTAPENKOVA I. V. On the issue of bringing to administrative responsibility legal entities that commit violations in the field of road safety.....	134
NOVIKOVA S. V. Protection of the rights and interests of the customer in government contracts for government needs.....	139
OLSHEVSKAYA A. V. Theoretical and legal bases of administrative responsibility of persons with special titles	148
OLSHEVSKIY A. V., ZHESTKOV K. V. Personal guarantee in the internal affairs bodies.....	156
POPOVA L. I. Current problems and trends in the development of the institute of self-defense of civil rights in Russia	162
POPOVA N. F., NIKOLAEVA YU. V. Administrative and legal support of economic security in the context of sanctions.....	168
PROTAS E. V. The problem of the drone as a new subject of civil law: transport without human and subject of responsibility	175
PROKHOROVA E. A. On the manifestation of the dialectical pattern of dropping the form in criminal procedural law	180
RUMYANTSEV N. V. Countering extremist and terrorist threats by law enforcement agencies as a factor in ensuring state security: organizational and legal aspect	185
SARKISYAN A. ZH. Quantitative and qualitative indicators of crime in cyberspace.....	190
SOYNIKOV S.A. Mobile radiotelephone communications: concept and its application	198
USTIMOVA S. A. Protection of the rights of consumers of banking services in the context of the development of digital technologies	202

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

CHIZHIK A. P. Theoretical foundations of legal regulation of competition in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs.....	206
CHISTOVA L. E. The significance of criminal situations arising from illegal manufacturing and production of narcotic drugs	212
SHAGIEVA R. V., RYZHIK A. V. Methodological approaches to the fulfillment of obligations.....	215
SHELENGOVSKY P. G. Institute of human and civil rights and freedoms in the history of the state and civil society	222
SHURUKHNOVA D. N. The current stage of digitalization of legislation on administrative responsibility: status, risks, development prospects	227

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

ARTEMIEV N. V., MITYAKOV E. S. System of economic security of an organization in the context of innovative and digital transformations.....	231
BYKOVSKAYA YU. V. Current trends in economic crime in the Russian Federation	240
KOBLOV S. V. Factors of corporate business management of Russian companies/organizations and economic development in modern conditions.....	248
MYACHIN N. V. Methods of combating crime in the framework of economic policy.....	257
TSKHADADZE N. V. Benefits and risks of import substitution in the economy.....	262

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

KALINICHENKO I. A., KOSTINA L. N. «Information trace of a person» in the context of professional psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation	271
NIKOLAEVA YU. V. Features of the work of a psychologist of the internal affairs bodies in the emergency zone	275
REAN A. A., STAVTSEV A. A. Family and school as risk and prevention factors of youth aggression: contemporary challenges.....	280
SHARAFUTDINOVA N. V. Empirical verification of the resources of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies.....	287

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-12-16>

EDN: <https://elibrary.ru/xvflnc>

НИОН: 2003-0059-3/24-040

MOSURED: 77/27-003-2024-03-239

К вопросу о предмете и границах доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях

Венера Наимовна Амельчакова¹, Галина Николаевна Суслова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, venera_amel63@mail.ru

² Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия, gn_suslova@mail.ru

Аннотация. Анализируются различные точки зрения, сложившиеся в научном сообществе и административно-деликтном законодательстве, о границах и предмете доказывания, формируются способы совершенствования данных дефиниций.

Ключевые слова: административное правонарушение, предмет доказывания, средства доказывания, оценка материальных носителей информации (доказательств), границы доказывания

Для цитирования: Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н. К вопросу о предмете и границах доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 12–16. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-12-16>. EDN: XVFLNC.

Original article

On the issue of the subject and limits of evidence in the proceedings on administrative offenses

Venera N. Amelchakova¹, Galina N. Suslova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, venera_amel63@mail.ru

² Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia, gn_suslova@mail.ru

Abstract. The various points of view that have developed in the scientific community and administrative-tort legislation on borders and the subject of proof are analyzed, and ways to improve these definitions are being formed.

Keywords: administrative offense, subject of proof, means of proof, assessment of material media (evidence), boundaries of proof

For citation: Amelchakova V. N., Suslova G. N. On the issue of the subject and limits of evidence in the proceedings on administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):12–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-12-16>. EDN: XVFLNC.

Доказывание в производстве по делам об административных деликтах представляет совокупность действий, направленных на выявление (собираение), оформление, исследование и оценку всех имеющихся по делу доказательств, которые, в совокупности, позволяют достоверно установить истину по конкретному правонарушению.

Российской научной доктриной предлагается использовать две модели доказывания, которые применяются в зависимости от объема доказывания. Так, к

примеру, С.В. Курылевым предложена модель доказывания, согласно которой этот процесс представлен сбором и исследованием доказательств, а оценочные действия автором предлагается вывести за пределы данного терминологического определения, поскольку оценка имеющихся доказательств производится в соответствии с законами мышления [1]. Так, например, ученый утверждал, что доказательство — это известный суду факт, находящийся в тесной связке с неизвестной составляющей, а, следовательно, связывая эти

институты воедино, становится возможным добиться соотношения конечной взаимосвязи с реальной действительностью [2].

Таким образом, одна из предлагаемых наукой моделей доказывания состоит в восприятии доказательств в двояком толковании: во-первых, как сведений, которые представляют сами средства доказывания (к примеру, показания свидетелей и вещественные доказательства), а во-вторых, как предусмотренные законодателем средства доказывания. С ним солидарны Н. Г. Юркевич, В. Г. Тихини, А. И. Голубева [3].

Вторая модель доказывания состоит в том, что доказывание – единый процесс, в содержание которого входит собирание, исследование и оценка доказательств, основанный на совокупности практической и мыслительной деятельности, направленный и регулируемый в пределах, строго определенных законодателем. Сторонником данной модели доказывания является М. С. Строгович [4]. Данная позиция получила поддержку у И. В. Пановой и А. Б. Панова, которые предположили, что стадия доказывания должна представлять собой мыслительный процесс, который в своей дальнейшей трансформации (обогащение информацией) должен привести к логическому заключению в виде результата относительно этого процесса [5].

Обобщив мнения вышеприведенных авторов, в свою очередь, Е. С. Бухтеева пришла к выводу, что объективная истина являет собой совокупность установленных объективных обстоятельств по событию, по причиненному ущербу и данных о личности, полученных на основе достоверных доказательств, отражающихся в реальной действительности [6].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что в научной российской доктрине превалирует две модели доказывания, одна из которых состоит в том, что мыслительная деятельность должна быть сопоставима с ее результатом, вторая же, напротив, предлагает разграничивать эти процедуры.

Доказывание в административно-деликтном производстве формируются на основе определенных характеристик, из которых наиважнейшей, по сути, составляющей «сердцевину» всего доказательного процесса, является предмет доказывания. КоАП РФ не содержит нормы, содержащей разъяснение понятия предмета доказывания и, как следствие, данное понятие сформировано практикой, вследствие чего трактуется неоднозначно.

Обстоятельства, которые подлежат доказыванию, проистекают из диспозиции нормы материального права, которое будет определяться как применимое к данным правоотношениям. И когда суд устанавливает предмет доказывания, он устанавливает норму, применимую к этим правоотношениям, и соответственно, ошибка суда на этой стадии может привести и приводит в случае ложности установления предмета доказывания и нормы, которая будет применима, к неправильному решению, отменяемому или изме-

няемому впоследствии. Так, например, согласно акту (протоколу) об административном правонарушении, оформленного в отношении лица, нанесшего телесные повреждения потерпевшей, оцененные как не причинившие вреда здоровью, — побои. Данные действия квалифицированы должностным лицом по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Между тем, суд установил, что одних только показаний потерпевшей и заключения эксперта недостаточно для установления виновности лица. В материалах дела имеются показания свидетеля, которые опровергают показания потерпевшей. Таким образом, установив, что неопровержимых доказательств, подтверждающих вину правонарушителя в причинении потерпевшей насильственных действий, причинивших ей физическую боль, материалы дела не содержат и не доказаны в судебном заседании, суд закрыл дело об административном правонарушении в связи с отсутствием события административного правонарушения [7].

В другом деле по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, основаниями для привлечения лица к ответственности явились выводы мирового судьи о том, что привлекаемый к административной ответственности управлял автомобилем, будучи в состоянии алкогольного опьянения. Между тем, кассационный суд, рассмотрев материалы жалобы, установил наличие в материалах дела видео документов, в которых ни процедура освидетельствования, ни отстранение правонарушителя от управления транспортным средством, не зафиксированы. Учитывая изложенное, кассационный суд отменил постановление мирового судьи и возвратил дело на новое рассмотрение [8].

Обобщив судебную практику, стало возможным прийти к выводу о том, что, четко определив предмет доказывания, вся остальная доказательственная основа будет выстраиваться под него, и соответственно, неверное определение предмета доказывания делает бесполезными все остальные доказательства, имеющиеся в материалах дела.

Российской научной доктриной подтверждена тесная взаимосвязь правовых категорий «предмет доказывания» и «пределы доказывания», которые одновременно являются по отношению друг к другу как цель и средство доказывания, но содержание их наполняемости различно [9, с. 6–7; 10, с. 73–76; 11; 12; 13]. Учитывая, что законодательного разъяснения понятия «пределов доказывания», не дано, указанное обстоятельство провоцирует научные споры относительно его юридической природы. Так, М. Ю. Мурашов предлагал под «доказыванием понимать необходимую и достаточную совокупность доказательств, которая, будучи собранной по делу, обеспечивает его правильное разрешение путем установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [14, с. 11]. А. А. Пеков полагал, утверждал, что это «степень доказанности обстоятельств, подлежащих установлению, достаточную для построения выводов разных степеней вероят-

ности или обоснования достоверности» [15, с. 47–48]. «В качестве границы познавательного действия органа административной юрисдикции, определяемой моментом перехода количественного результата доказательственной деятельности в качественные показатели, позволяющие достичь цели доказывания», рассматривает данное понятие Т. В. Казина [16].

Необходимо отметить, что должностные лица и уполномоченные органы, в содержание деятельности которых входит определение пределов доказывания, оценивают такие пределы самостоятельно, опираясь на факты, которые, по мнению последних, необходимы и достаточны для того, чтобы прийти к законному и обоснованному выводу по рассматриваемому административному деликту. Данные обстоятельства позволяют утверждать о том, что определение границ доказывания выступает в качестве самостоятельной стадии при оценке доказательств. Таким образом, согласно смыслу ст. 26.11 КоАП РФ, в соответствии с которой судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу.

Названная статья определяет правовые границы доказывания и, соответственно, в строго определенных пределах оцениваются доказательства.

Однако необходимо отметить, что в научных кругах отсутствует единая позиция относительно такого вывода. К примеру, И. В. Захаренкова утверждает, что «одной законодательной (в научной интерпретации) трактовки пределов доказывания явно недостаточно для того, чтобы разрешить задачи, поставленные перед производством по делам об административных правонарушениях» [11]. В качестве доводов вышеуказанный автор приводит тот факт, что состояние «внутреннего убеждения» нельзя отнести в полной мере к правовой категории. Стоит согласиться с высказанным мнением, поскольку в реальности не представляется возможным предложить рекомендации по формированию этого критерия. Кроме того, четкое следование данным рекомендациям (даже если они и были разработаны) невозможно проверить с логико-мыслительной позиции, а также невозможно составить перечень условий и обстоятельств (объективных и субъективных), которые могут повлиять на формирование «чувства убежденности». Как представляется, учитывая, что каждый человек (судья, уполномоченный орган) является индивидуумом со своим индивидуальным внутренним миром, хоть и ограниченным законодательными рамками, мнения относительно каждой конкретно взятой ситуации могут быть различны, что уже связано со сферой психологии, воспитания, внутренней культурой и правовым сознанием.

Следовательно, на основе вышеизложенного возможно формирование дефиниции «внутреннее убеждение», не поддающееся логическим законам, достаточно сложно использовать в качестве правовой категории, что создает невозможность использования этого института в практической деятельности и применения в рекомендациях по оценке доказательств в административно-юрисдикционном производстве.

В соответствии с воззрениями М. Д. Харлановой, необходимо разработать и применять комплексный подход к понятию данной категории. М. Д. Харланова обосновывает это следующим: выявление закономерностей процесса формирования «внутреннего убеждения» необходимо изучать сквозь призму процесса формирования этого явления, что позволит обнаружить и зафиксировать закономерности, для него характерные, а также выявить факторы, оказывающие непосредственное влияние на конечный результат и обеспечивать истинность результатов, а также их последующую проверяемость [17].

Вместе с тем, изучив различные точки зрения ученых, считаем возможным предложить собственное понятие критерия «внутреннее убеждение» — это сформированная логическая мысль относительно обстоятельств совершения административного правонарушения, основанная на интеллектуальном и мыслительном логическом исследовании всех аргументов сторон по делу, приводящая в итоге к результату, соотносимому с законодательными нормами, позволяющему установить реальные события по конкретному факту совершения правонарушения.

С учетом того факта, что категория «пределы доказывания» носит явно усмотрительный и оценочный характер, и, соответственно, законодательное определение этому критерию сформулировать достаточно сложно, можно говорить о необходимости соответствия собранных административно-деликтному делу сведений качественные и количественные показатели которых лежат в основе принятия решения по делу.

Подводя итог, следует констатировать, границы доказывания в рамках административно-деликтного производства определяются совокупностью материальных носителей информации, позволяющих на основе их оценки вынести законное и обоснованное решение по делу об административном правонарушении.

Список источников

1. Булаева А. А., Нестолый В. Г. Понятие доказательства по учению профессора С. В. Курылева // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Байкальский студенческий юридический форум-2019 : Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 21 марта 2019 г. / Ответственные редакторы Э. И. Де-

- вицкий, С. И. Суслова. Т. 2. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 251–256.
2. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии // Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 303–474.
 3. Гражданский процесс БССР. В 4 ч./ под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск : Выш. Школа, 1979–1982. 4 ч.
 4. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : АН СССР, 1956.
 5. Панова И. В., Панов А. Б. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях // Журнал «Публичное право сегодня». № 2. II квартал 2023 г. С. 68–77.
 6. Бухтеева Е. С., Якубина Ю. П. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию // Безопасность личности, общества и государства : теоретико-правовые аспекты : сборник тезисов выступлений участников международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2019 г. / Сост.: А. В. Афанасьев, А. В. Ефимовский, О. С. Кравченко. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 73–77.
 7. Постановление Дербентского городского суда (Республика Дагестан) по делу № 5-393/2019 от 21 ноября 2019 г. // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/caylHvjAEHdO/> (дата обращения: 31.12.2023).
 8. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 16-5875/2023 от 01 ноября 2023 // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASC> (дата обращения: 03.12.2023).
 9. Абдуллаев А. Ш. Структура предмета доказывания и ее влияние на пределы доказывания // Проблемы совершенствования законодательства : Сборник научных статей студентов юридического факультета. Том Выпуск 88/20. Махачкала : Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020.
 10. Габилова Б. Ш. Структура предмета доказывания и ее влияние на пределы доказывания // Проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных статей студентов юридического факультета. Том Выпуск 88/20. Махачкала : Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020.
 11. Захаренкова И. В. Предмет и пределы доказывания по делам об административных правонарушениях // Правовестник. 2017. № 1(2). С. 6–9.
 12. Суденко В. Е. Понятие предмета доказывания и его пределы // Военное право. 2022. № 4(74). С. 208–215.
 13. Сырчин Е. А. К вопросу о предмете и пределах доказывания // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы российской Федерации : сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Сыктывкар, 26–27 апреля 2022 года. Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2022. С. 154–158.
 14. Мурашов М. Ю. Доказывание по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела, совершенных с использованием морских судов : по материалам Дальневосточного региона : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
 15. Пеков А. А. Доказательства и доказывание по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
 16. Казина Т. В. Процесс доказывания по делам об административных правонарушениях (комментарий законодательства) // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g15&req=doc&cacheid=F701>.
 17. Харланова М. Д. К вопросу об определении понятия внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств // Теория и практика общественного развития. 2023. № 1(179). С. 101–108.

References

1. Bulaeva A. A., Nestoliy V. G. The concept of proof according to the teachings of Professor S. V. Kurylev // Modern problems of law-making and law enforcement: Baikal Student Law Forum 2019 : Materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 21, 2019 / The responsible editors are E. I. Devitsky, S. I. Suslova. Volume 2. Irkutsk : Irkutsk Institute (branch) VGUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. P. 251–256.
2. Kurylev S. V. Fundamentals of the theory of proof in Soviet justice // Selected works. Minsk : Editorial office of the journal «Industrial and Commercial Law», 2012. P. 303–474.
3. Civil procedure of the BSSR. In 4 parts / edited by N. G. Yurkevich, V. G. Tikhini. Minsk : Vysh. School, 1979–1982. P. 4.
4. Strogovich M. S. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. Moscow : USSR Academy of Sciences, 1956.
5. Panova I. V., Panov A. B. Evidence in proceedings on administrative offenses // Journal «Public Law today». № 2. II quarter 2023. P. 68–77.
6. Bukhteeva E. S., Yakubina Yu. P. On the question

- of circumstances to be proved // Security of the individual, society and the state : theoretical and legal aspects : collection of abstracts of speeches by participants of the international scientific and theoretical conference, St. Petersburg, May 16–17, 2019 / Comp.: A. V. Afanasyev, A. V. Efimovsky, O. S. Kravchenko. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. P. 73–77.
7. Resolution of the Derbent City Court (Republic of Dagestan) in case № 5-393/2019 dated November 21, 2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/caylHvjAEHdO/> (accessed: 31.12.2023).
 8. Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in case № 16-5875/2023 from November 01, 2023 // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASC> (accessed: 03.12.2023).
 9. Abdullaev A. S. The structure of the subject of proof and its influence on the limits of proof // Problems of improving legislation : collection of scientific articles by students of the Faculty of Law. Volume 88/20 Issue. Makhachkala : ALEF Limited Liability Company, 2020.
 10. Gabibova B. S. The structure of the subject of proof and its impact on the limits of proof // Problems of improving legislation: Collection of scientific articles by students of the Faculty of Law. Volume 88/20 Issue. Makhachkala : ALEF Limited Liability Company, 2020.
 11. Zakharenkova I. V. The subject and limits of evidence in cases of administrative offenses // Pravovestnik. 2017. № 1(2). P. 6–9.
 12. Sudenko V. E. The concept of the subject of proof and its limits // Military law. 2022. № 4(74). P. 208–215.
 13. Syrchin E. A. On the issue of the subject and the limits of proof // Actual problems of formation and development of the legal system of the Russian Federation : collection of reports of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, undergraduates and postgraduates, Syktyvkar, April 26–27, 2022. Syktyvkar : Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, 2022. P. 154–158.
 14. Murashov M. Yu. Proving cases of administrative offenses in the field of customs affairs committed using naval vessels : based on the materials of the Far Eastern region : abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Sciences. M., 2006.
 15. Pekov A. A. Evidence and proof in cases of administrative offenses : dissertation of the candidate. leg. sciences. Volgograd, 2000.
 16. Kazina T. V. The process of proof in cases of administrative offenses (commentary on legislation) // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g15&req=doc&cacheid=F701>.
 17. Kharlanova M. D. On the question of defining the concept of internal conviction of the subject of evidence assessment // Theory and practice of social development. 2023. № 1(179). P. 101–108.

Информация об авторах

В. Н. Амелъчакова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Г. Н. Суслова — доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Amelchakova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. N. Suslova — Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Preparation of the Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-17-21>

EDN: <https://elibrary.ru/yakyyk>

НИОН: 2003-0059-3/24-041

MOSURED: 77/27-003-2024-03-240

Психическая зависимость и фанатичное преступное поведение

Юрий Миранович Антонян

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, antonyann@yandex.ru

Аннотация. Исследуется фанатичное преступное поведение в аспекте психической зависимости человека от идеи, представления, учения, воззрения и т. д., которые становятся для него объектом фанатичного поклонения. Даны понятия фанатизма и его составляющих. Предпринята попытка представить психоаналитическое объяснение фанатизма и его причин на индивидуальном и коллективных уровнях. Предполагается, что фанатизм в основном функционирует в области религии, политики, национализма, но возможно его проявление и в иной сфере, например, в быту. Фанатизм связывается с таким социальным явлением, как толпа, в связи с чем объясняется ее структура и особенности. Высказывается гипотеза, что фанатизм в основном присущ людям толпы.

Ключевые слова: фанатизм, психическая зависимость, фанатичная личность, фанатичное преступное поведение, толпа

Для цитирования: Антонян Ю. М. Психическая зависимость и фанатичное преступное поведение // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 17–21. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-17-21>. EDN: YAKYYK.

Original article

Mental dependence and fanatical criminal behavior

Yuri M. Antonyan

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, antonyann@yandex.ru

Abstract. The fanatical criminal behavior in the aspect of a person's mental dependence on an idea, idea, teaching, view, etc., which becomes for him the object of fanatical worship, is being examined. The concepts of fanaticism and its components are given. An attempt is made to present a psychoanalytic explanation of fanaticism and its causes at the individual and collective levels. It is assumed that fanaticism mainly functions in the field of religion, politics, and nationalism, but it is also possible for it to appear in another sphere, for example, in everyday life. Fanaticism is associated with such a social phenomenon as a crowd, and therefore its structure and features are explained. It is hypothesized that fanaticism is mainly characteristic of crowd people.

Keywords: fanaticism, mental dependence, fanatical personality, fanatical criminal behavior, crowd

For citation: Antonyan Yu. M. Mental dependence and fanatical criminal behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):17–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-17-21>. EDN: YAKYYK.

Наука давно пытается понять, почему смертник взрывает себя и окружающих, ни в чем не повинных людей, которых считает врагами, почему совершаются террористические акты, влекущие гибель многих людей, почему человек уходит в скит, отказываясь от всех радостей жизни, почему... Впрочем, можно продолжить.

Фанатизм многолик и не обязательно преступен, ведь можно представить себе футбольного фанатика

(«фаната»), который ничем, кроме футбола, в жизни не интересуется и «своя» команда для него сверхценна. Противниками для такого «фаната» будут «фанаты» других команд, с которыми он отнюдь не собирается расправиться физически, но способен до истощения защищать «своих» словом. Такой же мирный фанатизм можно констатировать среди религиозных людей, например, пожилых, одиноких женщин, для которых истая вера является главной, даже единственной

© Антонян Ю. М., 2024

опорой и защитой в жизни. Фанатизм может лежать в основе патриотизма, когда ради победы над врагами Родины совершаются самоубийственные подвиги, которые никогда не забудут, например, в нашей стране. Фанатизмом пронизано все самозабвенное, жертвенное поведение верящих в политическую идею, если иметь в виду таких безупречно моральных людей как Николай Островский.

Фанатичное, как пишет П. Концен, «связано со всеми аспектами человеческой сущности: сознательными и бессознательными, рациональными и иррациональными, здоровыми и патологическими. Оно может остаться скрытым, а может вспыхнуть, охватить как личность, так и целые массы. Склонность впадать в крайности, склонность к расщеплению и проекции берет свое начало в глубинах человеческой психики. Но фанатичные идеи могут охватить общество в целом, нередко их разжигают влиятельные организации, чтобы затем использовать в своих целях. Фанатизм — это, пожалуй, самая загадочная из всех человеческих страстей. Почему в тоталитарных системах одни превращаются в садистов, а другие — в «Шиндлеров» человечества? Почему в Новой Англии охота на ведьм проходила совсем не так, как в ранней Европе — относительно мягко? Почему в некоторых подавленных группах возникает терроризм, а в других, еще более обделенных — нет» [1, с. 203].

Под фанатизмом принято понимать слепую, безоговорочную приверженность, веру каким-либо идеям, идеалам, верованиям или воззрениям, доведенную до радикальности, иступления, жертвенности при нетерпимости и иным взглядам и убеждениям. Фанатизм представляет собой догматизм в области мысли и деспотизм в области действия. В первой области фанатик демонстрирует очень строгие стандарты и приверженность им, а во второй способен решиться на уничтожение инакомыслящего. Фанатик всегда в борьбе, а фанатизм возможен только в том случае, если есть иной взгляд, иное отношение к данной идее, воззрению и т. д.

У фанатика замкнутый ум, он не слышит другого и не стремится его понять и в то же время может быть оскорблен критикой, собственных или заимствованных и ставших своими мыслей и идей. Фанатик с замкнутым умом может быть отличным солдатом, если власти требуется самоубийственный воин; он может стать известным священнослужителем, если даже проповедует явления, порицаемые Учителем, но нужные для господствующего режима; он будет любимцем публики, если станет сочинять ура-патриотические книги, не имеющие ничего общего с любовью к Родине. Замкнутый ум способен доводить до неистовства и изуверства.

Можно предположить, что фанатизм появился еще до рождения цивилизации, когда надо было защитить свой род или племя и своих божеств, а поэтому нужно

было проявить к ним приверженность и преданность, отстаивать их даже буйно и иступленно. Не случайно сам термин «фанатизм» означал приверженность культовым явлениям, которые составляли духовную основу жизни древнего человека. Это было у него самым главным, и без них рушился весь мир, в котором всегда действовали или были готовы действовать бесчисленные, вездесущие тайные силы. Без обязательного их учета, он никогда ничего не предпринимал. В этом отношении фанатик похож на древнего человека, он ведь тоже постоянно следует тем указаниям своего лидера, слову избранного учения, причем иногда указаниям, невидимым или не значимым для других, что является главным и единственным условием успеха или победы для него.

Фанатизм представляет собой абсолютную, страстную, неделимую преданность идее — политической, религиозной, экономической, бытовой и любой другой, поглощающей человека без остатка. Эта преданность критики составляет основу его существования, указывает на то, как жить, а поэтому ее утрата может быть равносильна утрате идентичности личности, ее убеждений, которые нередко приходится отстаивать путем агрессии. Преданность идее, оценка ее как самой главной и необходимой может порождать ненависть к ее врагам и необходимость их уничтожения. Такая форма фанатизма наиболее криминогенна.

Самое страшное, когда государственную власть захватывает фанатичные злодеи (например, Гитлер) или когда такой властью пользуются для реализации фанатичных идей (например, Ленин). И в том, и в другом случаях это влечет за собой гибель миллионов людей. Но еще самое страшное, когда ради политических, националистических, и (или) религиозных идей, из ненависти к ее противникам или вообще несогласных с ними устраивают массовые террористические акты (например, 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, 22 марта 2024 года в Московской области).

П. Концен писал, что история человечества — это история фанатизма, ведь радикальные верующие всех мастей причинили в свое время больше зла, чем все подлецы и психопаты вместе взятые [1, с. 13]. С последним утверждением, что радикальные верующие причинили больше зла, чем все подлецы и психопаты, можно согласиться. Однако представляется неверным мнением, что история человечества — это история фанатизма. Ведь фанатизм — это безоглядная вера не только в необходимые данному лицу представления и идеи, использование для реализации чрезмерных способов, но и попадание в жесткую психическую зависимость от них. История показывает, что подавляющее большинство людей ровно и спокойно относились к наиболее важным идеям, ценностям и другим указующим как жить явлениям. Наряду с ними всегда находились и такие, которые попадали в психическую зависимость от них и жили ими [1, с. 13].

Идеи, приверженность и поклонение которым разжигает фанатизм, могут формировать отдельные люди, удовлетворяя при этом общественные потребности и изначально будучи порождены ими. Таковы были, например, идеи Маркса и Энгельса о коммунизме, поскольку они обещали всеобщее счастье и благополучие, но привели лишь к разочарованию и миллионам жертв. Гитлер обещал немцам процветание и сплошные успехи, а все закончилось Освенцимом и полным разгромом Германии. Современные исламские фанатики имеют весьма туманные представления о том, ради какой общественной цели они убивают, но продолжают делать так ради самого убийства, уничтожение тех, кто думает и действует не как они.

Преданность идее тем быстрее и основательнее переходит в массовый фанатизм, чем больше отдельных людей стремится к идентификации с главным носителем (носителями) захватывающей идеи. В. Райх писал, что чем беспомощней становится «массовый индивид» (благодаря своему воспитанию), теми отчетливей преступает его идентификация с фюрером и тем глубже детская потребность в защите прячется в чувство его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации». Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником «национального наследия» и «нации». Это ощущение не позволяет ему презирать массы и противопоставлять себя им в качестве индивидуума [2, с. 85].

Эти положения относимы, конечно, не только к нацистской Германии, но и к любой иной тоталитарной стране. Совершенно точно отмечает В. Райх и утерю «массовым фанатиком» своей индивидуальности, и растворение его в коллективе, массе. Такой личностью гораздо проще управлять и претворять в жизнь преступные приказы.

Вместе с тем, П. Концен прав, что сегодня из комбинации фундаменталистского духа и оружия массового поражения произрастают новые угрозы апокалиптического масштаба. Основательное научное исследование феномена фанатизма, просвещение и профилактика необходимы, как никогда. Фанатичное связано со всеми аспектами человеческой сущности: сознательными и бессознательными, рациональными и иррациональными, здоровыми и патологическими. Оно может остаться скрытым, а может вспыхнуть, охватить как отдельного человека, так и целые массы. Склонность впадать в крайности, склонность к расщеплению и проекции берет свое начало в глубинах человеческой психики [2, с. 13–14].

Мысль о склонности впадать в крайность происходит из глубин человеческой психики, она очень важна для понимания психической зависимости от сверхважной для данного субъекта идеи. Ведь это оз-

начает, что взаимодействие с идеей функционирует по большей части вне сознания и поэтому недостаточно им контролируется. Зависимость укрепляется потому, что она составляет основу мироощущения и самопринятия, хотя он далеко не всегда способен объяснить, почему ему так нужна эта идея и в чем ее ценность. Однако человек чувствует, что только она для него важна и ее утрата способны привести его к полному краху. Человек с таким нездоровым пристрастием может заставить других силой обратить в свою веру и разделить свои убеждения. При этом он не обращает внимание на то, что те идеалы и то учение, которое он навязывает другим, проповедуют прямо противоположное. Так, сердцевиной христианства, которое грубо и жестоко, сопровождаемое убийствами, обрушивалось на нехристиан или христиан, но верующих неправильно, являются ненасилие, любовь и милосердие.

Тревожная личность с невысоким интеллектуальным уровнем, доверчивая и некритичная может сравнительно легко поверить в новую политическую идею, особенно если она ей «открывает глаза», указывает на причины неудач, на их виновников, определяют дальнейший жизненный путь, обещают вхождение в желаемую общность и, что очень важно, защиту. Такой человек, а это человек толпы, обычно простодушен, но простодушие не следует понимать как доброту и открытость. Простодушие здесь это понимание лишь простых и сразу же доступных истин, не требующих доказательств. Простодушная личность, а это почти всегда субъект толпы, начинает верить в предлагаемую политическую идею и в того, кто ее проповедует. Последний, как правило, является высокоодаренным человеком и особенно в годы кризисов подстрекает толпу и добиваются неслыханной власти. Когда высокая тревожность охватывает отдельного человека, большую социальную группу или весь народ страны, их фанатичная вера служит им защитой и в то же время определяет высокую агрессивность.

Восприятие религиозных идей и фанатичная вера в них обычно происходит путем семейного воспитания и иных средовых воздействий. Еще ребенку и подростку внушают убеждение в исключительной достоверности данной религии и ее ценностей, в исключительной жизненной необходимости веры только в них. Все иные религии лживы и недостоверны, они, а тем более безверие вообще, лишают человека возможности спасения и поэтому только вредны. Аналогично происходит и усвоение политических теорий.

Любое формирование фанатизма и сверхпреданности имеет место среди людей толпы. Под толпой я понимаю самую крупную социальную группу, объединяющую людей, менее думающих, менее критичных и легковверных с примитивными художественными потребностями и низкой общей культурой. Это то, что называют массой, и она является носителем идеологии; в отличие от нее толпа — стая, например, фут-

больных болельщиков, мала и, как правило, собирается по какому-то определенному поводу. Толпа-масса включает в себя основную часть нации (народа), в нее входят люди разного материального достатка, принадлежащие разным классам и социальным группам, но в основном к рабочим, крестьянам, мелким и средним предпринимателям и среднему классу. Среди них царит легковерие, простодушие, внушаемость, желание иметь идеалы, кумира и следовать за ним, некритичность, нежелание задумываться и принимать самостоятельные решения.

Людей толпы, как очень крупного социального объединения, при их легковерии и простодушии, четко характеризует смутно ощущаемые, но, тем не менее непреодолимое желание перемен, особенно у нуждающихся и неблагополучных, не имеющих должного материального достатка, не достигших в жизни самых важных для них целей. Некритичность, желание верить на слово, не заботясь о доказательствах, — ведущие особенности личности фанатика — человека толпы, охваченного политической, религиозной или иной сверхпреданностью идее. Это дает ему жизненно необходимые блага материального и нематериального характера. Отсюда понятна его психическая зависимость от идеи и страх потерять такую связь; только мужественные и интеллектуально неординарные люди и только при определенных обстоятельствах способны отказаться от нее. Обстоятельства играют роль толчка.

Самая важная проблема в познании фанатизма состоит в понимании того, почему он существует, в чем его смысл и необходимость, особенно когда он облекается в деструктивную харизму. Для этого необходимы привлечение исторических, экономических, философских, психологических психоаналитических, этических, этнологических знаний. Психоанализ очень необходим, поскольку именно он способен указать на потаенные истоки насилия, которое является самым опасным следствием фанатизма. Фанатичное насилие способны проявлять отдельные личности, даже усиливая, укрепляя и направляя его, заражая им других людей и даже целые народы.

История жизни наиболее видных фанатиков может обрастать мистификациями и легендами, соблазняя многих и вовлекая их в фанатическую активность. При этом следует помнить, что фанатический лидер, его соучастники, специальный аппарат маскируют свои действия интересами своей религии, нации или народа. Нам сравнительно легко анализировать причины фанатизма в древности или средневековья, но несравненно труднее понять детерминанты современной преступной фанатичной агрессии. Между тем, есть основания думать, что во все века психологические причины одинаковы у всех народов. Во всех крупных исторических событиях необходимо определять присутствие или отсутствие фанатизма и фанатиков, особенно фанатичных вождей.

Фанатик возводит себя в ранг наивысшего морального судьи, не понимая, что на самом деле низводит себя, даже становясь объектом карикатурного высмеивания. Вспомним в этой связи Гитлера и кинофильм «Великий диктатор» Ч. Чаплина. Самым фанатикам юмор и сатира недоступны, они во власти своих сверхидей и воззрений, часто не понимая мазохистской сущности своего поведения и отношения к себе. Все это общие черты фанатизма, хотя формы его и степень охваченности конкретной личности различны. К фанатикам надо отнести и тех, которые, охваченные религиозной лихорадкой, умерщвляют свою плоть ради приобщения к своему божеству, обеспечения себе места в раю, овладения главными тайнами бытия и т. д. К фанатическим личностям можно причислить и тех, которые в мазохистском упоении приносят себя в жертву. Таковы, например, некоторые персонажи Ф. М. Достоевского (Соня Мармеладова, Настасья Филипповна, Дмитрий Карамазов). Не нужно видеть в них только нечто сугубо русское, подобные образы есть и в культурах других народов.

Научное обоснование фанатизма следует отсчитывать от З. Фрейда, признавая в то же время заслуги в этом А. и М. Мишлен, М. Кляйн, О. Кернберга, Х. Кохута, П. Концена и др. Суммируя их работы, можно предположить, что истоки фанатизма лежат в предэдипальный период жизни человека, т. е. в младенческом существовании, когда он ощущал глобальное зло и глобальное добро в отношении к нему матери. В силу возраста он, конечно, не был способен тогда разобраться ни в одном из материнских к нему отношений, но позже он попытался и сделал это. Но вполне возможно, что следы тех первых воздействий не исчезли и сохранились затем в психике в виде четкого и грубого деления всего наиболее важного на только доброе и только злое, только белое и только черное.

Чтобы выжить, человек такого склада яростно хватается за то, что предощущает как добро, стремясь при этом, не зная пощады, уничтожить то, что представляется злом. Еще им движет убеждение, что зло можно победить и тогда мир, наконец-то, станет справедливым, идеальным, чистым, полным любви и гармонии. Поэтому его попадание в жесткую зависимость от такого восприятия мира вполне естественно, ведь оно сулит счастье и успех. В восприятии мира может присутствовать образ врага, особенно у действующих лиц националистических, политических и религиозных движений, лидеров таких движений и их сторонников. С древних времен человек испытывал потребность постулировать «правильный» путь к правде и счастью всех, даже если для этого требовалось уничтожение всех тех, кто не признавал такой «путь» и тем более препятствовал движению по нему. Отсюда неистребимая потребность в новых учениях о спасении и призывов к омоложению под сегодняшний день старых.

Мы не разделяем мнение Д. Хиллмана о том, что

живем в век психопатии, в век без размышлений и связей, т. е. без духа и без эроса, в век, изгнавший метафоры души на улицы [3, с. 155]. Во все века были фанатики и фундаменталисты, и раньше имелись все основания считать, что наступила эра безумия, например, в годы разгула инквизиции в католической Европе. Она по преимуществу была фанатичной.

Соглашаясь с О. Кернбергом, П. Концен объясняет фанатизм отдельного человека ненавистью, которая представляет собой сильнейший агрессивный аффект, различным образом связанный с установками и характером, распространяясь на все формы деятельности. Ненависть направляется на определенный «злой объект», который вызывает страх и чувство преследования. В мягкой форме ненависть направлена на то, чтобы контролировать объект, держать его как можно дальше от себя, а в более выраженной форме – навредить и обесценить его, даже уничтожить.

Эта связь с объектом тоже делает фанатика психически зависимым от него. Поэтому чаще всего фанатичный человек, особенно в области политики или религии, на бессознательном уровне не стремится избавиться от ненависти, поскольку она ему нужна, чтобы жить. Однако ненависть может маскироваться моралистическими рассуждениями, обычно носящими демагогический характер. Контакт с миром становится не только пустым, но и фрагментальным и не эмпатичным. При патологических расстройствах психики, особенно диссоциальных, ненависть фанатика становится особенно разрушительной, а ее расправа с одним объектом отнюдь не означает ее удовлетворения, особенно если насилие дозволено, как, например, было в гитлеровских концлагерях.

Типичным для фанатического переживания является постоянное наслоение примитивных фантазий на реальные ситуации. Результатом этого становится демонизация, проективное отождествление противника с абсолютным злом, с объектами, что стимулирует насилие по отношению к ним, а также может вызвать у противника такие же враждебные чувства и часто приводит к эскалации взаимного насилия. В основе фанатических образов врага можно заметить иррациональные фантазии отношений. В ситуациях массо-

вого идеологического воодушевления, в контактах с харизматическими личностями, тем более лидерами, человек может впасть в фантазию о своем всемогуществе и наделении противника самыми опасными и отвратительными чертами. Защита от него становится необходимой, для чего требуется мобилизация всего организма и еще более тесная привязка себя к идее и ее главному носителю (носителям). Лозунги о справедливости и истинности своей убежденности здесь наиболее часты.

Необходимо отметить еще одну примечательную особенность фанатизма. В некоторых случаях, особенно при сектантском фанатизме, глава секты может и не быть фанатиком, он лишь эксплуатирует фанатизм других. Отсутствие у него фанатизма может даже интуитивно угадываться членами секты. В этом случае они сосредотачиваются на самой идее, а не на том, кто должен ее олицетворять. В подобной ситуации психическая зависимость от нее все равно будет сильной. В группе люди, вступившие в нее ради самоутверждения, понимания себя и определения жизненных планов, впадают в зависимость не только от объединяющей идеи, но и от других верующих в нее. При этом каждый может потерять себя, что способно поставить его в крайне неустойчивое положение, которое он попытается стабилизировать еще большей зависимостью, все больше подчиняя себя идее и сподвижникам.

Список источников

1. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления. Харьков, 2011.
2. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997.
3. Хиллман Д. Миф анализа. Три очерка по архетипической психологии. М., 2005.

References

1. Conzen P. Fanaticism. Psychoanalysis of this terrible phenomenon. Kharkov, 2011.
2. Reich V. Psychology of the masses and fascism. St. Petersburg, 1997.
3. Hillman D. The Myth of Analysis. Three essays on archetypal psychology. M., 2005.

Информация об авторе

Ю. М. Антонян — главный научный сотрудник НИЦ-1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Information about the author

Yu. M. Antonyan — Chief Researcher of the Scientific Research Center-1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the RSFSR.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-22-25>

EDN: <https://elibrary.ru/xlwiya>

НИОН: 2003-0059-3/24-042

MOSURED: 77/27-003-2024-03-241

Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве

Эльман Саид-Мохмадович Ахьядов

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия, Akhyadov1990@mail.ru

Аннотация. Утверждается, что развитие современных цифровых технологий, прежде всего сети Интернет, имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Активное развитие интернет-технологий дает больше возможностей и преступникам, которые все больше используют достижения прогресса в своих целях. Среди направлений такой деятельности можно выделить пропаганду, подготовку, подстрекательство, а также финансирование терроризма. Профилактика терроризма и экстремизма среди молодежи в России ведется по трем основным направлениям: разработка и принятие новых нормативных актов, совершенствование уже принятых в целях противодействия использования Интернета в террористических и экстремистских целях; информационное противодействие, направленное на формирование и укрепление антитеррористической идеологии; подготовка профессиональных кадров для такой работы. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей работы и совершенствования профилактики экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет, терроризм, профилактика, противодействие, молодежь, интернет-портал, блокировка, удаление, фейк

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FEGS-2024-0017).

Для цитирования: Ахьядов Э. С.-М. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 22–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-22-25>. EDN: XLWIYA.

Original article

Prevention of extremism and terrorist behavior of youth in the Internet space

Elman S.-M. Akhyadov

Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia, Akhyadov1990@mail.ru

Abstract. It is argued that the development of modern digital technologies, primarily the Internet, has not only positive but also negative consequences. The active development of Internet technologies gives more opportunities to criminals, who increasingly use the achievements of progress for their own purposes. Among the areas of such activities are propaganda, training, incitement, as well as the financing of terrorism. Prevention of terrorism and extremism among young people in Russia is conducted in three main areas: the development and adoption of new regulations, improvement of those already adopted in order to counter the use of the Internet for terrorist and extremist purposes; information counteraction aimed at the formation and strengthening of anti-terrorist ideology; training of professional personnel for such work. The author comes to the conclusion about the need for further work and improvement of the prevention of extremism and terrorist behavior of young people in the Internet space.

Keywords: Internet, terrorism, prevention, counteraction, youth, Internet portal, blocking, removal, fake

Acknowledgements: the work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FEGS-2024-0017).

For citation: Akhyadov E. S.-M. Prevention of extremism and terrorist behavior of youth in the Internet space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):22–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-22-25>. EDN: XLWIYA.

© Ахьядов Э. С.-М., 2024

Ни для кого не секрет, что развитие современных цифровых технологий, прежде всего, сети Интернет, имеет не только положительные, но отрицательные последствия. В частности, речь идет об использовании таких технологий для целей террористической деятельности. Активное развитие интернет-технологий дает больше возможностей и преступникам, которые все больше используют достижения прогресса в своих целях. Среди направлений такой деятельности можно выделить, пропаганду, подготовку, подстрекательство, а также финансирование терроризма [8; 4; 2; 5, с. 9].

Одна из основных категорий лиц, на которых направлена деятельность террористов, — молодежь. Преступники целенаправленно воздействуют на сознание молодых людей, формируя у них террористическое мышление и вовлекая их в совершение террористических актов.

Эта проблема признается в нашей стране на государственном уровне, в связи с чем разрабатывается и реализуется государственная политика по профилактике и противодействию идеологии терроризма в сети Интернет.

Работа в этой сфере осуществляется в следующих основных направлениях.

1. Разработка и принятие новых нормативных актов, совершенствование уже принятых в целях противодействия использованию Интернета в террористических и экстремистских целях.

2. Информационное противодействие, направленное на формирование и укрепление антитеррористической идеологии. В частности, в рамках этого направления созданы новые и развиваются уже имеющиеся интернет-ресурсы контрпропагандистской направленности.

3. Подготовка профессиональных кадров для такой работы.

Между тем, такая деятельность сопряжена с рядом трудностей.

Основная проблема заключается в недостаточной интенсивности работы органов власти, прежде всего правоохранительных органов, по формированию антитеррористического сознания пользователей сети Интернет. Основная работа правоохранительных органов заключается в раскрытии и расследовании деятельности уже существующих террористических организаций, а также сборе доказательств в отношении виновных лиц. Иные органы власти часто формально относятся к такой деятельности, публикуя некий «стандартный» материал на своих официальных сайтах, что называется «для галочки».

Для ликвидации этого пробела несколько лет назад был создан федеральный портал «Наука и образование против террора». Сайт содержит большое количество материалов антитеррористической направленности в различной форме.

Между тем, как и любой информационный ре-

сурс, сайт не предполагает индивидуальную работу с пользователями. Важно, чтобы на этапе проявления интереса человека к экстремистской и террористической тематике начинать целенаправленную, индивидуальную профилактическую работу с ним. Однако на настоящий момент такое направление реализуется крайне слабо по причине латентности проявлений подобного интереса среди молодежи.

Еще одно направление деятельности по профилактике — закрепленная на нормативном уровне возможность блокировки сайтов с террористическим и экстремистским содержанием. И если с зонами «гг» и «рф» обычно проблем не возникает, имеется реальная возможность их полной блокировки и удаления, то с сайтами иностранных доменов ситуация иная. В связи с непростой политической ситуацией, а также различиями в законодательстве полное прекращение деятельности таких сайтов практически невозможна. Частичная же блокировка для российских пользователей малоэффективна, поскольку при желании ее может обойти любой грамотный интернет-пользователь посредством использования VPN.

Еще одна проблема, связанная с размещением террористических материалов на иностранных сайтах заключается в невозможности выявления и привлечения к ответственности ни провайдера, ни владельца сайта, ни администратора, ни тем более лиц, публикующих на таких сайтах информацию. Кроме того, обычно такие сайты специально создаются таким образом, чтобы обеспечить анонимность пользователей.

Другая, не менее актуальная проблема, связана с возможностями экспертизы материалов на предмет их принадлежности к террористическим. Экспертов в этой сфере крайне мало, нет разработанных и утвержденных методик подобных экспертиз. Более того, порядок взаимодействия всех участников этого противодействия нормативно не закреплен. Существующий список экстремистских материалов ведется не системно, часто в него включаются копии уже ранее внесенных материалов.

Существуют проблемы и с внедрением уже научно разработанных методик по контрпропаганде терроризма. В научном сообществе накоплен уже большой опыт, разработаны соответствующие материалы и методики. Однако, на практике они практически не используются. Такие материалы защищаются на конференциях [8], рассылаются в другие учебные заведения. Практические же работники, а также обучающиеся по соответствующим направлениям в своей деятельности (обучении) их практически не используют [9; 10].

Безусловно, для успешной профилактической работы с молодежью в сети Интернет по формированию антитеррористического мышления необходимо надлежащее финансовое обеспечение. Необходима грамотная разработка молодежной политики, включение в нее антитеррористических программ [6].

Актуален вопрос и в кадровом обеспечении. Со-

трудник, ответственный за такую работу, должен быть одновременно психологом, педагогом, журналистом, на высоком уровне владеть современными информационными технологиями, знать, как минимум (кроме русского) иностранные языки, хорошо разбираться в религиозных и культурных традициях. К сожалению, подобных специалистов российские учебные заведения не готовят. Потенциально, такая подготовка, возможна (при условии разработки соответствующих стандартов), однако в настоящее время такая работа не ведется. Частично эта проблема может быть решена посредством разработки соответствующих магистерских программ, а также программ повышения квалификации. Возможна также организация подобной работы группой специалистов различных профилей. При этом принципиально важным является знание такими специалистами технологий и методов воздействия, которыми пользуются террористы, а также владение технологиями противодействия этим воздействиям, владение современными методами убеждающего воздействия при условии взаимодействия не лично, а посредством виртуального общения.

Наибольшую эффективность может оказать сочетание методов препятствования распространению террористических материалов (включая блокировку и удаление сайтов) и профилактических мероприятий.

Одним из направлений работы с молодежью является работа по обучению распознавания недостоверной информации (так называемых фейков). Как известно, большинство людей не умеет или не хочет проверять подлинность опубликованных в сети Интернет материалов. Критическому восприятию информации, работе с ней не учатся в учебных заведениях никакого уровня (за редким исключением). Между тем, считаем, что навыками такой критики должен владеть каждый пользователь сети Интернет. Такой безграмотностью пользователей широко пользуются и преступники, используя фейки в своих целях, в том числе для формирования террористической идеологии и оправдания терроризма и экстремизма. С развитием нейросетей, фейки вышли на новый уровень. Не представляет особой сложности не только написать нужный текст, как это было еще в недавнем прошлом, но и подкрепить его сгенерированными изображениями и даже видеозаписями [1].

При этом нужно иметь ввиду, что ложной может быть не только сама информация, но и ее источник. Так, например, для придания веса какой-либо информации может использоваться ссылка на якобы известного ученого, журналиста, политолога и т. д. В действительности же такой человек может или вовсе не существовать или не заниматься подобной деятельностью или же его слова вырываются из контекста для искажения изначального смысла до противоположного.

Считаем, что просветительская работа по про-

тиводействию фейкам должна начинаться уже в рамках школьных программ и продолжаться в учебных заведениях среднего специального и высшего образования.

Если же говорить о целевой аудитории, которой являются подростки и молодые люди до 30 лет, профилактическую работу с ними целесообразно вести на тех интернет-ресурсах, которые пользуются среди них большей популярностью. Это, прежде всего, различные социальные сети, мессенджеры [3]. Подача материала также должна быть соответствующей [7].

Итак, настоящее исследование позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей работы по совершенствованию профилактики экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве.

Список источников

1. Бедулева М. А., Другова М. С. Профилактика молодежного экстремизма в сети интернет // Образование и право. 2020. №10. С. 24–27.
2. Вдовин Е. А. Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 79–81.
3. Противодействие идеологии терроризма в социальных сетях // URL://<https://str.bashkortostan.ru/presscenter/news/117581/> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Иванов Д. В. Правила поведения в сети интернет в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма // URL://https://magadan.49gov.ru/common/upload/61/editor/file/Pravila_povedeniya_v_seti_internet_v_sfere_protivodeystviya_ideologii_ekstremizma_i_terrorizma.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
5. Куватов В. И Противодействие террористическим организациям в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. №5. С. 8–16.
6. Экстремизм и терроризм в интернете : рекомендации по организации профилактической работы в сети Интернет // URL://<https://bsmp2-omsk.ru/about/informatsiya-dlya-posititelej/pamyatka-rekomendatsii-po-organizatsii-profilakticheskoy-raboty-v-seti-internet/> (дата обращения: 01.05.2024).
7. Попова В. В. Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации. М. : национальный антитеррористический комитет, 2023. 49 с.
8. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в Интернет-пространстве : традиционные и инновационные

формы. Методическое пособие / Авторы-составители : П.Н. Ермаков, И. В. Абакумова, А.Г. Штейнбух. М. : Кредо, 2018. 76 с.

9. Рекомендации по предупреждению экстремизма и терроризма // <https://64.мвд.пф/news/item/20596231/> (дата обращения: 01.05.2024).
10. Тилакаева Х. О. Профилактика идей экстремизма и терроризма в сети интернет среди учащихся школ // URL://<https://infourok.ru/profilaktika-idej-ekstremizma-i-terrorizma-v-seti-internet-sredi-uchashihsya-shkol-6710137.html> (дата обращения: 01.05.2024).

References

1. Beduleva M. A., Drugova M. S. Prevention of youth extremism on the Internet // Education and law. 2020. № 10. P. 24–27.
2. Vdovin E. A. The problem of countering the spread of ideas of extremism and terrorism on the Internet // Young Scientist. 2019. № 16 (254). P. 79–81.
3. Countering the ideology of terrorism in social networks // <https://str.bashkortostan.ru/presscenter/news/117581/> (accessed: 01.05.2024).
4. Ivanov D. V. Rules of conduct on the Internet in the field of countering the ideology of extremism and terrorism // URL://https://magadan.49gov.ru/common/upload/61/editor/file/Pravila_povedeniya_v_seti_internet_v_sfere_protivodeystviya_ideologii_ekstremizma_i_terrorizma.pdf (accessed: 01.05.2024).
5. Kuvatov V. And Countering terrorist organizations on the Internet // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20225. № 5. P. 8–16.
6. Extremism and terrorism on the Internet: recommendations for the organization of preventive work on the Internet // URL://<https://bsmp2-oms.ru/about/informatsiya-dlya-posititelej/pamyatka-rekomendatsii-po-organizatsii-profilakticheskoy-raboty-v-seti-internet/> (accessed: 01.05.2024).
7. Popova V. V. Methodological recommendations for improving propaganda work in the field of countering the spread of the ideology of terrorism in the subjects of the Russian Federation. Moscow : National Anti-Terrorist Committee, 2023. 49 p.
8. Prevention of extremism and terrorist behavior of young people in the Internet space: traditional and innovative forms. Methodical manual / Authors-compilers: P. N. Ermakov, I. V. Abakumova, A. G. Steinbuch.. M.: Credo, 2018. 76 p.
9. Recommendations for the prevention of extremism and terrorism // URL://<https://64.мвд.пф/news/item/20596231/> (accessed: 01.05.2024).
10. Tilakaeva H. O. Prevention of ideas of extremism and terrorism on the Internet among school students // URL://<https://infourok.ru/profilaktika-idej-ekstremizma-i-terrorizma-v-seti-internet-sredi-uchashihsya-shkol-6710137.html> (accessed: 01.05.2024).

Информация об авторе

Э. С.-М. Ахьядов — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. S.-M. Akhyadov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-26-29>

EDN: <https://elibrary.ru/xqxldt>

НИОН: 2003-0059-3/24-043

MOSURED: 77/27-003-2024-03-242

Принцип преобразования криминального сознания в медиации: путь к реабилитации и предотвращению преступлений

Гульдана Маратовна Баймухаметова

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы,
Республика Казахстан, astana.dana@list.ru

Аннотация. Исследуется важный аспект уголовной медиации, а именно принцип преобразования криминального сознания. Данный принцип играет фундаментальную роль в достижении целей медиации в контексте уголовного судопроизводства, направленных на предотвращение повторных преступлений и успешную реабилитацию осужденных. Принцип преобразования криминального сознания сосредотачивает внимание на изменении убеждений, ценностей и поведения участников уголовных конфликтов. Медиация предоставляет обвиняемым возможность осознать негативные последствия своих действий, развить эмпатию к потерпевшему и усовершенствовать навыки конструктивного разрешения конфликтов.

Проводится анализ того, как процесс медиации изменяет криминальное сознание обвиняемых, способствуя их переходу к более ответственному и законопослушному поведению. Подчеркивается важность принципа преобразования криминального сознания в контексте уголовной медиации и его потенциал в реабилитации осужденных и предотвращении дальнейших преступлений.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, принцип преобразования криминального сознания, разрешение конфликта, посредничество, примирительное соглашение

Для цитирования: Баймухаметова Г. М. Принцип преобразования криминального сознания в медиации: путь к реабилитации и предотвращению преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-26-29>. EDN: XQXLDT.

Original article

The principle of transformation of criminal consciousness in mediation: the way to rehabilitation and crime prevention

Guldana M. Baymukhametova

Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, Republic of Kazakhstan, astana.dana@list.ru

Abstract. An important aspect of criminal mediation, namely the principle of transformation of criminal consciousness, is being researched. This principle plays a fundamental role in achieving the goals of mediation in the context of criminal proceedings aimed at preventing repeated crimes and successful rehabilitation of convicts. The principle of transformation of criminal consciousness focuses on changing the beliefs, values and behavior of participants in criminal conflicts. Mediation provides the accused with the opportunity to realize the negative consequences of their actions, develop empathy for the victim and improve the skills of constructive conflict resolution.

It is analyzed how the mediation process contributes to changing the criminal consciousness of the accused, contributing to their transition to more responsible and law-abiding behavior. The importance of the principle of transformation of criminal consciousness in the context of criminal mediation and its potential in the rehabilitation of convicts and the prevention of further crimes is emphasized.

Keywords: mediation, criminal process, the principle of transformation of criminal consciousness, conflict resolution, mediation, conciliation agreement

For citation: Baymukhametova G. M. The principle of transformation of criminal consciousness in mediation: the way to rehabilitation and crime prevention. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):26–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-26-29>. EDN: XQXLDT.

© Баймухаметова Г. М., 2024

Введение. Принцип преобразования криминального сознания представляет собой неотъемлемую и ключевую составляющую медиации, определяющую ее эффективность и значимость в современном обществе. В контексте уголовной юстиции, медиация перестает быть просто инструментом разрешения конфликтов и становится мощным средством, направленным на предотвращение рецидива преступлений. Этот принцип придает медиации смысл и значимость, делая ее незаменимым инструментом для создания более справедливого и безопасного общества.

Основная часть. Преступность в современном обществе представляет собой одну из наиболее серьезных социальных проблем. В попытках борьбы с ней появляются новые криминологические подходы, которые значительно различаются по своей идеологии и конкретным методам. Например, в 60-х годах усиление борьбы с преступностью ассоциировалось с расширением специальных мероприятий, таких как социально-терапевтические и медицинские программы, направленные на предупреждение рецидива. Однако в современном мире на Западе набирает популярность движение аболиционизма. Его сторонники считают, что уголовное наказание, прежде всего лишение свободы, обычно приносит больше вреда, чем пользы обществу, и потому его следует заменить альтернативными методами поддержания общественного порядка [1].

Аболиционистское движение объединяет разные направления, акцентирующие внимание на идее примирения между преступником и потерпевшим в центре своей философии. Последователи этого движения считают, что примирение представляет собой более предпочтительную альтернативу уголовному наказанию.

Идея примирения в контексте уголовной юстиции имеет свои истоки в работах известного норвежского криминолога Нильса Кристи, который является одним из пионеров этой концепции. Кристи предложил практическую стратегию, основанную на ненаказуемой реакции государства на преступление. Основная идея заключается в том, что наказание часто не решает конфликт, а, напротив, может усугубить его и способствовать его эскалации.

Согласно его концепции, нормальная функция государственного механизма заключается не в применении силы, а в разрешении и устранении конфликтов на индивидуальном уровне, акцентируя внимание на взаимоотношениях между отдельными лицами [2, с. 152]. Этот подход отражает теоретические основы принципа преобразования криминального сознания, которые служат фундаментом для понимания и применения медиации в уголовном судопроизводстве.

Эти теоретические основы сформируют необходимую основу для разработки и реализации медиативных методов, направленных на изменение криминального сознания осужденных и предотвращение их повторных преступлений. Путем применения медиации и глубокого воздействия на криминальное сознание осужденных, можно добиться более эффективных результатов в сфере их реабилитации и социализации

после совершенных преступлений. Этот метод также способствует уменьшению угрозы для общества и содействует более гуманному подходу в уголовном правосудии.

Одной из ключевых теорий, лежащих в основе принципа преобразования криминального сознания, является теория ресторативной юстиции. Эта теория акцентирует важность восстановления нарушенного баланса после совершения преступления и активного участия всех заинтересованных сторон в процессе мирного урегулирования и реабилитации [3].

Другой значимой теоретической основой является теория социального обучения. Согласно этой теории, криминальное поведение формируется под воздействием общественных факторов, и поэтому успешные медиативные методы должны включать в себя работу с общественным мнением, стереотипами и предвзятыми взглядами, чтобы способствовать изменению криминальных убеждений и действий осужденных [4].

Исходя из изученных теорий, принцип преобразования криминального сознания играет ключевую роль в контексте медиации. Этот принцип служит фундаментальным началом, направленным на изменение убеждений, ценностей и поведения лиц, участвующих в уголовных деяниях. Он оказывает существенное воздействие на достижение целей медиации, включая предотвращение рецидива, смягчение последствий преступлений и восстановление отношений между всеми сторонами.

Данный принцип также подразумевает осознание и признание личной ответственности за преступление, а также понимание ущерба, нанесенного потерпевшим. Важно отметить, что этот принцип охватывает не только изменение поведения осужденных, но и преобразование их внутренних убеждений и ценностей с целью предотвратить рецидив и содействовать успешной реабилитации и восстановлению общественной интеграции.

Чтобы прояснить роль и важность принципа преобразования криминального сознания в контексте института медиации, целесообразно обратиться к литературе, которая рассматривает эту тему. Одним из ключевых научных трудов в этой области является книга «Changing lenses: a new focus for crime and justice» автора Говарда Зерски (1990), где подробно рассматривается значимость изменения криминального сознания в контексте преступности и реабилитации [5].

В своей работе Говард Зерски (1990) обращается к вопросам пересмотра традиционных представлений о преступлении и системе юстиции. Он фокусируется на значимости изменения криминального сознания, акцентируя внимание на реабилитации и ресторативной юстиции как пути к достижению справедливости и преобразованию криминального поведения. Также, Зерски поднимает вопросы о влиянии медиации на этот процесс и обсуждает методы, способствующие изменению ценностей, убеждений и мировосприятия лиц, совершивших преступления.

Автор акцентирует внимание на том, что многие

традиционные подходы к уголовной юстиции фокусируются на виновности, наказании и контроле над преступниками, что зачастую не приводит к желаемым результатам. Зерски предлагает пересмотреть эту парадигму и сосредоточиться на преобразовании криминального сознания через процессы реабилитации и ресторативной юстиции.

Помимо этого, в своей книге Зерски обсуждает значение изменения криминального сознания как ключевого фактора в предотвращении рецидива преступлений и обеспечении успешной реабилитации осужденных. Он подчеркивает, что преступник должен осознать свою вину и причиненный ущерб, а также взять на себя ответственность за свои действия. Это включает в себя не только внешние изменения в поведении, но и внутренние изменения в ценностях, убеждениях и мировосприятии.

Через медиацию стороны имеют возможность встретиться, открыто обсудить совершенное преступление, выразить свои потребности и пожелания, а также содействовать восстановлению и преобразованию криминального сознания. Медиация предоставляет участникам структурированное и поддерживающее окружение, где они могут более эффективно взаимодействовать и работать над урегулированием конфликта или последствий преступления. Этот процесс способствует восстановлению отношений, а также может играть ключевую роль в изменении убеждений, ценностей и поведения лиц, совершивших преступления, что в конечном итоге способствует реабилитации и реинтеграции в общество.

Люди, участвующие в медиации в сравнении с теми, кто подвергается традиционным уголовным санкциям, проявляют большую готовность к пересмотру своего криминального поведения. Они также развивают эмпатию и понимание мотивов и переживаний других сторон. Это способствует принятию ответственности за свои действия, пересмотру ценностей и установлению новых жизненных целей.

Исследования также подтверждают, что медиация эффективна в достижении целей наказания без использования традиционных форм уголовного наказания. Она помогает осужденным осознать вред, нанесенный преступлением, и акцентируется на восстановлении отношений с потерпевшими и обществом. Этот подход способствует преобразованию криминального сознания, облегчает реинтеграцию осужденных в общество и снижает риски рецидива.

Следует отметить, что в контексте медиации коммуникация играет ключевую роль и представляет собой один из важнейших аспектов этого процесса. Коммуникация в медиации представляет собой организованный и структурированный обмен информацией и идеями между конфликтующими сторонами, который осуществляется при наличии нейтрального посредника-медиатора.

Главная цель коммуникации в медиации заключается в достижении взаимопонимания и разрешении конфликта через активное и эффективное взаимодей-

ствие между участниками. Медиатор создает безопасную и поддерживающую атмосферу, где каждая сторона имеет возможность выразить свои потребности, интересы и чувства.

Одним из медиативных способов преобразования криминального сознания является процесс восстановительной медиации. В ходе этого процесса преступник и его жертва встречаются под руководством нейтрального медиатора, чтобы обсудить преступление, выразить свои эмоции и потребности, а также найти способы восстановления справедливости и преодоления вреда, нанесенного преступлением. Этот подход акцентирует внимание на взаимодействии и эмоциональном исцелении сторон, что способствует изменению криминального сознания и снижению вероятности повторных преступлений.

Кроме восстановительной медиации, существуют и другие медиативные методы, направленные на преобразование криминального сознания. Например, медиативные программы в тюрьмах предлагают участникам возможность обсуждать свои преступления, размышлять о последствиях и работать над развитием эмпатии и ответственности. Такие программы способствуют осознанию вреда, причиненного жертвам и обществу, и помогают осужденным находить пути к реабилитации и реинтеграции в общество.

Исследования подтверждают эффективность медиативных программ в тюрьмах и их положительное влияние на осужденных.

Так, исследование Smith J. & Johnson M. (2015) «Влияние медиативных программ в тюрьмах на реабилитацию осужденных: систематический обзор» проводит систематический обзор эффективности медиативных программ, внедренных в тюрьмах с целью реабилитации осужденных. Медиативные программы охватывают широкий спектр методов, включая групповую и индивидуальную медиацию, тренинги по разрешению конфликтов и обучение навыкам коммуникации. Исследование выявило значительное снижение вероятности рецидива преступлений среди участников медиативных программ. Также было отмечено положительное влияние на криминальное сознание осужденных, включая их способность к эмпатии и умение разрешать конфликты конструктивным образом. Участники программ также сообщили о повышении уровня уверенности и навыков общения [6].

Однако, чтобы эффект медиативных программ был максимальным, важно учесть ряд факторов. В первую очередь, качество тренинга медиаторов играет решающую роль. Профессионально подготовленные и квалифицированные медиаторы способны создать доверительную атмосферу и помочь участникам программы находить конструктивные решения.

Кроме того, успешная реабилитация осужденных требует поддержки после освобождения из тюрьмы. Программы реинтеграции, обеспечивающие осужденным доступ к образованию, занятости и жилью, также являются важной частью успешного процесса реабилитации.

Закключение. Таким образом, медиативные спосо-

бы преобразования криминального сознания являются эффективным и перспективным подходом в работе с преступниками. Они позволяют стимулировать внутренние изменения, осознание последствий преступлений и построение конструктивных решений.

Как видим, медиация способствует изменению криминального сознания по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, медиация способствует развитию эмпатии и понимания между участниками. Путем позволения сторонам поставить себя на место друг друга, медиация помогает услышать и понять мотивы и переживания другой стороны. Это снижает агрессию и негативные эмоции, способствуя развитию способности к сопереживанию и взаимопониманию.

Во-вторых, медиация развивает навыки конструктивного решения конфликтов. Участники учатся выявлять общие интересы и искать взаимовыгодные решения, опираясь на компромисс. Они также развивают навыки эффективной коммуникации, активного слушания и выражения своих потребностей, что способствует более гармоничным и продуктивным взаимодействиям в обществе.

В-третьих, медиация создает благоприятные условия для восстановления взаимных связей и доверия между сторонами конфликта. Участники медиации получают возможность выразить свои обиды и ожидания, а также услышать просьбы и потребности другой стороны. Этот процесс способствует восстановлению взаимодействия и переходу от враждебности к сотрудничеству.

Итак, принцип преобразования криминального сознания является центральным элементом, определяющим успешность медиации. Без его реализации медиация лишается смысла в современном обществе. Основной целью этого принципа является предотвращение рецидива преступлений. С помощью медиации обвиняемый может осознать негативные последствия своих поступков, развить эмпатию к потерпевшему и научиться решать конфликты конструктивно. Следовательно, процесс медиации способствует изменению криминального сознания

обвиняемого и его переходу к более ответственному и законопослушному образу жизни.

Список источников

1. Bianchiua (Eds) Abolitionism a Non repressive Approach to Crime. Amsterdam. 1986.
2. Кристи Н. Социальный контроль и община. СПб : Алетейя, 2014. С. 151–159.
3. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ. Н. Д. Хариковой ; под общ. ред. М. Г. Флямера ; коммент. Я. И. Гилинского. М. : Судебно-правовая реформа, 2002. 310 с.
4. Бандура Альберт (1976). Теория социального обучения. Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси: Prentice Hall. ISBN 978-0138167448.
5. Zehr H. (1990). Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Scottsdale, PA: Herald Press.
6. Smith J. & Johnson M. (2015). «Effectiveness of Mediation Programs in Prisons: A Systematic Review». Journal of Rehabilitation and Reintegration, 25(2), 110–125.

References

1. Bianciusa (ed.) Abolitionism is not a repressive approach to crime. Amsterdam, 1986.
2. Christie N. Social control and community. St. Petersburg : Aleteya, 2014. P. 151–159.
3. Braithwaite J. Crime, shame and reunification / Translated from the English by N.D. Kharikova ; under the general editorship of M. G. Flyamer ; comment. Ya. I. Gilinsky. M. : Judicial and legal reform, 2002. 310 p.
4. Bandura Albert (1976). Theory of social learning. Inglewood Klim, New Jersey: Prentice Hall. ISBN 978-0138167448.
5. Zer H. (1990). Changing the lens: A new look at crime and justice. Scottsdale, PA: Herald Press.
6. Smith J., & Johnson M. (2015). «Effectiveness of Mediation Programs in Prisons: A Systematic Review». Journal of Rehabilitation and Reintegration, 25(2), 110–125.

Информация об авторе

Г. М. Баймухаметова — докторант 3 года обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела.

Information about the author

G. M. Baymukhametova — Doctoral Student of 3rd year of study of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Affairs.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-30-38>

EDN: <https://elibrary.ru/xtckbu>

НИОН: 2003-0059-3/24-044

MOSURED: 77/27-003-2024-03-243

Программно-целевой и проектный метод управления в области обеспечения безопасности дорожного движения (ретроспективный анализ)

Кирилл Сергеевич Баканов

Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kbakanov@mvd.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы внедрения программно-целевого метода управления в области безопасности дорожного движения и последующий переход на проектный метод управления; анализируются результаты реализации федеральных целевых программ. Отмечаются проблемы и перспективы интеграции программно-целевого и проектного метода управления.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, государственное управление, программно-целевое управление, проектное управление, программа, проект

Для цитирования: Баканов К. С. Программно-целевой и проектный метод управления в области обеспечения безопасности дорожного движения (ретроспективный анализ) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 30–38. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-30-38>. EDN: XTCKBU.

Original article

Program-target and project method of management in the field of road safety (retrospective analysis)

Kirill S. Bakanov

Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kbakanov@mvd.ru

Abstract. The issues of introduction of the program-target method of management in the field of road safety and the subsequent transition to the project method of management are considered, the results of the implementation of federal target programs are analyzed. Problems and prospects of integration of program-target and project method of management are noted.

Keywords: road safety, public administration, program-targeted management, project management, program, project

For citation: Bakanov K. S. Program-target and project method of management in the field of road safety (retrospective analysis). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):30–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-30-38>. EDN: XTCKBU.

Ключевым событием внедрения программно-целевых методов управления в сфере безопасности дорожного движения принято считать состоявшийся 15 ноября 2005 г. в Москве Президиум Государственного Совета Российской Федерации, в рамках которого отмечена необходимость принятия дополнительных мер по снижению смертности на дорогах нашей страны.

При этом было отмечено, что недостаточно мер, принимаемых только в рамках основной деятельности органов публичной власти [6], требуются дополни-

тельные формы и методы межведомственного и межуровневого управления в рассматриваемой сфере.

Это обусловило разработку концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» (далее — ФЦП), а также других документов стратегического планирования, где основной упор был сделан на реализацию одного из новых принципов обеспечения безопасности дорожного движения (далее — ОБДД) — программно-целевой подхода [1].

© Баканов К. С., 2024

В широком смысле слова под ФЦП понимают увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации, а также инновационное развитие экономики [7].

Стоит отметить, что реформирование и развитие принципов, инструментов и методов государственного управления неразрывно связаны с реформированием бюджетной сферы.

До ФЦП федеральный бюджет распределялся по функциям и полномочиям органов государственной деятельности, такой механизм распределения называется «управление расходами».

ФЦП были призваны дополнительно внедрить принцип «управление результатами», отличительной чертой которого считается долгосрочность, комплексность и программируемость желаемого результата.

Как справедливо отмечают в научной литературе, новизна принципа «управление результатами» заключается в том, что он нацелен на результат, а не на процесс, планирование по целям, а не статьям, контроль достижения цели, а не отклонений от утвержденной сметы [2].

В Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах [8] отмечалось, что в рамках «управления ресурсами (затратами)» бюджет формируется путем индексации сложившихся расходов с детальной разбивкой их по статьям бюджетной классификации, а в рамках концепции «управления результатами» бюджет формируется исходя из целей и планируемых результатов государственной политики [8]. Бюджет выделяется не на направление деятельности как таковое (например, обеспечение безопасности дорожного движения), а на конкретный измеримый конечный результат (например, снижение смертности к 2030 году в 3,5 раза).

Первоначально ФЦП существовали автономно, затем в 2010 году началась работа по преобразованию федерального бюджета в программный вид (было более 90 % непрограммных расходов [9]). В настоящее время практически 80 % федерального бюджета приходится на государственные программы [10].

В соответствии с программой по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года [11] предусматривалось внедрение программно-целевых принципов организации деятельности органов публичной власти, переход к утверждению «программного» бюджета, переход от годового к 3-летнему финансовому планированию (среднесрочному) и т. д. [11]. В этот период ФЦП включаются в структуру государственных программ [7].

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ

«О стратегическом планировании в Российской Федерации» [12] (далее — ФЗ О стратегическом планировании) в зависимости от уровня управления определены три вида программ: федеральные, региональные и местные. Надо заметить, что до законодательного закрепления соответствующей классификации программы в сфере безопасности дорожного движения фактически уже существовали.

В результате, несмотря на не достижение поставленных целей (за период действия первой ФЦП (2006–2012) удалось сократить число погибших в результате ДТП лишь на 18,9 % (планировалось 33 %), сам подход был признан успешным, поэтому он нашел свое отражение в новой федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [13], которая вошла в структуру государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности».

Целью второй ФЦП являлось снижение в 2020 году числа погибших в ДТП на 28,8 % относительно 2012 года, преждевременное достижение указанного показателя послужило основанием постановки более амбициозных целей, не дожидаясь ее завершения, что нашло свое отражение в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы [14] (далее — Стратегия).

В результате показатели снижения дорожно-транспортной летальности, закрепленные во второй ФЦП, были приведены в соответствии со Стратегией, что обусловило необходимость снижения смертности в ДТП на 42,8 % (вместо 28,8 %) в 2020 году [15].

Таким образом, на сегодняшний день реализованы две ФЦП — с 2006 по 2012 год и с 2013 по 2020 год, а с 2019 по 2024 год реализуется национальный проект «Безопасные качественные дороги», что ознаменовало переход системы государственного управления в сфере безопасности дорожного движения на рельсы программно-целевого и проектного управления.

В совокупности за период реализации указанных программ и проектов смертность в ДТП сократить почти в 2,5 раза относительно базового 2004 года (с 34506 до 14504 человек). При этом стоит отметить, что указанные успехи были достигнуты на фоне роста парка транспортных средств: уровень автомобилизации с 230 автомобилей на 1000 жителей в 2004 году вырос до 421 автомобиля в 2023 году¹.

Одним из важнейших результатов внедрения программно-целевого подхода к управлению в ОБДД и реализации указанных программ стало изменение отношения всех ветвей власти, общества и граждан к безопасности дорожного движения как к одному из национальных приоритетов.

Анализ реализации ФЦП позволил выявить ряд наиболее проблемных моментов, среди которых сле-

¹ Показатель автомобилизации населения в 2023 году рассчитан на основании предварительных данных Росстат о численности населения.

дует отметить смещение бремени финансирования на федеральный бюджет, так как не удалось в полном объеме обеспечить привлечение софинансирования со стороны субъектов и муниципалитетов, а также внедрить механизмы распределения субсидий регионам.

При этом, несмотря на увеличение целевых показателей снижения смертности, финансирование ввиду экономических сложностей (кризис 2008 и 2014 годов) неоднократно сокращалось, в результате чего от части первоначально планируемых мероприятий, как на федеральном, так и на региональном уровне пришлось отказаться.

Важнейшие решения по дальнейшей оптимизации государственного управления в области безопасности дорожного движения в этот период были приняты на заседании президиума Государственного Совета в марте 2016 года в городе Ярославле [16], где был дан старт разработке указанной выше Стратегии безопасности дорожного движения до 2024 года.

В последующем провозглашенные цели и целевые показатели Стратегии нашли свое отражение в т. н. майском Указе [17], подтвердив тем самым статус одной из целей национального развития Российской Федерации.

Майским Указом определено, что цели национального развития будут достигаться посредством реализации национальных проектов, что ознаменовало повсеместное внедрение проектного управления в государственное управление.

В этой связи, Правительством РФ было принято решение включить План мероприятий по реализации Стратегии [18], предусмотренный п. 2 распоряжения Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 № 1-р [14], в национальный проект «Безопасные качественные дороги» [19].

Детальное рассмотрение интеграции проектной и программной деятельности позволяет отметить, что первоначально государственные программы в соответствии с пунктом 3 Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 (далее — Порядок), включали в себя федеральные целевые программы и подпрограммы (ведомственные целевые программы и основные (отдельные) мероприятия) [20].

Затем появились пилотные государственные программы, которые в соответствии с п. 6 Правил разработки, реализации и оценки эффективности отдельных государственных программ, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2017 г. № 1242, формировались на принципах проектного управления [21].

В соответствии с пп. «д» п. 3 вышеназванных Правил пилотные государственные программы включают в себя федеральные проекты, отдельные мероприятия

федеральных проектов, ведомственных проектов и ведомственные целевые программы [21].

Таким образом, пилотные Госпрограммы стали посредником трансформации программно-целевого подхода в «классических» Госпрограммах к проектно-целевому подходу.

Национальные проекты в тот момент полноценно не были встроены в систему государственного управления, в том числе в государственные программы и бюджетный процесс. В этой связи, было принято решение встроить в структуру «классических» государственных программ структурную единицу национального проекта — федеральный проект, который, как мы отметили ранее, на тот момент уже входил в структуру пилотных государственных программ.

В п. 3 Порядка были внесены изменения, согласно которым Государственная программа включает в себя ФЦП и подпрограммы, которые, в свою очередь, могут включать федеральные проекты и их отдельные мероприятия [22]. В то же время в соответствии с п. 1 Порядка разработки и реализации ФЦП допускается включение отдельных федеральных проектов и (или) мероприятий, входящих в состав федеральных проектов, в целевые программы [7].

Это, в первую очередь, обусловило необходимость объединения документов государственного планирования с бюджетным планированием, так как в соответствии с п. 2 ст. 172 БК РФ проекты федеральных, региональных и местных бюджетов основываются, в том числе, на соответствующих государственных и муниципальных программах [23].

В рамках государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» федеральный проект был встроен в соответствии с п. 3 Порядка в подпрограмму «Повышение безопасности дорожного движения».

При этом еще одним самостоятельным структурным элементом продолжала оставаться соответствующая профильная ФЦП «ПБДД», в то же время мероприятия по завершению ФЦП «ПБДД» были одновременно указаны в качестве самостоятельного результата федерального проекта.

После пересмотра госпрограммы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [24] она также стала состоять из проектной и процессной части. В проектной части как раз и получил закрепление один федеральный проект «Безопасность дорожного движения» и два ведомственных проекта, связанных со строительством и вооружением МВД России в целом.

Таким образом, мы наблюдаем внедрение проектно-ориентированных подходов в государственное управление в условиях отсутствия четкого правового регулирования структурирования, взаимодействия между собой, предназначения и различий государственных программ, национальных проектов и их

структурных элементов.

Стоит отметить, что до сих пор проекты (национальные, федеральные, региональные, ведомственные) даже не упоминаются в ФЗ О стратегическом планировании [12], а правовые и организационные вопросы проектного управления фактически для федеральных органов власти урегулированы только одним профильным постановлением правительства [25] и методическими рекомендациями, для региональных органов власти рекомендуется использовать порядок, разработанный для федеральных органов, а для местных властей — только методические рекомендации.

Данное состояние правового и методического обеспечения проектной деятельности обуславливает возможность более гибких подходов и большой свободы действий заинтересованных субъектов проектной деятельности из числа органов публичной власти.

Вместе с тем, учитывая действующую структуру органов публичной власти, только на федеральном уровне функционирует 68 различных органов исполнительной власти (21 министерство, 29 служб, 18 агентств), а в 89 регионах Российской Федерации образовано более 18 тыс. муниципальных образований, в компетенцию органов публичной власти которых входит решение вопросов в сфере безопасности дорожного движения.

Отсутствие единых законодательных основ осуществления проектной деятельности, по нашему мнению, не способствует проведению единой государственной политики, как в целом, так и в сфере безопасности дорожного движения в частности, особенно если проблемы, на решение которых направлены проекты, имеют многогранный характер и требуют участия многих ведомств на всех уровнях власти.

Национальным стандартом по проектному менеджменту определяется, что программа представляет собой совокупность взаимосвязанных проектов и другой деятельности, направленных на достижение общей цели и реализуемых в условиях общих ограничений. В то время как проект — это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений [26].

В последующем, как отмечалось, национальные проекты интегрированы с государственными программами Российской Федерации за счет одновременного включения в их структуры федеральных проектов.

Таким образом, в настоящее время национальный проект «Безопасные качественные дороги» состоит из федеральных проектов, которые структурно входят в три государственные программы: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [27], «Развитие транспортной системы» [28] и «Обеспечение обороноспособности страны».

Кроме того, стоит отметить Транспортную часть Комплексного плана модернизации и расширения ма-

гистральной инфраструктуры на период до 2024 года [29], которая в соответствии с п. 1(2) постановления Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 тоже реализуется на основе принципов проектного управления [25], а федеральные проекты которого также входят в структуру государственной программы «Развитие транспортной системы».

Нельзя не отметить и другие государственные программы и проекты, которые непосредственно или опосредованно влияют на обеспечение безопасности дорожного движения (здравоохранение, демография, автомобильная промышленность и т. д.).

Так, например, федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи», который является структурным элементом национального проекта «Здравоохранение» и государственной программы «Развитие здравоохранения» [30] направлен, в том числе, на совершенствование системы оказания экстренной помощи пострадавшим в ДТП.

Следует констатировать наличие уникальных отличий проектной деятельности от классической программной. Так, национальные проекты курируют заместители Председателя Правительства РФ, в то время как в госпрограммах высшим должностным лицом первоначально были руководители ФОИВ, что, безусловно, не способствовало эффективному решению межведомственных проблем. Теперь государственные программы также отданы под кураторство вице-премьеров [24].

Среди других достоинств следует выделить наличие измеримых целей, индикаторов, контрольных точек, упрощение вопросов принятия управленческих решений, в том числе упрощенные процедуры рассмотрения правовых актов, оптимизацию бюджетных процедур, установление персональной ответственности задействованных должных лиц и так далее.

Как уже отмечали, совершенствование государственного стратегического планирования неразрывно связано с реформированием бюджетного процесса, в этой связи важно отметить, что сейчас в одной из отраслей, прямым образом связанной с безопасностью дорожного движения — дорожном хозяйстве, для реализации масштабных проектов недостаточно трехлетнего бюджетного планирования, в связи с чем был принят пятилетний план дорожной деятельности [31] развития основных транспортных артерий нашей страны. Успешный опыт его реализации может быть учтен в дальнейшем при увеличении сроков бюджетного планирования.

В качестве различий программной и проектной деятельности в специальной литературе чаще всего рассматриваются масштаб и целевое предназначение: проект нацелен на достижение какого-либо конкретного единичного результата, программа интегрирует результаты отдельных проектов для достижения более масштабных целей и получения ожидаемых из-

меримых выгод и других положительных результатов [3].

По-нашему мнению, проектное управление выступает подвидом программно-целевого управления, ознаменовавшего переход от управления затратами на управление по результатам, призванного в современных условиях и возможностях переформатировать публичное управление, в том числе решить вопросы, которые не решило программно-целевое управление, до конца разделив операционную (процессную) и проектную части и поставив во главу угла конкретные измеримые, взаимоувязанные цели и результаты социально-экономического развития нашей страны.

Так же приходится констатировать, что наполнение программ и проектов не всегда отвечает предназначению этих видов документов стратегического планирования. Напомним, что проект направлен на получение уникального результата в условиях временных и ресурсных ограничений, в этой связи представляется не логичным, когда федеральный проект направлен на обеспечения основных материальных потребностей органа власти, тогда как такой вопрос должен быть ранее решен в рамках процессной части соответствующих профильных программ. В этой связи следует отметить, что предшествующее недофинансирование основных потребностей органов власти при получении дополнительных ресурсов в рамках проектной деятельности, которые должны быть направлены на получение уникального результата, будут потрачены, в первую очередь, на основные потребности.

К сожалению, приходится констатировать, что сфера безопасности дорожного движения не стала исключением, и значительные проектные ресурсы также были направлены, в первую очередь, на обеспечение основных материально-технических потребностей.

В этой связи, считаем учет рассмотренной закономерности ключевой при развитии программно-проектного управления в виде адекватного балансирования и распределения ресурсов программ в рамках процессной и проектной части, а также их соответствие поставленным целям.

Особенно необходимо отметить объединение федеральных и региональных проектов в одно взаимосвязанное управленческое и информационное пространство, что позволяет обеспечить единый скоординированный подход на федеральном и региональном уровне в сфере безопасности дорожного движения.

До внедрения проектного подхода целевые показатели отдельных региональных документов стратегического планирования не были синхронизированы с целевыми показателями Стратегии. Например, план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года предусматривал социальный риск к 2026 году — 12, к 2030 году — 9, постановление Правительства

Удмуртской Республики от 10 октября 2014 г. № 383 «Об утверждении плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года» предусматривало к 2025 году социальный риск — 11,1.

Вместе с тем, анализ региональных проектов в сфере безопасности дорожного движения показывает, что до сих пор в отдельных регионах мероприятия, направленные на повышение безопасности дорожного движения, концентрируются в региональных транспортных или правоохранительных государственных программах, в то время как региональные проекты фактически остаются пустыми, закрепляя только декларируемые цели и результаты, предусмотренные соглашениями без финансирования, что не позволяет полноценно оценить ресурсы, выделяемые государством на повышение безопасности дорожного движения и не способствует эффективному управлению.

Таким образом, переход от «классического» программно-целевого управления к проектно-целевому обусловлен сформировавшимися и находящимися в постоянной динамике факторами внешней и внутренней среды, необходимостью достижения стратегических целей и полноценным завершением перехода от управления «затратами» к управлению «результатами».

Подводя итоги исследования заявленной проблематики, подчеркнем, что опыт применения программного и проектного метода управления в области обеспечения безопасности дорожного движения и реализации разработанных на их основе соответствующих документов доказывает их эффективность.

В настоящее время государственные программы и даже федеральные проекты из одного национального проекта в области дорожного движения по своему содержанию и практики реализации имеют ведомственную ориентацию, тогда как проектный подход, как и программно-целевой, призваны обеспечить единый надведомственный характер, что способствует единообразию осуществления государственной политики в сфере безопасности дорожного движения на всех уровнях публичной власти [5].

В этой связи обоснована необходимость интегрировать проектное управление в законодательство о стратегическом планировании, выстроить четкую систему и правовое регулирование построения программно-проектного управления, определить механизмы взаимодействия соответствующих документов, разделить их исходя из предназначения и направленности, тем самым обеспечить повышение их эффективности.

Кроме того, необходимо объединить результаты и мероприятия программ и проектов на федеральном, региональном и местном уровне, направленные на решение вопросов безопасности дорожного движения, в рамках одного информационно-управленческого

пространства, а также предусмотреть механизмы комплексного софинансирования и субсидирования региональных проектов в сфере безопасности дорожного движения, ответственным органом исполнительной власти, не ограничиваясь его уставной компетенцией.

Список источников

1. Кондратьев В. Д. Обеспечение безопасности дорожного движения. Вопросы теории (управление) // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 6–11.
2. Орлова О. Е. Концепция управления результатами // Руководитель автономного учреждения. 2019. № 3. С. 50–56.
3. Козлов А. С. Методология управления портфелем программ и проектов : монография. М. : Издательство «Флинта». 2011. 194 с.
4. Варпаева И. А., Треушников Р. В. Бюджетирование деятельности вуза в рамках проектно-целевого подхода к управлению // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 17. С. 26–41.
5. Россинский Б. В. Система публичного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 6–10.
6. Распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2005 г. № 1707-р «О Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» // Собрание законодательства РФ. 24.10.2005. № 43. Ст. 4444.
7. Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 (ред. от 30.10.2020) «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» (вместе с «Порядком разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация», «Порядком закупки и поставки продукции для федеральных государственных нужд», «Порядком подготовки и заключения государственных контрактов на закупку и поставку продукции для федеральных государственных нужд») // Собрание законодательства РФ. 10.07.1995. № 28. Ст. 2669.
8. Постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 (ред. от 06.04.2011) «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» (вместе с «Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах», «Планом мероприятий по реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах») // Российская газета. № 113. 01.06.2004. Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.04.2015 № 320, вступившего в силу по истечении 7 дней после дня официального опубликования (опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 08.04.2015).
9. URL://<http://bujet.ru/article/189590.php>.
10. URL://<https://programs.gov.ru/Portal/home>.
11. Распоряжение Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 1101-р (ред. от 07.12.2011) «Об утверждении программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года» // Собрание законодательства РФ. 12.07.2010. № 28. Ст. 3720.
12. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» // Собрание законодательства РФ. 14.10.2013. № 41. Ст. 5183.
14. Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 29.01.2018. № 5. Ст. 774.
15. Постановление Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 703 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» // Собрание законодательства РФ. 25.05.2020. № 21. Ст. 3283.
16. Заседание президиума Госсовета по вопросам безопасности дорожного движения 14.03.2016 года // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/51506>.
17. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
18. Протокол Правительства Российской Федерации от 11 июля 2018 г. № ДМ-П9-4145.
19. Национальный проект «Безопасные качественные дороги», утвержден протоколом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 г. № 15.
20. Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 (ред. от 25.12.2018) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // Собрание за-

- конодательства РФ. 09.08.2010. № 32. Ст. 4329.
21. Постановление Правительства РФ от 12 октября 2017 г. № 1242 (ред. от 16.04.2020) «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации» (вместе с «Правилами разработки, реализации и оценки эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 23.10.2017. № 43 (Часть II). Ст. 6323.
 22. Постановление Правительства РФ от 8 июня 2019 г. № 746 (ред. от 17.07.2019) «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.06.2019. № 25. Ст. 3253.
 23. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.
 24. Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2021 г. № 1541 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства РФ. 20.09.2021. № 38. Ст. 6636.
 25. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 (ред. от 21.12.2023) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).
 26. ГОСТ Р 54871-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Проектный менеджмент. Требования к управлению программой (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1584-ст) // М. : Стандартинформ, 2012.
 27. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 (ред. от 27.12.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть IV). Ст. 2188.
 28. Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2017 г. № 1596 (ред. от 28.09.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть II). Ст. 340.
 29. Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р (ред. от 04.07.2020) «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 15.10.2018. № 42 (часть II). Ст. 6480.
 30. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 (ред. от 17.08.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть II). Ст. 373.
 31. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2023 г. № 3907-р «Об утверждении перечня мероприятий по осуществлению дорожной деятельности в 2024–2028 годах в отношении автомобильных дорог» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2024, N 1 (Часть IV), ст. 339.

References

1. Kondratiev V. D. Ensuring road safety. Questions of theory (management) // Road safety. 2023. № 3. P. 6–11.
2. Orlova O. E. The concept of results management // Head of an autonomous institution. 2019. № 3. P. 50–56.
3. Kozlov A. S. Methodology of portfolio management of programs and projects // Monograph. M. : Flint Publishing House. 2011. 194 p.
4. Varpaveva I. A., Treushnikov R. V. Budgeting of university activities within the framework of a project-oriented approach to management // Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2018. № 17. P. 26–41.
5. Rossinsky B. V. Public administration system in the field of road safety // Road safety. 2024. № 1. P. 6–10.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 17, 2005 № 1707-r «On the Concept of the federal target program «Improving road safety in 2006–2012» // Collection of legislation of the Russian Federation. 24.10.2005. № 43. Art. 4444.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 26, 1995 № 594 (as amended on 30.10.2020) «On the implementation of the Federal Law «On the Supply of Products for Federal State Needs» (together with the «Procedure for the development and implementation of federal target programs and interstate target programs in which the Russian Federation participates», «Procurement and Supply Procedure products for federal state needs», «The procedure for the preparation and conclusion of state contracts for the purchase and supply of products for federal state needs») // Collection of legislation of the Russian Federation. 10.07.1995. № 28. Art. 2669.

8. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 22, 2004 № 249 (as amended on 06.04.2011) «On measures to improve the effectiveness of budget expenditures» (together with the «Concept of reforming the budget process in the Russian Federation in 2004–2006», «Action Plan for the implementation of the Concept of reforming the budget process in the Russian Federation in 2004–2006») // Rossiyskaya Gazeta. № 113. 01.06.2004. The document became invalid in connection with the publication of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.04.2015 № 320, which entered into force 7 days after the date of official publication (published on the Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> . 08.04.2015).
9. URL://<http://bujet.ru/article/189590.php>.
10. URL://<https://programs.gov.ru/Portal/home>.
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 30, 2010 № 1101-r (as amended on 27.12.2011) «On approval of the program of the Government of the Russian Federation to improve the efficiency of budget expenditures for the period up to 2012» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12.07.2010. № 28. Art. 3720.
12. Federal Law of June 28 2014 № 172-FZ (as amended on 31.07.2020) «On Strategic planning in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 30.06.2014. № 26 (Part I). Art. 3378.
13. Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 3, 2013 № 864 «On the federal target program «Improving road safety in 2013–2020» // Collection of legislation of the Russian Federation. 14.10.2013. № 41. Art. 5183.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 8, 2018 № 1-r «On Approval of the Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018-2024» // Collection of legislation of the Russian Federation. 29.01.2018. № 5. Art. 774.
15. Decree of the Government of the Russian Federation № 703 dated May 16, 2020 «On Amendments to the Federal Target program «Improving Road Safety in 2013–2020» // Collection of legislation of the Russian Federation. 25.05.2020. № 21. Art. 3283.
16. Meeting of the Presidium of the State Council on Road Safety on 14.03.2016 // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/51506>.
17. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7 2018 № 204 «On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation for the period up to 2024».
18. Protocol of the Government of the Russian Federation dated July 11, 2018 № DM-P9-4145.
19. National Project «Safe high-quality Roads», approved by the Protocol of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects dated 24.12.2018 № 15.
20. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 2, 2010 № 588 (ed. dated 25.12.2018) «On approval of the Procedure for the development, implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 09.08.2010. № 32. Art. 4329.
21. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 12, 2017 № 1242 (ed. dated 16.04.2020) «On the development, implementation and evaluation of the effectiveness of individual state programs of the Russian Federation» (together with the «Rules for the development, implementation and evaluation of the effectiveness of individual state programs of the Russian Federation») // Collection of Legislation of the Russian Federation. 23.10.2017. № 43 (Part II). Art. 6323.
22. Resolution of the Government of the Russian Federation dated June 8, 2019 № 746 (ed. dated 17.07.2019) «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.06.2019. № 25. Art. 3253.
23. Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 № 145-FZ (ed. from 15.10.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 03.08.1998. № 31. Art. 3823.
24. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 11, 2021 № 1541 «On Amendments to the State program of the Russian Federation «Ensuring public Order and countering crime» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 20.09.2021. № 38. Art. 6636.
25. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 31, 2018 № 1288 (ed. dated 21.12.2023) «On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation» (together with the «Regulations on the organization of project activities in the Government of the Russian Federation») (with amendments and additions, introduction. effective from 01.01.2024).
26. GOST R 54871-2011. The national standard of the Russian Federation. Project management. Requirements for program management (approved and put into effect by Rosstandart Order № 1584-st dated 22.12.2011) // Moscow : Standartinform, 2012.
27. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 № 345 (ed. dated 27.12.2019) «On approval of the State program of the Russian Federation «Ensuring Public Order and countering crime» // Collection of legislation

- of the Russian Federation. 05.05.2014. № 18 (part IV). Art. 2188.
28. Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 20, 2017 № 1596 (ed. dated 28.09.2020) «On approval of the State program of the Russian Federation «Development of the transport system» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.2018. № 1 (Part II). Art. 340.
29. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 30, 2018 № 2101-r (ed. dated 04.07.2020) «On approval of the comprehensive plan for modernization and expansion of the main infrastructure for the period up to 2024» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 15.10.018. № 42 (Part II). Art. 6480.
30. Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 26, 2017 № 1640 (ed. dated 17.08.2020) «On approval of the State program of the Russian Federation «Development of healthcare» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.2018. № 1 (Part II). Art. 373.
31. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2023 № 3907-r «On approval of the list of measures for the implementation of road activities in 2024–2028 in relation to highways» // Collection of legislation of the Russian Federation, 01.01.2024, № 1 (Part IV), art. 339.

Информация об авторе

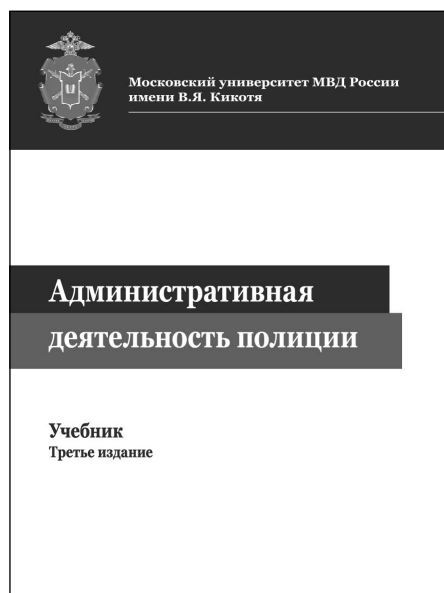
К. С. Баканов — начальник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. S. Bakanov — Head of the Department for the Study of Problems of Regulatory Legal and Analytical Support of the Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-39-44>

EDN: <https://elibrary.ru/xtgtqw>

НИОН: 2003-0059-3/24-045

MOSURED: 77/27-003-2024-03-244

Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции и проблематики процесса доказывания в расследовании отдельных видов коррупционных деяний

Елена Васильевна Брянская

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассмотрен принятый 16 августа 2021 г. Указ Президента России № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», основные направления которого позволяют рассуждать о самостоятельной функции нашего государства — функции противодействия коррупции. В данный момент 2024 г., следовательно, можно готовиться к подведению итогов того, что было сделано в реальности за отмеченные четыре года в рамках реализации национального плана. Очевидно, что вопросы расследования по уголовным делам коррупционного характера остаются самыми актуальными. В свете анализа практики предварительного расследования для нас понятны проблемы процесса доказывания по коррупционным преступлениям, о чем предпринята попытка высказать авторское мнение в настоящей научной статье.

Ключевые слова: противодействие коррупции, получение взятки, дача взятки, распространение инсайдерской информации, процесс доказывания, судебный контроль

Для цитирования: Брянская Е. В. Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции и проблематики процесса доказывания в расследовании отдельных видов коррупционных деяний // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 39–44. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-39-44>. EDN: XTGTQW.

Original article

Issues of implementation of state policy in the field of anti-corruption and problems of the process of proof in the investigation of certain types of corruption acts

Elena V. Bryanskaya

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

Abstract. Decree of the President of Russia № 478 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» as of August 16, 2021 was issued, the main directions of which allow us to talk about the independent function of our state — combating corruption. It is currently 2024, therefore, we can prepare to take stock of what has actually been done over the past four years. It is obvious that the issues of investigating criminal cases of a corruption nature remain the most pressing. In the light of the analysis of the practice of preliminary investigation, the problems of the process of proof for corruption crimes are obvious to us, about which an attempt has been made to express the author's opinion in this scientific article.

Keywords: anti-corruption, taking a bribe, giving a bribe, dissemination of insider information, process of proof, judicial control

For citation: Bryanskaya E. V. Issues of implementation of state policy in the field of anti-corruption and problems of the process of proof in the investigation of certain types of corruption acts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):39–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-39-44>. EDN: XTGTQW.

© Брянская Е. В., 2024

В период с 1990-х годов Российской Федерацией была поставлена цель борьбы с коррупцией. Нельзя сказать, что проблематика противодействия коррупции возникла именно с первых дней возникновения Российской Федерации. В научных источниках подчеркивается, что о фактах деяний коррупционного характера в нашем отечестве можно проводить анализ, начиная с IX–X вв., когда возник институт «кормления, как способ обеспечения довольствием должностных лиц великими и удельными князьями, по которому княжеская администрация содержалась за счет местного населения в течение периода службы» [1, с. 250]. Следует полагать, что сформированная на уровне генетики потребность в «кормлении» неискоренима до сих пор.

Исторические архивные данные наиболее эффективного противодействия коррупции уходят своими корнями ко времени правления Ивана Грозного, который оставил след как самый жесткий борец с коррупцией.

В настоящее время имеет место констатация факта того, что за последние 30 лет, за весь период перехода к рыночной экономике, коррупция существует в качестве системного явления, признана проблемой для общества и государства в целом. Данное обстоятельство выражается в масштабности российской экономики, в новых способах совершения коррупционных преступлений, в том числе и посредством цифровизации, что влечет: обесценивание авторитета государственных органов всех ветвей власти и управления; колоссальный материальный ущерб; неисчерпаемый моральный вред для граждан нашего общества [2, с. 26]. Тогда как борьба с коррупцией должна восприниматься в качестве единой цели гражданского общества и государства, которая заключается в непримиримости и оказании всеми морально-этическими, законодательно регламентированными формами противодействия незаконным коррупционным деяниям. Поскольку Россия в последние годы является очевидным примером пораженности таким вирусом, как коррупция, всех направлений общественной жизни, следовательно, государство предпринимает попытки его искоренения посредством экономических, культурных, воспитательных, политических и правовых мер [3, с. 65].

Проблематика видится в том, что коррупцией заражены высшие эшелоны государственной власти. Современные ученые, представители Генеральной Прокуратуры России справедливо констатируют факт наибольшего распространения коррупционных преступных деяний, совершаемых должностными лицами, которые сами должны своим примером показывать нетерпимость к коррупции, тогда как занимают высокопоставленные должности в законодательных, исполнительных органах государственной власти местного самоуправления, в правоохранительных органах, но причастны к коррупции. Не утихают примеры из следственной практики по факту уголовного преследования тех должностных лиц, которые используют в целях коррупционных хищений имущества, свои служебные полномочия, которые включают решающие

организационные, административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации (в частности, взятки в значительном размере, коммерческий подкуп, незаконное начисление себе премий). В то время как простые граждане все чаще задерживаются и привлекаются к уголовной ответственности по факту дачи взятки [4].

Исследователи подчеркивают: наибольшее поражение коррупция причинила в деятельности правоохранительных органов (87,5 %), органам государственной власти и местного самоуправления (77,1 %), судебной системе (64,6 %), бизнесу и предпринимательской деятельности (39,6 %), образованию и науке (39,6 %) [5, с. 145]. Медицинская деятельность занимает не последнее место в фактах коррупции, что представляет особый резонанс, поскольку именно здравоохранение отвечает за жизнь и здоровье главной ценности государства — человека. Сводные данные Следственного комитета России и Генеральной прокуратуры России являются основанием для вывода о том, что национальный проект «Здравоохранение» на достаточно серьезном уровне подвержен противоправным посягательствам коррупционного характера [6, с. 569].

Соответственно, вопросы противодействия коррупции регулярно находятся в центре внимания Президента России В. В. Путина. Так, 16 августа 2021 г. был издан Указ Президента России № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». Данным документом был утвержден Национальный план противодействия коррупции на четыре года.

Анализируя поставленные цели и задачи Национальной стратегии противодействия коррупции, очевидно главное: необходимость искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе.

Для достижения этой цели были поставлены и методично решаются следующие основополагающие задачи:

- формирование нормативно-правовой основы, подготовка и принятие соответствующих законодательных актов;
- создание условий, направленных на затруднение возможности коррупционного поведения;
- развитие мер ответственности и применение мер принуждения в рамках действующего законодательства [7, с. 48].

Как видим, курс противодействия коррупции в России имеет вектор направления на ее искоренение посредством реализации системных и поэтапных мер посредством активной деятельности всех ветвей государственной власти, формирования такого общества, в котором будет актуальна непримиримость с коррупцией и отвращение к ней, в котором граждане будут знать закон и все меры юридической ответственности, виды и пределы наказаний за коррупционные деяния.

Фактически в настоящее время имеет место самостоятельная функция государства — антикоррупционная [8, с. 41].

Во-первых, государственная власть мотивирована политической волей, заинтересована в итогах противодействия коррупции.

Во-вторых, руководствующий состав исполнительной и представительной власти регионов, муниципальных образований планомерно усиливает борьбу с «плутукратией» на местах.

В-третьих, политика и взятый курс нашего президента В. В. Путина активно реализуется в жизни, поскольку именно граждане хотят чувствовать в государстве справедливость, бескомпромиссность в исполнении действующего законодательства, неотвратимость наказания за все формы коррупционных проявлений [9, с. 44].

Как видим, преобразование механизма государственной власти в России — это поэтапно формирующийся процесс, который рассматривается в качестве важнейшего условия оптимизации социально-экономического прогресса страны. Тогда как коррупциогенные факторы исполнительной ветви власти и ее представителей, являются показателем того, что вместо воплощения в жизнь законности, препятствуют совершенствованию и росту государственного управления. Помимо того, что коррупция является ударом по бюджету России, она же является препятствием доверия граждан к публичной власти, влечет недоверие к верховенству закона, реализации прав человека, вызывает чувство социальной несправедливости [10, с. 70].

В Российской Федерации правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие нормативные правовые и подзаконные акты, направленные на противодействие коррупции [11].

Меры и виды юридической ответственности по факту коррупционного деяния предусмотрены основополагающим федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Статья 13 (в зависимости от состава деяния) за совершение коррупционных правонарушений предусматривает следующие формы ответственности: уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную.

Развитие и совершенствование мер юридической ответственности в рамках противодействия коррупции — это тот вопрос, который постоянно озвучивается представителями правоохранительной системы, в частности Генеральной прокуратурой, Следственным комитетом, органами МВД России. Регулярно решаются вопросы по реформированию действующего законодательства; по совершенствованию процесса формирования эталонов, связанных с высоким потенциалом правового уровня развитости знаний, которые не позволяют проявляться коррупционным фактам

в социальной жизни граждан; по усилению надзорных и контрольных мероприятий; проведению антикоррупционных профилактических мероприятий; повышению эффективности деятельности по отбору кандидатов на рабочие места, поступающих впервые; сотрудничеству со средствами массовой информации; материальному премированию и увеличению оплаты труда [12, с. 99].

Интерес представляет то, что государственная политика в настоящее время направлена не только на предотвращение фактов коррупции, а, в первую очередь, на их предупреждение, а так же изобличение на стадии подготовки. В этой связи дается больше возможностей оперативно-розыскным сотрудникам в рамках дел оперативного учета изобличать тех лиц, которые не только являются, например, потенциальными взяткополучателями, а так же готовятся к даче взятки. В этой связи обратим внимание на статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а именно сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2023 года (самые последние официальные данные) свидетельствуют о том, что по ст. 290 УК РФ (получение взятки) осуждено 932 человека, а по ст. 291 УК РФ (дача взятки) осуждено 1061 [13]. Так, можно полагать, что политика борьбы со взяточничеством руководствуется принципом: «не будут давать, значит, не будут брать».

В этой связи справедливы выводы авторов, которые пишут о необходимости не упускать из вида достаточно серьезный показатель коррупции — «решение проблем посредством дачи взятки». Статистические данные являются реальным и вполне правдивым показателем роста выявления фактов дачи взятки, в частности, количество уголовных дел за дачу взятки опережает данные по фактам ее получения. Следовательно, для нас очевидна необходимость повышения уровня антикоррупционного образования, что позволит сформировать антикоррупционное правосознания [14, с. 24].

Особую роль играет правовое просвещение наших граждан о мерах ответственности за коррупционные деяния. «Незнание законов не освобождает от ответственности, или незнание законов не оправдание (лат. *Ignorantia juris non excusat*)» или (лат. *ignorantia legis neminem excusat*) — юридический принцип, означающий, что лицо, не знающее о законе, не может избежать ответственности за нарушение закона только потому, что не знает о нем или его содержании [15].

Хотелось бы остановиться на том вопросе, что закон не определяет минимальный размер взятки, малая взятка до 10 000 рублей. Обратим внимание на то, что за последний отчетный период Судебного департамента при Верховном Суде России (в настоящее время последняя статистика Судебного Департамента представлена за первое полугодие 2023 года), только за 6 месяцев было осуждено 1445 человек по факту получения взятки в малом размере (ст. 291.2 УК РФ) [13]. В то же время судебная практика решение вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности по

факту малой взятки отдает на внутреннее убеждение суда. Если, по мнению судьи, факт не представляет общественной опасности, значит, уголовное дело может быть прекращено по факту малозначительности. В то время как в ситуации резонансности уголовного дела к коррупционеру применяются штрафные санкции. Государственная политика направлена на восполнение бюджета России, поскольку коррупция в первую очередь наносит урон не только нравственному чувству справедливости граждан, но и казне Российской Федерации. К примеру, одним из видов наказаний по факту посредничества во взяточничестве является штраф, в ситуации не квалифицированного состава (без отягчающих вину обстоятельств), закон предусматривает штраф до 700 000 рублей.

Разумеется, коррупция охватывается не только такими составами преступлений, как дача взятки и ее получение, но и рядом других.

Следовательно, в свете анализа мер по борьбе с коррупцией, мы понимаем, что не все проблемы решены и механизм дает сбой. Интерес представляет процесс доказывания по такому коррупционному составу, как неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ). В статистических данных Судебного департамента России нет отдельных данных на предмет, сколько конкретно вынесено обвинительных приговоров по данному составу преступления.

Статья 185.6 УК РФ проходит в общей совокупности преступлений в сфере экономической деятельности. В частности, по ст. ст. 169-200.7 УК РФ осуждено 5803 человек, оправдано — 27 [13]. Однако, по ст. 185.6 УК РФ факты имеют латентный характер. Авторы отмечают, что по данному составу преступления фактически отсутствует судебная практика. По поводу обоснованности такого мнения мы решили ознакомиться с судебной практикой, представленной в базе судебных решений «Судакт». Изучив те примеры из практики, которые зафиксированы на «Судакте», мы убедились в том, что поисковая система нам не показала ни одного уголовного дела по ст. 185.6 УК РФ.

И все же в производстве органов уголовного преследования проходят материалы проверок на предмет неправомерного использования инсайдерской информации. А именно той информации, посредством распространения которой имело место манипулирование финансовым рынком. В уголовно-процессуальной литературе констатируется следующее: «Из 16 проверок только один факт был квалифицирован по статье УК РФ, было возбуждено, дошло до суда, в итоге был вынесен обвинительный приговор» [16, с. 351].

Обобщив мнение практических работников, необходимо подчеркнуть: проблематика видится в том, что состав преступления сложен в доказывании причинно-следственной связи, не просто доказать факт извлечения дохода посредством распространения информации. Представителям науки видится проблема выявления и раскрываемости по данному составу преступления в недостатках реализации государственной

политики в области противодействия коррупции. Государственные органы власти не спешат предпринимать активные действия для решения вопросов такого характера. Одни эксперты считают, что отсутствие кардинальных мер борьбы с неправомерным использованием инсайдерской информации объяснимо причиной стремления не ужесточить гражданско-правовые отношения; другие эксперты обуславливают данное обстоятельство коррупцией [17, с. 240].

Проблематика очевидна и в недостаточно полном определении на законодательном уровне такого понятия, как инсайдерская торговля. Если изучить уголовно-правовые источники, можно прийти к выводу о том, что инсайдерская торговля заключается в купле-продаже акций, иных ценных бумаг определенного юридического лица, которая обусловлена участием посредника, в непубличной форме распространившим информацию о деятельности и планах данного юридического лица.

Анализируя состав, предусмотренный ст. 185.6 УК РФ, понимаем, что распространение такой информации является преступным деянием. Часть 1 ст. 185.6 УК РФ раскрывает следующие признаки объективной стороны: использование информации в целях оперирования финансами, зарубежной валютой, товарами; рекомендации третьим лицам для приобретения перечисленных выше предметов.

Итак, если распространение инсайдерской информации реализуется посредством общения с различными лицами, следовательно, видится проблематика в доказывании коммуникации в целях распространения инсайда. Возникает вопрос, как доказать факт «утечки» информации.

Безусловно, в этой части особое значение имеет оперативно-розыскная деятельность. Посредством оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на конфиденциальной основе, можно собрать не только поводы, но и основания для возбуждения уголовного дела. Следовательно, приобретает процессуальное значение такое оперативно-розыскное мероприятие, как прослушивание телефонных переговоров. Факт распространения инсайдерской информации можно установить и посредством установления связей между абонентскими устройствами.

Однако, такие оперативные мероприятия относятся к категории, которые ограничивают конституционные права граждан и могут осуществляться только в рамках судебного контроля.

В то время как судебная система является гарантом законных прав и интересов граждан, реализует свою деятельность во благо конституционных начал, значит, согласие на такие процессуальные действия дает не во всех случаях, а очень выборочно. В связи с чем у оперативных сотрудников возникают сложности, проблематично установить факт распространения, более того, по причине формальностей судебного контроля нивелируется оперативность расследования.

Кроме того, если задуматься о том, по какой категории дел законодательно регламентирована возмож-

ность прослушивания телефонных переговоров, то очевидно: по делам, которые могут быть квалифицированы в качестве средней тяжести, тяжких и особо тяжких. Тогда как априори, а именно до возбуждения уголовного дела, установить потенциальный размер ущерба при незаконном распространении инсайдерской информации, не представляется возможным. Да и вопросы признания обстоятельств не терпящими отлагательства в свете судебного контроля до сих пор носят характер научной дискуссии и нуждаются в более полной законодательной регламентации [18, с. 25].

Итак, на примере конкретного состава преступления коррупционной направленности для нас очевиден факт несовершенства воплощения в жизни реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции. А, как известно, политика борьбы с коррупцией направлена на устранение ее причин. Органам уголовного преследования и судам при рассмотрении дел о коррупционных преступлениях необходимо устанавливать как сведения и обстоятельства преступления, так и те факты, которые способствовали совершению таких деяний. Очевидно, процесс доказывания по вопросам расследования коррупционных деяний оставляет желать лучшего.

Подводя итог изложенному, отметим, государственная политика рассматривает борьбу с коррупцией, как меру безопасности России, как одну из важнейших функций государства. Следовательно, борьба с коррупцией ведется в духе непримиримости: с разглашением конфиденциальной информации, которая может нанести урон как финансовой деятельности субъектов, там и деятельности государства в целом; протекционизмом; взяточничеством; злоупотреблением служебным положением; злоупотреблением доверием в целях незаконного извлечения прибыли и другими противозаконными коррупционными деяниями. На всех уровнях государственной власти проводятся активные мероприятия, направленные на борьбу с коррупцией. От себя лично нам бы очень хотелось, чтобы судебная власть старалась способствовать органам уголовного преследования в реализации оперативно-розыскных мероприятий, которые осуществляются на тайной и безотлагательной основе.

Не все проблемы остаются разрешенными и коррупционная преступность по-прежнему остается в ранге латентной. С одной стороны, граждане имеют свободное право, не опасаясь преследования, сообщать о возможных коррупционных правонарушениях, тем не менее, поскольку не все механизмы борьбы с коррупцией безупречны, тогда не всегда есть ресурсы у государства на обеспечение лицам безопасности. В этой связи мероприятия по противодействию коррупции должны регулярно совершенствоваться в целях опережения преступной деятельности и ее предупреждения.

Список источников

1. Ахметова Н. А., Фролов С. А. Борьба с коррупцией : история и современность // Современ-

ная научная мысль. 2017. № 4. С. 250–253.

2. Коловангин П. М. Направления формирования и реализации государственной антикоррупционной политики в модернизации России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 2. С. 26–36.
3. Невинский В. В. Коррупция в России : системные меры противодействия // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 63–72.
4. Великая Е. В. К вопросу о прекращении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в связи с малозначительностью деяния // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2024).
5. Воронцов С. А., Понеделков А. В. О слабых звеньях коммуникативной деятельности по противодействию коррупции // Коммунология. 2018. Том 6. № 1. С. 140–146.
6. Козодаева О. Н., Михина Е. Г. Коррупционные преступления в сфере здравоохранения : анализ и практика // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Том 6. № 4. С. 567–574.
7. Михайлов В. И. Нормативное обеспечение государственной политики противодействия коррупции // Государственная служба. 2011. № 4. С. 47–51.
8. Противодействие коррупции в муниципалитете / Т. А. Фомина, М. В. Чураков, Н. А. Устина и др. Самара : ООО «Центр гуманитарных технологий и исследований «Социальная Механика», 2006. 119 с.
9. Поплавский М. А. Государственная политика противодействия коррупции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 40–44.
10. Аракелян А. Т., Гайдидей Ю. М. Государственная политика в области противодействия коррупции // Новый университет. 2014. № 4 (38). С. 60–70.
11. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2024).
12. Грачев Ю. А., Никишкин А. В., Ветрова Е. В. Меры по противодействию коррупции в Российской Федерации на современном этапе развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 99–106.
13. Данные судебной статистики // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: 11.02.2024).
14. Макаrchук И. А. Совершенствование государственной политики противодействия коррупции // Глобус. 2020. С. 23–25.
15. Википедия // URL://<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.02.2024).

16. Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 349–355.
17. Нелюбин И. Д. О некоторых проблемах выявления преступления, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ // Закон и право. 2022. № 3. С. 240–241.
18. Брянская Е. В. Средства доказывания неправомерного использования инсайдерской информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 16–25.
8. Combating corruption in the municipality / T. A. Fomina, M. V. Churakov, N. A. Ustina and others. Samara : LLC «Center for Humanitarian Technologies and Research «Social Mechanics», 2006. 119 p.
9. Poplavsky M. A. State policy against corruption // Theory and practice of social development. 2015. № 22. P. 40–44.
10. Arakelyan A. T., Gaididei Yu. M. State policy in the field of combating corruption // New University. 2014. № 4 (38). P. 60–70.
11. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 № 24 (as amended on December 24, 2019) // ConsultantPlus (accessed: 11.02. 2024).
12. Grachev Yu. A., Nikishkin A. V., Vetrova E. V. Measures to combat corruption in the Russian Federation at the present stage of development // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (84). P. 99–106.
13. Data from judicial statistics // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (accessed: 11.02.2024).
14. Makarchuk I. A. Improving state anti-corruption policy // Globus. 2020. P. 23–25.
15. Wikipedia // URL://<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 11.02.2024).
16. Naumov Yu. G., Khaziev G. A. Illegal use of insider information and market manipulation as a threat to the economic security of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 349–355.
17. Nelyubin I. D. About some problems of identifying a crime under Art. 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Law. 2022. № 3. P. 240–241.
18. Bryanskaya E. V. Means of proving the unlawful use of insider information // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 2 (26). P. 16–25.

References

1. Akhmetova N. A., Frolov S. A. The fight against corruption: history and modernity // Modern scientific thought. 2017. № 4. P. 250–253.
2. Kolovangin P. M. Directions for the formation and implementation of state anti-corruption policy in the modernization of Russia // Eurasian integration: economics, law, politics. 2017. № 2. P. 26–36.
3. Nevinsky V. V. Corruption in Russia : systemic countermeasures // Journal of Russian Law. 2017. № 1. P. 63–72.
4. Velikaya E. V. On the issue of termination of criminal cases of corruption-related crimes due to the insignificance of the act // ConsultantPlus (accessed: 11.02.2024).
5. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. On the weak links of communicative activities to combat corruption // Communicology. 2018. Volume 6. № 1. P. 140–146.
6. Kozodaeva O. N., Mikhina E. G. Corruption crimes in the field of healthcare : analysis and practice // Current problems of state and law. 2022. Vol. 6. № 4. P. 567–574.
7. Mikhailov V. I. Regulatory support of state anti-corruption policy // State Service. 2011. № 4. P. 47–51.

Информация об авторе

Е. В. Брянская — доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Bryanskaya — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 342.72

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-45-49>

EDN: <https://elibrary.ru/wjvcul>

НИОН: 2003-0059-3/24-046

MOSURED: 77/27-003-2024-03-245

Конституционно-правовые гарантии личных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: понятие и механизм их реализации

Рашид Борисович Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, bulatovrash@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с охраной и защитой прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации; функционированием органов публичной власти в сфере защиты прав и свобод граждан. Раскрывается понятие конституционно-правовых гарантий и механизм их реализации. Определена главенствующая роль личных (естественных) прав в системе конституционных прав человека и гражданина. Выявлены проблемы, возникающие при защите конституционных прав и свобод граждан, а также даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционно-правовые гарантии, права и свободы человека и гражданина, личные права, правовая культура, публичная власть, Конституционный Суд РФ, международная защита прав человека

Для цитирования: Булатов Р. Б. Конституционно-правовые гарантии личных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: понятие и механизм их реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 45–49. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-45-49>. EDN: WJVCUL.

Original article

Constitutional and legal guarantees of personal human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: the concept and mechanism of their implementation

Rashid B. Bulatov

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, bulatovrash@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the protection and protection of human and civil rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Russian Federation; the functioning of public authorities in the field of protection of citizens' rights and freedoms. The concept of constitutional and legal guarantees and the mechanism of their implementation are revealed. The dominant role of personal (natural) rights in the system of constitutional human and civil rights is determined. The problems arising in the protection of constitutional rights and freedoms of citizens are identified, as well as recommendations for overcoming them are given.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal guarantees, human and civil rights and freedoms, personal rights, legal culture, public authority, Constitutional Court of the Russian Federation, international protection of human rights

For citation: Bulatov R. B. Constitutional and legal guarantees of personal human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: the concept and mechanism of their implementation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):45–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-45-49>. EDN: WJVCUL.

© Булатов Р. Б., 2024

Конституция Российской Федерации прошла длинный и тернистый путь, совсем недавно исполнилось 30 лет со дня ее принятия. Самые важные поправки в нее были внесены в 2020 году [1], они коснулись почти всех положений Основного закона, за исключением 1, 2 и 9 глав. Согласно ст. 135 Конституции РФ: «Положения глав 1, 2 и 9 не могут быть пересмотрены Федеральным собранием» [2]. Это объясняется тем, что данные главы являются базисом, на котором формируется Основной закон, в них содержатся положения, определяющие неизменяемые государствообразующие основы построения нашей страны.

В положениях главы 2 Конституции Российской Федерации закреплены права и свободы человека и гражданина, которые являются основой укрепления правового, демократического государства, как и определено в Основном законе РФ.

Эффективная работа государственных институтов, обусловленная их способностью следить за исполнением законодательных актов, воплощает в жизнь принципы конституционной защиты. Эти органы не только следят за соблюдением законности, но и вносят свой вклад в укрепление законодательной базы, что позволяет совершенствовать систему правовой защиты граждан.

Важно подчеркнуть, что роль государства не ограничивается только контролем; оно также несет ответственность за создание условий, при которых каждый человек может полноценно реализовывать свои права и свободы. Контроль за соблюдением законов и конституционных норм является ключевым аспектом правовой государственности.

Стратегия развития правового государства в России предполагает активное участие всех ветвей власти в защите конституционного строя и прав человека. Непрерывное совершенствование законодательства, вместе с обеспечением его применения на практике, создает твердую основу для гарантирования прав и свобод граждан в полном объеме.

Среди прав и свобод особую роль играют личные права, еще их называют естественными правами. Они закреплены в ст. 20–29 Конституции РФ:

- право на жизнь;
- право на достоинство личности;
- право на свободу и личную неприкосновенность;
- право на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени;
- право определять и указывать свою национальную принадлежность;
- право на пользование родным языком;
- право на свободу передвижения;
- право на свободу совести, вероисповедания;
- право на свободу мысли и слова.

Необходимо отметить, что данные права и свободы принадлежат личности от рождения и не могут

быть ограничены без законной причины. Государство обязано гарантировать данный комплекс прав, в первую очередь, пресекая любые попытки их нарушения.

В дискуссиях научного сообщества активно обсуждается трактовка гарантий защиты прав и свобод, закрепленных в Основном законе Российской Федерации. Например, в некоторых статьях (ч. 2 ст. 19, ст. 29) выступает иная формулировка: каждому гарантируется свобода мысли и слова, равенство, независимо от пола, расы, национальности и языка; в других же (ст. 21, ч. 1 ст. 35) — право частной собственности, достоинство личности охраняется законом. Возникают дискуссии о том, как именно следует толковать термин «конституционно-правовых гарантий». Ученый М. В. Баглай подходит к понятию «гарантии» как к юридическим инструментам, которые необходимы для осуществления прав каждого индивида и гражданина [3, с. 232]. В то же время Т. Н. Добровольская описывает гарантии как качества или механизмы, что дают людям возможность воплощать в жизнь свои имеющиеся права [4, с. 132].

Эксперты в области фундаментальных принципов права часто разделяют общие взгляды на ключевые концепции. Так, В. С. Нерсисянц и Э. А. Чиркин описывают правовые гарантии как комплексную сеть форм и методов, включая законодательные, структурные и процессуальные аспекты, цель которых — обеспечение должного уважения, защиты и применения конкретных прав и связанных с ними обязательств [5, с. 60]. В то время как В. Д. Перевалов выражает мысль, что гарантии представляют собой «систему условий, способов и средств, обеспечивающих всем и каждому равные правовые возможности для выявления, приобретения и реализации своих прав и свобод» [6, с. 321].

По нашему мнению, верховенство права и защита основных человеческих прав и свобод обеспечиваются благодаря наличию прочных конституционных гарантий в Российской Федерации, которые превалируют над другими законами в юридической системе. Эти гарантии не только подтверждаются Основным законом государства, но и предполагают разнообразные методы защиты, включая самозащиту, судебные и административные меры защиты. В контексте реализации конституционных обязательств, подходы могут меняться, но их цель остается неизменной — обеспечение и защита прав и свобод каждого индивида. Рассмотрим их более детально [7; 8; 9].

1. Конституционный Суд Российской Федерации. Ключевым элементом судебной системы в Российской Федерации является Конституционный Суд. Этот высший судебный орган играет центральную роль в обеспечении верховенства Конституции. Основные положения, регламентирующие работу Конституционного Суда, зафиксированы в ст. 125 Основного закона нашего государства, которые гарантируют право любого гражданина обратиться в эту институцию.

Суд действует в соответствии с нормами и процедурами, определенными Федеральным Конституционным Законом № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года [10]. Этот закон закрепляет правовые основы функционирования главного судебного органа нашей страны, определяет его структуру и порядок рассмотрения дел судьями КС РФ.

Занимая особое место в системе правосудия, Конституционный Суд РФ характеризуется независимостью своей деятельности и самостоятельностью в принятии решений. Его задачей является не только толкование Конституции, но и надзор за ее соблюдением, а также решение споров, возникающих на основе трактования норм Конституции.

Конституционное судопроизводство охватывает широкий спектр дел, включая защиту личных прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в поддержании верховенства права в государстве, занимаясь решением вопросов, имеющих жизненно важное значение для всего общества и его правовой системы. Одной из его основных функций является оценка соответствия законов и других нормативно-правовых актов Конституции страны. Это обеспечивает строгую иерархию законов в нашей стране, где Конституция является главенствующим нормативно-правовым актом.

В дополнение к этому, Конституционный Суд рассматривает случаи, когда возникают конфликты компетенции между различными ветвями власти. Это может включать разногласия между федеральными и региональными органами власти или различными государственными институтами. В таких ситуациях Суд выступает в роли арбитра, устанавливая границы полномочий и способствуя стабильности государственного управления.

Еще одна важная задача Конституционного Суда заключается в толковании положений Конституции, что помогает разъяснить неоднозначные моменты в основном законе и направляет применение его положений в юридической практике. Таким образом, судебные решения становятся более предсказуемыми, а права и обязанности граждан — более ясными.

Кроме того, Конституционный Суд открыт для обращений граждан, которые могут подавать жалобы в случаях, когда они считают, что их конституционные права и свободы нарушены нормативными правовыми актами или действиями (бездействием) должностных лиц. Чтобы такая жалоба была принята к рассмотрению, необходимо доказать, что произошедшие нарушения имеют прямую связь с противоречием положениям Основного закона.

Значимость Конституционного Суда еще более усиливается, когда речь идет о защите прав отдельных личностей или групп людей. В случаях, когда законы и иные нормативные акты вступают в противоречие с Конституцией, решения Суда служат не просто устра-

нению этих противоречий, но и восстановлению нарушенных прав и свобод.

Для закрепления верховенства права и защиты прав и свобод каждого индивида, Конституционный Суд РФ выполняет свои полномочия, которые включают в себя не только рассмотрение дел по существу, но и принятие обязательных для исполнения решений. Это создает фундамент для стабильности правовой системы и поддержания доверия общества к властным институтам.

2. Суды общей юрисдикции. Права и свободы защищаются на различных уровнях судами, функционирующими на определенной территории: мировой суд, районный суд, городской суд, областной суд. За защитой своих прав граждане обращаются в суды, после рассмотрения обращения и проведения судебного процесса выносятся постановления, которое восстанавливает права заявителя, в случаях, когда они были нарушены. Постановление суда немедленно и в обязательном порядке приводится к исполнению, контролируют процесс исполнения судебных решений специальные органы — органы принудительного исполнения.

3. Самозащита. Граждане вправе обращаться в суд, а также в иные органы власти за защитой их прав и свобод. Самый распространенный способ самозащиты — это обращение с жалобой в соответствующий орган или с иском в суд. Существуют также такие способы как обращение в средства массовой информации, к общественности, путем проведения разрешенных массовых акций. Ко всему, за каждым человеком признается право на необходимую оборону, в случаях, предусмотренных законодательством. Все эти меры направлены на защиту высшей конституционной ценности — прав и свобод человека и гражданина.

4. Административно-правовая защита. Защита прав и свобод граждан в контексте административного права охватывает несколько ключевых направлений: обеспечение законодательных мер со стороны органов исполнительной власти, возможности апелляции постановлений данных органов, а также надзор со стороны прокуратуры за деятельностью исполнительной власти в рамках законности.

5. Международная защита. В отличие от внутренних механизмов, международная правовая защита предполагает вмешательство международных институтов, таких как Европейский Суд по правам человека, хотя в последнее время доступ к таким формам защиты для российских граждан становится менее прямым и не таким прозрачным в свете продолжающихся глобальных событий в мире.

Стоит отметить ряд проблем, возникающих при защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

1. Коррупция в нашем государстве на протяжении всей его истории отравляло общество. Это связано с тем, что коррупция затрагивает различные аспекты

жизни страны: политические, экономические и социальные. В России эта проблема стала системной, поскольку коррупция проникла во все сферы деятельности государства и общества. Поэтому борьба с коррупцией является одной из самых важных задач.

Необходимо усилить меры по борьбе с коррупцией, среди которых выделим: проведение более эффективной антикоррупционной политики, повышение уровня правовой культуры, привлечение к борьбе с коррупцией институтов гражданского общества, обеспечение прозрачности деятельности органов публичной власти, совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции и актуализирование его в рамках глобальных вызовов и стремительно растущего технологического прогресса.

2. Высокая загруженность органов публичной власти приводит к снижению эффективности в решении проблем граждан, в том числе в сфере защиты их конституционных прав и свобод. Нехватка штатной численности служащих, а также, зачастую, недостаточная подготовка профессиональных кадров формируют негативное отношение к органам публичной власти у граждан и вызывают сомнения в возможности восстановления их нарушенных прав.

Необходимо увеличить численный состав сотрудников в органах, занимающихся защитой прав и свобод граждан, а также повысить квалификационные требования, предъявляемые к государственным и муниципальным служащим. Это позволит оперативно и качественно решать проблемы граждан Российской Федерации.

3. Недостаточный уровень правовой культуры граждан приводит к тому, что люди не реагируют на нарушения своих прав вместо того, чтобы обратиться в компетентные органы, либо воспользоваться инструментами самозащиты. Чаще всего это происходит от незнания норм закона, а также отсутствия понимания работы правовой системы в нашей стране.

Эта проблема требует комплексного подхода, начиная с институтов социализации (семья, школа, вуз, армия и т.д.) и заканчивая саморазвитием. Необходимо повысить качество образования в области права; формировать в семьях понимание важности знания правовых категорий общего характера; представителям органов публичной власти проводить периодические встречи с гражданами на правовую тематику, в том числе по вопросам, касающимся правового статуса граждан РФ, защиты прав и свобод человека и гражданина в нашей стране.

Таким образом, Конституция Российской Федерации закрепляет и охраняет множество прав и свобод человека гражданина. Механизмы реализации конституционно-правовых гарантий в нашем государстве работают на всех уровнях публичной власти и включают правозащитную деятельность

субъектов, среди которых: Парламент РФ, Президент РФ, Правительство РФ, судебная система РФ (Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции, третейские суды, арбитражные суды и др.), органы административной юстиции, парламентская деятельность по защите прав человека, институт уполномоченного по правам человека в РФ, органы государственной власти субъектов федерации, органы муниципальной власти, международные институты защиты прав человека, в которые имеет право обратиться любой гражданин Российской Федерации с требованием защиты своих прав и свобод, если внутригосударственные правовые средства защиты уже исчерпаны.

Список источников

1. Булатов Р. Б. Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение : учебное пособие. СПб : ГУАП, 2023. 232 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. М., 2007. 767 с.
4. Добровольская А. И. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 128–135.
5. Социалистическое правовое государство : концепция и пути реализации / ред. Э. А. Чиркин. М. : Юрид. лит., 1990. 318 с.
6. Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев и др. ; отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2011. 495 с.
7. Иванов С. В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2(47). С. 68–74.
8. Лысаков В. А. Конституционно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина в РФ // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 323–326.
9. Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России : понятие и классификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. № 3(39). С. 31–39.
10. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 25 июля 1994 г. № 13. Ст. 1447.

References

1. Bulatov R. B. The Constitution of the Russian Federation : amendments of 2020 and their significance : a textbook / R. B. Bulatov. St. Petersburg : GUAP, 2023. 232 p.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 01.07.2020 № 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.07.2020. № 31. Art. 4398.
3. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation : textbook for universities. M., 2007. 767 p.
4. Dobrovolskaya A. I. Guarantees of citizens' rights in Soviet criminal proceedings // The Soviet state and law. 1980. № 2. P. 128–135.
5. The socialist rule of law : the concept and ways of implementation / ed. E.A. Chirkin // M. : Legal lit., 1990. 318 p.
6. Theory of state and law : textbook / S. S. Alekseev et al. ; ed. by V. D. Perevalov. M., 2011. 495 p.
7. Ivanov S.V. The concept and essence of constitutional and legal guarantees // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2016. № 2(47). P. 68–74.
8. Lysakov V. A. Constitutional and legal guarantees of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation // Young Scientist. 2019. № 22 (260). P. 323–326.
9. Komkova G. N. Constitutional guarantees of human rights in Russia : concept and classification // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. Right. № 3(39). P. 31–39.
10. Federal Constitutional Law № 1-FKZ dated July 21, 1994 «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // SZ RF. July 25, 1994 № 13. Art. 1447.

Информация об авторе

Р. Б. Булатов — профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

R. B. Bulatov — Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 349.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-50-54>

EDN: <https://elibrary.ru/vzlapf>

НИОН: 2003-0059-3/24-047

MOSURED: 77/27-003-2024-03-246

Международные санкции как нарушение этических основ договорного права и меры по защите национальных интересов России

Тофик Миртагиевич Гандилов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tgandilov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются ответные меры Российской Федерации на международные санкции, нарушающие права и интересы российских корпоративных организаций и граждан. Речь идет о мерах по обеспечению финансовой стабильности, о применении санкций к иностранным кредиторам, а также к иностранным государствам и международным организациям за лишение России, ее граждан и юридических лиц права собственности и (или) ограничение их прав.

Ключевые слова: международные санкции, лица, связанные с недружественными странами, особый порядок исполнения договоров, обязательств по кредитам и займам, лишение или ограничение прав

Для цитирования: Гандилов Т. М. Международные санкции как нарушение этических основ договорного права и меры по защите национальных интересов России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 50–54. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-50-54>. EDN: VZLAPF.

Original article

International sanctions as a breach of ethical principles of contract law and measures for the protection of national interests of Russia

Tofik M. Gandilov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tgandilov@mail.ru

Abstract. The response measures of the Russian Federation to international sanctions breaching the rights and interests of Russian companies and individuals are being considered. The article is about the measures for ensuring financial stability, application of sanctions to foreign creditors as well as foreign states and international organizations for deprivation of property rights of Russia, its citizens and companies and (or) limitation of their rights.

Keywords: international sanctions, persons connected with unfriendly countries, special order of performance of contracts and obligations under credit lines and loans, deprivation or limitation of rights

For citation: Gandilov T. M. International sanctions as a breach of ethical principles of contract law and measures for the protection of national interests of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):50–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-50-54>. EDN: VZLAPF.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, что мир вступил в очередной этап глобальной турбулентности. Международные санкции США и коллективного Запада против России, ее корпораций и граждан в 2022–2023 гг., не только нарушают их права, но и создают угрозу национальным интересам государства.

Уход с российского рынка ключевых поставщиков, внезапная приостановка производственного цикла в различных отраслях экономики, отказ от исполнения договорных обязательств, досрочное прекращение ранее заключенных договоров не может не сказаться на стабильности и устойчивости российской экономики. Происходит подрыв известного еще со времен римско-

го права принципа *pacta sunt servanda*, но и грубейшее нарушение принципов как национального, так и международного права.

С целью защиты политического и экономического суверенитета государство вынуждено перейти к мобилизационной экономике и сосредоточит все силы общества на решении проблем как внутри страны, так и во внешних экономических отношениях. При этом в реализации разрабатываемых мер по нивелированию последствий международных санкций важная роль отводится не только механизму договорного, но и государственного регулирования возникающих при этом отношений. В сложившейся ситуации упование на то, что рынок, основанный на частно-правовых нормах, все урегулирует — ошибочно.

В свое время попытки изгнания государства из сферы регулирования рыночных отношений и отведение ему роли «ночного сторожа» ничему хорошему не привели. В государственном вмешательстве, в особенности в период международных санкций, остро нуждается как малый и средний, так и крупный бизнес, которые испытывают большие трудности в недостаточности оборотных средств из-за ограничения экономической их деятельности.

В целях поддержки предпринимательских структур Правительство РФ на один год перенес сроки страховых взносов в бюджет для всех отраслей, кроме экспортеров, финансовых и бюджетных организаций, а также оптовой торговли. В результате предприятия получили 1,6 трлн. руб. свободных оборотных средств и смогут направить их на перестройку производства и логистику.

На крупный бизнес, кроме того, была распространена программа гарантийной поддержки банковского кредитования. Расширение банковского финансирования охватило также производителей продуктов питания, лекарств, оборудования, IT-бизнеса и других производственных компаний, ориентированных на внутренний рынок.

Что касается транспортных организаций, оказывающих услуги перевозки, из-за резкого сокращения грузопотока, действующее законодательство разрешило им в произвольном порядке сокращать и даже прекращать перевозки. По причине злоупотребления этим правом со стороны некоторых недобросовестных коммерческих организаций, впоследствии, пришлось ограничить соответствующее право перевозчиков и ввести уведомительный порядок изменения и прекращения транспортных маршрутов.

В условиях международных санкций, применительно к внутренним проблемам страны, особо

острым является вопрос об импортозамещении.

К сожалению, ранее принятые нормативные акты по данному вопросу, до сих пор не реализованы в достаточной мере. Да и коммерческие организации не столь заинтересованы инвестировать свои средства в проекты по импортозамещению, которые, как известно, не приносят быстрой прибыли. Следовательно, наряду с рыночными, важно использовать и такие нерыночные методы как индикативное планирование, целевое государственное финансирование, льготное кредитование и т. д.

Изложенное выше еще раз подтверждает, что в сложившихся обстоятельствах не рыночное саморегулирование, где преобладают частные интересы, а государство, исходя из публичных интересов, может переломить негативные последствия международных санкций. Конечно, это вовсе не означает отказа, в данном случае, от рыночного механизма. Речь идет лишь о защите как публичных, так и частных интересов, о сочетании частных и публичных интересов для достижения целей государственного регулирования [1, с. 32–33].

Таким образом, говоря о решении внутренних проблем, следует особо подчеркнуть, что такие вопросы как стратегическое планирование, структурные преобразования, социальное выравнивание, поддержка бизнеса, диверсификация, импортозамещение и другие подобные вопросы являются предметом не рыночного, а государственного регулирования.

Теперь о проблемах, возникших в международных экономических отношениях между российскими и иностранными компаниями в связи с применением против российских государственных органов, организаций и граждан экономических санкций, грубо нарушающих нормы международного права.

Отказ иностранных контрагентов от исполнения договорных обязательств по контрактам и их одностороннее прекращение, вынудило российское государство принять ряд ответных мер, направленных на защиту национальных интересов.

Начиная с февраля 2022 г., Президентом РФ принят ряд Указов [например, 2; 3; 4; 5; 6] о применении специальных экономических и правовых мер в отношении недружественных действий некоторых иностранных государств и международных организаций.

В этих актах адресатами ответных санкций являются две категории лиц: а) иностранные государства, осуществляющие недружественные действия (далее — санкционные государства); б) иностранные лица, связанные с санкционными государствами. А сами меры, предусмотренные в Президентских Ука-

зах, которые будут рассмотрены подробно, можно разделить на три группы.

Первая группа — это меры по обеспечению финансовой стабильности.

С этой целью установлен особый порядок осуществления (исполнения) резидентами сделок (операций) по предоставлению лицам иностранных государств, совершающих недружественные действия, кредитов и займов (если это не запрещено), а также сделок (операций) с ценными бумагами и недвижимым имуществом.

Особый порядок заключается в том, что разрешение на осуществление (исполнение) указанных выше сделок, а также сделок, влекущих возникновение права собственности на ценные бумаги с определением при необходимости условий их исполнения, выдается соответственно Правительственной комиссией и Банком России по согласованию с Министерством финансов РФ [3].

Необходимо, однако, отметить, что порядок, предусмотренный для совершения (исполнения) указанных выше сделок, имеет ряд исключений и не распространяется на сделки:

- (операции), влекущие за собой возникновение права собственности на недвижимое имущество, приобретаемое гражданами иностранных государств, совершающих недружественные действия;
- направленные на отчуждение недвижимого имущества гражданами из санкционных государств, при условии, что проведение расчетов по таким сделкам осуществляется путем открытия счета типа «С»;
- иностранных лиц, связанных с санкционными государствами либо российских юридических лиц, находящихся под их контролем, в случае, когда эти лица являются участниками долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости;
- этих же лиц при возникновении у них права собственности на помещения в многоквартирных домах и (или) иных объектах недвижимости, построенных при участии в долевом строительстве;
- по приобретению права собственности на дополнительные акции (доли), облигации российских юридических лиц, стороной которых являются лица, связанные с санкционными государствами и входящие в одну группу с российскими юридическими лицами согласно Закону о защите конкуренции;

- иностранных лиц, связанных с санкционными государствами, по приобретению права собственности на дополнительные акции (доли) у российских юридических лиц, при условии, что они не приобретут прямо или косвенно право распоряжения более чем 25% акций уставного (складочного) капитала юридического лица;
- безвозмездные сделки, на основе которых возникает права собственности на недвижимое имущество и стороной которых являются граждане из санкционных государств, при условии, что указанные сделки совершаются между супругами или близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом РФ [6].

Помимо указанных выше сделок, Указ Президента РФ содержит и иные сделки, на которые меры по обеспечению финансовой стабильности не распространяются.

Вторая группа мер касается некоторых иностранных кредиторов, связанных с санкционными государствами, к которым применяются санкции. Для них также предусмотрен особый порядок исполнения российскими должниками своих кредитных обязательств [4].

Суть особого порядка в том, что российские должники (РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, резиденты) для выполнения своих обязательств по кредитам и займам перед этими кредиторами, обязаны открыть на имя иностранного кредитора в российском банке счет типа «С», предназначенного для расчетов по этим обязательствам в рублях. При этом речь идет об обязательствах, сумма которых превышает 10 млн. руб. (в эквиваленте стоимости обязательства в иностранной валюте) в календарном месяце. По поводу исполнения этих обязательств следует отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, имеются в виду обязательства, возникающие из независимых гарантий или поручительств, по которым бенефициарами являются иностранные кредиторы, и эти способы обеспечения основного обязательства касаются только кредитов, займов либо финансовых инструментов.

Во-вторых, российские должники с разрешения Банка России и Министерства финансов РФ путем зачисления на счет типа «С» ценных бумаг вправе прекратить свои обязательства (полностью или частично) перед иностранными кредиторами, связанными с санкционными государствами. При этом согласия

иностранный кредитор не требуется, если стоимость ценных бумаг равноценно стоимостному выражению кредитного обязательства.

Порядок использования иностранным кредитором средств должника, находящихся на счете, определяется Банком России. Кредитное обязательство считается исполненным только в том случае, если соблюдены требования об осуществлении расчетов в российских рублях.

В то же время Банку России и Минфину РФ, с учетом статуса должников (кредитные или не кредитные финансовые организации, иные должники) предоставлены полномочия по определению иного порядка исполнения должниками кредитных обязательств.

Третья группа мер, как ответные санкции, приняты в отношении иностранных государств и международных организаций за незаконное лишение ими Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц права собственности и (или) ограничение указанного права [5].

Российским органам власти, организациям и физическим лицам запрещается заключать сделки (в т. ч. внешнеторговые контракты) с лицами из санкционных государств, а также исполнять перед ними свои обязательства по заключенным сделкам, если они еще не исполнены или исполнены не в полном объеме. Следовательно, можно не платить за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги или не поставлять товары по заключенным контрактам.

Кроме того, нельзя совершать финансовые операции, выгодоприобретателями по которым являются иностранные юридические и физические лица и находящиеся под их контролем организации, по отношению к которым применяются санкции. Им запрещается также вывозить и получать из России продукции и сырья, произведенных или добытых на территории РФ, если они поставляются в пользу лиц, находящихся под санкциями.

Говоря об исполнении финансовых обязательств перед иностранными кредиторами, определенный порядок в этом вопросе установлен и в отношении иностранных лиц, связанных с санкционными государствами, в тех случаях, когда они являются участниками российских хозяйственных товариществ и обществ, кооперативов. Речь идет о выплате им прибыли указанными корпоративными организациями в рублях путем открытия счета типа «С» в кредитной организации.

Ограничительные меры к недружественным иностранным государствам, их объединениям и союзам предусмотрены и при принятии общим собранием

участников (акционеров) хозяйственных обществ решения по вопросам, отнесенным к их компетенции по действующему законодательству и их учредительным документам [7].

В тех случаях, когда лицам из недружественных стран принадлежит доля в уставном капитале хозяйственного общества, последние большинством голосов участников (акционеров) вправе принять решение о том, что голоса указанных лиц не учитываются при определении кворума и результатов голосования по вопросам повестки общего собрания хозяйственного общества.

При этом важно отметить, что в случае принятия указанного выше решения не учитываются положения учредительного документа российского хозяйственного общества, корпоративного договора, заключенного между участниками (акционерами) общества, а также права, составляющие содержание корпоративного договора.

Конечно, Указы Президента РФ не могут охватить все возможные ответные меры, применяемые к странам, осуществляющим недружественные действия по отношению к российским организациям и гражданам. Поэтому было бы целесообразно, с привлечением соответствующих государственных органов, проанализировать действующие договоры (в том числе международные соглашения), заключенные с санкционными государствами и лицами из этих государств по различным вопросам на предмет того, учитываются ли в них национальные интересы России и не содержатся ли в них какие-либо преимущества, предоставляемые недружественным странам, нарушающим права и интересы российских организаций и граждан.

Список источников

1. Губин Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства : правовые проблемы. М., 2006.
2. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента Российской Федерации от 4 мая 2022 г. № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских хозяйственных обществ» // Российская газета. 2023 г. 18 янв.

References

1. Gubin E. P. State regulation of the market economy and entrepreneurship : legal problems. M., 2006.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated February 28, 2022 № 79 «On the application of special economic measures in connection with

the unfriendly actions of the United States of America and foreign States and international organizations that have joined them» // ConsultantPlus.

3. Decree of the President of the Russian Federation № 81 dated March 1, 2022 «On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation» // ConsultantPlus.
4. Decree of the President of the Russian Federation № 95 dated March 5, 2022 «On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors» // ConsultantPlus.
5. Decree of the President of the Russian Federation № 252 dated May 3, 2022 «On the application of retaliatory special economic measures in connection with the unfriendly actions of some foreign States and international organizations» // SPS ConsultantPlus.
6. Decree of the President of the Russian Federation № 254 dated May 4, 2022 «On the temporary procedure for fulfilling financial obligations in the field of corporate relations to some foreign creditors» // ConsultantPlus.
7. Decree of the President of the Russian Federation № 16 dated January 17, 2023 «On the temporary decision-making procedure by the bodies of some Russian Business Companies» // Rossiyskaya Gazeta. 2023 January 18.

Информация об авторе

Т. М. Гандилов — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

T. M. Gandilov — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 03.06.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 03.06.2024.

Научная статья

УДК 343.2/7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-55-60>

EDN: <https://elibrary.ru/wrnmgo>

ИПОН: 2003-0059-3/24-048

MOSURED: 77/27-003-2024-03-247

Эволюция принципов: детализация, эффективность и перспективы внедрения новых концепций

Акынкали Даутбаевич Дарменов

Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, Костанай, Республика Казахстан,
Academy.krg@mail.ru

Аннотация. Проводится тщательное изучение принципов уголовного правосудия; основное внимание уделяется тому, насколько полно и конкретно раскрывается каждое понятие, что подтверждается многочисленными нормативными положениями. Критическая оценка указывает на логическую несбалансированность и даже повторяемость этих конструкций. Рассматривается отсутствие технических принципов и выдвигается новая идея — принцип процессуальной экономии. В этом контексте поднимается вопрос о неравномерности системы и отсутствии принципа оперативности, особенно в свете нынешней рационализации процессов по уголовным правонарушениям. Предлагается ввести понятие процессуальной экономии, чтобы сбалансировать и улучшить систему уголовного правосудия, а также восполнить все существующие недостатки.

Ключевые слова: законодательство, принципы, декларации принципов, логическая структура, детализация норм, проблемы и перспективы

Для цитирования: Дарменов А. Д. Эволюция принципов: детализация, эффективность и перспективы внедрения новых концепций // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 55–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-55-60>. EDN: WRNMGO.

Original article

Evolution of principles: detailing, effectiveness and prospects for introducing new concepts

Akynkali D. Darmenov

Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyldaev,
Kostanai, Republic of Kazakhstan, Academy.krg@mail.ru

Abstract. A thorough examination of the principles of criminal justice is held; the focus is on how fully and specifically each concept is disclosed, as evidenced by numerous normative provisions. A critical evaluation points to the logical imbalance and even repetitiveness of these constructs. The lack of technical principles is considered and a new idea, the principle of procedural economy, is put forward. In this context the unevenness of the system and the absence of the principle of expediency is raised, especially in light of the current rationalization of processes for criminal offences. It is suggested that the concept of procedural economy should be introduced to balance and improve the criminal justice system and make up for any existing shortcomings.

Keywords: legislation, principles, declarations of principles, logical structure, detailing of norms, problems and prospects

For citation: Darmenov A. D. Evolution of principles: detailing, effectiveness and prospects for introducing new concepts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):55–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-55-60>. EDN: WRNMGO.

Все споры ученых о соотношении целей и принципов завершаются на аспектах противостояния аксиологических и технических вопросов [1, с. 85]. При

этом, данный вопрос уже долгое время остается открытым, поскольку определение насколько точно цели уголовного судопроизводства отражены в отечествен-

© Дарменов А. Д., 2024

ных уголовно-процессуальных принципах, благодаря отечественному уголовно-процессуальному законодательству занимают одну из актуальных проблем. Данное обстоятельство позволяет нам выделить то, как теоретические дискуссии отражаются в конкретных моделях конкретизации целей и задач из абстракций.

Исходя из вышеизложенного, мы можем примерно определить следующие технологические цели уголовного судопроизводства, учитывая современную правовую ситуацию:

- объективность следственного и судебного познания;
- быстрота (максимальная временная эргономичность) следственного и судебного познания;
- полнота (достаточность познанного, указанная нами в череде задач предварительно ввиду самой ее спорности).

Более того, мы считаем, что одна из важнейших обязанностей уголовного процесса — обеспечить соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства о дозволённом и возможном познании. Имейте в виду, что уголовно-процессуальное законодательство ни в коей мере не описывает это задание [2, с. 146].

Одновременно это задание в своей абстрактной форме служит вектором конкретизации, позволяющим установить свойства когнитивных алгоритмов, которые затем оцениваются на предмет эффективности с точки зрения объективности, полноты и т. д. Это упражнение позволяет выявить потенциальные когнитивные механизмы с точки зрения технологии познания, устраняя необходимость в какой-либо форме оценочной фикции.

Таким образом, под эффективностью здесь понимается истинная познавательная ценность того или иного алгоритма в идеальном мире, свободном от дальнейшей модификации ограничениями допустимости и другими требованиями, например, аксиологическими.

Существование задач уголовного процесса очевидно уже потому, что она находится в конкурирующем противопоставлении с аксиологией, как направлением, существенно влияющим на саму эффективность. Гипотетически, аксиологии в уголовном процессе и быть не может, если она не оценивает соизмеримость между эффективностью и моральностью того или иного способа познания. При этом, собственно моральная составляющая выражается в уголовно-процессуальном законодательстве при отсутствии выражения эффективности, что не позволяет обратить внимание на сами условия эффективности технологии познания, на ее суть. Как следствие, сравнение возможного и дозволительного становится не полноценным, что собственно и влияет на гипертрофированное развитие аксиологических идей в уголовном процессе.

Мы не считаем, что задача эффективности по-

глощают собой задачи полноты и объективности уже потому, что понятие полноты и объективности имеет субъективное выражение, задача же эффективности внешне проверяется соответствием количества привлеченных к уголовной ответственности количеству лиц совершивших уголовное правонарушение. Нельзя отождествлять задачу эффективности и с задачей справедливости определяющей меру наказания за содеянное, а не сам факт установления вины правонарушителя с помощью всего арсенала уголовного процесса.

С точки зрения же действующего УПК Республики Казахстан, аксиологический задачей уголовного процесса, значение которой мы отрицаем с точки зрения правильности конструирования уголовного процесса, но вынуждены признать по факту структуры уголовно-процессуального закона может являться «обеспечение защиты от необоснованного ограничения прав и свобод человека и гражданина».

В этой связи, исходя из утверждения ч. 1 ст. 9 УПК Республики Казахстан [3] о том, что принципы предназначены для реализации стоящих перед уголовным процессом задач, перед нами стоит задача определить качество соотношения названных уголовным процессом принципов с обозначенными выше задачами уголовного процесса и, в процессе такого определения, сформировать объем действительных по отношению к казахстанскому уголовному процессу принципов. И лишь после завершения этого процесса мы считаем нужным перейти к вопросу об обеспечении с помощью принципов общих условий реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса и их влиянии на систему и содержание его стадий, институтов и норм, что и будет являться предметом отдельной части нашего исследования.

Проведенный же нами анализ позволяет утверждать, что «принципами» Казахстанского уголовного процесса, согласно содержанию УПК Республики Казахстан можно считать следующие положения:

Аксиологические декларации:

- ст. 13. Уважение чести и достоинства личности;
- ст. 15. Охрана прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам.

Их сущность выражается в установлении правил, не допускающих унижение или умаление человеческого достоинства (см. ч. 1 ст. 13 УПК Республики Казахстан), а также в обязанности органа ведущего уголовный процесс, охранять права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе, создавать условия для их осуществления, принимать своевременные меры к удовлетворению законных требований участников уголовного процесса (см. ч. 1 ст. 15 УПК Республики Казахстан).

При этом, как мы уже обозначили выше, одно лишь попадание в орбиту уголовного процесса может являться обстоятельством, воспринимаемым в ка-

честве умаления достоинства, не говоря уже об участии в следственных действиях специфического типа (изъятие образцов для сравнительного исследования, личный обыск, освидетельствование и т. п.). Второе же положение, указанное нами, лишь типологически названо нами принципом, поскольку не в состоянии как-либо реализовать часть вторую ст. 8 УПК Республики Казахстан «Задачи уголовного процесса», устанавливающую, что «2. Установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву».

Здесь, обязанность органов уголовного процесса охранять права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе никак не реализует необходимость обеспечения человека и гражданина от необоснованного осуждения и обвинения. Это подтверждается и содержанием последующих частей ст. 15 УПК Республики Казахстан, по сути описывающих необходимость возмещения вреда и принятия мер обеспечительного характера в случае угроз участникам процесса. По сути, оно является пограничным в восприятии его как аксиологической декларации и как нормы и вовсе не имеющей отношения к принципам уголовно-процессуального права.

Технологические принципы, закрепленные в УПК Республики Казахстан в виде норм находящихся в следующих статьях:

- «Независимость судьи» (ст. 22 УПК Республики Казахстан);
- «Осуществление правосудия на началах равенства перед законом и судом» (ст. 21 УПК Республики Казахстан);
- «Осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон» (ст. 23 УПК Республики Казахстан);
- «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела» (ст. 24 УПК Республики Казахстан);
- «Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь» (ст. 27 УПК Республики Казахстан);
- «Гласность» (ст. 29 УПК Республики Казахстан);
- «Обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту» (ст. 30 УПК Республики Казахстан);
- «Свобода обжалования процессуальных действий и решений» (ст. 31 УПК Республики Казахстан);
- «Оценка доказательств по внутреннему убеж-

дению» (ст. 25 УПК Республики Казахстан)

Нужно отметить, что детальное изучение всех данных принципов позволяет утверждать, что они могут реализовать лишь объективность, как характеристику познания, т. е. задачу объективности расследования (познания). Что же касается задач, указанных в ст. 8 УПК Республики Казахстан, определенных нами в качестве быстроты и полноты познания, то они остались практически неохваченными уголовно-процессуальным законодательством, за исключением статьи 24 УПК Республики Казахстан «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», которая отчасти описывает логику принципа полноты следственного познания.

Нельзя считать принципами следующие декларации определенные уголовно-процессуальным кодексом как принципы: «Законность» (ст. 10 УПК Республики Казахстан); «Осуществление правосудия только судом» (ст. 11 УПК Республики Казахстан); «Неприкосновенность личности» (ст. 14 УПК Республики Казахстан); «Неприкосновенность частной жизни. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 16 УПК Республики Казахстан); «Неприкосновенность жилища» (ст. 17 УПК Республики Казахстан); «Неприкосновенность собственности» (ст. 18 УПК Республики Казахстан); «Презумпция невиновности» (ст. 19 УПК Республики Казахстан); «Недопустимость повторного осуждения и уголовного преследования» (ст. 20 УПК Республики Казахстан); «Освобождение от обязанности давать свидетельские показания» (ст. 28 УПК Республики Казахстан); «Язык уголовного судопроизводства» (ст. 30 УПК Республики Казахстан).

Причинами, не позволяющими считать перечисленные декларации-нормы принципами уголовно-процессуального права, следует считать следующие.

По отношению к декларации «законность» таковой причиной является утверждение о том, что законность может существовать лишь в качестве свойства права, но никак не в качестве принципа, поскольку необщеобязательность соблюдения закона (конституции, в рамках понимания содержания ст. 10 УПК Республики Казахстан «Законность») лишает право его неотъемлемого свойства, делая его необязательным переносит его в разряд моральных норм. Поэтому, это свойство права не нуждается в закреплении вообще, его обеспечение происходит благодаря существованию норм материального характера устанавливающего ответственность за нарушение тех или иных законодательных правил, а также в виде юридической декларации о том, что незнание этих правил не освобождает от ответственности за их невыполнение. О том, что законность не является принципом права, заявляли и другие ученые [4, с. 15].

По отношению к декларации «Осуществление правосудия только судом» (ст. 11 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными

ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что суд является обязательным элементом теории разделения властей, на который возлагается исключительная задача разрешения дел по существу. Поэтому, вопросы структуры власти в Республике Казахстан уже находя свое отражение в Конституции Республики Казахстан не требуют своего тавтологического закрепления в качестве «принципов» УПК Республики Казахстан, тем более, что данное правило никак не может реализовать задачи объективности, полноты, быстроты следственного познания. Не может данная декларация реализовать и аксиологические идеи.

По отношению к декларации «Неприкосновенность личности» (ст. 14 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что общая идея неприкосновенности личности уже выражена соответствующими нормами материального права (уголовное и административное право Республики Казахстан). Само же содержание приведенной статьи указывает на то, что большую часть норм ее составляющих представляют из себя утверждения о том, что всякого рода ограничения прав личности осуществляется согласно правилам действующего УПК Республики Казахстан (см. ч. 1, 2, 6, 8). Кроме того, в данной статье существует упоминание о том, что никто из участвующих в уголовном процессе лиц не может подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания (см. ч. 5), что, как мы уже заметили, охватывается действующим материальным законодательством (см. к примеру, ст. 146 уголовного кодекса Республики Казахстан «Пытки»). Нельзя считать принципом и правило указывающее на то, что каждому задержанному немедленно сообщаются основания задержания, а также в совершении какого деяния, предусмотренного уголовным законом, он подозревается (см. ч. 3). Это правило является абстракцией узкого характера, не имеющей отношения ко всему уголовному процессу, а выражающееся лишь в правилах и условиях задержания.

Тот же самый аргумент применим и к ч. 4, 7 данной статьи. Наконец, правило, указывающее на то, что никто не может быть привлечен к участию в создающих опасность для жизни или здоровья лица процессуальных действиях (см. ч. 6), имеет такую же логику отнесения его к абстракциям отдельных алгоритмов познания. Более того, оно также охватывается материальными положениями об угрозе жизни, покушении, халатности и прочими нормами материального права.

По отношению к декларации «Неприкосновенность частной жизни. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 16 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что

указанная неприкосновенность также охватывается соответствующими нормами материального права (уголовное и административное право Республики Казахстан, см. к примеру, ст. 148 уголовного кодекса Республики Казахстан «Нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите», ст. 149 уголовного кодекса Республики Казахстан «Незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений»). Структура же ст. 16 УПК Республики Казахстан «Неприкосновенность частной жизни. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» допуская такое нарушение согласно порядка определенного уголовно-процессуальным кодексом глобально нивелирует этот запрет, сводя его к деталям в ходе происходит использование обозначенных охраняемых данных. В таком контексте логика «законности» превращая само правило в фикцию исключает его необходимость его существования на уровне принципов, поскольку предполагает описание действия данного правила в последующих нормах конкретного характера имеющих отношение к механизмам следственных и процессуальных действий, но никак ни к уголовному процессу в целом.

По отношению к декларации «Неприкосновенность жилища» (ст. 17 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что указанная неприкосновенность также охватывается соответствующими нормами материального права (уголовное и административное право Республики Казахстан, см. к примеру, ст. 149 уголовного кодекса Республики Казахстан «Нарушение неприкосновенности жилища»), что наталкивает нас на вывод о формальном подходе законодателя к формированию уголовно-процессуальных принципов. Это во многом связано и с тем фактом, что уголовно-правовые нормы главы 3 уголовного кодекса Республики Казахстан «уголовно-правовые нарушения против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина по существу скопированы конструктором УПК Республики Казахстан и представлены в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса. С таким же успехом можно было бы скопировать в качестве принципов уголовного процесса и прочие деликты уголовного кодекса Республики Казахстан, обозначив, что их совершение в ходе уголовного судопроизводства недопустимо. Например, ст. 115 УК Республики Казахстан «Угроза», ст. 126 УК Республики Казахстан «Незаконное лишение свободы», ст. 138 УК Республики Казахстан «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» и многие другие нормы уголовного кодекса Республики Казахстан [5]. Существование же этих деклараций в УПК Республики Казахстан никак не отражает реализацию ни одной из задач уголовного процесса обозначенных нами выше, что делает дан-

ные декларации бесполезными. В качестве понимания их как принципов уголовного процесса.

По отношению к декларации «Неприкосновенность собственности» (ст. 18 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что указанная неприкосновенность также охватывается соответствующими нормами материального права (уголовное и административное право Республики Казахстан, см. к примеру, нормы главы 6 уголовного кодекса Республики Казахстан «Уголовные правонарушения против собственности», в том числе такими специфическими нормами уголовного кодекса Республики Казахстан как «Неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 204), «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 202). Указание же в части второй ст. 18 УПК Республики Казахстан «Неприкосновенность собственности» на возможность такого нарушения согласно частным нормам процессуального кодекса Республики Казахстан и вовсе делает бесполезной данную декларацию. Тем более, что она, как и предыдущие нормы, никак не реализует ни идеи технологического характера ни идеи аксиологического характера.

По отношению к декларации «Презумпция невиновности» (ст. 19 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что указанные положения являются абстракциями следующего, пятого уровня определяющими реализацию собственно принципов уголовного процесса на основе их оценки с позиции доказывания. Тут же заметим, что характер данных абстракций более узок, хотя при определенном допуске и предполагает, что таковые могут существовать в виде отдельной категории принципов оценочного характера. Этот факт не влияет на характер нашей конструкции уровней права ввиду того, что данные уровни следуют один за другим и, что предполагает их логичное соотношение между собой как в контексте единого рассмотрения, так и в контексте разделения.

По отношению к декларации «Недопустимость повторного осуждения и уголовного преследования» (ст. 20 УПК Республики Казахстан); «Освобождение от обязанности давать свидетельские показания» (ст. 28 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что указанная декларация нарушает другой принцип уголовного процесса, фигурирующий в уголовно-процессуальном кодексе как «Осуществление правосудия на началах равенства перед законом и судом» (ст. 21 УПК Республики Казахстан). Поэтому такое освобождение может выступать, в лучшем случае, лишь в качестве исключения из принципа равенства и структурно иметь отношение к дополнению последнего, но никак не в качестве самостоятельного принципа уголовного

процесса. В идеале же быть его не должно уже потому, что данная декларация никак не обеспечивает ни объективность, ни быстроту и никак уж не полноту познания, а, напротив, противоречит исполнению задач уголовного процесса, а потому должна быть исключена из УПК Республики Казахстан.

По отношению к декларации «Язык уголовного судопроизводства» (ст. 30 УПК Республики Казахстан) причинами, делающими невозможными ее отнесение к принципам уголовного процесса, являются аргументы о том, что указанная декларация является не более чем установлением лингвистического выражения информации и никак не отражает качество самого следственного, судебного познания. И уж никак не определяет параметры быстроты и объективности познания. Это обстоятельство заставляет нас считать данную декларацию не принципом уголовного процесса, а абстракцией более низкого уровня, которую мы, предварительно, относим скорее к условиям уголовного процесса, нежели чем к принципам уголовного процесса.

Таким образом, заканчивая анализ действующих норм УПК Республики Казахстан, именуемых принципами уголовного процесса, нужно отметить следующие обстоятельства:

1. Большое количество составляющих каждого «принципа», которые законодатель пытается выразить в каждой статье описывающей сущность принципа. Например, ст. 23 УПК Республики Казахстан «Осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон» содержит минимум десять норм описывающих сущность принципа. При этом, далеко не все составляющие описываемых принципов имеют отношение к самим принципам. Так, к примеру, часть третья данной статьи посвящена вопросам бремени доказывания, имеющим отношения к вопросам доказывания, нежели чем к вопросам установления паритета между сторонами уголовного процесса. Часть четвертая данной статьи, указывая на то, что защитник обязан использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного «забегает» вперед в реализации уже самого принципа, поскольку такое ее содержание имеет отношение к нормам о статусе участников процесса, описывающих их обязанности и права. Замечаний такого рода немало и все они не позволяют заявить о качественности выражения того или иного принципа, в том числе и ввиду нарушения логики конкретизация абстракции.

2. Нужно обратить внимание на низкое соотношение технологических принципов реализующих задачи объективности полноты, быстроты раскрытия, расследования уголовных правонарушений (следственного познания). Существенный перекос по отношению к реализации принципа объективности в количестве норм, минимальная реализация принципа полноты и отсутствие такой реализации даже в виде существования

принципа быстроты расследования и раскрытия дела делает такой диссонанс причиной для заявления о неполноценности структуры технологических принципов в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан. Однако, если пробел полноты расследования и раскрытия уголовных правонарушений (следственного познания) мы еще как то можем возместить существованием норм, описывающих абстракции доказывания в уголовном процессе. То отсутствие принципа быстроты расследования и раскрытия уголовных правонарушений (следственного познания) возместить никак нельзя. Проблема же такого возмещения, безусловно, есть уже потому, что уголовно процессуальный кодекс Республики Казахстан содержит нормы об упрощенном производстве по делу (см. к примеру главу 55 УПК Республики Казахстан «Особенности производства по делам об уголовных проступках»). Другими словами, эта проблема есть уже потому, что наше уголовное судопроизводство имеет свою дифференциацию по форме, которая содержит в своей основе и эргономическую причину.

Это обстоятельство заставляет нас предложить включить в УПК Республики Казахстан такой принцип как принцип процессуальной экономии, о существовании которого уже заявляли ученые [6, с. 182]. При этом, необходимость включения указанного принципа в УПК Республики Казахстан определяется не только уже фактическим наличием норм отражающих существование сокращенных форм производства, но и самим стремлением государства минимизировать временные и материальные затраты для осуществления процесса уголовного производства. В этой связи отсутствие принципа процессуальной экономии является недостающим звеном в абстракции «задача быстроты познания» — отсутствующий принцип — нормы реализующие задачу быстроты познания. Между тем, нужно отметить, что такая необходимость является лишь результатом сличения задач и принципов УПК Республики Казахстан.

Список источников

1. Григорян В. Л. Защита и защитительная деятельность как факторы, определяющие построение уголовного процесса и выполнение

его задач : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 214 с.

2. Иванов В. И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4(125). С. 142–151.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 16.11.2023) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.
4. Теткин Д. В. Законность как реальное выражение права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 28 с.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 12.09.2023) // Казахстанская правда. 2014. 9 июля.
6. Алешкин А. А. Принцип процессуальной экономии : за и против // Вестник Омского университета. Серия: право. 2014. № 3 (40). С. 179–186.

References

1. Grigoryan V. L. Protection and protective activity as factors determining the construction of the criminal process and the fulfillment of its tasks : dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2010. 214 p.
2. Ivanov V. I. Investigation of the purpose, goals and objectives of the criminal process by a systematic method // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. № 4(125). P. 142–151.
3. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V (ed. from 16.11.2023) // Kazakhstanskaya Pravda. 2014. July 10th.
4. Tetkin D. V. Legality as a real expression of law : author's thesis ... cand. legal. sciences. Saratov, 2007. 28 p.
5. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V (ed. dated 12.09.2023) // Kazakhstanskaya Pravda. 2014. July 9th.
6. Aleshkin A. A. The principle of procedural economy : pros and cons // Bulletin of Omsk University. Series: law. 2014. № 3 (40). P. 179–186.

Информация об авторе

А. Д. Дарменов — начальник Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. D. Darmenov — Head of the Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyibaev, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-61-66>

EDN: <https://elibrary.ru/wyngcu>

НИОН: 2003-0059-3/24-049

MOSURED: 77/27-003-2024-03-248

Организация контроля за производством первоначальных следственных действий и назначением судебных экспертиз

Валерий Иванович Елинский

Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, 20745@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается организация контроля за производством первоначальных следственных действий и назначением судебных экспертиз.

Ключевые слова: контроль, следственные действия, судебные экспертизы

Для цитирования: Елинский В. И. Организация контроля за производством первоначальных следственных действий и назначением судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 61–66. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-61-66>. EDN: WYNGCU.

Original article

Organization of control over the production of initial investigative actions and the appointment of forensic examinations

Valeriy I. Elinskiy

Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, 20745@rambler.ru

Abstract. The organization of control over the production of initial investigative actions and the appointment of forensic examinations is being considered.

Keywords: control, investigative actions, forensic examinations

For citation: Elinskiy V. I. Organization of control over the production of initial investigative actions and the appointment of forensic examinations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):61–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-61-66>. EDN: WYNGCU.

В следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области (далее – Следственный комитет, следственное управление) введена система контроля за проведением первоначальных следственных действий по всем уголовным делам и материалам проверок. Алгоритм указанной системы закреплен в приказе руководителя следственного управления.

Руководителем отдела криминалистики организована работа с оперативными сводками, поступающими в аппарат следственного управления по защищенным каналам связи в электронном виде из ГУ МВД России по Иркутской области, с целью выявления преступлений, отнесенных к подследственности следственных органов Следственного комитета.

Так, анализ полученной информации проводится

сотрудниками отдела криминалистики и ежедневно до 8 часов 40 минут информация о поступлении сообщений о преступлениях, в том числе о преступлениях в отношении несовершеннолетних (малолетних), а также о преступлениях, вызвавших повышенный общественный резонанс, в форме рапорта докладывается руководителю отдела криминалистики.

В рапорте указывается информация о поступивших сообщениях о преступлениях в территориальные следственные подразделения, выезде следственно-оперативной группы и ее составе, проведении осмотра места происшествия, изъятых объектах, показаниях (объяснениях) лиц, полученных в ходе проведения следственных действий или проверочных мероприятий, назначенных судебных экспертизах и их результатах, а также принятых процессуальных решениях.

Ежедневно в 9 часов 00 минут указанная информация руководителем отдела криминалистики либо лицом, его замещающим, докладывается руководству следственного управления.

По результатам доклада руководством следственного управления устанавливается контроль за принятием процессуальных решений по резонансным сообщениям о преступлениях, преступлениях в отношении несовершеннолетних (малолетних) и др.

При необходимости принимаются меры к организации выезда сотрудников отдела криминалистики, УУР ГУ МВД России по Иркутской области, а также иных служб для оказания практической помощи территориальным следственным отделам в проведении доследственной проверки или расследовании уголовного дела.

При поступлении сообщений о ятрогенных преступлениях, коррупционной, экстремистской, террористической направленности, преступлениях, совершенных лицами, обладающими особым правовым статусом, руководителями правоохранительных органов, преступлениях, связанных с хищением и нецелевым использованием бюджетных средств, преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних (малолетних), преступлениях в сфере реализации национальных проектов незамедлительно, не позднее 8 часов 00 минут суток, следующих за днем поступления перечисленных сообщений, в аппарат следственного управления в обязательном порядке направляется специальное донесение.

В дальнейшем в течение суток с момента сообщения о преступлении в аппарат следственного управления направляется утвержденный руководителем следственного органа план проведения проверки с указанием конкретных дат проведения проверочных мероприятий.

Приказом руководителя следственного управления предусмотрено проведение первоначальных следственных действий, направленных на закрепление доказательственной базы, в течение 10 суток после возбуждения уголовного дела.

Так, в указанный срок должно быть обеспечено проведение следующих следственных действий:

- осмотр места происшествия, труп;
- допрос лица, совершившего преступление, если он установлен;
- назначение судебно-медицинской экспертизы подозреваемому при даче им признательных показаний;
- допрос очевидцев преступления;
- проверка показаний на месте с участием подозреваемого (обвиняемого) с видеофиксацией хода следственного действия;
- проверка показаний на месте с участием оче-

видцев преступления с видеофиксацией хода следственного действия;

- очные ставки между участниками судопроизводства (при наличии противоречий в показаниях);
- осмотр изъятых по делу предметов, признание и приобщение их в качестве вещественных доказательств;
- получение у участников судопроизводства образцов, необходимых для последующего назначения и проведения экспертиз;
- назначение всех необходимых судебных экспертиз, при этом вопросы, поставленные на разрешение эксперта, должны быть предварительно согласованы с отделом криминалистики.

Более того, в срок не позднее 5 суток с момента возбуждения уголовного дела руководителями территориальным следственных подразделений следователю, у которого в производстве находится уголовное дело, должны быть даны письменные указания в порядке ст. 39 УПК РФ и обеспечено составление плана расследования с указанием конкретных мероприятий и сроков их исполнения.

По уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, по фактам безвестного исчезновения граждан, в отношении несовершеннолетних, а также о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, лицами с особым правовым статусом, сотрудниками органов внутренних дел, по делам о преступлениях коррупционной и экстремистской направленности копии планов расследования в срок не позднее 5 суток должны быть направлены в отдел криминалистики либо отдел процессуального контроля согласно курируемым направлениям деятельности.

Особое внимание уделено назначению экспертиз идентификационного характера и судебно-медицинских экспертиз подозреваемого и потерпевшего, которые должны быть назначены в срок не позднее 1 суток после возбуждения уголовного дела.

Вещественные доказательства, по которым назначены экспертные исследования, должны быть доставлены в экспертные учреждения в срок не позднее 7 суток с момента возбуждения уголовного дела.

Необходимо отметить, что все постановления о назначении судебных экспертиз по сообщениям о преступлениях и уголовным делам в обязательном порядке проходят регистрацию и ставятся на учет в отделе криминалистики следственного управления.

Ход расследования уголовных дел, по которым лица, совершившие преступления, не установлены в течение 5 суток с момента возбуждения уголовного дела, в обязательном порядке рассматривается на оперативных совещаниях с участием должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с составлением протокола. В дальнейшем

уголовные дела о нераскрытых преступлениях обсуждаются на таких совещаниях еженедельно.

В первые 10 суток с момента возбуждения уголовного дела сотрудники отдела криминалистики истребуют сведения о:

- следственных действиях, проведенных и запланированных к проведению;
- изъятых при осмотре места происшествия, трупа, при задержании подозреваемого, у потерпевшего предметов (документах) и образцах для сравнительного исследования;
- проведенных судебно-медицинских экспертизах в отношении подозреваемого (обвиняемого);
- характере показаний участников судопроизводства и наличии в них противоречий;
- результатах поквартирных (подворовых) обходов;
- назначенных и запланированных к назначению экспертизах, их доставлении в экспертное учреждение;
- получении характеризующего материала для проведения судебно-психиатрической судебной экспертизы.

Указанные сведения каждым следователем-криминалистом заносятся в разработанную отделом криминалистики таблицу (рис. 1, 2).

В аппарате следственного управления введено в практику проведение оперативных совещаний с участием следователей-криминалистов по выполненным сотрудниками следственных подразделений первоначальным следственным действиям на 3-и и 6-ые сутки с момента возбуждения уголовного дела. Также, на отдел криминалистики возложена обязанность по организации проведения межведомственных оперативных совещаний по неочевидным преступлениям с сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

По всем уголовным делам, по которым лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого), не установлено, отделом криминалистики обеспечивается подготовка рекомендаций о направлении расследования либо указаний в порядке ст. 39 УПК РФ от имени курирующего заместителя руководителя следственного управления.

Сведения о выполненных следственных действиях по уголовному делу, возбужденному 13 мая 202_ года СО по Октябрьскому району г. Иркутска СУ СК России по Иркутской области

Уголовное дело

Настоящее уголовное дело возбуждено 13.05.202_ следственным отделом по Октябрьскому району города Иркутска следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В ходе предварительного следствия установлено, что 12.05.202_ около 23 часов 30 минут по адресу: г. Иркутск, пер. Пограничный, д. 1 «В», кв. 44, обнаружен труп С., 16.05.1947 г.р. с признаками насильственной смерти.

По уголовному делу:

13.05.202_ проведен осмотр места происшествия по адресу: г. Иркутск, пер. Пограничный, д. 1 «В», кв. 44, входе осмотра: изъяты нож, молоток с веществом бурого цвета похожего на кровь, 2 отрезка ленты скотч со следами рук;

- 13.05.202_ задержана в порядке ст. 91 УПК РФ П., допрошена в качестве подозреваемой; у подозреваемой изъята одежда, проведена проверка показаний на месте с применением средств видеофиксации;
- 13.05.202_ допрошена в качестве свидетеля-очевидца А. с применением средств видеофиксации;
- 14.05.202_ подозреваемой П. предъявлено обвинение в совершении преступления предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, вину признает в полном объеме;
- 15.05.202_ Октябрьским районным судом г. Иркутска избрана мера пресечения в виде заключения под стражу обвиняемой П.;
- 13.05.202_ назначена судебно-медицинская экспертиза трупа С.;
- 13.05.202_ назначена судебно-медицинская экспертиза подозреваемой П.;
- 14.05.202_ назначена дактилоскопическая экспертиза по изъятым в ходе осмотра места происшествия следам пальцев рук и пальцам рук подозреваемой, доставлена в экспертное учреждение в этот же день;
- 15.05.202_ по ножу и одежде подозреваемой назначена биологическая экспертиза, которая была доставлена в экспертное учреждение 20.05.202_;
- 15.05.202_ по кожному лоскуту и ножу назначена медико-криминалистическая экспертиза, которая была доставлена экспертное учреждение 20.05.202_;
- 18.05.202_ назначена стационарная комплексная психолого-психиатрическая судебная экспертиза обвиняемой П., так как последняя лежала на стационарном лечении у психиатра в ИОПНД, уголовное дело поступило в отдел криминалистики для согласования экспертизы 20.05.202_, уголовное дело доставлено в СИ-1 г. Иркутска 22.05.202_;

В случае выявления следователем-криминалистом фактов неоднократного невыполнения сотрудниками территориальных следственных подразделений

первоначальных следственных действий составляется докладная записка курирующему заместителю руководителя следственного управления.

Невыполнение первоначальных следственных действий в единичных случаях связано с неполучением характеризующего материала для проведения судебно-психиатрической экспертизы в полном объеме, например, приговоров или другого характеризующего материала на лиц, зарегистрированных в другом субъекте, а также в случае выезда следственно-оперативной группы в труднодоступные участки местности Иркутской области.

Информация о ходе и результатах выполнения первоначальных следственных действий по уголовным делам аккумулируется в контрольных производствах отделов криминалистики и процессуального контроля, к которым в обязательном порядке приобщаются копии следующих документов: постановления о возбуждении уголовного дела, протокола осмотра места происшествия, протоколов задержания подозреваемого, допроса подозреваемого, допроса свидетелей, проверки показаний на месте с участием подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, постановления об избрании меры пресечения, постановления о назначении судебной экспертизы.

Результаты работы по каждому уголовному делу на 11-е сутки после возбуждения уголовного дела докладываются курирующему заместителю руководителя следственного управления. В случае если весь необходимый комплекс следственных действий не выполнен, часть необходимых судебных экспертиз не назначена либо не доставлена в экспертные учреждения, уголовное дело остается на ежесуточном контроле курирующего заместителя руководителя следственного управления до момента устранения всех недостатков.

По результатам выполнения всех первоначальных следственных действий, назначения комплекса судебных экспертиз, предъявления обвинения, контрольные производства отдела криминалистики по рапорту, согласованному с курирующим заместителем руководителя следственного управления, передаются для дальнейшего осуществления контроля в отдел процессуального контроля следственного управления.

С целью повышения ведомственного контроля за деятельностью следственного управления приказом руководителя следственного управления введена в действие информационная система по учету следственной работы «Лекс» (далее — ИС «Лекс»).

Данная программа решает широкий спектр задач по автоматизации учета уголовных дел и сообщений о преступлениях, находящихся в производстве следователей, взаимодействию сотрудников, контролю и анализу исполнительской дисциплины.

Программа поддерживает многопользователь-

скую работу в локальной сети и глобальной компьютерной сети Интернет.

Защита от несанкционированного доступа к использованию передаваемых данных помимо парольной защиты учетных записей пользователей, обеспечивается за счет создания сети на основе программного обеспечения «ViPNet Coordinator» и «ViPNet Client», а также программного комплекса «SecretNet».

В следственных отделах в соответствии с приказом руководителя следственного управления организовано своевременное внесение в программу полной и достоверной информации по сообщениям о преступлениях, уголовным делам, принятым процессуальным решениям, справочников и учетов, что позволяет контролировать ход расследования и координировать деятельность следователей.

ИС «Лекс» установлена на рабочих персональных компьютерах руководителей следственных подразделений и является электронным учетом сообщений о преступлениях, уголовных дел, назначенных экспертиз и других данных, которые аккумулируются на сервере следственного управления.

Организация проведения ежедневных сверок полноты вносимой информации в ИС «Лекс» возложена на руководителя отдела криминалистики.

ИС «Лекс» содержит следующие рабочие разделы: «Сообщения», «Уголовные дела», «Справочники», «Отчеты», «Геном» и «Экспертизы».

В разделе «Сообщения» отображаются все поступившие сообщения о преступлениях в территориальные следственные подразделения, которые аккумулируется автоматически при заполнении карточек по конкретным сообщениям о преступлениях.

При необходимости, возможно проведение выборки по определенным критериям, например, по следственным отделам, временным периодам, срокам окончания проверок и другим критериям. Также имеется возможность присваивать интересующему сообщению о преступлении отметку «Маячок» и производить сортировку таких сообщений.

В подразделе «Карточка сообщения» предусмотрено внесение информации о номере КРСП, дате поступления сообщения, источнике поступления сообщения, фабуле, квалификации, ФИО следователя, сроке проверки сообщения и дате его окончания. При этом цветовой заливкой автоматически выделяются строки по материалам доследственных проверок, по которым срок проверки истекает в текущие и следующие сутки.

По каждому сообщению о преступлении предусмотрены подразделы: «Решение по сообщению», «Направление специального донесения», «Указания руководителя», «План проведения проверки», «Проверка материала руководителем», «Потерпевший», «Лицо,

в отношении которого проводится проверка», «Экспертизы», в которые также вносится соответствующая информация.

Учет информации об уголовных делах предусмотрен разделом «Уголовные дела» и содержит информацию обо всех уголовных делах, находящихся в производстве следственного управления, уголовных делах предварительное следствие по которым приостановлено и прекращено по различным основаниям, а также об уголовных делах, переданных по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ. Формирование данного раздела осуществляется автоматически при заполнении карточек по конкретным уголовным делам.

Уголовные дела, находящиеся в производстве, отмечаются зелеными маркерами, желтым маркером выделяются уголовные дела, по которым истекает срок предварительного следствия, красным маркером предусмотрено выделение уголовных дел с истекшими сроками предварительного следствия.

Подраздел «Карточка уголовного дела» предусматривает внесение сведений о номере уголовного дела, дате возбуждения уголовного дела, квалификации преступления, фабуле, категории уголовного дела, задержании подозреваемого, сроке предварительного следствия и другой информации.

По каждому уголовному делу предусмотрены подразделы: «Решение по делу», «План расследования», «Оперативное совещание», «Изучение УД руководителем», «Сведения о потерпевшем», «Сведения о подозреваемом», «Криминалистические характеристики», «Судебные экспертизы (только для просмотра)», «Сведения по ущербу», «Экспертизы», в которые также вносится соответствующая информация.

Возможно производить поиск, выборку и анализ интересующей информации об уголовных делах по различным критериям, что позволило исключить практику истребования необходимой информации из территориальных следственных подразделений следственного управления. Такой подход не только разгружает конкретных сотрудников на местах, но и позволяет получать информацию максимально оперативно.

Представляют интерес подразделы «Криминалистические характеристики» и «Экспертизы».

Так, в подразделе «Криминалистические характеристики» предусмотрено внесение информации о месте преступления и происшествия, мотиве преступления, признаках серийности, количестве преступников, повреждениях на трупе, следах преступника и др. При необходимости можно производить выборку и анализ уголовных дел по конкретным криминалистическим признакам, что способствует оперативному выявлению преступлений, имеющих признаки серийности.

Контроль своевременного назначения и проведения экспертиз по уголовным делам и сообщениям о

преступлениях предусмотрен в ИС «Лекс» в разделе «Экспертизы» и осуществляется конкретным сотрудником отдела криминалистики, в соответствии с положением о распределении обязанностей. Указанный сотрудник ежедневно выставляет контрольную дату окончания проведения судебной экспертизы и производит выгрузку неоконченных к контрольной дате судебных экспертиз.

В работу указанного раздела заложена возможность проведения сортировки по критериям назначенных судебных экспертиз по уголовным делам и сообщениям о преступлениях.

Раздел «Экспертизы» представляет определенную форму учета экспертиз и содержит информацию о виде экспертизы, ее порядковом номере, номере уголовного дела или КРСП, дате возбуждения уголовного дела или поступления сообщения о преступлении, статье УК РФ, экспертном учреждении, следственном отделе, сотрудниками которого назначена судебная экспертиза, дате поступления постановления о назначении судебной экспертизы в отдел криминалистики и экспертное учреждение, дате получения заключения эксперта, а также краткую фабулу и историю выполнения действий по внесению сведений.

По указанным выше критериям также возможно проведение выборки судебных экспертиз, в том числе и по дате назначения, например, за конкретный период, неделю, месяц или год.

Достоверность вносимых в ИС «Лекс» руководителями следственных подразделений сведений проверяется как следователями-криминалистами, курирующими следственные подразделения по зональному принципу, так и следователем-криминалистом, ответственным за внесение информации в данный раздел.

Раздел формируется автоматически путем заполнения руководителями следственных отделов подраздела «Экспертизы» в карточках на каждое уголовное дело или сообщение о преступлении. При этом по каждой судебной экспертизе вносятся сведения о дате назначения, дате доставления в отдел криминалистики или в экспертное учреждение, дате проведения экспертизы, дате получения заключения эксперта, а также краткая информация о выводах проведенной экспертизы.

Решение о снятии с контроля любого из полей (назначение судебной экспертизы, доставление в экспертное учреждение и т. д.) осуществляется сотрудником отдела криминалистики только после документального подтверждения — представления в отдел криминалистики копии постановления о назначении судебной экспертизы, копии журнала поступления судебной экспертизы в экспертное учреждение и т. д.

В разделе «Геном» аккумулируются сведения о лицах, попавших в поле зрения правоохранительных органов за совершение преступлений против половой

свободы и половой неприкосновенности, дате получения биологических образцов для сравнительного исследования у таких лиц, дате их направления в ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области для проверки по базе данных геномной информации на причастность к иным преступлениям.

Раздел «Отчеты» позволяет ежедневно без отвлечения руководителей от текущей работы контролировать количество поступивших сообщений и уголовных дел, как отдельного следственного отдела, так и следственного управления в целом.

В разделе «Справочники» содержится информация о сотрудниках аппарата следственного управления и территориальных следственных подразделений, с указанием их ФИО, должности и структурного подразделения.

Более подробно ознакомиться с работой ИС «Лекс» можно связавшись с отделом криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации».

2. Приказ СК России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации».
3. Отчеты подразделений криминалистики следственных управлений СК России.
4. Елинский В. И., Маликов С. В. Криминалистика в научных исследованиях : информационно-аналитический справочник. Москва : Проспект, 2023. 616 с.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation № 38 dated January 14, 2011 «Issues of the Investigative Committee of the Russian Federation».
2. Order of the IC of Russia dated 08.08.2013 № 53 «On the organization of the work of forensic investigators in the Investigative Committee of the Russian Federation».
3. Reports of the criminalistics departments of the investigative departments of the IC of Russia.
4. Elinsky V. I., Malikov S. V. Criminalistics in scientific research : information and analytical reference book. Moscow : Prospekt, 2023. 616 p.

Информация об авторе

В. И. Елинский — заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета — МИРЭА, доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

V. I. Elinskiy — Head of the Department of Public Law Disciplines of the Russian Technological University — MIREA, Doctor Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 343.101:344.22

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-67-71>

EDN: <https://elibrary.ru/usqvwo>

ИПОН: 2003-0059-3/24-050

MOSURED: 77/27-003-2024-03-249

Политические программы «основных» партий в период выборов Учредительного собрания 1917 года

Александр Егорович Епифанов^{1,2}

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

² Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. С позиций отечественной истории права и государства раскрываются программные положения основных политических партий социалистического толка, выдвигавших своих представителей в Учредительное собрание 1917 г. На основе конкретного материала автором анализируются программные требования названных партий.

Ключевые слова: Учредительное собрание, политическая партия, выборы, программа политической партии, социалисты, кадеты, гражданское общество

Для цитирования: Епифанов А. Е. Политические программы «основных» партий в период выборов Учредительного собрания 1917 года // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 67–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-67-71>. EDN: USQVWO.

Original article

Political programs of the «main» parties in the period of the elections to the Constituent Assembly in 1917

Alexander E. Epifanov^{1,2}

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

² State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. From the standpoint of the national history of law and the state, the article reveals the program provisions of the main political parties of the socialist persuasion, which nominated their representatives to the Constituent Assembly. On the basis of specific material, the author analyzes the program requirements of these parties.

Keywords: Constituent Assembly, political party, elections, program of political party, socialists, cadets, civil society

For citation: Epifanov A. E. Political programs of the «main» parties in the period of the elections to the Constituent Assembly in 1917. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):67–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-67-71>. EDN: USQVWO.

Октябрьская революция 1917 г., которая свергла царское правительство и смела старый порядок, открыла для России возможность построения новой государственности. В целях недопущения всеобщей смуты было создано Учредительное собрание [14, с. 98], призванное удовлетворить народные нужды, установить оптимальное управление государством, решить вопрос о земле и т. д. Членами Учредительного

собрания должны были стать народные избранники.

Как представлялось, весь народ через своих представителей должен был принять участие в устройстве государства и удовлетворении народных нужд. Миссию осуществить народные чаяния приняли на себя политические партии, общими силами решившие добиваться того, что они считали необходимым и полезным для народа [17, с. 35].

Важность политических партий диктовалась порядком, согласно которому должны были проводиться выборы в Учредительное собрание [13, с. 68]. Выборы являлись пропорциональными с тем, чтобы не только большинство, но и меньшинство имело в нем своих представителей.

К моменту выборов в Учредительное собрание уже существовали многие партии, поэтому реформаторам можно было не создавать новую, а вступить в одну из действующих. В самих выборах принимали активное участие 13 общероссийских и 34 национальные партии, имеющие свои программы.

Среди главных партий можно выделить четыре:

1. Партия социалистов-революционеров;
2. Российская социал-демократическая рабочая партия;
3. Партия народной свободы;
4. Трудовая народно-социалистическая партия.

Основное внимание следует уделить программе «Партии социалистов-революционеров» или «эсеров». Представители данной партии по результатам выборов, судя по различным источникам, получили больше всего мест в Учредительном собрании [16, с. 128]. Положения программы «Партии социалистов-революционеров» свидетельствуют, что она выступала за демократическую республику, за всеобщее, прямое, тайное и равное голосование, за свободу слова, печати, собраний, союзов, вероисповеданий, за прогрессивный подоходный налог, за сокращение срока военной службы и т. д. [9, с. 22].

Можно сказать, что «эсеры» поддерживали все те требования, которые вели к установлению «правильного» политического устройства государства, выступали за передачу земли трудовому народу. Вместе с тем они признавали, что у помещиков земля должна быть отобрана бесплатно, и казна должна дать помещикам только временное вспомоществование [19, с. 34].

По мысли социалистов-революционеров, каждая национальность должна была иметь право устраивать свою жизнь по-своему. Государство должно быть только союзом свободных наций. Кроме того, партия социалистов-революционеров являлась партией социалистической. Она полагала, что социализм можно ввести постепенно, путем развития кооперативов, которые должны поддерживаться государством, путем постепенной передачи различных торгово-промышленных предприятий кооперативам, а также органам местного самоуправления, городским и сельским общинам. Если же мирным путем ввести социализм не удастся, тогда, по мнению социалистов-революционеров, следовало еще раз осуществить революцию, во время которой власть возьмут трудящиеся и установят социалистическое устройство революционным путем [7, с. 382].

6 (19) января 1918 г. на заседании Учредительного собрания в отсутствие необходимого количества голосов лидер партии эсеров В. М. Чернов смог настоять

на проведении голосования по основным положениям закона о земле, который закреплял землю как общенародную собственность. Кроме того, собрание приняло постановление, согласно которому государственное устройство России определялось как «демократическая федеративная республика». Члены Учредительного собрания планировали доработать тексты принятых документов, но своим декретом ВЦИК распустил данный орган, который заседал лишь единожды [2, с. 183].

Еще одна партия, на программе которой следует акцентировать внимание, это «Российская социал-демократическая рабочая партия». Социал-демократы (или «эсдеки») считали, что «сама жизнь ведет к социализму». По их мысли, постепенно мелкие фабриканты исчезнут и заменятся крупными. Деление на богатей и бедняков станет все более и более резким. Пока одни купаются в золоте, имеют возможность пользоваться всеми благами жизни и при этом почти не трудиться, другие, напротив, должны всю жизнь, не разгибая спины работать и, несмотря на это, многое останется им недоступным. Рано или поздно такую несправедливость, по мнению социал-демократов, нужно было уничтожить. Рабочие, которых постепенно становится все больше и больше, должны, наконец, восстать и взять власть в свои руки. Тогда можно будет построить жизнь по новому, на началах полного равенства. Тогда все должны будут трудиться, но зато все будут пользоваться благами жизни. Таким образом, по своему характеру социал-демократы также являлись социалистической партией [10].

Обособившаяся часть социал-демократов, которая стала называться «меньшевиками», считала, что новое социалистическое устройство жизни дело будущего, а в настоящем через Учредительное собрание необходимо создать такие условия жизни, при которых, хотя и будут богачи и бедняки, но жить беднякам все же будет легче. Поэтому, они выступали за демократическую республику и вообще отстаивали такое же устройство государства, которого требовали социалисты-революционеры [4, с. 11].

Другая часть социал-демократов, которых называли «большевики», полагали, что социалистическое устройство жизни возможно при выборах в Учредительное собрание. Поэтому они выступали за немедленный захват власти в государстве рабочими (т. е. за так называемую «диктатуру пролетариата»), а также за проведение таких реформ, которые поведут к социализму [15, с. 128].

О земле социал-демократы говорили то же, что и социалисты-революционеры, т. е. стояли за принудительное отчуждение земель у помещиков и за передачу помещичьих, государственных, удельных и монастырских земель всем трудящимся. Однако социал-демократы считали, что мелкое крестьянское хозяйство никогда не сможет преодолеть бедность крестьян. Только введение социалистического строя

могло реально улучшить положение крестьян, уничтожить их нужду и эксплуатацию [3, с. 154]. Именно под влиянием большевиков 6 (19) января 1918 г. ВЦИК распустил Учредительное собрание.

Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), предшественниками которой стали две либеральные организации — «Союз земцев — конституционалистов» и «Союз освобождения» [5], выражала заботу о всех гражданах, а не только об одном каком-либо классе. Основное свое предназначение названная партия видела в установлении такого государственного порядка, при котором все граждане были свободны, равны перед законом и уважительно относились к правам других членов общества.

Исходя из программы Партии народной свободы [8], можно сделать вывод, что кадетская партия стремилась установить в России демократическую республику, в которой во главе будет стоять не царь, а выборный на определенный срок руководитель (президент), а все законы будет издавать Государственная Дума. По мысли кадетов, министры должны быть ответственны перед Государственной Думой, а последняя наделена правом их увольнения. Выборы в Государственную Думу должны производиться на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов.

Все граждане, по мнению кадетов, должны быть равны перед законом. Они выступали сторонниками свободы вероисповедания, слова, печати, союзов и собраний, презумпции невиновности, неприкосновенности личности и жилища. По мнению кадетов, рабочие должны были иметь право устраивать союзы и собрания, устраивать забастовки, требовать установления 8-ми часового рабочего дня и запрещения ночных и сверхурочных работ. Крестьяне должны были получить дополнительные наделы земли, поэтому им предназначалась государственная, удельная, монастырская и помещичья земля. Таковы были главные положения программы кадетской партии [18, с. 112].

Четвертой «знаковой» партией в период выборов Учредительного собрания, которая имела примерный паритет с кадетами, являлась «Трудовая народно-социалистическая партия», также выступавшая в качестве социалистической. Она поддерживала все те требования, которые предъявлялись партией народной свободы, и выступала за демократическую республику. По мнению названной партии, законы должна была издавать только Государственная Дума, выборы ее депутатов должны были производиться путем всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов [6, с. 11]. Министры должны были быть ответственны перед Государственной Думой. Все граждане — равны перед законом. Как и кадетская партия, партия народных социалистов стояла за свободу вероисповедания, слова, печати, собраний и союзов, за прогрессивный подоходный налог, за 8-ми часовую рабочую неделю, за свободу стачек. Все эти требования в своей програм-

ме партия народных социалистов дополняла и некоторыми новыми [11, с. 13]. Так, она считала, что образование во всех школах должно быть бесплатным и доступным для всех. Срок военной службы предполагалось сократить. Продолжаться он должен был не более того, сколько нужно, чтобы обучить солдат военному искусству. По поводу земли народные социалисты трактовали, что у всех, кто ее не обрабатывает сам, земля должна быть отчуждена, (т. е. отобрана по распоряжению власти). Впредь ее предполагалось предоставлять в пользование только трудящимся.

Вместе с тем представители названной партии полагали, что в период революционных преобразований ввести социалистическое устройство нельзя, поскольку народ еще недостаточно подготовлен к «общей и дружной» работе. Партия народных социалистов защищала интересы всех трудящихся: рабочих, крестьян и тех, кто живет умственным трудом. То есть всех тех, у кого нет ни заводов, ни фабрик, ни больших поместий и кто не наживается на чужом труде.

Программы каждой из перечисленных партий были напечатаны, их всегда можно было купить. Кроме того, каждая партия издавала маленькие книжки и брошюры, в которых простым и понятным для всех языком разъясняла свои политические требования. Таким образом, можно было без труда обстоятельно ознакомиться с программой каждой партии, претендовавшей на места в Учредительном собрании.

Библиографический список

1. Абрадова Е. С. Партии и выборы в современной России // Власть. 2021. № 2. С. 102–106.
2. Всероссийское Учредительное собрание (1917 г. в документах и материалах). М., Л. : 1-я Образцовая тип., 1930. 217 с.
3. Знаменский О. Н. В. И. Ленин об Учредительном собрании // В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 126–172.
4. Долгих Ф. И. Политическая конкуренция в России и политические партии // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 9–14.
5. Корнилов А. А. Партия народной свободы (исторический очерк) : лекция, читанная 20 марта 1917 г. на курсах для лекторов и агитаторов партии народной свободы Пг., 1917 // URL:// <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/29620-kornilov-a-apartiya-narodnoy-svobody-istoricheskiy-ocheriklektsiya-chitannaya-20-marta-1917-g-na-kursahdlya-lektorov-i-agitatorov-partii-narodnoysvobody-pg-1917> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Кудрявцев В. М. Трудовая народно-социалистическая партия. Наши кандидаты в учредительное собрание. М. : Б.и., 1917. 16 с.
7. Партия социалистов-революционеров. Доку-

менты и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч. 1. Февраль – Октябрь 1917 г. М. : РОССПЭН, 2000. 960 с.

8. Программа Партии народной свободы (Конституционно-демократической): принята на Учредительном съезде 18 октября 1905 года // URL://<https://www.prilib.ru/item/439587> (дата обращения: 20.11.2023).
9. Программа Партии социалистов-революционеров. 1906 г. / Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 19–28 // URL://<https://museumreforms.ru/node/13693> (дата обращения: 20.11.2023).
10. Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Белгород : кн-во Народная воля, [1917] // URL://<https://www.prilib.ru/item/439592> (дата обращения: 20.11.2023).
11. Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. Пг. : Б.и., 1917. 15 с.
12. Протасова О. Л. Трудовая народно-социалистическая партия как компонент отечественного демократического социализма // Манускрипт. 2016. № 10 (72). С. 159–164.
13. Пыхалов И. В. Российский парламентаризм в 1917 г. : опыт неуправляемой демократии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 66–69.
14. Стегнюшин А. А. Учредительное собрание: от идеи к реальной политической практике меньшевиков в революции 1917 г. В России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. С. 92–102.
15. Циунчук Р. А. Учредительное собрание в программах общероссийских и национальных политических партий 1905–1917 гг. // Вестник экономики, права и социологии, 2019, № 1. С. 125–131.
16. Черкесова Н. Н. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы), 3 Марта 1917 г. – 1 марта 1918 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. М., 2001. 231 с.
17. Шаповалов В. Л. Российская революция 1917 г. в политическом дискурсе современной России : анализ партийных программ и выступлений лидеров политических партий // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №5 (29). С. 30–38.
18. Ашихмина А. В., Епифанов А. Е. Абдрашитов В. М. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2008. 222 с.
19. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Особые государственно-правовые режимы в отечествен-

ной теории государства и права // Право и практика. 2012. № 1. С. 30–36.

Bibliographic list

1. Abradova E. S. Parties and elections in modern Russia // Power. 2021. № 2. P. 102–106.
2. All-Russian Constituent Assembly (1917 in documents and materials). M., L. : 1st Model type., 1930. 217 p.
3. Znamensky O. N. V. I. Lenin on the Constituent Assembly // V. I. Lenin in October and in the first years of Soviet power. L., 1970. P. 126–172.
4. Dolgikh F. I. Political competition in Russia and political parties // State power and local self-government. 2019. № 2. P. 9–14.
5. Kornilov A. A. The People's Freedom Party : (historical essay): a lecture given on March 20, 1917 at the courses for lecturers and agitators of the People's Freedom Party, 1917 // URL://<https://elbib.shpl.ru/ru/nodes/29620-kornilov-a-a-partiya-narodnoy-svobody-istoricheskij-ocherk-lektsiya-chitannaya-20-marta-1917-g-na-kursah-dlya-lektorov-i-agitatorov-partii-narodnoy-svobody-pg-1917> (accessed: 20.11.2023).
6. Kudryavtsev V. M. The Labor People's Socialist Party. Our candidates for the Constituent Assembly. Moscow : B.I., 1917. 16 p.
7. The Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials. In 3 v. / t. 3. Part 1. February – October 1917, Moscow : ROSSPAN, 2000. 960 p.
8. The program of the People's Freedom Party (Constitutional Democratic) : adopted at the Founding Congress on October 18, 1905 // URL://<https://www.prilib.ru/item/439587> (accessed: 20.11.2023).
9. The program of the Socialist Revolutionary Party. 1906 / The complete collection of platforms of all Russian political parties. St. Petersburg, 1906. P. 19–28 // URL://<http://museumreforms.ru/node/13693> (accessed: 20.11.2023).
10. The program of the Russian Social Democratic Workers' Party. Belgorod : Narodnaya Volya Publishing House, [1917] // URL://<https://www.prilib.ru/item/439592> (accessed: 20.11.2023).
11. The program of the Labor (People's Socialist) Party. Pg. : B.I., 1917. 15 p.
12. Protasova O. L. The Labor People's Socialist Party as a component of domestic democratic socialism // Manuscript. 2016. № 10 (72). P. 159–164.
13. Pykhalov I. V. Russian parliamentarism in 1917 : the experience of uncontrolled democracy // Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2012. № 1. P. 66–69.
14. Stegnyushin A. A. The Constituent Assembly: from the idea to the real political practice of the Mensheviks in the 1917 Revolution. In Russia //

- Bulletin of Omsk University. The series «Historical Sciences». 2019. P. 92–102.
15. Tsiunchuk R. And the Constituent Assembly in the programs of All-Russian and national political parties of 1905–1917 // Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2019, № 1. P. 125–131.
16. Cherkesova N. N. All-Russian Commission on Elections to the Constituent Assembly (All-elections), March 3, 1917 – March 1, 1918: dissertation ... Candidate of Historical Sciences : 07.00.02. M., 2001. 231 p.
17. Shapovalov V. L. The Russian Revolution of 1917 in the political discourse of modern Russia : an analysis of party programs and speeches by leaders of political parties // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2017. № 5 (29). P. 30–38.
18. Ashikhmina A.V., Epifanov A. E. Abdrashitov V. M. The mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. Volgograd : Publishing House of Volgograd State University, 2008. 222 p.
19. Epifanov A. E., Dzhabalaev Ya. R. Special state-legal regimes in the Russian theory of state and law // Law and practice. 2012. № 1. P. 30–36.

Информация об авторе

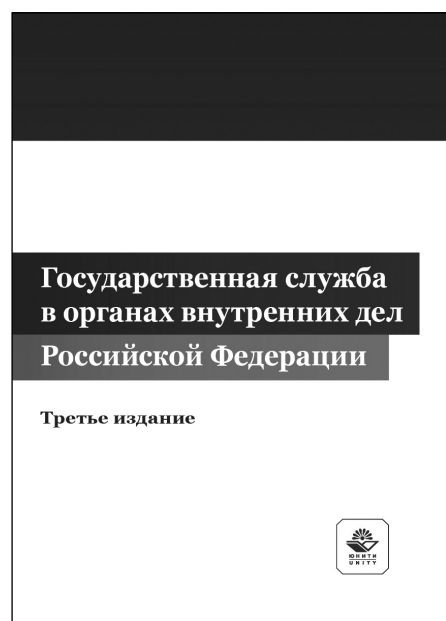
А. Е. Епифанов — главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov — Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-72-77>

EDN: <https://elibrary.ru/trbkzk>

НИОН: 2003-0059-3/24-051

MOSURED: 77/27-003-2024-03-250

Противодействие экстремизму как приоритетное направление уголовной политики российского государства

Олег Александрович Зайцев¹, Заурби Лелович Шхагапсоев²

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, crim@izak.ru

² Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия, nliadmin@mail.ru

Аннотация. Раскрываются отдельные аспекты противодействия экстремизму в современных условиях; отмечается, что в целях обеспечения целостности и национальной безопасности государство должно не только бороться с практикой совершения конкретных правонарушений и преступлений, но и стремиться существенно снизить масштабы распространения экстремистской идеологии посредством проведения профилактических мероприятий с наиболее уязвимой категорией населения — молодежью. Указывается на целесообразность и эффективность взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в вопросах противодействия экстремизму, которое осуществляется в различных формах. Делается вывод о том, что действенным средством противодействия экстремистской преступности является профилактика и предупреждение деятельности экстремистских организаций, а также своевременное реагирование на такие факты и привлечение виновных лиц к ответственности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, идеология, молодежь, противодействие, профилактика

Для цитирования: Зайцев О. А., Шхагапсоев З. Л. Противодействие экстремизму как приоритетное направление уголовной политики российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 72–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-72-77>. EDN: TRBKZK.

Original article

Countering extremism as a priority area of the criminal policy of the Russian state

Oleg A. Zaitsev¹, Zaurbi L. Shkhagapsoev²

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, crim@izak.ru

² North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russia, nliadmin@mail.ru

Abstract. The certain aspects of countering extremism in modern conditions are being revealed, it is noted that in order to ensure the integrity and national security, the state should not only combat the practice of committing specific offenses and crimes, but also strive to significantly reduce the spread of extremist ideology through preventive measures with the most vulnerable category of the population — youth. The expediency and effectiveness of interaction between public authorities and civil society institutions in countering extremism, which is carried out in various forms, is noted. It is concluded that an effective means of countering extremist crime is the prevention and prevention of the activities of extremist organizations, as well as timely response to such facts and bringing perpetrators to justice.

Keywords: extremism, extremist activity, ideology, youth, counteraction, prevention

For citation: Zaitsev O. A., Shkhagapsoev Z. L. Countering extremism as a priority area of the criminal policy of the Russian state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-72-77>. EDN: TRBKZK.

© Зайцев О. А., Шхагапсоев З. Л., 2024

Введение

В настоящее время важнейшей характеристикой экстремизма является наличие соответствующей идеологии, которая весьма активно и стремительно совершенствуется в условиях современных международных конфликтов и внутригосударственных кризисов, наблюдаемых в российском государстве. Рост межэтнической и межнациональной напряженности, бурное развитие молодежных субкультур, придерживающихся ультраправых взглядов, исповедующих идеологию национализма и расизма, наблюдаемые в последние годы, способствуют укоренению противоправных идей и взглядов в сознании населения, преимущественно среди молодого поколения. В этой связи противодействие экстремистской деятельности и распространению экстремистской идеологии признается одним из приоритетных направлений уголовной политики российского государства.

В Стратегии национальной безопасности РФ дана оценка негативных факторов и условий, причиняющих ущерб интересам российского государства, сформирована система мер, направленных на обеспечение безопасности государства, общества и личности. Отмечается высокий уровень преступности в некоторых сферах деятельности, в том числе значительное количество преступлений экстремистской направленности [1]. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России если в 2018 г. было зарегистрировано 1265 таких деяний, то в 2022 г. — 1566 преступления экстремистского характера. В прошедшем году произошло снижение общего количества регистрации таких деяний: 1340 преступлений экстремистской направленности (-14,4 % по сравнению с 2022 г.) [2].

В условиях проведения специальной военной операции наблюдается повышенная активность экстремистских организаций, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, преимущественно в информационном пространстве [3, с. 187–190]. Экстремизм во всех своих проявлениях создает реальную угрозу существующему государственному строю, подрывает общественный порядок, безопасность и стабильность, может привести к поляризации общества, межгрупповой напряженности и конфликтам, а также нанести ущерб экономике и репутации страны на международной арене.

Несмотря на то, что количество экстремистских преступлений составляет незначительную часть в общей массе преступности, в Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. (далее — Стратегия) презюмируется, что «каждое такое преступление способно вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом» [4].

Теоретико-правовые представления об экстремизме

Российскими учеными исследовались самые различные проблемы противодействия экстремистским посягательствам на национальную безопасность государства. Особое внимание уделялось теоретико-правовым основам предупреждения и пресечения экстремистских проявлений, специфике уголовно-правового регулирования противодействия проявлениям этому негативному явлению; вопросам административной ответственности за экстремистские правонарушения, особенностям противодействия экстремизму в национальной и социальной сферах; зарубежному законодательству и международно-правовому сотрудничеству в рассматриваемой сфере деятельности [5, с. 212–216; 6, с. 148–151; 7 и др.].

Экстремизм сегодня — это сложное и многогранное понятие, включающее в себя разнообразные идеологические, политические, религиозные или социальные убеждения и действия, направленные на насилие, ненависть, дискриминацию и разрушение существующего порядка [8, с. 157]. На международном уровне, в частности в Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, экстремизм определяется через совокупность конкретных деяний, ответственность за которые конкретизируется национальным законодательством конкретных стран. Примечательно, что в Российской Федерации законодательство о противодействии экстремистской деятельности аналогично международным канонам определяет экстремизм через перечисление деяний, квалифицируемых в качестве экстремистских, что не способствует единообразному толкованию исследуемой дефиниции, в связи с чем в доктринальных источниках можно встретить разнообразные определения экстремизма, в которых акцент делается в основном на его отдельных разновидностях и формах проявления. В этой связи видится справедливой позиция ученых, утверждающих, что «экстремизм — оценочное понятие, которое позволяет каждому произвольно истолковывать различные его проявления» [9, с. 83].

В соответствии со Стратегией экстремизм подразделяется на «деятельность террористических и экстремистских организаций по дестабилизации государственно-политической обстановки, деятельность радикальных общественных группировок националистического и религиозно-экстремистского толка по подрыву внутривнутриполитической системы, в т.ч. путем организации так называемых цветных революций, деятельность по пропаганде экстремистских, террористических и сепаратистских идей, в том числе по распространению идеологии фашизма и нацизма, иных доктрин, провозглашающих необходимость кардинального нарушения общественного мира и благо-

получия, посредством использования информационно-телекоммуникационных систем» [10, с. 95].

Следует отметить, что в законодательстве и научной литературе [11; 12, с. 36–40] в качестве синонима экстремизма используется понятие «экстремистская деятельность», что представляется неверным. Данные понятия следует рассматривать как общее и частное, поскольку экстремизм — это идеология, а экстремистская деятельность — это непосредственно те действия, посредством которых эта идеология находит свое выражение в действительности. При этом сама по себе идеология лишь опосредованно влияет на национальную безопасность, и не оказывает деструктивного влияния на общество — его оказывают конкретные действия людей по ее реализации, т. е. экстремистская деятельность. Следовательно, в основе экстремистской деятельности лежит соответствующая идеология, искоренение которой сведет к минимуму любые проявления экстремистского характера.

В свою очередь, содержащееся в Стратегии (подп. «в» п. 4) определение экстремистской идеологии не учитывает присущий ей экспансивный, радикальный и агрессивный характер, когда относящиеся к ней взгляды и идеи направлены не только на оправдание насилия или иных противоправных действий в отношении потерпевших (по расовым, национальным, религиозным и иным социальным признакам), но и на призывы к таковым, к поиску и созданию обозначенных конфликтов, их провоцированию и обострению [13, с. 51–54].

В юридической литературе отмечается, что экстремистская идеология является фактором, объединяющим членов экстремистских организаций, определяющим содержание и направленность их незаконной деятельности, а также используется в качестве средства вовлечения новых ее участников [14, с. 776–777].

В соответствии с уголовным законодательством экстремистскими преступлениями признаются такие деяния, которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, что является достаточно расплывчатой формулировкой. Верховный Суд РФ принял попытку раскрыть перечень преступлений экстремистской направленности в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 [15], однако оставил его открытым, что не вносит определенности в решение вопроса об отнесении того или иного состава к числу преступлений экстремистской направленности. В этой связи видится своевременным и актуальным закрепление перечня преступлений экстремистской направленности, представленное в Указании Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 г.

Важно учитывать, что создание преступного сообщества (преступной организации) относится к особо тяжким преступлениям, а участие в данном формировании без квалифицирующего признака — к тяжким. Если говорить об организации экстремистского сообщества, то такое деяние относится к тяжким преступлениям, а участие в нем — преступлением средней тяжести. Следовательно, экстремистское сообщество можно признать устойчивым преступным объединением [13, с. 66–68]. В доктрине уголовного права отмечается, что для подобного сообщества признак структурированности не является обязательным. Цель получения финансовой или иной материальной выгоды вовсе исключается за счет мотивов, присущих преступлениям, подготавливаемым (совершаемым) экстремистским сообществом, не содержащих корыстные побуждения [16, с. 50–57].

Также следует принимать во внимание взаимосвязанные нормативные положения КоАП РФ (в частности, в случае применения положений ст. 280.1 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, предусматривающих административную преюдицию [17].

Противодействие экстремистской деятельности в современном мире

Поскольку экстремистская деятельность направлена на нарушение единства и территориальной целостности российского государства, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране, является основным источником угроз национальной безопасности; одним из приоритетных направлений уголовной политики сегодня признается противодействие данному негативному социальному явлению, осуществляемое посредством принятия профилактических мер, а также выявления, предупреждения и пресечения экстремистской деятельности.

Безусловно, для эффективной борьбы с анализируемым преступным поведением необходимо не только результативно выявлять и расследовать совершенные деяния, но и постоянно осуществлять профилактическую деятельность в отношении факторов, способствующих распространению экстремистских взглядов и идей в обществе. Профилактические меры включают в себя целенаправленные действия государства и других субъектов, направленные на выявление, изучение, документирование и устранение факторов, способствующих совершению преступлений, направлены на предотвращение преступлений путем устранения или нейтрализации факторов, способствующих их совершению.

В. В. Бычков выделяет три уровня профилактики киберэкстремизма [18, с. 41–42], которые, по нашему мнению, целесообразно рассматривать и применительно к экстремистской преступности в целом:

1) наиболее простые формы массового просвещения граждан о возможных признаках преступлений данного вида;

2) формы профилактики, предохраняющие отдельных лиц в индивидуальном порядке от преступных проявлений экстремистского характера;

3) формы профилактики преступлений экстремистской направленности, которые оговорены в примечаниях уголовно-правовых норм: освобождение от уголовной ответственности при отсутствии в действиях лица иного, отличного от экстремистского, состава преступления.

Следует отметить, что в Стратегии национальной безопасности РФ в качестве одной из мер обеспечения национальной безопасности обозначено предупреждение проявлений радикализма, и профилактика экстремизма среди несовершеннолетних и молодежи. В этой связи сегодня в рамках противодействия экстремистской деятельности основное внимание уделяется профилактической работе с молодежью, придерживающейся радикальных взглядов в религии, поскольку недостаточная зрелость данной возрастной категории в психологическом и социальном плане влечет за собой отсутствие у них идеологической стабильности, желание прикоснуться к радикальным (экстремистским) формам деятельности [19; 20, с. 28–32].

Важную роль при этом играют органы государственной власти и институты гражданского общества, взаимодействие которых осуществляется в различных формах. Справедливым видится утверждение Е. В. Ефановой: «государство должно устранить социально-экономические и политические условия, способствующие возникновению экстремизма, и решительно пресекать противозаконную деятельность экстремистов, а общество (в лице общественных объединений, средств массовой информации и рядовых граждан) должно противопоставлять экстремистским идеям и призывам гуманистические идеи политической и религиозной толерантности, гражданского мира и межнационального согласия» [21, с. 33]. Несмотря на то, что сформулирована данная точка зрения была еще в 2011 г., в настоящее время она не потеряла своей актуальности и должна объективно оцениваться и реализовываться при проведении профилактико-предупредительных мероприятий.

Органы государственной власти, и, в частности, правоохранительные органы, совместно с институтами гражданского общества осуществляют профилактико-предупредительную деятельность посредством проведения различных мероприятий (лекции, конференции, тематические конкурсы и др.) [22, с. 231–232], основная цель которых — недопущение вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. В рамках проведения профилактической работы с молодежью, как наиболее уязвимой группой населения, представляется целесообразным использовать современные интерактивные формы, например, дебаты, деловую игру, мастер-классы и другие.

Выводы

В настоящее время правоохранительные органы

действуют весьма эффективно в части выявления, пресечения и расследования деяний экстремистской направленности, о чем свидетельствует количество выявляемых преступлений и количество привлеченных к ответственности лиц, их совершающих.

Однако для эффективной борьбы с идеологией экстремизма принципиальное значение приобретает учет современных вызовов и угроз стабильному развитию российского государства, поскольку абсолютно все процессы, происходящие как внутри страны, так и на международной арене способны в том или иной промежуток времени существенно повлиять на процесс укоренения в сознании российского населения экстремистских идей и взглядов. Сегодня необходим комплексный подход, включающий меры по предотвращению экстремизма, образованию и укреплению правового государства, социальной справедливости и межэтническому согласию, учитывающий современные вызовы и угрозы стабильному развитию российского государства.

В заключении следует отметить, что борьба с экстремизмом является важнейшей задачей государства, которое должно принимать комплексные меры по предотвращению экстремизма, в т.ч. путем решения социальных и экономических проблем, способствующих его возникновению, а также путем противодействия экстремистской пропаганде. Комплексный подход, включающий профилактику, упреждение и своевременное реагирование, является наиболее эффективным средством противодействия экстремистской преступности. Совершенствование мер противостояния данным преступлениям и комплексный подход к разработке способов профилактики экстремистской деятельности позволят продемонстрировать значительные сдвиги в борьбе с преступностью, а также снизить шансы на достижение последней своих целей.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2024).
2. Сайт ГИАЦ МВД России // URL: https://www.mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.
3. Опалев В. А. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
4. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2024).
5. Хадисов Г. Х., Василенко Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушени-

- ям экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7.
6. Корольчук А. В. Понятие и сущность экстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6.
 7. Правовое противодействие экстремизму / Отв. ред. В. П. Кашепов. М. : ИД «Юриспруденция», 2008. 256 с.
 8. Шхагапсоев З. Л. Формирование правосознания как превентивная мера противодействия экстремизму в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6.
 9. Алексеенко С. В., Запорожец Е. В. Понятие и сущность экстремистской деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22).
 10. Коломинов В. В. Криминалистическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенных с помощью современных технологий // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101).
 11. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
 12. Беженцев А. А., Лебедев Б. Р. Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
 13. Охрана конституционного строя : уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы : монография / отв. ред. О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М. : Проспект, 2023.
 14. Иванцов С. В., Узембаева Г. И., Муzychuk Т. Л., Тищенко Ю. Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 16.
 15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт Верховного Суда РФ. URL://<https://http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 12.02.2024).
 16. Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2.
 17. Зайцев О. А. Законодательное регулирование уголовной ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности // Вестник. Государство и право. 2024. № 1.
 18. Бычков В. В. Профилактика киберэкстремизма посредством воздействия на экстремистов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1.
 19. Кумышева М. К., Мошкина Н. А. Формирование и развитие правовой культуры молодежи в современных условиях // Право и управление. 2023. № 12.
 20. Акимов Г. В. К вопросу об организации противодействия финансированию противоправных проявлений экстремистской направленности в среде молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
 21. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8.
 22. Каширгов А. Х. Меры, применяемые органами внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму в образовательной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 12.02.2024).
2. Website of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://https://www.mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.
3. Opalev V. A. Modern information technologies as a tool for the activities of extremist and terrorist organizations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 29, 2020 № 344 «On approval of the Strategy for countering Extremism in the Russian Federation until 2025» // ConsultantPlus (accessed: 12.02.2024).
5. Hadisov G. H., Vasilenko G. N. Actual problems of countering extremist offenses // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 7.
6. Korolchuk A.V. The concept and essence of extremist activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 6.
7. Legal counteraction to extremism / Ed. V. P. Kashepov. M. : Publishing house «Jurisprudence», 2008. 256 p.
8. Shkhagapsoev Z. L. Formation of legal awareness

- as a preventive measure to counter extremism among young people // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. № 6.
9. Alekseenko S. V., Zaporozhets E. V. The concept and essence of extremist activity // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4 (22).
 10. Kolominov V. V. Criminalistic prevention of extremist crimes committed with the help of modern technologies // Siberian Legal Bulletin. 2023. № 2 (101).
 11. Fridinsky S. N. Countering extremist activity (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research) : dis. ... doct. Jurid. M., 2011.
 12. Refugees A. A., Lebedev B. R. Extremism and extremist activity: terminological discussions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5.
 13. Protection of the constitutional system : criminal law and criminal procedure mechanisms: monograph / ed. O. A. Zaitsev, S. L. Nudel. M. : Prospekt, 2023.
 14. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Yu. Actual problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes trends committed using information and telecommunication networks // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. № 16.
 15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 № 11 «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://http://www.vsrfr.ru/> (accessed: 12.02.2024).
 16. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2.
 17. Zaitsev O. A. Legislative regulation of criminal liability for crimes of extremist and terrorist orientation // Herald. State and law. 2024. № 1.
 18. Bychkov V. V. Prevention of cyber extremism by influencing extremists // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2023. № 1.
 19. Kumysheva M. K., Moshkina N. A. Formation and development of legal culture of youth in modern conditions // Law and management. 2023. № 12.
 20. Akimova G. V. On the issue of the organization of countering the financing of illegal manifestations of extremist orientation among young people // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3.
 21. Efanova E. V. Youth extremism as a form of political protest // Power. 2011. № 8.
 22. Kashirgov A. H. Measures applied by internal affairs bodies to counteract youth extremism in the educational environment // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. № 4.

Информация об авторах

О. А. Зайцев — заведующий кафедрой уголовного и уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ;

З. Л. Шхагапсоев — начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

O. A. Zaitsev — Head of the Department of Criminal and Criminal Procedure Law and Law Enforcement of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Z. L. Shkhagapsoev — Head of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 343.326

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-78-84>

EDN: <https://elibrary.ru/tlobvp>

НИОН: 2003-0059-3/24-052

MOSURED: 77/27-003-2024-03-251

Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности

Сергей Вячеславович Иванцов¹, Сергей Викторович Борисов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ isv1970@mail.ru

² svb8@yandex.ru

Аннотация. Анализируются вопросы, раскрывающие особенности и тенденции, присущие современной диверсионной деятельности; данные вопросы рассмотрены через призму установления и реализации уголовной ответственности за преступления, относящиеся к диверсионной деятельности. Формулируются выводы и предложения относительно совершенствования соответствующих положений уголовного закона и практики его применения.

Ключевые слова: диверсионная деятельность, обороноспособность Российской Федерации, уголовный закон, уголовно-правовое противодействие, экономическая безопасность

Для цитирования: Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 78–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-78-84>. EDN: TLOBVP.

Original article

Current issues of criminal law counteraction sabotage activities

Sergey V. Ivantsov¹, Sergey V. Borisov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ isv1970@mail.ru

² svb8@yandex.ru

Abstract. The issues that reveal the features and trends inherent in modern sabotage activities are considered; these issues are examined through the prism of establishing and implementing criminal liability for crimes related to sabotage. The conclusions and proposals on improving the relevant provisions of the criminal law and the practice of its application are formulated.

Keywords: sabotage activities, defense capability of the Russian Federation, criminal law, criminal law counteraction, economic security

For citation: Ivantsov S. V., Borisov S. V. Current issues of criminal law counteraction sabotage activities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):78–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-78-84>. EDN: TLOBVP.

Необходимость повышения эффективности противодействия диверсионной деятельности обусловлена ее интенсификацией в период проведения специальной военной операции. Диверсии, наряду с террористическими актами, стали типичными проявлениями

враждебной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, в том числе в границах ее новых субъектов, при непосредственном или опосредованном участии иностранных должностных лиц, военнослужащих и других представителей зару-

бежных государств. В таких условиях руководством страны предпринимаются значительные усилия по совершенствованию системы мер предупреждения диверсий и борьбе с ними, в том числе в рамках развития применяемых при этом уголовно-правовых норм [1].

Наиболее существенные изменения были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в конце 2022 г. [4], когда его глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» была дополнена тремя статьями, предусматривающими такие новые составы преступлений, как содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1), включая вовлечение в осуществление диверсии, вооружение или подготовку в целях совершения таковой или ее финансирование (ч. 1), пособничество в совершении диверсии (ч. 3), ее организацию, руководство совершением и организацию финансирования (ч. 4); прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2); организация диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.2).

Кроме того, одновременно в ч. 1 ст. 63 УК РФ был включен пункт «с», содержащий новое обстоятельство, отягчающее наказание, состоящее в совершении преступления, альтернативными целями которого являются пропаганда, оправдание и поддержка диверсии. Эти же цели указаны в диспозиции ч. 1 ст. 281.3 УК РФ применительно к преступлениям, для подготовки или непосредственного совершения которых создается диверсионное сообщество. Содержание данных целей определено в пунктах 2, 3 и 4 примечаний к ст. 281.3 УК РФ, при этом цели оправдания и поддержки диверсии, в отличие от диспозиции ч. 1 данной статьи и п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ, обоснованно разделены между собой вследствие существенного различия их содержания. По сути, цель поддержки диверсии заключается в стремлении виновного лица осуществить пособничество в совершении последней, тогда как цели пропаганды или оправдания диверсий — с распространением соответствующей опасной идеологии и использовании таковой для формирования основанных на ней убеждений у других лиц.

На стадии разработки законопроекта рассматриваемая законодательная инициатива обосновывалась необходимостью реализации государственной политики в части повышения уровня антитеррористической защищенности критически важных и потенциально опасных объектов [5]. В первую очередь, это объекты жизнеобеспечения населения и транспортной инфраструктуры государства, а также объекты атомного, оборонно-промышленного, топливно-энергетического, химического, энергопромышленного, ядерного оружейного комплексов. Соответствующее направление государственной политики следует из содержания документов стратегического планирования, утвержденных Президентом России, учитывающих тенденцию к эскалации различных террористических

и диверсионных угроз в отношении указанных объектов, в том числе противоправных действий, имеющих трансграничный (транснациональный) характер [например, 6; 7; 8]. При этом неразрывная связь диверсий с террористической деятельностью отмечается как в данных документах, так и в пояснительной записке к указанному законопроекту.

Фактическая схожесть диверсионной и террористической деятельности нашла свое формальное отражение и в новых положениях уголовного закона. Так, по своему содержанию п. «с» отличается от п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ тем, что в нем вместо терроризма называется диверсия, на осуществление пропаганды, оправдания и поддержки которой направлено то или иное преступление. Вместе с тем терроризм, в отличие от диверсии, является более сложным, комплексным явлением, включающим соответствующую опасную идеологию и практику, воплощаемую в террористической деятельности, вбирающей в себя различные преступления террористической направленности, в том числе террористический акт, являющийся смежным составом по отношению к диверсии. Сопоставление статей 281.1, 281.2 и 281.3 со статьями 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ также позволяет заключить, что противоправные уголовно-правовые новеллы основаны на устоявшихся антитеррористических положениях уголовного закона, предусматривающих ответственность за содействие террористической деятельности, обучение в целях осуществления последней, создание террористического сообщества, руководство таковым и участие в нем.

Последнее обстоятельство обусловило возникновение сложного практического вопроса, касающегося квалификации противоправных действий, связанных с осуществлением как террористической, так и диверсионной деятельности, например, когда лицо финансирует совершение не только преступлений террористической направленности, но еще и диверсий, либо обучается для осуществления как террористической, так и диверсионной деятельности, а равно создает организованную группу, ориентированную на деяния, относящиеся к терроризму и диверсиям. С учетом действующего законодательства и сложившихся подходов к юридической оценке преступлений террористической и экстремистской направленности, в приведенных примерах квалификация содеянного должна учитывать совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими статьями гл. 24 и гл. 29 УК РФ, например, статьями 205.3 и 281.2 УК РФ.

Позиция законодателя, рассматривающего диверсию в неразрывной связи с террористической деятельностью, прослеживается и в содержании Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ [9], которым были внесены согласованные между собой изменения в Общую и Особенную части УК РФ, затронувшие не только статьи 205 и 281, но и ряд других статей, направленные на усиление ответственности за отдель-

ные преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества. На стадии подготовки соответствующего законопроекта, содержащиеся в нем изменения уголовного закона обосновывались, в частности, идентичным уровнем общественной опасности и схожестью объективных и субъективных признаков составов террористического акта и диверсии, что предполагает целесообразность согласования уголовно-правовых мер противодействия данным преступлениям, в том числе в рамках их совершенствования [10]. Основываясь на этой концепции, данным Законом произведено уравнивание сроков лишения свободы в санкциях статей 205 и 281 УК РФ, а также расширен общий квалифицирующий признак террористического акта и диверсии, ранее состоявший в совершении преступления исключительно организованной группой, посредством его дополнения указанием на еще одну форму соучастия — группу лиц по предварительному сговору.

Полагаем, что это дополнение отвечает потребностям практики, поскольку не во всех случаях совместного совершения террористического акта или диверсии несколькими лицами фактически имеет место устойчивость их объединения, тогда как соучастие в соответствующем преступлении, пусть и не обладающее последним признаком, но, как правило, характеризующееся предварительным сговором, существенно повышает степень общественной опасности деяния. Вместе с тем считаем, что для дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за террористический акт и диверсию целесообразно выделить их совершение организованной группой в особо квалифицирующий признак составов данных преступлений с включением такового в ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 281 УК РФ.

Обратим внимание на то, что Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ был введен еще один актуальный особо квалифицирующий признак диверсии (п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ), совпадающий по своему содержанию с аналогичным особо квалифицирующим признаком террористического акта в обновленной редакции (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ), учитывающим повышенную общественную опасность соответствующих деяний, посягающих на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты, а равно связанные с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ, патогенных биологических агентов. Такие посягательства потенциально могут привести к масштабным катастрофам, эпидемиям, эпизоотиям, эпифитотиям, сопряженным с сопутствующими тяжкими последствиями.

При внесении изменений в ст. 281 УК РФ также

были приняты во внимание новые угрозы для безопасности государства, в том числе касающиеся защищенности его экономики и обороноспособности, заключающиеся, в частности, в намеренном выведении из хозяйственной деятельности трудоспособных граждан в связи с причинением вреда их здоровью, в заражении сельскохозяйственных растений и животных, в повреждении или уничтожении компонентов природной среды. Не так давно мы стали очевидцами пандемии COVID-19, сопровождающегося самыми различными прямыми и косвенными негативными последствиями, в том числе для экономики многих государств, в связи с чем умышленное распространение той или иной опасной инфекции может иметь не меньший, а то и больший деструктивный эффект по сравнению с типичными диверсионными действиями в виде взрывов, поджогов и т. п.

Законодательные изменения затронули и регламентацию субъективной стороны диверсии, применительно к которой было использовано сочетание соединительного и разделительного союзов «и (или)» между закрепленными в диспозиции ч. 1 ст. 281 УК РФ целями данного преступления, что придало им альтернативный характер. Это изменение также учитывает современные реалии, в которых диверсии могут быть направлены исключительно на экономику государства либо на его обороноспособность, а равно сочетать в себе эти два направления осуществления диверсионной деятельности.

В контексте последнего законодательного изменения обратим внимание на такую тенденцию современной диверсионной деятельности, как ее рассредоточение на ряд «точечных» посягательств, объединенных единым умыслом организаторов, при которых непосредственными исполнителями конкретных диверсионных актов являются никак не связанные между собой лица, как правило, действующие за материальное вознаграждение «кураторов», обещанное и перечисленное им дистанционно, и (или) под влиянием шантажа или иных угроз со стороны последних.

В настоящее время типичными противоправными действиями такого рода стали поджоги релейных шкафов на железных дорогах. Причем каждое отдельное посягательство этого вида преимущественно не причиняет какого-либо ощутимого материального вреда, в связи с чем на практике данные действия первоначально квалифицировались как менее опасные преступления против собственности или безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренное ст. 167 или ст. 267 УК РФ [2, с. 68–69]. В последующем эта правоприменительная практика претерпела кардинальное изменение, учитывающее создаваемые указанными «точечными» поджогами угрозы для экономики и, прежде всего, для обороноспособности страны, опасность которых многократно возросла в период проведения специальной

военной операции. Кроме того, был принят во внимание ряд новых обстоятельств, в том числе массовость данных посягательств и явно прослеживаемый общий замысел их организаторов нанести максимально возможный урон России, а также транснациональный и организованный характер данной деятельности, определяемый спецификой механизма ее осуществления, в котором генерация соответствующих опасных идей и создание общих условий для их воплощения в конкретных диверсионных актах, как правило, протекают за пределами Российской Федерации. Те же особенности присущи и попыткам поджогов зданий военкоматов и иных учреждений, квалифицируемых в настоящее время как террористические акты, направленные на дестабилизацию деятельности определенных органов власти.

Так, по данным МВД России на 22 января 2024 г., с момента начала специальной военной операции в России было совершено 184 диверсии на железных дорогах, за их совершение было задержано 141 лицо, в том числе 59 несовершеннолетних. Данные преступления в основном совершены за материальное вознаграждение. Также полиция зарегистрировала 220 нападений на органы государственной власти, преимущественно состоявших в поджогах военкоматов [11].

Так, по приговору Санкт-Петербургского городского суда З. был признан виновным в совершении диверсии, предусмотренной ч. 1 ст. 281 УК РФ. Установлено, что З. за вознаграждение на сумму 10 тыс. руб. в марте 2023 г. на перегоне железнодорожных станций поджег устройство сигнализации, централизации и блокировки железнодорожного релейного шкафа, обеспечивающего интервальное регулирование движения поездов и безопасный пропуск железнодорожных составов. З. действовал по заданию «куратора» с анонимным аккаунтом, с которым познакомился в «Telegram». Для поджога он, следуя полученной инструкции, использовал краску и зажигалку, произвел видеофиксацию своих противоправных действий для отчета перед «куратором», который в дальнейшем перечислил обещанное вознаграждение на созданный З. криптокошелек. Имущественный ущерб от поджога составил около 1600 руб., вместе с тем суд признал доказанным, что умысел З. был направлен на повреждение объекта транспортной инфраструктуры, а цель деяния состояла в подрыве экономической безопасности и обороноспособности России [12].

Отметим, что типичным мотивом противоправных действий непосредственных исполнителей диверсионных актов, особенно связанных с указанными выше «точечными» посягательствами на объекты транспортной инфраструктуры, является корысть, причем данные лица не всегда осведомлены об истинных целях организаторов этих, казалось бы, разрозненных и не таких уж значительных по своим фактическим последствиям преступлений. Вместе с тем они осознают, какие угрозы несут в себе их противоправные

деяния, например, поджоги тех же релейных шкафов. В связи с этим предлагаем заменить в диспозиции ч. 1 ст. 281 УК РФ названные в ней цели указанием на угрозу (опасность), создаваемую соответствующими деяниями. То есть предлагается сохранить имеющееся в диспозиции ч. 1 ст. 281 УК РФ перечисление относящихся к диверсии общественно опасных действий и указать, что таковые создают угрозу подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности страны. Тем самым данная угроза будет характеризовать не только субъективную, но и объективную сторону этого преступления. Причем в рамках доказывания обстоятельств, относящихся к субъективной стороне диверсии, потребуется установить, что лицо осознавало создание своими противоправными действиями соответствующей угрозы и желало совершить такие опасные действия. По нашему мнению, предложенный подход является актуальным и для совершенствования регламентации уголовной ответственности за террористический акт, непосредственные исполнители которого также нередко действуют на основе корыстных побуждений, но осознают, в частности, что совершенные ими деяния дестабилизируют деятельность органов власти или как минимум создают опасность такой дестабилизации.

Указанным выше Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ в ч. 2 ст. 281 УК РФ также был включен новый квалифицирующий признак, дифференцирующий уголовную ответственность за диверсию, связанную с посягательством на объекты топливно-энергетического комплекса, организаций оборонно-промышленного комплекса, Минобороны России, Вооруженных Сил РФ, войск национальной гвардии или органов государственной власти, привлекаемых к выполнению задач в области обороны. Усиление наказания за совершение диверсий на таких объектах продиктовано тем, что последние являются приоритетными целями для лиц, действующих по заданиям враждебных государств, пытающихся всеми способами нанести максимальный урон экономике и обороне России.

Кроме того, этим же Федеральным законом из п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 281 УК РФ было исключено указание на умышленную форму вины как сательно причинения наиболее тяжкого последствия террористического акта и диверсии — смерти человека, а также признан утратившим силу п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ, предусматривавший квалифицирующий признак в виде наступления аналогичного последствия по неосторожности. В результате данных изменений в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 281 УК РФ стала предусматриваться ответственность, как за умышленное, так и за неосторожное причинение смерти человека в результате совершения террористического акта или диверсии. С нашей точки зрения, включение убийства в качестве квалифицирующего признака состава другого преступления не способствует обеспечению адек-

ватной уголовно-правовой охраны жизни человека и полноценной реализации принципа справедливости уголовной ответственности, равно как и достижению такой цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости. Напротив, возвращение к существовавшей ранее регламентации уголовной ответственности за террористический акт и диверсию, когда убийство в ходе совершения данных преступлений, подлежало самостоятельной юридической оценке с учетом одного или более квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, позволило бы создать необходимые предпосылки для назначения справедливого наказания и достижения стоящих перед ним целей.

Далее остановимся на соотношении используемых в уголовном законе понятий «диверсия» и «диверсионная деятельность». Несмотря на то, что в названии ст. 281.1 УК РФ использовано понятие «диверсионная деятельность», предполагающее включение в его объем нескольких уголовно наказуемых деяний, объединенных общим признаком (общими признаками), в диспозициях данной статьи речь идет о различного рода содействии только одному преступлению — диверсии, пусть и указанной с использованием формулировки «преступления, предусмотренные статьей 281 настоящего Кодекса». В ст. 281.2 УК РФ предусмотрена ответственность за прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности либо подготовки или совершения как минимум одного преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, то есть соответствующие понятия в данном случае указаны как различающиеся между собой. По сути, формальная предпосылка для проведения их разграничения и отнесения к диверсионной деятельности не только диверсии, но еще и других преступлений содержится в диспозиции ч. 1 ст. 281.3 УК РФ, где упоминаются диверсия и иные уголовно наказуемые деяния, преследующие цели пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Вместе с тем для обеспечения правовой определенности положений уголовного закона полагаем целесообразным закрепить определение диверсионной деятельности в примечаниях к ст. 281.1 УК РФ, а также предусмотреть в ней ответственность за содействие не только диверсиям, но и другим преступлениям, относящимся к такой деятельности. Раскрытие понятия диверсионной деятельности в уголовном законе является предпосылкой для дальнейшего развития уголовно-правовых норм об ответственности за относящиеся к ней деяния, в том числе за публичным призывы к осуществлению данной противоправной деятельности. В настоящее время такие призывы наказываются по ст. 280.4 УК РФ, имеющей более широкую направленность на противодействие призывам к различной деятельности, угрожающей безопасности России.

Еще одно наше предложение по повышению эф-

фективности применения уголовно-правовых мер противодействия диверсионной деятельности касается толкования ст. 281.3 УК РФ об ответственности за создание диверсионного сообщества, руководство таковым, а равно участие в нем. Как отмечает Т. М. Лопатина, регламентация ответственности за это преступление не в полной мере согласована с положениями ст. 35 УК РФ о таких формах соучастия, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация), при этом диверсионное сообщество является более близким именно к последней из данных форм [3, с. 26–27]. По нашему мнению, основанном на анализе содержания статей 35 и 281.3 УК РФ, диверсионное сообщество может альтернативно иметь отдельные признаки, присущие как организованной группе, так и преступному сообществу (преступной организации), при этом для привлечения к ответственности по данной статье достаточно установить, что соответствующее объединение является организованной группой, тогда как признак структурированности способствует рассмотрению всех взаимосвязанных организованных преступных объединений в качестве подразделений одного диверсионного сообщества. Во избежание разночтений в толковании положений ст. 281.3 УК РФ считаем целесообразным заменить используемое в ней понятие «диверсионное сообщество» понятием «диверсионная организованная группа».

Кроме того, полагаем важным учесть в статьях 281, 281.1 и 281.3 УК РФ повышенную общественную опасность диверсионной деятельности, имеющей транснациональный характер, в том числе в связи с участием в ней в качестве исполнителей (соисполнителей), организаторов, подстрекателей или пособников иностранных должностных лиц, или военнослужащих. Как показывает практика, подавляющее большинство диверсий на территории России в настоящее время совершается по «заданию», исходящему с территории другой страны, как правило, Украины. Так, по приговору Сахалинского областного суда гражданин России был осужден за приготовление к диверсии на объекте топливно-энергетического комплекса (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 281 УК РФ) и государственную измену (ст. 275 УК РФ), совершенные им под руководством спецслужб Украины [13]. Этот пример является типичным для актуальной правоприменительной практики, при этом действующий уголовный закон не позволяет учесть транснациональный характер диверсий и других преступлений при дифференциации уголовной ответственности за их совершение.

В связи с этим предлагаем дифференцировать ответственность за данные преступления, совершенные указанными представителями иностранного государства, а равно с участием таких лиц, в том числе в качестве организаторов.

В заключение ответим, что введение дополни-

тельных уголовно-правовых мер противодействия диверсиям и иным преступлениям, относящимся к диверсионной деятельности, обусловлено актуальными требованиями к обеспечению надлежащей защищенности различных важных объектов, на которых базируется экономическая безопасность и обороноспособность государства. Вместе с тем регламентация данных мер и практика их применения нуждаются в совершенствовании, в том числе, направленном на придание соответствующим положениям уголовного закона требуемой правовой определенности и дифференциацию уголовной ответственности за преступления, входящие в объем диверсионной деятельности.

Список источников

1. Прохорова М. Л., Горенко М. Г., Чибизов В. В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281.1, 281.3 УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Российский следователь. 2023. № 10. С. 42–45.
2. Чучаев А. И. Поджог железнодорожных релейных шкафов : юридическая оценка деяния // Уголовное право. 2023. № 12. С. 68–76.
3. Лопатина Т. М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. № 11. С. 25–29.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 33.
5. Проект Федерального закона № 253939-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по сост. на 08.12.2022) // URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
6. Стратегия национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу (утв. Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11, ст. 1106.
8. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20, ст. 2421.
9. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18, ст. 3234.
10. Проект Федерального закона № 232768-8 «О внесении изменений в статьи 205 и 281 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2024).
11. В МВД назвали число совершенных в России диверсий на железной дороге // URL: https://dzen.ru/a/Za4qmVJL_ms0gEuL (дата обращения: 16.04.2024).
12. URL: // <https://t.me/SPbGS/16779> (дата обращения: 16.04.2024).
13. Житель Сахалинской области осужден за подготовку диверсии // URL: // <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/zhitel-sahalinskoy-oblasti-osuzhden-za-podgotovku-diversii.html> (дата обращения: 18.04.2024).

References

1. Prokhorova M. L., Gorenko M. G., Chibizov V. V. Promotion of sabotage activities and organization of a sabotage community (Articles 281.1, 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) as varieties of special types of organization, incitement and complicity in criminal activity: on the question of the justification of regulation // Russian investigator. 2023. № 10. P. 42–45.
2. Chuchaev A. I. Arson of railway relay cabinets: a legal assessment of the act // Criminal law. 2023. № 12. P. 68–76.
3. Lopatina T. M. Criminal liability for facilitating sabotage activities and organizing a sabotage community or participating in it // Russian investigator. 2023. № 11. P. 25–29.
4. Federal Law of December 29, 2022. № 586-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 1 (part I), Art. 33.
5. Draft Federal Law № 253939-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text according to comp. on 08.12.2022) // URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/> (accessed: 15.04.2024).
6. National Security Strategy (approved by Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021) // Collection of Legislation

- of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part II), Article 5351.
7. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of chemical and biological safety for the period up to 2025 and beyond (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated March 11, 2019 № 97) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 11, Article 1106.
 8. Doctrine of energy security of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2019 № 216) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 20, Article 2421.
 9. Federal Law № 157-FZ of April 28, 2023 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 18, Art. 3234.
 10. Draft Federal Law № 232768-8 «On Amendments to Articles 205 and 281 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/> (accessed: 14.04.2024).
 11. The Ministry of Internal Affairs called the number of sabotages committed in Russia on the railway // URL:https://dzen.ru/a/Za4qmVJL_ms0gEuL (accessed: 16.04.2024).
 12. URL://<https://t.me/SPbGS/16779> (accessed: 16.04.2024).
 13. A resident of the Sakhalin region was convicted of preparing sabotage // URL://<http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/zhitel-sahalinskoy-oblasti-osuzhden-za-podgotovku-diversii.html> (accessed: 18.04.2024).

Информация об авторах

С. В. Иванцов — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

С. В. Борисов — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Ivantsov — Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

S. V. Borisov — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 346.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-85-93>

EDN: <https://elibrary.ru/thktyh>

ИПОН: 2003-0059-3/24-053

MOSURED: 77/27-003-2024-03-252

Инвестирование в цифровые права с использованием инвестиционных платформ: специфика правоотношений

Агнесса Олеговна Иншакова¹, Денис Евгеньевич Матыцин²

^{1,2} Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹ ainshakova@list.ru

² gimchp@volsu.ru

Аннотация. Анализируется специфика инвестиционного правоотношения, складывающегося при инвестировании в цифровые права с использованием инвестиционной платформы. В основе возникающих правоотношений лежит интерес, воля и волеизъявление его участников. В отличие от традиционных правоотношений, складывающихся за пределами цифровой среды, указанные отношения имеют в основе иной, более сложный состав юридических фактов, специфические объекты, неспецифических субъектов, что и обуславливает нехарактерные признаки возникающих правоотношений. Анализ законодательства показывает наличие ограничений в сфере использования цифровых прав в инвестиционной деятельности: они могут рассматриваться только в качестве объекта инвестирования. Анализируется ряд дискуссионных вопросов, касающихся понимания цифрового права, его содержания, признаков, выделения отдельных видов. Констатируется, что в качестве объектов инвестирования в настоящее время могут выступать только две разновидности цифрового права: цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. Установлены различия указанных цифровых прав, заключающихся в содержании имущественного права, лежащего в их основе, и объекта этого права, на который направлен интерес участников инвестирования.

Утверждается, что специфику инвестиционного правоотношения, возникающего относительно цифровых прав с использованием инвестиционной платформы, образует сложный состав субъектов. Обосновано, что для возникновения указанного правоотношения необходимы согласованные воля и волеизъявления двух субъектов — инвестора и лица, привлекающего инвестиции. Доказано, что для развития обозначенного правоотношения, его динамики, требуется воля и волеизъявление еще одного субъекта — оператора инвестиционной платформы. Предлагается выделять две группы субъектов — традиционных (инвестор и лицо, привлекающее инвестиции) и специфических (оператор информационной платформы). Наличие сложного состава субъектов формирует двухуровневую структуру возникающего инвестиционного правоотношения. Для заключения сделки, в первую очередь, необходима согласованная воля инвестора и лица, привлекающего инвестиции. Взаимодействие указанных субъектов составляет первый уровень инвестиционного правоотношения, возникающего относительно цифровых прав. В целях осуществления своих субъективных гражданских прав инвестор и лицо, привлекающее инвестиции, вступают в договорные отношения с оператором инвестиционной платформы, что формирует второй уровень инвестиционного правоотношения по инвестированию в цифровые права. Доказано, что специфику инвестиционного правоотношения, складывающегося относительно инвестирования в цифровые права, составляет и особый состав юридических фактов.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, инвестиции, инвестиционная платформа, субъекты инвестиционного правоотношения, инвестор, лицо, привлекающее инвестиции, оператор инвестиционной платформы

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01141 «Правовые механизмы защиты прав физических лиц при осуществлении дистанционных инвестиционных сделок в интернет-пространстве»).

Для цитирования: Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Инвестирование в цифровые права с использованием инвестиционных платформ: специфика правоотношений // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 85–93. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-85-93>. EDN: THKTYH.

Investing in digital rights using investment platforms: specifics of legal relations

Agnessa O. Inshakova¹, Denis E. Matytsin²

^{1,2} Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ ainshakova@list.ru

² gimchp@volsu.ru

Abstract. The specifics of the investment legal relationship that develops when investing in digital rights using an investment platform is being analyzed. The basis of the emerging legal relations is the interest, will and will of its participants. Unlike traditional legal relations that develop outside the digital environment, these relations are based on a different, more complex composition of legal facts, specific objects, and non-specific subjects, which determines the uncharacteristic signs of emerging legal relations. An analysis of the legislation shows that there are restrictions in the use of digital rights in investment activities — they can only be considered as an object of investment. A number of controversial issues related to the understanding of digital law, its content, features, and the allocation of certain types are analyzed. It is stated that currently only two types of digital law can act as investment objects: digital financial assets and utilitarian digital rights. The differences between these digital rights have been established, consisting in the content of the property right underlying them and the object of this right, which is the focus of the interest of the investment participants.

It is argued that the specifics of the investment legal relationship arising with respect to digital rights using the investment platform are formed by a complex composition of subjects. It is proved that for the emergence of this legal relationship, the coordinated will and will of two subjects — the investor and the person attracting investments are necessary. It is proved that the development of the designated legal relationship, its dynamics, requires the will and will of another entity — the operator of the investment platform. It is proposed to distinguish two groups of subjects — traditional (the investor and the person attracting investments) and specific (the operator of the information platform). The presence of a complex composition of subjects forms a two-level structure of the emerging investment legal relationship. To conclude a deal, first of all, the coordinated will of the investor and the person attracting investments is necessary. The interaction of these entities constitutes the first level of the investment legal relationship that arises with respect to digital rights. In order to exercise their subjective civil rights, the investor and the person attracting investments enter into contractual relations with the operator of the investment platform, which forms the second level of investment legal relations for investing in digital rights. It is proved that the specifics of the investment legal relationship that develops with respect to investing in digital rights is also a special composition of legal facts.

Keywords: digital rights, digital financial assets, utilitarian digital rights, investments, investment platform, subjects of investment legal relations, investor, person attracting investments, operator of the investment platform

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 23-28-01141 «Legal mechanisms for protecting the rights of individuals in the implementation of remote investment transactions in the Internet space»).

For citation: Inshakova A. O., Matytsin D. E. Investing in digital rights using investment platforms: specifics of legal relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):85–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-85-93>. EDN: THКТУН.

Введение.

Развитие цифровых технологий, в том числе технологий распределенного реестра позволило создать новые инвестиционные инструменты, средства и объекты инвестирования. Среди последних следует выделить цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. Это новые категории как для российского, зарубежного национального права, так и международного частного права. В отличие от давно существующих объектов инвестирования новые инструменты не имеют аналогов, что предопределяет необходимость создания совершенно нового правового регулирования. В появившихся цифровых (виртуальных) правоотно-

шениях не в полной мере возможно использовать традиционные средства и механизмы правового воздействия. Необходимо разработать новые инструменты, позволяющие сформировать эффективную основу для создания правовых норм, упорядочивающих данные правоотношения. Здесь существует ряд нерешенных как в науке, так и законодательстве проблем, связанных с идентификацией субъектов, вступающих в виртуальные инвестиционные отношения, учетом объекта правоотношения, регистрацией сделок с ним и многие другие. Не разработаны критерии систематизации новых объектов инвестирования, что не позволяет в полной мере определить их правовой режим.

Возникающие цифровые инвестиционные правоотношения имеют значительную специфику, что обусловлено наличием особых объектов — цифровых прав; субъектов, системно, отличающихся от традиционных участников инвестиционного правоотношения; средств, при помощи которых осуществляется инвестирование, что предопределяет необходимость создания особого правового регулирования. В свою очередь процесс правотворчества только тогда будет эффективным и действенным, когда нормы права будут опираться на разработанную доктрину, где проанализированы специфика, возникающих связей, смоделирована типичная динамика возникающих правоотношений.

В настоящее время и доктрина, и законодательство в некотором роде отстают от практики, что, впрочем, является закономерным, так как именно практика как экономический базис формирует то или иное явление, которое исследуют ученые и на основе которого впоследствии формируется норма права [17, с. 12].

В современном праве представлены некоторые модели правового регулирования инвестиционного правоотношения, объектом которого выступают цифровые права. Однако здесь имеет место ряд системных проблем. С учетом структуры правоотношения (объект, субъект и содержание) можно отметить проблемы, связанные с определением объекта правоотношения. Так сама дефиниция цифровых прав нуждается в существенной проработке. Необходимо сформулировать признаки цифрового права, определить его содержание — то имущественное право, которое лежит в его основе. Недостаточно внимания уделено и таким видам цифровых прав как утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, которые являются по действующему законодательству объектом инвестирования.

Возникает ряд трудностей с определением юридических фактов, лежащих в основе возникновения инвестиционного правоотношения при инвестировании в цифровые права. С учетом того, что в отличие от традиционного правоотношения, в исследуемом правоотношении присутствует третий субъект — оператор инвестиционной платформы, необходимо установить, как его воля и волеизъявление влияет на возникновение и динамику инвестиционного правоотношения; влияет ли наличие третьего участника на структуру правоотношения; как происходят взаимоотношения стороны внутри такого сложного правоотношения.

Все указанные проблемы до настоящего времени не решены в науке, что не позволяет создать точные механизмы правового регулирования, и предопределяет необходимость проведения доктринального исследования.

Материалы.

В правовом регулировании правоотношений, возникающих относительно инвестирования в цифровые

права, действует ряд общих нормативных правовых актов, в частности, Гражданский кодекс РФ и иные специальные акты. Специальное законодательство следует разделить на законодательство, посвященное регулированию инвестиционной деятельности и нормативные правовые акты, регулирующие непосредственно инвестиции в цифровые права [11; 5; 14; 10; 12; 13].

Доктринальные источники, создающие основу данного исследования, также могут быть разделены на три основные группы.

В первую группу, входят авторы, посвятившие свои исследования статике и динамике гражданского правоотношения Р. О. Халфина, О. С. Иоффе и другие [18, с. 312; 21, с. 536]. Ученые, представляющие вторую группу, посвятили свои труды сущности цифровых прав, в том числе таких их разновидностей, как утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы О. С. Гринь, Д. В. Ефанов, П. В. Рошин, Л. А. Новоселова, А. В. Габов, А. И. Савельев, А. С. Генкин, С. В. Сарбаш, А. В. Асосков, А. В. Семенов, Р. М. Янковский, А. В. Журавлев, А. Ю. Толкачев, А. В. Камелькова, М. А. Успенская, Р. А. Крупенин, В. В. Кислый, М. Б. Жужжалов, В. И. Попов, М. А. Аграновская, Е. Мвитенде, Али Ли, В. К. Андреев, Л. Ю. Василевская, а также отличию от криптовалюты и иных цифровых объектов Мэтью Теодор Грегори, Лестер Хольцманн, Марсаль-Лакуна [3, с. 21; 15, с. 116; 8, с. 31; 23; 1, с. 38; 2, с. 111; 16; 22, с. 226]. Проблемам инвестирования в цифровые права посвящены исследования Д. Е. Матыцина, Т. В. Дерюгиной, А. О. Иншаковой, А. И. Гончарова и других современных цивилистов [7, с. 39; 4, с. 13; 19 с. 422].

Методы.

Исследование любых правоотношений (традиционных и цифровых), в их статике и динамике требует использования как общих, так специальных методов научного познания. В качестве общенаучных методов следует выделить анализ, синтез, дедукцию и индукцию, позволившие установить логику развития инвестиционного правоотношения, сделать выводы относительно его сущности, определить причины трансформации традиционных инвестиционных правоотношений в цифровые. Формально-юридический метод позволил проанализировать теорию права, сложившуюся в современной цивилистике, выявить основные дефиниции и концепты инвестирования цифровых прав. Метод правового моделирования позволил создать искусственную модель инвестиционного правоотношения, в рамках которого происходит процесс инвестирования в цифровые права. В свою очередь метод правового прогнозирования помог раскрыть перспективы развития инвестиционной деятельности в сфере цифровых прав и сформулировать рекомендации такого развития. Техничко-юридический метод позволил установить связи между исследуемыми конструкциями.

Результаты.

Утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы как объекты инвестирования.

Цифровые права и цифровые финансовые активы в качестве одной из основных функций выполняют функцию средства инвестирования [7, с. 39].

Действующее российское законодательство предлагает несколько дефиниций категории инвестиции. В частности, под инвестициями понимается любой объект гражданского оборота, имеющий материальную ценность и представляющий интерес с точки зрения возможности получения прибыли (статья 1 Федерального закона 1999 [10]). Сходное определение инвестиций предложено в статье 1 закона 1991, где под инвестициями понимается любое имущество или имущественное право, а также интеллектуальные ценности, которые вызывают интерес у участников гражданского оборота с позиции получения прибыли или достижения положительного социального эффекта [5]. Такой же подход изложен в статье 2 Федерального закона 2020, однако цели инвестирования расширены путем допущения возможности получения любого полезного эффекта [14]. С точки зрения определения инвестиций самый широкий подход изложен в ст. 2 Федерального закона 1999, понимающей в качестве таковых любые объекты гражданских прав, а также информацию [10].

Значительно более узкий подход к пониманию инвестиций изложен в статье 2 Федерального закона 2019, где под инвестициями понимаются только денежные средства, а под объектами инвестирования цифровые права или ценные бумаги, а в качестве средства инвестирования назван договор займа [12].

Не комментируя столь узкий подход законодателя к возможности инвестирования с использованием инвестиционных платформ, отметим лишь важное для нас обстоятельство — цифровые права могут рассматриваться только как объект инвестирования и не могут являться инвестициями (средством инвестирования или инвестиционным инструментом) в понимании статьи 2 Федерального закона 2019 [12].

Под цифровыми правами понимаются легализованные в качестве таковых обязательственные и иные права, выпущенные информационной системой, которая устанавливает правила осуществления прав на них (статья 141.1 Федерального закона 1994 [9]). Правовая природа цифровых прав вызывает в научной литературе множественные споры, значительное место среди которых занимают дискуссии относительно понимания сущности и содержания имущественного права, лежащего в основе цифрового права, а также его отличия от криптовалюты и иных цифровых объектов [3, с. 21; 15, с. 116; 8, с. 31; 23; 1, с. 38; 2, с. 111; 16; 22, с. 226]. Данный вопрос является ключевым, так как с позиции инвестиционной деятельности необходимо иметь представление о том, куда инвестируют-

ся денежные средства. Остается не решенной также проблема определения перечня цифровых прав, который должен быть закреплен в законе. В частности, в настоящее время в качестве цифровых прав, являющихся объектами инвестирования с использованием инвестиционных платформ, следует рассматривать утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы.

Под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, имеющие в своем содержании (1) права требования по денежным обязательствам; (2) права на осуществление прав по эмиссионным ценным бумагам; (3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; (4) права требования передачи эмиссионных ценных бумаг (статья 1 Федерального закона 2020 [13]).

В качестве утилитарных цифровых прав в законодательстве и науке называют такие цифровые права, которые имеют в своем содержании: а) право требования передачи вещи (вещей) [6, с. 95]; б) право требования передачи исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; в) право требования выполнения работ и (или) оказания услуг (ст. 8 Федерального закона 2019 [12]). И здесь возникает ряд вопросов.

Формальный подход к толкованию права позволяет говорить о том, что в первом случае право требования может распространяться только на передачу материальных вещей или их совокупности. Если речь идет о праве требовать передачи имущества, куда могут входить и имущественные права, то утилитарным цифровым правом такое требование признаваться не может. И теперь стоит вернуться к определению цифрового финансового актива, содержанием которого выступает цифровое право, включающее денежное требование (последнее, как известно, представляет собой обязательственное право). Следовательно, несмотря на схожесть, на первый взгляд, формулировок цифрового финансового актива и утилитарного цифрового права, содержанием которых выступают права требования, речь идет о разных категориях. В остальном отличия цифрового финансового актива и утилитарного цифрового права сводятся к возможности выступать в качестве их объекта различных по природе материальных и нематериальных благ. В частности, в утилитарном цифровом праве имущественное право может быть направлено на вещь или вещи, исключительное право и выполнение работ или оказание услуг. Цифровой финансовый актив имеет в качестве объекта денежное обязательство, права участия и права на осуществление или требования передачи эмиссионных ценных бумаг.

Что касается формы сделки, которой необходимо следовать при использовании цифровых прав в качестве объекта инвестирования, то наиболее опти-

мальным вариантом, на наш взгляд, является цессия (уступка требования). Однако с учетом специфики возникающих «виртуальных» правоотношений, согласование воли участников такой сделки имеет ряд существенных особенностей, связанных в первую очередь с более широким кругом участников правоотношений.

Специфика субъектного состава инвестиционных правоотношений по инвестированию в цифровые права.

В отличие от традиционных правоотношений инвестирования, возникающих вне цифрового поля и имеющих, как правило, в качестве субъектов инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, инвестиции цифровых прав имеют более широкий круг участников. И здесь важно понимание, чья воля и волеизъявление имеет ключевое значения для того, чтобы сделка инвестирования состоялась [18, с. 312; 21, с. 536]. Наличие множества субъектов, способствующих заключению сделки инвестирования, осложняет структуру возникающего правоотношения, позволяя говорить о нескольких уровнях правоотношения или об осложнении его структуры.

В качестве субъектов — участников инвестиционного правоотношения по инвестированию в цифровые права Федеральный закон 2019 в статье 2 называет: инвестора (физическое или юридическое лицо, вкладывающие денежные средства в цифровые права) [12]; лицо, привлекающее инвестиции (субъект предпринимательской деятельности, привлекающий инвестиции в форме цифровых прав); оператора информационной платформы — лицо без содействия которого невозможно осуществить инвестицию цифровых прав; лиц, не являющихся инвесторами или лицами, привлекающими инвестиции, но которым оператор инвестиционной платформы предоставил право приобрести или принять для учета цифровые права (часть 9 статьи 8 Федерального закона 2019 [12]). По сути, здесь можно говорить о двух группах субъектов, которые и образуют разные уровни архитектуры инвестиционного правоотношения, складывающегося в цифровой среде: участники инвестиционной платформы (инвесторы; лица, привлекающие инвестиции; лица, не являющиеся инвесторами или лицами, привлекающими инвестиции, но которым оператор инвестиционной платформы предоставил право приобрести или принять для учета цифровые права) и оператор инвестиционной платформы [19, с. 422].

Также, можно выделить традиционных субъектов, характеризующих инвестиционное правоотношение независимо от объекта инвестирования и его формы (цифровой или традиционной) и специфических субъектов, которые присутствуют в правоотношениях по инвестированию цифровых прав с использованием инвестиционных платформ. Субъекты в традиционном смысле представлены участниками инвестиционной платформы. В качестве специфического субъекта

следует выделять оператора инвестиционной платформы.

Для заключения сделки в первую очередь необходима сонаправленная воля инвестора и лица, привлекающего инвестиции. Именно их интерес в заключении сделки и выражение воли во вне (волеизъявление) приводят к возникновению инвестиционного правоотношения. Взаимодействие указанных субъектов составляют первый уровень инвестиционного правоотношения, возникающего относительно цифровых прав.

Однако, развитие указанного правоотношения невозможно без действий оператора инвестиционной платформы. Его воля и волеизъявления также имеют значение для достижения результата и удовлетворения того законного интереса, который лежит в каузе заключаемой сделки. В целях осуществления своих субъективных гражданских прав инвестор и лицо, привлекающее инвестиции, вступают в договорные отношения с оператором инвестиционной платформы (второй уровень инвестиционного правоотношения по инвестированию цифровых прав). Инвестор заключает с ним договор об оказании услуг по содействию инвестированию, лицо, привлекающее инвестиции — по привлечению инвестиций. Предметом указанных договоров являются действия, направленные на предоставление доступа к инвестиционной платформе и ее техническим средствам (части 2 и 3 статьи 3 Федерального закона 2019 [12]).

С одной стороны, может показаться, что оператор инвестиционной платформы предоставляет лишь доступ к техническим возможностям и, следовательно, его влияние на инвестиционное правоотношение, возникающее относительно инвестирования цифрового права, сводится лишь к техническим составляющим. Аргументом в пользу указанного умозаключения является и то, что инвестор и лицо, привлекающее инвестиции, технически могут заключить сделку без оператора инвестиционной платформы, используя технологии и ресурсы, к примеру, сети Интернет. Однако, законодатель, вводя конструкцию цифровых прав, указал на возможность использования их в качестве объектов инвестирования только с использованием инвестиционных платформ и при содействии оператора такой платформы (статьи 1-3 Федерального закона 2019 [12]). Другими словами, без наличия правоотношений у инвестора и лица, принимающего инвестиции с оператором инвестиционной платформы, правоотношения инвестирования цифровых прав возникнуть не могут. А это значит, что в основании возникновения инвестиционного правоотношения по инвестированию цифровых прав лежит сложный состав юридических фактов, который состоит из договора с оператором инвестиционной платформы и договора между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции.

Указанный сложный состав юридических фактов

порождает сложную двухуровневую структуру инвестиционного правоотношения по инвестированию цифровых прав. В основании первого уровня лежит воля инвестора и лица, привлекающего инвестиции, а юридическим фактом является договор инвестирования. В основании второго уровня находится воля инвестора, лица, привлекающего инвестиции и оператора инвестиционной платформы, а юридическим фактом, порождающим правоотношения, является договор на оказание услуг по привлечению инвестиций или по содействию в инвестировании.

На первый взгляд, возникает сомнение по поводу выделения в качестве первого уровня правоотношения взаимодействия инвестора с лицом, привлекающим инвестиции, так как, чтобы вступить в такие правоотношения, необходимо вначале найти оператора информационной платформы и заключить с ним договор. Однако такие утверждения неверны. В основе возникновения любого правоотношения лежит интерес [20, с. 444]. Именно он является мотивом и движущей силой, катализатором, в результате которого правоотношение зарождается и приходит в движение. Нет интереса, не возникнет и инвестиционное правоотношение относительно цифрового права. Вследствие этого именно отношения, возникающие между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции, лежат в основе и служат толчком в развитии всего инвестиционного правоотношения. В силу этого именно о нем следует говорить как об отношении первого уровня.

Правоотношения второго уровня (с оператором информационной платформы) носит в отношениях инвестирования второстепенный характер, давая необходимую техническую составляющую для реализации воли инвестора и лица, привлекающего инвестиции.

Однако не следует считать, что правоотношения второго уровня, менее важны, чем правоотношения первого уровня. Между этими структурными элементами существует системная связь, не позволяющая отделять их друг от друга, они неделимы и не могут существовать в рамках инвестиционного правоотношения независимо. Только в совокупности достигается цель, ради которой, стороны вступают в такие отношения по поводу инвестирования денежных средств в цифровые права с использованием инвестиционных платформ.

Выводы/рекомендации.

Проведенный анализ показывает наличие ограничений в сфере использования цифровых прав в инвестиционной деятельности — они могут рассматриваться только в качестве объекта инвестирования. При этом в качестве объектов инвестирования могут выступать только две разновидности цифрового права: цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Цифровые финансовые активы и утилитарные

цифровые права, несмотря на отнесение их к категории цифровых прав имеют серьезные различия в содержании имущественного права, лежащего в их основе, что определяют их системные признаки в качестве объекта инвестирования. Помимо отличия в содержании имущественного права, существенным различительным признаком данных цифровых прав являются те материальные и нематериальные блага, в отношении которых возникают имущественные права, и которые в итоге формируют интерес участников правоотношения по инвестированию денежных средств. В утилитарном цифровом праве имущественное право может быть направлено на вещь или вещи, исключительное право и выполнение работ, или оказание услуг. Цифровой финансовый актив имеет в качестве объекта денежное обязательство, права участия и права на осуществление или требования передачи эмиссионных ценных бумаг.

Инвестиционное правоотношение относительно инвестирования в цифровые права с использованием инвестиционных платформ имеет сложную двухуровневую структуру, где следует выделять правоотношения первого и второго уровней. Для заключения сделки в первую очередь необходима воля и волеизъявление инвестора и лица, привлекающего инвестиции. Их интерес в заключении сделки приводят к возникновению инвестиционного правоотношения. Взаимодействие указанных субъектов составляют первый уровень инвестиционного правоотношения, возникающего относительно цифровых прав. Однако, развитие указанного правоотношения невозможно без действий оператора инвестиционной платформы. В целях осуществления своих субъективных гражданских прав инвестор и лицо, привлекающее инвестиции, вступают в договорные отношения с оператором инвестиционной платформы, что формирует второй уровень инвестиционного правоотношения по инвестированию цифровых прав. Между указанными уровнями существует системная связь, они неделимы и не могут существовать в рамках инвестиционного правоотношения независимо друг от друга.

Инвестиционное правоотношение относительно инвестирования в цифровые права с использованием инвестиционных платформ имеет ряд специфических признаков, позволяющих определить его правовую природу и выделить из системы смежных правоотношений. В частности, оно имеет расширенный состав субъектов. Здесь следует выделять неспецифических (традиционных) субъектов, характеризующих инвестиционное правоотношение независимо от объекта инвестирования и его формы (цифровой или традиционной) и специфических, которые присутствуют в правоотношениях по инвестированию цифровых прав с использованием инвестиционных платформ. Субъекты в традиционном смысле представлены участниками инвестиционной платформы. В качестве спец-

ифического субъекта следует выделять оператора инвестиционной платформы.

Инвестиционное правоотношение относительно инвестирования в цифровые права имеет в своем основании специальный состав юридических фактов, который состоит из договора с оператором инвестиционной платформы и договора между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции. С учетом выделенных уровней инвестиционного правоотношения, следует заключить, что в основании первого уровня лежит воля инвестора и лица, привлекающего инвестиции, а юридическим фактом является договор инвестирования. В основании второго уровня находится воля инвестора, лица, привлекающего инвестиции и оператора инвестиционной платформы, а юридическим фактом, порождающим правоотношения, является договор на оказание услуг по привлечению инвестиций или по содействию в инвестировании.

Все указанные выше признаки образуют специфику инвестиционного правоотношения относительно инвестирования в цифровые права с использованием инвестиционных платформ.

Список источников

1. Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2(10). С. 38–41.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав : проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2020. (№ 5). С. 111–119.
3. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020;73(10):21–31. URL://<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031>.
4. Дерюгина Т. В. О цифровом финансовом активе как инвестиции и запрете встречного предоставления : коллизии правового регулирования // Гражданское право. 2023. № 1. С. 13–16. DOI 10.18572/2070-2140-2023-1-13-16.
5. Закон 1991 года «Об инвестиционной деятельности в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» (одобрен Верховным Советом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 26 июня 1991 г., № 1488-1).
6. Кирьянова А. О. Виды цифровых прав: утилитарные цифровые права / Традиционная и инновационная наука : история, современное состояние, перспективы : сборник статей всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Сукиасян А. А. Уфа, 2021. С. 95–97.
7. Матыцин Д. Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках // Банковское право. 2022. № 1. С. 39–47. DOI 10.18572/1812-3945-2022-1-39-47.
8. Новоселова, Л., Габов, А., Савельев, А., Генкин, А., Сарбаш, С., Асосков, А., Семенов, А., Янковский, Р., Журавлев, А., Толкачев, А., Камелькова, А., Успенский, М., Крупенин, Р., Кислый, В., Жужжалов, М., Попов, В., Аграновская, М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № (5). С. 31–54.
9. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
10. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 июля 1999 г., № 28, ст. 3493.
11. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 марта 1999 г. № 9 ст. 1096.
12. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 августа 2019 г. № 31 ст. 4418.
13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5018.
14. Федеральный закон от 1 апреля 2020 года № 69-ФЗ «О защите и поощрении инвестиций в Российской Федерации».
15. Efanov D., Roschin P. The All-Pervasiveness of the Blockchain Technology // Procedia Computer Science, 2018, № 123, p. 116–121.
16. Gregori P., Holzmann P. Digital sustainable entrepreneurship : A business model perspective on embedding digital technologies for social and environmental value creation // Journal of Cleaner Production. 2020. № 272. Article 122817.
17. Gutbrod Max Digital Transformation In Economy And Law // Digital Law Jornal. 2020. № 1. P. 12–23.
18. Halfina, R.O. The general doctrine of the legal relationship. Moscow, 1974. 312 p.
19. Inshakova A. O., Deryugina T. V., Goncharova M. V. The Legal Matrix of Cross-Cutting

- Technologies of the National Technological Initiative (NTI): Methodology of Formation / The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention / Edited by Agnessa O. Inshakova, Evgenia E. Frolova (A volume in Advances in Research on Russian Business and Management Series Editor Elena G. Popkova, MGIMO University). IAP — Information Age Publishing, Inc. PO Box 79049 Charlotte, 2021, NC 28271. 422 p.
20. Inshakova A., Deryugina T., Inshakova E. Information Technologies for the Formation of the European Space of Freedom, Security and Justice / Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin / Editors Elena G. Popkova, Bruno S. Sergi. Series Title «Advances in Intelligent Systems and Computing». Switzerland. Springer International Publishing, XXI, 2020, p. 444–453.
 21. Ioffe O. S. Selected works on civil law: from the History of Civil Thought. Civil legal relationship. 2000, Moscow : Statut, 536 p.
 22. Marsal-Lacuna, M.L. Future living framework: Is blockchain the next enabling network? Technological Forecasting and Social Change. 2018, № 128. P. 226–234.
 23. Mwitende G, Ye Y, Ali I, Li F. Certificateless authenticated key agreement for blockchain-based WBANs // Journal of Systems Architecture. 2020, Volume 110. 101777.
- ### References
1. Andreev V. K. On the concept of digital rights and their turnover // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2018. № 2(10). P. 38–41.
 2. Vasilevskaya L. Y. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Current problems of Russian law. 2020. № 5. P. 111–119.
 3. Grin O. S. Binding relations regarding digital objects of civil rights // Lex russica. 2020;73(10):21–31. URL: // <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031>.
 4. Deryugina T. V. On a digital financial asset as an investment and the prohibition of counter-provision: conflicts of legal regulation // Civil law. 2023. № 1. P. 13–16. DOI 10.18572/2070-2140-2023-1-13-16.
 5. The Law of 1991 «On Investment Activity in the Russian Soviet Federative Socialist Republic» (approved by the Supreme Council of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on June 26, 1991, № 1488-1).
 6. Kiryanova A. O. Types of digital rights: utilitarian digital rights / Traditional and innovative science : history, current state, prospects : collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference / ed. Sukiasyan A. A. Ufa, 2021. P. 95–97.
 7. Matytsin D. E. Digital financial assets in remote investment transactions // Banking law. 2022. № 1. P. 39–47. DOI 10.18572/1812-3945-2022-1-39-47.
 8. Novoselova, L., Gabov, A., Saveliev, A., Genkin, A., Sarbash, S., Asoskov, A., Semenov, A., Yankovsky, R., Zhuravlev, A., Tolkachev, A., Kamelkova, A., Uspensky, M., Krupenin, R., Sour, V., Zhuzhzhlov, M., Popov, V., Agranovskaya, M. Digital rights as a new object of civil law // Law. 2019. № (5). P. 31–54.
 9. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 № 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 5, 1994. № 32, Art. 3301.
 10. Federal Law № 160-FZ of July 9, 1999 «On Foreign Investments in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 12, 1999, № 28, Article 3493.
 11. Federal Law № 39-FZ of February 25, 1999 «On Investment activities in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments» // Collection of legislation of the Russian Federation dated March 1, 1999 № 9, Art. 1096.
 12. Federal Law № 259-FZ dated August 2, 2019 «On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Assembly of Legislation of the Russian Federation dated August 5, 2019 № 31, Article 4418.
 13. Federal Law № 259 dated July 31, 2020-Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation dated August 3, 2020 № 31 (Part I) Article 5018.
 14. Federal Law № 69-FZ dated April 1, 2020 «On Protection and Promotion of Investments in the Russian Federation».
 15. Efanov D., Roschin P. The All-Pervasiveness of the Blockchain Technology // Procedia Computer Science, 2018, № 123, p. 116–121.
 16. Gregori P., Holzmann P. Digital sustainable entrepreneurship : A business model perspective on embedding digital technologies for social and environmental value creation // Journal of Cleaner Production. 2020. № 272. Article 122817.
 17. Gutbrod Max Digital Transformation In Economy And Law // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 12–23.
 18. Halfina, R.O. The general doctrine of the legal relationship. Moscow, 1974. 312 p.
 19. Inshakova A. O., Deryugina T. V., Goncharova M. V. The Legal Matrix of Cross-Cutting

- Technologies of the National Technological Initiative (NTI): Methodology of Formation / The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention / Edited by Agnessa O. Inshakova, Evgenia E. Frolova (A volume in Advances in Research on Russian Business and Management Series Editor Elena G. Popkova, MGIMO University). IAP — Information Age Publishing, Inc. PO Box 79049 Charlotte, 2021, NC 28271. 422 p.
20. Inshakova A., Deryugina T., Inshakova E. Information Technologies for the Formation of the European Space of Freedom, Security and Justice / Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin / Editors Elena G. Popkova, Bruno S. Sergi. Series Title «Advances in Intelligent Systems and Computing». Switzerland. Springer International Publishing, XXI, 2020, p. 444–453.
21. Ioffe O. S. Selected works on civil law: from the History of Civil Thought. Civil legal relationship. 2000, Moscow : Statut, 536 p.
22. Marsal-Lacuna, M.L. Future living framework: Is blockchain the next enabling network? Technological Forecasting and Social Change. 2018, № 128. P. 226–234.
23. Mwitende G, Ye Y, Ali I, Li F. Certificateless authenticated key agreement for blockchain-based WBANs // Journal of Systems Architecture. 2020, Volume 110. 101777.

Информация об авторах

А. О. Иншакова — заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (базовая кафедра ЮНЦ РАН), доктор юридических наук, профессор;

Д. Е. Матыцин — профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (базовая кафедра ЮНЦ РАН), доктор юридических наук, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. O. Inshakova — Head of the Department of Civil and International Private Law of the Volgograd State University (the Basic department of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of Legal Sciences, Professor;

D. E. Matytsin — Professor of the Department of Civil and International Private Law of the Volgograd State University (the Basic department of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья
УДК 343.140.02
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-94-99>
EDN: <https://elibrary.ru/uejzbk>
НИОН: 2003-0059-3/24-054
MOSURED: 77/27-003-2024-03-253

Критерии допустимости доказательств. Взгляд практика

Александр Игоревич Калининченко¹, Маргарита Андреевна Чиковани²

¹ Следственное управление УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по гор. Москве, Москва, Россия, kalinichenko-87@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, policewoman@list.ru

Аннотация. Анализируется оценка имеющихся критериев допустимости доказательств с точки зрения правоприменительной практики. Предпринята попытка решения вопроса соотношения следственной ошибки и нарушения законности при производстве по уголовному делу. На основе материалов уголовных дел и решений суда проанализированы проблемы, возникающие при доказывании обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевые слова: следователь, доказательства, следственные действия, допустимость, субъект, источник, порядок

Для цитирования: Калининченко А. И., Чиковани М. А. Критерии допустимости доказательств. Взгляд практика // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 94–99. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-94-99>. EDN: UEJZBK.

Original article

Criteria for the admissibility of evidence. A practitioner's view

Alexander I. Kalinichenko¹, Margarita A. Chikovani²

¹ The Investigative Department of the Department of Internal Affairs at the Moscow Metro of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the City of Moscow, Moscow, Russia, kalinichenko-87@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, policewoman@list.ru

Abstract. The assessment of the available criteria for the admissibility of evidence from the point of view of law enforcement practice is being analyzed. An attempt is made to understand the issue of the correlation between an investigative error and a violation of the rule of law in criminal proceedings. Based on the materials of criminal cases and court decisions, the problems arising in proving circumstances relevant to the criminal case are analyzed.

Keywords: investigator, evidence, investigative actions, admissibility, subject, source, procedure

For citation: Kalinichenko A. I., Chikovani M. A. Criteria for the admissibility of evidence. A practitioner's view. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):94–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-94-99>. EDN: UEJZBK.

Следственная практика показывает, что ошибки, промахи и даже нарушения норм уголовно-процессуального законодательства могут быть допущены при самом добросовестном исполнении своих служебных обязанностей. По любому уголовному делу всегда

можно обнаружить противоречия в доказательствах, разноречия и разночтения в показаниях одного и того же лица, но допрошенного в разное время, какие-либо ошибки технического характера (нет подписи следователя, не указана или не точно указана дата и т. д.). К

сожалению, правоприменительная практика обширна с точки зрения примеров уголовных дел, содержащих такие ошибки.

В попытке нивелировать сложившуюся ситуацию, следует согласиться с разработанными в теории криминологии допустимости доказательств:

- надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на формирование доказательств (субъект формирования доказательств);
- надлежащий источник фактических данных или сведений, составляющих содержание доказательства (источник получения доказательства);
- надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств (выбор следственного действия);
- надлежащий порядок проведения процессуального действия (процессуальный порядок производства).

Критерий первый: субъект формирования доказательств. Речь идет о производстве процессуальных и следственных действий надлежащим лицом.

Согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь, осуществляющий предварительное следствие, должен быть уполномочен. Означает это то, что следственные действия в рамках конкретного уголовного дела может производить лишь следователь, которому руководитель следственного органа поручил расследование уголовного дела [9]. Согласно ст. 163 УПК РФ производство по уголовному делу может быть поручено следственной группе, при этом составляется постановление, в котором должна быть указана причина (перечень причин УПК РФ предусматривает) расследования уголовного дела указанным составом должностных лиц. Кроме того, закон предусматривает случаи выполнения следственных действий органом дознания. В ходе расследования уголовных дел следователь может прибегнуть к помощи сотрудников ОВД. Такое взаимодействие регламентировано нормами федерального законодательства п. 38 ч. 1 ст. 5; п. 4 ч. 2 ст. 38; ч. 1 ст. 152; ч. 4 ст. 157; ч. 1 ст. 210 УПК РФ, п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», и ведомственным приказом МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495-дсп «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел». На практике это выглядит как направление следователем поручения о производстве отдельных следственных действий начальнику органа дознания, который, в свою очередь, делегирует выполнение поручения конкретному сотруднику конкретной службы, например старшему оперуполномоченному 1 отделения отдела по борьбе с экономическими преступлениями УВД по ВАО ГУ МВД России по г. Москве капитану полиции И. И. Иванову [9].

Признание доказательства недопустимым в связи с тем, что оно получено ненадлежащим субъектом, возможно при проведении следственных действий *следователем* в случаях, если:

1. Следователь не принял уголовное дело к своему производству. Согласно ч. 2 ст. 156 УПК РФ (Начало производства предварительного расследования), следователь выносит постановление о принятии уголовного дела к производству. Изучение материалов уголовных дел, находящихся в производстве следователей системы ОВД показало, что имеются случаи отсутствия таких постановлений, например при передаче уголовного дела от одного следователя другому в случае отпуска или болезни. Постановления просто не выносятся по различным субъективным причинам¹;

2. Следователь не включен в состав следственной группы. Следственные действия по уголовному делу провел следователь, которого не указали в составе следственной группы². Кроме того, решение о создании следственной группы принимает руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 163 УПК РФ), а значит и постановление о создании следственной группы подписывается им же. В случае если следственные действия проводят следователи, входящие в следственную группу, решение о создании которой принял и соответственно подписал постановление о ее создании не уполномоченный руководитель, то полученные доказательства теряют юридическую силу. Например, в состав следственной группы вошли следователи территориального подразделения и окружного, значит, постановление о создании следственной группы должен подписать начальник Следственного управления округа, но не территориального отдела;

3. Следователь нарушил правила подследственности. Требования ст. ст. 150 и 151 УПК РФ устанавливают конкретный орган, уполномоченный расследовать то или иное уголовное дело в зависимости от совокупности юридических признаков конкретного дела. Например, следователь ОВД возбудил уголовное дело, провел неотложные следственные действия, а субъектом оказался адвокат, или иное лицо, в отношении которого предусмотрен особый порядок судопроизводства (ст. 447 УПК РФ). Одним из требований при обосновании ходатайств перед судом о производстве обысков в жилище всегда является наличие подтверждающей информации о том, что лицо, в жилище кото-

¹ Материалы уголовного дела № 11901450007000..2, возбужденного следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2019 году, где уголовное дело возбуждено следователем 1 отдела, затем согласно постановлению об изъятии и передаче расследуется следователем 2 отдела, при этом постановление о принятии уголовного дела к производству следователем 2 отдела в материалах уголовного дела отсутствует.

² Материалы уголовного дела № 11901450007000..9, возбужденного следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2019 году, где допрос подозреваемой К.Е.С. произвел следователь Т.В.Г., однако, производство по данному уголовному делу ему не поручалось и в постановлении о производстве предварительного следствия следственной группой его данные не указаны.

рого следователь ходатайствует об обыске, не входит в перечень лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ¹;

4. Следователь провел следственные действия при истечении установленного срока следствия. Сроки предварительного следствия регламентированы ст. 162 УПК РФ. Нарушения требований указанной нормы — проведение следственного действия, например, по уголовному делу предварительное следствие по которому приостановлено (ст. 208 УПК РФ), должно влечь признания полученных доказательств недопустимыми. Изучение материалов уголовных дел показало, что следователями не всегда соблюдается порядок проведения следственных действий «в сроках», когда нет отмены решения о приостановлении предварительного следствия и установления сроков следствия²;

5. Иные случаи. Следователь, осуществляющий в пределах своей компетенции полномочия по расследования уголовного дела, не является гражданином РФ³, болен и имеет лист о временной нетрудоспособности, находится в отпуске (в соответствии с трудовым законодательством не находится при исполнении служебных обязанностей)⁴.

Признания доказательств, полученных ненадлежащим субъектом при проведении следственных действий иным сотрудником ОВД. Выше указаны основы правового взаимодействия следователя с иными сотрудниками полиции. Сотрудник оперативной

службы органа внутренних дел провел следственные действия по уголовному делу без поручения о производстве следственных действий⁵. Или произвел следственные действия, не указанные в поручении о производстве отдельных следственных действий⁶.

Критерий второй: источник получения доказательства. Положения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указывают частный пример названного критерия. Показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке. Несмотря на то, что закон прямо предписывает ничтожность показаний, основанных на слухах, изучение материалов уголовных дел показало, что в перечень доказательств вины обвиняемого при составлении обвинительного заключения включаются показания свидетелей, полученные на допросах и содержащие формулировки «... мне кажется...», «...точно известно, но официальный источник не могу назвать ...» и другое⁷. Судебная практика также располагает подобными примерами. Так, судебная коллегия Верховного суда РФ в апелляционном определении указала на то, что показания свидетеля (оперативного уполномоченного отдела полиции), основанные на словах обвиняемого, являются недопустимым доказательством и подлежат исключению из обвинительного приговора⁸.

Кроме того, необходимо привести пример следственных действий, в результате проведения которых доказательство не будет иметь юридической силы в связи с недопустимым источником получения. Имеем в виду изученные в научной литературе «плоды от-

¹ Материалы следственной практики. Так, в обоснование ходатайства о производстве обыска в жилище в Никулинский районный суд гор. Москвы по уголовному делу № 595..3, возбужденному следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве в 2011 году следователь указывает, что по адресу, в котором необходимо провести обыск, лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ не зарегистрировано и не проживает.

² Материалы следственной практики. Так, при расследовании уголовного дела № 11701450007000..0, возбужденного следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве в 2017 году, назначена судебная бухгалтерская экспертиза в ноябре 2018 года, при этом постановление о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ от ... июля 2018 года не отменено, предварительное следствие не возобновлено, срок предварительного следствия не установлен, уголовное дело к производству не принято. В результате чего заключение эксперта могло быть признано недопустимым доказательством. В январе 2019 года, после отмены начальником СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве постановления о приостановлении предварительного следствия, установлении срока предварительного следствия и принятии уголовного дела к производству следователем назначена дополнительная судебная бухгалтерская экспертизы.

³ Определением областного суда уголовное дело возвращено прокурору области для производства дополнительного расследования на том основании, что расследование по делу проводилось старшим следователем прокуратуры, не являвшимся гражданином России. По данному делу старший следователь был гражданином Грузии. В связи с этим по результатам работы аттестационной комиссии прокуратуры области он был уволен из органов прокуратуры [11].

⁴ Материалы следственной практики. Так при расследовании уголовного дела № 11901450007000..8, возбужденного следователем СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве допрос К.Ю.Е. произвел следователь, который на дату производства следственного действия был болен, о чем имелся лист временной нетрудоспособности.

⁵ «...из материалов дела усматривается, что какого-либо решения о проведении в отношении Петухова отдельного ОРМ — обследование находящегося у него в пользовании транспортного средства руководством органа дознания не принималось, а следователем поручения по данному вопросу не давалось...суд правомерно исключил из числа доказательств протокол обследования автомобиля БМВ 5281 регистрационный знак <...> от 14 сентября 2016 г., протокол обследования жилого помещения - квартиры <...> по ул.<...> в г. Самаре от 14 сентября 2016 г., справку об исследовании от 14 сентября 2016 г. № 217, заключение экспертов от 19–21 октября 2016 г. № 4564 (в части исследования предметов, обнаруженных в автомобиле Петухова) и другие доказательства, перечень которых приведен в оспариваемом постановлении...» [7].

⁶ Материалы уголовного дела №11801450007001..1, возбужденного следователем СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве в 2018 году изучение которых показало, что сотрудниками ОЭБиПК УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве, которым поручено производство отдельных следственных действий, проведены допросы К.С.В., З.М.А., без указания в поручении о производстве допросов именно этих лиц.

⁷ Материалы уголовного дела № 96..7, возбужденного следователем СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по гор. Москве в 2012 году, где в обвинительном заключении в отношении М.О.И. в качестве доказательств совершенного преступления указаны показания свидетелей Б.Е.Ю. и А.Е.В., которые не могут указать источник своей осведомленности относительно нахождения М.О.И. в день совершения ею преступления, но называют адрес места совершения преступления по эпизоду № 1.

⁸ «...привел в качестве доказательства показания свидетеля К. (оперативного уполномоченного отдела полиции), о том, что Магиленец сообщил ему, что убил потерпевшую и завладел ее автомобилем. Поскольку показания свидетеля в этой части являются недопустимым доказательством, они подлежат исключению из приговора...» [8].

равленного дерева»¹, теоретическая конструкция названного критерия широко используется, несмотря на отсутствие законодательной базы для оценки допустимости первоначальных и производных следственных действий. Схема весьма проста, если первичное доказательство незаконно, то все производные от него доказательства являются незаконными и недопустимыми.

Так, например судебная коллегия Верховного суда РФ в апелляционном определении указала на обоснованное исключение из числа доказательств по уголовному делу вещественного доказательства, изъятого без надлежащего оформления в ходе осмотра места происшествия. Кроме того, исключены из числа доказательств вины протокол осмотра предмета, протокол признания предмета вещественным доказательством, а также протокол осмотра места происшествия, в ходе которого предмет был изъят и заключение эксперта, в котором содержится мнение специалиста о наличии отпечатков следов папиллярных узоров на предмете, отношении предмета к оружию и другое².

Критерий третий: выбор следственного (процессуального) действия. Например, имея в распоряжении запись голоса предполагаемого обвиняемого, содержание которой может служить доказательством вины последнего. Необходимо получить образцы голоса в предусмотренном законом порядке, назначить судебную фоноскопическую экспертизу, в установленном законом порядке и сроки, ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы, а позже с заключением эксперта заинтересованных участников судопроизводства.

При неверном выборе следственного действия полученное доказательство не будет иметь статуса допустимого. Обойтись лишь осмотром записи в присутствии понятых или без таковых (ч. 1.1, 2, 3 ст. 170 УПК РФ), с субъективным выводом следователя о том, что голос на записи принадлежит обвиняемому — не придаст доказательству статуса допустимого. Преувеличенным нам кажется значение, которое может быть придано использованию в доказывании полиграфа. Для использования в качестве доказательств показаний, полученных с использованием полиграфа, необходимо правильно выбрать следственное действие. Необходимо проводить допрос того или иного участника с использованием полиграфа и участием эксперта, после чего допросить эксперта и в установленном порядке ознакомить с этим допросом заинтересованных лиц (ст. 206 УПК РФ), тогда показания, полученные с использованием полиграфа, будут иметь юридическую

силу. И наоборот если должностное лицо усмотрит возможным изложить показания в справке, где укажет использование полиграфа при опросе, статус допустимого доказательства эти документы не получат³. Также в случае назначения психофизиологической судебной экспертизы с применением системы полиграф, заключение которой будет признано недопустимым доказательством, так как результаты исследования не отвечают требованиям закона (нормы ч. 2 ст. 74 УПК РФ не включают сведения, полученные в ходе проведения психофизиологического исследования с использованием системы полиграф)⁴.

Критерий четвертый: процессуальный порядок производства. Следственное действие должно быть произведено с соблюдением требований УПК РФ. Общие правила и особенности производства некоторых следственных действий зафиксированы законодателем достаточно развернуто и понятно в ст. 164, 164.1 и других статьях 22 главы УПК РФ. Классическим примером нарушения процессуального порядка проведения следственного действия можно назвать — обеспечение права на защиту. Показания подозреваемого, полученные в ходе допроса в отсутствие защитника (в случае его обязательного участия ст. 51 УПК РФ), будут признаны недопустимыми доказательствами⁵.

Принимая во внимание имеющуюся судебную практику, можно предположить, что законодатель в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК резюмирует непорядочность следователя. Так, по мнению А. А. Петуховского, появление в УПК РФ нормы, содержащейся в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК предполагает, что следователь (дознатель) при допросе подозреваемого, обвиняемого без участия защитника будет использовать методы, применение которых при производстве следственных действий запрещается ч. 4 ст. 164 УПК [12, с. 21].

Кроме того, в литературе принято считать, что положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК являются дополнительным критерием презумпции невиновности. Однако правоприменители считают, что рассматриваемая норма

¹ Правило о плодах отравленного дерева возникло на основании двух дел, которые рассматривал Верховный суд США в начале XX в.: дело *Weeks v. US* (1914) и дело *Silverthorne Lumber Co. v. US* (1926). Решение именно по этому делу и именно это правило положило начало доктрине, известной сейчас как «плоды отравленного дерева» (*Fruit of the Poisonous Tree*). Согласно этому правилу, если на основании незаконно добытых доказательств были получены другие доказательства, то они должны исключаться из разбирательства дела как являющиеся производными от незаконно полученных доказательств [13].

² «...признанный вещественным доказательством топор, а также протокол осмотра от 12 сентября 2018 года и заключение эксперта №<...> доп. от 29 июня 2018 года в части, касающейся данного топора ...» [2].

³ «...При таких обстоятельствах из числа доказательств подлежат исключению: справки о результатах опроса Овечкина, Б.2 и Ч. с использованием полиграфа...» [3].

⁴ «...с учетом изложенного, заключение психофизиологической судебной экспертизы с применением системы полиграф № 361/2019/29 от 24.02.2019, проведенной в отношении А. Р.С., а также заключение психофизиологической судебной экспертизы с применением системы полиграф № 020 от 12.02.2019, проведенной в отношении О., не могут быть признаны доказательствами и подлежат исключению из приговора, поскольку в силу закона не могут свидетельствовать о виновности либо невиновности Селиверстова В. В. в совершении инкриминируемого преступления» [4].

⁵ «...суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что показания свидетеля ФИО1 относительно сведений, которые ему стали известны из беседы с Маховицыным К. В. в отсутствие защитника, не могут быть использованы в качестве доказательства виновности осужденного и подлежат исключению из числа доказательств по делу...» [5]; «...приведенное в качестве доказательств вины осужденного объяснение Подмарькова В.В. от ДД.ММ.ГГ (л.д.*** не отвечает требованиям допустимости, поскольку оно дано им без адвоката при отсутствии письменного заявления об отказе от защитника, чем было нарушено право на защиту. Исключить из числа доказательств объяснение Подмарькова В.В. от ДД.ММ.ГГ (л.д.***)) [6].

«мешает» при расследовании уголовных дел, и чтобы избежать негативных последствий, заложенных в ее конструкции, при первом допросе подозреваемого (обвиняемого), который дает так называемые «признательные показания» и от услуг защитника отказывается, настаивают на приглашении защитника, и протокол допроса составляют с участием последнего. По мнению В. И. Толмосова: «Законом подтверждена опасная иллюзия, что показания, данные в присутствии защитника, обладают большей юридической силой, хотя процессуальные нарушения в присутствии защитника (или при наличии его подписи в протоколе) — явление для практики весьма характерное» [14, с. 42].

Следует также обратить внимание и на иные проблемные вопросы, возникающие при нарушении процессуального порядка. Так при производстве опознания могут быть привлечены в качестве статистов лица, исключительно отличающиеся от предъявляемого лица. Изучение материалов уголовных дел показало, что в качестве статистов при предъявлении лица славянской наружности были привлечены граждане Узбекистана внешне не схожие с лицом, предъявляемым для опознания¹. Полученное в результате такого следственного действия доказательство не может быть допустимым. Еще одно нарушение процессуального порядка проведения опознания, это предъявление для опознания по фотографиям при наличии реальной возможности предъявления для опознания «вживую»². Нарушение процессуального порядка может также выражаться в привлечении к проведению следственного действия лиц в качестве понятых, не отвечающих требованиям ст. 60 УПК РФ, в связи с чем само следственное действие с участием такого лица будет признано недопустимым доказательством³.

В попытках преодоления имеющейся тенденции

по нарушению законности в досудебном производстве, осознавая необходимость унификации практических знаний в рассмотренной области права, полагаем необходимым урегулировать отдельные проблемные ситуации, возникающие при оценке недопустимости доказательств на законодательном уровне.

Список источников

1. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 11 ноября 2020 по делу № 22-1982/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Апелляционное определение Судебной коллегии ВС РФ по Делу № 44-АП/19-12 от 1 октября 2019 г. // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 23 октября 2020 по делу № 22-4492/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 3 сентября 2020 по делу № 22-3680/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
5. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 23 декабря 2020 по делу № 22-2673/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 13 ноября 2020 г. по делу № 22-4697/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации по Делу № 223-АП/20-2 от 9 июля 2020 г. // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного суда РФ по Делу № 48-АП/19-30 от 10 октября 2019 г. // URL://<https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Игнатова О. Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 210 с.
10. Уголовное дело № 1-64/2013 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ // Архив липецкого районного суда Липецкой области за 2013 год.
11. Определение № 81-095-210 по делу Латыпова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 10 // URL://<https://www.vsrfl.ru/documents/newsletters/1730/> (дата обращения: 20.04.2024).
12. Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М. : Академия управления МВД России, 2009. 113 с.
13. Щербаков С. В. Допустимость доказательств в американском уголовном праве // ЕвразЮж. 2010. № 1 (20). URL://<https://eurasialaw>.

¹ Материалы уголовного дела № 145..0, возбужденного следователем СЧ СУ при УВД по ЗАО гор. Москвы. 2008 году, где при предъявлении для опознания потерпевшей Б.К.В. подозреваемый З.Р.А. (уроженец гор. Москвы 1990 года рождения) предъявлен вместе с гражданами Узбекистана, внешне отличающимися от предъявляемого лица.

² Липецкий районный суд липецкой области в рамках рассмотрения уголовного дела № 1-64/2013 признал недопустимыми доказательствами два протокола предъявления для опознания, основаниями для принятия таких решений послужили: предъявление для опознания по фотографиям при наличии реальной возможности предъявления для опознания «вживую» (нарушение требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ) [10].

³ «...из исследованных в судебном заседании (аудиозапись 22.6.2, с 57 минуты) протокола 33 АУ 262222 об отстранении Рогозина С. Л. от управления транспортным средством (т.1 л. д.29), протокола 33 АН №158814 о направлении Рогозина С. Л. на медицинское освидетельствование (т.1 л. д. 31), протокола 33 АЗ 0010658 о задержании транспортного средства марки (модели) Ауди А6 государственный регистрационный знак М305СО33 (т. 1 л. д. 32) следует, что при применении указанных мер обеспечения производства по делу в качестве понятых присутствовали Р. И. и Д. К. То есть в качестве одного из понятых должностным лицом ГИБДД также было привлечено заинтересованное лицо, что в силу положений ст. 60 УПК РФ, является недопустимым. Видеозапись совершения указанных процессуальных действий в материалах дела отсутствует. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции считает необходимым исключить из числа доказательств по делу протокол 33 АУ 262222 об отстранении Рогозина С. Л. от управления транспортным средством, протокол 33 АН №158814 о направлении Рогозина С. Л. на медицинское освидетельствование, протокол 33 АЗ 0010658 о задержании транспортного средства марки (модели) Ауди А6 государственный регистрационный знак ...» [1].

ru/2010g/1-20-2010g#sppb-tab1-1 (дата обращения: 20.04.2024).

14. Толмосов В. И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса. Самара : Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2003. 174 с.

References

1. Appeal decision of the Vladimir Regional Court dated November 11, 2020 in case № 22-1982/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
2. Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in Case № 44-APU19-12 dated October 1, 2019 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
3. Appeal decision of the Altai Regional Court dated October 23, 2020 in case № 22-4492/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
4. Appeal decision of the Stavropol Regional Court dated September 3, 2020 in case № 22-3680/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
5. Appeal decision of the Yaroslavl Regional Court dated December 23, 2020 in case № 22-2673/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
6. Appeal decision of the Altai Regional Court dated November 13, 2020 in case № 22-4697/2020 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
7. Appeal ruling of the Judicial Board for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation in Case № 223-APU20-2 dated July 9, 2020 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
8. Appeal ruling of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation in Case № 48-APU19-30 dated October 10, 2019 // URL://<https://sudact.ru/> (accessed: 20.04.2024).
9. Ignatova O. N. Delegation of procedural powers in criminal proceedings : dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2021. 210 p.
10. Criminal case № 1-64/2013 accusing A. of committing a crime under Part 1 of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Lipetsk District Court of the Lipetsk region for 2013.
11. Definition № 81-095-210 in the Latypov case // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1996. № 10 // URL://<https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1730/> (accessed: 20.04.2024).
12. Petukhovskiy A. A. Problems of evidence in criminal proceedings (improvement of legislation and law enforcement practice). Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 113 p.
13. Shcherbakov S. V. The admissibility of evidence in American criminal law // Eurasiuzh. 2010. № 1 (20) // URL://<https://eurasialaw.ru/2010g/1-20-2010g#sppb-tab1-1> (accessed: 20.04.2024).
14. Tolmosov V. I. Problems of the admissibility of evidence at the pre-trial stages of the Russian criminal process. Samara : Publishing house of Samar. humanitarian akad., 2003. 174 p.

Информация об авторах

А. И. Калининченко — заместитель начальника УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по гор. Москве, начальник следственного управления, кандидат юридических наук;

М. А. Чиковани — старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. I. Kalinichenko — Deputy Head of the Department of Internal Affairs at the Moscow Metro of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the City of Moscow, Head of the Investigative Department, Candidate of Legal Sciences;

M. A. Chikovani — Senior Lecturer of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 19.06.2024.

Научная статья

УДК 346.14

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-100-105>

EDN: <https://elibrary.ru/szbmqj>

НИОН: 2003-0059-3/24-055

MOSURED: 77/27-003-2024-03-254

Политические факторы развития предпринимательской среды России на современном этапе

Елена Борисовна Козлова¹, Елена Владимировна Фоменко²

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, ebkozlova@msal.ru

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, 89266006361@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние современных политических факторов на развитие предпринимательства; обосновано влияние таких событий как пандемия COVID-19, проведение специальной военной операции и частичной мобилизации в России, совершение террористического акта в «Крокус Сити Холл» на различные инфраструктуры предпринимательской среды — регуляторной инфраструктуры, инфраструктур частноправового целевого взаимодействия, поддержки предпринимательства и рынка труда.

Ключевые слова: предпринимательская среда, предпринимательство, политические факторы, политика, санкции, санкционная экономика

Благодарности: исследование проведено в рамках выполнения НИР № 8-ГЗ-2022 РГАИС.

Для цитирования: Козлова Е. Б., Фоменко Е. В. Политические факторы развития предпринимательской среды России на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 100–105. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-100-105>. EDN: SZBMQJ.

Original article

Political factors of the development of the Russian business environment at the present stage

Elena B. Kozlova¹, Elena V. Fomenko²

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, ebkozlova@msal.ru

² All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, 89266006361@mail.ru

Abstract. The influence of modern political factors on the development of entrepreneurship is considered; the influence of events such as the COVID-19 pandemic, the conduct of a special military operation and partial mobilization in Russia, the commission of a terrorist act in Crocus City Hall on various business infrastructure — regulatory infrastructure, infrastructure of private law targeted interaction, support for entrepreneurship and the labor market is substantiated.

Keywords: business environment, entrepreneurship, political factors, politics, sanctions, sanctions economy

Acknowledgements: the study was conducted as part of the implementation of Research № 8-GZ-2022 RGAIS.

For citation: Kozlova E. B., Fomenko E. V. Political factors of the development of the Russian business environment at the present stage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):100–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-100-105>. EDN: SZBMQJ.

Политика, представляя собой сферу деятельности, связанную с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства [1, с. 934], есть элемент социального регулирования. В свою очередь, социальное регулирование — это воздействие

на социальную действительность, на различные общественные отношения, при том, что регулирование в целом в системном плане — есть внешнее воздействие или совокупность воздействий на некоторую систему, необходимые для установления и совершенствования нормального порядка взаимодействия элементов вну-

© Козлова Е. Б., Фоменко Е. В., 2024

три такой системы, а также системы со средой [2, с. 9]. В данном случае воздействию подвергается система социальных отношений.

Поскольку любая сложная система характеризуется тем, что составляющие ее элементы сами носят системный характер, в качестве компонента структуры социальных отношений выделяется политическая подсистема (традиционно — наряду с экономической).

В трудах ученых-политологов и социологов отмечается, что с точки зрения системного анализа встроенность, интегрированность, политической и экономической подсистем в общественную жизнь, накладывает на них правила или свойства системы более высокого уровня [3, с. 361–362]. То есть, основные признаки социальной системы — интегративная целостность, устойчивость, относительная автономность функционирования (вторичного, зависимого порядка) — присущи и ее подсистемам [4, с. 21–35].

Предпринимательство, в свою очередь, представляет собой отдельную социальную группу — объединение лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в качестве вида экономической деятельности особого рода [5, с. 14].

В связи с этим рассмотрение влияния политических факторов на предпринимательскую среду целесообразно и необходимо осуществлять через призму факторов воздействия на экономику.

В самом широком понимании к факторам государственного регулирования и воздействия на предпринимательство исследователи относят: стабильность государственной экономической и социальной политики; наличие и конституционную защиту частной собственности; развитость инфраструктуры поддержки предпринимательства; доступность кредитной системы; льготный налоговый режим; эффективность системы защиты интеллектуальной собственности [6]. Таких факторов много.

К факторам именно политического воздействия на экономику можно отнести: политическую ситуацию стране (политическую стабильность), наличие административных барьеров осуществления экономической деятельности, протекционизм в той или иной отрасли хозяйствования, уровень коррупции и др.

Однако к важнейшим обстоятельствам политического характера, дестабилизирующим поступательное развитие экономики и, соответственно, предпринимательства, можно отнести: общественные потрясения, войны, забастовки [7, с. 19–27], сокращение экспорта и импорта, введение эмбарго и различных санкций, рассчитанных на экономическое подавление и т. п.

В настоящее время представляется актуальным раскрыть именно вторую группу политических факторов.

Конечно, во-первых, необходимо вспомнить, что в настоящее время Россия является подсанкционным государством, то есть государством, в отношении ко-

торого наложены санкционные ограничения, которые в современных условиях могут распространяться на совершенно различные общественные отношения, в частности носить экономический, торговый, социальный характер, а также приниматься в отношении непосредственно граждан государства, юридических лиц, имущественных объектов санкций другим государством, объединением государств, международными организациями [8, с. 8]. Россия имеет значительный опыт противостояния экономическим санкциям, однако именно в волну, начавшуюся в феврале 2022 года, санкционный режим в отношении страны приобрел наиболее масштабный и системный характер. По состоянию на 28.03.2024 г. в общей сложности введено 15 906 ограничений [9]. В сложившейся ситуации в целях стабилизации экономики и сохранения делового климата в стране, снижения социальной напряженности встала задача снижения санкционных рисков. Поддержка предпринимательства в условиях санкционной экономики осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [10] на 2022 год был введен мораторий на проверки бизнеса, т. е. были введены ограничения плановых и внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий. В настоящее время проведение плановых контрольных (надзорных) мероприятий ограничены до 2030 года согласно постановлению Правительства РФ от 10 марта 2023 г. № 372 [11], внеплановых — до конца 2024 года согласно постановлению Правительства РФ от 14 декабря 2023 г. № 2140 [12].

В соответствии со ст. 18 федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] постановлением Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» [14] продлено действие срочных разрешений. В настоящее время действие срочных разрешений, срок действия которых истекли в 2023 году, продлено на двенадцать месяцев.

Данные и другие меры поддержки бизнеса в условиях санкционной экономики направлены на снижение административных барьеров осуществления экономической деятельности. То есть, можно говорить о влиянии соответствующего политического фактора на регуляторную инфраструктуру предпринимательской среды, содержание которой согласно правовой доктрине коррелирует понятию регуляторной политики [15].

В качестве иной антикризисной меры, касающейся сферы государственных закупок, можно отметить, что федеральным законом от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок то-

варов, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [16], закрепив возможность сторонам изменять существенные условия государственных контрактов, в частности, если возникли независящие от сторон обстоятельства, приведшие к невозможности исполнения обязательств по контракту.

В качестве меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства были инициированы несколько программ их льготного кредитования: на приобретение объектов недвижимого имущества и технологического оборудования, строительство, рефинансирование кредитов и прочие цели. Для высокотехнологичного малого бизнеса была предусмотрена еще более льготная по условиям кредитования программа, утв. постановлением Правительства РФ от 25 марта 2022 г. № 469 [17].

Данные меры поддержки, в частности, затронули инфраструктуру частнопроводимого целевого взаимодействия, под которой предлагается понимать взаимосвязь субъекта предпринимательства с иными участниками гражданского оборота в ходе реализации основного вида своей предпринимательской деятельности.

В целом следует отметить, что комплексные меры поддержки предпринимательства в условиях политического санкционного давления уже позволяют если не полностью вернуться к прежнему уровню стабильности в бизнесе, то хотя бы сгладить риски и продолжить развитие предпринимательства на более перспективных, чем ранее, направлениях.

Иным фактором политического характера, оказывающим серьезное влияние на предпринимательскую среду и связанным с проведением специальной военной операции, является объявленная указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 [18] частичная мобилизация в Российской Федерации. В связи с этим событием в целях недопущения дестабилизации деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства также предпринят целый ряд мер.

Так, постановлением Правительства РФ от 20 октября 2022 г. № 1874 «О мерах поддержки мобилизованных лиц» [19] предусмотрена налоговая поддержка при мобилизации единственного учредителя (участника) организации, выступающего единоличным исполнительным органом организации: продлены сроки уплаты обязательных платежей, подачи налоговой (бухгалтерской) отчетности, введены ограничения привлечения к ответственности за непредоставление в налоговые органы ряда документов и др. В соответствии с федеральным законом от 20 октября 2022 г. № 406-ФЗ [20] субъекты малого и среднего предпринимательства, чей единственный участник — единственный руководитель был мобилизован, могут рассчитывать на приостановление исполнения исполнительных документов, направленных на возврат задолженности по кредитному договору (договору за-

йма).

Значительное количество мер поддержки поставлены в зависимость от отрасли экономической деятельности. В частности, речь идет об арендном бизнесе, медицинской и фармацевтической отраслях, аграрной и пищевой отрасли, транспортной сферы, сферы жилищно-коммунального хозяйства.

В этой ситуации отмечается воздействие политических факторов на микросреду предпринимательства, под которой предлагается понимать внутрикорпоративные механизмы осуществления предпринимательской деятельности [21, с. 9].

Меры поддержки малого и среднего бизнеса, связанные с разрешительной системой и системой льготного кредитования принимались и под влиянием иного политического фактора — в период пандемии COVID-19, которая может быть отнесена к таким политическим факторам как общественные потрясения. Многие меры были связаны с поддержкой отдельных отраслей промышленности и видов экономической деятельности. В частности, можно вспомнить постановления Правительства РФ: от 2 сентября 2020 г. № 1340 о льготном лизинге оборудования для легкой промышленности [22]; от 16 июля 2020 г. № 1065 о поддержке предприятий электронной промышленности [23]; от 10 июля 2020 г. № 1013 о субсидиях суходоходным компаниям [24]. Особо следует отметить постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 [25] о введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников.

Необходимо отметить, что принятием постановления Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 1906 «О внесении изменений в Правила государственной регистрации медицинских изделий» [26] пандемия дала толчок к ускоренной цифровизации в первую очередь области здравоохранения, предусмотрев ускоренную регистрацию цифровых платформ в соответствующей сфере экономической деятельности.

Исследование показывает, что в период пандемии произошли качественные системные изменения различных инфраструктур предпринимательской среды, в частности: регуляторной инфраструктуры, инфраструктуры частнопроводимого целевого взаимодействия, поддержки предпринимательства.

Нельзя обойти и вопрос явлений террористического характера. Ни одно из предлагаемых на доктринальном уровне дефиниций терроризма не может быть признано универсальным. Можно отметить такое его определение в качестве применения устрашающего насилия как средства воздействия на государство, общество или личность в политических или криминальных целях [27, с. 139]. В научной литературе обосновывается мнение, что терроризм — это преступление, а террор — это способ действия любого субъекта (государства, организации, отдельного лица)

с использованием силы, угрозы, возбуждения страха. Террор нельзя связывать исключительно с деятельностью государственной власти. Ведь и другие силы в состоянии насаждать повсеместный террор, внушать ужас и страх не только политическим противникам, но почти всем и каждому [28, с. 7; 29, с. 13; 30 с. 15]. Ученые сходятся во мнении, что политическая мотивация является обязательным признаком терроризма и отличает его от «чисто уголовной преступности» [31, с. 32].

К числу политических факторов в связи с этим можно отнести и осуществленный 22 марта 2024 года террористический акт в «Крокус Сити Холл» (г. Красногорск, Московская область). Немедленно Государственная Дума РФ начала работу над ужесточением миграционной политики и соответствующим совершенствованием миграционного законодательством [32], что, в свою очередь, без сомнений, изменит структуру рынка труда, также представляющую собой инфраструктуру предпринимательской среды.

Таким образом, исследование показывает влияние на все уровни системы предпринимательской среды на современном этапе политических факторов воздействия на экономику, а политика, являясь самостоятельной системой общественных отношений, представляя собой подсистему социального регулирования, находясь во взаимосвязи и взаимозависимости с экономической подсистемой, также представляет основу для развития правового регулирования предпринимательских отношений.

Список источников

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб : Норинт, 1999. 1456 с.
2. Мальцев Г. В. Социальные основания права : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 800 с.
3. Аптер Д. И. Сравнительная политология : вчера и сегодня // Политическая наука. Новые направления. М., 1999. 384 с.
4. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. 368 с.
5. Попов В. Г., Климов В. Н. Социальная сущность предпринимательства : проблемы становления в условиях общественной трансформации // Социум и власть. 2012. № 1. С. 14–18.
6. Политические факторы развития предпринимательства // URL: <https://helpiks.org/8-61602.html?ysclid=lu3xpklvw413560901>.
7. Политическое обеспечение бизнеса / под ред. Ю. С. Коноплина. М. : Изд-во МАИ, 1995. 55 с.
8. Право в условиях санкций : монография. М. : Проспект, 2023. 464 с.
9. X-compliance // Интерфакс. URL: <https://x-compliance.ru/statistics>.
10. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации

и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 2022. № 11. ст. 1715.

11. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2023 г. № 372 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу отдельного положения акта правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 12. ст. 2025.
12. Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2023 г. № 2140 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336» // СЗ РФ. 2023. № 51. ст. 9388.
13. Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. ст. 1596.
14. Постановление Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12. ст. 1839.
15. Козлова Е. Б., Фоменко Е. В. Регуляторная инфраструктура предпринимательской среды: понятие и система // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 3. С. 314–321.
16. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. ст. 1652.
17. Постановление Правительства РФ от 25 марта 2022 г. № 469 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета акционерному обществу «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» // СЗ РФ. 2022. № 14. ст. 2255.
18. Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39. ст. 6590.
19. Постановление Правительства РФ от 20 октября 2022 г. № 1874 «О мерах поддержки мобилизованных лиц» // СЗ РФ. 2022. № 43. ст. 7428.
20. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7269.
21. Козлова Е. Б. Экономические факторы воздействия на предпринимательскую среду (цивилистический подход) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1. С. 8–12.
22. Постановление Правительства РФ от 2 сен-

- тября 2020 г. № 1340 «О внесении изменений в правила предоставления субсидий из федерального бюджета на стимулирование спроса и повышение конкурентоспособности российской промышленной продукции» // СЗ РФ. 2020. № 37. ст. 5716.
23. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2020 г. № 1065 «Об особенностях применения в 2020 году правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на создание научно-технического задела ...» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4927.
24. Постановление Правительства РФ от 10 июля 2020 г. № 1013 «Об утверждении правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий российским судоходным компаниям ...» // СЗ РФ. 2020. № 29. ст. 4669.
25. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» // СЗ РФ. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2282.
26. Постановление правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 1906 «О внесении изменений в Правила государственной регистрации медицинских изделий» // СЗ РФ. 2020. № 49. ст. 7897.
27. Ткаченко А. Г. Терроризм : духовно-нравственный аспект // Современный терроризм : состояние и перспективы. М., 2000. 240 с.
28. Овчинникова Г. В. Терроризм // Серия «Современные стандарты в уголовном праве и процессе». С-Пб, 1998. 17 с.
29. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : дополнительное учебное пособие для студентов вузов / изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 573 с.
30. Фоменко Е. В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2023. 186 с.
31. Затолокин А. А. К вопросу о сущности терроризма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1. С. 31–34.
32. Коммерсантъ / URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6595827?ysclid=lue5qg3a9j352120737>.
33. Afanasyev V. G. System and society. M. : Politizdat, 1980. 368 p.
34. Popov V. G., Klimov V. N. The social essence of entrepreneurship : problems of formation in conditions of social transformation // Society and power. 2012. № 1. P. 14–18.
35. Political factors of entrepreneurship development // URL://<https://helpiks.org/8-61602.html?ysclid=lu3xpkjlvw413560901>.
36. Political support for business / edited by Yu. S. Konoplina. M. : Publishing House of MAI, 1995. 55 p.
37. Law under sanctions : monograph. M. : Prospect, 2023. 464 p.
38. X-compliance // Interfax. URL://<https://x-compliance.ru/statistics>.
39. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 10, 2022 № 336 «On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control» // SZ RF. 2022. № 11. Art. 1715.
40. Resolution of the Government of the Russian Federation dated March 10, 2023 № 372 «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and invalidation of a Separate Provision of the Act of the Government of the Russian Federation» // SZ RF. 2023. № 12. Art. 2025.
41. Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 14, 2023 № 2140 «On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated March 10, 2022 № 336» // NW RF. 2023. № 51. Art. 9388.
42. Federal Law № 46-FZ of March 8, 2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SZ RF. 2022. № 11. Art. 1596.
43. Decree of the Government of the Russian Federation of March 12, 2022 № 353 «On the specifics of licensing activities in the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation. 2022. № 12. Art. 1839.
44. Kozlova E. B., Fomenko E. V. Regulatory infrastructure of the business environment: concept and system // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2022. Vol. 8. № 3. P. 314–321.
45. Federal Law № 44-FZ of April 5, 2013 «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs» // SZ RF. 2013. № 14. Art. 1652.
46. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 25, 2022 № 469 «On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to the Joint-Stock Company Russian Bank for Support of Small and Medium-

References

1. A large encyclopedic dictionary. 2nd ed., reprint. and additional M. : The Great Russian Encyclopedia ; St. Petersburg : Norint, 1999. 1456 p.
2. Maltsev G. V. Social foundations of law : monograph. M. : Norm: INFRA-M, 2021. 800 p.
3. Apter D. I. Comparative political science : yesterday and today // Political science. New directions. M., 1999. 384 p.

- sized Enterprises....» // SZ RF. 2022. № 14. Art. 2255.
18. Decree of the President of the Russian Federation dated September 21, 2022 № 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation» // NW RF. 2022. № 39. Art. 6590.
19. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 20, 2022 № 1874 «On measures to support mobilized persons» // Federal Law of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7428.
20. Federal Law of October 20, 2022 № 406-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7269.
21. Kozlova E. B. Economic factors of influence on the business environment (a civil approach) // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2023. № 1. P. 8–12.
22. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 2, 2020 № 1340 «On Amendments to the Rules for granting subsidies from the Federal budget to stimulate demand and increase the competitiveness of Russian industrial products» // SZ RF. 2020. № 37. Art. 5716.
23. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 16, 2020 № 1065 «On the specifics of the application in 2020 of the rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian organizations for the financial provision of part of the costs of creating a scientific and technical reserve ...» // SZ RF. 2020. № 30. Art. 4927.
24. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 10, 2020 № 1013 «On approval of the rules for granting subsidies to Russian shipping companies from the Federal Budget in 2020 ...» // SZ RF. 2020. № 29. Art. 4669.
25. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 3, 2020 № 428 «On the introduction of a moratorium on the initiation of bankruptcy cases on the application of creditors in respect of individual debtors» // SZ RF. 2020. № 15 (part IV). Art. 2282.
26. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2020 № 1906 «On amendments to the Rules of state registration of medical devices» // SZ RF. 2020. № 49. Art. 7897.
27. Tkachenko A. G. Terrorism : a spiritual and moral aspect // Modern terrorism : the state and prospects. M., 2000. 240 p.
28. Ovchinnikova G. V. Terrorism // The series «Modern standards in criminal law and procedure». S-Pb, 1998. 17 p.
29. The history of terrorism in Russia in documents, biographies, research : an additional textbook for university students / ed. 2nd, add. and reprint. Rostov-on-Don : Phoenix, 1996. 573 p.
30. Fomenko E. V. Legal bases of counteraction to terrorism. Criminal law and criminological aspects : a textbook for universities. 2nd ed. Moscow : Yurait, 2023. 186 p.
31. Zatolokin A. A. On the issue of the essence of terrorism // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1. P. 31–34.
32. Kommersant / URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6595827?ysclid=lue5qg3a9j352120737>.

Информация об авторах

Е. Б. Козлова — профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент;

Е. В. Фоменко — профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. B. Kozlova — Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

E.V. Fomenko — Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.
The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 343.59

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-106-112>

EDN: <https://elibrary.ru/qyhvvf>

НИОН: 2003-0059-3/24-056

MOSURED: 77/27-003-2024-03-255

Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Александр Викторович Курсаев¹, Роман Борисович Осокин²

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kursaev@list.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, osokinr@mail.ru

Аннотация. Исследуются проблемы привлечения к уголовной ответственности за распространение порнографических материалов посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Отмечаются сложности, связанные с отсутствием в законодательстве Российской Федерации понятия «порнография». Рассматриваются частные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных пунктом «б» ч. 3 ст. 242 и пунктом «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

Ключевые слова: общественная нравственность, информационно-телекоммуникационные сети, распространение, порнографические материалы, уголовная ответственность, квалификация преступлений

Для цитирования: Курсаев А. В., Осокин Р. Б. Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 106–112. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-106-112>. EDN: QVHVVF.

Original article

Particular issues of criminalization and qualification of the distribution of pornographic materials using information and telecommunication networks

Aleksandr V. Kursaev¹, Roman B. Osokin²

¹ Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kursaev@list.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, osokinr@mail.ru

Abstract. The problems of criminal prosecution for the distribution of pornographic materials through information and telecommunication networks, including the Internet, are being investigated. The difficulties associated with the absence of the concept of pornography in the legislation of the Russian Federation are noted. Particular problems of qualification of crimes provided for in paragraph «b» of part 3 of Article 242 and paragraph «d» of part 2 of Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered.

Keywords: public morality, information and telecommunication networks, distribution, pornographic materials, criminal liability, qualification of crimes

For citation: Kursaev A. V., Osokin R. B. Particular issues of criminalization and qualification of the distribution of pornographic materials using information and telecommunication networks. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):106–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-106-112>. EDN: QVHVVF.

Одним из «столпов» любого общества является сохранение в нем нравственных ценностей и устоев. Уголовный закон рассматривает эту проблему со своих позиций, предусматривая составы преступлений,

объектом которых является общественная нравственность (ст. 240–245 УК РФ).

Развитие системы преступлений против общественной нравственности связано не только с введе-

нием новых норм — составов преступлений (статьи 240.1, 242.1, 242.2, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 УК РФ), но и с уточнением признаков составов преступлений и правил квалификации в связи с появлением новых способов их совершения в результате научно-технического прогресса.

Одним из проявлений научной революции является построение информационного общества, что не обошло стороной и уголовно-правовые отношения.

В настоящее время рынок сексуальных услуг активно информатизируется. Одним из проявлений данной тенденции является появление многочисленных интернет-сайтов и иных сервисов в компьютерных сетях, включая информационно-телекоммуникационные сети и сеть Интернет, при помощи которых имеют возможность удовлетворять свои половые потребности без непосредственного контакта с другим лицом.

Указанные действия могут носить преступный характер. В частности, в уголовном законе в качестве *lex specialis* предусмотрены нормы об ответственности за незаконное изготовление или оборот порнографических материалов или предметов с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (пункт «б» части 3 статьи 242), а также изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (пункт «г» части 2 статьи 242.1).

В первоначальной редакции УК РФ подобные квалифицирующие признаки не содержал.

Полагаем, что закрепление данного способа распространения информации порнографического характера в качестве криминаобразующего является вполне обоснованным и обусловлено тремя причинами.

Во-первых, данный способ позволяет довести порнографические материалы до массового потребителя, что значительно увеличивает оборот порнографических материалов. Это позволяет причинять ущерб не одному, а сразу нескольким потерпевшим.

Во-вторых, поскольку в информационно-телекоммуникационных сетях количество граждан, которые получают доступ к информации порнографического характера, определить сложно и невозможно обеспечить какие-либо ограничения по доступу к такой информации в зависимости от статуса граждан, потерпевшими могут выступать и дети, что еще более увеличивает общественную опасность деяния. Обращение несовершеннолетних к подобного рода информации может отрицательно сказаться на их нравственном развитии.

В-третьих, он связан с фактической бесконтрольностью контента, который можно распространить в информационно-телекоммуникационных сетях. Информация эта не всегда полезна для пользователя, однако последний, в силу того, что он в целях надлежащей социализации вынужден пользоваться такими

сетями, в первую очередь Интернетом, может стать невольным потребителем порнографического материала. Особенно это актуально в случае, если пользователями Интернета выступают дети, которые в силу возраста не могут критически осмысливать содержание интернет-страниц.

Распространение порнографических материалов — это действия, совершаемые с целью доведения информации порнографического характера до сведения других лиц посредством их показа и демонстрации.

Анализ судебной практики показывает, что к информационно-телекоммуникационным сетям для целей статей 242 и 242.1 УК РФ помимо сети «Интернет» [9] относятся социальные сети «ВКонтакте» [10; 11] и «Одноклассники» [12], мессенджер «WhatsApp» [13], интернет-мессенджер «Telegram» [14], локальные сети организации [15; 16].

Уголовный закон не требует, чтобы указанные в статьях 242 и 242.1 УК РФ информационно-телекоммуникационные сети являлись только сетями общего пользования. Так, судебная практика признает возможным осуждение по пункту «б» части 3 статьи 242 УК РФ и в том случае, если распространение порнографического материала имело место в электронной группе в рамках мобильного приложения «WhatsApp» [17].

По нашим подсчетам, в 95,3 % в качестве информационно-телекоммуникационной сети, где распространялись порнографические материалы, выступала социальная сеть «ВКонтакте».

Применение указанных норм может вызывать определенные сложности.

Первая из имеющихся проблем касается отсутствия в законодательстве общего понятия порнографии. Вместо него раскрываются понятия, тесно связанные с этим явлением. Так, в пункте 8 статьи 8 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в оборот вводится понятие «информация порнографического характера», к признакам которой относится натуралистичность изображения половых органов человека и (или) полового сношения или иных действий сексуального характера, включая действий в отношении животного. В примечании 1 к статье 242.1 УК РФ для целей уголовного права раскрыто определение материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Правоприменительная практика в целях установления того, относится ли размещенный материал к порнографическим, обращается к заключению эксперта. По некоторым категориям материала (например, фильмам) это может являться оправданным. В некоторых фильмах присутствует изображение обнаженных человеческих тел, половых сношений. Законодательство не исключает возможности выпуска таких фильмов в гражданский оборот. В частности, возможна выдача прокатных удостоверений на фильмы, но предназначенные для зрителей, достигших возраста 18 лет, и которые содержат изображение или описание половых отношений, в том числе действий сексуаль-

ного характера, сцен сексуального насилия или принуждения, но только при условии, если это оправдано жанром и (или) сюжетом фильма [18].

Поэтому не потеряла своей актуальности рекомендация, сформулированная Верховным Судом РСФСР по конкретному делу о том, что отнесение видеофильмов к информации порнографического характера осуществляется посредством искусствоведческой экспертизы с участием искусствоведов в сфере кинематографии, имеющих специальное образование и опыт работы [19].

Необходимость проведения экспертизы в подобных примерах обусловлена неочевидностью того, что сюжет видеофильма носит допустимый или явно аморальный, противозаконный, порнографический характер.

Однако вызывает вопросы необходимость проведения такой экспертизы, когда порнографический характер размещенного видеоролика является очевидным. В отличие от видеофильмов, в размещаемых в информационно-телекоммуникационных сетях порнороликах отсутствует художественный сюжет, оправдывающий обнажение. В связи с этим «подстраховка» судебно-следственных органов, требующих наличие заключения эксперта во всех случаях, касающихся незаконного распространения порнографии, вызывает обоснованные сомнения.

Это суждение актуально и в том контексте, что для виновного, как и для любого человека, не обладающего специальными познаниями, в целях соблюдения принципа субъективного вменения должен быть очевиден порнографический характер распространяемых материалов. Актуальность такого вывода основывается и на том, что по статьям 242 и 242.1 УК РФ могут квалифицироваться и деяния, носящие «бытовой» характер.

Так, к ответственности по статье 242 УК РФ был привлечен гражданин, который посредством интернет-мессенджера «WhatsApp» направил фотографию, являющуюся порнографическим материалом, на абонентский номер сотовой связи, находящийся в пользовании потерпевший, получившего отмеченный выше порнографический материал [20].

Весьма важным относительно запрещенности порнографии является правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации, из которой следует, что отсутствие в российском законодательстве порядка регламентации правомерных действий в сфере оборота информации порнографического характера не означает неопределенность содержащегося в статье 242 УК РФ уголовно-правового запрета [21].

Во-вторых, весьма сложен вопрос о субъективной стороне рассматриваемых преступлений.

Большинство исследователей сходятся во мнении, то рассматриваемые преступления совершаются с прямым умыслом. Такой точки зрения придерживаются С. В. Маликов и А. И. Чучаев [5, с. 506, 509], А. В. Наумов [3, с. 177, 178], Е. В. Миллеров и Е. А.

Миллерова [8, с. 702], В. Н. Бурлаков, Л. В. Готчина, Л. Н. Плоткина и В. В. Семенова [2, с. 138, 142].

В целом это суждение не вызывает вопросов, поскольку то, что рассматриваемые статьи 242 и 242.1 совершаются именно с прямым умыслом, следует из того, что они сконструированы в качестве формальных составов, то есть считаются оконченными с момента распространения информации порнографического характера. Для формальных составов в большей степени характер прямой умысел. Кроме того, сам характер преступлений, связанный с распространением порнографических материалов, предполагает, что субъект преступления осознает характер того, что распространяемые им материалы содержат информацию порнографического характера и такие действия приведут к причинению вреда охраняемым общественным отношениям в виде общественной нравственности.

Суды в своих постановлениях подчеркивают необходимость выяснения прямого умысла в деяниях, предусмотренных статьями 242 и 242.1 УК РФ [22; 23].

Однако ряд ученых отмечает сложности в определении вида умысла в составах распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ и п. «г» ч. 2 статьи 242.1 УК РФ. Проблема здесь состоит в том, что пользователи могут сделать свой профиль в этих сетях открытым, что дает возможность другим гражданам ознакомиться с их содержимым. В данном случае распространение состоит не в направлении другим адресатам порнографических материалов, а в возможности ознакомления с ними других лиц. Так, осужденный по статье 242.1 УК РФ пояснил об отсутствии желания распространять информацию порнографического характера, автоматическом сохранении загружаемых файлов в папке, созданной по умолчанию самой программой, о незнании того, что к этой папке открыт общий доступ [24].

На возможность совершения рассматриваемых преступлений указанным способом обращает внимание и Верховный Суд РФ. В частности, высшей судебной инстанцией разъяснено, что под распространением порнографических материалов в статьях 242 и 242.1 УК РФ понимается незаконное предоставление возможности их использования индивидуально определенному либо неопределенному кругу лиц посредством размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания [25].

С учетом этого некоторые криминалисты приходят к выводу, что в такой ситуации размещения информации порнографического характера на личной странице, к которой открыт общий доступ, у виновного имеется не прямой, а косвенный умысел [1, с. 86; 7, с. 154].

Однако следует учитывать, что в настоящее время личные страницы в социальных сетях имеют соответствующие программы, направленные на ограничение

доступа к определенному контенту посторонних лиц. Их невыполнение свидетельствует о том, что лицо выражает намерение распространить какую-либо информацию, сделать ее достоянием неопределенного круга лиц. Соответственно, лицо понимало неизбежность распространения этой информации и желало этого, что вполне охватывается формулой прямого умысла.

На эту техническую особенность доступа к личным страницам в социальных сетях обращают внимание и суды. Так, по одному из дел суд в приговоре отметил, что виновный Л. умышленно не воспользовался ограничениями в допуске пользователей социальной сети «ВКонтакте» к загруженным в каталог файлам, тем самым умышленно предоставил хранящиеся в указанном каталоге файлы на всеобщее обозрение и для копирования, то есть сделал указанный видеофайл общедоступным [26]. По другому уголовному делу суд указал, что виновный умышленно не выполнил условия правил регистрации на сайте и не ограничил доступ к посещению своей страницы другим пользователям, тем самым оставил размещенные им файлы на всеобщее обозрение и копирование любому желающему пользователю социальной сети «ВКонтакте», предоставив возможность просматривать и копировать их [27].

Вместе с тем следует учитывать, что сохранение на жесткий диск электронно-вычислительной машины информации порнографического характера в программе, позволяющей другим пользователям скачивать эти файлы, не доказывает умысел виновного на их распространение [28].

Вменение статьи 242 УК РФ предполагает, что умысел направлен на причинение вреда именно общественной нравственности, а не другому объекту. Исходя из этого, полагаем, что пересылка интимных фотографий между близкими людьми не является уголовно наказуемым.

Мотивация распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей юридического значения не имеет. Такие мотивы могут быть различными и заключаться в корысти, хулиганских побуждениях, удовлетворении половой потребности, мести [6], ревности [29] и прочее.

Отдельный вопрос образует ситуация, когда виновный распространял материалы порнографического характера таким образом, что доступ к ним получают несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. Указанное может представлять собой интеллектуальный способ совершения развратных действий. Преступление по пункту «б» части 3 статьи 242 УК РФ и развратные действия являются деяниями, которые отличаются между собой признаками как объективной (характеризующими материалы или предметы как порнографические), так и субъективной стороны (не предполагающими обязательное наличие мотивов и целей, характерных для развратных действий) [30].

В связи с этим совершение развратных действий посредством распространения порнографических ма-

териалов в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», требует дополнительной квалификации по статье 242 или 242.1 УК РФ. Данные действия образуют идеальную совокупность преступлений, что подтверждается и материалами судебной практики [31]. Впрочем, такой подход критикуется отдельными авторами [2, с. 297].

Совершение же указанных действий в отношении потерпевшего, не достигшего двенадцатилетнего возраста, исходя из примечания к статье 131 УК РФ, надлежит оценивать не по статье о развратных действиях, а по статье об изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера.

Таким образом, именно указанные деяния образуют идеальную совокупность преступлений. Например, по пункту «б» части 4 статьи 132 и пункту «б» части 3 статьи 242 УК РФ были квалифицированы действия виновного, который в процессе общения в сети «Интернет» с несовершеннолетним, не достигшим возраста 12 лет, направил последнему порнографические фото- и видеоматериалы [32].

При квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», может возникнуть ситуация, когда предметом преступления являются материалы порнографического характера, содержащие изображения как взрослых, так и несовершеннолетних, не достигших возраста 18 лет. Такие действия образуют идеальную совокупность преступлений и подлежат квалификации по пункту «б» части 3 статьи 242 и пункту «г» части 2 статьи 242.1 УК РФ [33].

В практической деятельности также встречаются ситуации, когда виновный распространяет с использованием информационно-телекоммуникационных сетей порнографические материалы, на которых изображен известный ему человек, к которому он получил доступ в результате личного знакомства и общения. Подобные деяния в последнее время получают все большее распространение. Целью действий виновного при указанных обстоятельствах выступает распространение не любых, порнографических материалов с неизвестными ему лицами, а порнографических изображений конкретного человека, то есть распространение сведений о частной жизни индивида. В силу этого данные действия помимо пункта «б» части 3 статьи 242 УК РФ также свидетельствуют о нарушении частной жизни и потому влекут ответственность и по статье 137 УК РФ [34; 35].

Однако следует учитывать, что вменение статьи 137 УК РФ возможно лишь в том случае, если информация порнографического характера собрана виновным незаконно. Если же она была получена от самого потерпевшего и с его согласия, то вменение статьи 137 УК РФ исключается.

В Особенной части УК РФ постоянно увеличивается количество уголовно-правовых норм, в которых криминообразующий признак совершения преступления в информационно-телекоммуникационных сетях,

в том числе сети «Интернет», является конструктивным. Вместе с тем его технико-юридическое конструирование неединообразно. В частности, в п. «в» ч. 2 ст. 280.4 УК РФ указано об электронных или информационно-телекоммуникационных сетях.

Поскольку цифровизация общества и государства будет продолжаться и дальше, представляется целесообразным унифицировать терминологическое изложение данного признака в уголовном законе. Необходимо отметить, что распространение порнографических материалов посредством информационно-телекоммуникационных сетей побудило и зарубежного законодателя использовать этот признак как квалифицирующий (Беларусь, Бельгия, Испания, Китай, Сербия, США на примере штата Техас, ФРГ, Эстония) [4, с. 143].

Это свидетельствует о том, что проблема распространения порнографических материалов посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», приобрела универсальный характер, что побуждает как отечественного, так и зарубежного законодателя отдельно криминализировать или устанавливать повышенную ответственность за подобный способ совершения преступления.

Список источников

1. Альфимов Н. Г. Современные аспекты распространения порнографии в сети «Интернет» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 85–90.
2. Бурлаков В. Н., Готчина Л. В., Плоткина Л. Н., Семенова В. В. Защита здоровья населения и общественной нравственности в уголовном праве / Под ред. В. Н. Бурлакова. СПб : Юридический центр, 2023. 320 с.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3: Особенная часть (главы XI–XXI). М. : Федеральная палата адвокатов : Информ-Право, 2016. 686 с.
4. Осокин Р. Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 284 с.
5. Полный курс уголовного права. Т. VII. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. А. И. Коробеева. СПб : Изд-во «Юридический центр — Академия», 2021. 1098 с.
6. Соловьев В. С. Порноместь : сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.
7. Ширяев А. Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 150–155.
8. Энциклопедия уголовного права. Т. 22. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. СПб : Издание В.Б. Малинина, 2014. 886 с.
9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2023 г. № 77-3485/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 февраля 2021 г. № 77-463/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2021 г. № 77-566/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. № 77-4361/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Приговор Тигильского районного суда Камчатского края от 20 июля 2023 г. № 1-1-27/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 5 июня 2023 г. № 1-217/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 11 февраля 2020 г. № 1-158/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 5 марта 2020 г. № 1-226/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Приговор Елизовского районного суда Камчатского края от 20 ноября 2019 г. № 1-460/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Административный регламент Министерства культуры Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче прокатных удостоверений на фильмы, созданные в Российской Федерации или приобретенные за рубежом для проката на ее территории, и по ведению Государственного регистра фильмов, утвержденного приказом Минкультуры России от 20 июля 2012 г. № 787 (подпункт 20.4.3.6) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Уголовное дело о проведении экспертизы в отношении фильма с порнографическим сюжетом // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 5. С. 9.
20. Приговор Марковского городского суда Саратовской области от 10 февраля 2023 г. № 1-18/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Верховного Суда РФ от 6 июля 2021 г. № 89-УД21-8-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. № 77-

- 517/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Приговор Кушвинского городского суда Свердловской области от 9 февраля 2015 г. № 1-3/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (пункт 22) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.
26. Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 2 марта 2023 г. № 1-84/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Приговор Клиновского городского суда Брянской области от 14 февраля 2023 г. № 1-11/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. № 77-1239/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 8 июня 2018 г. № 1-188/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
30. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 2775-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
31. Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24 июля 2018 г. № 1-1017/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Приговор Московского городского суда от 18 февраля 2014 г. № 2-0011/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Приговор Промышленного районного суда города Курска от 17 августа 2023 г. № 1-215/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Приговор Ленинского районного суда города Уфы от 20 января 2015 г. № 1-30/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Приговор Первомайского районного суда города Краснодара от 21 апреля 2023 г. № 1-139/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Naumov A.V. Russian criminal law: a course of lectures. Vol. 3: Special part (chapters XI–XXI). Moscow : Federal Chamber of Lawyers : Inform-Pravo, 2016. 686 p.
4. Osokin R. B. Criminal policy on countering crimes against public morality. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018. 284 p.
5. Complete course of criminal law. Vol. VII. Crimes against public safety and public order / Edited by A. I. Korobeev. St. Petersburg : Publishing house «Law Center — Academy», 2021. 1098 p.
6. Solovyov V. S. Revenge porn : the essence of the phenomenon and the problems of its criminal legal assessment // Criminal law. 2017. № 6. P. 60–64.
7. Shiryaev A. Yu. On the possibility of indirect intent in crimes with formal composition // Russian Law Journal. 2016. № 5. P. 150–155.
8. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 22. Crimes against public health and public morality. St. Petersburg : V.B. Malinin Edition, 2014. 886 p.
9. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated July 20, 2023 № 77-3485/2023 // ConsultantPlus.
10. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated February 24, 2021 № 77-463/2021 // ConsultantPlus.
11. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction and dated March 2, 2021 № 77-566/2021 // ConsultantPlus.
12. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 11, 2021 № 77-4361/2021 // ConsultantPlus.
13. The verdict of the Tigilsky District Court of the Kamchatka Territory dated July 20, 2023 № 1-1-27/2023 // ConsultantPlus.
14. The verdict of the Leninsky District Court of Sevastopol dated June 5, 2023 № 1-217/2023 // ConsultantPlus.
15. Verdict of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory dated February 11, 2020 № 1-158/2020 // ConsultantPlus.
16. Verdict of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory dated March 5, 2020 № 1-226/2020 // ConsultantPlus.
17. The verdict of the Yelizovsky district Court of the Kamchatka Territory dated November 20, 2019 № 1-460/2019 // ConsultantPlus.
18. Administrative regulations of the Ministry of Culture of the Russian Federation on the provision of public services for the issuance of rental certificates for films created in the Russian Federation or purchased abroad for rental on its territory, and on the maintenance of the State Register of Films approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated July 20, 2012 № 787 (subparagraph 20.4.3.6) // ConsultantPlus.
19. The criminal case on the examination of a film with

References

1. Alfimov N. G. Modern aspects of the spread of pornography on the Internet // Criminal law: development strategy in the XXI century. 2023. № 3. P. 85–90.
2. Burlakov V. N., Gotchina L. V., Plotkina L. N., Semenova V. V. Protection of public health and public morality in criminal law / Edited by V. N. Burlakov. St. Petersburg : Law Center, 2023. 320 p.

- a pornographic plot // Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1989. № 5. p. 9.
20. The verdict of the Marksovsky city Court of the Saratov region dated February 10, 2023 № 1-18/2023 // ConsultantPlus.
 21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 29, 2009 № 41-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kaptsugovich Sebastian Igorevich for violation of his constitutional rights by Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus.
 22. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 6, 2021 № 89-UD21-8-K7 // ConsultantPlus.
 23. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated February 17, 2021 № 77-517/2021 // ConsultantPlus.
 24. The verdict of the Kushvinsky City Court of the Sverdlovsk region dated February 9, 2015 № 1-3/2015 // ConsultantPlus.
 25. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 № 37 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet» (paragraph 22) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 3.
 26. The verdict of the Izmailovsky District Court of Moscow dated March 2, 2023 № 1-84/2023 // ConsultantPlus.
 27. The verdict of the Klintsovsky City Court of the Bryansk region dated February 14, 2023 № 1-11/2023 // ConsultantPlus.
 28. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 22, 2021 № 77-1239/2021 // ConsultantPlus.
 29. The verdict of the Votkinsk District Court of the Udmurt Republic dated June 8, 2018 № 1-188/2018 // ConsultantPlus.
 30. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 20, 2016 № 2775-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Ivanovich Korolev for violation of his constitutional rights by part two of Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus.
 31. Verdict of the Nevsky District Court of St. Petersburg of 24 July 2018 № 1-1017/2018 // ConsultantPlus.
 32. Verdict of the Moscow City Court dated February 18, 2014 № 2-0011/2014 // ConsultantPlus.
 33. Verdict of the Industrial District Court of the city of Kursk dated August 17, 2023 № 1-215/2023 // ConsultantPlus.
 34. Verdict of the Leninsky District Court of Ufa dated January 20, 2015 № 1-30/2015 // ConsultantPlus.
 35. Verdict of the Pervomaisky district Court of Krasnodar dated April 21, 2023 № 1-139/2023 // ConsultantPlus.

Информация об авторах

А. В. Курсаев — главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Р. Б. Осокин — начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Kursaev — Chief Expert-Specialist of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

R. B. Osokin — Head of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-113-122>

EDN: <https://elibrary.ru/onyvpf>

НИОН: 2003-0059-3/24-057

MOSURED: 77/27-003-2024-03-256

Влияние глобализации на формирование источников частного права

Татьяна Викторовна Ларина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, TVLarina@fa.ru

Аннотация. Рассматриваются мировые глобализационные процессы, что сегодня особенно актуально, поскольку мы видим, как меняется мир с монополярного на многополярный; влияние на развитие источников частного права сегодня, безусловно, велико. Наблюдаются как положительные, так и отрицательные тенденции развития, меняется скорость принятия определенных решений, которые, в свою очередь, способны менять подходы к развитию права и других глобализационных процессов. Изучение глобализации позволит выработать возможные подходы, которые помогут положительно влиять на развитие национального права в целом и частного в том числе.

Ключевые слова: глобализация права, источники частного права, государственно-правовые институты, экономико-финансовые институты, институты бизнеса, источники частного права

Для цитирования: Ларина Т. В. Влияние глобализации на формирование источников частного права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 113–122. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-113-122>. EDN: ONYVPF.

Original article

The impact of globalization on the formation of sources of private law

Tatyana V. Larina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, TVLarina@fa.ru

Abstract. The global globalization processes are considered, which is especially relevant today, since we see how the world is changing from a monopolar to a multipolar one; the influence on the development of sources of private law today is undoubtedly great. Both positive and negative development trends are observed, the speed of making certain decisions is changing, which, in turn, can change approaches to the development of law and other globalization processes. Studying the impact of globalization will allow us to develop possible approaches that will help positively influence the development of national law in general and private law in particular.

Keywords: globalization of law, sources of private law, institutions of public law, economic and financial institutions, business institutions, sources of private law

For citation: Larina T. V. The impact of globalization on the formation of sources of private law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):113–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-113-122>. EDN: ONYVPF.

Высказывается мнение, что не все ученые проявили интерес к изучению влияния глобализации на право. Это не может не вызвать озабоченности, поскольку все возрастающее влияние сказывается на характере и функциях государства и права как внутреннего, так и международного [1]. Сегодня глобализация становится реальностью нашего времени, ведущей тенденци-

ей к мировому развитию [2, с. 22], и юристы не могут обойти стороной проблему ее влияния на право. Причем именно сегодня данные процессы необходимо переосмыслить, так как глобальные мировые изменения происходят повсеместно, и влияние на источники права наблюдаются в каждом государстве.

Удивляет другое, в частности то, что, несмотря

© Ларина Т. В., 2024

на довольно длительный период разработки проблемы «право и глобализация», вопрос о самом понятии «глобализация» остается открытым [3, с. 10–11]. Это понятие используется часто как само собой разумеющееся. Отдельные авторы предпринимают попытки формулировать его в своих работах. Этимологически «глобальный» означает «охватывающий весь земной шар, всеобщий» [4, с. 76].

М. Н. Марченко определяет глобализацию как системную и многоаспектную интеграцию в различных отношениях [3, с. 12–13].

К сожалению, это определение не отражает возможность ее влияния на общественные отношения, как в положительном, так и в отрицательном ключе. Оно выглядит слишком общим и нейтральным для государств. Между тем, многое зависит от культурно-исторического развития общества. Очевидно, то, что окажется полезным для одних стран, будет неприемлемым, а то и губительным для других стран, например, для мусульманских.

Глобализация определяется и как процесс формирования единого мирового финансово-информационного пространства на базе преимущественно компьютерных технологий [5, с. 11].

Узость этого определения понятия глобализации заключается в том, что оно ограничивает глобализацию «единым мировым финансово-информационным» пространством. Несмотря на всю его важность в мире существуют и другие формы жизнедеятельности, которые также охватываются понятием «глобализация», например, социально-экономическая, политическая и т. д.

Глобализация как процесс стремительно стал развиваться в конце прошлого века, чему способствовали естественные процессы, основанные, по сути, на беспрепятственном перемещении капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом прогрессе, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникативном сближении планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, интернациональном образовании [6, с. 9].

Данные определения, как правило, сконцентрированы лишь на экономическом ее аспекте. В то же время чувствуется стремление автора отразить в нем основные черты, которые присущи глобализации, как и любому определению понятия.

Можно «охарактеризовать глобализацию, как макромасштабный, многоплановый и внутренне противоречивый процесс нарастания общего в элементах мировых экономической, социальной и правовой системах» [7].

Данное определение понятия представляется более приемлемым. Во-первых, оно не ограничивается указанием только на процессы, имеющие какую-либо ценность для государства. Во-вторых, оно довольно

широко и охватывает основные сферы общественных отношений, на которые влияет глобализация, не ограничиваясь какой-то одной. В-третьих, приведенное определение указывает на «противоречивость» процесса влияния глобализации на общественные отношения, что позволяет говорить о ее отрицательном и положительном воздействии.

Существуют и другие определения понятия глобализации. Высказывается мнение, что глобализацию нужно определять как процесс распространения, экстраполяции на общественные отношения одного стандарта, задаваемого развитыми странами мира. При этом в структуре предлагаемого стандарта выделяются: экономический уклад жизни, социальная структура общества, идеология [8, с. 74; 9, с. 9; 10, с. 134].

Некоторые определения понятия «глобализация» носят почти афористический характер и мало что дают для его разработки. Например, считается, что глобализация общества — процесс, определяемый преобладанием культуры над экономикой и политикой. Или глобализация — это всеобъемлющий процесс взаимодействия людей во взаимосвязанное целое [11, с. 51; 12, с. 14; 13, с. 22]. Встречаются и определения понятия глобализации как одной из цивилизационных моделей.

Сложившиеся несколько подходов по исследованию процесса глобализации не отражают полной картины исследования данных процессов [14; 15, с. 340]. Представители более широкого подхода рассматривают глобализацию как явление более широкое и всеобъемлющее. Глобализация в этом смысле отождествляется с развитием экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира, и здесь представляется постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления [16, с. 49].

Некоторые ученые предостерегают, что «между глобализацией как тенденцией, определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе, и глобализмом как определенным цивилизационным стандартом, мировоззрением, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу — идеологию и движение антиглобализма» [3, с. 15], между ними есть разница, которую нужно учитывать. Можно, конечно, согласиться с автором в том, что глобализм ассоциируется с каким-то нехорошим проявлением, порождающим движение антиглобализма. Но проводить грань между ними не стоит, поскольку и глобализация имеет свои цивилизационные стандарты и правила, с которыми не всегда соглашаются ее субъекты. Глобализм скорее проявление отрицательного воздействия глобализации на общественные отношения.

Глобализация имеет свои объекты. К сожалению, в работах, посвященных глобализации, называются различные сферы общественных отношений, которые

выступают ее объектами [7, с. 27; 3, с. 10–28]. Воздействуя на общественные отношения, глобализация затрагивает основные из них: экономику; социальную сферу; политику; культуру. Очевидно, что эти сферы общественных отношений можно отнести к объектам глобализации. С источниками гражданского права, а точнее говоря, с их возникновением, наиболее тесным образом связана экономика. Нельзя не сказать, что именно там, в экономике, возникают и происходят те процессы, которые порождают различные виды источников гражданского права. Но любое решение об их возникновении или изменении должно быть оформлено политически, то есть быть принято законодательными органами. Вероятно, что влияние глобализации на различные сферы общественных отношений не столько велико, как на сферу экономики. Особенно щекотливым является воздействие глобализации на сферу культуры, куда следует относить права данного общества. Можно предположить, что ее воздействие на культуру является минимальным, поскольку сфера культуры наиболее тесно связана с обычаями и традициями общества, сложившимися исторически.

Субъектами этого правоотношения являются: государства; граждане, выступающие в защиту своих прав и свобод международно-правовыми средствами; транснациональные компании (ТНК); финансово-информационные группы; международные организации (ООН, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы, Европейский суд по правам человека, Содружество Независимых Государств, Евразийское экономическое общество, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС и др.), транснациональные и национальные группы и сообщества, которые подозреваются в совершении преступлений (торговля наркотиками, терроризм, пиратство и т. д.).

Содержанием правоотношения глобализации является совокупность прав и вытекающих из них обязанностей субъектов этих отношений, связанных с выполнением возложенных на них функций. Например, одна из основных внешних функций государства связана с заключением международных экономических и других договоров с государствами. Например, на международной арене деятельность государств, как участников процесса глобализации, приобрело следующие формы. Создание и развитие принципов и норм международного права, как правовых стандартов правомерного либо неправомерного поведения государств, устанавливая их в договорной форме, либо придавая форму международно-правового обычая. К сожалению, многие позиции сегодня требуют глубокого переосмысления причин изменения сложившихся отношений. Необходимы глубокие исследования происходящих процессов глобализации и влияния их на формирование источников частного права. Кроме того, необходимо изучить влияние государства в создании институтов формирования норм международного права и механизмов их реализации — ООН

и при ней ряд международных организаций, а также специализированных международных организаций в сфере экономики и финансов (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация) [18, с. 39–40].

От национального государства будет зависеть и политика, которой оно придерживается в отношении глобализации. Она может быть направлена по линии неолиберального развития глобализации или на укрепление национального государства, его суверенитета. Неолиберальное развитие ведет к уничтожению национального государства, удовлетворению интересов наднациональных и национальных организаций. Укрепление национального государства ведет к удовлетворению интересов народа, взаимодействию разнотипных культур, без чего они не могут развиваться.

Коммерческая деятельность бизнеса, соотносится с процессом создания и обмена материальными объектами, выступают в качестве своего рода экономических феноменов, но, однако, не отражают природу и характер отношений. Поэтому необходимо разрабатывать и использовать также понятийный и терминологический аппарат, отражающий организационную и формально-юридическую стороны бизнеса как явления, взаимосвязь бизнеса с другими институтами.

Наиболее характерными чертами корпорации являются: наличие собственности и возможности управлять данными объектами; наличие специальных управленческих решений; допустимость и готовность к передаче или к перераспределению интересов; возложение ответственности; наличие права выступать в суде и нести ответственность от своего имени. Корпорации могут выступать субъектами как частноправовых, так и публично-правовых отношений.

По финансовому критерию выделяются группы малых корпораций, крупных корпораций, гигантские корпорации. Среди всех корпораций в численном виде преобладают средние корпорации. В качественном отношении — в плане доминирования в сфере экономических, политических и иных отношений пальма первенства находится в руках гигантских корпораций. Сильное влияние оказывают различные объединения и союзы предпринимателей, которые называют монополистическими.

Естественно, что при таком раскладе транснациональные и национальные компании могут быть заинтересованы лишь в одном сценарии развития глобализации — неолиберальном, в соответствии с которым свободный рынок решит все проблемы.

Граждане, выступающие в защиту своих прав и свобод международно-правовыми средствами, делают очень важное дело, потому что от успеха их деятельности во многом зависит и состояние национального законодательства, наличие частноправового сегмента на международной арене, да и сама судьба постановки вопроса о человеческом измерении глобализации. Важную роль играет деятельность международных

организаций, которые создают, в том числе, различные международные стандарты и документы, носящие, как правило, правовой характер.

В создании мирового правопорядка, отвечающего тенденциям и требованиям глобализационных процессов, значительную роль играет такой социально ценный и прикладной институт, как международно-правовые сообщества. Во многом результатом подобного взаимодействия будут многочисленные договоры по различным областям. (Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями, 1986 г.); развитие региональных моделей международного права (СНГ, ШОС, БРИКС); включение основополагающих норм международного права и международных договоров в национальные правовые системы, в том числе в конституции государств; юридическое статуйрование понятия «общие интересы международного сообщества», формируемые сегодня «общие интересы международного сообщества». Наряду с этим деятельность института международно-правового сообщества привнесла в процесс формирования мирового правопорядка и ряд негативных моментов, разрушающих мировой правопорядок. К ним относятся: стремление к гегемонии экономически более развитых стран; факты ограничения суверенных полномочий; замена компетенции международных органов односторонними решениями отдельных государств и их партнеров; отказ от участия в подписании и ратификации международных конвенций и соглашений; двойные стандарты в международном гуманитарном сотрудничестве. Эти и другие негативные тенденции оправдываются целесообразностью замены правовых стандартов политическими договоренностями некоторых стран, использования гуманитарной интервенции [19].

Деятельность различных групп и обществ, подозреваемых в совершении преступлений, является одним из негативных направлений воздействия глобализации практически на все ее объекты. Поэтому одной из задач правоохранительных органов и граждан является выявление таких групп и сообществ на международной арене. Транснациональные и национальные группы и сообщества, которые подозреваются в совершении преступлений (торговля наркотиками, терроризм, пиратство и незаконная миграция) наносят существенный вред всем субъектам глобализации, как на международной арене, так и внутри страны.

Несколько иной принцип классификации субъектов глобализационных процессов использован авторами коллективного труда «Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции». К их числу отнесены: национальные государства; международные универсальные и региональные организации; транснациональные корпорации (ТНК); финансово-информационные группы; международные и национальные профессиональные организации и иные

неправительственные объединения (НПО); транснациональные и национальные преступные группы и сообщества; коренные малочисленные народы (коренное население) и землячества — социальные группы, образовавшиеся в ходе «обратной» глобализации.

Отдельные лица, по мнению авторов, субъектами глобализационных процессов не являются. На международном уровне они выступают в качестве пользователей. На уровне национальных государств за ними признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам (ст. 17 Конституции РФ) [17, с. 38; 18]. Субъектами глобализации являются транснациональные и национальные преступные группы и сообщества.

Признать виновной, а, следовательно, преступной ту или иную организацию может только суд, но никак ни авторы цитируемой работы. Более правильно с этой точки зрения было бы говорить о транснациональных и национальных группах и сообществах, подозреваемых в совершении преступления.

Устаревшим представляется утверждение авторов, что «отдельные люди (граждане) не являются субъектами глобализационных процессов», то есть субъектами международного права. Специалисты в этой области отмечают, что сегодня ситуация характеризуется значительными изменениями в регламентации положения личности в международном праве, которая сопровождается последовательным, эволюционным расширением индивида в международных отношениях. Если в начале XX века речь шла об отдельных межгосударственных соглашениях, направленных на защиту прав населения подмандатных территорий и иностранных граждан, то сегодня со становлением международно-правовой отрасли меняется. И, наконец, нелишне напомнить, что правообладатели — это и есть субъекты права, по крайней мере, так всегда трактовались в юридической науке это понятие [20, с. 286; 21, с. 263–279].

Важно иметь в виду, что межкультурное взаимодействие, обмен идеями, информацией — необходимое условие нормального развития современного мира. Сегодня эти процессы особенно актуальны в связи с глобальной цифровизацией практически всех жизненных сфер обществ. И в то же время речь не идет о полном отрицании культур и иной цивилизации, а о постепенном освоении ценностей и стандартов иной культуры, общественным сознанием народа, его моралью, об их непротиворечивости религии и нравам населения [22, с. 19]. Нельзя торопить этот процесс. В противном случае это приведет к подрыву национальных ценностей данного общества и государства, которое в условиях глобализации повышает свою роль как гаранта национальной идентичности. Глобализация будет сопровождаться повышением роли государства как гаранта благополучия национального развития,

субъекта агрессивной поддержки отечественной экономики, особенно там, где проходит глобальная конкуренция [23, с. 6].

Глобализация является объективным, закономерным, цивилизационным процессом. Это прекрасно понимал Г. Ф. Шершеневич, который писал, что чем выше культура и чем теснее связи народов, тем более близки их бытовые условия, и потому право, для гармонии с жизнью, должно приобретать все более сходные черты и терять свою оригинальность [24, с. 379]. Не лишне отметить, что эти слова были написаны в то время, когда о глобализации даже не говорили. Объективный и закономерный характер глобализации означает, что она является результатом ни чьей-то прихоти, а возникает сама и ожидаема. Цивилизационный характер глобализации означает, что она есть примета определенного периода (цивилизации) жизни общества, то есть определенного экономического, духовного, культурного развития. Цивилизация (лат. *civis*) означает уровень общественного развития материальной и духовной культуры.

Следующая черта предполагает деление содержания глобализации на направления, положительно воздействующие на источники гражданского права и отрицательно. Первые оказывают позитивное воздействие на источники гражданского права, а вторые — отрицательные. Причем в последнем случае речь идет не только о преступлениях международного характера, которые можно сегодня наблюдать под предлогом некоторых договоренностей экономически развитых стран, а обо всем содержании глобализации. Дело в том, что многие ее направления могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на развитие источников гражданского права. Так, развитие глобализации по неолиберальной модели, предполагающей, что рыночные отношения решат сами все проблемы, ведет к господству национальных и межнациональных монополий, к доминированию их интересов и утрате национальной идентичности ряда государств. И есть второй вариант, предполагающий национально-государственный контроль за глобализационными процессами, сдерживающий, корректирующий возможные угрозы.

Одной из сущностных черт глобализации является ее интеграционность. Интеграционность означает объединение в целое каких-либо частей или элементов. Применительно к глобализации интеграционность означает объединение государств. Такое объединение не должно, как считают неолибералы, создание мирового государства с утратой национальной идентичности других государств. В 50–60-е годы прошлого века возникла теория конвергенции (Дж. Гелбрейт, Р. Арон, Х. Сорокин, Я. Тинберген). По этой теории начинается конвергенция капитализма и социализма. Две противоположные социально-политические системы все более станут сближаться и даже сольются в едином постиндустриальном обществе [25, с. 745].

Ключевыми и значимыми для понимания глобализации являются здесь слова о том, что государства, «заимствуя друг у друга положительные черты и преодолевая свои отрицательные стороны», станут сближаться. Речь идет о сохранении национальных особенностей государств в процессе их интеграции с более развитыми государствами. Критикуя эту теорию, авторы учебника истории и политики правовых учений отмечали, что в действительности же на смену капитализму закономерно приходит социализм. Будущее принадлежит социализму и коммунизму, а не скомбинированной гибридной конвергентной системе, за которой на самом деле скрывается реформистски направленный государственно-монополитический капитализм [26, с. 263–431].

Стандартизация глобализационных процессов также является одной из черт глобализации, в том числе и в сфере источников гражданского права. Принимаются самые различные стандарты и правила, в том числе касающиеся основных объектов глобализации. В их разработке активное участие принимают различные международные организации. При их разработке не всегда учитывается мнение всех государств. Довольно отчетливо проявляется противоречие между актами о правах человека универсального характера, закрепляющими европейское и североамериканское видение проблемы, и степенью их реализации в различных регионах мира [27, с. 47]. В настоящее время остро стоит вопрос о человеческом измерении глобализационной деятельности. Чтобы исходить из основного принципа человеческого измерения глобализации, которое должно показать весь спектр воздействия глобализации на человека, его интересы, на народы, их образ жизни. Инструментом такого гуманитарного измерения являются права человека, которые призваны обеспечить свободу, справедливость, достоинство, идентичность нации. Если какие-либо аспекты глобализации не выдерживают проверки правами человека, следует однозначно признать их антигуманными [22, с. 11].

Такое предложение представляется вполне реальным, поскольку выработан целый ряд документов, закрепляющих права человека в современном мире. К ним относятся Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт об экономических и социальных правах от 19 декабря 1966 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 6 ноября 1990 года. Размышляя по этому поводу, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин пишет, что таким пределом уступчивости «является защита нашего суверенитета, наших национальных институтов» [28]. Да, мы признаем, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью нашей правовой системы. «Конвенция о защите прав и основных свобод как междуна-

родный договор России, является частью ее правовой системы, но она не выше Конституции. Конституция в статье 5 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Монополия на истолкование положений Конституции и выявление конституционного смысла закона принадлежит Конституционному Суду. И поэтому истолкование Конституции, данное высшим судебным органом государства, не может быть преодолено путем толкования Конвенции, поскольку ее юридическая сила все-таки юридическую силу Конституции не превосходит» [28].

Глобализация характеризуется как охватывающий весь земной шар всеобщий процесс. Отмечается, что она в большей степени охватывает финансы и экономику и в меньшей степени духовную жизнь общества [28]. Конечно, степень влияния глобализации на различные сферы общественных отношений неодинакова, что не дает оснований ставить под сомнение ее всеохватывающий, хотя и в разной степени, характер. Конечно, сфера экономики и финансов испытывает на себе всеобщее воздействие, нежели другие сферы жизни, например, культура, в том числе и право, как ее неотъемлемая часть.

Существуют различные мнения о времени возникновения глобализации. Считается, что она существует столько, сколько существует общество; возникла в конце XX века, как предтеча глобализма — определенного цивилизационного «стандарта» определенного мировоззрения, существовала в человеческом обществе всегда [3, с. 15–16].

Представляется, что говорить о полномасштабных глобализационных процессах можно примерно, с середины прошлого века, после крушения колониальной системы. Конечно, государства и до этого общались, интегрировали в различных областях своей деятельности. Но чтобы глобализация стала всеохватывающим мировым явлением, потребовалось сформулировать и признать общепризнанные принципы и нормы международного права.

Основными демократическими принципами международного права стали: суверенное равенство государств; невмешательство во внутренние дела; равноправие и самоопределение народов; неприменение силы или угрозы силой; мирное урегулирование споров; нерушимость границ, территориальная целостность государств; уважение прав человека и основных свобод; сотрудничество государств; добросовестное выполнение международных обязательств [29, с. 156–181].

Все современные государства должны признавать приоритет международного права по отношению к внутригосударственному законодательству, а также по отношению к межгосударственным объединениям.

Статья 15 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что «общепризнанные

принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрено законом, то применяются правила международного договора».

Преамбула Конституции Франции 1946 года гласит: «Франция принимает во внимание положения международного права, на условиях взаимности соглашается с ограничениями суверенитета для организации и защиты мира».

Конституция Германии 1949 года говорит, что Германия может законом передавать свои суверенные права межгосударственным установлением, может согласиться на ограничение своих суверенных прав в целях установления и обеспечения мира между народами мира. Для урегулирования межгосударственных споров присоединяется к соглашениям об общем, всеобъемлющем, обязательном международном арбитраже (ст. 24). Общие нормы международного права являются составной частью права Германии, имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей страны (ст. 25).

В Конституции Японии 1947 года записано, что заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться (ст. 98).

В Акте о судоустройстве США 1789 года говорится, что высшими законами страны являются Конституция и законы США, изданные в ее исполнение, равно как все договоры, которые заключены или будут заключены США [30].

В Конституции Румынии говорится: «Румыния поддерживает добрососедские отношения со всеми странами на принципах и других общепринятых нормах международного права» (ст. 10). Румыния обязуется точно и добросовестно выполнять обязанности, вытекающие для нее из заключения ею международных договоров, стороной которых она является. Ратифицированные договоры относятся к внутреннему праву (ст. 11). Основные права и свободы и конституционные положения о правах и свободах граждан будут интегрироваться и применяться в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, с международными пактами и другими договорами, стороной которых является Румыния. Если существуют несоответствия между пактами и договорами об основных правах человека и внутренними законами, то приоритет имеют международные нормы (ст. 20).

Конституция Болгарии 1991 года признает, что международные договоры, вступившие в силу, являются частью внутреннего права и имеют преимущество перед нормами внутреннего законодательства, которые им противоречат (ст. 5).

В Конституции Венгрии 1989 года записано, что правовая система Венгрии принимает общепризнанные

положения международного права, обеспечивает согласованность его требований и внутреннего права (§ 7).

Таким образом, реально говорить о начале глобализации можно примерно со второй половины XX века, то есть лишь после крушения колониальной системы и признания развитыми демократическими странами приоритета международного права. В этой связи нельзя не согласиться с Н. В. Варламовой в том, что появление международного права отражало начальный этап глобализации, т. е. достижение человеческим социумом такой стадии развития, когда отдельные государственно-организованные социальные порядки не могли существовать абсолютно изолированно [31]. Этот этап глобализации тесно связан правами человека третьего поколения.

Перечисленные свойства (черты) глобализации позволяют сформулировать следующее определение ее понятия. Глобализация — это объективный, закономерный, цивилизационный, всеобъемлющий, интеграционный и стандартизационный международно-правовой процесс, положительно и отрицательно влияющий на экономическую, социальную, политическую, культурную, в том числе правовую и духовную жизнь общества в результате деятельности своих субъектов.

Это общее определение понятия глобализации должно быть положено в основу понятия глобализации в правовой сфере. Попытки сформулировать его предпринимаются учеными с различным успехом. Так, Лукьянова Е. Г. считает, что глобализация выглядит как неолиберальная глобализация, целями которой являются установление неолиберального мирового экономического порядка и формирование всемирного общества путем вынесения на глобальный уровень важнейших институтов и регулирующих механизмов наиболее развитых западных стран [32, с. 5].

В приведенном определении понятия Е. Г. Лукьяновой упор делается на целях глобализации, а ее правовой аспект ограничен общей фразой об уровне важнейших «регулирующих механизмов развитых западных стран», мало что дающей для раскрытия глобализации в праве. Н. С. Бондарь предпринимает попытку выделить понятия «правовая глобализация» и «глобализация в правовой сфере» [33, с. 180–181].

Думается, что правовая глобализация — это интеграция международного права и национальных правовых систем, представляющую собой процесс, носящий объективный, цивилизационный, закономерный, стандартизационный характер, влияющий как положительно, так и отрицательно на правовую жизнь общества.

В. В. Богатырев, иначе определяет глобализацию в праве. Глобальное право представляет собой взаимосвязанную совокупность, состоящую из центрального, интегрирующего звена — международного права — и 193 национальных правовых систем. Глобальное право формируется на основе правовых систем. Гло-

бальное право формируется на основе правовых традиций прогрессивной (западной) цивилизации, которая родилась в европейском регионе на основе мутаций традиционных культур — античного полиса и европейского христианского средневековья [34, с. 10].

В приведенном определении много внимания уделяется глобализации в праве, но оно оказывается мало связано с глобализацией, ее чертами.

Вместе с тем, представляются вполне справедливыми его положения о том, что глобализация права осуществляется в основном через глобализацию правового сознания: через правовую психологию в большей степени, а в меньшей степени — через правовую идеологию, и о том, что процесс глобализации права наиболее наглядно прослеживается на примерах унификации видов источников права, а подобные возможности зависят от принадлежности к европейской правовой культуре [34, с. 11, 20].

Механизм формирования глобализации права состоит в правовом осознании действительности, связанной со своевременным осознанием потребности глобализационных процессов в соответствующих источниках гражданского права. При этом правовое осознание такой потребности осуществляется в большей степени на уровне правовой идеологии, покоящейся на результатах научных исследований, и в меньшей — на уровне правовой психологии, формирующейся на бытовом уровне и тяготеющей к национальному праву. Происходит отражение действительности в сознании человека, тщательная переработка в сознании законодателя социальной информации. Экономические и иные закономерности развития социальной системы познаются людьми, проходят через их сознание, принимают форму интересов, мотивов, выражаются в воле социальных групп и отдельных людей, то есть отражают идейно-психологическую сторону источников гражданского права, которую рассматривают как начальную стадию правотворчества [35, с. 26, 28]. Специфика специально-юридической стороны источников гражданского права раскрывается в результате выбора его вида и структурного расположения правового материала. При этом следует иметь в виду существование институционной и пандектной систем, которые в условиях глобализации развиваются и сближаются между собой. В отличие от нее институционная система не знает распределения правового материала на общую и особенную части. В пандектной системе правовой материал распределяется на общую часть, включающую общие положения, нормы о субъектах права, объектах прав, в том числе об их защите, и особенная часть, посвященная отдельным институтам права, в том числе вещному, обязательственному, наследственному и др. Институционная правовая система постепенно модернизировалась, в частности, в частности, из нее были исключены нормы гражданского процесса, появились общие положения. В процессе своего развития эти системы

подвергались и иным интеграционным процессам.

Проведенный анализ глобализации позволяет сформулировать следующие выводы.

Несмотря на довольно длительный срок исследования различных вопросов глобализации, современной науке не удалось выработать ее понятия.

Глобализация должна рассматриваться как правоотношение, имеющие свои объекты, субъекты, содержание.

Объектами глобализации выступают основные сферы общественных отношений: экономические, социальные, политические, культурные, духовные. Наиболее сильное влияние глобализация оказывает на развитие экономических отношений. Наиболее слабое — на культурные, куда можно отнести и право, и духовные.

Субъектами глобализации являются: государство, граждане, борющиеся за свои права и свободы при помощи международно-правовых средств; транснациональные и национальные компании; международные организации (ООН, Сотрудничество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС и др.); транснациональные и национальные группы и сообщества, подозреваемые в совершении преступлений (торговля наркотиками, терроризм, пиратство, незаконная миграция).

Содержанием правоотношения глобализации является совокупность прав и обязанностей, связанных с выполнением возложенных на них функций. Глобализация может оказывать на общественные отношения как положительное, так и отрицательное воздействие. При неолиберальном сценарии развития, защищающем интересы корпораций, интересы граждан будут существенно ущемлены.

Глобализация возникает во второй половине XX века после крушения колониальной системы и признанием большинством национальных государств верховенства принципов и норм международного права.

Общие черты глобализации позволяют формулировать и ее общее понятие. Она представляет собой объективный, закономерный, цивилизационный, всеобъемлющий, интеграционный и стандартизационный международно-правовой процесс, положительно и отрицательно влияющий на экономическую, социальную, политическую, культурную, в том числе право, и духовную жизнь общества в результате деятельности своих субъектов.

Глобализация права — это интеграция международного права и национальных правовых систем, представляющая собой процесс, носящий объективный, закономерный, цивилизационный, стандартизационный характер, влияющий как положительно, так и отрицательно на правовую жизнь общества на основе западной правовой культуры.

Механизм формирования глобализации права свя-

зан с современным осознанием потребности глобализационных процессов в соответствующих источниках гражданского права. При этом правовое осознание такой потребности осуществляется в большей мере на уровне правовой идеологии, основанной на результатах научных исследований, и в меньшей — на уровне правовой психологии, формирующейся на бытовом уровне и тяготеющей к национальному праву. Здесь происходит отражение действительности в сознании человека, тщательная переработка в сознании законодателя социальной информации. Экономические и иные закономерности развития социальной системы познаются людьми, проходят через их сознание, принимают форму интересов, целей, мотивов, выражаются в воле социальных групп и отдельных людей, то есть отражают идейно-психологическую сторону источников гражданского права, которую рассматривают как начальную стадию правотворчества. Специально-юридическая сторона источников гражданского права формируется в виде выбора его вида и структурного расположения правового материала. При распределении материала следует учитывать существование и интеграцию институциональной и пандектной правовых систем, особенно в условиях их интеграции.

Список источников

1. Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002.
2. Звонарева О. С. Глобализация и взаимодействие цивилизаций: политико-правовые аспекты // Право и политика. 2005. № 5.
3. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2021.
4. Краткий словарь иностранных слов. Сост. С. М. Локшина. М., 1979.
5. Дамаскин О. В. Россия в современном мире : проблемы национальной безопасности. М., 2007.
6. Уткин А. И. Глобализация : процесс и осмысление. М., 2002.
7. Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3.
8. Егоров А. В. Правовая культура и ее содержание. Государство и право. 2004. № 6.
9. Колесников А. С. Формы глобализма и диалог культур. Глобализация и мультикультурализм : доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток — Запад», 14–16 апреля 2003 г. Москва. Под ред. Н. С. Кирабаева, А. В. Семушкина, Ю. М. Почты, С. А. Нижникова. М., 2004.

10. Зинковский С. Б. Юридино-культурологические аспекты глобализации. Право и права человека в условиях глобализации. М., 2006.
11. Глобализация. Контуры XXI века. Рефер. Сб. М., 2004. Ч. 1.
12. Левашев В. К. Общество и глобализация. Социологические исследования. 2005. № 4.
13. Айтанат Абу Сауд. Вызовы культурной глобализации для стран третьего мира. Глобализация и мультикультурализм. Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток — Запад», 14–16 апреля 2003 г. Москва. Под ред. Н. С. Кирабаева, А. В. Семушкина, Ю. М. Почты, С. А. Нижникова. М., 2004.
14. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage 1992. P. 8.
15. Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. М., 1998.
16. Михеев В. В. Логика глобализации и интересы России / PRO et Contra. Т. 4. № 4. Осень. 1999.
17. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции : теория и практика. Под ред. С. В. Полениной. М., 2006.
18. Право и правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции. Теория и практика. Под ред. С. В. Полениной. М., 2006.
19. Лихачев В. Н. Россия и международно-правовое сообщество // Представительная власть. 2008. № 2, 3. С. 18–20.
20. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
21. Общая теория государства и права. Академический курс. Под ред. М. Н. Марченко. Том 2. Теория права. М., 1998.
22. Лукашева Е. А. Права человека в России в условиях глобализации. Право и права человека в условиях глобализации. Мат. научн. конф., 2006.
23. Медведев Д. А. Выступление на конференции по мировой политике 8 октября 2008 года // Право и безопасность. 2008. № 4.
24. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910.
25. История политических и правовых учений. М., 1988.
26. Права человека : итоги века, тенденции, перспективы. Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002.
27. Муромцев Г. И. Права человека в контексте глобализации. Право и права человека в условиях глобализации. Под ред. Лукашевой Е. А. Мат. научн. конф. М., 2000.
28. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 29 октября 2010 года.
29. Международное право. Под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. М., 2013.
30. Конституции зарубежных государств. М., 2003.
31. Варламова Н. В. Глобализация социального порядка и перспективы государственности. Право и права человека в условиях глобализации // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 91–104.
32. Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М. : Изд-во Норма, 2006.
33. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России. М., 2011.
34. Богатырев В. В. Глобализация права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2012.
35. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981.

References

1. Lukashuk I. I. Interaction of international and domestic law in the context of globalization // Journal of Russian Law. 2002.
2. Zvonareva O. S. Globalization and interaction of civilizations: political and legal aspects // Law and politics. 2005. № 5.
3. Marchenko M. N. State and law in the context of globalization. M., 2021.
4. A short dictionary of foreign words. Comp. S. M. Lokshina. M., 1979.
5. Damaskin O. V. Russia in the modern world : problems of national security. M., 2007.
6. Utkin A. I. Globalization : process and understanding. M., 2002.
7. Polenina S. V., Gavrilov O. A., Koldaeva N. P., Lukyanova E. G., Skurko E. V. The impact of globalization on the legal system of Russia // State and law. 2004. № 3.
8. Egorov A.V. Legal culture and its content. State and law. 2004. № 6.
9. Kolesnikov A. S. Forms of globalism and dialogue of cultures. Globalization and multiculturalism : reports and speeches. VII International Philosophical Conference «Dialogue of Civilizations: East —West», April 14–16, 2003, Moscow. Edited by N. S. Kirabaev, A.V. Semushkin, Yu. M. Pochta, S. A. Nizhnikov, M., 2004.
10. Zinkovsky S. B. Legal and cultural aspects of globalization. Law and human rights in the context of globalization. M., 2006.
11. Globalization. Contours of the XXI century. Abstract. Sat. M., 2004. Part 1.
12. Levashev V. K. Society and globalization. Sociological research. 2005. № 4.
13. Aitanat Abu Saud. The challenges of cultural

- globalization for Third World countries. Globalization and multiculturalism. Reports and presentations. VII International Philosophical Conference «Dialogue of Civilizations: East — West», April 14–16, 2003, Moscow. Edited by N. S. Kirabaev, A.V. Semushkin, Yu. M. Pochta, S. A. Nizhnikov. M., 2004.
14. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage 1992. P. 8.
 15. Rukavishnikov V. O., Halman L., Esther P. Political cultures and social changes. M., 1998.
 16. Mikheev V. V. The logic of globalization and the interests of Russia / PRO et Contra. T. 4. № 4. Autumn. 1999.
 17. The legal system of Russia in the context of globalization and regional integration : theory and practice. Edited by S. V. Polenina. M., 2006.
 18. Law and the legal system of Russia in the context of globalization and regional integration. Theory and practice. Edited by S. V. Polenina. M., 2006.
 19. Likhachev V. N. Russia and the international legal community // Representative power. 2008. № 2, 3. P. 18–20.
 20. Soviet Encyclopedic Dictionary. M., 1987.
 21. The general theory of state and law. Academic course. Edited by M. N. Marchenko. Volume 2. Theory of Law. M., 1998.
 22. Lukasheva E. A. Human rights in Russia in the context of globalization. Law and human rights in the context of globalization. Mat. scientific conference, 2006.
 23. Medvedev D. A. Speech at the conference on world politics on October 8, 2008 // Law and security. 2008. № 4.
 24. Shershenevich G. F. General theory of law. Issue 1. M., 1910.
 25. History of political and legal doctrines. M., 1988.
 26. Human rights : the results of the century, trends, prospects. Edited by E. A. Lukasheva. M., 2002.
 27. Muromtsev G. I. Human rights in the context of globalization. Law and human rights in the context of globalization. Ed. Lukasheva E. A. Mat. scientific conf. M., 2000.
 28. Zorkin V. D. The limit of compliance // Rossiyskaya gazeta. October 29, 2010.
 29. International law. Edited by G. V. Ignatenko, O. I. Tiunov. M., 2013.
 30. Constitutions of foreign states. M., 2003.
 31. Varlamova N. V. Globalization of the social order and prospects of statehood. Law and human rights in the context of globalization // Social Sciences and modernity. 2016. № 3. P. 91–104.
 32. Lukyanova E. G. Globalization and the legal system of Russia (main directions of development). M. : Publishing House Norm, 2006.
 33. Bondar N. S. Judicial constitutionalism in Russia. M., 2011.
 34. Bogatyrev V. V. Globalization of law : Abstract. ... doct. legal sciences. Vladimir, 2012.
 35. Kudryavtsev Yu. V. Norms of law as social information. M., 1981.

Информация об авторе

Т. В. Ларина — доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Larina — Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-123-128>

EDN: <https://elibrary.ru/qrkbcw>

НИОН: 2003-0059-3/24-058

MOSURED: 77/27-003-2024-03-257

Демократия как форма политического (государственного) режима: историко-правовой аспект

Андрей Александрович Мецгер

Государственный университет управления, Москва, Россия, metzger@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс становления демократического режима в историко-правовом ракурсе. Конституция России закрепила иной, по сравнению с предшественницами, тип демократии. Отказавшись от социалистической демократии, Конституция вернулась к классическому типу демократии. Установленный Конституцией принцип взаимоотношений человека и государства служит предпосылкой решения конкретных аспектов правового регулирования статуса человека и органов государственной власти. Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина должен служить ориентиром для законотворчества и правоприменения для всех проводимых в России реформ.

Ключевые слова: государство, демократия, государственный режим, права человека, демократический режим, гражданское общество, конституция, закон

Для цитирования: Мецгер А. А. Демократия как форма политического (государственного) режима: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 123–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-123-128>. EDN: QRKBWC.

Original article

Democracy as a form of political (state) regime: historical and legal aspect

Andrey A. Metsger

State University of Management, Moscow, Russia, metzger@yandex.ru

Abstract. In the historical and legal perspective the process of the formation of a democratic regime is being studied. The Russian Constitution enshrined a different compared to its predecessors type of democracy. By abandoning socialist democracy, the Constitution reverted to a classic type of democracy. The principle of human-state relations established by the Constitution serves as a prerequisite for solving specific aspects of the legal regulation of the status of a person and state authorities. The principle of priority of human and civil rights and freedoms should serve as a guideline for lawmaking and law enforcement, for all reforms carried out in Russia.

Keywords: state, democracy, state regime, human rights, democratic regime, civil society, constitution, law

For citation: Metsger A. A. Democracy as a form of political (state) regime: historical and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):123–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-123-128>. EDN: QRKBWC.

В научной литературе демократия понимается в различных значениях: как форма политического режима; как форма государственного устройства [17, с. 72]; как политическое мировоззрение (отражение в сознании граждан содержания демократии, прежде

всего, идей свободы и равенства прав) [7, с. 32], как политическая ценность, как политический процесс. Такое различие обусловлено многозначностью и объемностью понятия демократии, однако, в настоящей работе понятие «демократия» будет использоваться

© Мецгер А. А., 2024

в значении «демократический политический режим».

Конституция Российской Федерации в ст. 1 провозгласила Россию демократическим государством. Означает ли это реальное установление демократического политического режима в стране? Для ответа на вопрос, на наш взгляд, необходимо сделать краткий исторический экскурс. Политический режим на разных этапах развития Российской Федерации был различным. С 1917 г. режим был более близок к тоталитарному, и тоталитаризм достиг апогея в годы культа личности Сталина. После смерти И. В. Сталина тоталитарный режим сменяется авторитарным. Однако все Конституции РСФСР (СССР) провозглашали в качестве политического режима демократию, причем, демократию нового типа, отличного от демократии «буржуазной», демократии, провозглашаемой в капиталистических странах.

Критика «буржуазной» демократии и попытки предложить новое понимание этого института были свойственны уже К. Марксу и Ф. Энгельсу. Марксизм впервые стал рассматривать демократию в неразрывной связи с материальными условиями жизни общества и его классовой структурой. Путь к установлению подлинной демократии К. Маркс и Ф. Энгельс видели в торжестве социалистической революции. Уже первый программный документ коммунизма — «Манифест Коммунистической партии» провозгласил, что «первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии» [11, с. 446].

Обобщенно, советская демократия определялась как «принадлежность всей власти народу, совокупность форм и средств привлечения трудящихся к управлению государственными и общественными делами, наличие у населения широких и надежно гарантированных прав и свобод... Демократизм охватывает руководящую роль КПСС в нашей стране, предусматривает обязательное участие общественных организаций и трудовых коллективов в обсуждении и решении вопросов политической и социально-экономической жизни. Советская демократия характеризуется и положением личности в нашем обществе и государстве, которые обеспечивают ей всестороннюю свободу и, вместе с тем, стараются использовать творческий потенциал каждого человека на благо Родины» [14].

Органами, воплощающими в жизнь демократию советского типа, не могли стать классические парламентские учреждения, такими органами были призваны стать Советы — законодательные и исполнительные учреждения в одном лице. В. И. Ленин говорил в январе 1918 г.: «Советы — это форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран» [9, с. 238]. Однако уже при установлении в Конституции

РСФСР 1918 г. порядка выборов делегатов на Всероссийский Съезд Советов принцип принадлежности власти большинству народа был нарушен. Система выборов давала значительные преимущества рабочим по сравнению с крестьянами, а к участию в выборах не допускались значительные слои населения.

Процесс становления демократии нового типа «обязательно включал в себя и усиление руководящей роли Коммунистической партии» [14]. И если после Октябрьской революции, в стране действовали партии, не разделяющие коммунистическую идеологию, то постепенно их деятельность была свернута, а Конституция РСФСР 1937 г. впервые закрепила в ст. 130 особую роль Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Уже с 1919 г. происходит постепенное слияние партийных и государственных органов. VIII съезд РКП (б) в марте 1919 г. постановил образовать во всех советских организациях партийные фракции, строжайше подчиняющиеся партийной дисциплине. Съезд подчеркнул, что Коммунистическая партия должна постоянно заботиться об усилении своей руководящей роли в системе всех организаций диктатуры пролетариата, и особенно в советских государственных органах [14].

При формальном наличии значительного числа общественных объединений в стране, существенную роль в политике имели только профсоюзные организации. При этом, наряду с упразднением политического плюрализма, упразднялся и плюрализм идеологический. Выборы в стране имели формальный характер и проводились на безальтернативной основе.

На протяжении всего существования Советского государства разрабатывалась теория советской демократии. Задачей ученых было обоснование ее принципиальных различий, преимуществ по сравнению с классическим, западным типом демократии. В теории обосновывалось невозможность существования демократии вообще, наличие буржуазной или социалистической демократии. «Тип демократии складывается в зависимости от общественной формации, ее базиса и надстройки. Поэтому социалистическая демократия диаметрально противоположна буржуазной. Социалистическая демократия — это демократия общества, свободного от антагонистических противоречий, построенного на общественных формах собственности. Эта демократия открывает для народовластия такие сферы общественной жизни, которые недоступны народу в обществе капиталистическом. Социалистическая демократия не отрицает руководящей роли партии в государстве и обществе. Она ее предполагает как решающую предпосылку прогресса социализма, коммунистического строительства» [14].

Конституция России закрепила иной по сравнению с предшественницами тип демократии. Отказав-

пись от социалистической демократии, Конституция вернулась к классическому типу демократии [15, с. 85]. Российская политическая и партийная системы прошли большой путь от наличия единственной партии и закрепления особой роли этой партии в Конституции до стихийного возникновения нескольких сот партий, многие из которых не насчитывали и нескольких тысяч членов. Граждане России, пережившие времена господства Коммунистической партии, не слишком активно стремились к вступлению в различные политические партии. Подавляющее большинство общественных объединений, возникших после 1993 г., и ставивших своей целью участие в выборах, не стремились к получению статуса политической партии и установлению формального членства.

Установленный Конституцией Российской Федерации 1993 г. принцип взаимоотношений человека и государства служит предпосылкой решения конкретных аспектов правового регулирования статуса человека и органов государственной власти. Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина должен служить ориентиром для законодательства и правоприменения, для всех проводимых в России реформ. Конституция Российской Федерации содержит гл. 2, регламентирующую правовой статус человека и гражданина, поэтому помещение указанного принципа в главу 1 — основы конституционного строя имеет тем более важное значение, что оно служит ориентиром и для норм второй и последующих глав Конституции. В демократическом государстве человек, его права и свободы действительно служат ориентиром дальнейшего развития, государство во всех своих действиях ориентируется на защиту человека как высшей ценности и видит в этом свою основную задачу.

Конечно, ситуация с обеспечением прав и свобод человека и гражданина в России пока еще далека от совершенства. Они нарушаются как в процессе правоприменения, так и самим законодателем. Не так глубоко ушло в историю и время, когда закрепление в Конституции РСФСР 1938 г. развернутого перечня прав и свобод, не подкреплялось воплощение этих норм на практике, оставалось только на бумаге. Поэтому норма, установленная статьей 2, является всего лишь ориентиром для дальнейшего движения России по пути построения демократического государства, требует создания развернутой и действенной системы гарантий прав и свобод.

Защита прав и свобод человека должна осуществляться различными правовыми и организационными мерами. Поэтому закрепление в главе 1 Конституции РФ принципа защиты прав и свобод человека побуждает государство к созданию эффективной системы такой защиты: путем формирования независимой и профессиональной судебной системы, путем совершенствования статуса Уполномоченного по правам

человека, а также путем создания для человека возможностей развития в материальной и духовной сферах. Для этого необходимо развитие и совершенствование социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры. Человек должен с рождения воспитываться с осознанием свободы личности, осознанием своих прав и свобод как высшей ценности, но и с осознанием как высшей ценности прав и свобод иных лиц. Только в таком случае, признание прав не перейдет в злоупотребление правами, а интересы всех людей, общества и государства будут органично сочетаться. Думается, однако, что в нашей стране этот идеал воплотиться еще не скоро. Долгое время в обществе сознательно утверждалось мнение о приоритете прав коллектива — трудового коллектива, общества, государства над интересами личности¹.

Конституции, как правило, не содержат термина «политический режим», как не содержит его и Конституция Российской Федерации, однако, закрепление в ст.1 Конституции Российской Федерации такой характеристики России как демократическое государство, и означает фактически закрепление одноименного политического режима.

Термин «государственно-правовой режим» используется Л. А. Морозовой. Она понимает под ним «совокупность приемов, способов и методов, с помощью которых осуществляется государственная власть» [12, с. 85]. Как можно видеть это определение практически повторяет приведенное нами выше определение политического режима, за тем лишь исключением, что одно понятие говорит о политической власти. А другое о государственной. Однако, как будет показано ниже, между двумя этими типами власти есть существенная разница: государственная власть — лишь часть политической, поэтому сужение понятия режима только до методов государственной власти представляется нам неверным.

В литературе выделяется и понятие **политико-правовой режим** — это, прежде всего, режим законности и правопорядка, соблюдения прав человека, принципов демократии, народовластия [10, с. 220]. Он объединяет в себе понятия правового и политического режимов, опираясь, прежде всего, на демократический политический режим [6].

Среди демократических режимов выделяют либерально-демократический и собственно демократический режимы. Характеризуя либерально-демократический режим, ученые больший акцент делают на широком использовании принципа плюрализма во всех сферах общественной жизни, установлении рыночной экономики как экономической основы режима, а также приоритете личных интересов перед государственными. Характеристиками собственно демокра-

¹ СЗ РФ. 1998. №36. ст. 4466.

тического режима являются: признание равенства и свободы всех людей, максимальное использование в политической жизни демократических институтов, институтов непосредственной демократии, строгое разграничение полномочий между центральными и местными органами, утверждение верховенства закона, режима законности [12]. Следует признать, что такое деление является довольно условным, поскольку трудно сейчас представить себе демократическое государство, которое не опиралось бы хотя бы на один из перечисленных признаков, как либеральной демократии, так и собственно демократии. Это обусловлено определенной зависимостью между уровнем социально-экономического развития общества и политическим режимом. Чем выше этот уровень, тем демократичнее режим. В целом в мире наблюдается глобальная тенденция к установлению демократических и либеральных режимов. Авторитарные и тоталитарные режимы существуют сегодня лишь в наиболее отсталых странах, и то не во всех.

Говоря о государственном режиме, как более узком понятии, нежели политический режим, В. Е. Чиркин наряду с демократическим, авторитарным и тоталитарным режимами выделяет гражданский и военный режим. В рамках гражданского режима, он особо отмечает режим чрезвычайного положения, а в военном — режим военного положения [16, с. 192]. Эти режимы, как представляется, имеют единые признаки и при демократическом и при недемократических режимах, а режим чрезвычайного положения и военные режимы имеют временный характер и прекращаются после прекращения соответствующих обстоятельств. Гражданский же режим может быть как демократическим, так и недемократическим.

Российский парламентаризм пока далек от идеала. В нашей стране исполнительные органы превалируют над законодательными, а контрольные полномочия парламента неразвиты, однако, эта ситуация уже гораздо более близка к классическому парламентаризму, нежели организация и деятельность органов государственной власти на предыдущем, советском этапе развития российского государства. Можно определить власть как общесоциологическую категорию. В этом качестве она будет представлять собой всеобщее свойство социально организованных систем, проявляющееся в наличии реальной возможности субъекта реализовать свою волю путем целенаправленного воздействия на объект властеотношения с целью приведения его в иное, заранее запрограммированное состояние. Необходимо отметить, что в части самоорганизующихся систем субъект и объект властеотношения будут совпадать. Пример такой системы — местное сообщество жителей, выступающее в качестве инициатора в организации территори-

ального самоуправления. Важно при этом понимать, что масштаб нормотворческой деятельности и объем государственно-властных полномочий органов местного самоуправления совершенно не сопоставим с полномочиями субъектов государственной власти в этой области. Таким образом, даже исходя из того, что государственная власть есть одно из проявлений власти политической, необходимо отметить, что граница между государственной и политической властью условна и при определенных условиях она стирается.

Этот вывод имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку может быть использован для характеристики современного состояния государственности в Российской Федерации. Анализ характера социально-экономического и политического развития общества не позволяет сделать вывод о полном совпадении интересов государства и гражданского общества. Поэтому невозможно говорить и о совпадении институтов, служащих реализации целей политики названных субъектов, то есть государственной и политической властей. Однако такое положение вряд ли можно считать устойчивым. В конечном счете, выразителем воли и интересов гражданского общества в широком масштабе выступает государство, основанное на демократическом политическом режиме.

Конкретное соотношение государственной и политической власти зависит от формы политического режима в стране. В демократическом обществе, где государство служит его интересам, государственная власть выступает как частный вид политической власти. В недемократическом, где политические структуры гражданского общества находятся в положении оппозиции по отношению к государственным структурам, государственная власть отделена от политической, либо вообще подменяет собой последнюю, как это было в нашей стране в недавнем прошлом. В современной России пока еще сильны проявления авторитаризма. Это проявляется в недемократическом механизме формирования органов исполнительной власти среднего и нижнего звена, в отсутствии баланса между конституционным закреплением полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, отсутствии реального местного самоуправления, в неоправданном расширении полномочий Президента за счет сокращения полномочий парламента и т. д. Следовательно, налицо фактическое и юридическое несовпадение государственной и политической власти [4; 5].

В литературе выделяются виды представительной демократии. Критерием деления представительной демократии на виды является характер определения конституцией вопроса об источнике власти [13, с. 77].

Согласно первой концепции либо «суверен пере-

дает реально, сполна или частью и на время более или менее продолжительные атрибуты верховной власти представителям, которых он избирает себе, так что они действуют вполне свободно и не могут быть устранены по произволу; это то в новейшие времена и составляет действительное представительное правление. Либо наоборот, представители суверена являются лишь простыми уполномоченными, которым он может впредь предписывать их решения и которых он может устранить по своему желанию, как доверитель устраняет своего уполномоченного. В этом последнем случае имеется лишь наружный вид представительного правления; в действительности же это прямое правление, несколько замаскированное, так как представитель, в сущности, есть только послушное орудие или отголосок суверена» [18, с. 18]. Таким образом, А. Эсмен сделал вывод о наличии двух видов представительной демократии, в основе которых разный характер взаимоотношений депутатов с избирателями, выражаемый либо в свободном, либо в императивном мандате депутата.

Представительные органы власти выражают в своей деятельности волю народа. В науке не существует единства по вопросу о том, какие именно органы власти можно считать представительными. Одни авторы относят к таким органам Государственную Думу и Президента Российской Федерации [2, с. 229], другие — только Государственную Думу.

В. А. Четвернин полагает, что представительными органами являются и единоличные, и коллегиальные органы государственной власти и местного самоуправления. Существенным различием между ними является, впрочем, то, что в коллегиальных органах представлено не только большинство, но и меньшинство избирателей, в то время как единоличные органы (например, Президент) представляют только большинство населения [8, с. 75].

Для того чтобы определить какой орган власти может считаться представительным, следует определить критерии, по которым его можно отнести к таковым. С. А. Авакьян выделяет следующие критерии: первое — производность соответствующих лиц или органов от народа, и второе — выражение выборным представителем интересов народа [1, с. 5].

Коллегиальность представительного органа Н. А. Богданова связывает с тем, что задачей депутатов, как народных избранников всегда остается формулирование интереса представляемых, его обоснование. Депутат как государственный деятель обязан соотнести отстаиваемый интерес с интересами других социальных слоев, групп, государства в целом. Таким образом, в представительном органе происходит выявление и согласование интересов, своего рода соревнование между ними [3, с. 13]. Эти черты не свой-

ственны процессу принятия решений единоличным органом. Однако, как представляется, и единоличный орган власти должен соотносить свои решения и действия интересами представляемых. Конкуренция интересов здесь внутренняя — единоличный орган не может руководствоваться интересами только своих избирателей, он должен соотносить свои действия с интересами избирательного корпуса и государства в целом.

Законодательство России часто оперирует понятием «представительный орган», при этом не определяя его. Анализ этих норм позволяет сделать вывод, что чаще всего законодатель связывает этот термин с коллегиальным органом государственной власти или местного самоуправления¹. Однако, признаки и характеристики представительного органа не нашли своего отражения ни в Конституции России, ни в текущем законодательстве.

Список источников

1. Авакьян С. А. Проблемы народного представительства в Российской Федерации. М., 1998.
2. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2001.
3. Богданова Н. А. К вопросу о понятии и моделях народного представительства в современном государстве. М., 1998.
4. Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 14.
5. Дмитриев Ю. А., Журавлев А. Л., Комарова В. В., Мухачев И. В., Новиков Ю. А., Черемных Г. Г. Народовластие в России — очерк истории и современного состояния / Под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 1997.
6. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
7. Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997.
8. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 38 т. Т. 35.
10. Малько А. В. Государство как субъект политики // Политология для юристов : курс лекций / Под ред. проф. Н. И. Матузова и проф. А. В. Малько. М., 1999.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. В 24 т. Т. 4.
12. Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2002.

¹ См., например, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2000. №31. Ст. 3205; 2001. № 7. Ст. 608.

13. Нудненко Л.А. Теория демократии. М. : Юрист, 2001.
14. Советская демократия : очерк становления и развития / Иванов В. М., Авакьян С. А., Гусейнов Ф. А. и др. М., 1983.
15. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.
16. Чиркин В. Е. Государствоведение. М., 2000.
17. Энциклопедический юридический словарь. 2-е изд. М., 1998.
18. Эсмен А. Общее основание конституционного права / Пер. с фр. Н. О. Бёр. 2-е изд. СПб, 1909.

References

1. Avakyan S. A. Problems of people's representation in the Russian Federation. M., 1998.
2. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. Constitutional law of Russia. V. 1. M., 2001.
3. Bogdanova N. A. On the concept and models of people's representation in the modern state. M., 1998.
4. Dmitriev Yu. A. The relationship between the concepts of political and state power in the conditions of the formation of civil society // State and law. 1994. № 7.
5. Dmitriev Yu. A., Zhuravlev A. L., Komarova V. V., Mukhachev I. V., Novikov Yu. A., Cheremnykh G. G. Democracy in Russia — an essay on history and the modern state / Ed. Yu. A. Dmitrieva. M., 1997.
6. Canetti E. Mass and Power. M., 1997.
7. Covler A. I. Crisis of Democracy? Democracy at the turn of the 21st century. M., 1997.
8. Constitution of the Russian Federation: Problematic comment / rest. ed. V. A. Chetvernin. M., 1997.
9. Lenin V. I. Poln. sobr. Op. In 38 vols. V. 35.
10. Malko A. V. State as a subject of politics // Political science for lawyers : Course of lectures / Ed. Prof. N. I. Matuzova and prof. A. V. Malko. M., 1999.
11. Marx K, Engels F. Complete works. In 24 vols. V. 4.
12. Morozova L. A. Theory of state and law. M., 2002.
13. Nudnenko L. A. Theory of Democracy. M. : Yurist, 2001.
14. Soviet democracy : Essay on formation and development / Ivanov V. M., Avakyan S. A., Huseynov F. A., etc. M., 1983.
15. Hesse K. Fundamentals of the constitutional law of Germany. M., 1981.
16. Chirkin V. E. State studies. M., 2000.
17. Encyclopedic Law Dictionary. 2nd ed. M., 1998.
18. Esman A. General Foundation of Constitutional Law / Per. with Fr. N. O. Behr. 2nd ed. St. Petersburg, 1909.

Информация об авторе

А. А. Мецгер — доцент кафедры частного права Института государственного управления и права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Metsger — Associate Professor of the Department of Private Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-129-133>

EDN: <https://elibrary.ru/rjjbrq>

ИПОН: 2003-0059-3/24-059

MOSURED: 77/27-003-2024-03-258

Пропаганда правовых знаний как обязанность полиции

Михаил Борисович Молотков

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, molotkovmihail@mail.ru

Аннотация. Анализируются обязанности полиции по осуществлению пропаганды правовых знаний; правовые основания, формы и методы пропаганды правовых знаний, реализуемых полицией. В исследовании применен метод анализа и синтеза, формально логический, контент-анализа, общенаучный диалектический метод. Выделено значение СМИ в качестве общественного института, оказывающего влияние на формирование правового сознания. Результаты работы предназначены для использования в оперативно-служебной деятельности, проведении дальнейших научных изысканий. Исследование, нормативного и эмпирического материала позволило выявить потребность в совершенствовании научно-методического и организационного обеспечения участия подразделений МВД России в пропаганде правовых знаний.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правовое сознание, пресс-служба МВД России, пропаганда правовых знаний, средства массовой информации

Для цитирования: Молотков М. Б. Пропаганда правовых знаний как обязанность полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 129–133. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-129-133>. EDN: RJJBRQ.

Original article

Promotion of legal knowledge as a police responsibility

Mikhail B. Molotkov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, molotkovmihail@mail.ru

Abstract. The duties of the police to carry out the propaganda of legal knowledge are analyzed; the legal grounds, forms and methods of propaganda of legal knowledge implemented by the police. The research uses the method of analysis and synthesis, formal logical, content analysis, general scientific dialectical method. The importance of the media as a public institution influencing the formation of legal consciousness is highlighted. The results of the work are intended for use in operational and official activities, conducting further scientific research. The study of normative and empirical material revealed the need to improve the scientific, methodological and organizational support for the participation of departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the promotion of legal knowledge.

Keywords: internal affairs bodies, police of the Russian Federation, legal consciousness, press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, propaganda of legal knowledge, mass media

For citation: Molotkov M. B. Promotion of legal knowledge as a police responsibility. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):129–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-129-133>. EDN: RJJBRQ.

Обязанность полиции участвовать в пропаганде правовых знаний закреплена в действующем законодательстве (п. 4, ч. 1. ст. 12 ФЗ «О полиции») [20]. Определение термина «пропаганда правовых знаний» не приводится в нормативных правовых актах. Сложно найти конкретную формулировку и в юридической науке.

В составе термина «пропаганда правовых знаний» обоснованно выделить два ключевых и относительно самостоятельных смысловых элемента — «пропаганда» и «правовые знания». Обращение к истории зарождения и развития пропаганды позволяет сделать вывод, о том, что пропаганда представляет

собой сложное, многоаспектное социальное явление [10]. Обстоятельный анализ эволюции «пропаганды», трактовки и интерпретации понятия в исторической ретроспективе, политологии, социологии и философии представлен Е. Н. Тогузаевой [14]. Исследователь приходит к выводу о значимости интегративного подхода к изучению понятия «пропаганда», выступающего основой и открывающего перспективу для выявления юридических критериев пропаганды [14, с. 31–32]. Отмечая негативные аспекты в понимании и восприятии пропаганды учеными, Е. Н. Тогузаева пишет о тенденции смещения акцентов на положительный эффект пропаганды, связывая это с увеличением значения убеждающих методов и снижением значения манипулятивных, внушающих технологий [14, с. 30].

Придание отдельным направлениям пропаганды юридической формы и качества, обусловлено социально-экономическим, политическим, нравственно-этическим, культурным развитием. Логика развития института пропаганды в юридических формах, закономерно привела к идее о возможности и даже необходимости «...унификации терминологического аппарата, и, прежде всего, формулировании универсального понятия пропаганды, поскольку, в настоящее время это определение в российском законодательстве отсутствует...» [13, с. 32]. Накопленный эмпирический материал, сложившиеся исторические традиции исследования понятия «пропаганда», позволяют говорить о практической реализации задачи в ближайшей перспективе.

Предметом изучения стало и понятие «правовые знания». Как считает Н. И. Уздимаева, правовые знания следует понимать как правовую осведомленность о государстве, праве, конституции, законах, правомерном поведении, законности, правонарушениях [15, с. 348]. В структуре правовых знаний исследователь выделяет теоретический (мировоззренческие представления о праве, правовой реальности) и эмпирический (правовые умения) уровни. Содержание правовых знаний составляет Конституция государства, акты отраслевого законодательства, практика их применения. [15, с. 351].

Параллельно с термином «пропаганда правовых знаний» в отечественной юриспруденции употребляется и термин «правовая пропаганда». Это характерно как для советского периода, так и новейшей истории России [2; 21]. Правоведы, разработчики нормативных актов, не проводят различия между ними, употребляя в качестве синонимов. Выбор термина, в большей мере, обуславливался и по-прежнему зависит от субъективных предпочтений конкретного юриста. В тоже время, прослеживается тенденция, более активного применения термина «пропаганда правовых знаний» в документах правоохранительных органов, начиная с первого десятилетия XXI века.

Представления о пропаганде и правовых знаниях,

позволяют предложить определение термина «пропаганда правовых знаний». Под пропагандой правовых знаний следует понимать систематическую служебную деятельность по разъяснению требований нормативных правовых актов с целью формирования правомерного поведения.

Выступая элементом административной деятельности полиции, институт пропаганды правовых знаний, выходит за рамки как собственно административной деятельности полиции, так и административного законодательства. Предметом пропаганды правовых знаний выступают как уже существующие правоотношения, так и правоотношения, вероятность возникновения которых обусловлена поступками субъектов. Вопросы пропаганды правовых знаний находятся в компетенции служб, осуществляющих правоприменительную деятельность. В этом контексте, эффективное решение задачи по пропаганде правовых знаний настоятельно требует научно-методического и организационно-штатного обеспечения.

Участковые уполномоченные полиции, инспектора по делам несовершеннолетних и Госавтоинспекции, систематически организуют акции по пропаганде правовых знаний. Сотрудники подразделений по оперативной работе, как правило, ориентируются на проблематику актуальную в текущий момент. Разнообразные формы пропаганды безопасности дорожного движения внедрены в деятельность Госавтоинспекции [1]. Критерии выбора форм и методов правовой пропаганды применительно к конкретной ситуации, социальным и возрастным особенностям аудитории рассматривает Е. А. Титова [12, с. 15–17]. Значимым фактором успешного решения задач по пропаганде правовых знаний выступает организация взаимодействия подразделений МВД России, под которым Е. Е. Новичкова и Б. М. Бойко понимают «...осуществление...совместных согласованных по месту и времени действий, направленных на выполнение поставленных перед ними задач, а также достижение общих правоохранительных целей» [9, с. 32].

Проведение бесед с целью разъяснения норм права в образовательных организациях, трудовых коллективах, выступая классической формой пропаганды правовых знаний, имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, личный контакт с аудиторией повышает суггестивный потенциал, с другой — незначительный охват аудитории при существенных затратах служебного времени на организацию и проведение встреч.

Существующий недостаток рассматриваемой формы нивелируется посредством привлечения средств массовой информации (далее — СМИ). Следует согласиться с В. В. Зудаевой, утверждающей, что «...СМИ оказывают влияние на сознание населения...» [4, с. 125].

Законодатель закрепил сравнительно небольшой

перечень сообщений, обязательных для размещения СМИ [3]. Нормативные правовые акты предоставляют полиции право привлекать СМИ к пропаганде правовых знаний на возмездной основе, посредством заключения контракта на оказание услуг по размещению публикаций. Анализ правовой тематики, интенсивность оборота информации, позволяют сделать вывод, что реализовать цели пропаганды правовых знаний опираясь на бюджетные ассигнования, задача крайне затруднительная, если возможная. В этом контексте, привлечение СМИ на безвозмездной основе является главной задачей и ведущей формой сотрудничества со СМИ.

СМИ выступают источником опубликования нормативных правовых актов. Именно опубликование, пожалуй, можно считать первым, и необходимым этапом по пропаганде правовых знаний. Обязательному опубликованию подлежат законы и иные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (пункт 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации Конституции Российской Федерации).

Основные источники размещения (опубликования) определены в нескольких нормативных правовых актах [16; 17; 18; 19]. Законодатель не накладывает запреты и ограничения на опубликование нормативных правовых актов в печатных изданиях, а также на доведение до всеобщего сведения по телевидению и радио. Публичное размещение предоставляет возможность неограниченному кругу лиц изучить содержание документа, получить правовую информацию. Публикация юридических актов выступает частью общего процесса информирования органами государственной власти о своей деятельности. Вопросы информирования полицией и право граждан на получение информации ранее нами были подробно рассмотрены [6].

Толкование положений нормативных правовых актов, разъяснение алгоритма действий в конкретных правовых ситуациях, ответственности за нарушение норм права, — следующий этап в процессе правовой пропаганды.

На этом этапе востребованы навыки и специальные знания организации взаимодействия со СМИ с целью доведения правовой информации, которыми должны владеть сотрудники пресс-службы.

Приказ МВД России от 19 июня 2018 года № 385 «О совершенствовании взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации» регулирует различные аспекты сотрудничества со СМИ [11]. В соответствии с документом, подготовка и дальнейшее размещение материалов по пропаганде правовых знаний в СМИ осуществляется после согласования с пресс-службой. Информирование относительно изменений законодательства, регулирующего сферу деятельности органов внутренних дел, — одна из задач, предусмотренных нормативным правовым актом.

Брифинг, пресс-конференция и репортаж, наиболее эффективные формы привлечения СМИ к пропаганде правовых знаний. Размещение на официальном интернет-сайте пресс-релизов о предстоящих пресс-конференциях, брифингах, «прямых линиях», «круглых столах» и пост-релизов, отражающих результаты их проведения, информации о профилактических акциях, являются важным источником для редакций.

В теоретико-практическом плане, формы привлечения СМИ к пропаганде правовых знаний, восходят к формам взаимодействия со СМИ, которые стали предметом изучения ведомственной наукой [8]. Предметно организационно-правовые основы, формы и методы взаимодействия со СМИ, и ряд других проблем рассмотрены М. Б. Молотковым и Т. В. Удиловым [7].

Результат информационно-пропагандистских мероприятий во многом обусловлен существующим базовым уровнем доверия населения к полиции.

Как считает В. И. Майоров, «...эффективность деятельности полиции невозможна без одобрения со стороны общества и поддержки населения» [5, с. 247]. Привлечение СМИ к пропаганде правовых знаний и формирование имиджа полиции выступают в качестве ключевых компонентов информационной политики МВД России.

Наличие умений и навыков организации мероприятий, направленных на пропаганду правовых знаний, должно стать одним из основных требований к профессиональным качествам сотрудников, замещающим должности среднего и старшего начальствующего состава. Потребность научно-методического и организационного обеспечения участия сотрудников полиции в пропаганде правовых знаний, следует признать актуальной задачей в процессе постоянного совершенствования оперативно-служебной деятельности ОВД.

Список источников

1. Баранов А. А., Соломатина Е. Е. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения как одно из направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 26–30.
2. Еремеев С. Г. Совместная деятельность полиции и образовательных организаций в пропаганде правовых знаний // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2(47). С. 46–51.
3. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Зудаева В. В. О способах формирования положительного образа полицейского средствами массовой информации // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД Рос-

- сии. 2022. № 1 (15). С. 124–128.
5. Майоров В. И. Формирование позитивного общественного мнения о деятельности полиции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 246–254.
 6. Молотков М. Б. Нормативное правовое регулирование информационного сопровождения деятельности МВД России в контексте обеспечения права граждан на информацию // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 40. 2021. № 4. С. 43–51.
 7. Молотков М. Б., Удилов Т. В. Обучение взаимодействию с подразделениями информации и общественных связей (ОИиОС) и СМИ слушателей, проходящих профессиональную подготовку : учебно-методическое пособие / М. Б. Молотков, Т. В. Удилов. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. 48 с.
 8. Намруева Э. В. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации : учебное пособие / Э. В. Намруева, О. И. Ильянова. Москва : Академия управления МВД России, 2021. 97 с.
 9. Новичкова Е. Е., Бойко Б. М. Организация взаимодействия подразделений системы МВД России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (19). С. 30–38.
 10. Овчинникова О. Д. К вопросу о пропаганде в XX – начале XXI века в России (историко-правовой анализ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 25–30.
 11. Приказ МВД России от 19 июня 2018 года № 385 «О совершенствовании взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
 12. Титова Е. А. Формы и методы правовой пропаганды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019 № 2 (89). С. 9–18.
 13. Тогузаева Е. Н. Межотраслевой характер института пропаганды в российском праве // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 40. № 4. С. 31–35.
 14. Тогузаева Е. Н. Пропаганда как общенаучная категория // Право: история и современность. Т. 6. № 1. 2022. С. 24–34.
 15. Уздимаева Н. И. Правовые знания как средство юридической самопомощи: понятие, содержание, значение // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 347–353.
 16. Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 1994 г. № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных законов» // СПС «КонсультантПлюс».
 17. Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
 18. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
 19. Федеральный закон Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // СПС «КонсультантПлюс».
 20. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
 21. Фролов В. В. Правовая пропаганда как направление деятельности органов прокуратуры СССР в годы перестройки (на примере Псковской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 92–96.

References

1. Baranov A. A., Solomatin E. E. Propaganda of road safety in the activities of the State Traffic Safety Inspectorate of the Road Safety as one of the directions of the national policy of the Russian Federation for road safety // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. P. 26–30.
2. Yermeyev S. G. Joint activities of the police and educational organizations in the promotion of legal knowledge // Applied Legal Psychology. 2019. № 2 (47). P. 46–51.
3. The Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 № 2124-1 «On the media» // ConsultantPlus.
4. Zudaeva V. V. On ways to form a positive image of a police media // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (15). P. 124–128.
5. Mayorov V. I. Formation of a positive public opinion on the activities of the police // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3 (98). P. 246–254.
6. Molotkov M. B. The normative legal regulation of information support of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context

- of ensuring the right of citizens to information // Legal Bulletin of Dagestan State University. T. 40. 2021. № 4. P. 43–51.
7. Molotkov M. B., Udulov T. V. Learning to interact with divisions of information and public relations (OII) and the media of students undergoing vocational training : educational and methodological manual / M. B. Molotkov, T. V. Udlov. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 48 p.
 8. Namrueva E. V. Technologies of interaction between internal affairs bodies and the media: a textbook / E. V. Namrueva, O. I. Ilyanova. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 97 p.
 9. Novichkova E. E., Boyko B. M. Organization of interaction of the units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (19). P. 30–38.
 10. Ovchinnikova O. D. To the question of propaganda in the twentieth — beginning of the 21st century in Russia (historical and legal analysis) // Altai Legal Bulletin. 2017. № 4 (20). P. 25–30.
 11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 19, 2018 № 385 «On improving the interaction of units of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the media» // ConsultantPlus.
 12. Titova E. A. Forms and methods of legal propaganda // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (89). P. 9–18.
 13. Toguzaeva E. N. The intersectoral nature of the Institute of Propaganda in Russian Law // Legal Bulletin of DSU. 2021. T. 40. № 4. P. 31–35.
 14. Toguzaeva E. N. Propaganda as a general scientific category // Law: History and modernity. T. 6. № 1. 2022. P. 24–34.
 15. Uzdimaeva N. I. Legal knowledge as a means of legal self-help: concept, content, meaning // gaps in Russian legislation. 2020. 13. № 5. P. 347–353.
 16. Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 1994 № 662 «On the procedure for publishing and coming into force of federal laws» // ConsultantPlus.
 17. Decree of the President of the Russian Federation of May 23, 1996 № 763 «On the procedure for publishing and entry into force of acts of the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and regulatory legal acts of federal executive bodies» // ConsultantPlus.
 18. Decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2014 № 198 «On the procedure for publishing laws and other legal acts of the constituent entities of the Russian Federation on the «Official Internet portal of legal information» // ConsultantPlus.
 19. Federal Law of the Russian Federation of June 14, 1994 № 5-FZ «On the Procedure for Publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly» // ConsultantPlus.
 20. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 № 3-FZ «On the Police» // ConsultantPlus.
 21. Frolov V. V. Legal propaganda as a direction of the activities of the prosecutor's office of the USSR during the years of perestroika (on the example of the Pskov region) // Bulletin of Tomsk State University. Story. 2022. № 79. P. 92–96.

Информация об авторе

М. Б. Молотков — доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат философских наук.

Information about the author

M. B. Molotkov — Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of internal affair bodies of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 01.02.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-134-138>

EDN: <https://elibrary.ru/rlurdi>

НИОН: 2003-0059-3/24-060

MOSURED: 77/27-003-2024-03-259

К вопросу о привлечении к административной ответственности юридических лиц, допускающих нарушения в сфере безопасности дорожного движения

Ансар Мясумович Низаметдинов¹, Ирина Викторовна Потапенкова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ansar_reno@mail.ru

² irina_abuzova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности привлечения к административной ответственности юридических лиц, допускающих нарушения в сфере безопасности дорожного движения при ведении хозяйственной деятельности, связанной с эксплуатацией транспортных средств, а также совершенствование правовых норм в рамках федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: юридические лица, физические лица, административная ответственность, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Низаметдинов А. М., Потапенкова И. В. К вопросу о привлечении к административной ответственности юридических лиц, допускающих нарушения в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 134–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-134-138>. EDN: RLURDI.

Original article

On the issue of bringing to administrative responsibility legal entities that commit violations in the field of road safety

Ansar M. Nizametdinov¹, Irina V. Potapenkova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ansar_reno@mail.ru

² irina_abuzova@mail.ru

Abstract. The features of bringing to administrative responsibility legal entities that commit violations in the field of road safety in the conduct of economic activities related to the operation of vehicles, as well as the improvement of legal norms within the framework of federal state control (supervision) in the field of road safety are considered.

Keywords: legal entities, individuals, administrative responsibility, road safety

For citation: Nizametdinov A. M., Potapenkova I. V. On the issue of bringing to administrative responsibility legal entities that commit violations in the field of road safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):134–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-134-138>. EDN: RLURDI.

Понятие административного правонарушения раскрывается в ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ): это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Россий-

ской Федерации установлена административная ответственность.

В данном понятии содержатся признаки административного правонарушения:

- противоправность (т. е. совершением данного деяния (действия или бездействия) нарушены

нормы права; деяние не может быть признано административным правонарушением и за его совершение не может наступить административная ответственность, если при этом не были нарушены нормы права);

- виновность (т. е. наличие вины; отсутствие вины не позволяет считать деяние (даже противоправное) административным правонарушением; вина может быть в двух формах: умысла и неосторожности);
- наказуемость (т. е. за совершение данного деяния предусмотрена административная ответственность).

Согласно статье 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 5 статьи 2.1 КоАП РФ.

Юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, привлечен к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 статьи 2.1 КоАП РФ.

На законодательном уровне, в научных кругах, в средствах массовой информации неоднократно обсуждались проблемы, связанные с пробелом законодательства, регулирующего контрольно-надзорную деятельность за хозяйствующими субъектами, осуществляющими перевозки с использованием транспортных средств.

Заинтересованными в решении данного вопроса сторонами являются не только федеральные государственные органы, но и органы местного самоуправления, представители бизнеса. Для каждой из сторон взгляд на проблемы и их решения различен в зависимости от сферы интересов и желаемого результата. Отсутствие консенсуса свидетельствует о сложности

проблемы и о том, что на сегодняшний день предлагаемые механизмы не отвечают запросам всех сторон.

МВД России в указанной полемике представляет интересы правоохранительных органов, поскольку является государственным органом, участвующим в организации безопасности дорожного движения и наделенным контрольно-надзорными полномочиями в этой сфере.

Основными целями правоохранительных органов при рассмотрении обозначенной нами проблемы являются:

- создание правового механизма, при котором недобросовестные владельцы грузовых автомобилей будут в полной мере нести ответственность за состояние автомобиля и водителя, выпускаемого в рейс, не перекладывая ответственность только на водителей;
- профилактика совершения дорожно-транспортных происшествий на дорогах с участием водителей большегрузных автомобилей, происходящих по причине нарушения нормативных предписаний.

Исходя из целей и задач органов внутренних дел, суть проблемы заключается в следующем:

Водители большегрузных автомобилей не соблюдают режим рабочего времени, превышая допустимую продолжительность рабочего времени или сокращая время отдыха, в связи с чем выходят в рейс уставшими и тем самым повышая аварийность на дорогах.

Водители не проходят предрейсовые медицинские осмотры, экономя денежные средства.

Не проводится предрейсовый технический осмотр транспортных средств перед выездом в рейс.

Не проводится техническое обслуживание транспортного средства.

Административная ответственность за указанные нарушения дифференцирована в зависимости от того кто является правонарушителем — физическое или юридическое лицо.

В случае выявления уполномоченными должностными лицами названных фактов происходит уход реальных нарушителей от ответственности путем заключения юридическими лицами договоров аренды транспортных средств с водителями, вследствие чего снижается сумма административного штрафа, поскольку начисляется на физическое, а не юридическое лицо. При этом договор аренды заключается прошедшей календарной датой.

Договор аренды транспортного средства подтверждает, что транспортное средство выбыло из временного владения и пользования арендодателя и перешло арендатору, тем самым он не имеет возможности принять все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

Вина (как умышленная, так и неосторожная) отнесена законом к необходимым условиям для наступления административной ответственности.

Частью 1 ст. 1.5 КоАП РФ предусмотрено, что лицо подлежит административной ответственности только

за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Отсутствие вины исключает привлечение к административной ответственности [1].

Административная ответственность за совершение некоторых правонарушений в области безопасности дорожного движения Российской Федерации дифференцирована относительно субъекта правонарушения — физического лица (например, водителя транспортного средства (далее — ТС)), должностного лица (например, ответственного за выпуск ТС «на линию»), юридического лица или индивидуального предпринимателя (например, собственника ТС).

Так, административная ответственность за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 11.23 КоАП РФ предусматривает административное наказание для водителя ТС (ч. 1, ч. 3), а также должностного лица, индивидуального предпринимателя и юридического лица (ч. 2 и ч. 3).

При этом ответственность физического лица в виде административного штрафакратно меньше ответственности, например, должностного лица. Стоит отметить, что деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 11.23 КоАП РФ, как правило, совершаются в рамках одних возникших однородных общественных отношений и сопряжены между собой как «причина» и «следствие» («выпуск на линию ТС без тахографа» и «управление ТС без тахографа»).

Нормативное правовое регулирование деятельности по перевозке грузов автомобильными транспортными средствами состоит из гражданско-правовой и административной сферы правовых отношений.

Регулирование гражданско-правовых отношений не относится к компетенции органов внутренних дел, в связи с чем, ограничить или императивно установить обязанности сторон договора может быть рассмотрено как вмешательство в хозяйственную деятельность субъектов и ограничение свободы заключения договоров.

Исходя из основных законодательных требований к содержанию договора аренды транспортного средства, можно выделить положения, осложняющие контрольно-надзорную деятельность за перевозчиками, однако на которые органы внутренних дел повлиять не могут:

- прописывать в договоре аренды цену аренды на усмотрение сторон (например, нельзя заставить указывать фиксированную цену или цену не ниже рыночной) или порядка ее уплаты (например, стороны могут договориться и об оплате по факту использования автомобиля и при заключении договора);
- дата и срок заключения договора, возможность его пролонгации на неопределенный срок;
- возможность сдавать арендованное транспортное средство в субаренду (если договором аренды транспортного средства без экипажа не предусмотрено иное);

- возможность «двойной аренды» транспортного средства [2]¹.

Совокупность указанных положений определяет свободу заключения договора, как одного из основополагающих принципов функционирования сферы экономики и частного бизнеса. Законодательное изменение или ограничение данных условий меняет всю суть договора аренды и затрагивает границы свободного волеизъявления сторон. По этой причине на наш взгляд для реализации государственного контроля является обоснованным частичное возвращение института лицензирования грузоперевозок. Перспектива прекращения у водителя действия разрешения на осуществление перевозок будет являться дополнительным стимулом не заключать договоры аренды с недобросовестными арендодателями.

Следует признать, что с отменой в 2005 году лицензирования грузовых перевозок эта сфера деятельности фактически выпала из системы государственного регулирования. Если для получения допуска к осуществлению международных автомобильных перевозок, в том числе и грузовых, в соответствии с Положением о допуске российских перевозчиков к осуществлению международных автомобильных перевозок, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации [2], юридическое лицо или индивидуальный предприниматель должен иметь устойчивое финансовое положение, владеть транспортными средствами, соответствующими международным техническим стандартам, отвечать квалификационным требованиям по организации перевозок автомобильным транспортом в международном сообщении и т. д., то осуществление грузовых перевозок внутри страны предельно упрощено. Расчет на то, что вопросы государственного регулирования грузовых и пассажирских перевозок автомобильным транспортом могут быть решены помимо лицензирования другими методами, такими как сертификация, государственный технический осмотр, страхование, явно не оправдывается. Вот почему сложившаяся ситуация

¹ Возможность заключения нескольких договоров аренды на один и тот же автомобиль является дискуссионным. Прямых запретов в законодательстве не имеется, поэтому рассматривать данный вопрос можно по аналогии.

Как следует из судебной практики, заключать несколько договоров аренды в отношении одного и того же имущества допустимо, в частности, в таких случаях (п. 25 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73): 1) обременение устанавливается на весь объект недвижимости в целом, однако исполнение обязательств по одному из договоров аренды не будет препятствовать исполнению обязательств по другому договору (например, если арендаторы используют разные части недвижимой вещи); 2) арендаторы попеременно пользуются вещью в различные периоды.

Кроме того, наличие нескольких сделок аренды в отношении одного и того же имущества в целом не влечет их недействительность. Такие договоры порождают лишь различные обязательства перед контрагентами. Так, если арендодатель заключил несколько договоров с разными арендаторами в отношении одного имущества в целом, то арендатор, которому не было передано имущество, вправе требовать от арендодателя возместить причиненные убытки и выплатить установленную договором неустойку на основании ст. 398 ГК РФ.

свидетельствует о необходимости принятия государством эффективных мер по регулированию рынка автотранспортных услуг¹.

Предположительно возврат к лицензионной системе перевозки грузов в том виде, в котором она существовала до 2005 года для большегрузных автомобилей, не представляется возможным, поскольку в настоящее время законодатель идет по пути поддержания развития бизнеса и послабления требований к перевозчикам (например, отменено лицензирование перевозок пассажиров и грузов воздушным транспортом [3]).

В настоящее время система лицензирования имеет место только для перевозки пассажиров.

Пункт 24 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», ст. 3.2 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 1616 «О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами» предусматривают, что лицензированию подлежит деятельность по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами.

Согласно п. 4 Положения о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами, утвержденного указанным Постановлением, лицензируемая деятельность включает в себя перевозки пассажиров автобусами лицензиата на основании договора перевозки пассажиров или договора фрахтования транспортного средства и (или) перевозки автобусами иных лиц лицензиата для его собственных нужд.

Для движения по автомобильным дорогам транспортного средства, осуществляющего перевозки опасных грузов, лицензия не требуется.

Вместо лицензии на перевозку опасных грузов автомобильным транспортом действует специальное разрешение на перевозку опасных грузов в соответствии с п. 13 ст. 11 и ч. 9 ст. 31 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

С точки зрения правоохранительной деятельности отказаться полностью от разрешительной системы в сфере автоперевозок не представляется возможным, поскольку это приведет к потере государством контроля за безопасностью дорожного движения и создаст угрозы транспортной безопасности.

Основным критерием введения контрольно-надзорных механизмов является то, что должны учитываться интересы хозяйствующих субъектов и не возлагаться на них дополнительная бюрократическая нагрузка. В этой связи следует водителей вывести из нелегальной сферы деятельности, сделав более выгодным и менее затратным соблюдение законодательства в сравнении с санкциями в случае нарушения зако-

на. Необходимо разрешительную систему сочетать с уведомительным порядком. В частности, необходимо создание банка данных о выходе водителей в рейсы. Например, можно через Единый портал государственных и муниципальных услуг предоставлять соответствующую услугу по заполнению формы предрейсовой информации. Это со временем заменит бумажный путевой лист и будет более удобным для сбора и проверки информации. Система должна коррелировать с результатами дистанционного медицинского предрейсового осмотра водителей. А в перспективе — с онлайн тахографами — устройствами, контролирующими соблюдение режима труда и отдыха и передающими данные в единую автоматизированную систему в реальном времени, а кроме того, фиксирующими скорость грузовика [5]².

Одним из обсуждаемых в настоящее время предложений является создание реестра коммерческих автомобильных грузоперевозчиков. Создание такого реестра положено в основу уже подготовленного по инициативе Комитета Государственной Думы по транспорту и строительству законопроекта, направленного на введение контроля за грузоперевозками. При этом к реестру изначально могут быть допущены только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Физическим лицам вход в реестр, а следовательно, и допуск к коммерческой перевозке грузов, не доступен. Идею ограничения доступа на рынок поддерживают и некоторые предприниматели, видя в ней возможность убрать фирмы-однодневки и вывести бизнес «из тени», сделав его более открытым, прозрачным и инвестиционно привлекательным. Вместе с тем значительная часть перевозчиков сейчас — это физические лица. И указанные меры государственного регулирования коснутся именно них. Кроме того, платное включение в реестр затронет их финансово, что повлечет за собой попытки избежать данные расходы, осуществляя перевозки без реестра. Для целей органов внутренних дел более обосновано составить реестр водителей большегрузных автомобилей на принципе безвозмездности. Это может быть осуществлено автоматически в рамках предоставления услуги по заполнению путевого листа на Едином портале государственных услуг. Там же должно быть предусмотрено предоставление информации об основаниях использования автомобиля (например, на основании договора аренды).

Список источников

1. Определение Верховного Суда РФ от 2 ноя-

¹ <https://transportrussia.ru/item/742-kak-regulirovat-rynok.html>.

² Онлайн-тахографы будут работать в онлайн режиме и автоматически передавать данные на телематический сервер. Записанная тахографом информация о превышении скорости, о несоблюдении времени управления транспортным средством и отдыха водителя (РТО) и т. д. будет отправляться в режиме реального времени в АИС «Тахографический контроль» с помощью SIM-карты. В будущем это позволит автоматически оформлять штрафы на основе переданной тахографом информации о зафиксированных нарушениях. Такое возможно, так как все данные подтверждаются электронной подписью с карты водителя, используемой блоком СКЗИ тахографа (средство криптографической защиты информации).

бря 2020 г. № 307-ЭС20-17625 по делу № А56-116668/2019.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 845 «Об утверждении Правил допуска российских перевозчиков к осуществлению международных автомобильных перевозок, признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1588 и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 18 февраля 2020 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений статьи 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минтранса России от 1 июня 2022 г. № 343 «О внесении изменений в приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 28 октября 2020 г. № 440 «Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства» устанавливает технические требования к тахографам с функцией передачи данных. Приказ вступает в силу

с 1 марта 2023 года и действует до 1 сентября 2026 года // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.11.2020 No. 307-ES20-17625 in Case № А56-116668/2019.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation dated June 1, 2021 № 845 «On Approval of the Rules for the Admission of Russian Carriers to International Road Transport, Invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated October 1, 2020 №. 1588 and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation» // ConsultantPlus.
3. Federal Law № 21-FZ of February 18, 2020 «On Amendments to the Air Code of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Article 12 of the Federal Law «On Licensing of Certain Types of Activities» // ConsultantPlus.
4. Federal Law № 257-FZ of November 8, 2007 «On Highways and Road Activities in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus.
5. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 343 dated June 1, 2022 «On Amendments to the Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 440 dated October 28, 2020 «On Approval of Requirements for Tachographs Installed on Vehicles, Categories and Types of Vehicles Equipped with Tachographs, rules for the Use, Maintenance and Control of Tachographs Installed on vehicles» sets technical requirements for tachographs with data transmission function. The order comes into force on March 1, 2023 and is valid until September 1, 2026 // ConsultantPlus.

Информация об авторах

А. М. Низаметдинов — кандидат юридических наук, доцент;

И. В. Потапенкова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Nizametdinov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. V. Potapenkova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-139-147>

EDN: <https://elibrary.ru/rptmuu>

ИПОН: 2003-0059-3/24-061

MOSURED: 77/27-003-2024-03-260

Защита прав и интересов заказчика в государственных контрактах для государственных нужд

Светлана Викторовна Новикова

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия

Аннотация. Рассматриваются современные механизмы защиты прав и интересов заказчика в рамках государственных контрактов для государственных нужд в России. Подчеркивается, что перегруженность судебной системы, особенно в спорах по контрактам, подтолкнула к внедрению альтернативных способов разрешения споров, таких как медиация. В статье анализируется роль медиации в сфере закона № 44-ФЗ, и выявляются ограничения этого инструмента на этапе исполнения контракта. Особое внимание уделяется механизмам самозащиты заказчика, включая Реестр недобросовестных поставщиков (РНП). Автор предлагает ужесточение последствий для участников, признанных недобросовестными; предлагает рекомендации по совершенствованию существующих инструментов, включая изменения в ст. 95 Закона № 44-ФЗ; рассуждает о потребности присвоения медиативному соглашению статуса юридического факта, и предлагается использование нотариального удостоверения как оптимального способа разрешения конфликтов. Выносятся предложения по улучшению механизмов самозащиты, направленные на повышение эффективности защиты прав и интересов заказчика в сфере государственных контрактов.

Ключевые слова: государственные контракты, механизмы защиты, медиация, реестр недобросовестных поставщиков (РНП), усовершенствование законодательства

Для цитирования: Новикова С. В. Защита прав и интересов заказчика в государственных контрактах для государственных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 139–147. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-139-147>. EDN: RPTMUU.

Original article

Protection of the rights and interests of the customer in government contracts for government needs

Svetlana V. Novikova

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Abstract. Modern mechanisms for protecting the rights and interests of the customer within the framework of government contracts for public needs in Russia are considered. It is emphasized that the overload of the judicial system, especially in contract disputes, has prompted the introduction of alternative dispute resolution methods such as mediation. The article analyzes the role of mediation in the field of Law № 44-FZ, and identifies the limitations of this tool at the stage of contract execution. Special attention is paid to the customer's self-defense mechanisms, including the Register of Unscrupulous Suppliers (RNP). The author suggests tougher consequences for participants recognized as unscrupulous; offers recommendations for improving existing tools, including amendments to Article 95 of Law № 44-FZ; discusses the need to assign the status of a legal fact to a mediation agreement, and suggests the use of notarization as the optimal way to resolve conflicts. Proposals are being made to improve self-defense mechanisms aimed at improving the effectiveness of protecting the rights and interests of the customer in the field of government contracts.

Keywords: government contracts, protection mechanisms, mediation, register of unscrupulous suppliers (RNP), improvement of legislation

For citation: Novikova S. V. Protection of the rights and interests of the customer in government contracts for government needs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):139–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-139-147>. EDN: RPTMUU.

© Новикова С. В., 2024

Введение. Обеспечение государственных (муниципальных) нужд через закупки товаров, выполнение работ и оказание услуг становится ключевой гарантией и единственным средством осуществления возложенных на государственные и муниципальные органы обязанностей. Значение института государственного и муниципального контракта (далее по тексту — контракт) вырастает в свете сложившихся экономических и политических нестабильностей.

Увеличенный интерес к государственным (муниципальным) закупкам, а также необходимость противостояния ограничительным мерам со стороны недружественных иностранных государств подчеркивают актуальность совершенствования правового регулирования рассматриваемого института и устранения существующих правовых пробелов и коллизий.

Согласно квартальному отчету по мониторингу закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд за третий квартал 2022 года, отмечается увеличение, как числа участников закупок, так и проведенных открытых конкурсов в электронном формате [11].

Существует острая необходимость в устранении правовых коллизий между положениями ГК РФ и нормами Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее — Закон № 44-ФЗ) в части, касающейся особенностей заключения, исполнения и расторжения государственного (муниципального) заказа.

Несмотря на обширность работ, посвященных анализу сущности, субъектной стороны и правовых отношений, связанных с заключением контрактов на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд, проблемы защиты прав и интересов заказчика в государственных контрактах остаются недостаточно исследованными.

Основная часть. Природа контракта — сложное и уникальное юридическое явление, отличающееся своей спецификой.

Несмотря на наличие правовых норм, регулирующих институт государственного (муниципального) контракта в существующем гражданском законодательстве и обширные исследования в рамках цивилистики, остаются неразрешенными вопросы, касающиеся юридической сущности этого института.

Эта проблема обусловлена двойственностью правового регулирования и возможными юридическими коллизиями между положениями ГК РФ и Законом № 44-ФЗ и отсутствием единого и целостного определения государственного (муниципального) контракта, объединяющего все его характеристики.

Как отмечают в своих исследованиях В. А. Очковский, Е. Ю. и А. С. Усенко [1, с. 85] для полноценного анализа сущности любого правового института необходимо рассмотреть:

- характерные особенности данного правового института;
- подчинен ли данный институт самостоятельному статусу или входит в состав комплексного института, объединяющего признаки других правовых институтов;
- какие отрасли права непосредственно регулируют данный институт.

Так, согласно ст. 526 ГК РФ поставщик обязуется передать товары заказчику или по его указанию иному лицу, а заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных услуг [12]. Нормы ГК РФ содержат спецификации, регулирующие особенности контракта. Например, в § 5 гл. 37 ГК РФ подробно описаны особенности договоров подряда, предназначенных для удовлетворения государственных (муниципальных) потребностей.

Согласно п. 1 ст. 1298 ГК РФ условиями контракта может предусматриваться, что исключительное право на произведение искусства, литературы или науки, созданное в рамках контракта, принадлежит совместно исполнителю и публично-правовому образованию [13];

Нормы ГК РФ ограничивают регулирование института государственного (муниципального) контракта, фокусируясь лишь на аспектах подряда и поставки товаров. Эти механизмы не могут полностью удовлетворить все государственные и муниципальные потребности, ограничиваясь подрядом и поставкой. Положения Закона № 44-ФЗ и гражданского законодательства утвердили особенность государственного (муниципального) контракта в виде особой цели использования товара. Мы разделяем мнение авторов относительно ключевого элемента в системе государственного (муниципального) заказа, а именно «государственных (муниципальных) нужд».

Необходимо отметить, что законодательство, в частности Закон № 44-ФЗ, оставляет в тени трактовку ключевых терминов, таких как «государственные нужды» и «муниципальные нужды». С этим связано, по нашему мнению, серьезное упущение законодателя. Мы предлагаем интерпретировать эти термины как потребности публично-правового образования в работах, услугах или товарах, необходимых для выполнения определенных функций государства (муниципалитета).

Научные дискуссии в литературе касательно сущности контракта представляют собой объект активных обсуждений. В результате проведенного анализа различных авторских взглядов на правовую природу государственного (муниципального) контракта сформируем основные точки зрения касательно толкования данного юридического понятия.

Так, сторонники первой точки зрения рассматри-

вают государственный (муниципальный) контракт в качестве правовой процедуры оказания услуг, выполнения работ, закупки товара для государственных (муниципальных) нужд, т. е. речь идет о размещении государственного заказа [2, с. 49–52].

К примеру, при анализе юридической сущности государственного (муниципального) контракта, исследователь Е. П. Губин выделяет, что совокупность заключенных соглашений, касающихся оказания услуг, выполнения работ и поставки товаров представляет частноправовой инструмент, используемый государством для регулирования экономических взаимоотношений. Контракт выполняет функцию юридической формы посредничества в отношениях, проистекающих из государственного (муниципального) заказа [3, с. 204–205].

К. В. Кичик рассматривает государственный (муниципальный) контракт как юридический институт, связанный с каждой фазой осуществления заказа. В результате своего анализа названный выше автор приходит к заключению, что государственный (муниципальный) контракт является одним из правовых механизмов реализации заказа [4, с. 1].

В свою очередь, сторонники второй точки зрения рассматривают государственный (муниципальный) контракт в качестве особого типа гражданско-правового договора [5, с. 387–399].

Так, И. В. Елисеев считает необходимым отнесение положений о государственном (муниципальном) контракте в часть первую ГК РФ, поскольку, по мнению автора, он должен занимать одно место вместе с публичным и предварительным договором [6, с. 71].

На наш взгляд, государственный (муниципальный) контракт следует рассматривать как уникальный вид гражданско-правового соглашения. Суть этого договора заключается во взаимодействии между органом государственной власти (или местного самоуправления), уполномоченной организацией или учреждением и победителем соответствующей правовой процедуры.

Государственный (муниципальный) контракт обладает уникальными признаками, которые присущи только этому виду договора. Во-первых, его исполнение предполагает особые условия, согласно п. 1 ст. 94 Закона № 44-ФЗ. Данные условия включают комплекс мер, направленных на достижение целей закупки и взаимодействие между поставщиком (исполнителем, подрядчиком) и заказчиком в соответствии с законодательством.

Во-вторых, заключение государственного (муниципального) контракта зависит от результатов торгов или других методов выполнения работ, предоставления услуг или закупки товаров. Если контракт заключается на основе проведения торгов, стороны не могут отказаться от сделки.

В-третьих, основная цель государственного (муниципального) контракта — удовлетворение государственных (муниципальных) потребностей.

В-четвертых, в процессе заключения и выполнения государственного (муниципального) контракта возникают особые правовые отношения. В рамках гражданско-правовых соглашений любая двусторонняя (или многосторонняя) сделка может приобрести статус государственного (муниципального) контракта.

В-пятых, имеется специальный субъектный состав — заказчики, действующие как основные руководители и получатели бюджетных средств, а также победители торгов.

Подчеркиваем важность расширения определения государственного (муниципального) контракта в специальном законодательстве о контрактной системе для более точного понимания и применения его положений. Это также включает в себя необходимость уделить внимание ст. 526 ГК РФ и финансовым аспектам.

Дополнительно предлагаем закрепить понятия «государственные нужды» и «муниципальные нужды» на законодательном уровне. Для этого можно внести поправки в ст. 3 Закона № 44-ФЗ, добавив п. 1.1, который определит «государственные (муниципальные) нужды» как необходимость для выполнения конкретных государственных (муниципальных) функций со стороны публично-правового образования в работах, услугах или товарах.

В отношении законодательства о государственных закупках РФ, в соответствии с п. 4 ст. 3 Закона № 44-ФЗ, участниками закупок могут быть любые юридические лица, независимо от организационно-правовой формы, местонахождения, формы собственности и происхождения капитала, физические лица (в т.ч. индивидуальные предприниматели).

Исходя из положений ч. 13 ст. 34 Закона № 44-ФЗ прослеживается возможность заключения контракта с физическим лицом, не обладающим статусом индивидуального предпринимателя.

Положения Закона № 44-ФЗ не включают исключений из указанного принципа, касающегося контракта на осуществление подрядных работ. Требования к физическим лицам могут различаться в зависимости от характера выполняемой работы. Например, для проведения капитального ремонта, реконструкции объекта капитального строительства или осуществления других видов экономической деятельности физическому лицу необходимо иметь статус индивидуального предпринимателя. Важно отметить также обязательность членства в саморегулируемой организации, например, в сфере строительства [14].

В соответствии положениями Постановления Президиума ВАС РФ от 17 января 2012 г. № 10939/11 по государственному контракту заказчиком выступает

государственный орган, обладающий необходимыми инвестиционными ресурсами или организация, наделенная соответствующим государственным органом правом распоряжаться такими ресурсами [15]. Обратим внимание, что данная норма ранее не находила должного регулирования в судебной практике, особенно в сфере муниципального заказа, что представляется пробелом в законодательстве.

Согласно п. 3 ст. 764 ГК РФ в роли муниципально-го заказчика выступают: органы местного самоуправления; иные получатели средств местных бюджетов, осуществляющие заказы на выполнение подрядных работ за счет бюджетных средств и других источников финансирования.

Общее определение «заказчик» закреплено в п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ, согласно которому заказчиком считается государственный или муниципальный заказчик в соответствии с ч. 1 (примечание: в отношении бюджетного учреждения, которое осуществляет закупки через субсидии из бюджетов бюджетной системы, а также иных средств) и 2.1 ст. 15 Закона № 44-ФЗ.

Дополнительные уточнения по понятиям государственного и муниципального заказчика предоставлены в п. 4.1 и 5 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ.

Следует отметить, что другие заказчики, например, бюджетные учреждения, могут осуществлять закупки, выполнение работ, предоставление услуг в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ [16].

Интерпретация понятий государственного и муниципального заказчика, представленная в ГК РФ, охватывает более узкую сферу по сравнению с определениями «государственный заказчик» и «муниципальный заказчик», установленными в Законе № 44-ФЗ. Это представляется недостаточным, учитывая специфику положений Закона № 44-ФЗ относительно ГК РФ. Таким образом, целесообразным кажется расширение смысла ст. 764 ГК РФ.

К примеру, в п. 1 ст. 764 ГК РФ рекомендуется добавить следующее уточнение: «По государственному или муниципальному контракту заказчиком (подрядчиком, исполнителем) может быть юридическое и физическое лицо, выразившее заинтересованность в участии в закупках и впоследствии признанное победителем закупки».

В п. 2 ст. 764 ГК РФ предлагается дополнить фразу после слов «заказчиками» следующим образом: «... (или лицами, их заменяющими)».

Обеспечение защиты прав и интересов участников гражданских отношений чаще всего осуществляется через судебные процессы. Однако согласно п. 2 ст. 11 ГК РФ предусматривается возможность защиты гражданских прав в административном порядке, но лишь в

тех случаях, которые прописаны законодательством. Закон закрепляет право обжалования таких решений в суде. В теории гражданского права заметным недостатком является частое восприятие административной формы защиты сквозь призму применения административных санкций за правонарушения в гражданской сфере. Подтверждением этой позиции служит частая ссылка в различных научных комментариях к данному положению на нормы Кодекса об административных правонарушениях [7, с. 17–21].

Без сомнения, сам процесс использования административного порядка для защиты гражданских прав может быть осуществлен через применение норм административного права, аналогично с тем, как судебный порядок защиты формируется на основе норм процессуального права. Важно подчеркнуть, что выбранный метод гражданско-правовой защиты должен соответствовать целям этой защиты, т. е. реальному восстановлению права или пресечению незаконной деятельности путем использования соответствующих средств защиты, а не только приведению к административной ответственности нарушителя.

Согласимся с высказанным мнением С. Д. Радченко, который подчеркивает, что значительная часть способов гражданско-правовой защиты, предусмотренных в ст. 12 ГК РФ, таких как признание сделки недействительной, отмена акта, вынесенного органом власти, возмещение ущерба, взыскание неустойки, прекращение или изменение правоотношения, неприменение судом акта органа власти, несовместимого с законом, могут быть реализованы исключительно в судебном порядке [8, с. 53–54].

В рамках административной формы защиты имеется возможность использования различных методов, таких как восстановление предшествующего положения, нарушенного права, или прекращение действий, которые могут привести к нарушению или создать угрозу его нарушения. Дополнительные механизмы защиты прав могут быть предусмотрены отдельными нормативно-правовыми актами. Например, ФАС, выполняя функции защиты гражданских прав, обладает полномочиями, позволяющими требовать прекращения или изменения правоотношений. Выдающиеся исследователи, вроде Э. В. Сергеевой, подчеркивают, что многие методы гражданско-правовой защиты, применяемые в административном порядке, не урегулированы прямо положениями ст. 12 ГК РФ и включаются в группу «иные способы, предусмотренные законом» [9, с. 21–22].

В сравнении с судебной формой защиты, административный порядок проявляется более гибким, поскольку субъекты, занимающиеся защитой, имеют определенную свободу в выборе необходимых мер по защите прав и интересов участников гражданских

правоотношений. Органы прокуратуры традиционно выступают одними из органов, ответственных за защиту прав и интересов. Прокурорский надзор, согласно положениям Закона № 2202-І, охватывает исполнение действующих законов на территории Российской Федерации.

В силу прямого указания в ст. 26 Закона № 2202-І, прокурор не имеет права выходить за пределы предоставленной ему законом компетенции и вмешиваться в хозяйственную деятельность организаций по своему усмотрению, включая возложения на одну из сторон контракта вытекающей из него обязанности. Данное положение подтверждается и материалами судебной практики, в частности, данный факт отражен в постановлении АС Центрального округа от 2 ноября 2017 г. № Ф10-4378/17 по делу № А68-11174/2016 [17]. Таким образом, выявляется, что органы прокуратуры не имеют возможности применять меры, предусмотренные законодательством о прокуратуре, в случае, если задержка в выполнении работ по государственному и муниципальному контракту не породила каких-либо общественно-опасных последствий. Тем не менее, если такие действия (или бездействие) привели к серьезному ущербу интересам общества и государства, при отсутствии уголовного состава, то в соответствии с ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ возникает административная ответственность. Согласно правоприменительной практике, ответственность может быть применена и в случае нарушения сроков исполнения государственного и муниципального контракта [18].

Следовательно, согласно положениям ст. 28.4 КоАП РФ, прокурор имеет право инициировать процесс по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.32 КоАП РФ, при наличии соответствующих оснований. Это осуществляется с целью защиты интересов государства и общества в лице заказчика по государственным и муниципальным контрактам [19].

В настоящее время Закон № 44-ФЗ не содержит упоминания об органах прокуратуры как субъекта осуществления контроля и надзора в сфере закупочной деятельности. Так к контрольным органам в сфере закупок относятся органы исполнительной власти соответствующего уровня, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок, а также контрольные органы в сфере государственного оборонного заказа. Отсутствие прокуратуры, с одной стороны, может быть рассмотрено как непосредственное свидетельство ее автономии и отличия от вышеупомянутых органов и контрольных инстанций. С другой стороны, такая ситуация может рассматриваться как заметное упущение со стороны законодателя в сфере обеспечения прозрачности государственных закупок.

В современных условиях в области административной защиты прав и интересов заказчика в сфере

государственных и муниципальных контрактов особую эффективность приобрели превентивные и пресекательные меры, а также санкции, предусматривающие возможность наложения административной ответственности на участников государственных и муниципальных контрактов. В этой связи предлагается рассмотреть ряд аспектов, способствующих усовершенствованию механизма защиты прав заказчика:

В целях подтверждения добросовестности участника предлагается дополнить ч. 3 ст. 37 Закона № 44-ФЗ: после слов «неустоек (штрафов, пеней)» внести добавление «... с указанием информации о предмете заключенных контрактов».

Расширить гл. 5 Закона № 44-ФЗ, в частности, ст. 99, введя отдельный пункт о прокурорском надзоре, который определит, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов о контрактной системе в сфере закупок и защитой прав и интересов всех участников закупочной деятельности в соответствии с действующим законодательством.

Предложить дополнения к ч. 1 ст. 378 ГК РФ, вводя новые основания для прекращения банковской гарантии, такие как отзыв лицензии у банка. Также предлагается внести изменения в ст. 96 Закона № 44-ФЗ, добавив п. 7.4, с новой формулировкой: «В случае отзыва лицензии у банка, участник контракта обязан предоставить новое обеспечение исполнения обязательств или банковскую гарантию, выданную другой кредитной организацией».

Распространить механизмы финансового мониторинга на хозяйствующие субъекты, участвующие в государственных и муниципальных контрактах, с целью снижения числа недобросовестных участников при проведении торгов и аукционов.

В настоящее время судебная система РФ испытывает значительную перегрузку, включая разрешение споров, связанных с государственными и муниципальными контрактами, из-за высокого числа поступающих заявлений. Для смягчения этой нагрузки на судебные органы был введен Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ, который закрепил альтернативные механизмы разрешения споров [20].

Возможность использования альтернативных методов разрешения споров в сфере законодательства, в частности Законом № 44-ФЗ, подтверждается позицией ВС РФ. В п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 18 отмечается, что федеральными законами предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования споров в случаях, таких как: изменение и расторжение контракта (п. 2 ст. 452 ГК РФ); заключение договора поставки товаров для государственных или муниципальных нужд (п. 4 ст. 529 ГК РФ), где Закон № 44-ФЗ устанавливает порядок урегулирования расхождений по проекту контракта через протокол разногласий; взыскание денежных

средств по требованиям из контрактов и другие случаи, когда досудебный порядок прямо предусмотрен законом или договором (ч. 5 ст. 4 АПК РФ). В данной ситуации речь идет о взыскании неустойки и требовании оплаты по контракту.

Помимо вышеуказанных случаев, обязательно соблюдение претензионного порядка, если это предусмотрено самим контрактом (ч. 5 ст. 4 АПК РФ) [21].

Основное назначение данной процедуры сводится, как правило, к созданию особого психологического климата, позволяющего снизить эмоциональную напряженность, что облегчает задачу по урегулированию существующего спора и способствует достижению компромисса для обеих сторон. На данный момент медиация в России не имеет широкого применения, в том числе и в сфере регулирования Закона № 44-ФЗ.

К несчастью, отсутствует иная форма поддержки со стороны государственных органов в обеспечении правовой силы достигнутому соглашению, что является главной причиной ограниченного использования медиации, включая сферу государственных и муниципальных контрактов. В настоящее время, на наш взгляд, существует необходимость в введении юридического статуса для медиативных соглашений, придающего им правовую значимость. В поддержку данной точки зрения можно указать на отсутствие в законодательстве механизма исполнения медиативных соглашений, так как соглашение этого вида, если оно не утверждено как мировое, остается в силе только на основе принципов волюнтаризма и добросовестности сторон. В связи с чем, на наш взгляд, наиболее оптимальным способом будет использование нотариально удостоверения медиативного соглашения.

Начиная с 80-х годов XX в., откликаясь на ситуацию национальных рынков и недостаточную эффективность конкурентных методов закупок, зарубежные государства предприняли шаги по постепенному пересмотру правового регулирования в сфере закупок. Изменения в законодательстве включали упрощенные процедуры конкурентных закупок и даже случаи, когда конкуренция была исключена. Несмотря на риски для общественных интересов и принцип свободной конкуренции, законодатели за границей решили упростить процессы закупок и дать государству возможность ограничивать конкуренцию в своих интересах.

В 90-х годах XX века законодательство США, в частности Федеральные правила осуществления закупок, претерпели значительные изменения. Государственные заказчики в США столкнулись с проблемой излишней бюрократии в этой сфере. Ст. Кельман отмечает, что законодательство должно было отказаться от ужесточения регулирования в рамках федеральных Правил и предоставить больше свободы государствен-

ным заказчикам при выборе методов достижения целей федерального законодательства США о закупках товаров и услуг для государственных нужд [10]. Ст. Кельман подчеркнул, что система регулирования государственных закупок часто вызывает проблемы, а не решает их, подчеркивая несовершенство правоприменительной практики и необходимость реформирования этой области. Результатом этих усилий стал принятый в 1994 году Акт «Об упорядочении федерального законодательства о приобретении товаров, оказании услуг для нужд государственных заказчиков», который внес изменения в Правила США, предусматривая упрощенные методы государственных закупок в виде платежных карт, заданий на закупку и рамочных соглашений, а также критериев их использования.

Однако за этим последовало снижение уровня государственного контроля за закупками с установленными низкими ценовыми порогами, проведение закупок в срочных или чрезвычайных ситуациях, а также ограничение числа контрагентов, определенных единолично должностными лицами заказчика, непосредственно сказались на уровне коррупционных нарушений в этой области. Как отмечают В. А. Очаковский и А. С. Усенко «самые значительные коррупционные угрозы возникают в области мелких контрактов, т. к. установленный низкий ценовой порог служит стимулом для подрядных организаций обходить государственный контроль, разбивая крупные контракты» [1]. Можно предположить, что подобная динамика не является чем-то уникальным и для российской ситуации.

В дополнение к рассмотренным методам защиты, законодательство предусматривает специальные меры по защите прав и интересов заказчика при заключении и исполнении государственных контрактов. В соответствии с положениями ст. 34 Закона № 44-ФЗ, проект контракта, помимо ключевых условий, обязательно включает условия ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по соглашению.

Имеющиеся механизмы самозащиты прав и законных интересов в настоящее время являются достаточно эффективными. Однако в целях совершенствования данных институтов, на наш взгляд можно предложить следующие изменения:

1. Необходимо ужесточить последствия от включения в РНП, как минимум путем внесения в ст. 104 Закона № 44-ФЗ отдельного положения следующего содержания: «Запрещается участие в государственных и муниципальных закупках лиц, признанных недобросовестными поставщиками, на период их включения в реестр недобросовестных поставщиков».

2. Внести изменения в ст. 95 Закона № 44-ФЗ, где предусмотреть отдельный пункт, и изложить его в следующей редакции: «Повторное решение заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта вступает в силу на следующий день после надлежащего уведомления заказчиком поставщика (подрядчика, исполнителя) об одностороннем отказе от исполнения контракта».

Данные изменения, по нашему мнению, будут способствовать усилению защиты прав и интересов заказчика в государственных контрактах для государственных нужд.

Заключение. Рассмотрение государственных (муниципальных) контрактов как особой разновидности гражданско-правовых договоров представляет собой важный аспект в сфере регулирования государственных закупок и обеспечения эффективного взаимодействия между государственными органами и исполнителями по государственному контракту.

Дополнительное внимание следует уделить расширению законодательного понимания государственных (муниципальных) контрактов, включая определение «государственных (муниципальных) нужд» и ясное уточнение статуса заказчиков. Это позволит более четко регулировать процессы заключения и исполнения контрактов, а также обеспечит защиту прав и интересов всех сторон, включая возможность административной защиты через органы прокуратуры в случае существенного вреда общественным интересам.

Существующие механизмы самозащиты признаются достаточно эффективными, однако в статье предлагается ряд изменений для их совершенствования. В частности, предлагается ужесточение последствий от включения в РНП, а также изменения в ст. 95 Закона № 44-ФЗ для повышения эффективности одностороннего отказа от исполнения контракта заказчиком.

Такие изменения, согласно авторскому мнению, будут способствовать более надежной защите прав и интересов заказчика в области государственных контрактов для государственных нужд.

Список источников

1. Очаковский В. А., Усенко А. С. Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3(61).
2. Дробот Е. С. Тендерный аутсорсинг в государственных закупках : актуальность для малого и среднего бизнеса // Эпомен: экономические науки. 2023. № 2.
3. Губин Е. П. Государственное регулирование

рыночной экономики и предпринимательства : правовые проблемы. М., 2005.

4. Кичик К. В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения. М., 2012.
5. Сердюк А. Ю. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ // Эпомен. 2020. № 41.
6. Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
7. Артюхин А. С. Некоторые аспекты правового регулирования договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд // Эпомен. 2019. № 26.
8. Злоупотребление правом в гражданском праве России / С. Д. Радченко. М. : Волтерс Клувер, 2010.
9. Сергеева Э. В. Административная ответственность за нарушение некоторыми юридическими лицами порядка осуществления закупки товаров, работ и услуг // Административное право и процесс. 2019. № 3.
10. Kelman St. Procurement and Public Management : the Fear of Discretion and the Quality of Government Performance. Washington (DC) : AEI Press, 1990.
11. Сводный аналитический отчет Минфина России о результатах мониторинга применения Закона о контрактной системе за III квартал 2022 г. // URL://https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases?id_57=300587-ezhekvtartalnyi_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_osushchestvlyaemykh_v_sootvetstvii_s_federalnymi_zakonami_o_kontraktnoi_sisteme_v_sfere_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_o_zakupkakh_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh_lits_z_a_tretii_kvartal_2022_g.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (Ч. I–III). Ст. 5497.

14. Об утверждении формы тест-паспорта объекта капитального строительства и Методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения : приказ Минэкономразвития России от 27 марта 2019 г. № 167 // URL://<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2023).
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 10939/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 5.
16. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 30 (Часть I). Ст. 4571.
17. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 2 ноября 2017 г. № Ф10-4378/17 по делу № А68-11174/2016 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1afdb50c-d8ff-4ef4-bb51-975214b5f203/d79844ffa477-4647-9d1e-25babb90c04e/A68-11174-2016_20171102_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2023).
18. По делу о проверке конституционности части 7 статьи 7.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Компания Ладога» : постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2021 г. № 7-П // СЗ РФ. 2021. № 13. Ст. 2316.
19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
20. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
21. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 // Российская газета. № 144. 2021.
2. Drobot E. S. Tender outsourcing in public procurement : relevance for small and medium-sized businesses // Epomen: economic Sciences. 2023. № 2.
3. Gubin E. P. State regulation of the market economy and entrepreneurship : legal problems. M., 2005.
4. Kichik K. V. State (municipal) order of Russia. Legal problems of formation, placement and execution. M., 2012.
5. Serdyuk A. Y. Abuses in the field of procurement of goods, works, and services to meet state or municipal needs. Signs of the objective side of the crime provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Epomen. 2020. № 41.
6. Civil law : studies. : in 3 vols. Vol. 2. 4th ed., reprint. and add. / E. Yu. Valyavina, I. V. Eliseev [et al.] ; ed. A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. M. : TK Velbi, Publishing House Prospect, 2005.
7. Artyukhin A. S. Some aspects legal regulation of the contract for the supply of goods for state and municipal needs // Epomen. 2019. № 26.
8. Abuse of law in Russian civil law / S. D. Radchenko. M. : Walters Kluwer, 2010.
9. Sergeeva E. V. Administrative responsibility for violation by some legal entities of the procedure for purchasing goods, works and services // Administrative law and process. 2019. № 3.
10. Kelman St. Procurement and Public Management : the Fear of Discretion and the Quality of Government Performance. Washington (DC) : AEI Press, 1990.
11. Summary analytical report of the Ministry of Finance of the Russian Federation on the results of monitoring the application of the Law on the Contract System for the third quarter of 2022 // URL://https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases?id_57=300587-ezhekvaralny_i_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_osushchestvlyaemykh_v_sootvetstvii_s_federalnymi_zakonami_o_kontraktnoi_sisteme_v_sfere_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_o_zakupkakh_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh lits_za_tretii_kvartal_2022_g.
12. Civil Code of the Russian Federation (Part two) : Federal Law of the Russian Federation dated January 26, 1996 № 14-FZ // SZ RF. 1996. № 5. Art. 410.
13. Civil Code of the Russian Federation (Part four) : Federal Law № 230-FZ of December 18, 2006 // SZ RF. 2006. № 52 (Parts I–III). Art. 5497.

References

1. Ochakovsky V. A., Usenko A. S. Criminalistic characteristics of abuses in the field of public procurement of goods, works, services for state or municipal needs // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3(61).

14. On approval of the form of the test passport of the capital construction facility and the Methodology for evaluating the effectiveness of using federal budget funds allocated for capital investments : Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated March 27, 2019 № 167 // URL://http://www.pravo.gov.ru (accessed: 15.11.2023).
15. of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 17, 2012 № 10939/11 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. № 5.
16. On purchases of goods, works, and services by certain types of legal entities : Federal Law № 223-FZ of July 18, 2011 // NW RF. 2011. № 30 (Part I). Art. 4571.
17. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of November 2, 2017 № F10-4378/17 in case № A68-11174/2016 // URL://https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1afdb50c-d8ff-4ef4-bb51-975214b5f203/d79844ff-a477-4647-9d1e-25babb90c04e/A68-11174-2016_20171102_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 15.11.2023).
18. In the case of checking the constitutionality of Part 7 of Article 7.32 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited Liability company «Ladoga Company» : resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 18, 2021 № 7-P // SZ RF. 2021. № 13. Art. 2316.
19. Code Of the Russian Federation on administrative offenses dated December 30, 2001 № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1. Art. 1.
20. On an alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure) : Federal Law № 193-FZ of July 27, 2010 // SZ RF. 2010. № 31. Art. 4162.
21. On some issues of pre-trial settlement of disputes considered in civil and arbitration proceedings : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 № 18 // Rossiyskaya Gazeta. № 144. 2021.

Информация об авторе

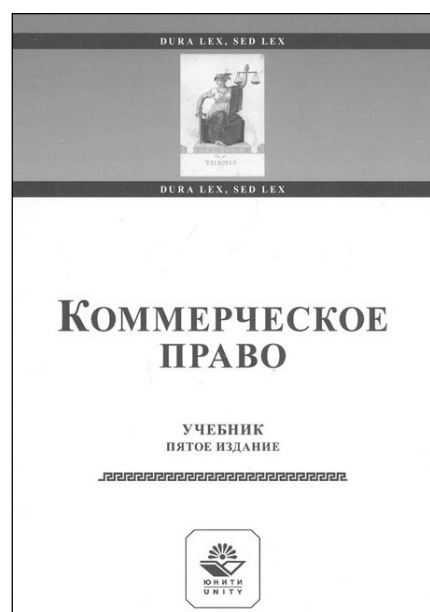
С. В. Новикова — доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Novikova — Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Коммерческое право. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Н.Д. Эриашвили. 671 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены понятие, принципы и субъекты коммерческого права, а также механизм правового регулирования коммерческой деятельности в условиях рыночной экономики. Представлены особенности договорной политики коммерческих организаций, классификация договоров, отражающих взаимоотношения сторон при заключении коммерческих сделок, вопросы регулирования налоговых отношений, а также административной и уголовной ответственности за преступления в сфере коммерческой деятельности. Раскрыто участие нотариуса в юридических действиях общества с ограниченной ответственностью и его участников. Учтены последние юридические акты, относящиеся к коммерческой деятельности организаций.

Для студентов, аспирантов, преподавателей экономических и юридических вузов, для предпринимателей и юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-148-155>

EDN: <https://elibrary.ru/rqgjw>

НИОН: 2003-0059-3/24-062

MOSURED: 77/27-003-2024-03-261

Теоретико-правовые основы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания

Анна Владимировна Ольшевская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Anna-olshevskaya@mail.ru

Аннотация. Выделены и проанализированы основные аспекты, связанные с административной ответственностью лиц, имеющих специальные звания. Динамизм административного законодательства, выраженный в увеличении количества «новых» составов правонарушений и перечня административных наказаний, усиленное внимание к вопросам доказывания, обуславливают актуальность исследования проблем в данной сфере. В числе проблемных вопросов автор, в частности, отмечает: имеющиеся в правоприменительной практике недостатки как содержательного, так и процессуального характера способствуют возникновению противоречий и несогласованности при реализации норм об административной ответственности лиц, имеющих специальные звания.

Ключевые слова: административная ответственность, лица, имеющие специальные звания, вопросы доказывания, правоприменительная практика, правоохранительные органы, юридическая ответственность

Для цитирования: Ольшевская А. В. Теоретико-правовые основы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 148–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-148-155>. EDN: RQGJW.

Original article

Theoretical and legal bases of administrative responsibility of persons with special titles

Anna V. Olshevskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Anna-olshevskaya@mail.ru

Abstract. The main aspects related to the administrative responsibility of persons with special titles are being highlighted and analyzed. The dynamism of administrative legislation, expressed in an increase in the number of «new» offenses and the list of administrative penalties, increased attention to issues of evidence, determine the relevance of the study of problems in this area. Among the problematic issues, the author, in particular, notes: the shortcomings of both substantive and procedural nature in law enforcement practice contribute to the emergence of contradictions and inconsistencies in the implementation of norms on administrative responsibility of persons with special titles.

Keywords: administrative responsibility, persons with special titles, issues of evidence, law enforcement practice, law enforcement agencies, legal responsibility

For citation: Olshevskaya A. V. Theoretical and legal bases of administrative responsibility of persons with special titles. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):148–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-148-155>. EDN: RQGJW.

Административная ответственность лиц, имеющих специальные звания, является важным элементом обеспечения законности и дисциплины в деятельности правоохранительных органов, военных и иных государственных структур. Несмотря на значительное

количество научных исследований в данной области, существует ряд противоречий и нерешенных проблем, требующих дальнейшего изучения.

Во-первых, наблюдается противоречие между необходимостью строгого соблюдения законодательства

© Ольшевская А. В., 2024

и специфическим статусом лиц, имеющих специальные звания, предполагающим особые условия привлечения к административной ответственности. Данный факт порождает дискуссии о соблюдении принципа равенства перед законом и обоснованности исключений из общих правил нормативных правовых актов.

Во-вторых, существует неопределенность в вопросах отраслевой принадлежности норм, регламентирующих административную ответственность указанных лиц. Ученые расходятся во мнениях относительно разграничения дисциплинарной ответственности в трудовом и административном праве, что затрудняет правоприменительную практику.

В-третьих, наблюдаются противоречия между необходимостью обеспечения высокого уровня дисциплины и соблюдения прав и свобод лиц, имеющих специальные звания. Поиск баланса между этими требованиями представляет собой актуальную задачу для законодателя и правоприменителя.

Обратимся к степени научной разработанности проблемы. Вопросы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, привлекали внимание многих ученых-правоведов. Среди них можно выделить труды О. А. Бухтояровой, Е. Ю. Забрамной, В. Р. Кисинаи, А. Р. Нобеля, Д. В. Осинцева, В. А. Селезнева, И. Д. Яковлева. Они внесли значительный вклад в изучение правовых основ, особенностей привлечения к ответственности, проблем правоприменительной практики и научных дискуссий в данной области.

Однако, несмотря на значительное количество исследований, ряд вопросов остается недостаточно изученным или вызывает научные споры. В частности, требуют дальнейшего анализа проблемы соблюдения принципа равенства перед законом, разграничения дисциплинарной ответственности в трудовом и административном праве, а также поиска баланса между обеспечением высокого уровня дисциплины и соблюдением прав и свобод лиц, имеющих специальные звания.

Следовательно, актуальность исследования обусловлена наличием противоречий и нерешенных проблем в области административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, а также необходимостью дальнейшего научного осмысления данной темы с целью совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Результативность деятельности сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих невозможна без решения проблем пресечения совершения ими административных правонарушений. Неукоснительное соблюдение дисциплины и добросовестное исполнение должностных обязанностей лицами, имеющими специальные звания, остается сегодня задачей, в решении которой участвует каждый из руководителей служебного коллектива. Как показывает практика, ввиду различий психофизических особенностей сотрудников, их воспитания, морально-нравственных приоритетов, образования, способностей,

служебного опыта, привычек и так далее, достичь идеального уровня дисциплины невозможно. В той или иной степени нарушения дисциплины сотрудниками неизбежны и одной из первоочередных задач руководителя коллектива является их минимизация.

В сфере применения административного законодательства наблюдаются существенные пробелы и недочеты, как в содержательном, так и в процессуальном аспектах. Данные недостатки способствуют возникновению противоречий и несогласованности при реализации норм, регламентирующих административную ответственность лиц, обладающих специальными званиями.

Динамичное развитие административно-правовых норм, проявляющееся в постоянном расширении перечня составов административных правонарушений и видов административных санкций, а также усиление акцента на вопросах доказывания обуславливают актуальность и значимость исследований в данной области.

Вместе с тем, уточнение и совершенствование юридической терминологии, разрешение связанных с этим вопросов имеют первоочередное значение не только для правоприменительной практики, но и для современных научных исследований в рассматриваемой проблематике. Четкость и непротиворечивость правовых понятий и терминов способствуют единообразному пониманию и применению норм права, а также позволяют избежать разночтений и споров в научной среде.

Так административная ответственность лиц, имеющих специальные звания, выступает в качестве вида юридической ответственности, которая, в свою очередь, «является одной из многогранных и фундаментальных категорий юридической науки и практики; это один из основных правовых институтов, опосредующих охранительную функцию права. Поэтому традиционно она рассматривалась как один из видов негативной реакции (принуждение) государства на правонарушение» [1, с. 37].

Правовой основой административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, выступает ст. 2.5 КоАП РФ. В части первой данной статьи сказано, что «за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность».

Как пишет И. Д. Яковлев, «главным критерием

применения ст. 2.5 КоАП в отношении должностных лиц, перечисленных в ч. 1 этой статьи, является наличие специального звания» [18, с. 30]. При этом, в содержащемся ст. 2.5 КоАП РФ перечне силовых структур не упомянуты органы прокуратуры, сотрудники которых также имеют специальные звания. «Порядок привлечения прокурорских работников к уголовной и административной ответственности регламентирован ст. 42 Закона о прокуратуре, в которой отражено, что проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры» [14, с. 61].

Думается, что особенности административной ответственности сотрудников прокуратуры должны быть более детально прописаны в КоАП РФ. Поддержки заслуживает позиция Д. В. Осинцева ввести в кодекс «самостоятельный раздел, детально регулирующий особенности материально-правовых и процессуальных аспектов привлечения лиц, пользующихся иммунитетами, специфическими мерами государственной защиты и прочими привилегиями, к административной ответственности, выбор надлежащих мер воздействия (административных санкций), а также основания и условия освобождения или замены мер административной репрессии на иные средства государственного принуждения» [9, с. 38]. Особенности административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, обусловлены их административно-правовым статусом как государственных служащих и спецификой осуществляемых ими функций. Государственный служащий — это гражданин РФ, замещающий должность в органах государственной власти РФ и ее субъектов, осуществляющий должностные обязанности по исполнению полномочий государственных органов.

Правоохранительная служба, которую несут имеющие специальные звания лица, рассматривается законодателем в качестве государственной службы иных видов. «Особенностью государственной службы иных видов, подчеркивает А. С. Телегин, является наличие специальных правил, устанавливающих служебную дисциплину. Она обязывает всех сотрудников безупречно соблюдать правила, установленные российским законодательством, ведомственными нормативными правовыми актами, не только при непосредственном исполнении служебных функций, но и вне службы» [15, с. 134].

В соответствии с ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, «за административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.1–5.26, 5.45–5.52, 5.56, 6.3, 7.29–7.32, 7.32.1, главой 8, статьей 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы или прохождения военных сборов), главой 12, статьей 14.9, частью 7 статьи 14.32, главами 15 и 16, статьями 17.3, 17.7–17.9, частями 1 и 3 статьи 17.14, статьями 17.15, 18.1–18.4, частями 2.1, 2.6 статьи 19.5, статьями 19.5.7,

19.7.2, частью 5 статьи 19.8, статьей 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы или прохождения военных сборов) и частью 1 статьи 20.25 настоящего Кодекса, лица, указанные в части 1 настоящей статьи, несут административную ответственность на общих основаниях».

В данном перечне содержатся административные правонарушения, посягающие на избирательные права граждан, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, порядок закупок для публичных нужд, состояние окружающей среды, порядок природопользования и обращения с животными, безопасность дорожного движения, финансовые, налоговые и таможенные отношения и др.

Тем самым, за совершение предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ административных правонарушений имеющие специальные звания лица несут административную ответственность на общих основаниях. В иных случаях наступает дисциплинарная ответственность.

Кроме того, при нанесении сотрудниками органов внутренних дел ущерба субъектам хозяйствования или физическим лицам, он в обязательном порядке подлежит возмещению. Таким образом, делается отсылка к нормам Гражданского кодекса, а именно к нормам статьи 1070. Гражданская ответственность сотрудников ОВД имеет определенную специфику, так как они могут нанести ущерб не только физическим лицам и юридическим, но также и государству в лице исполнительных органов. Положения ч. 6 статьи 15 Федерального закона № 342-ФЗ регулируют материальную ответственность сотрудников правоохранительных органов на основе трудового законодательства. Глава 39 Трудового кодекса гласит, что на работника возлагается обязанность возмещения материального ущерба, который он причинил в результате совершения им определенных деяний.

В своих научных трудах В. А. Селезнев обоснованно утверждает, что увеличение количества составов административных правонарушений, предусматривающих ответственность должностных лиц, не гарантирует полного соблюдения законности при осуществлении контрольно-надзорных функций. Ученый аргументировано отмечает, что оптимизация мер административного принуждения должна осуществляться с учетом требований определенности, соразмерности юридической ответственности и адекватности ее последствий причиненному вреду, не допуская чрезмерного государственного принуждения. Ученый отмечает, что «Направленность оптимизации мер административной репрессии должна согласовываться с требованиями определенности, соразмерности ответственности и адекватности порождаемых ими последствий причиненному вреду, не допуская избыточного государственного принуждения» [12, с. 114]. С этим мнением вполне можно согласиться.

По верной оценке А. Р. Нобеля, положения ст. 2.5 КоАП РФ являются исключением из принципа равенства, который представляет собой «совокупность нормативных требований материального и процессуального характера, предъявляемых к субъектам административной юрисдикции и участникам производства, направленных на достижение его целей, выражающих обязательность законодательства об административных правонарушениях, одинаковые основания административной ответственности, общность системы административных наказаний и правил их назначения, единые правила производства по делам об административных правонарушениях» [7, с. 61].

В рамках дисциплинарного производства участвующие стороны неизбежно связаны иерархическими служебными взаимоотношениями. Для лиц, обладающих специальными званиями, дисциплинарные разбирательства проводятся должностными лицами, наделенными государственными полномочиями по рассмотрению и разрешению дисциплинарных споров (дисциплинарной юрисдикцией). Дисциплинарная ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, существенно отличается от ответственности, предусмотренной Кодексом об административных правонарушениях РФ, по следующим аспектам: характер правонарушений, влекущих наступление ответственности; субъектный состав, правомочный налагать взыскания; круг лиц, привлекаемых к ответственности, и виды применяемых дисциплинарных мер. Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение трудовой (служебной) дисциплины и налагается уполномоченным должностным лицом, с которым лицо, привлекаемое к ответственности, состоит в служебном подчинении.

Дисциплинированное поведение лиц, имеющих специальные звания, выступает в качестве значимого ресурса повышения эффективности осуществляемой ими деятельности и показателя надежности ее субъекта, что особенно актуально в условиях неустойчивости социальных ценностей. Сущность дисциплинированности состоит в наличии у субъекта внутренних установок и личностных свойств, выраженных в верности и преданности целям и ценностям службы, понимании норм и правил профессиональной деятельности, а также в направленности личности на выполнение служебного долга.

Дисциплинированность лиц, имеющих специальные звания, выступает как профессионально важное качество, отражающее стремление к служению и исполнению служебного долга, опосредованное существующими нормативно закрепленными требованиями, регламентирующими служебное поведение сотрудников, выполнение профессиональных задач. Так, служебная лояльность сотрудников органов внутренних дел — это устойчивое свойство личности, содержанием которого являются: направленность на исполнение служебного долга и нравственно-деловые

ценностные ориентации; мотивационная готовность к соблюдению принципов законности и правопорядка; верность, преданность и благожелательное отношение к организации и правоохранительной деятельности; положительное отношение к профессиональному сообществу и организационной культуре [16, с. 107].

Тем самым, законодатель, определяя права, обязанности и гарантии лиц, имеющих специальные звания, устанавливает особые требования к их личным (морально-психологическим) и деловым качествам, а также наделяет сотрудников особыми обязанностями, обусловленными задачами, выполняемыми функциями, специфическим характером деятельности указанных должностных лиц.

Правовой статус лиц, имеющих специальные звания, также предусматривает ряд ограничений, направленных на противодействие коррупции. В этой связи уместно привести определение «дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства о противодействии коррупции как наступающей вследствие нарушения норм Федерального закона «О противодействии коррупции», антикоррупционных положений федеральных законов и иных нормативных актов, регулирующих порядок прохождения различных видов государственной службы и статус лиц, замещающих отдельные государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, юридической ответственности, применяемой государством в лице уполномоченного субъекта дисциплинарной власти к правонарушителю, на которого возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия назначенного дисциплинарного взыскания» [17, с. 7].

Н. Н. Дерюга и А. Н. Дерюга, верно, указывают на то, что «сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие по своим деловым и моральным качествам оцениваются более жестко» [3, с. 109].

Значение административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, состоит в том, что ее реализация имеет своей целью обеспечение неукоснительного исполнения возложенных на милитаризованных служащих обязанностей. В частности, как пишет Е. В. Сенатова, «в случае совершения сотрудником уголовно-исполнительной системы проступка, связанного с неисполнением (ненадлежащим исполнением) своих функциональных обязанностей, возникает ситуация межотраслевого правового регулирования, в которой задействованы нормы административного и уголовно-исполнительного права. Ведь критерии законного и эффективного исполнения сотрудниками уголовно-исполнительной системы упомянутых обязанностей определяются уголовно-исполнительным законодательством, а оно не содержит защитных (охранительных) норм, способных принуждать сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации предписаний норм уголовного и уголовно-исполнительного права, опре-

деляющих основные параметры исполнения уголовных наказаний» [13, с. 61].

Тем самым, «нормы административного права содержат обеспечительные гарантии такого поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы и выполнения ими функциональных обязанностей в той степени, в которой они бы способствовали достижению поставленных перед ними задач» [13, с. 61].

В научных кругах справедливо подчеркивается важность исследования вопросов привлечения к юридической ответственности военнослужащих, в том числе к административной ответственности. Данная тематика имеет двойственный характер: с одной стороны, юридическая ответственность затрагивает права и свободы самих военнослужащих, что требует тщательного изучения и соблюдения правовых гарантий. С другой стороны, она выступает инструментом поддержания правопорядка и воинской дисциплины, от уровня которых напрямую зависят боевая готовность войск и способность личного состава эффективно выполнять возложенные на него задачи, включая боевые (служебно-боевые).

Исследование порядка привлечения военнослужащих к различным видам юридической ответственности, анализ правоприменительной практики и выявление противоречий в правовом регулировании данной сферы являются актуальными задачами. Их решение позволит обеспечить баланс между защитой прав военнослужащих и поддержанием необходимого уровня дисциплины и правопорядка в войсках, что имеет важное значение для обороноспособности государства.

Следует отметить, что проблематика юридической ответственности военнослужащих тесно связана с вопросами обеспечения национальной безопасности и укрепления Вооруженных Сил. Поэтому ее комплексное научное осмысление имеет не только теоретическую, но и практическую значимость для повышения боевой готовности войск и эффективности выполнения ими поставленных задач.

В этой связи представляется целесообразным проведение междисциплинарных исследований, объединяющих юридические, социологические, психологические и военные аспекты. Такой комплексный подход позволит глубже изучить факторы, влияющие на дисциплину и правопорядок в войсках, а также разработать эффективные механизмы правового регулирования и превентивные меры по предупреждению правонарушений среди военнослужащих.

Кроме того, важным направлением научных исследований может стать сравнительный анализ зарубежного опыта в сфере юридической ответственности военнослужащих. Изучение передовых практик и подходов других стран позволит выявить наиболее эффективные модели правового регулирования и адаптировать их к отечественным реалиям с учетом национальных особенностей и традиций.

Как справедливо отметила В. М. Большакова: «Исследование порядка привлечения военнослужащих к различным видам юридической ответственности, особенностей такого привлечения, правоприменительной практики в данной сфере правоотношений, а также противоречий и дефектов правового регулирования было и остается актуальным...» [1, с. 38].

Особую остроту вопросы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, приобретают в отношении сотрудников органов внутренних дел. Предполагается, что люди, призванные обеспечивать правопорядок и соблюдение законодательства среди населения, в силу специфики своей деятельности, должны представлять собой пример законности и добропорядочности, быть эталоном морально-нравственных устоев. Не так давно Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России было проведено исследование общественного мнения на предмет деятельности полиции. Ежегодно ВНИИ МВД России проводит подобного рода исследования. По итогам аналитического анкетирования была выявлена положительная стабильная тенденция роста (от 3 до 6 %) доверия гражданского общества к сотрудникам полиции. Более половины опрошенных (58 %) доверяют представителям полиции, что на 4 % выше показателя предыдущего анкетирования. На 8 пунктов вырос и индекс доверия, величина которого составила 23 пункта [10].

Основная нагрузка в поддержании дисциплины лежит на руководителе служебного коллектива. Для успешного управления вверенным подразделением каждый руководитель должен быть лично и профессионально авторитетным. Практика показывает, что подразделения, в которых выявлен низкий социально-психологический статус руководителя, отличаются высокой текучестью кадров, а личный состав в поисках справедливости направляет обращения во все органы государственной власти, в прокуратуру и правозащитные организации.

Работа, проводимая целенаправленно и наиболее эффективно в том или ином объединении граждан, должна сопровождаться обязательным соблюдением дисциплины, которая является необходимой для последующего координирования совместной деятельности указанных выше лиц и работы в едином направлении для достижения поставленной задачи. Рассматривая более широко данное понятие, можно сказать, что дисциплина является неким упорядоченным поведением граждан с учетом моральных и правовых аспектов. Установленные правила поведения предусмотрены не только для отдельной категории граждан, но и для всего общества в целом. Однозначно, что работа в едином направлении той или иной группы людей является достаточно важной и характеризуется гарантированной стабильностью в определенном комплексе существующих отношений, ставя

под охрану не только авторитет руководящего аппарата, но и оказывает сдерживающий эффект от противоправного поведения граждан.

Дисциплина на службе представляет собой один из элементов в социальной дисциплине, в связи с чем нужно рассматривать именно исследование общих положений о ее сути. Данное определение, как правило, употребляется в научной литературе, ежедневно среди людей, при этом дополнительного разъяснения данного понятия не требуется, так как любой гражданин понимает, что именно это такое.

Результатом соблюдения дисциплины выступает определенный порядок действий, коммуникативные навыки людей, а значит, дисциплина представляет собой и определенное качество, заключающееся как в нравственной, так и в правовой норме, структурно-технологической упорядоченности и социально-психологической организованности.

Такой смысл дисциплины является не только одним из способов для того, чтобы достигнуть поставленной задачи, но и для того, чтобы выйти на определенный уровень упорядоченной работы. Сущность указанного способа, а также отличительные его черты заключаются в нормах, говоря иными словами, необходимо следовать установленным нормам в праве, корпорации либо нравственности, а также точном соблюдении принципа подчиненности.

Наличие дисциплины включает в себя наличие определенного волеизъявления со стороны государства, и подчинение данной воле, заключающееся в соответствующих юридических нормах. Только при наличии необходимого единства в данном направлении, возможно наличие дисциплины в коллективе. Следовательно, под дисциплиной необходимо понимать наиболее строгую и полную подчиненность существующим поведенческим нормам, работе и отношениям, которые предусмотрены для отдельно взятого коллектива, и общества в целом. Указанное понятие наиболее в полном объеме отражает сущность дисциплины и не является противоречащим научной точке зрения [11, с. 58].

Нормативное определение дисциплинарной ответственности на данный момент отсутствует. С научной точки зрения в области права, дисциплинарная ответственность представляет собой форму принуждения, которая применяется специально уполномоченными на это органами либо их должностными лицами в отношении лиц, которыми совершен дисциплинарный проступок, повлекший за собой наступление определенных последствий для провинившегося лица. Указанный вид ответственности лиц, имеющих специальные звания, выступает, как было ранее отмечено, в качестве одной из разновидностей юридической ответственности в соответствии с действующим законодательством за поведение, не являющееся правомерным, и влечет за собой наказание на основании норм права, как трудового, так и служебного, в том числе за

ненадлежащее выполнение своих служебных обязанностей.

Определенные дискуссии в науке еще будет вызывать вопрос отраслевой принадлежности норм, регламентирующих вопросы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания. По этому вопросу следует согласиться мнением о том, что «дисциплинарная ответственность в границах трудового и административного права имеет серьезные отличия, которые позволяют говорить о наличии оснований для дифференциации дисциплинарной ответственности по субъектному составу и разграничения двух самостоятельных видов юридической ответственности, таких, как: 1) дисциплинарно-трудовая ответственность; 2) служебно-дисциплинарная ответственность» [4, с. 691].

В научных кругах ведутся дискуссии относительно разграничения внутренней и внешней административно-публичной деятельности в рамках предмета административного права [8, с. 19]. Критики данного подхода указывают на объединение под одним понятием правоотношений между государственными служащими и представителями нанимателя (руководителями государственных органов), а также между государственными органами и иными лицами, не состоящими на государственной службе. При этом формально эти правоотношения разделяются на внутренние и внешние.

О. А. Бухтоярова отмечает, что «невозможно принять на государственную службу в органы исполнительной власти народ» [2, с. 25]. Если представитель народа принимается на государственную службу, он становится государственным служащим и представителем государственной власти. В таком случае между ним и представителем органа государственной власти складываются служебные правоотношения, подчиняющиеся внутреннему служебному распорядку, включая вопросы дисциплинарной ответственности. Однако такие служебные отношения следует относить к трудовым правоотношениям.

Е. Ю. Забрамная обращает внимание на жесткую регламентацию дисциплинарной ответственности за административные правонарушения, совершенные субъектами с административно-правовым статусом, нормативными правовыми актами (законами, дисциплинарными уставами) [5, с. 42]. Это отличает ее от дисциплинарной ответственности работников в трудовом праве, привлечение к которой осуществляется по усмотрению работодателя, за исключением ситуаций, регламентированных статьями 195 Трудового кодекса РФ.

Проведенное исследование позволило выявить ряд ключевых аспектов, связанных с административной ответственностью лиц, имеющих специальные звания. Анализ научных трудов и правоприменительной практики показал наличие противоречий и нерешенных проблем, требующих дальнейшего изучения.

Вопросы отраслевой принадлежности норм, регламентирующих административную ответственность указанных лиц, вызывают дискуссии в научном сообществе. Ряд ученых (О. А. Бухтоярова, М. Б. Добробаба, О. Н. Ордина) обосновывают необходимость разграничения дисциплинарно-трудовой и служебно-дисциплинарной ответственности, указывая на их серьезные отличия.

Особое внимание уделяется специфике административно-правового статуса лиц, имеющих специальные звания, как государственных служащих (А. С. Телегин, Е. Ю. Забрамная), что обуславливает особенности их административной ответственности и необходимость соблюдения принципа равенства перед законом (А. Р. Нобель, В. Р. Кисин).

Ученые (В. А. Селезнев, Е. В. Сенатова) подчеркивают значение административной ответственности для обеспечения надлежащего исполнения обязанностей военными служащими, поддержания дисциплины и правопорядка.

Отмечается необходимость совершенствования правовой терминологии и нормативного регулирования в данной сфере (Д. В. Осинцев, И. Д. Яковлев), а также учета специфики деятельности различных ведомств (органов внутренних дел, прокуратуры и др.).

Исследователи (Н. Н. Дерюга, А. Н. Дерюга, Е. А. Тульская) акцентируют внимание на важности личностных и профессиональных качеств сотрудников, имеющих специальные звания, их морально-нравственных устоев и служебной лояльности.

Таким образом, институт административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, обладает самостоятельным административно-правовым характером и может быть определен в качестве системы правовых норм, регламентирующих направленный на обеспечение надлежащего порядка государственного управления вид юридической ответственности, в основе которой лежат меры дисциплинарного взыскания, применяемые к милитаризованным государственным служащим в связи с совершением ими дисциплинарных проступков.

Библиографический список

1. Большакова В. М., Калашников В. В., Наумов П. Ю., Зелепукин Р. В. Правовое регулирование случаев, когда военнослужащие считаются исполняющими обязанности военной службы, и взаимосвязь их материальной и дисциплинарной ответственности // *Право в Вооруженных Силах*. 2021. № 11.
2. Бухтоярова О. А. Предмет административного права и дисциплинарная ответственность в контексте разграничения отраслей права // *Административное право и процесс*. 2022. № 6.
3. Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н. Пенологические

аспекты условий наступления административной ответственности // *Журнал российского права*. 2020. № 4.

4. Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность в служебно-деликтном праве: понятие и правовая природа // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 6.
5. Забрамная Е. Ю. Дисциплинарная ответственность : межотраслевой аспект и актуальные проблемы правового института // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2019. № 3.
6. Кисин В. Р. Субъект административного правонарушения и субъект административной ответственности : сходство и различие // *Административное право и процесс*. 2019. № 6.
7. Нобель А. Р. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в контексте реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 5.
8. Ордина О. Н. К вопросу о понимании предмета административного права // *Административное право и процесс*. 2020. № 12.
9. Осинцев Д. В. Прокурор как субъект административного правонарушения // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 4.
10. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. // URL://<https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 20.12.2023).
11. Панкратова М. Е. Правовые проблемы привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности // *Современное право*. 2016. № 9.
12. Селезнев В. А. Административная ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности // *Журнал российского права*. 2021. № 11.
13. Сенатова Е. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы как субъектов уголовно-исполнительных отношений // *Административное право и процесс*. 2021. № 1.
14. Стрельников В. В. Административно-правовые аспекты привлечения служащих органов прокуратуры к дисциплинарной ответственности // *Административное право и процесс*. 2020. № 12.
15. Телегин А. С. К вопросу об иных видах государственной службы / под ред. О. А. Кузнецовой, // *Пермский юридический альманах*. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1.
16. Тульская Е. А. Дисциплина, дисциплинарная практика и принципы их реализации в сфере внутренних дел // *Государство и право*. 2018. № 3.
17. Юсупов А. Л. Дисциплинарная ответствен-

ность за нарушения законодательства о противодействии коррупции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 7–8.

18. Яковлев И. Д. Привлечение должностных лиц к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ // Законность. 2018. № 1.
19. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 г. по делу № 16-378/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

Bibliographic list

1. Bolshakova V. M., Kalashnikov V. V., Naumov P. Yu., Zelepukin R. V. Legal regulation of cases when military personnel are considered to be performing military service duties, and the relationship between their material and disciplinary responsibility // Law in the Armed Forces. 2021. №11.
2. Bukhtoyarova O. A. The subject of administrative law and disciplinary responsibility in the context of the differentiation of branches of law // Administrative law and process. 2022. № 6.
3. Deryuga N. N., Deryuga A. N. Penological aspects of the conditions for the onset of administrative responsibility // Journal of Russian Law. 2020. № 4.
4. Dobrobaba M. B. Disciplinary responsibility in service and tort law : the concept and legal nature // Actual problems of Russian law. 2013. № 6.
5. Zabramnaya E. Y. Disciplinary responsibility : intersectoral aspect and actual problems of the legal institute // Labor law in Russia and abroad. 2019. № 3.
6. Kisin V. R. The subject of an administrative offense and the subject of administrative responsibility : similarities and differences // Administrative law and process. 2019. № 6.
7. Nobel A. R. Features of proceedings in cases of administrative offenses in the context of the implementation of the principle of equality in bringing to administrative responsibility // Actual problems of Russian law. 2022. № 5.
8. Ordina O. N. On the question of understanding the subject of administrative law // Administrative law and process. 2020. № 12.
9. Osintsev D. V. Prosecutor as a subject of an administrative offense // Current problems of Russian law. 2019. No. 4.
10. Assessment of police activity in the Russian Federation in 2020 // URL://<https://мвд.рф/publicopinion> (accessed: 20.12.2023).
11. Pankratova M. E. Legal problems of bringing civil servants to disciplinary responsibility // Modern law. 2016. № 9.
12. Seleznev V. A. Administrative responsibility of subjects of control and supervisory activities // Journal of Russian Law. 2021. № 11.
13. Senatova E. V. Disciplinary responsibility of employees of the penal enforcement system as subjects of penal relations // Administrative law and process. 2021. № 1.
14. Strelnikov V. V. Administrative and legal aspects of bringing employees of the prosecutor's office to disciplinary responsibility // Administrative law and process. 2020. № 12.
15. 15 Telegin A. S. On the issue of other types of public service / edited by O. A. Kuznetsova, // Perm Law Almanac. An annual scientific journal. 2018. № 1.
16. Tulskeya E. A. Discipline, disciplinary practice and principles of their implementation in the field of internal affairs // State and law. 2018. № 3.
17. Yusupov A. L. Disciplinary responsibility for violations of anti-corruption legislation : abstract of the thesis ... cand. legal sciences. Saratov, 2014. P. 7–8.
18. Yakovlev I. D. Bringing officials to administrative responsibility under Article 5.59 of the Administrative Code of the Russian Federation // Legality. 2018. № 1.
19. Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated December 23, 2019 in case № 16-378/2019 // ConsultantPlus.

Информация об авторе

А. В. Ольшевская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Olshevskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-156-161>

EDN: <https://elibrary.ru/phhmrr>

НИОН: 2003-0059-3/24-063

MOSURED: 77/27-003-2024-03-262

Личное поручительство в органах внутренних дел

Андрей Витальевич Ольшевский¹, Кирилл Вадимович Жестков²

^{1,2} Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹ ols24@yandex.ru

² zhestik2017@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с возникновением и развитием личного поручительства в органах внутренних дел. Проанализировано нормативное регулирование порядка и условий личного поручительства в органах внутренних дел на различных исторических этапах, в том числе современном. Исследованы вопросы актуальности применения личного поручительства в органах внутренних дел в качестве кадровой технологии в условиях изменения социально-экономической и политической ситуации в стране.

Ключевые слова: личное поручительство, поручительство, поручитель, порука, поступление на службу в органы внутренних дел, сотрудники органов внутренних дел, органы внутренних дел

Для цитирования: Ольшевский А. В., Жестков К. В. Личное поручительство в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 156–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-156-161>. EDN: PHHMRR.

Original article

Personal guarantee in the internal affairs bodies

Andrei V. Olshevskiy¹, Kirill V. Zhestkov²

^{1,2} Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ ols24@yandex.ru

² zhestik2017@yandex.ru

Abstract. The issues related to the emergence and development of personal surety in the internal affairs bodies are being considered. The normative regulation of the order and conditions of personal surety in the internal affairs bodies at various historical stages, including the modern one, is analyzed. The issues of relevance of the use of personal surety in the internal affairs bodies as a personnel technology in the context of changing socio-economic and political situation in the country are investigated.

Keywords: personal guarantee, surety, surety, bail, admission to the service of internal affairs bodies, employees of internal affairs bodies, internal affairs bodies

For citation: Olshevskiy A. V., Zhestkov K. V. Personal guarantee in the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):156–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-156-161>. EDN: PHHMRR.

*«Не забывай благодеяний поручителя;
ибо он дал душу свою за тебя»*

(Глава 29. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова [1])

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев в ходе выступления в 2023 году на итоговой коллегии Министерства внутренних дел Российской

Федерации отметил, что по-прежнему остро стоит вопрос комплектования, в связи с чем основная задача кадрового обеспечения — снижение оттока специалистов и повышение привлекательности профессии. В 2022 году без учета новых территорий вакантными оставались 105 000 должностей, из них 86 000 — аттестованных. Прежде всего, речь идет о патрульно-постовой службе, участковых уполномоченных по-

© Ольшевский А. В., Жестков К. В., 2024

лиции, следствии, оперативных подразделениях [2]. В 2024 году ситуация в целом не изменилась.

В этой связи Министерством проводится работа по повышению привлекательности службы в органах внутренних дел (например, в 2023 году размер денежного довольствия всех категорий сотрудников органов внутренних дел увеличился на 15,5 % [3; 4]), оперативному укомплектованию подразделений МВД России, в том числе путем упрощения процедуры поступления граждан на службу в органы внутренних дел.

Так, Федеральным законом № 436-ФЗ [5] внесены изменения в Закон о службе [6], в том числе в части признания утратившим силу пункта 7 статьи 17 Закона о службе, которым устанавливалась необходимость оформления личного поручительства на гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел (далее — ОВД), сотрудником ОВД со стажем службы не менее 3-х лет за соблюдение гражданином соответствующих запретов и ограничений [5].

С вступлением в силу Федерального закона № 436-ФЗ [5] уполномоченному руководителю более не требуется личное поручительство за гражданина, поступающего на службу в ОВД, при принятии решения по итогам рассмотрения его документов.

Дальнейшая тенденция исключения личного поручительства из нормативных правовых актов нашла свое отражение в Указе Президента Российской Федерации № 699 [7], в который Указом Президента Российской Федерации № 94 [8] внесены изменения в части исключения определения порядка оформления личного поручительства за гражданина, поступающего на службу в ОВД [7].

В настоящее время Главным управлением по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации готовится проект ведомственного акта об исключении личного поручительства из приказа МВД России № 50 [9].

Исключение института личного поручительства из перечисленных нормативных правовых актов связано с необходимостью облегчения процедуры поступления граждан на службу в ОВД.

Следует отметить, что в целях снижения некомплекта в МВД России и облегчения поступления на службу Федеральным законом № 436-ФЗ внесен и ряд других изменений в Закон о службе.

Так, возрастные ограничения для приема на службу для впервые поступающих на службу граждан определяются возрастными ограничениями для пребывания на службе в зависимости от присваиваемого специального звания [5].

Предусмотрена возможность заключения срочных контрактов на срок до 1 года без испытательного срока с гражданином, ранее проходившим службу в ОВД или в ФОИВ на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий, и поступающим на службу в ОВД для выполнения специальных задач либо задач в особых условиях [5].

Таким образом, исключение личного поручительства на данном этапе вызвано желанием упростить условия поступления на службу в ОВД в целях укомплектования МВД России.

Неэффективность на данном этапе личного поручительства в ОВД отмечалась и в научной литературе. Так, по мнению Е. П. Мальцева, в настоящее время личное поручительство является неэффективной кадровой технологией, неспособной без соответствующей трансформации и совершенствования административно-правового регулирования достичь целей, ради которых оно было создано [10].

Вместе с тем стоит отметить, что институт поручительства прошел большой путь становления и развития.

Первые упоминания о поручительстве начинаются со времен правления русского царя и великого князя Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.). В этот период поручительство зарождается в различных сферах правоотношений: гражданской, процессуальной, военной (служебной). При этом в каждой из названных сфер поручительство имело свои особенности [11, с. 9–16].

Отдельное внимание следует уделить одному из основных видов поручительства в публичном праве Московского государства — поруке по казакам, стрельцам и другим служилым людям. Названный вид поручительства использовался как внутренний прием управления служилыми людьми. Необходимо отметить, что служилые люди несли службу в постоянном войске, выполняли функции княжеских телохранителей, а также занимались арестом лиц, попавших в опалу. Верность государству в выполнении названных обязанностей обеспечивалась путем установления поручительства за ними со стороны третьих лиц. Порукой гарантировалась исправность службы и соблюдение порядка и благочиния в войсках. В качестве примера можно указать на запись в Актах Юридических, изданных Калачевым (т. II, № 261, 1667 г.). В этой записи 9 стрельцов выступают поручителями по «нововерстанному» казаку в том, чтобы последний служил великому государю конную службу и ни в чем не изменял, в немирные и в неверные орды не отъезжал, со службы не сбегал, не воровал. Поручители отвечали всем своим имуществом за ущерб, нанесенный новоприбывшим служилым человеком. Ответственность их не ограничивалась только имущественной, поручители несли еще и кару уголовную за проступки тех лиц, по которым они ручались [11, с. 36–38].

В этой связи личное поручительство в ОВД является фактически правопреемником предусмотренной Московским правом поруки по казакам, стрельцам и другим служилым людям, применяемой в Московском государстве для обеспечения верности служилых людей путем установления поручительства со стороны третьих лиц.

В правовых актах СССР также использовались отдельные элементы поручительства.

Так, пунктом 20 Постановления НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. [12] было установлено, что на различные должности в милиции: Заведующий Губернским Управлением, Начальник Уездной и Городской Милиции и их Помощники назначаются, в том числе по рекомендации от профессиональных союзов, социалистических партий, местных Советов Депутатов.

Как отмечает А. М. Бобров, институт рекомендаций при приеме на службу в ОВД ранее имел нормативное закрепление, однако формально данное требование предъявлялось только к руководящему составу ОВД. Вместе с тем на практике для поступления на любые должности в ОВД необходимо было предоставить рекомендацию, которая являлась гарантом признания кандидатом советской власти [13].

Отметим, что термин «рекомендация» не является тождественным термину «поручительство». В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова под «рекомендацией» понимается благоприятный отзыв о ком-нибудь или о чем-нибудь, тогда как под «поручительством» понимается ответственность, принимаемая кем-нибудь на себя в обеспечение обязательств другого лица [14]. С учетом изложенного, рекомендация является не более чем дополнительным источником информации о кандидате наряду с иными источниками.

В постсоветский период также использовались элементы личного поручительства.

Так, в 1994 году приказом МВД России № 160 [15] было предусмотрено, что в случае недостаточности характеризующих сведений на поступающего на службу в ОВД кандидата, рекомендации предоставлялись сотрудниками правоохранительных органов, должностных лиц законодательной и исполнительной власти.

На законодательном уровне впервые институт личного поручительства введен в 2010 году Федеральным законом № 156-ФЗ [16], которым внесены изменения в Постановление Верховного Совета Российской Федерации № 4202-1 [17]. Названный Федеральный закон дополнил статью 8 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации новым условием приема граждан на службу в ОВД — оформлением личного поручительства сотрудниками ОВД [17].

Внесение указанных изменений стало основанием для издания приказа МВД России № 700 [18], в котором были сформулированы цели введения личного поручительства, определены требования к поручителю, определены порядок оформления личного поручительства и категории должностей, предусматривающие поручительство.

В 2012 году с принятием Закона о службе существенно изменился порядок оформления личного поручительства, следствием которого явилось издание приказа МВД России № 522 [19].

В этом же году был подписан Указ Президента

Российской Федерации № 1653 [20], где предусматривается поручительство двух представителей федерального государственного органа из числа лиц, замещающих должности, по которым предусмотрено присвоение воинских званий высших офицеров либо высших специальных званий, и знающих кандидата по совместной службе не менее двух лет, для включения кандидата в федеральный кадровый резерв. Данное требование касается не только МВД России, но и других ведомств.

Следует отметить, что поручительство в названном Указе используется не для приема кандидата на службу или работу, а для включения кандидата в федеральный кадровый резерв с перспективой последующего перевода на вышестоящую должность.

Таким образом, личное поручительство имеет достаточно древние корни.

В этой связи можно констатировать, что на государственной службе институт личного поручительства сложился уже давно и имеет свои особенности.

Отметим, что в коммерческих организациях также используется инструмент, частично схожий с личным поручительством — реферальная программа, которая позволяет работодателю эффективно привлекать к своей деятельности новых сотрудников путем выплаты вознаграждения уже действующим работникам за успешную рекомендацию нового кандидата. Указанная программа активно используется в крупных коммерческих организациях: «Тинькофф», «Альфа-банк», «Лаборатория Касперского», «Ростех» и т. д. [21].

В этой связи полагаем, что до конца институт личного поручительства себя не исчерпал.

При этом полагаем возможным подумать над различными формами поручительства: в качестве поручителя может выступать один человек или даже два; получение рекомендаций на гражданина с других его мест службы, работы, учебы, в том числе от других органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных организаций; поручительство при назначении на вышестоящие должности, в том числе на должности, подверженные коррупционным рискам; поручительство при приеме на службу; введение процедуры поощрения поручителей в случаях, когда с их помощью удалось достичь поставленных целей.

Учитывая изложенное, отметим, что когда кадровая ситуация в ОВД изменится в положительную сторону и при наличии соответствующих ресурсов, следует вернуться к этому институту.

Список источников

1. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова // URL://<http://www.patriarchia.ru/bible/sir/29/>
2. Расширенное заседание коллегии МВД России // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 1046 «О повышении денежного довольствия военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2022 г. № 1701 «Об установлении дополнительных мер социальной поддержки сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).
5. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).
6. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).
8. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. № 94 «О признании утратившими силу абзацев пятого и девятого подпункта 9 пункта 20 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2024).
9. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2024).
10. Мальцев Е. П. Институт личного поручительства в органах внутренних дел Российской Федерации : историко-правовой аспект // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 341–345.
11. Никонов С. П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву: Исслед. Сергея Никонова. Санкт-Петербург : Т-во экон. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895. 216 с.
12. Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2024).
13. Бобров А. М. Возможность использования институтов рекомендации и поручительства при поступлении граждан на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2009. № 20. С. 26–30.
14. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова // URL://<https://slovarozhegova.ru/>
15. Приказ МВД России от 17 мая 1994 г. № 160 «Об утверждении Инструкции о порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2024).
16. Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2024).
17. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-I «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2024).
18. Приказ МВД России от 30 сентября 2010 г. № 700 «Об утверждении Порядка оформления личного поручительства в органах внутренних дел Российской Федерации и Категорий должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2024).
19. Приказ МВД России от 18 мая 2012 г. № 522 «Об утверждении Порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и Категорий должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2024).
20. Указ Президента Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 1653 «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2024).
21. Реферальная программа : что это такое и зачем она нужна людям и бизнесу // URL://<http://trends.rbc.ru/trends/social/6440f9679a79479dab94b406>.

References

1. The Book of Wisdom of Jesus the son of Sirach // URL://http://www.patriarchia.ru/bible/sir/29/
2. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1046 dated June 28, 2023 «On increasing the monetary allowance of military personnel and employees of certain Federal executive authorities» // ConsultantPlus (accessed: 20.02.2024).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1701 dated September 28, 2022 «On the Establishment of Additional Social Support Measures for Employees of Certain Federal Executive Authorities» // ConsultantPlus (accessed: 20.02.2024).
5. Federal Law № 436-FZ dated August 4, 2023 «On Amendments to Certain Legislative Acts acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 20.02.2024).
6. Federal Law № 342-FZ dated November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 20.02.2024).
7. Decree of the President of the Russian Federation dated December 21, 2016 № 699 «On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 20.02.2024).
8. Decree of the President of the Russian Federation № 94 dated February 5, 2024 «On Invalidation of Paragraphs of the Fifth and ninth sub-paragraphs 9 of paragraph 20 of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation № 699 dated December 21, 2016» // ConsultantPlus (accessed: 22.02.2024).
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 50 dated February 1, 2018 «On approval of the Procedure for organizing service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 27.02.2024).
10. Maltsev E. P. Institute of personal surety in the internal affairs bodies of the Russian Federation : historical and legal aspect // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 341–345.
11. Nikonov S. P. Surety in its historical development in Russian law : Research. Sergei Nikonov. St. Petersburg : T-vo ekon. type-lit. Panfilov and Palibin, 1895. 216 p.
12. Resolution of the NKVD of the RSFSR, People's Commissariat of the RSFSR of October 13, 1918 «On the organization of the Soviet Workers' and Peasants' Militia (Instructions)» // ConsultantPlus (accessed: 22.02.2024).
13. Bobrov A. M. The possibility of using the institutions of recommendation and surety when citizens enroll in public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs. 2009. № 20. P. 26–30.
14. Explanatory dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov // URL://https://slovarozhegova.ru/
15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 17, 1994 № 160 «On approval of the Instructions on the procedure for selecting citizens for service (work) in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 23.02.2024).
16. Federal Law № 156-FZ of July 22, 2010 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 23.02.2024).
17. Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of December 23, 1992 № 4202-I «On Approval of the Regulations on Service in the bodies of internal affairs of the Russian Federation and the text of the Oath of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 23.02.2024).
18. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 700 dated September 30, 2010 «On approval of the Procedure for registration of personal surety in the internal Affairs bodies of the Russian Federation and the Categories of positions for which personal surety is issued» // ConsultantPlus (accessed: 23.02.2024).
19. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 522 dated May 18, 2012 «On approval of the Procedure for registration of personal surety upon entry into the service of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation and the Categories of positions for which personal surety is issued» // ConsultantPlus (accessed: 25.02.2024).
20. Decree of the President of the Russian Federation dated December 13, 2012 № 1653 «On Federal personnel reserves of federal state bodies, the activities of which are managed by the President of the Russian Federation» // ConsultantPlus (accessed: 24.02.2024).
21. Referral program : what is it and why do people and businesses need it // URL://http://trends.rbc.ru/trends/social/6440f9679a79479dab94b406.

Информация об авторах

А. В. Ольшевский — заместитель начальника Службно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации;

К. В. Жестков — старший эксперт Службно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. V. Olshevskiy — Deputy Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation;

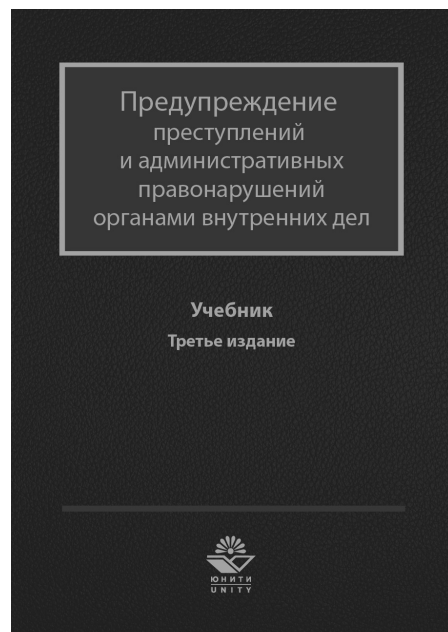
K. V. Zhestkov — Senior Expert of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности;

дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-162-167>

EDN: <https://elibrary.ru/nostnt>

НИОН: 2003-0059-3/24-064

MOSURED: 77/27-003-2024-03-263

Актуальные проблемы и тенденции развития института самозащиты гражданских прав в России

Лариса Ивановна Попова

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия

Аннотация. Рассмотрен институт самозащиты, который несмотря на уже длительный период существования, до сих пор как в цивилистической науке, так и в правоприменительной деятельности не имеет единообразного понимания. Представлены различные подходы к пониманию правовой природы самозащиты гражданских прав. В ходе проведения исследования были проанализированы характерные черты, присущие самозащите как основной форме неюрисдикционной защиты гражданских прав. Целью настоящего научного исследования выступает определение основных проблем и тенденций развития самозащиты гражданских прав. В рамках настоящего исследования автором были использованы статистический, системно-структурный и конкретно-социологический методы, а также метод формализации, и предложено авторское определение самозащиты в гражданском праве, сформулированы меры, направленные на совершенствование правового регулирования данного института защиты прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: самозащита прав, способы защиты, формы самозащиты, необходимая оборона, соразмерность

Для цитирования: Попова Л. И. Актуальные проблемы и тенденции развития института самозащиты гражданских прав в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 162–167. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-162-167>. EDN: NOSTNT.

Original article

Current problems and trends in the development of the institute of self-defense of civil rights in Russia

Larisa I. Popova

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Abstract. The institution of self-defense, which, despite its long period of existence, still does not have a uniform understanding both in civil science and in law enforcement, is being considered. Various approaches to understanding the legal nature of self-defense of civil rights are presented. In the course of the study, the characteristic features inherent in self-defense as the main form of non-jurisdictional protection of civil rights were analyzed. The purpose of this scientific research is to identify the main problems and trends in the development of civil self-defense right. Within the framework of this study, the author used statistical, system-structural and specifically sociological methods, as well as the method of formalization and proposed the author's definition of self-defense in civil law, formulated measures aimed at improving the legal regulation of this institution of protection of the rights and legitimate interests of subjects of civil relations.

Keywords: self-defense of rights, methods of protection, forms of self-defense, necessary defense, proportionality

For citation: Popova L. I. Current problems and trends in the development of the institute of self-defense of civil rights in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):162–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-162-167>. EDN: NOSTNT.

© Попова Л. И., 2024

Введение. Действующий институт защиты прав и интересов субъекта гражданских правоотношений содержит в себе весь спектр нормативного регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, начиная со стадии возникновения правовых предписаний, заканчивая их воплощением в правоприменительной деятельности. Не вызывает сомнений, что верное толкование и применение различных приемов защиты гражданских прав оказывает благотворительное воздействие на порядок осуществления различных механизмов защиты прав и интересов субъектов гражданского права.

На основании данного тезиса, довольно интересным представляется проанализировать один из самых сложных институтов защиты прав и интересов субъектов гражданских правоотношений — институт самозащиты гражданских прав.

Исследование теоретических и практических аспектов института самозащиты указывает на отсутствие единообразного восприятия данного межотраслевого института (будь то самозащита в контексте института необходимой обороны и ее пределов в рамках уголовного права или самозащита гражданских прав), предоставляя свободу как доктринальному, так и судебному толкованию данного правового явления. В свою очередь, существование различных подходов к толкованию составляющих элементов самозащиты, обусловленной недостаточным уровнем развития правосознания населения, неразрешенность в должной мере многих вопросов самозащиты (в частности, определение унифицированного понятия, содержания, структурных элементов самозащиты), свидетельствует о необходимости дальнейшего монографического исследования структурных элементов рассматриваемого нами межотраслевого института.

Самозащита являлась предметом комплексных монографических исследований российских и иностранных специалистов в области гражданского права: Ю. Н. Андреева (2020), О. П. Зиновьевой (2006), О. Г. Лазаренковой (2016), семейного права, в частности: А. Г. Свердлыка и Э. Л. Страунинга (2002) и др. исследователей.

Как мы видим, комплексных работ в рамках цивилистической науки за последние десять лет практически не проводилось. Поскольку многие вопросы самозащиты так и остались неразрешенными, остается маловероятным, чтобы у научного сообщества пропал интерес к изучению данной проблематики, что подтверждается продолжающимися спорами ученых, протекающих на страницах периодических научных изданий.

Интерес к институту самозащиты прослеживается также в исследованиях в области уголовно-правовых наук (например, Д. А. Гержа (2020), С. В. Усенко, (2023) [1, с. 44–51] и др. авторов).

В то же время, практически остается не исследованным вопросы общетеоретического, фундаменталь-

ного характера института самозащиты по действующему отечественному законодательству. Кроме того, неразрешенными по прежнему остаются вопросы соотношения самоуправства, в рамках ст. 330 УК РФ и права (отметим, что данный вопрос остается не только дискуссионным в рамках доктрины уголовного права, но также и результатом противоречивой следственной и судебной практики), среды, в которую погружена самозащита, и ее инфраструктуры. В рамках данной работы сделан упор на самозащиту как отрасль гражданского права.

Основная часть. Специфика самозащиты характеризуется ее двойственной правовой природой. Так, законодатель изначально устанавливает самозащиту в ст. 12 ГК РФ как один из способов защиты гражданских прав. Однако такое положение в гражданско-правовой науке не было принято со стороны достаточно большого количества ученых-цивилистов. Критика данной нормы основана на том, что в доктрине самозащиту, в первую очередь, относят к самостоятельной форме защиты. Форма защиты прав в юриспруденции рассматривается как внешнее выражение деяний лица, направленного на защиту своих прав и интересов, и может содержать различные юридические средства, приемы и способы. В своем исследовании, не смотря не первоначальное включение самозащиты в ст. 12 ГК РФ, мы придерживаемся мнения, что данный институт защиты гражданских прав стоит относить к самостоятельной форме защиты. В качестве аргумента можно привести положения ст. 14 ГК РФ, где содержится указание, что способы самозащиты должны соответствовать нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Самозащита состоит из отдельных способов, т. е. представляет самостоятельную форму защиты. Также содержание ст. 14 ГК РФ еще раз закрепляет право субъектов на самозащиту гражданских прав, а также регламентирует допустимые пределы применения самозащиты.

Особенность такой формы защиты своих прав и интересов – субъект гражданского права осуществляет свою защиту самостоятельно, не обращаясь в суд или иной орган. Самозащита допускается путем использования способов защиты, содержащихся в ст. 12 ГК РФ, среди которых наиболее распространенными можно назвать пресечение действий, нарушающих право; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; прекращение или изменение правоотношения. Таким образом, исходя из содержания ст. 12 и ст. 14 ГК РФ следует, что институт самозащиты своих прав не имеет точно установленных границ применения.

Итак, сам термин «самозащита» является довольно универсальным и межотраслевым понятием, обладающим глубокими историческими корнями. Однако, для того, чтобы сформулировать представление о самозащите в гражданско-правовой сфере, в первую

очередь, представляется необходимым рассмотреть, как данный термин понимается в цивилистической науке.

Несмотря на уже достаточно длительное существование, в гражданском праве до сих пор отсутствует легальное определение определения самозащиты гражданских прав. В юридической науке традиционно принято считать истоком права на самозащиту ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, в которой содержится указание, что каждый вправе осуществлять защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными действующими нормами.

Так, в наиболее общем виде в гражданско-правовой доктрине самозащита гражданских прав определяется как разрешенные законом или договором поступки в форме действий или бездействия субъекта, обеспечивающие неприкосновенность прав и интересов, пресечение нарушения, а также устранение последствий такого нарушения.

В соответствии с общим правилом самозащита осуществляется при условии наличия посягательства на право, которым лицо обладает на законных основаниях. При реализации самозащиты не должно быть очевидного несоответствия способов самозащиты характеру и степени опасности противоправного посягательства и допущено превышение пределов, необходимых для обеспечения неприкосновенности прав и законных интересов. Однако приведенное толкование самозащиты раскрывает ее сущность как института защиты своих прав не в полной мере.

Таким образом, представляется интересным рассмотреть точку зрения С. В. Милюкова [2]. Данный ученый, рассматривая используемые в правоприменительной деятельности различные методы гражданской самозащиты, отмечает тот факт, что они иногда не носят очевидный характер для окружающих.

К неочевидным приемам самозащиты автор относит: угрозу самосожжения, голодовки, захват жилой площади или земельного участка, деятельность, направленная на создание общественных объединений в целях осуществления защиты прав и законных интересов граждан, проведение забастовок, а также самороспуск общественного образования и некоторые другие способы.

С данной точкой зрения, на наш взгляд, довольно трудно согласиться, так как некоторые из рассмотренных действий, такие как забастовка, регулируются довольно подробно иными отраслями права и не являются в полной мере институтами гражданского права.

В свою очередь, А. В. Зимина, рассматривая неюрисдикционные формы защиты гражданских прав, справедливо указывает, что они относятся к самостоятельной форме защиты субъектом своих прав без обращения к принудительной силе государства путем обращения в органы публичной власти, уполномочен-

ных осуществлять защиту и охрану частных прав и законных интересов [4, с. 160–166].

Следовательно, можно сказать, что в данном случае под неюрисдикционными способами защиты понимается самозащита своих прав.

Как подмечает Н. А. Колоколов, к самозащите относятся меры, прямо не указанные в законодательстве, цель которых заключается в самостоятельном пресечении противоправных действий [3]. Также данный автор дополнительно выделяет признаки правомерности таких мер:

- в случае бездействия лица имеется угроза причинения ему вреда;
- нецелесообразность устранения нарушения иными доступными средствами, так как использование механизмов юрисдикционной защиты может потребовать длительного периода времени, за который имеющееся нарушение может причинить лицу существенный вред;
- способ и характер пресечения соответствуют нарушению;
- вред, который может быть причинен при реализации самозащиты, соразмерен предотвращенному.

Анализируя понятие самозащиты, Е. Б. Казакова выделяет следующие ее характерные признаки [5, с. 183–186]:

- у субъекта самозащиты отсутствуют какие-либо властные полномочия;
- действия лица продиктованы экстремальной ситуацией, для которой характерно ограничение времени на принятие решения и выбора средств защиты;
- отсутствие в законе каких-либо указаний на действия фактического характера;
- любой способ самозащиты не подразумевает под собой обращения за защитой в уполномоченные на то органы.

Рассматривая положения ст. 14 ГК РФ, можно сказать, что со стороны законодателя были предусмотрены два базовых требования к самозащите. Первое требование подразумевает, что действия субъекта, осуществляющего защиту своих прав и интересов должны соразмерно отвечать поступкам нарушителя таких прав. Другими словами, можно сказать, что в данной ситуации осуществляется анализ нарушения (или попытки нарушения) права правонарушителем, включая характер его действий в соответствии его соразмерности примененным способам защиты. Второе требование вытекает из первого, и гласит, что используемые способы самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения. Значение такого требования оценивается в соотношении нарушенного и защищенного блага.

В соответствии с действующим правом превышение пределов самозащиты рассматривается как явная

несоразмерность использованных средств защиты характеру нарушения (отметим, что аналогичный вывод встречается и в иностранной литературе [5, с. 743–756]).

Одним из таких случаев превышения мер самозащиты является самоуправство. В качестве примера самоуправства можно привести ситуацию, когда муж проникает на территорию домовладения по месту жительства его бывшей супруги, где он после расторжения брака утратил право находиться на законных основаниях, с целью забрать имущество, принадлежащее ему на праве собственности, которое в связи с наличием задолженности по уплате алиментов на ребенка бывшая жена отказалась возвращать. В подобных ситуациях представляется возможным сказать, что действия жены относятся к самозащите. В качестве обоснования такой позиции, можно провести аналогию в том ключе, что ГК РФ предусматривает право удерживать вещи должника, до тех пор, пока не будет исполнена обязанность по возврату задолженности. А поступок мужа с позиции действующего законодательства может расцениваться как самоуправство, в силу противоправного проникновения в жилище, право нахождения в котором он утратил после расторжения брака [6, с. 41–45].

Основываясь на данном примере, стоит отметить, что самозащита не расценивается как правомерная в ситуации, когда она очевидно не соразмерна способу и характеру нарушения и вред, возникший от подобных действий, по сравнению с предотвращенным является более значительным. Наиболее простым является оценка соразмерности в отношении материальных благ за счет возможности соизмерения их стоимости. Начало спора связано со стадией, когда возникает необходимость сопоставить последствия для нематериальных и материальных благ.

К сожалению, действующее гражданское законодательство никак не раскрывает доступные виды способов самозащиты. Также этому вопросу фактически не уделялось внимание и со стороны судебных органов. В настоящее время самозащита хоть как-то раскрывается только в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [7]. В соответствии с п. 10 указанного постановления самозащита гражданских прав может осуществляться в том числе путем воздействия лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество.

Самозащита может заключаться в воздействии на имущество правонарушителя, если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости [8]. Использование самозащиты не исключает права такого лица применять другие способы защиты, установленные в ст. 12 ГК РФ, включая и судебный порядок защиты.

На основании проведенного исследования различных авторских точек зрения обозначим основные виды самозащиты:

- применение мер оперативного воздействия на нарушителя гражданских прав других лиц, минуя обращение к органам публичной власти, уполномоченных на осуществление юрисдикционных форм защиты. Данный механизм применяется защищаемым лицом при осуществлении самозащиты и влекут юридически обязательные имущественные и неимущественные последствия обременительного характера для правонарушителя. Данный механизм защиты реализуется, в частности, отказом от исполнения встречного обязательства потерпевшей стороной. В другом случае, меры оперативного воздействия могут проявляться в виде реализации во внесудебном порядке заложенного имущества, а также в виде удержание чужого имущества (отметим, что аналогичные механизмы уже реализованы в зарубежной практике англо-саксонской, романо-германской и мусульманской правовых семьях;
- реализация фактических действий без помощи государственных органов в целях оперативной защиты нарушаемых прав и законных интересов. По мнению автора, это находит свое отражение при осуществлении необходимой обороны или в действиях, продиктованных крайней необходимостью. Однако на данный момент ГК РФ никак не раскрывает понятия необходимой обороны. В связи с чем, в настоящее время в правоприменительной деятельности используется определение этого понятия, заимствованное из уголовного права;
- самопомощь, под которой автор самостоятельно устранение препятствий в пользовании вещью или же изъятие вещи из чужого незаконного владения, недопущение людей на объект собственности и другие аналогичные действия и поступки.

В настоящее время в цивилистической науке существует вопрос, можно ли рассматривать сам факт обращения лица за защитой своих прав и интересов в уполномоченные на то органы публичной власти или правозащитные организации как акт самозащиты?

Так, в частности, С. В. Милоков и Ю. В. Зуева придерживаются позиции, что самозащита не включает в себя обращение за защитой в публичные органы или организации. По их мнению, само определение самозащиты не подразумевает под собой обращение к сторонней помощи. В свою очередь, некоторые исследователи подмечают, что самозащита представляет собой совокупность самостоятельных действий (бездействия) субъекта без обращения к какому-либо публичному органу либо общественной организации.

Иной точки зрения придерживается С. Каутцер. Он утверждает, что самозащита своих прав может

включать в себя непосредственно сам факт обращения за защитой в государственные органы, а также обжалование деяний органов публичной власти, нарушающих права и свободы человека и гражданина, включая защиту посредством обращения в институты гражданского общества [6].

По нашему мнению, вторая позиция представляется довольно спорной в силу того, что самозащита гражданских прав представляет собой самостоятельное действие, которое совершается субъектом самостоятельно, в целях защиты своих прав и законных интересов и не подразумевает под собой обращение к публичным органам или в другие институты, осуществляющие защиту таких прав.

Заклучение. Главным преимуществом самозащиты как отдельной формы защиты можно назвать ее оперативность. Другие формы защиты не могут оказать столь быструю реакцию на нарушение прав и законных интересов. Для судебной формы как раз характерен длительный процесс осуществления защиты и восстановления нарушенных прав, ведь, как известно, некоторые разбирательства могут длиться месяцами, а то и годами.

На основании проведенного исследования института самозащиты гражданских прав, можно выделить его основные особенности:

1) действия по защите осуществляются лицом самостоятельно, без обращения к специально уполномоченным публичным органам и организациям;

2) самозащита – совершение правомерных действий защищающегося субъекта лично, проявляющихся в форме активных действий (необходимая оборона) и бездействия (неисполнение встречного обязательства);

3) в качестве основания для реализации самозащиты выступает совершающееся или совершившееся нарушение гражданских прав и законных интересов и наличие реальной угрозы такого нарушения;

4) конкретные меры и способы самозащиты могут предусматриваться в правовых нормах и вытекать из существа возникшего между сторонами отношения (например, на основании договора);

5) применения самозащиты не лишает субъекта права на обращение за дальнейшей защитой права в уполномоченные на то органы публичной власти как в административном, так и в судебном порядке.

В связи с тем, что действующее законодательство и судебная практика до настоящего времени так и не выработали единого подхода к пониманию самозащиты, на наш взгляд, представляется логичным сформировать самостоятельное определение данного термина. Таким образом, под самозащитой прав и законных интересов следует понимать осуществляемые субъектом гражданских прав соразмерные нарушению самостоятельные разрешенные законом действия, направленные на защиту от посягательств или реального

нарушения своих прав, свобод и интересов иных лиц без обращения в специально уполномоченные органы публичной власти.

Также в целях совершенствования института самозащиты, представляется необходимым внести изменения в ст. 1066 ГК РФ, так как данная норма не раскрывает понятие необходимой обороны в рамках гражданского законодательства. Для чего предлагается либо дополнить указанную статью отсылкой к нормам уголовного законодательства, либо разработать собственное отраслевое понятие на базе уже имеющих норм уголовного права в целях формирования единообразного подхода в правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Усенко С. В. Криминалистические характеристики и материальная структура воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Эпомен.Глобал. 2023. № 36.
2. Милюков С. Ф. Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты (доктрина, практика, техника) / С. Ф. Милюков, Ю. В. Зуева. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021.
3. Колоколов Н. А. Отзыв на диссертацию Юлии Владимировны Зуевой на тему: «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
4. Зимина А. В. Неюрисдикционная форма защиты гражданских прав // Ростовский научный журнал. 2019. № 3.
5. Казакова Е. Б. Проблема выбора способов самозащиты гражданских прав // Тенденции развития современного общества: экономико-правовой аспект : сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Пенза : Пензенский государственный технологический университет. 2016.
6. Каутцер С. Субъективная сторона самозащиты: социальное исследование // Философия и социальная критика. 2014. Т. 40. № 8.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Август. 2015 г. № 8.
8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

References

1. Usenko S.V. Criminalistic characteristics and the material structure of obstruction of legitimate professional activity of journalists // Epomen. Global. 2023. № 36.
2. Milyukov S.F. Necessary defense in the system of the multi-legal institute of self-defense (doctrine, practice, technique) / S. F. Milyukov, Yu. V. Zueva. Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2021.
3. Kolokolov N. A. Review of Yulia Vladimirovna Zueva's dissertation on the topic : «Institute of Self-defense under Russian law (doctrine, practice, technique)» // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5.
4. Zimina A. V. The non-jurisdictional form of protection of civil rights // Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2019. № 3.
5. Kazakova E. B. The problem of choosing ways of self-defense of civil rights // Trends in the development of modern society: economic and legal aspect : collection of scientific papers of the international scientific and practical conference. Penza: Penza State Technological University, 2016.
6. Kautzer S. The subjective side of self-defense: a social study // Philosophy and social criticism. 2014. Vol. 40. № 8.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. August 2015. № 8.
8. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 8. 2015.

Информация об авторе

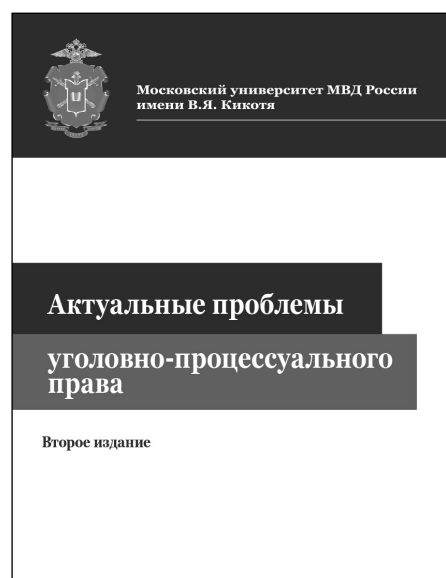
Л. И. Попова — доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. I. Popova — Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-168-174>

EDN: <https://elibrary.ru/omfmxy>

НИОН: 2003-0059-3/24-065

MOSURED: 77/27-003-2024-03-264

Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в условиях санкций

Наталья Федоровна Попова¹, Юлия Валентиновна Николаева²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ nfpopova51@mail.ru

² UNikolaeva@fa.ru

Аннотация. Анализируются нормативные акты, регулирующие обеспечение экономической безопасности страны в условиях санкций, взгляды ученых на категорию «безопасность» в современном праве, документы стратегического планирования в области экономической безопасности. Делаются выводы о том, что концептуальные взгляды на место института безопасности в административном праве имеют различия, данный институт носит междисциплинарный характер. При проведении исследования выделены компоненты управленческого аспекта административно-правового обеспечения экономической безопасности в условиях санкций. К ним относятся объект, цели, субъекты, формы и методы, функции и полномочия. Осуществлен анализ мер, принимаемых руководством страны для противодействия санкциям недружественных государств и участие в их реализации органов государственного управления, деятельность которых регулируется нормами административного права.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, административно-правовые нормы, государственное управление, органы исполнительной власти, санкции, формы и методы деятельности

Благодарности: статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Попова Н. Ф., Николаева Ю. В. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в условиях санкций // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 168–174. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-168-174>. EDN: OMFMXY.

Original article

Administrative and legal support of economic security in the context of sanctions

Natalia F. Popova¹, Yulia V. Nikolaeva²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ nfpopova51@mail.ru

² UNikolaeva@fa.ru

Abstract. The normative acts regulating the provision of economic security of the country under sanctions, the views of scientists on the category of «security» in modern law, documents of strategic planning in the field of economic security are analyzed. It is concluded that the conceptual views on the place of the institute of security in administrative law have differences, this institution is interdisciplinary in nature. During the study, the components of the managerial aspect of the administrative and legal provision of economic security in the context of sanctions were identified. These include the object, goals, subjects, forms and methods, functions and powers. The analysis of the measures taken by the country's leadership to counteract the sanctions of unfriendly states and the participation of public administration bodies in their implementation, whose activities are regulated by the norms of administrative law, has been carried out.

Keywords: security, economic security, administrative and legal norms, public administration, executive authorities, sanctions, forms and methods of activity

Acknowledgements: the article was prepared with the information support of the SPS «ConsultantPlus».

For citation: Popova N. F., Nikolaeva Yu. V. Administrative and legal support of economic security in the context of sanctions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):168–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-168-174>. EDN: OMFMXY.

© Попова Н. Ф., Николаева Ю. В., 2024

Введение. В научной литературе представлены различные взгляды относительно места безопасности в системе современного права [1].

Большинство ученых-административистов придерживаются мнения, что обеспечение правопорядка и безопасности является важнейшими составляющими административной деятельности органов исполнительной власти (ОИВ), которые являются органами госуправления. В теории административного права безопасность понимается как область государственного управления в политической сфере жизнедеятельности государства.

Одни авторы считают, что система административного права включает в себя институт безопасности, который относится к особенной части данной отрасли права [2]. Другие — обосновывают «выделение новой подотрасли административного права — «права безопасности» [3].

Бельский К. С. рассматривает безопасность в узком смысле относительно угроз безопасности и широком смысле слова применительно к позитивно-управленческой деятельности субъектов исполнительной власти. Он правильно замечает, что «одновременно с осуществлением госуправления исполнительная власть обязана обеспечивать его безопасность». Из приведенного утверждения следует вывод о том, что безопасность является целью госуправления и реализации его функций, в их числе и функции государственного регулирования. И автор не рассматривает безопасность только лишь как область госуправления [4, с. 117].

Однако в научной среде преобладает позиция о межотраслевом характере института безопасности, а не только как подотрасли административного права, учитывая конституционные, финансовые, экологические, уголовно-правовые нормы о безопасности.

Основная часть. Проведя анализ российского законодательства, можно выделить несколько десятков видов безопасности, таких как, национальная, государственная, общественная, информационная, экономическая, экологическая, радиационная, пожарная, лекарственная, продовольственная, транспортная, налоговая, пограничная, внешнеторговая, энергетическая, технологическая, биологическая и иные виды безопасности. По мнению некоторых ученых, «в наибольшей степени современной административно-правовой наукой исследованы общественная безопасность, безопасность дорожного движения и экономическая безопасность» [2].

Таким образом, правовые исследования и регулирование безопасности требует широкого междисциплинарного подхода, включая и административно-правовой аспект.

Вопросам обеспечения и правового регулирования различных видов безопасности в современной России уделяется значительное внимание в документах стра-

тегического планирования¹, в законах и подзаконных нормативных правовых актах (НПА)². Большой интерес они вызывают и у практиков и ученых [5; 6; 7; 8, с. 7; 9].

Впервые понятие безопасности было раскрыто в Законе РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». На смену названному НПА в 2010 г. пришел новый ФЗ «О безопасности», который не содержит данного понятия. Но в то же время в новой Стратегии национальной безопасности 2021 г. (СНБ-20-21) уточнено понятие национальной безопасности (НБ), данное в СНБ-2015. По своему смыслу оно тождественно понятию безопасность.

НБ определяется как «состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз». ... А под национальными интересами понимается «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии».

Таким образом, безопасность как правовая категория является правовым состоянием. При ее обеспечении возникают разнообразные виды правоотношений.

Определение НБ по своему содержанию охватывает практически все стороны общественной жизни и НБ является вторичной по отношению к правам и свободам человека. Обеспечение безопасности может стать основанием ограничения прав и свобод человека, но только в той мере, в которой она обуславливает реализацию указанных прав [10].

Административно-правовое регулирование обеспечения безопасности имеет приоритет — удовлетворение, в первую очередь, общественных (публичных) интересов и обеспечение правопорядка в сфере госуправления в целях «сбережения народа России, развития человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Указанная цель достигается через деятельность ОИВ, осуществляющих госуправление и реализацию возложенных на них функций и полномочий на основе и во исполнение законов. То есть на лицо управленческая природа различных видов безопасности и административно-правовой контекст их обеспечения путем осуществления госуправления в различных сферах, областях и отраслях жизнедеятельности.

В соответствии с законодательством обеспечение разных видов безопасности государства является

¹ См.: Указы Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 и 10 января 2000 г. № 24 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратили силу), от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», от 31 декабря 2015 г. № 683, от 31 декабря 2015 г. № 683 (утратили силу) и от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

² См.: ФЗ от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» и др.

прерогативой ОИВ и регулируется административно-правовыми нормами. Деятельность органов государственного управления осуществляется в установленных формах, с помощью экономических и административных методов, направленных на выполнение функций, возложенных на ОИВ. К ним относится реализация госполитики, нормативно-правовое регулирование, осуществление контроля (надзора), предоставление госуслуг, управление госимуществом в установленной сфере деятельности и др.

Таким образом, административно-правовое обеспечение безопасности состоит из нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, разъяснительной деятельности ОИВ.

В силу отмеченного, обеспечение безопасности, прежде всего, достигается через подзаконную исполнительную и распорядительную деятельность ОИВ, направленную на претворение в жизнь законодательных предписаний в сфере госуправления. Обеспечить безопасность нельзя без организации эффективного государственного управления. Данное утверждение верно для всех существующих видов безопасности. Ведь принимают и претворяют в жизнь управленческие решения по обеспечению общественной, военной, экономической, информационной и других видов безопасности специально уполномоченные на это ОИВ в соответствии с возложенными на них функциями и полномочиями. В законодательстве определен широкий круг органов государственного управления, обеспечивающих различные виды безопасности. К ним относятся Правительство РФ, федеральные и региональные ОИВ и др.

В новой СНБ-2021 наглядно показано, что НБ включает в себя 9 блоков, таких как демографическая безопасность (безопасность человеческого потенциала), оборонная (военная) безопасность, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическая безопасность, экологическая безопасность, духовно-нравственная безопасность, безопасность международного сотрудничества.

Остановимся более подробно на экономической безопасности. Стратегия устанавливает связь НБ с устойчивым развитием российской экономики на новой технологической основе, которое признается одним из национальных приоритетов.

Признавая важность экономической безопасности (ЭБ) для обеспечения НБ, Президент РФ утвердил отдельный документ стратегического планирования — Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (СЭБ) в 2017 г. Она детализирует положения СНБ в части, касающейся обеспечения ЭБ. Под ЭБ в данном документе понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны,

единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов РФ».

В СЭБ указаны вызовы и угрозы ЭБ, цели, основные направления и задачи госполитики в сфере ее обеспечения. Стратегия разработана для обеспечения противодействия внешним и внутренним вызовам и угрозам ЭБ, предотвращение кризисных явлений в различных отраслях экономики, а также на недопущение снижения качества жизни населения.

В отличие от СНБ-2021 в IV разделе СЭБ-2017 указаны 40 показателей состояния ЭБ. Необходимо отметить, что в СНБ-2015 такие показатели содержались относительно национальной безопасности.

Пролетенкова С. Е. отмечает, что «оценка состояния экономической безопасности имеет большую практическую направленность, а ее показатели являются критерием оптимизации деятельности органов исполнительной власти, служат базой для построения ведомственных систем оценки эффективности деятельности в сфере экономической безопасности» [6].

В п. 15 СЭБ указаны основные направления государственной политики в сфере обеспечения ЭБ. Необходимо отметить, что реализация госполитики, претворение ее в жизнь — это функция ОИВ. Этих направлений девять. На первое место поставлено «развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики». Далее названы обеспечение устойчивого развития национальной финансовой системы, сбалансированного развития регионов РФ, эффективности внешнеэкономического сотрудничества и др. В выполнении всех направлений участвуют ОИВ.

Более подробно остановимся на п. 16 СЭБ-2017, в котором определены 15 задач по реализации направления, касающегося развития системы госуправления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики. Их решением, прежде всего, занимаются такие ОИВ, как Правительство РФ, Минэкономразвития, Минфин, Минцифры, ФНС, Казначейство и др.

К этим задачам отнесены следующие: реализация госполитики по обеспечению ЭБ; улучшение инвестиционного климата, деофшоризация экономики; повышение эффективности госконтроля (надзора) во всех отраслях экономики; принятие контр-санкций; оптимизация регулятивной и налоговой нагрузки на экономические субъекты, механизмов бюджетного планирования; повышение эффективности бюджетных расходов и др.

Не требует доказательств аксиома о невозможности полного предотвращения угроз ЭБ. Целью ее обеспечения является минимизация последствий наиболее опасных угроз, противодействие их критическому воздействию на экономику путем использования показателей состояния ЭБ.

Поэтому административно-правовое регулирование экономических отношений должно быть направлено на прогнозирование, предупреждение, выявление, оценку и минимизацию выявленных угроз ЭБ и достижение ее индикаторов путем упорядочивающего воздействия административно-правовых средств на организацию и социально-экономическое развитие страны.

В научных трудах встречается мнение о том, что для обеспечения ЭБ и других видов безопасности помимо правовых средств используются и организационные мероприятия, которые включают кадровое, техническое, материальное, информационное, финансовое и научное обеспечение органов госуправления [7].

С 2014 года после произошедших на Украине известных событий на Россию обрушился пакет экономических санкций со стороны недружественных стран во главе с США. Для противодействия им и для обеспечения НБ был принят Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». К названным мерам в законе отнесены следующие:

- 1) «прекращение или приостановление международного сотрудничества с данными странами и организациями, находящимися под их юрисдикцией;
- 2) запрет или ограничение на ввоз на территорию нашей страны продукции и (или) сырья, странами происхождения которых являются недружественные государства либо производителями которых являются организации, находящиеся под их юрисдикцией;
- 3) запрет или ограничение на вывоз с территории РФ продукции и (или) сырья организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств;
- 4) запрет или ограничение на выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных, муниципальных нужд, а также нужд отдельных видов юридических лиц указанными выше организациями» и др.

Решение о введении контр-санкций принимает Президент РФ, реализуются они Правительством РФ.

Возникшая эпидемия коронавируса в первом квартале 2020 г. усугубила последствия для экономики РФ введенных санкций, а также обусловила возникновение мирового экономического кризиса, вызванного карантинном, значительное сокращение промышленного производства, мирового авиасообщения, человеческих коммуникаций. Коронавирус вызвал спад спроса на нефть, которая являлась основным российским экспортным товаром. И цены на нее значительно снизились. Данное обстоятельство вызвало падение курса рубля по отношению к доллару и евро примерно на 20 %.

В апреле 2020 г. Президентом и Правительством РФ был принят комплекс мер по поддержке среднего и малого предпринимательства, отраслей экономики, которые наиболее пострадали от эпидемии.

Проведение Россией СВО обусловило ужесточение санкционного режима, введение новых экономических запретов и ограничений. Их количество превысило 17,5 тыс. и наша страна обогнала Иран по количеству наложенных санкций. Они коснулись многих важных отраслей промышленности и банковского сектора, закрытия воздушного пространства и морских портов недружественных стран и т. д. Ряд международных компаний прекратили сотрудничество с РФ.

Введенные санкции коснулись в большей или в меньшей степени всех отраслей экономики. Наиболее пострадали автомобильная промышленность, авиаперевозки, туристический сектор, малый и средний бизнес, IT-сектор.

Сложная экономическая ситуация требовала принятия эффективных государственных управленческих решений, которые оформлялись соответствующими нормативными правовыми актами управления.

В соответствии с Конституцией РФ Президент РФ осуществляет общее управление экономикой, определяет основные направления ее развития в Ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ. Поэтому в целях стабилизации экономической обстановки был принят ряд указов Президента РФ.

Например, Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». Данный документ обязал участников (резидентов) внешнеэкономической деятельности осуществить обязательную продажу иностранной валюты в размере 80 процентов суммы иностранной валюты, зачисленной начиная с 1 января 2022 г. на их счета в уполномоченных банках;

Указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771 «Об обязательной продаже иностранной валюты некоторыми российскими экспортерами»;

Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации». Он обязал резидентов совершать сделки с иностранными лицами, связанными с недружественными государствами в рублях;

Указ Президента РФ от 22 декабря 2022 г. № 943 «О применении специальных экономических мер в сфере поставок природного газа в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» и др.

Правительство РФ и другие ОИВ созданы для реализации социально-экономической политики и выполнения других функций и полномочий. В целях реализации названных выше указов руководителя страны Правительством РФ был принят пакет соответствующих НПА. Например, Постановление Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 822 «О введении

временного количественного ограничения на вывоз отдельных видов удобрений»; Постановление Правительства РФ от 12 октября 2023 г. № 1681 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771 «Об обязательной продаже иностранной валюты некоторыми российскими экспортерами» и др.

Теперь в соответствии с Указом Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 589 «О специальном порядке проведения расчетов по внешнеторговым контрактам на поставку российской сельскохозяйственной продукции» плату за российскую сельхозпродукцию можно получить через специальные рублевые и валютные счета. А перечень продукции утвердило Правительство РФ в Распоряжении от 24 октября 2023 г. № 2955-р.

В Постановлении Правительства РФ от 31 октября 2023 г. № 1824 введен запрет на вывоз отхода и лома драгметаллов до 30 апреля 2024 г.

Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 (ред. от 10.10.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» установлено, что до 2030 года не осуществляются плановые проверки, за исключением: организаций, деятельность которых относится к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска; объектов, которые являются опасными производствами II класса опасности и гидротехническими сооружениями II класса и т. д. Уменьшен перечень оснований для проведения внеплановых проверок.

Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ст. 1.1 дополнена частями 4 и 5. В соответствии с ними с 6 апреля 2022 года действуют нормы КоАП РФ, смягчающие административную ответственность юридических лиц в следующих случаях: 1) если за правонарушение привлечено его должностное лицо, то организацию не наказывают; 2) если в ходе одной проверки выявлено несколько нарушений, то организацию привлекают к ответственности только за одно правонарушение. Приняты и другие меры.

В целях обеспечения экономической безопасности в условиях санкций была необходима структурная перестройка экономики РФ.

В 2022 г. наметились следующие тенденции в ней. Во-первых, перестройка внешнеторговой деятельности с «недружественных» стран на нейтральные (Китай, Индию, Турцию, Иран и др.). Во-вторых, разрешение параллельного импорта, т. е. ввоз в РФ запрещенных западных товаров из других стран без разрешения правообладателя. Приказом Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 расширен перечень товаров для параллельного импорта. В-третьих, осуществление импортозамещения запрещенной к ввозу РФ продукции, товаров, технологий. В-четвертых,

девалютизация экономики. Она стала следствием отключения РФ от международной системы платежей и блокировки корреспондентских счетов многих российских банков [11]. В-пятых, предоставление больших возможностей для поддержки малого и среднего предпринимательства (МиСП), IT-сферы.

Остановимся подробнее на поддержке МиСП и IT-компаний.

Значение малого и среднего бизнеса для развития экономики России «состоит в том, что его деятельность оздоравливает экономику, способствует появлению среднего класса в обществе, который вовлекает большую часть активного населения в экономическую деятельность. С увеличением его доли в экономике снижается безработица, увеличиваются благосостояние людей, налоговые доходы государства, создаются оптимальные условия для научной и производственной деятельности» [12].

«Введенные санкции обусловили возникновение таких проблем бизнеса, как: рост закупочных цен; сложности поставок импортных товаров, а также российской продукции по импортозамещению; нехватка оборотных средств; падение спроса на товары; снижение объемов производства предприятий; сложности оснащения предприятия новой техникой, IT-технологиями и другие» [12].

В отношении поддержки СМиСП Правительством РФ был принят ряд таких мер, как: «снижение ставок по кредитованию и решение задач по залоговому обеспечению; долгосрочное кредитование инновационных организаций, создающих высокоэффективные рабочие места; грантовая поддержка; совершенствование инфраструктуры поддержки; применение льготного налогообложения, кредитных каникул, реструктуризации кредитов, моратория на плановые проверки бизнеса; автоматическое продление срока действия лицензий на 12 месяцев и другие» [12].

Для IT-компаний на 2022–2024 годы установили нулевую ставку по налогу на прибыль в ст. 284 НК РФ. Внесена поправка в ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которая ввела упрощенный порядок трудоустройства иностранных специалистов в аккредитованные IT-компании без получения спецразрешения (исключение — компании-резиденты технико-внедренческих ОЭЗ). На работников этих компаний распространяется отсрочка от службы в армии.

Постановление Правительства РФ от 6 мая 2023 г. № 707 «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий в целях обеспечения льготного кредитования проектов по цифровой трансформации, реализуемых на основе российских решений в сфере информационных технологий, и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» упростило порядок получения ими кредитов по ставке

не более 3 % при сохранения рабочих мест. Документ предоставил возможность сотрудникам ИТ-компаний в возрасте до 50 лет получить ипотечный кредит по ставке не более 5 % до конца 2024 года.

Руководством страны были приняты и другие меры по смягчению влияния санкций на экономический рост, которые невозможно охватить в одной статье.

Вопросам влияния санкций на экономику России в научной литературе посвящен ряд работ. Высказываются различные точки зрения по данному вопросу. Некоторые ученые считают, что санкции не нанесли существенного вреда экономике РФ. Другие отмечают, что введение санкций обусловили появление ряда негативных явлений: «снижение курса национальной валюты; повышение кредитных ставок; массовый отток капитала; снижение сберегательной активности населения; снижение кредитных операций и инвестиционной привлекательности России» [13] и пр. Третьи — правильно утверждают, что они вынудили руководство страны диверсифицировать экономику и начать импортозамещение, т. е. создавать продукцию и технологии, которые раньше не производились. Санкции позволили обеспечить продовольственную безопасность страны по продукции АПК [14; 15]. Российской экономике удалось перестроиться в ответ на санкции. Были вложены огромные денежные средства на программы по импортозамещению, активизировано внутреннее производство различных видов продукции и технологий. Провести такие структурные изменения помогла сбалансированная финансовая политика, политика контрсанкций России, экономическая адаптация за годы действия санкций. И в результате, Россия меньше стала зависеть от притока внешнего капитала.

Выводы.

Управленческий аспект административно-правового обеспечения ЭБ включает следующие составляющие компоненты. К ним относятся объект, цели, субъекты, формы и методы, функции и полномочия.

К целям АПО ЭБ относятся: прогнозирование угроз ЭБ, их выявление и минимизация и достижение необходимого состояния ЭБ путем закрепления наиболее целесообразных экономических отношений путем административно-правового регулирования.

Объект деятельности по АПО ЭБ — правоотношения, участниками которых являются, с одной стороны, ОИВ (их должностные лица), а с другой — экономические субъекты. Названные отношения возникают по поводу создания организационной структуры ОИВ, обеспечивающих ЭБ (включая разделение между ними возложенных функций и полномочий, планирование их деятельности и взаимодействие, информационный обмен, прохождение госслужбы).

К субъектам деятельности по АПО ЭБ относятся органы госуправления (ОИВ), на которые возложены соответствующие функции и полномочия в рассматриваемой сфере.

ОИВ осуществляют свою деятельность в установ-

ленных формах (правотворчество и правоприменение) и методах (убеждение и принуждение).

В настоящее время структура федеральных ОИВ определена в Указе Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21. Их функции и полномочия закрепляются в положениях о федеральных министерствах, службах и агентствах в соответствующих постановлениях Правительства РФ или Указах Президента РФ.

Управленческая деятельность по АПО ЭБ является процессуальной деятельностью и состоит из следующих этапов: выявление и оценка угроз ЭБ; определение и реализация мер ее минимизации соответствующими органами госуправления с определенными возложенными на них функциями и полномочиями.

Список источников

1. Маслов К. В. Безопасность в системе административного права : развитие научных взглядов // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 15–18.
2. Калинина Л. Е. Институт безопасности в системе административного права // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 37–40.
3. Стахов А. И. Право безопасности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501.65 «Юриспруденция». Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. 226 с.
4. Бельский К. С. Полицейское право : лекц. курс / Под ред. А. В. Куракина. М. : Издательство «Дело и Сервис», 2004.
5. Колоткина О. А. Вопросы обеспечения национальной безопасности государства в условиях цифровизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 7–10.
6. Пролетенкова С. Е., Быков Б. А. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : анализ, эффективность, перспективы // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 36–39.
7. Маслов К. В. Элементы системы административно-правового обеспечения налоговой безопасности государства // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 16–18.
8. Сафонов О. А. Финансово-правовые средства обеспечения экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
9. Степанов А. В. Понятие, признаки, структура и виды административно-правовых режимов миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 48–54.
10. Романовский В. Г. Права человека и безопасность в условиях нарастания террористических угроз // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 47–51.

11. Белый К. Финансово-экономические итоги 2022 года в России // URL://<https://fingeniy.com/finansovo-ekonomicheskie-itogi-2022-goda-v-rossii/> (дата обращения: 17.11 2023).
12. Попова Н. Ф. Поддержка малого и среднего предпринимательства в условиях новых санкций // Современное право. 2023. № 3. С. 42.
13. Сайиан К. В., Асон Т. А. Экономическая безопасность России в условиях международных санкций // Экономическая безопасность. 2021. Том 4. № 1. С. 31–42.
14. Молчанов И. Н. Экономические санкции и финансовая система России // Финансы: теория и практика. 2017. № 5. С. 50–61.
15. Гераскина А. Р. Влияние антироссийских санкций на мировую экономику и современные международные экономические отношения // Экономические отношения. 2023. Том 13. № 2. С. 221–236.

References

1. Maslov K. V. Security in the system of administrative law : development of scientific views // Administrative law and process. 2022. № 7. P. 15–18.
2. Kalinina L. E. Institute of Security in the System of Administrative Law // Administrative law and process. 2016. № 7. P. 37–40.
3. Stakhov A. I. Security Law : textbook. allowance for university students studying in specialty 030501.65 «Jurisprudence». Kirov : Vyat GGU Publishing House, 2007. 226 p.
4. Belsky K. S. Police law : lect. course / Ed. A. V. Kurakina. M. : Publishing house «Delo and Service», 2004.
5. Kolotkina O. A. Issues of ensuring the national security of the state in the conditions of

- digitalization // State power and local self-government. 2021. № 7. P. 7–10.
6. Proletenkova S. E., Bykov B. A. Economic security strategy of the Russian Federation for the period until 2030 : analysis, effectiveness, prospects // Administrative law and process. 2019. № 8. P. 36–39.
7. Maslov K. V. Elements of the system of administrative and legal support of tax security of the state // Administrative law and process. 2020. № 10. P. 16–18.
8. Safonov O. A. Financial and legal means of ensuring economic security : author's abstract. dis. ...cand. legal sci. M., 2007.
9. Stepanov A. V. Concept, features, structure and types of administrative and legal regimes of migration security of the Russian Federation // Administrative law and process. 2022. № 3. P. 48–54.
10. Romanovsky V. G. Human rights and security in the context of increasing terrorist threats // Constitutional and municipal law. 2019. № 9. P. 47–51.
11. Bely K. Financial and economic results of 2022 in Russia // URL://<https://fingeniy.com/finansovo-ekonomicheskie-itogi-2022-goda-v-rossii/> (accessed: 17.11.2023).
12. Popova N. F. Support for small and medium-sized businesses in the context of new sanctions // Modern law. 2023. № 3. P. 42.
13. Sayiyan K. V., Ason T. A. Economic security of Russia in the context of international sanctions // Economic security. 2021. Volume 4. № 1. P. 31–42.
14. Molchanov I. N. Economic sanctions and the financial system of Russia // Finance: theory and practice. 2017. № 5. P. 50–61.
15. Geraskina A. R. The influence of anti-Russian sanctions on the world economy and modern international economic relations // Economic relations. 2023. Volume 13. № 2. P. 221–236.

Информация об авторах

Н. Ф. Попова — профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Ю. В. Николаева — заведующая кафедрой международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

N. F. Popova — Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Yu. V. Nikolaeva — Head of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 31.05.2024.
The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-175-179>

EDN: <https://elibrary.ru/mbpnuh>

НИОН: 2003-0059-3/24-066

MOSURED: 77/27-003-2024-03-265

Проблема беспилотника как нового субъекта гражданского права: транспорт без человека и субъект ответственности

Елена Васильевна Протас

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, evprotas@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены технологии беспилотных летательных аппаратов, значительно расширяющих возможности авиации, которые могут иметь преимущества перед традиционной авиацией в интересах развития экономики РФ. Проанализирована нормативно-правовая база обеспечения применения беспилотников; исследованы возможности безопасного использования на благо государства и общества беспилотных летательных аппаратов. Делается вывод об эффективности применения беспилотников.

Ключевые слова: дроны, беспилотники, общественная безопасность, право, гражданская авиация, субъект права

Для цитирования: Протас Е. В. Проблема беспилотника как нового субъекта гражданского права: транспорт без человека и субъект ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 175–179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-175-179>. EDN: MBPNUH.

Original article

The problem of the drone as a new subject of civil law: transport without human and subject of responsibility

Elena V. Protas

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, evprotas@mail.ru

Abstract. The technologies of unmanned aerial vehicles are considered, which significantly expand the capabilities of aviation, which may have advantages over traditional aviation in the interests of economic development of the Russian Federation. The regulatory framework for ensuring the use of drones is analyzed; the possibilities of safe use of unmanned aerial vehicles for the benefit of the state and society are investigated. The conclusion is made about the effectiveness of the use of drones.

Keywords: drones, drones, public safety, right, civil aviation, subject of law

For citation: Protas E. V. The problem of the drone as a new subject of civil law: transport without human and subject of responsibility. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):175–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-175-179>. EDN: MBPNUH.

Российская Федерация встала на путь технологической гонки, пытаясь наверстать упущенное время в сфере развития беспилотного транспорта, только в конце 2010-х годов, когда ряд западных стран уже активно тестировал и внедрял свой беспилотный транспорт. Различные вопросы развития беспилотного транспорта нашли отражение в научных публикациях. В них рассматривается социально-технологические аспекты данной проблематики [5], оцениваются перспективы развития беспилотного транспорта [6],

дается оценка экологических рисков, связанных с использованием беспилотных транспортных средств [7]. Особое внимание в этих исследованиях уделено изучению общественного мнения в отношении внедрения самоуправляемых транспортных средств [8], а также психологические аспекты данного вопроса [9]. Большой интерес имеют публикации, в которых рассмотрены правовые проблемы развития и практического использования самоуправляемого транспорта. В них, в частности, отмечается несовместимость

© Протас Е. В., 2024

многих положений действующего законодательства с концепцией автономии транспортных средств [10], что актуализирует вопрос о совершенствовании правового регулирования, а также указывается, что неопределенность в отношении закона об ответственности за применение таких средств может замедлить использование самоуправляемых беспилотников больше, чем это оправдано на основе технического прогресса [11].

Беспилотные летательные аппараты (беспилотные воздушные суда, далее — БПЛА, БВС, беспилотники) еще 15 лет назад использовались исключительно в военных целях. Именно на военную отрасль приходится две трети всех производимых дронов. Военные используют их для разведки, перехвата связи и поражения целей и тому подобное. Но за последние 10 лет применение беспилотников приобрело широкую популярность среди гражданских отраслей и населения. Сегодня применение беспилотников в бизнесе только набирает обороты. Их уже используют для аэрофото съемки, патрулирования, геодезических исследований, мониторинга различных объектов.

Постепенно они входят и в другие отрасли экономики. Так, одной из сфер бизнеса, где активно используют беспилотники, является сельское хозяйство. БПЛА применяют для мониторинга посевных площадей. Такие БПЛА оборудованы мультиспектральными камерами, что позволяет быстро собирать большой объем информации о свете, что поглощается растениями. На основании полученных данных затем делается вывод о состоянии роста посевов. Своевременный анализ посадок позволяет выявить заболевания или недостаток удобрений [5].

Использование БПЛА логистическими службами позволяет не только сократить расходы на самую дорогую часть доставки, так называемую «последнюю милю», но и доставлять посылки в труднодоступные места. В инфраструктуре беспилотники активно используют для мониторинга уже существующей инфраструктуры: инспекция зданий, мостов, инженерных коммуникаций. Если где-то будут замечены разрушения, дроны смогут оценить ущерб. Применение такой новой технологии позволяет компаниям сократить расходы на инспекцию и мониторинг труднодоступных мест.

На рынке видеосъемки есть целый сегмент профессиональных дронов, которые оснащены специализированным видеооборудованием. Радиоуправляемый дрон, оснащенный видеокамерой, позволяет с помощью специальной технологии FPV (дословный перевод — «взгляд от первого лица») управлять процессом съемки не вслепую, как это обычно делается, а ориентируясь на получаемую картинку. Полученное видеокамерой изображение с помощью FPV транслируются на пульт управления — планшета, смартфона или другого устройства вывода.

При таком широком круге отраслей, где актив-

но применяются дроны правовое регулирование их применения ограничено. Согласно ст. 32 Воздушного кодекса РФ: «Беспилотное воздушное судно — воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)».

Порядок использования воздушного пространства Российской Федерации, в том числе и беспилотными воздушными судами, установлен Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации». Однако в указанном порядке применения беспилотников существуют проблемы, связанные с недостаточным обеспечением порядка применения дронов, в том числе в ходе проведения массовых мероприятий, где они наиболее востребованы, при осуществлении слежения за частными объектами и в некоторых других ситуациях.

Правительство РФ 28 июня 2023 г. утвердило Стратегию развития беспилотной авиации на период 2030–2035 г.г. [12].

С учетом указанных проблем и актуальности порядка использования БПЛА, целью исследования является анализ порядка использования БВС с учетом потребности в обеспечении общественной безопасности.

На современном этапе процедура принятия решения об оценке легитимности либо нелегитимности пребывания беспилотника в воздушном пространстве как в целом, так и в случаях, связанных с определенными рисками для населения, государственной и общественной безопасности (например, при их нахождении над или вблизи с местом проведения массовых мероприятий), а также основные критерии отнесения такого полета к легитимному либо нелегитимному, равно как и к угрожающему либо не угрожающему общественному порядку и общественной безопасности, не определены, а соответствующие решения руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, к полномочиям которых относятся функции по обеспечению безопасности использования беспилотников, могут носить субъективный характер, а также разниться в зависимости от региональных, общественных и иных условий.

Отсутствие унифицированных критериев создает почву для злоупотреблений при разрешении вопроса о допустимости управления дроном в общественных местах или местах с ограниченным доступом, в местах или вблизи мест проведения массовых мероприятий, а также способствует возникновению ситуаций, в которых правоохранители вместо проведения работ по предупреждению и пресечению неконтролируемых полетов беспилотников, выявлению пилотирующих их лиц, установлению целей, условий, причин и предпосылок нарушения правил полетов беспилотных

воздушных судов, будут осуществлять действия, направленные на уничтожение таковых без установления комплекса факторов, сопутствующих и предшествующих нарушению.

Однако принятая в качестве законодательной нормы формулировка полномочий полиции и руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, закрепленная ст. 13 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» (далее — Закон о полиции), наделяющего полицию правом «подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными воздушными судами, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения данных судов», фактически нивелирует необходимость принятия мер, направленных на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, но не сопряженных с безусловным уничтожением беспилотного воздушного судна. То есть, уничтожение беспилотника во всех случаях возникновения даже и обоснованных подозрений о нелегитимности полета разрешает проблему обеспечения безопасности проведения массовых мероприятий, однако сводит функции правоохранительных органов к карающим, но не пресекающим.

По результатам проведенного в Государственной Думе круглого стола, направленного на пресечение незаконного использования беспилотников методами радиоэлектронного или даже физического воздействия стрелковым оружием, введенные меры не решат в полной мере проблему незаконного применения дронов в аспекте охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Обращаясь к вопросу возможности повышения эффективности применения законодательства в сфере безопасности использования БВС, следует указать на отсутствие алгоритма и процедуры применения внедренных положений.

Так, специфика управления беспилотниками и особенности их применения в период их находящихся в воздушном пространстве в общественных местах, а также местах с ограниченным доступом, в том числе в непосредственной близости от мест проведения массовых мероприятий, сопряжены со следующими рисками и возможными негативными последствиями:

1) случайное уничтожение не причастного, или даже «своего» БВС, не имея возможности дистанционного его идентифицировать.

Отсутствие регламентированного, детализированного и конкретизированного алгоритма принятия решения об уничтожении неидентифицированного беспилотника усиливает риск необоснованного уничтожения дрона, пилотирование которого не сопряжено с целью причинения ущерба общественным интересам. Кроме того, по замечанию Аэронета, «перепутав цель можно пропустить настоящую угрозу» [1], а потому следует детализировать процедуру принятия

решения об уничтожении беспилотников в анализируемых ситуациях.

Для принятия решений о законности пребывания дрона в определенном воздушном пространстве, должна быть реализована возможность свободной идентификации дрона при помощи технических средств, в связи с чем представляется необходимым дополнить п. 8 Правил учета беспилотников частью следующего содержания: «сведения и технические характеристики автоматизированных систем удаленного управления беспилотным воздушным судном».

Кроме того, целесообразным представляется применение передового опыта внедрения стандартов Remote ID (Удаленный идентификационный номер). Как указывается в исследованиях, проведенных Ассоциацией «Российские беспилотники», «Удаленный Идентификационный Номер (ИН) даст возможность беспилотнику предоставлять идентификационную информацию, которая может быть получена другими сторонами. Для этого Федеральное авиационное управление США (FAA) опубликовало свод правил удаленной идентификации для общественного обсуждения.

Удаленный идентификатор должен избегать использования технологии ADS-B (автоматическая зависящая система наблюдения) на дронах» [4].

Использование удаленных идентификаторов позволит с применением технических средств идентифицировать беспилотник, а в случае нарушения им летного пространства и отказа покинуть запретную территорию — уничтожить его;

2) потеря времени на подавлении сигнала дистанционного управления, которого вовсе нет.

Поскольку закрепленная в ст. ст. 13, 21, 23 Закона о полиции процедура не содержит и не закрепляет четкого и эффективного алгоритма действий руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также непосредственно полиции, то деятельность по подавлению сигнала дистанционного управления беспилотника может привести к потере времени, в ходе которого беспилотник причинит вред общественной безопасности или общественному порядку.

Значимой является и техническая сторона вопроса. Исходя из данных Аэронета, «...даже игрушечные квадрокоптеры умеют понимать жесты, программируются за несколько секунд на полет по сложному маршруту и способны лететь к цели даже в отсутствии сигналов ГНСС.

Поиск сигнала в различных диапазонах, постановка помех — все это может отнять драгоценные секунды, за которые БВС стремительно достигнет цели» [4];

3) облучение окружающей среды при попытке воздействия на электронику БВС или пульт дистанционного управления.

На данный момент, законодательно допустимо сбивать дроны, «подавляя или преобразуя» радиосигналы их управления. Однако «стоимость комплексов для борьбы с беспилотниками начинается от 150 тыс.

руб. и доходит до 200 млн руб. Подобные траты «разрушительны для всех федеральных органов исполнительной власти» [3], а потому их применение и обеспеченность органов полиции, особенно — в отдаленных населенных пунктах и отдельных регионах, их наличием вызывает сомнение.

Подводя итоги проведенного анализа особенностей, преимуществ, ключевых проблем и рисков, а также перспектив повышения эффективности реализации применения беспилотных воздушных судов как новых субъектов гражданского права, следует указать на то, что при безусловно позитивной направленности нововведения как средства гарантирования общественной и государственной безопасности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности во время проведения массовых мероприятий, оно сопряжено с целым рядом проблем.

Устранение возможных негативных последствий применения положений, регламентированных в вышеуказанных статьях Закона о полиции, должно быть реализовано лишь после принятия мер, направленных на предупреждение возможных негативных последствий применения беспилотников.

Достижение результатов, направленных на пресечение нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в местах или в непосредственной близости от мест проведения массовых мероприятий представляется возможным путем выполнения следующих рекомендаций:

дополнить п. 8 Правил учета беспилотников частью следующего содержания: «сведения и технические характеристики автоматизированных систем удаленного управления беспилотным воздушным судном», что позволит при регистрации беспилотника обеспечить обратную связь с ним в случае выхода в воздушное пространство над местами проведения массовых мероприятий или в иные запретные зоны. Тем самым будет обеспечена возможность установления в процессе регистрационного учета беспилотных воздушных судов обратной связи между пультом внешнего пилота и техническими средствами, при помощи которых органы полиции осуществляют противодействие выходу беспилотников в воздушное пространство над и в непосредственной близости с местами проведения массовых мероприятий;

проанализировать зарубежный опыт установления удаленного идентификатора беспилотного воздушного судна в целях определения сведений о нем, а в случае отказа внешнего пилота выполнить команду об отведении дрона от мест проведения массовых мероприятий позволит оперативно принять решение о его уничтожении.

Список источников

1. Ассоциация «Аэронет» : Стрелять нельзя предотвратить. Помогут ли новые полномочия

силовых структур от незаконного применения дронов? // URL://https://aeronet.aero/press_room/news/071879.

2. Зубарев Ю. Н., Фомин Д. С., Чашин А. Н., Заболотнова М. В. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2. С. 47–51.
3. ИД «Коммерсантъ» : Спецслужбам разрешили сбивать дроны // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4165550>.
4. Российские беспилотники: Глобальный обзор индустрии БПЛА в 2020 : что на повестке дня // URL://<https://russiadrone.ru/publications/globalnyy-obzor-industrii-bpla-v-2020-chto-na-povestke-dnya/>
5. Херардо Марлетто. Кто будет способствовать переходу на беспилотное вождение? Социотехнический анализ будущего воздействия автоматизированных транспортных средств // Технологическое прогнозирование и социальные изменения. Февраль 2019. Том 139. С. 221–234.
6. Анна Пернестол, Ида Кристофферссон, Ларс-Йоран Маттссон. Куда нас доставят беспилотные автомобили? Сценарии развития автоматизированных транспортных средств на примере Швеции // Автономные транспортные средства и мобильность будущего. 2019. С. 17–32.
7. Пэн Лю, Яньцзяо Ма, Яцин Цзо. Беспилотные транспортные средства: готовы ли люди жертвовать рисками ради экологических выгод? // Транспортные исследования, часть А: Политика и практика. Июль 2019. Том 125. С. 139–149.
8. Пэн Лю. Положительный, отрицательный, амбивалентный или безразличный? Исследование структуры общественного отношения к беспилотным транспортным средствам на дорогах общего пользования // Транспортные исследования, часть А: Политика и практика. Декабрь. 2020. Том 142. С. 27–38.
9. Рэнсфорд А. Ачимпонг, Федерико Кугурулло. Учет поведенческих детерминантов, лежащих в основе внедрения беспилотных транспортных средств: концептуальные основы и модели измерения для прогнозирования общественного транспорта, тенденций совместного использования и владения беспилотными автомобилями // Транспортные исследования, часть F: Психология дорожного движения и поведение. Апрель 2019. Том 62. С. 349–375.
10. Джордж Димитракопулос, Аггелос Цаканикас, Элиас Панагиотопулос. Органы регулирования высокоавтоматизированного и автономного вождения // Технологии, правила и

воздействие на общество в области автономных транспортных средств. 2021. С. 127–134.

11. Андреа Мартинеско, Мариана Нетто, Артур Миранда Нето, Виктор Х. Этгенс. Примечание об авариях с участием беспилотных транспортных средств: взаимозависимость регистраторов данных о событиях, взаимодействие человека и транспортного средства и правовые аспекты // Документы IFAC в Интернете. Том 51, Выпуск 34. С. 407–410.
12. Как будет развиваться беспилотная авиация в России // URL://<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/28/982797-kak-razvivatsya-bespilotnaya-aviatsiya-rossii>.

References

1. Aeronet Association: Shooting cannot be prevented. Will the new powers of law enforcement agencies help prevent the illegal use of drones? // URL://https://aeronet.aero/press_room/news/071879.
2. Zubarev Yu. N., Fomin D. S., Chashchin A. N., Zabolotnova M. V. The use of unmanned aerial vehicles in agriculture // Bulletin of the Perm Federal Research Center. 2019. No. № 2. P. 47–51.
3. Kommersant Publishing House : Special services were allowed to shoot down drones // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4165550>.
4. Russian drones : a global overview of the UAV industry in 2020 : what's on the agenda // URL://<https://russiadrone.ru/publications/globalnyy-obzor-industrii-bpla-v-2020-chto-na-povestke-dnya/>
5. Gerardo Marletto. Who will facilitate the transition to driverless driving? Sociotechnical analysis of the future impact of automated vehicles // Technological forecasting and social changes. February 2019. Volume 139. P. 221–234.
6. Anna Pernestol, Ida Kristoffersson, Lars-Joran

Mattsson. Where will the self-driving cars take us? Scenarios for the development of automated vehicles on the example of Sweden // Autonomous vehicles and mobility of the future. 2019. P. 17–32.

7. Peng Liu, Yanjiao Ma, Yaqing Zuo. Unmanned vehicles: Are people willing to sacrifice risks for environmental benefits? // Transport Research, Part A: Policy and Practice. July 2019. Volume 125. P. 139–149.
8. Peng Liu. Positive, negative, ambivalent or indifferent? A study of the structure of public attitudes towards unmanned vehicles on public roads // Transport Research, Part A: Policy and Practice. December. 2020. Volume 142. P. 27–38.
9. Ransford A. Achimpong, Federico Cugurullo. Taking into account the behavioral determinants underlying the introduction of unmanned vehicles: conceptual foundations and measurement models for predicting public transport, trends in the sharing and ownership of unmanned vehicles // Transport Research, part F: Psychology of Traffic and Behavior. April 2019. Volume 62. P. 349–375.
10. George Dimitrakopoulos, Aggelos Tsakanikas, Elias Panagiotopoulos. Regulatory authorities for highly automated and autonomous driving // Technologies, regulations and impact on society in the field of autonomous vehicles. 2021. P. 127–134.
11. Andrea Martinesco, Mariana Netto, Arthur Miranda Neto, Victor H. Etgens. A note on accidents involving unmanned vehicles: the interdependence of event data recorders, human-vehicle interaction and legal aspects // IFAC Documents on the Internet. Volume 51, Issue 34. P. 407–410.
12. How will unmanned aviation develop in Russia // URL://<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/28/982797-kak-razvivatsya-bespilotnaya-aviatsiya-rossii>.

Информация об авторе

Е. В. Протас — профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доктор педагогических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Protas — Professor of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-180-184>

EDN: <https://elibrary.ru/lgzhks>

НИОН: 2003-0059-3/24-067

MOSURED: 77/27-003-2024-03-266

О проявлении диалектической закономерности сбрасывания формы в уголовно-процессуальном праве

Екатерина Александровна Прохорова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, prokhorovae@mail.ru

Аннотация. Исследуется диалектическая закономерность сбрасывания формы в результате развития содержания и ее проявление в уголовно-процессуальном праве. Отмечается, что в настоящее время происходит трансформация формы уголовно-процессуального права, состоящая в изменении иерархии источников уголовно-процессуального права, связанном с активизацией судебного правотворчества.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, форма, содержание, сбрасывание формы, уголовно-процессуальный кодекс, судебное правотворчество

Для цитирования: Прохорова Е. А. О проявлении диалектической закономерности сбрасывания формы в уголовно-процессуальном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 180–184. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-180-184>. EDN: LGZHKS.

Original article

On the manifestation of the dialectical pattern of dropping the form in criminal procedural law

Ekaterina A. Prokhorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, prokhorovae@mail.ru

Abstract. The dialectical pattern of dropping the form as a result of the development of content and its manifestation in criminal procedural law is being examined. It is noted that currently there is a transformation of the form of criminal procedural law, consisting in a change in the hierarchy of sources of criminal procedural law associated with the intensification of judicial law-making.

Keywords: criminal procedure law, form, content, form dropping, criminal procedure code, judicial law-making

For citation: Prokhorova E. A. On the manifestation of the dialectical pattern of dropping the form in criminal procedural law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):180–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-180-184>. EDN: LGZHKS.

Содержание и форма любого явления, в том числе права, образуют единое целое, находясь в определенной взаимосвязи и взаимодействии и оказывая взаимное влияние друг на друга.

Содержание права по своей природе склонно к изменениям под воздействием различных внешних факторов, в основе которых лежат интересы государственной и общественной жизни и производные от них потребности правоприменения. Форма права, гибкая, пластичная, подстраивается под изменившееся содержание, «растягивается», при этом

оставаясь по сути прежней. Она способна пережить изменение конкретных норм и институтов, их упразднение и введение новых, развиваясь вместе с содержанием.

Как верно отметил В. К. Бобров, указывая на важность и неизбежность развития законодательства, «необходимо, чтобы... законы правильно отражали происходящие в обществе процессы, при этом, однако, оставались прочными, стабильными» [1, с. 3].

Вместе с тем, в определенный момент «содержание достигает такого уровня, когда рамки данной системы

связей становятся тесными» и «появляется несоответствие формы содержанию», которое «рано или поздно приводит к ломке старой формы ... и формированию ... новой формы» [10, с. 193], то есть возникает ситуация, когда «старые формы лопнули, ибо оказалось, что новое содержание в них ... достигло непомерного развития» [4, с. 285].

Данная закономерность, получившая в философии название «сбрасывание формы» [10, с. 193–195], объясняет многие процессы, связанные со сменой формы права, начиная от принятия нового закона, регулирующего определенные общественные отношения, и заканчивая появлением новых и изменением иерархии существующих источников права.

Важно понимать, что основная задача законодателя в этом аспекте — вовремя заметить и правильно оценить ситуацию, когда назрела объективная потребность сбрасывания формы, направить ее в нужное русло, скорректировать происходящие процессы и при необходимости помочь праву обрести новую форму, «которая наиболее подходит к содержанию права, наилучшим образом выражает цели законодательства в данных условиях» [9, с. 27].

Новая форма в таком случае, как продукт естественной эволюции, будет олицетворением перехода права на качественно новый уровень, а учитывая руководящую роль законодателя в этом процессе, явится отражением воли государства.

В противном случае не исключен выход ситуации из-под контроля, когда сбрасывание формы произойдет стихийно, и последствия этого процесса опасны в виду своей непредсказуемости.

Ретроспективный анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что обновление формы уголовно-процессуального права, обусловленное существенными изменениями содержания, имело место при принятии Устава уголовного судопроизводства 1864 года [11], Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР 1922 года [12] (далее — УПК РСФСР 1922 г.), Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [13], Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года [14] (далее — УПК РФ). Указанные законы принимались в переломные для страны эпохи, являлись результатом серьезных преобразований в государственной и политической жизни: смена государственного строя, изменение идеологии, новые взгляды на приоритет ценностей и проч., знаменовали новый этап в развитии уголовно-процессуального права, существенно отличались от своих предшественников как по форме, начиная от названия, структуры и заканчивая особенностями юридической техники, так и по содержанию.

В настоящее время на страницах юридической литературы разворачивается активная дискуссия о судьбе уголовно-процессуального закона. Все больше приверженцев находит точка зрения о том, что УПК РФ себя не оправдал, поэтому существует настоятельная

потребность в принятии нового уголовно-процессуального закона [2, с. 54; 3, с. 68 и др.].

В свете вышеизложенного полагаем, что ключевое значение в принятии решения о необходимости нового УПК РФ должен иметь ответ на вопрос: обусловлена ли в настоящее время замена формы уголовно-процессуального закона развитием его содержания, то есть проявлением рассматриваемой диалектической закономерности? Действительно ли содержание уголовно-процессуального закона за двадцатидвухлетний период его существования изменилось настолько, что «не помещается» в рамки существующей формы. Есть ли возможность разрешить все возникающие противоречия в рамках действующего УПК РФ?

Ведь даже в условиях существенных исторических преобразований «далеко не безразлично для истинности права и экономичности средств и приемов его создания решение вопроса, создать ли право заново или приспособить старое право к новым историческим условиям» [7, с. 15]. И хотя «теоретически всегда можно создать право заново», всегда ли такая методика будет целесообразной? [7, с. 15].

Необходимо понимать, что разумная, обоснованная стабильность уголовно-процессуального закона, не идущая вразрез с динамизмом уголовно-процессуального регулирования, является одним из условий его эффективности.

В истории отечественного уголовно-процессуального законодательства встречались случаи, когда принятие нового закона не было обусловлено действительным изменением содержания.

Так, например, возникают вопросы по поводу мотивов, обоснованности и целесообразности принятия в феврале 1923 года нового Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. [15], учитывая, что его содержание представляло собой практически дословное воспроизведение соответствующих положений предыдущего кодекса, принятого 25 мая 1922 г. и введенного в действие с 1 июля 1922 г., то есть просуществовавшего в итоге менее года.

С какой же целью, по сути, старому, а фактически немного обновленному содержанию придали новую форму? М. С. Строгович связывал принятие данного закона с необходимостью приведения УПК РСФСР 1922 г. в соответствие с принятым 31 октября 1922 г. Положением о судостроительстве РСФСР [6, с. 65]. С. Б. Россинский выдвигает на этот счет две гипотезы, каждая из которых представляется разумной: отсутствие «у советского законодателя правотворческого опыта ... внесения в кодифицированный нормативный правовой акт каких-либо текущих поправок» и изменение государственно-правового статуса РСФСР, связанное с образованием 30 декабря 1922 года Союза советских социалистических республик [5, с. 72].

В любом случае, принятие рассматриваемого уголовно-процессуального закона следует признать искусственной сменой формы, не обусловленной есте-

ственными процессами развития содержания. Не случайно в юридической литературе этому закону не придавалось самостоятельного значения, он позиционировался как новая или переработанная редакция УПК РСФСР 1922 г.

Современный уголовно-процессуальный закон, конечно, имеет много недостатков, в попытке преодоления которых в него столько раз вносились изменения, что сравнение его с пресловутым лоскутным одеялом выглядит вполне оправданным. И конечно обоснованным представляется стремление заменить это «одеяло» на новое, красивое и безупречное с точки зрения формы.

Вместе с тем, полагаем, что до тех пор, пока УПК РФ в целом справляется со своей задачей регламентации уголовно-процессуальных правоотношений, принятие нового кодекса преждевременно.

Нельзя не учитывать определенные сложности, которые неизбежны при любых изменениях в правовом регулировании, а тем более, при обновлении формы права, к которым следует отнести трату законодательных ресурсов и значительную дополнительную нагрузку на правоприменителя, которому предстоит изучить новый закон, разобраться, чем его положения отличаются от предыдущих, и адаптироваться к их применению, причем непосредственно в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, которую нельзя приостановить.

В то же время, в рассуждениях об идеальном законе были упущены более серьезные процессы, происходящие в уголовно-процессуальном регулировании, свидетельствующие о том, что процесс сбрасывания формы уже происходит, причем не на уровне УПК РФ, а в широком смысле.

В частности, наблюдаются существенные изменения в системе и иерархии источников уголовно-процессуального права, связанные с активизацией роли судебного правотворчества в уголовно-процессуальном регулировании, что противоречит ст. 1 УПК РФ.

В условиях, когда Конституционный Суд Российской Федерации и Пленум Верховного Суда Российской Федерации фактически создают новые уголовно-процессуальные нормы [16; 17; 18], все сложнее соглашаться с мнением, что решения этих судов представляют собой результат толкования Конституции Российской Федерации и УПК РФ, и оппонировать точке зрения о самостоятельном регулирующем значении этих актов.

Учитывая, что указанные процессы начали проявляться еще до принятия УПК РФ [19], а создаваемые судами нормы часто касаются вопросов, которые в законе решены вполне определенно, можно предположить, что его юридико-технические и другие недостатки не являются основной причиной сложившейся ситуации, а, значит, принятие нового уголовно-процессуального закона вряд ли станет решением этой проблемы.

Истоки происходящей трансформации формы уголовно-процессуального права, на наш взгляд, следует искать в противоречиях содержательного характера: нарушении разумного баланса интересов государства и отдельных лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, избыточном правовом регулировании, чрезмерной строгости уголовно-процессуальной формы. Именно указанные обстоятельства, по нашему мнению, вызвали непрекращающийся поток изменений уголовно-процессуального законодательства, зачастую несогласованных, противоречивых, бессистемных, серьезно подрывавших авторитет уголовно-процессуального закона и породивших тенденцию к созданию уголовно-процессуальных норм за его пределами.

Соответственно, основная задача в сложившейся ситуации видится не в принудительном изменении формы уголовно-процессуального права, а в планомерном, стратегически обоснованном воздействии на его содержание с целью контроля за происходящими процессами и управления ими.

Учитывая изложенное, важно понимать, что любые изменения, вносимые в уголовно-процессуальный закон, могут серьезным образом повлиять на форму уголовно-процессуального права, в связи с чем «при поиске путей ... преобразования, — как справедливо отмечают О. В. Химичева и Д. В. Шаров, говоря, в частности, о судьбе стадии возбуждения уголовного дела, — не стоит забывать о народной мудрости, выраженной в пословице: семь раз отмерь, один — отрежь» [8, с. 146].

Список источников

1. Бобров В. К. Форма советского уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974.
2. Волынский А. Ф. УПК РФ : этот исправлять или новый разрабатывать? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 50–54.
3. Зайцев О. А. К вопросу о необходимости принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник. Государство и право. 2014. № 18. С. 66–68.
4. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 88–89 // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О Диалектическом материализме: Хрестоматия. М. : Политиздат, 1968.
5. Россинский С. . Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года : уроки истории // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК

- РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2-х частях, Орел, 6–7 октября 2022 года. Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 68–74.
6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958.
 7. Ушаков А. А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1970.
 8. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела : семь раз отмерь, один — отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144–147.
 9. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М. : «Юридическая литература», 1968.
 10. Шептулин А. П. Категории диалектики. М. : Издательство «Высшая школа», 1971.
 11. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Российское законодательство XIX–XX вв. Судебная реформа. М., 1991. Т. 8. 496 с.
 12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. (принят постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
 13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года (утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР») // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
 14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
 15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года (утвержден постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
 16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 года № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // СПС «КонсультантПлюс».
 17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».
 18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».
 19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bobrov V. K. Form of Soviet criminal procedural law : abstract. dis. ...cand. legal sci. M., 1974.
2. Volynsky A. F. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: should we correct this one or develop a new one? // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 2. P. 50–54.
3. Zaitsev O.A. On the issue of the need to adopt a new Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Vestnik. State and law. 2014. № 18. P. 66–68.
4. Lenin V. I. The childhood disease of «leftism» in communism. Full collection op. T. 41. P. 88–89 // Marx K., Engels F., Lenin V.I. About Dialectical Materialism: Reader. M. : Politizdat, 1968.
5. Rossinsky S. B. Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922 : lessons from history // Modern criminal procedure law — lessons from history and problems of further reform : collection of materials from the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922, the 20th anniversary of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In 2 parts, Orel, October 6–7, 2022. Orel : Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2022. P. 68–74.
6. Strogovich M. S. Course of Soviet criminal procedure. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958.
7. Ushakov A. A. Content and form in law and Soviet law-making : abstract. dis. ... doc. legal Sci. Sverdlovsk, 1970.
8. Khimicheva O. V., Sharov D. V. Stage of initiating a criminal case: measure seven times, cut once // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2017. № 4. P. 144–147.
9. Shebanov A. F. Form of Soviet law. M. : «Legal Literature», 1968.
10. Sheptulin A. P. Categories of dialectics. M. :

- Publishing House «Higher School», 1971.
11. The Statute of criminal proceedings of 20.11.1864 // Russian legislation of the X–XX centuries. Judicial reform. M., 1991. Vol. 8. 496 p.
 12. Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1922 (adopted by the decree of the Central Executive Committee of May 25, 1922 «On the Criminal Procedure Code») // Collection of laws of the RSFSR. 1922. № 20–21. Art. 230.
 13. Criminal Procedure Code RSFSR 1960 (approved by the Law of the RSFSR of October 27, 1960 «On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR») // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.
 14. Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52. Art. 4921.
 15. Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923 (approved by the decree of the Central Executive Committee of February 15, 1923 «On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR») // Collection of laws of the RSFSR. 1923. № 7. Art. 106.
 16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 33-P dated July 18, 2022 «On the case of checking the constitutionality of Part two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph «b» of Part One of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. A. Rudnikov» // ConsultantPlus.
 17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2010 № 17 «On the practice of applying by courts the norms governing the participation of the victim in criminal proceedings» // ConsultantPlus.
 18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated February 01, 2011 «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors» // ConsultantPlus.
 19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P of June 27, 2000 «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Part one of Article 47 and Part Two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov» // ConsultantPlus.

Информация об авторе

Е. А. Прохорова — докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Prokhorova — Doctoral Student of the Faculty of Scientific Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 08.05.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 08.05.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-185-189>

EDN: <https://elibrary.ru/ixirko>

ИПОН: 2003-0059-3/24-068

MOSURED: 77/27-003-2024-03-267

Противодействие правоохранительными органами экстремистской и террористической угрозам, как фактор обеспечения безопасности государства: организационно-правовой аспект

Николай Викторович Румянцев^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rumyantse n.v@yandex.ru

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются отдельные аспекты организационно-правовых норм обеспечения безопасности государства в вопросах противодействия экстремистской и террористической угрозам. Анализируется деятельность федеральных органов законодательной и исполнительной власти, правоохранительных органов, в том числе исполнительных органов региональных субъектов Российской Федерации, по противодействию идеологии экстремистской и террористической направленности по итогам 2019–2023 гг. Особое внимание обращено на реализацию задач, направленных на активизацию мер по профилактике противоправного поведения и информационно-пропагандистского характера, а также защиты информационного пространства России от идеологии терроризма на период 2024–2028 годы.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, правовые основы, силовые структуры, правоохранительные органы, уголовно-исполнительная система, исполнительные органы, субъекты Российской Федерации

Для цитирования: Румянцев Н. В. Противодействие правоохранительными органами экстремистской и террористической угрозам, как фактор обеспечения безопасности государства: организационно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 185–189. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-185-189>. EDN: IXIRKO.

Original article

Countering extremist and terrorist threats by law enforcement agencies as a factor in ensuring state security: organizational and legal aspect

Nikolai V. Rumyantsev^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rumyantsev n.v@yandex.ru

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The certain aspects of the organizational and legal norms of ensuring the security of the state in countering extremist and terrorist threats are being examined. The activities of federal legislative and executive authorities, law enforcement agencies, including executive bodies of regional subjects of the Russian Federation, to counter extremist and terrorist ideology in 2019–2023 are being analyzed. Special attention is paid to the implementation of tasks aimed at intensifying measures to prevent illegal behavior and information and propaganda, as well as protecting the information space of Russia from the ideology of terrorism for the period 2024–2028.

Keywords: extremism, terrorism, legal foundations, law enforcement agencies, law enforcement agencies, penal enforcement system, executive bodies, subjects of the Russian Federation

For citation: Rumyantsev N. V. Countering extremist and terrorist threats by law enforcement agencies as a factor in ensuring state security: organizational and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):185–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-185-189>. EDN: IXIRKO.

© Румянцев Н. В., 2024

Процесс глобализации, усиление межконфессиональных и внутригосударственных разногласий в настоящее время создали множество очагов нестабильности, напряженности в общественных отношениях и повысили уровень угроз безопасности. Поэтому вопросы противодействия терроризму и другим деструктивным проявлениям, несущим угрозу безопасности, постоянно находятся в центре внимания руководства страны. Практически во всех Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию решение политических, социальных и экономических задач связываются с необходимостью обеспечения стабильности общественной жизни и укреплением национальной безопасности. И значимость деятельности правоохранительных органов и силовых структур многократно возрастает в обстановке вызванной угрозами экстремистской и террористической направленности.

Активизация экстремистской и террористической деятельности на территории России, охватывающая все большее количество ее региональных субъектов, в настоящее время создает проблемы не только для граждан, но и государству. Решения их требуют выполнения целого комплекса соответствующих мероприятий, направленных на совместные действия государственных структур с общественными объединениями, где на современном этапе в качестве приоритетов рассматриваются нейтрализация и устранение факторов, способствующих развитию деструктивного явления [1].

Неизбежность поиска и организации эффективного механизма по предотвращению экстремистской деятельности и особенно ее составной насильственной (террористической) части, стало наиболее важным направлением в работе правоохранительных органов и силовых структур при совместном взаимодействии со всеми общегражданскими институтами, призванными обеспечивать государственную и общественную безопасность страны.

Реализуя базовые стратегические направления политики государства по противодействию экстремизму и терроризму, сформированные в основных документах законодательного и нормативно-правового регулирования (Федеральный закон «О противодействии терроризму» [2], («Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [3], «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы» [4], и другие), структурами и подразделениями принимаются необходимые меры, направленные на противодействие экстремистским и террористическим проявлениям со стороны силовых и правоохранитель-

ных органов и консолидацию с ними, по выполнению поставленных целей, всех федеральных органов государственного управления и сохранению в стране атмосферы нетерпимости к экстремистской идеологии, предупреждению разжигания межнациональной, религиозной и социальной вражды.

В конце 2023 года во многих региональных субъектах Российской Федерации различными ведомствами и структурами проанализированы итоги реализации мероприятий, предусмотренные пятилетним планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации до 2024 года. Вместе с тем, как отметил на одном из заседаний Совета безопасности Президент России Владимир Путин, тема борьбы с терроризмом не теряет своей актуальности для многих государств мира, но для России борьба с терроризмом имеет особое значение для ее внутренней безопасности [5]. В том, что обстановка в сфере противодействия этому явлению остается сложной подтверждается и данными, о которых сообщили в Национальном антитеррористическом комитете (НАК) по результатам борьбы с терроризмом в 2023 году. Так с начала года предотвращено 228 террористических преступлений, в том числе 146 терактов. Пресечена деятельность 73 законспирированных ячеек и свыше 180 организованных преступных групп, осуществляющих незаконный оборот оружия, заблокированы счета более 4000 лиц, причастных к финансированию терроризма, удалено в Интернете свыше 15,5 тыс. материалов террористического содержания [6].

В целях достижения успехов по осуществлению противодействия террористической угрозе, формированию у населения духовно-нравственных ценностей неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде, в декабре 2023 года Президентом России В. В. Путиным утвержден «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы» [7] (далее — План).

Среди задач, обозначенных в настоящем Плате, многочисленным государственным и общественным организациям по противодействию идеологии терроризма, особое внимание обращено к правоохранительным органам и силовым структурам (МВД, ФСИН, Росгвардия, ФСБ и др.). В частности, необходимо повысить результативность профилактических мероприятий в отношении лиц, склонных к идеологии неонацизма и терроризма, обеспечить полноту информационного пространства актуальной информацией, контрпропагандистскими и иными материалами, создающими неприятие террористической идеологии, а также осуществлять своевременную блокировку (удаление, либо ограничение доступа) контента террори-

стического характера. В ходе выполнения мероприятий профилактического характера, в первую очередь, следует обратить внимание: на представителей молодежи, придерживающихся идеи радикальных движений и криминальных субкультур и лиц, состоящих на различных формах учета в органах и учреждениях, в том числе отбывающих, либо отбывших наказание в учреждениях УИС за преступления террористического характера, на членов семей лиц, причастных к террористической деятельности и на мигрантов, прибывших в Россию с различной целью деятельности.

В предусмотренных в Плате задачах, сотрудникам правоохранительных органов предписано активнее расширять практику участия в проводимых всероссийских и региональных молодежных форумах (конференциях, тематических мероприятиях), в ходе проведения которых, давать соответствующие разъяснения о сущности террористической и иной деструктивной идеологии, в том числе и об ответственности за ее пропаганду. Безусловно, важным при противодействии пропагандистскому воздействию на граждан и лиц, осужденных к лишению свободы, при изучении и выявлении в библиотечных фондах изданий, содержащих информацию террористического, экстремистского и деструктивного характера, обеспечивать своевременное их изъятие.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы, в целях оказания профилактического воздействия на лиц, отбывающих наказание, силами сотрудников служб и подразделений следует осуществлять ознакомление подозреваемых, обвиняемых и осужденных со средствами наглядной агитации, печатными и аудиовизуальными материалами антитеррористического содержания. Активнее привлекать в этой работе представителей социально-ориентированных некоммерческих и религиозных организаций с целью доведения информации о бесперспективности и ответственности за совершение террористических актов,

Проводить активную работу среди работодателей, лидеров национальных диаспор, представителей общественных и религиозных организаций, направленную на предупреждение радикализации иностранных граждан, находящихся в России и осуществляющих трудовую деятельность, разъясняющую об ответственности за участие и содействие террористической деятельности, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, создание общественных объединений, цели или действия которых, нацелены на насильственное изменение основ конституционного строя страны.

При проведении профилактической работы с лицами, состоящими на различных формах учета, во

взаимодействии с представителями общественных, спортивных и религиозных организаций, шире разъяснять им преступную сущность терроризма, привлекать их к волонтерской и иной социально-полезной деятельности.

Систематически, сотрудникам служб и подразделений уголовно-исполнительной системы, в рамках решения задач по дерадикализации и отказа осужденных от дальнейшего участия в террористической деятельности, привлекать психологов, членов семей, представителей общественных и религиозных организаций к проведению с ними информационно-просветительских и воспитательных мероприятий. В рамках пенитенциарной пробации при осуществлении воспитательной работы проводить мероприятия по формированию антитеррористического мировоззрения.

Для предупреждения рецидивной преступности со стороны лиц, отбывших наказание за террористическую деятельность, проводить мероприятия социальной направленности на основе привлечения к профессиональной и общественной деятельности, обеспечивая ресоциализацию и реинтеграцию их в общество.

Правоохранительным органам совместно с государственными, общественными и особенно образовательными организациями, в целях своевременного определения лиц, подверженных криминальным субкультурам, идеям движений и сообществ, пропагандирующих совершение резонансных насильственных преступлений и вовлечению их в террористическую деятельность, активнее осуществлять и выявлять граждан, подверженных деструктивным идеологиям и склонности к насильственному поведению.

Для противодействия распространения террористической идеологии в местах религиозного культа доводить до лиц, получивших за рубежом религиозное образование и имеющих намерения заниматься религиозной деятельностью на территории России, положения законодательства Российской Федерации, устанавливающие ответственность за участие в террористической деятельности и несообщение о ней, а также разъяснять содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Оказывать активное содействие функционированию Единой системы противодействия распространению недостоверной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в рамках которой оперативно реагировать на попытки психологического воздействия на население со стороны международных террористических организаций, украинских специальных служб, националистических и неонацистских организаций, западных пропагандист-

ских центров путем доведения сведений, опровергающих ложные новости и (или) дискредитирующих их источники, а также раскрывающих позитивную роль органов власти по противодействию террористической угрозы.

В новых субъектах России необходимо активнее проводить работу по разъяснению правовых норм законодательства, предусматривающих уголовную ответственность за участие и содействие террористическим организациям, указывая, прежде всего, на несообщение о преступлениях террористической направленности, осуществлять производство и широкое распространение антитеррористических материалов через средства массовой информации.

По согласованию с аппаратом Национального антитеррористического комитета организовывать проведение научных исследований по противодействию идеологии терроризма и внедрению их результатов в практическую деятельность.

Постоянно анализировать и оценивать эффективность реализации профилактических мероприятий с учетом результатов проводимых социологических исследований, мониторингов общественно-политических процессов и информационных интересов населения. Обеспечить ежегодное планирование мероприятий по противодействию идеологии терроризма и своевременное внесение коррективов в профилактическую работу.

За эффективность и качество профилактической работы по реализации настоящего Комплексного Плана на руководителей, ответственных за ее организацию и контроль, возлагается персональная ответственность.

В настоящее время, проанализировав итоги выполнения мероприятий по противодействию террористической угрозы 2019–2023 гг., структуры государственных и общественных организаций, правоохранительных органов и силовых структур, в соответствии с утвержденным Планом на 2024–2028 гг., наметили задачи по усилению борьбы с данным деструктивным явлением. Так в декабре 2023 года в Калуге на заседании рабочей группы разработан документ на предстоящий пятилетний период, направленный на формирование у населения духовно-нравственных ценностей, непринятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде. На антитеррористической комиссии Челябинской области, при подведении итогов антитеррористической деятельности отметили, что в принятом документе по противодействию идеологии терроризма до 2028 года, почти 90 процентов мероприятий нацелены на ограждении от нее молодежи. В центре народного единства,

с участием представителей управления по взаимодействию с общественными объединениями, научного исследовательского центра мониторинга и профилактики, комитета по делам образования, представителей мусульманства и др. экспертов, обсуждены вопросы ограждения молодежи от пропаганды терроризма, в том числе в сети интернет, а также прививание патриотизма и уважения к труду среди молодежи.

Работа служб и подразделений правоохранительных органов и силовых структур по пресечению противоправной террористической деятельности в настоящее время продолжается и повышение качества результатов их работы в дальнейшем, является объективной необходимостью выполнения важнейшей задачи в противодействии террористической угрозы.

Безусловно, выполнить поставленные цели по пресечению преступлений террористического характера возможно лишь при участии научного обеспечения и теоретически обоснованной организации проведения различных мероприятий, способных придать деятельности мощный импульс по реализации стоящих задач.

Только совместная активная позиция правоохранительных органов и силовых структур, государственных и общественных организаций по противодействию распространению террористической идеологии, будет способствовать выполнению одной из важнейших задач в обеспечении безопасности страны [8].

Список источников

1. Канунникова Н. Г. Административная ответственность и практика ее применения // К вопросу о месте административной ответственности в системе противодействия проявлениям экстремизма // 2022. С. 61.
2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Комплексный План противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Совет безопасности России // «О борьбе с терроризмом» // 3 февраля 2023.
6. Ведомости // НАК сообщил о предотвращении в России 146 терактов с начала года // 12 декабря 2023.

7. Информационно-правовое обеспечение // Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // 03.02.2023.
8. Казанцев С. А. Экстремизм, методы информационного противодействия, распространения экстремизма, выявление лиц, содержащихся в учреждениях УИС, склонных к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности // Сборник материалов Петербургские пенитенциарные конференции // 2021. Т. 2.

References

1. Kanunnikova N. G. Administrative responsibility and the practice of its application // On the issue of the place of administrative responsibility in the system of countering manifestations of extremism // 2022. P. 61.
2. Federal Law «On countering terrorism» dated 06.03.2006 № 35-FZ // ConsultantPlus.
3. Strategy for countering extremism in the Russian

- Federation until 2025 (approved by the President of the Russian Federation on 11/28/2014 № Pr-2753) // // ConsultantPlus.
4. Comprehensive Plan for Countering the ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2019–2023, approved by the President of the Russian Federation on December 28, 2018 № Pr-2665 // ConsultantPlus.
5. The Security Council of Russia // «On combating terrorism» // February 3, 2023.
6. Vedomosti // NAC reported on the prevention of 146 terrorist attacks in Russia since the beginning of the year // December 12, 2023.
7. Information and legal support // Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 (approved by the President of the Russian Federation V. By Putin on December 30, 2023, № Pr-2610) // 03.02.2023.
8. Kazantsev S. A. Extremism, methods of information counteraction, spread of extremism, identification of persons held in penal institutions prone to commit crimes of extremist and terrorist orientation // Collection of materials of the St. Petersburg penitentiary conferences // 2021. Vol.2.

Информация об авторе

Н. В. Румянцев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Rumyantsev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-190-197>

EDN: <https://elibrary.ru/idemdm>

НИОН: 2003-0059-3/24-069

MOSURED: 77/27-003-2024-03-268

Количественно-качественные показатели преступности в киберпространстве

Армен Жораевич Саркисян

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
7700153@gmail.com

Аннотация. Анализируются основные проявления и показатели преступности в киберпространстве. Исследуется проблематика киберпреступности, которая приобретает все большее значение в связи с широкомасштабной цифровизацией большинства сфер в научно-технической сфере, в экономике, в области информационного обмена и многих других сферах социальной жизни. Анализируются такие преступные деяния, при которых обеспечивается нелегальный доступ к информационным сетям, в том числе и посредством сети Интернет, что в свою очередь дает возможность доступа и использования неограниченного объема конфиденциальной информации, используемой в дальнейшем для совершения новых киберпреступлений и преступлений «классического» формата.

Ключевые слова: виртуальная реальность, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступление, киберпространство, преступность, цифровизация

Для цитирования: Саркисян А. Ж. Количественно-качественные показатели преступности в киберпространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 190–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-190-197>. EDN: IDEMDM.

Original article

Quantitative and qualitative indicators of crime in cyberspace

Armen Zh. Sarkisyan

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, 7700153@gmail.com

Abstract. The main manifestations and indicators of crime in cyberspace are being analyzed. The problems of cybercrime are being examined, which is becoming increasingly important in connection with the large-scale digitalization of most areas in the scientific and technical sphere, in the economy, in the field of information exchange and many other areas of social life. The article analyzes such criminal acts in which illegal access to information networks is provided, including through the Internet, which in turn makes it possible to access and use an unlimited amount of confidential information used in the future to commit new cybercrimes and crimes of the «classic» format.

Keywords: virtual reality, information and communication technologies, cybercrime, cyberspace, crime, digitalization

For citation: Sarkisyan A. Zh. Quantitative and qualitative indicators of crime in cyberspace. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):190–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-190-197>. EDN: IDEMDM.

Борьба с преступностью — это одно из фундаментальных направлений человеческой деятельности, историю которого или даже самое приблизительное

начало борьбы с преступностью установить вряд ли представится возможным, поскольку природа человеческого менталитета за многотысячелетнюю исто-

© Саркисян А. Ж., 2024

рию показала как принятие такого формата поведения в социальной группе или обществе, так и обратную реакцию и осуждение. Системное противодействие и борьба с преступностью начали складываться параллельно со становлением права, когда из мононорм до государственного периода развития общества стало формироваться право в его близком к современному пониманию виду.

Проблематика преступности как явления, его причины, последствия преступных деяний в самых разных областях общественных отношений, тот ущерб, который несут отдельные личности, социальные группы, общество и государство в целом, давно находятся в сфере внимания, как ученых, так и практиков, анализирующих весь спектр этого явления для выработки наиболее эффективных методов борьбы с преступностью.

В юрисдикциях многих стран борьба с преступностью приобрела конституционное значение, когда в нормах основного закона прямо закрепляются задачи в этой области, конкретно определяются субъекты властеотношений ответственные за это направление в реализации государственных функций, закрепляются права и обязанности всех субъектов права на защиту от преступных посягательств, определяются гарантии в области борьбы с преступностью [1, ст.ст. 20, 47–50, 52, 114].

Явление преступности настолько многогранно, настолько динамично и порой опережает и (или) идет в ногу с социальным, научно-техническим прогрессом, что его исследование представляет собой такую же многогранную и сложную деятельность с необходимостью привлечения огромного числа специалистов из многих сфер общественной жизни, где преступность находит свое проявление.

Многие теоретики, исследующие названную проблематику, считают, что явление преступности необходимо анализировать в непосредственной связи с явлением преступления и его видового состава.

Практика исследований, история научного опосредования непосредственно явления преступления подходит к аналитике с двух основных позиций. Первый подход основан на криминологической характеристике явления, при которой преступное деяние исследуется во взаимосвязи внутренних и внешних характеристик. Внутренние аспекты связаны непосредственно с личностью преступника, особенностями его интеллектуального и психоэмоционального состояния. Внешние условия и причины, послужившие прямым и (или) косвенным основанием для совершения преступления оцениваются в том числе и в контексте воздействия на внутренние факторы и соответственно мотивы.

Второй подход — уголовно-правовой связан с исследованием собственно юридических особенностей совершенных деяний. Здесь можно вспомнить о фундаментальном для методологии исследования явления «состав преступления». И именно взаимосвязанная

аналитика объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления дает возможность сформулировать определенные выводы по причинно-следственным связям, динамике преступных деяний, их возможных перспектив и тенденций.

Очевидно, что эти два подхода во многом взаимосвязаны. Так установление причинно-следственных связей, мотивов совершения, причин и условий, всего классического четырехэлементного состава нельзя рассматривать вне криминологических исследований внешних и внутренних факторов, которые служат эмпирической и методологической основой для получаемых выводов.

Исследование преступления, группы преступлений, структурированных по самым разным основаниям, несомненно, имеют помимо собственно научного четко определенное практическое значение. Выявленные причины и условия совершения преступлений приобретают качество задач, которые встают перед государством и обществом, решение которых помогут успешно бороться с данными преступными проявлениями, а также осуществлять необходимую профилактическую деятельность для уменьшения или искоренения преступного явления. Уголовно-правовой подход показывает на те признаки, которые послужат ориентирами в построении грамотной и эффективной правоприменительной деятельности начиная от вопросов квалификации заканчивая методиками доказывания по соответствующим составам признаков «необходимых и достаточных для признания того, что лицо совершило деяние, предусмотренное (запрещенное) конкретной нормой уголовного закона, и подлежит уголовной ответственности в соответствии с ней» [7, с. 42].

Таким образом отталкиваясь от явления единичного преступления, можно переходить к более сложному явлению — преступность, которое формируется как открытая подсистема общественных связей, как «самоуправляемая система», которая «саморазвивается и самодетерминируется» [9, с. 174] в зависимости от ряда факторов. Здесь в доктрине сформировалось устойчивое представление о том, что именно такая связка в предмете исследования — «преступность и преступление» определяет наиболее взвешенный и обоснованный подход к их исследованию и нахождению наиболее эффективных методов в борьбе с преступностью.

Ставший аксиоматичным вывод о том, что хотя и преступность находит свое выражение в отдельных преступлениях, но более широко как явление, не ограничивается теми признаками, которые характерны для отдельных преступлений. Преступность выступает системой с четко определенной закономерностью и факторами зависимости — явлением общим по отношению к частным случаям отдельных преступных деяний, которые могут иметь и случайный характер.

Необходимо отметить, что во все времена динами-

ка преступности была определена теми сферами социальной жизни, которые имеют большую динамику как по широте охвата общественных отношений, так и скорости генезиса. Прекрасный пример тому научно-технический прогресс, технологическое развитие, сфера информационных технологий и цифровизации, которые с огромной скоростью занимают все больше и больше «жизненного пространства» общества и государства, отдельного человека и социальной группы.

Термин «киберпространство» (англ. cyberspace), по мнению исследователей, является комбинацией префикса «cyber-», имеющего греческое происхождение и означающее «правители» [18], а также латинская часть «space» — пространство. Сходное или даже базовое понятие «кибернетика» понималось как искусство рулевого или искусство управления, которое трансформировалось в непосредственно государственное управление. В целом же кибернетика как первооснова для понимания киберпространства на сегодняшний день видится как направление исследований в области управленческой деятельности и соответствующей администрирующей и коммуникативной информации в многоуровневых операционных системах самого разного типа от нейронных, компьютерных до биологических и социальных, с уклоном в автоматизацию рассматриваемых процессов [11, с. 52].

Анализируя киберпространство, многие исследователи проводят параллели с понятием виртуального пространства, опираясь на современное понимание префикса «cyber-», который устойчиво воспринимается в значениях, связанных с компьютерными технологиями, сетью Интернет и всем, что опосредуется в информационно-коммуникационном формате.

Несомненно, что киберпространство, являясь результатом работы компьютерных систем и цифровых технологий, формирует так называемую виртуальную реальность, условно информационно-энергетическое место смоделированных программами виртуальных объектов и сценариев их динамики. Киберпространство проявляется не только через воспринимаемый пользовательский интерфейс и переход восприятия на иной нематериальный уровень восприятия альтернативной физической реальности, но и через свою основную сущность в качестве информационного пространства, пространства информационных потоков, контактирующих с органами чувств [19, с. 42].

Очевидно, что киберпространство может рассматриваться как альтернативное физическому пространство, существующее в информационном поле цифрового формата воспроизведения. И, конечно же, исходя из того, что Интернет как глобальная и по сути единая сеть электронной коммуникации влияет на все без исключения области человеческой жизнедеятельности, сфера преступности нашла свое место и здесь, зачастую обладая динамикой куда более оперативной чем в своем привычном проявлении.

Вопросы преступности в киберпространстве и (или) посредством цифровых технологий с развитием сети Интернет стали получать новое «звучание», соединяющее вместе ценности физического пространства и киберпространства. Особенности этого явления применительно к социальной или личной жизни человека, к тем поступкам, которые могут совершаться и совершаются в виртуальном мире, необходимо проиллюстрировать концепцией пространства А. Лефевра, который формулируя свою «унитарную теорию пространства» считал, что каждая социальная группа формирует свое пространство, которое условно можно разделить на три основные составляющие: физическое, ментальное и социальное пространства [13, с. 45].

Нельзя не согласиться с такой характеристикой киберпространства как пространства «социальной практики, занятое чувственными явлениями, в число которых входят и воображаемое, проекты и проекции, символы, утопии» [13, с. 27]. И поскольку в соответствии с таким подходом любое пространство, в том числе и киберпространство (виртуальное пространство) это результат социальной деятельности, то для этого пространства характерны все известные проявления «обычного» пространства, а значит весь спектр противоправных, преступных проявлений человеческой деятельности. Очевидное доминирование цифровых технологий во многих особо финансово и ценностно насыщенных сферах человеческой жизнедеятельности сделало киберпространство еще одной ареной тысячелетней борьбы закона и преступности.

Необходимо согласиться с мнением отдельных исследователей, которые обращают внимание на то, что нельзя отождествлять киберпространство и сферу сети Интернет. Логика здесь достаточно проста и заслуживает принятия исходя из того, что киберпространство создается не только архитектурой Интернета, в генезисе киберпространства принимают участие все без исключения локальные сети, а также результаты любых информационно-коммуникационных технологий. Интернет — хотя и весомая, значимая, но все же только часть киберпространства.

Не менее интересен и дискурс по поводу соотношения понятий киберпространства и виртуальной реальности. Виртуальная реальность в большей степени связана с результатом суммы впечатлений индивида или группы, которые порождаются воздействием аппаратно-программного комплекса компьютерных систем на ощущения через моделирование и имитацию известных проявлений реального физического мира, данное в информационном обмене основных органов чувств. Средства виртуальной реальности служат вхождению и в киберпространство [17, с. 44].

Применительно к теме настоящего исследования наибольший интерес представляет многогранность и явления и термина «киберпространство» поскольку на

сегодняшний день бесчисленное количество социальных связей наложились на киберпространство при помощи цифрового инструментария современных компьютерных технологий, что в полной мере относится и к сфере совершения преступлений, которая одна из первых стала использовать цифровые инструменты на площадках киберпространства.

Можно согласиться с мнением отдельных исследователей, которые рассматривают киберпространство как цифровую среду представленную сферой обращения результатов информационно-коммуникационных технологий, которые в первую очередь представляют собой информацию и все, что с ней связано: способы и решения по поводу обмена и управления, выстраивания коммуникаций в условиях отсутствия государственных границ каких-либо государств [10, с. 65], что в очередной раз делает эту сферу привлекательной для преступного замысла и реализации противоправных деяний.

За достаточно короткий период становления и развития киберпространства сформировалось и продолжает свое развитие отдельное направление в этой области — преступность в киберпространстве или киберпреступность. Поскольку информация всегда привлекала к себе повышенное внимание преступников, поскольку является признанной социальной ценностью и соответственно объектом преступного посягательства. Именно из-за многофункциональности и широты возможностей киберпространства «происходит криминализация информационной среды и трансформация социального явления преступность — в киберпреступность» [6, с. 7].

Киберпреступность как особая проблема современных реалий, зависящих от цифровизации и сетевого взаимодействия, по отзывам правоприменителей и потерпевших, наносит очень серьезный ущерб, как на внутригосударственном уровне, так и в транснациональных отношениях, поскольку именно безграничность киберпространства определяет многие характеристики преступных деяний, так как дает возможность совершить преступление в любом месте расположения сетевых структур, применения названных технологий и подключения к сети Интернет» [8, с. 81].

Понимание серьезности такого качественного показателя киберпреступности как ее транснациональный характер послужил основанием для международно-правовой работы в этой области. В 2001 году принимается Будапештская Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации и разрабатывается проект новой универсальной международной конвенции по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, которая по мнению Министерства иностранных дел Российской Федерации позволит создать эффективную и такую же всемирную «систему

противодействия трансграничной ИКТ-преступности, учесть эволюционирующие вызовы, исходящие в том числе со стороны новейших ноу-хау, включая квантовые технологии и искусственный интеллект» [14].

Как уже было отмечено, среди основных качественных показателей киберпреступности следует считать масштабность и скорость совершения противоправных деяний, а также высочайшая латентность. При этом следует обратить внимание на интересную дихотомию в качественной характеристике киберпреступности. С одной стороны, высокая латентность обеспечивается программными средствами, которые выстраивают такие траектории совершения преступных деяний, которые не позволяют точно идентифицировать ни субъекта совершения преступления, ни место, откуда было осуществлено воздействие, что не позволяет включить юридический инструментарий для правильного реагирования. С другой стороны, никто не отменял (и не отменит) то состояние киберпространства, при котором в нем всегда остается «цифровой след» любого совершенного действия и информация об устройстве — «Интернет помнит все!». И при наличии требуемого аппаратно-программного комплекса у правоохранителя и более-менее подготовленного персонала латентность киберпреступности может быть существенно снижена.

Качественные показатели киберпреступности во многом проявляются в характеристике видового состава этих преступлений. Здесь стоит остановиться на наиболее показательных видах этой группы преступных деяний и в первую очередь назвать т.н. «кибератаки», которые представляют собой противоправное проникновение в компьютерные системы третьих лиц и «массовое покушение на информационную безопасность компьютерной системы» [15, с. 921] третьих лиц. Кибератаки могут проявляться в виде «взлома» интернет-сайтов, электронной почты, индивидуальных аккаунтов. Сюда же можно отнести заражение компьютерных систем вирусами, которые могут инициировать блокирование и разрушение программного продукта третьих лиц, так и быть направленными на незаконное завладение личными данными (фишинг), или иной информации доступ, к которой закрыт правообладателем и (или) охраняется по закону, блокировка доступа к такой информации и многое другое. Кибератаки представляют собой настолько многоплановое явление, что даже краткий анализ основных видов займет достаточный объем в предметном исследовании.

Среди разновидностей кибератак можно выделить наиболее часто употребляемые, находящиеся в большей степени «на слуху» в специальной литературе и отчетных публикациях. Здесь, в первую очередь, можно назвать атаки WEB приложений как разновидность несанкционированного взлома посредством SQL инъ-

екции¹ и межсайтового скриптинга (XSS)². Кибератаки посредством вредоносного кода в формате вируса, «червя» или сложносоставной шпионской программы также занимают весомый объем в структуре киберпреступности. Не менее распространены и кибератаки целью которых являются четко определенные приложения, когда перехватываются точно определенные пакеты данных, передающиеся через эти приложения. Хорошо всем известные (наиболее часто встречающиеся в прессе) Dos/DDoS атаки (Denial of Service — «отказ в обслуживании»), когда злоумышленник перегружает атакуемый сервер большим числом запросов, в результате чего сервер не справляется и прекращает работу. Сходной выступает атака DDos (Distributed Denial of Service — «распределенный отказ в обслуживании»), когда используется гораздо большая сеть (ботнет).

Не менее опасны и так называемые разведывательные виды кибератак: пассивная и активная. При пассивной атаке преступник ищет нужную ему информацию, без вмешательства в систему потерпевшего. При активной форме происходит и непосредственное вмешательство в систему потерпевшего. Как показывает практика пассивная «разведка» зачастую проводится для подготовки к более серьезной и масштабной кибератаке.

В оценке качественных показателей названного вида преступлений правоприменители исходят, в первую очередь, из уголовно-правовой оценки преступного деяния. Так, кибератаки сопровождаемые требованиями денежных выплат оцениваются (квалифицируются) по соответствующим частям ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2]; установка нелегальных программ — ст.ст. 272, 273 УК РФ; хищение денежных средств при помощи заражения сторонних систем (банковских и иных финансовых) по ст. 159.6, 273, 274 УК РФ.

Отечественная правоприменительная практика знакома и с киберпреступлениями, совершаемыми в форме хищений с применением электронных систем платежа. Такие деяния получают квалификацию по составам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ.

Качественными показателями киберпреступлений экономического спектра, выступают и условия, в которых формируются составы в области незаконной предпринимательской и банковской деятельности, незаконной организации и проведения азартных игр. Особое место Интернет занимает в обеспечении исключительно функциональных условий для совер-

шения преступлений в сфере отмыывания денег, полученных преступным путем.

Преступное творчество в киберпространстве демонстрирует широчайший спектр и способов такого отмыывания (легализации) денежных средств, через социальные сети, электронные маркетплейсы, сайты-аукционы, сайты-объявления, через продажи несуществующего имущества или оказание (фиктивное оказание) услуг. Практически безграничная возможность создания сайтов разной тематической и структурной направленности, а также площадки интернет-банков, криптовалюту биткоин дополняют криминальную картину в киберпространстве.

Среди разновидностей преступлений в киберпространстве особо следует выделить деяния по склонению к совершению самоубийства или содействие совершению названного акта через сеть Интернет — ст. ст. 110.1, 110.2 УК РФ. Не менее опасны и акты секстинга³ квалифицируемые по диспозициям ст.ст. 135, 242 УК РФ, в том числе связанные со знакомством в социальных сетях, переписками эротического содержания, «интимное общение по видео-интернет-связи, а также для реализации видеосъемок порнографического характера» [16, с. 78].

Нет необходимости говорить об общественной опасности такой группы преступлений, совершаемых при помощи киберпространства как незаконный сбыт наркотических, психотропных средств и веществ — ч. 2 п. «б» ст. 228-1 УК РФ. В этой части качественных характеристик необходимо обратить внимание на использование такого скрытого от общего доступа сектора сети Интернет, как «Даркнет»⁴.

Особую тревогу для общества и государства вызывают совершаемые с использованием сети (сетей) преступные деяния по вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность — ст.150 УК РФ и особенно публичные призывы к экстремистской деятельности — ч. 2 ст. 280 УК РФ.

Качественные показатели киберпреступности основываются, в том числе и на ряде факторов, которые создают особые трудности при расследовании. Здесь и уже названная проблематика отсеивания каскада прокси-серверов для обнаружения субъекта преступления и места нахождения исходного сервера. Здесь же и показатели развития правовой инфраструктуры обеспечивающей кибербезопасность, профилактику, предотвращение и пресечение преступлений в кибер-

¹ SQL (Structured Query Language) — язык структурированных запросов, который предназначен для работы с реляционными базами данных: просмотр и любое изменение данных в базе. SQL-инъекция — это способ изменения запроса к базе данных.

² XSS (Cross-Site Scripting — межсайтовый скриптинг) — вид веб-атаки, позволяющий интегрировать любую вредоносную программу (код) на страницу сайта или приложения.

³ Развратные действия, в том числе в отношении несовершеннолетних, вовлечение в действия сексуального характера; «интернет-педофилия» и другие сходные составы.

⁴ Даркнет — это часть обычного интернета, но со спецификой пользования. В целом этот сегмент скрыт из общего доступа, но пользоваться им может любой. Соединение в даркнете устанавливается между доверенными пирами в зашифрованном виде, с использованием нестандартных портов и протоколов. В этой сети используются собственные DNS, то есть домены, и адресное пространство // URL:// <https://habr.com/ru/companies/cloud4y/articles/575284>.

пространстве. Особое значение имеет аппаратно-программные возможности в организации и осуществления мер по кибербезопасности. Кадровый потенциал как отдельных субъектов кибербезопасности, так и государства в целом — немаловажный элемент в качественных характеристиках по наращиванию потенциала в сфере информационной безопасности.

Один из наиболее авторитетных субъектов в определении качественных и количественных показателей киберпреступности, источник стратегических и тактических данных о киберугрозах, актуальных для Российской Федерации и СНГ — компания F.A.C.C.T. считает, что большая часть кибератак в 2023 году в России имели военно-политический мотив с основной целью шпионажа, организации диверсий, уничтожение данных.

Известные события на западных границах нашей страны показывают, что имеет место перепрофилирование и переподготовка преступных сообществ для действий в киберпространстве. Хакерские группы на Украине не без помощи западноевропейских и заокеанских коллег, стали работать в формате «двойного назначения», совмещая привычную мошенническую деятельность, с явно хорошо организованной и также оплаченной деятельностью по склонению к диверсионной деятельности, организации и осуществлению такой деятельности. Как отмечается в Аналитическом отчете компании F.A.C.C.T. «Киберпреступность в России и СНГ. Тренды, аналитика, прогнозы 2023–2024 гг.» «облака логов — закрытые Telegram-каналы или андеграундные форумы — стали для преступников незаменимым источником скомпрометированных данных для развития атак на компании в России и СНГ. Несмотря на массовый исход фишинговых сайтов с российских хостинг-провайдеров, фишинг оставался одной из основных киберугроз» [5].

Основные количественные показатели преступности в киберпространстве во взаимосвязи с определенными качественными признаками можно проиллюстрировать данными указанного отчета:

- количество политически мотивированных кибератак с целью хищения конфиденциальной информации или разрушения российской ИТ-инфраструктуры в 2023 году по сравнению с 2022 годом выросло на 116 %;
- политически мотивированные кибератаки были направлены в основном на Россию (28 атак), Азербайджан (6 атак), а также Республику Беларусь, Киргизию и Казахстан (по 4 атаки). Основными субъектами были «госучреждения, организации, связанные с критически важной инфраструктурой, военные учреждения и предприятия ОПК»;
- в 2023 году по сравнению с предыдущим годом количество атак программ-вымогателей для получения выкупа выросло на 160 %;
- в 2023 году только обнаружено было около

300 облаков логов (Underground Cloud of Logs, UCL), через которые проходят потоки украденных данных. Зафиксирован пятикратный рост (с 496 до 2,3 тыс.) уникальных хостов, на которых с помощью стилера была скомпрометирована учетная запись хотя бы от одного крупного банка России и СНГ. Источником этих записей были данные с UCL;

- в России и СНГ в 2023 году было выявлено более 29 тыс. фишингового домена по сравнению с 20 тыс. в 2022 году;
- точные данные отсутствуют, но абсолютно точная информация о росте количества рабочих станций, зараженных стилерами, а следовательно, и количество скомпрометированных учетных записей.

Подводя итог, самому общему анализу этой, несомненно, фундаментальной проблемы, вызова и риска современности — киберпреступности или преступности в киберпространстве необходимо обратить внимание на еще одну область риска — деятельность и функционирование компаний малого и среднего бизнеса.

Именно у этой категории предприятий и организаций в силу ограниченности бюджета, кадрового потенциала зачастую отсутствует реальная возможность своими силами обеспечить качественную информационную безопасность. Интернет-банкинг и социальные сети продолжают оставаться в зоне риска для совершения киберпреступлений. В купе со сложной геополитической и военной обстановкой, участием в киберпреступности явных субъектов разведывательной и контрразведывательной деятельности создает ситуацию, при которой борьба с преступностью в киберпространстве планировалась и велась бы на самом высоком государственном уровне с организацией максимального числа заинтересованных субъектов, их организации и координации их усилий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Российская газета. № 113, 18.06.1996; № 114, 19.06.1996; № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Конвенция о преступности в сфере компью-

- терной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Конвенция вступила в силу 1 июля 2004 г. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Проект 29.06.2021. URL://https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf.
 5. Аналитический отчет компании F.A.C.C.T. «Киберпреступность в России и СНГ. Тренды, аналитика, прогнозы 2023–2024 гг.». Стратегические и тактические данные о киберугрозах, актуальных для России и СНГ в период острого геополитического конфликта // URL://<https://www.facct.ru/resources/research-hub/cybercrime-trends-annual-report-2023-2024>.
 6. Анисимова А. С. К вопросу о понятии сети «Интернет» в теории права и законодательстве // *Юридическая наука*. 2015. № 4. С. 5–8.
 7. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. Учебное пособие. М. : ИНФРА - М, 2017.
 8. Буз С. И. Киберпреступления : понятие, сущность и общая характеристика // *Юрист-Правоведь*. 2019. № 4 (91). С. 78–82.
 9. Галачиева М. М., Томаева Д. М. Понятие и содержание борьбы с преступностью // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 3(219). С. 174–177.
 10. Войскунский А. Е. Метафоры интернета // *Вопросы философии*. 2001. № 11. С. 64–79. URL://<http://www.relarn.ru/human/cyberspace.html>.
 11. Добринская Д. Е. Киберпространство : территория современной жизни // *Вестн. Моск. Унта. Сер. 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24. № 1. С. 52–70.
 12. Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность : понятие, признаки, основные направления противодействия // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2022. № 4. С. 106–114.
 13. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М. : Strelka press, 2015. 432 с.
 14. МИД: новая конвенция по информбезопасности может подорвать цифровую гегемонию Запада // URL://<https://lprime.ru/20240329/konventsija-846836533.html>.
 15. Немчинова А. С. Семерной К. А. Кибератаки : понятие, цели и последствия // *Экономика и социум*. № 4 (47). 2018. С. 920–923.
 16. Степанова О. Ю. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // *Санкт-Петербургский вестник МВД России*. 2015. № 2 (66). С. 78–80. URL://<https://cyberle.ninka.ru/article/n/problemaprivlecheniya-k-ugolovnoy>.
 17. Holmes D. Communication theory : media, technology, society. L., 2005. P. 44–45.
 18. Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.
 19. Terranova T. Network culture : politics for the information age. L., 2004. P. 42.
- ### Bibliographic list
1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including the new subjects of the Russian Federation — Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region and Kherson region, is published on the official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
 2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on 25.12.2023) (with amendments and additions, intr. effective from 30.12.2023) // *Rossiyskaya Gazeta*. № 113, 18.06.1996; № 114, 19.06.1996; № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
 3. Convention on Computer Information Crime ETS № 185 (Budapest, November 23, 2001). The Convention entered into force on July 1, 2004. The Russian Federation does not participate in this Convention.
 4. The United Nations Convention on Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes. Project 29.06.2021. URL://https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf.
 5. F.A.C.C.T. Analytical report «Cybercrime in Russia and the CIS. Trends, analytics, forecasts 2023–2024». Strategic and tactical data on cyber threats relevant to Russia and the CIS during an acute geopolitical conflict // URL://<https://www.facct.ru/resources/research-hub/cybercrime-trends-annual-report-2023-2024>.
 6. Anisimova A. S. On the question of the concept of the Internet in the theory of law and legislation // *Legal science*. 2015. № 4. P. 5–8.
 7. Babaev M. M. Social consequences of crime. Textbook. M. : INFRA - M, 2017.
 8. Buz S. I. Cybercrimes : concept, essence and general characteristics // *Jurist-Pravoved*. 2019. № 4 (91). P. 78–82.
 9. Galachieva M. M., Tomaeva D. M. The concept and content of the fight against crime // *Agrarian and land law*. 2023. № 3(219). P. 174–177.
 10. Voiskunsky A. E. Metaphors of the Internet //

- Questions of philosophy. 2001. № 11. P. 64–79. URL://http://www.relarn.ru/human/cyberspace.html.
11. Dobrinskaya D. E. Cyberspace : the territory of modern life // Vestn. Moscow. Univ. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2018. Vol. 24. № 1. P. 52–70.
12. Klishkov V. B., Stebeneva E. V., Yakovleva M. A. Cybercrime : concept, signs, main directions of counteraction // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2022. № 4. P. 106–114.
13. Lefebvre A. Production of space / Trans. from French M. : Strelka press, 2015. 432 p.
14. MFA: the new convention on information security may undermine the digital hegemony of the West // URL://https://lprime.ru/ 20240329/konventsija-846836533.html
15. Nemchinova A. S. Semernoy K. A. Cyberattacks : concept, goals and consequences // Economics and society. № 4 (47). 2018. P. 920–923.
16. Stepanova O. Yu. Problems of criminal prosecution for pedophilia in social networks // St. Petersburg Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2 (66). P. 78–80. URL://https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privlecheniya-k-ugolovnoy.
17. Holmes D. Communication theory : media, technology, society. L., 2005. P. 44–45.
18. Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.
19. Terranova T. Network culture : politics for the information age. L., 2004. P. 42.

Информация об авторе

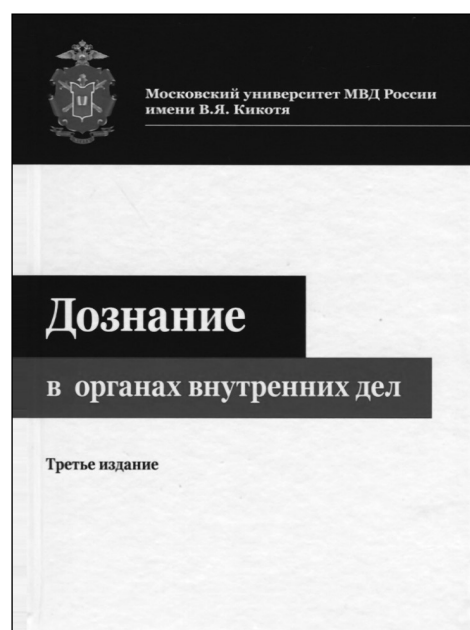
А. Ж. Саркисян — руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Zh. Sarkisyan — Head of the Editorial and Publishing and Information and Library Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-198-201>

EDN: <https://elibrary.ru/jypryw>

НИОН: 2003-0059-3/24-070

MOSURED: 77/27-003-2024-03-269

Средства подвижной радиотелефонной связи: понятие и применение

Сергей Александрович Сойников^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Москва, Россия,
SSojnikov@mail.ru

² Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. Отмечается важность актуализации используемых в нормативных правовых актах понятий. Представлен краткий перечень понятий, используемых в сфере дорожного движения и в сфере образования применительно к средствам связи. Сформулировано предложение, направленное на законодательное закрепление и реализацию понятия «средства подвижной радиотелефонной связи».

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, понятие, телефон, устройства мобильной связи, средства подвижной радиотелефонной связи, водитель транспортного средства, дорожное движение, обучающийся, образование

Для цитирования: Сойников С. А. Средства подвижной радиотелефонной связи: понятие и применение // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 198–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-198-201>. EDN: JYPRYW.

Original article

Mobile radiotelephone communications: concept and its application

Sergey A. Soynikov^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia,
SSojnikov@mail.ru

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The importance of updating the concepts used in regulatory legal acts is being noted. A short list of concepts used in the field of traffic and in the field of education in relation to communications is presented. A proposal has been formulated aimed at legislatively consolidating and implementing the concept of «mobile radiotelephone communications».

Keywords: administrative and legal regulation, concept, mobile phone, cell phone, mobile communication devices, means of mobile radiotelephone communication, vehicle driver, road traffic, student, education

For citation: Soynikov S.A. Mobile radiotelephone communications: concept and its application. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):198–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-198-201>. EDN: JYPRYW.

Понятия, основываясь на информационной достаточности, помогают точно определить значение, структурировать информацию, позволяют четко, конкретно и корректно осуществлять формулировки, однозначно толковать их всеми категориями поль-

зователей, исключая вариативность интерпретаций. Понятие представляет собой суммарно обобщенную в определенную группу, логически правильное содержание осмысленных и описанных явлений, фактов, предметов и устройств. Рассматривая правоустанав-

ливающую функцию понятия, отметим, что с его помощью аргументировано утверждается истинность, обязательность и неоспоримость юридически значимой информации. Качественный уровень административно-правового регулирования и эффективность практической реализации нормативных правовых актов в значительной степени зависит от степени точности и актуальности используемых понятий.

Рассматривая изложенное, важно отметить определенную схожесть в структуре нормативных правовых актов в виде специальной понятийной (терминоустанавливающей) статьи, содержащей перечень значимых для той или иной сферы нормативного правового регулирования понятий, определений и терминов. Такая статья размещается в начале нормативного правового акта и имеет соответствующее наименование. В качестве примера можно привести Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (статья 2. «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе») [1]; Федеральный закон «О связи» (статья 2. «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе») [2]; Постановление Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» («ПДД РФ, 1. Общие положения; 1.2. В Правилах используются следующие основные понятия и термины») [3] и др. Наряду с таким подходом ряд нормативных правовых актов может содержать отдельные положения, включающие понятия, используемые для регулирования узкой видовой сферы правоотношений.

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что анализ результатов различных видов научной (научно-исследовательской) деятельности публично-правовой (государственно-правовой) направленности позволяет сделать вывод о том, что одним из направлений совершенствования административно-правового регулирования отношений в определенной сфере является изменение или дополнение нормативных правовых актов в виде предлагаемых понятий, терминов и формулировок, и их последующей реализации.

Особое значение имеет своевременность законодательного закрепления понятия при возникновении (появлении) новых явлений, вещей, предметов, устройств и др. В качестве примера можно привести реализацию достижений науки и техники в виде современных средств связи, которые динамично развиваются в течении трех десятилетий. Так, наряду с понятием «телефон», появились и активно используются понятия «мобильный телефон», «сотовый телефон», «смартфон», «смарт — часы», «гаджет», «средства связи», «устройства мобильной связи», «средства подвижной радиотелефонной связи» и др.

Применение современных средств связи имеет

множество преимуществ. Одновременно с этим отметим, что при их использовании могут быть задействованы визуальные, слуховые, физические и когнитивные факторы отвлечения внимания. Так, использование данных устройств водителем во время вождения снижает его внимание и мешает управлять транспортным средством, что в значительной степени увеличивает риск попадания в дорожно-транспортное происшествие. А использование данных устройств обучающимися способствует их отвлечению от учебного процесса, переключению с одного вида активности на другой и ухудшает поведение. В результате многие хуже усваивают учебный материал, мешают учителю и одноклассникам.

Использование (применение) устройств связи в определенных сферах и областях законодательно регламентируется, а за несоблюдение установленных правил предусмотрена ответственность. В этой связи особую важность и актуальность принимает закрепление и использование соответствующего понятийного аппарата.

Так, применительно к сфере дорожного движения отметим, что с 2001 года в абз. 6 п. 2.7. Правил дорожного движения Российской Федерации, а с 2007 года в ст. 12.36.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] содержится термин «телефон». Указанный термин содержится и в ст. 21.38. подготовленного в 2020 году проекта КоАП РФ [5]. Также отметим, что термин «телефон» содержится в Конвенции о дорожном движении от 8 ноября 1968 года [6]. При этом в Сводной резолюции о дорожном движении одновременно с этим представлена формулировка «мобильный телефон».

Проблемным аспектам административно-правового регулирования пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства, а также предложениям, направленным на совершенствование отношений в данной сфере посвящены ранее опубликованные статьи [7; 8].

Применительно к сфере образования отметим, что в «Методических рекомендациях об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организациях», утвержденных в 2019 году, используется формулировка «устройства мобильной связи» [9]. В конце 2023 года приняты изменения и дополнения в п. 4.1. ст. 43. «Обязанности и ответственность обучающихся» федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в которых содержится формулировка «средства подвижной радиотелефонной связи». Указанное понятие предложено на основании анализа положений федерального закона «О связи». Как отмечает Председатель Комитета Государственной Думы по просвещению Ольга Михайловна Казакова, учиты-

вая, что под изложенное в ст. 2 федерального закона «О связи» понятие «средства связи» «попадает вся техника, которая используется на уроках, в том числе и компьютеры, и интерактивные доски», депутаты предложили запретить использовать на уроках именно «средства подвижной радиотелефонной связи». Как пояснила Ольга Михайловна Казакова: «под это понятие попадают, в том числе и мобильные телефоны, и умные часы, если в них используется сим-карта, и они могут выполнять такие же функции, как и телефон, например, принимать смс-сообщения» [10].

Учитывая динамику внедрения достижений науки и техники в повседневную жизнь человека и значительный временной интервал с момента принятия нормативных правовых актов, регламентирующих пользование телефоном водителем транспортного средства и мер, обеспечивающих их соблюдение, актуальным представляется применение в данной сфере понятия «средства подвижной радиотелефонной связи». Использование указанного понятия в других сферах и областях также может способствовать совершенствованию административно-правового регулирования и улучшению результатов правоприменительной практики.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // «Российская газета», № 303, 31.12.2012.
2. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О связи» // «Российская газета», № 135, 10.07.2003.
3. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 19.04.2024) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // «Российские вести», № 227, 23.11.1993.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
5. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.05.2020.
6. Конвенция о дорожном движении (заключена в г. Вене 08.11.1968) (с изм. от 23.09.2014) // Бюллетень международных договоров, 2007, № 10, с. 23–36.
7. Сойников С. А. Правовые основы пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 266–268.
8. Сойников С. А. Совершенствование административно-правового регулирования пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 221–224.
9. Методические рекомендации об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организациях (утв. Роспотребнадзором № МР 2.4.0150-19, Рособранзором № 01-230/13-01 14.08.2019) (вместе с «Результатами исследований, показавших отрицательные последствия использования устройств мобильной связи на здоровье детей», «Памяткой для обучающихся, родителей и педагогических работников по профилактике неблагоприятных для здоровья и обучения детей эффектов от воздействия устройств мобильной связи») // «Официальные документы в образовании», № 24, август, 2019.
10. В Госдуме уточнили, что именно считать средствами связи на урок // Электронное периодическое издание «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdume-utochnili-chto-imenno-schitat-sredstvami-svyazina-urokakh.html>.

References

1. Federal Law № 273-FZ dated December 29, 2012 (as amended on December 25, 2023) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024) // «Rossiyskaya Gazeta», № 303, 31.12.2012.
2. Federal Law of July 7, 2003 № 126-FZ (as amended on April 6, 2024) «On Communications» // «Rossiyskaya Gazeta», № 135, 10.07.2003.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 23, 1993 № 1090 (as amended on April 19, 2024) «On the Rules of the Road» (together with the «Basic provisions for the admission of vehicles to operation and

- the responsibilities of officials to ensure road safety») // «Russian news», № 227, 23.11.1993.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on April 6, 2024) // «Rossiyskaya Gazeta», № 256, December 31, 2001.
 5. Project «Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» (prepared by the Ministry of Justice of Russia, project ID 02/04/05-20/00102447) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of May 29, 2020) // The text of the document is given in accordance with publication on the website <https://regulation.gov.ru/> as of May 29, 2020.
 6. Convention on Road Traffic (concluded in Vienna on November 8, 1968) (as amended on September 23, 2014) // Bulletin of International Treaties, 2007, № 10, p. 23–36.
 7. Soynikov S. A. Legal basis for the use of a mobile communication device by the driver of a vehicle // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 6. P. 266–268.
 8. Soynikov S. A. Improving the administrative and legal regulation of the use of a mobile communication device by the driver of a vehicle // Bulletin of Economic Security. 2021. № 4. №. 221–224.
 9. Methodological recommendations on the use of mobile communication devices in educational organizations (approved by Rospotrebnadzor №. MR 2.4.0150-19, Rosobrnadzor № 01-230/13-01 08/14/2019) (together with «Results of studies showing the negative consequences of using mobile devices communications on children's health», «Memo for students, parents and teaching staff on the prevention of adverse effects on the health and education of children from the influence of mobile communication devices») // «Official Documents in Education», № 24, August, 2019.
 10. The State Duma clarified what exactly is considered a means of communication for the lesson // Electronic periodical publication «Parliamentary Newspaper». URL://<https://www.pnp.ru/social/v-gosdume-utochnili-cto-imenno-schitat-sredstvami-svyazi-na-urokakh.html>.

Информация об авторе

С. А. Сойников — профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, главный научный сотрудник 2 отдела НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Soynikov — Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the 2nd Department of the Research Center № 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 347.78.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-202-205>

EDN: <https://elibrary.ru/kmcfbw>

НИОН: 2003-0059-3/24-071

MOSURED: 77/27-003-2024-03-270

Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий

Светлана Александровна Устимова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, 7791sveta@mail.ru

Аннотация. Рассматривается тема увеличения уровня защищенности граждан — клиентов банков и иных финансовых организаций от недобросовестности последних при реализации договоров в режиме онлайн в современном российском обществе, в эпоху развития цифровизации во всех сферах, в частности в финансовом секторе экономики. Автор анализирует законодательство, регулирующее правоотношения между гражданами — потребителями финансовых услуг, организациями, предоставляющими финансовые услуги, и их посредниками, выявляются имеющиеся пробелы и пути их восполнения со стороны законодательных органов. Решение проблем в рассматриваемой сфере видится в совершенствовании законодательства, регулирующего вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг и продуктов с использованием цифровой платформы в сети Интернет.

Ключевые слова: граждане — потребители услуг, финансовые услуги и продукты, цифровые технологии, финансовая платформа, защита прав потребителей финансовых услуг

Для цитирования: Устимова С. А. Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 202–205. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-202-205>. EDN: KMCFBW.

Original article

Protection of the rights of consumers of banking services in the context of the development of digital technologies

Svetlana A. Ustimova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, 7791sveta@mail.ru

Abstract. The topic of increasing the level of protection of citizens — clients of banks and other financial organizations from the dishonesty of the latter in the implementation of contracts online in modern Russian society, in the era of digitalization in all spheres, in particular in the financial sector of the economy, is being considered. The author analyzes the legislation regulating legal relations between citizens — consumers of financial services, organizations providing financial services and their intermediaries, identifies existing gaps and ways to fill them on the part of legislative bodies. The solution of problems in this area is possible through the improvement of legislation regulating protection of the rights of consumers of financial services and products using a digital platform on the Internet.

Keywords: citizens — consumers of services, financial services and products, digital technologies, financial platform, protection of the rights of consumers of financial services

For citation: Ustimova S. A. Protection of the rights of consumers of banking services in the context of the development of digital technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):202–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-202-205>. EDN: KMCFBW.

Развитие финансового рынка в Российской Федерации в настоящее время связано с появлением большого числа новых предложений и особенностями спо-

собов их предоставления клиентам, территориальным рассредоточением кредитных организаций, совершенствованием путей продажи банковских и иных финан-

© Устимова С. А., 2024

совых услуг и продуктов, в частности дистанционных, с использованием современных информационных технологий.

С одной стороны, заключение онлайн договоров по предоставлению финансовых услуг упрощает и делает доступными услуги и продукты финансовых организаций для населения, с другой, такие способы продажи товаров и предоставления услуг создают новые риски нарушения прав граждан — потребителей таких услуг, способствуют распространению новых видов правонарушений. Это, в свою очередь, требует постоянного совершенствования как нормативной базы, регулирующей рассматриваемую сферу, так и инструментов надзора за финансовыми организациями и их взаимоотношениями с гражданами-потребителями со стороны Банка России. При этом особое внимание должно уделяться именно предупреждению нарушений прав потребителей банковских услуг и стимулированию организаций финансового сектора к повышению качества предоставляемых услуг населению.

В связи с этим, перед государством стоят задачи не только по защите интересов потребителей финансовых продуктов и услуг, но и по обеспечению стабильности банковской системы Российской Федерации и ее финансовых институтов. С 2019 года для Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг деятельность Банка России, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений прав потребителей финансовых услуг — это приоритетное направление деятельности [1].

В Российской Федерации правоотношения между потребителями финансовых услуг, кредиторами и их посредниками регулируются такими нормативными правовыми актами [2] как Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая), от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая), Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», а также иными правовыми актами, к которым можно отнести положения и указания Центрального банка Российской Федерации. Последний регулирует правоотношения по заключению финансовых сделок и услуг в сети Интернет, с использованием цифровых технологий, посредством защиты прав граждан — потребителей данных услуг [3].

В настоящее время очень расширилось использование населением не только таких финансовых продуктов, например, как банковские вклады, кредитование, но и страховых продуктов, осуществление

денежных переводов, взятие микрозаймов, покупка паев инвестиционных фондов, ведение индивидуальных инвестиционных счетов и многие другие финансовые продукты с использованием безналичной оплаты. Все услуги и продукты финансового сектора в условиях развития цифровой трансформации экономики реализуются в основном дистанционными способами без непосредственного очного взаимодействия граждан с сотрудниками банка или иной финансовой организации. Причиной такой покупки продуктов и услуг является повсеместное внедрение и использование сети Интернет, доступ к которой предоставляется потребителям через всевозможные каналы проводной, мобильной связи, а также технологий биометрической идентификации и технологий передачи и хранения данных, построенных на базе Blockchain [1]. В России можно наблюдать развитие и существенные преобразования деятельности по оказанию финансовых услуг. Например в 2024 году банковских вкладчиков, по статистике, насчитывается у нас в стране по данным ВЦИОМ почти 30 % граждан России [4].

В современном обществе развития цифровизации во всех сферах, в частности в финансовом секторе экономике обусловила необходимость к повышению уровня защищенности граждан — клиентов банков и иных финансовых организаций от недобросовестности последних при реализации договоров в режиме онлайн.

Во-первых, банк обязан проводить информирование потребителей о свойствах своих продуктов и услуг, их безопасности, поскольку отсутствие такого информирования в дистанционном режиме порождает определенные проблемы, возможно предоставление финансовых услуг нелегальными участниками финансового рынка, которые намеренно предлагают гражданам заключать договора на более выгодных условиях. Центральный банк довел до сведения граждан о недобросовестном поведении банков при заключении договора банковского вклада [5]. До подписания договора и до фактического внесения средств гражданином на счет банки обязаны раскрыть вкладчику таблицу условий договора и значение минимальной гарантированной ставки. Но не все банки следуют этим правилам.

Центральным банком России выявлены случаи нарушения банками принципа добросовестности в отношениях с гражданами — потребителями, а именно отсутствия должного информирования указанных условий, например, при электронном заключении договора вкладчикам предлагается ознакомиться с условиями договора и гарантированной ставкой самостоятельно, перейдя по ссылке, которая указывается в конце текста мелким шрифтом, что не может быть признано обязательным условием для заключения договора [4].

Мало кто знает, что в РФ с 2020 г работает приложение «ЦБ онлайн», доступное для владельцев смартфонов с операционными системами iOS и Android. С помощью приложения в режиме онлайн (круглосуточно) можно узнать информацию о предложениях финансовых услуг, проверить банк, страховую организацию или иную финансовую компанию на наличие у нее лицензии на оказание услуг финансового характера и присутствие их в государственном реестре; получить информацию об услугах финансовой организации и найти на карте ее ближайший офис и другую полезную информацию. Не все группы населения обладают юридической грамотностью и проинформированы о наличии такого приложения, для этого необходимо постоянное информирование о новых возможностях в интересах граждан через различные СМИ.

Права граждан — потребителей финансовых услуг всегда нуждаются в защите, тем более в современном мире, когда цифровизация всех процессов жизнедеятельности общества находится в постоянном развитии. Дистанционный способ предложения и покупки финансовых продуктов и услуг с одной стороны расширяет круг возможностей их распространения, позволяет финансовым организациям ускорить и упростить доступ к своим услугам, что, в свою очередь, создает преимущества в реализации прав граждан — потребителей, поскольку очень просто на сайте или через мобильное приложение в телефоне в несколько «кликов» оформить кредит, открыть вклад, обратиться в микрофинансовую организацию за получением займа, заключить договор страхования [6], подойти к банкомату, платежному банковскому терминалу, с помощью которых возможно оплатить товары и услуги без участия продавца либо обналичить денежные средства без участия кассира банка.

С другой стороны, потребители сталкиваются с новыми вызовами и рисками, связанными с использованием технологий и онлайн-сервисов, об этом свидетельствуют постоянно возникающие нарушения прав граждан через всемирную сеть «Интернет», которую можно взломать, воспользоваться личными персональными данными граждан для заключения договоров на услуги, которые граждане и не собирались заключать. Потребители постоянно сталкиваются с угрозами в отношении своей конфиденциальности и безопасности персональных данных. Кража личных данных стала одной из самых распространенных форм мошенничества. Совершение покупок онлайн может быть связано с рисками, такими как кража финансовых средств или мошенничество.

Законодатель разрабатывает новые способы защиты граждан — потребителей от подобных нарушений. Так, Государственная Дума РФ приняла законопроект

№ 341256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)», согласно которому с 1 марта 2025 года в России граждане смогут добровольно отказаться от возможности заключать договоры кредита или займа. Таким образом, установив запрет в своей кредитной истории на выдачу кредитов банками и займов микрофинансовыми организациями (подав заявление через МФЦ или портал Госуслуг), любой гражданин сможет обезопасить себя от ситуации, когда мошенники оформляют на его имя кредит или берут займ. Исключение будут составлять договоры образовательного кредита, предоставленного в рамках господдержки, займы, обеспеченные транспортным средством или ипотекой.

Цифровизация финансовых услуг в своем развитии нуждается в постоянном совершенствовании механизма защиты прав граждан — вкладчиков банков и иных кредитных организаций. Недавний случай с отзывом лицензии Центробанком у Киви-банка показал, что и система страхования вкладов граждан нуждается так же в доработке и совершенствовании правовых норм, поскольку средства, размещенные на электронных кошельках граждан, не попадают под существующую в России систему страхования вкладов. В Закон о страховании целесообразно поместить норму, в соответствии с которой страхованию будут подлежать не только денежные средства граждан и юридических лиц, размещенные во вкладах (на счетах) в банке, но и денежные средства, размещенные на электронных кошельках банков, операторов электронных денежных средств.

Список источников

1. Направления защиты прав потребителей финансовых услуг. Информационный доклад Москва 2021 (Банк России) // URL://<https://www.cbr.ru>.
2. Гаврин Д. А. Особенности совершения формы сделок с использованием финансовой платформы // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 29–35.
3. Мамержанов В. И. Защита прав потребителей финансовых услуг с использованием финансовых технологий. Материалы XV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // URL://<https://scienceforum.ru/2023/article/2018033866?ysclid=lr3mdx6qmi41146445>><https://scienceforum.ru/2023/article/2018033866?ysclid=lr3mdx6qmi41146445> (дата обращения: 07.01.2024).
4. Что изменится для банковских вкладчиков в 2024 году : разбираем новые законы в теле-

грамм-канале «Юридические Тонкости». © Сивакова И. В., 2024 г. // t.me/s/sivakovairina.

5. Письмо Банка России от 22 декабря 2023 г. № 59-3-3/73139 // URL://https://www.garant.ru.
6. Памятка Защита прав потребителей финансовых услуг // fbuz14.ru/9555#

References

1. Directions of consumer protection of financial services. Information report Moscow 2021 (Bank of Russia) // URL://https://www.cbr.ru.
2. Gavrin D. A. Features of making transactions using a financial platform // Russian law: education, practice, science. 2021. № 5. P. 29–35.
3. Mamerzhanov V. I. Protection of the rights of consumers of financial services using financial

technologies. Proceedings of the XV International Student scientific conference «Student Scientific Forum» // URL:https://scienceforum.ru/2023/article/2018033866?ysclid=lr3mdx6qmi41146445 (accessed: 07.01.2024).

4. What will change for bank depositors in 2024 : we are reviewing new laws in the telegram channel «Legal Subtleties». © Sivakova I. V., 2024 // t.me “s/sivakovairina.
5. Letter of the Bank of Russia dated December 22, 2023 № 59-3-3/73139 // URL://https://www.garant.ru.
6. Memo Protecting the rights of consumers of financial services // fbuz14.ru/9555#

Информация об авторе

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. A. Ustimova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-206-211>

EDN: <https://elibrary.ru/ksjzza>

НИОН: 2003-0059-3/24-072

MOSURED: 77/27-003-2024-03-271

Теоретические основы правового регулирования конкуренции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Алексей Петрович Чижик

Московский экономический институт, Москва, Россия, achizhik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления закупочной деятельности, результаты которой направлены на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, регулируются широким спектром законодательных актов: от международных договоров России до правовых актов органов местного самоуправления. Достижение полезного эффекта, от существенной роли контрактной системы в сфере закупок, не только в качестве инструмента, обеспечивающего эффективное расходование бюджетных средств, но и в качестве одного из действенных инструментов стимулирования развития рыночной экономики, становится возможным только при поддержании высокого уровня конкуренции при осуществлении закупочной деятельности. Принцип обеспечения конкуренции является основой эффективного функционирования системы государственных закупок.

Ключевые слова: конкуренция, государственные закупки, контрактная система, бюджетные средства, правовое регулирование

Для цитирования: Чижик А. П. Теоретические основы правового регулирования конкуренции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 206–211. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-206-211>. EDN: KSJZZA.

Original article

Theoretical foundations of legal regulation of competition in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs

Alexey P. Chizhik

Moscow Institute of Economics, Moscow, Russia, achizhik@yandex.ru

Abstract. The public relations are considered that develop in the process of procurement activities, the results of which are aimed at meeting state and municipal needs, are regulated by a wide range of legislative acts: from international treaties of Russia to legal acts of local governments. Achieving a beneficial effect from the essential role of the contract system in the field of procurement, not only as a tool for ensuring effective spending of budget funds, but also as one of the effective tools for stimulating the development of a market economy, becomes possible only if a high level of competition is maintained in the implementation of procurement activities. The principle of ensuring competition is the basis for the effective functioning of the public procurement system.

Keywords: competition, public procurement, contract system, budgetary funds, legal regulation

For citation: Chizhik A. P. Theoretical foundations of legal regulation of competition in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):206–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-206-211>. EDN: KSJZZA.

© Чижик А. П., 2024

Введение. Особенность контрактной системы в сфере закупок заключается в том, что она выступает одновременно в качестве действенного механизма использования бюджетных ресурсов и эффективно-го инструмента государственной экономической политики. С точки зрения обеспечения эффективной реализации бюджетных средств, защита и развитие добросовестной конкуренции в сфере осуществления закупочной деятельности является одним из важнейших приоритетов, что обусловлено ограниченностью бюджетных ресурсов, существующей одновременно с потребностью государства в приобретении товаров, работ и услуг надлежащего качества по минимальным ценам. Вместе с этим, конкуренция, существующая в рассматриваемой сфере, позволяет не только в значительной степени экономить бюджетные средства, но и расширить экономические возможности для развития субъектов предпринимательской деятельности. Развитие и защита конкуренции в рассматриваемой сфере выступает одним из приоритетов законодателя, чем обуславливается необходимость своевременного выявления, исследования и преодоления проблематики правового регулирования конкуренции в сфере закупок товаров, работ, услуг (далее — ТРУ) для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Правовые основы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления закупочной деятельности, результаты которой направлены на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, регулируются широким спектром правовых актов: от международных договоров России до правовых актов органов местного самоуправления. Правовое регулирование отношений в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд носит комплексный характер и аккумулирует в себе как частноправовые, так и публично-правовые начала [1]. Существенный пласт общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления закупочной деятельности, регулируется законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок и принятыми в соответствии с ней иными правовыми актами. В основе законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок лежат положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ). Системообразующим звеном законодательства о контрактной системе в сфере закупок является Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе), которому должны соответствовать все иные федеральные законы, входящие в систему законодательства о контрактной системе. Таким образом, законодатель называет сразу три формально равных по юридической силе федеральных закона, что привело к возникновению в

рамках научного сообщества дискуссии о соотношении источников правового регулирования государственных и муниципальных закупок.

Значительная часть исследований направлена на разрешение вопроса об определении закона, подлежащего применению в случае противоречия норм Закона о контрактной системе правовым нормам, закрепленным в ГК РФ. Большинство исследователей отмечают, что если нормы Закона о контрактной системе в части порядка заключения, изменения, расторжения государственного или муниципального контракта противоречат ГК РФ, то применению подлежат нормы ГК РФ, так как Закон о контрактной системе является специальным по отношению к ГК РФ и потому может лишь конкретизировать нормы, закрепленные в ГК РФ, но не может вступать с ними в противоречие [2]. Странники указанной позиции акцентируют внимание на том факте, что ГК РФ, будучи кодифицированным актом гражданского законодательства, должен позиционироваться как «*primus inter pares*» («первый среди равных») и выступать гарантией единства отрасли, в связи с чем необходимо последовательное признание приоритета норм ГК РФ [3]. Более того, как указывает Т. Н. Рахманина, в отечественном правосознании, а также практике российского законодательства, фактически сложился приоритет кодексов над отраслевыми законами [4]. Так, в абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ прямо закреплен приоритет норм гражданского кодекса перед нормами гражданского права, содержащимися в иных законах. Тем не менее, с формально-юридической точки зрения кодексы по существу своему являются федеральными законами. Аналогичную позицию выразил Конституционный суд РФ в Определении от 3 февраля 2000 г. № 22-О, указав на то, что любые противоречия между нормами ГК РФ и нормами других федеральных законов, регулирующих одни и те же отношения, должны преодолеваются в процессе правоприменения, так как в силу ст. 76 Конституции РФ разграничение по юридической силе проводится только между правовыми актами разных видов. В то время как ни один федеральный закон не может обладать по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой — *Par in parem non habet imperium* (равный над равным власти не имеет). Другими словами, решение о применении того или иного федерального закона находится в компетенции судов в процессе рассмотрения каждого конкретного случая с учетом всех фактических обстоятельств дела.

Непосредственно в ГК РФ в п. 2 ст. 525 закреплено, что отношения по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд подлежат регулированию общими правилами о договоре поставки, содержащимися в ст. ст. 506–522 ГК РФ, применение к указанным отношениям иных законов возможно только в случае отсутствия в параграфе 4 главы 30 ГК РФ соответствующих норм. При этом ст. 527 ГК РФ, посвященная основаниям заключения государственного или муниципального контракта, содержит указание на то, что заключение контракта осуществляется на

основе заказа на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, порядок размещения которого предусмотрен законодательством о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Эта формулировка неоднократно подвергалась критике, к примеру Е. Е. Степанова [5] указывает на правовую неопределенность, сложившуюся вследствие того, что действующая редакция п. 1 ст. 527 ГК РФ прямо отсылает к утратившему силу Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (далее — Федеральный закон № 94-ФЗ), в то время, как сейчас данные вопросы регулируются законодательством о контрактной системе в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В противовес позиции о приоритете норм ГК РФ перед нормами Закона о контрактной системе в доктрине также представлена точка зрения, согласно которой при возникновении коллизии правовых норм Закона о контрактной системе и ГК РФ необходимо руководствоваться принципом «*Lex specialis derogat lex generalis*» («Специальный закон отменяет (вытесняет) действие общего закона») [6]. Данный подход во многом основывается на теологическом и функциональном методах толкования правовых норм. Например, С. Л. Будылин отмечает, что указанный выше принцип во многом основывается на понимании того факта, что законотворческая деятельность зачастую отражает стремление законодателя уточнить, а при необходимости, адаптировать норму общего закона применительно к конкретным ситуациям [7]. Следует при этом согласиться с позицией, указанной в Обзоре судебной практики применения законодательства о контрактной системе в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 28 июня 2017 г. Согласно данной позиции, Закон о контрактной системе признается специальным законом по отношению к ГК РФ, поскольку в нем установлен ряд особенностей, касающихся правового режима государственных и муниципальных контрактов, но при этом Закон о контрактной системе не охватывает в полной мере правовое регулирование всей совокупности гражданско-правовых отношений, складывающихся в связи с государственным или муниципальным контрактом. В связи с вышесказанным и, основываясь на том, что в силу ч. 1 ст. 2 Закона о контрактной системе законодательство о контрактной системе основывается, в том числе на положениях ГК РФ, необходимо руководствоваться нормами Закона о контрактной системе, толкование которых должно производиться во взаимосвязи с правовыми нормами ГК РФ, а в случае отсутствия в Законе о контрактной системе специальных норм применению подлежат нормы ГК РФ.

В ч. 2 ст. 1 Закона о контрактной системе содержится перечень тех общественных отношений, кото-

ры действия законодательства о контрактной системе. В частности, действие Закона о контрактной системе не распространяется на общественные отношения, связанные с закупкой драгоценных металлов и драгоценных камней для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней РФ, регулирование данного вида деятельности осуществляется согласно нормам Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», устанавливающим правовые основы регулирования отношений, возникающих в области геологического изучения и разведки месторождений драгоценных металлов и драгоценных камней, их добычи, производства, использования и обращения. Указанная позиция законодателя позволяет сделать вывод о том, что далеко не все общественные отношения, результатом которых так или иначе является удовлетворение государственных нужд, находятся в пределах действия законодательства о контрактной системе. В связи с этим необходимо понять роль Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках ТРУ отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ) в системе правовых актов, регулирующих отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Если Закон о контрактной системе в ч. 1 ст. 1 прямо указывает на то, что целью его регулирования является обеспечение государственных и муниципальных нужд путем осуществления эффективных и транспарентных закупок ТРУ, то Закон № 223-ФЗ в ч. 1 и ч. 2 ст. 1 закрепляет в качестве цели удовлетворение потребностей отдельных видов юридических лиц. В их число входят как автономные учреждения, госкорпорации, госкомпании, публично-правовые компании, хозяйственные общества с госучастием, субъекты естественных монополий, преимущественно, осуществляющие закупки по Закону № 223-ФЗ, так и государственные бюджетные учреждения, которые могут провести закупочные процедуры в соответствии с положениями Закона № 223-ФЗ, если источниками финансирования закупки, к примеру, выступают средства, полученные за счет приносящей доход деятельности.

В широком общественном понимании Закон № 223-ФЗ трактуется как «более мягкий способ осуществления государственных закупок» несмотря на то, что среди целей регулирования данного закона отсутствует прямое указание на необходимость обеспечения государственных и муниципальных нужд в процессе реализации положений закона. В то же время, если обратиться к судебной практике, то можно сделать вывод о том, что Верховный Суд РФ последовательно проводит разграничение между целями осуществления закупочной деятельности согласно Закону о контрактной системе и проведением закупок на основании Закона № 223-ФЗ. В качестве примера можно привести Определение ВС РФ № 302-ЭС19-16620 от 11 марта 2020 г., в котором Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ однозначно указала на недопустимость применения по аналогии норм Закона о контрактной

системе к отношениям, возникшим в силу указания Закона № 223-ФЗ. В соответствии с материалами дела индивидуальный предприниматель предъявил иски о взыскании задолженности по договору о выполнении строительно-монтажных работ. В свою очередь, государственное учреждение предъявило встречные иски о признании договора ничтожным, сославшись на его заключение с нарушением действующего законодательства. Истец указал, что работы были выполнены в полном соответствии с условиями заключенного договора, государственное учреждение выполненные работы приняло, что подтверждается актом приема-передачи. Однако оплата по договору не была произведена, а заявление учреждением встречных исковых требований о признании данного договора ничтожной сделкой вызвано кадровыми перестановками в руководстве учреждения и направлено исключительно на уклонение от выполнения обязательства по оплате задолженности по договору. По результатам рассмотрения спора судами первой, апелляционной и кассационной инстанции в удовлетворении требований индивидуального предпринимателя было отказано, а требования государственного учреждения были удовлетворены. Правовая позиция судов была сформирована на основе Обзора судебной практики № 3 (2015), утвержденном Президиумом ВС РФ 25 ноября 2015 г., и п. 20 Обзора судебной практики применения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г., в которых было указано, что отсутствие надлежащим образом заключенного государственного контракта, даже в случае фактической поставки товара, оказания услуг, выполнения работ, не влечет возникновения на стороне ответчика неосновательного обогащения. Суды, основываясь на убежденности в общей направленности целей и задач Закона о контрактной системе и Закона № 223-ФЗ, сделали вывод о том, что данные нормативные правовые акты регулируют схожие отношения и различаются только в части субъектного состава. На этом основании суды по аналогии распространили подход об отсутствии оснований для оплаты работ, выполненных в отсутствие надлежащим образом заключенного муниципального контракта. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отменила решения нижестоящих инстанций и направило дело на новое рассмотрение. Суд указал, что при рассмотрении данного дела суды должны были руководствоваться нормами закона № 223-ФЗ и учесть, что цель правового регулирования указанного закона является отличной от цели правового регулирования Закона о контрактной системе. Данный закон не применяется для регулирования отношений, связанных с осуществлением закупочной деятельности, которая проводится в соответствии с Законом о контрактной системе, кроме ряда отдельно предусмотренных исключений. Нормы Закона № 223-

ФЗ не содержат указания о выраженном законодательным запрете аналогичном тому, что закреплен в ч. 2 ст. 8 Закона о контрактной системе и сформулирован как запрет на совершение субъектами закупочной деятельности любых действий, которые противоречат требованию закона о контрактной системе. Таким образом, у судов не было достаточных оснований для выводов о нарушении публичных интересов при заключении спорного договора. Вместе с этим, действие государственного учреждения, направленные на уклонение от уплаты выполненных работ, следует расценивать с учетом принципа эстоппель, закрепленном в п. 5 ст. 166 ГК РФ. ВС РФ указал на недопустимость смешения правового регулирования закупок отдельными видами юридических лиц с правовым регулированием закупок, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд и проводимыми в соответствии с Законом о контрактной системе. Таким образом, в России публичные закупки, проводимые в целях обеспечения государственных (муниципальных нужд) регулируются отдельно от закупок организаций с государственным участием, иногда называемых корпоративными закупками. Следует отметить, что законодательство большинства зарубежных государств не знает подобного разделения — все закупки, проводимые как государственными органами, так и хозяйствующими субъектами с государственным участием относятся к сфере публичных закупок [8]. Более того, в ЕС хозяйствующий субъект в большинстве случаев попадает в сферу действия законодательства о публичных закупках исходя только из факта получения им бюджетных средств, а также при условии наделения такого хозяйствующего субъекта публичными функциями, вне зависимости от участия государства в уставном капитале этого субъекта [8]. В качестве противоположного подхода можно привести особенности правового регулирования публичных закупок в Норвегии — из числа государственных заказчиков могут быть исключены хозяйствующие субъекты, обладающие ярко выраженной коммерческой направленностью.

С учетом дифференцированного характера существующего регулирования закупочной деятельности в последние несколько лет активизировалось обсуждение необходимости провести кодификацию правовых актов. Важность принятия единого акта в области государственных закупок сторонниками кодификации обуславливается целесообразностью закрепления единых подходов, инструментов и механизмов осуществления закупочной деятельности.

Обозначенная особенность контрактной системы, выступающей одновременно в качестве действенного механизма использования бюджетных ресурсов и эффективного инструмента государственной экономической политики, обуславливает высокие требования к юридической технике при формировании нормативной правовой базы, регулирующей осуществление закупочной деятельности, ввиду большого объема привлеченных материальных средств и вовлеченных в

нее субъектов. Сторонники кодификации также указывают на нецелесообразность одновременного существования нескольких независимых реестров недобросовестных поставщиков, существование которых обусловлено наличием двух самостоятельных федеральных законов, которые во многом направлены на достижение общих общественно значимых целей. В то же время имеет место и противоположная позиция, сторонники которой указывают на высокую сложность задачи по сведению законодательства о контрактной системе к единому кодексу и высокие риски нарушения функционирования уже устоявшегося механизма в случае неудачной попытки провести систематизацию правового материала [9]. Кроме того, отмечается высокая вероятность возникновения издержек в виде дополнительных временных и денежных затрат, которые будут необходимы для соблюдения новых требований, установленных единым кодексом. Обе рассмотренные позиции можно свести к единому знаменателю, а именно — высокая социальная и экономическая значимость механизма проведения публичных закупок, результаты которых направлены на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, влечет за собой необходимость обеспечения последовательного и аккуратного подхода к вопросам возможного реформирования системы.

В п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе содержится определение понятия «закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд» (далее — закупка) — «совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд». Законодатель уточнил, что стартовой точкой осуществления закупки является процесс определения поставщика (подрядчика, исполнителя), который, в свою очередь, представляет собой комплекс действий заказчика, начинающийся с размещения извещения об осуществлении закупки или направлении приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается заключением контракта.

Следует согласиться с утверждением А. В. Винницкого о том, что необходимо рассматривать закупку в качестве многокомпонентного, длящегося отношения, которое развивается с течением времени и на различных стадиях этого развития оказывается подверженным влиянию различных отраслевых режимов [10]. Вместе с этим, пытаться однозначно дифференцировать составные части процесса закупки по отраслевому принципу не имеет смысла. Исследование системы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд следует проводить с учетом того отраслевого инструментария, который в большей или меньшей степени оказывает свое воздействие на стадии проведения закупки.

Таким образом, несмотря на то, что действующая редакция Закона о контрактной системе в п. 8 ч. 1 ст.

3 закрепляет, что государственный (муниципальный) контракт по своему существу является гражданско-правовым договором, необходимо учитывать специфику государственного (муниципального) контракта, которая заключается, в частности, в субъектном составе участников правоотношения, законодательном ограничении возможности изменения существенных условий государственного (муниципального) контракта после его заключения и др. В данном случае нормы Закона о контрактной системе необходимо толковать во взаимосвязи с правовыми нормами ГК РФ, а не произвольно отдавать предпочтение отдельным отраслевым актам.

Заключение. Изучение теоретических основ правового регулирования конкуренции в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд дало основание сделать вывод о правовой природе закупок как сложного комплексного явления, в связи с чем на разных стадиях своего развития закупка ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд оказывается подверженной влиянию различных отраслевых режимов. В связи с этим высокие требования к юридической технике при формировании нормативно правовой базы, регулирующей осуществление закупочной деятельности, предъявляются не только в отношении законодательства о контрактной системе в сфере закупок, но и к нормативным правовым актам, входящим в состав других отраслей законодательства.

Достижение полезного эффекта, от существенной роли контрактной системы в сфере закупок, не только в качестве инструмента, обеспечивающего эффективное расходование бюджетных средств, но и в качестве одного из действенных инструментов стимулирования развития рыночной экономики, становится возможным только при поддержании высокого уровня конкуренции при осуществлении закупочной деятельности. Обусловлено это тем, что наличие высокого уровня конкуренции способствует развитию производства, повышению качества товаров, работ и услуг, а также обеспечению разумного баланса между их качеством и ценой, что в свою очередь позволяет удовлетворить потребность государства в приобретении товаров, работ и услуг надлежащего качества по минимальным ценам. Таким образом, принцип обеспечения конкуренции является основой эффективного функционирования системы государственных закупок.

Список источников

1. Цатурян Е. А. Государственный контракт в гражданском праве России : проблемы теории и практики : монография. М. : Статут, 2020.
2. Солодилов А. В. Государственный (муниципальный) контракт как специальный режим гражданско-правового договора. Некоторые вопросы теории и практики // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2017. №1(8).

3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : общие положения. 2-е изд., испр. М. : Статут, 1998.
4. Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4 (136).
5. Степанова Е. Е. Контрактная система в сфере закупок : опыт цивилистического исследования : монография. СПб : Гамма, 2018 // URL://http://base.consultant.ru.
6. Кичик К. В. К обзору судебной практики применения законодательства о контрактной системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 4.
7. Будылин С. Л. Общий или специальный? К вопросу о приоритете ГК над федеральными законами // URL://https://zakon.ru/blog/2015/4/21/obshhiy_ili_sposobnyy_k_voprosu_o_prioritete_gk_nad_federalnymi_zakonami.
8. Афанасьева Е. Г., Белицкая А. В., Вайпан В. А. и др. Предпринимательское право России : итоги, тенденции и пути развития: монография /под ред. Е. П. Губина. М. : Юстицинформ, 2019.
9. Зубова Е. Юристы высказались об идее создания единого кодекса о госзакупках // Адвокатская газета. URL://https://www.advgazeta.ru/novosti/yuristy-vyskazalis-ob-idee-sozdaniya-edinogo-kodeksa-o-goszakupkakh.
10. Винницкий А. В. Участие публичных образований в имущественных отношениях : проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования //Административное и муниципальное право. 2010. № 11 (35).
1. Tsaturyan E. A. The state contract in the civil law of Russia : problems of theory and practice : monograph. M. : Statute, 2020.
2. Solodilov A. V. The state (municipal) contract as a special regime of a civil contract. Some questions of theory and practice // Economic justice in the Russian Far East. 2017. № 1(8).
3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Book one : general provisions. 2nd ed., ispr. M. : Statute, 1998.
4. Rachmanina T. N. Topical issues of codification of Russian legislation // Journal of Russian Law. 2008. № 4 (136).
5. Stepanova E. E. The contract system in the field of procurement: the experience of civil research : monograph. St. Petersburg : Gamma, 2018 // URL://http://base.consultant.ru.
6. Kichik K. V. On the review of judicial practice in the application of legislation on the contract system // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2017. № 4.
7. Budylin S. L. General or special? On the issue of the priority of the Civil Code over federal laws // https://zakon.ru/blog/2015/4/21/obshhiy_ili_sposobnyy_k_voprosu_o_prioritete_gk_nad_federalnymi_zakonami.
8. Afanasyeva E. G., Belitskaya A. V., Vaipan V. A. and others. Business law of Russia : results, trends and ways of development : monograph / edited by E. P. Gubin. M. : Justicinform, 2019.
9. Zubova E. Lawyers spoke about the idea of creating a unified code on public procurement // Advocate newspaper. URL://https://www.advgazeta.ru/novosti/yuristy-vyskazalis-ob-idee-sozdaniya-edinogo-kodeksa-o-goszakupkakh.
10. Vinnitskiy A. V. Participation of public entities in property relations : problems of balancing administrative and civil law regulation // Administrative and municipal law. 2010. № 11 (35).

References

Информация об авторе

А. П. Чижик — заведующий кафедрой правовых дисциплин Московского экономического института, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. P. Chizhik — Head of the Department of Legal Disciplines of the Moscow Institute of Economics, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 34.343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-212-214>

EDN: <https://elibrary.ru/kznhxp>

НИОН: 2003-0059-3/24-073

MOSURED: 77/27-003-2024-03-272

Значение криминальных ситуаций, возникающих при незаконном изготовлении и производстве наркотических средств

Любовь Евгеньевна Чистова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tchistova-lubov@yandex.ru

Аннотация. Исследуется обстановка совершения незаконных действий с наркотическими средствами по их изготовлению и производству. Обращено внимание на действия по их подготовке и сокрытию; проанализировано значение складывающихся при этом криминальных ситуаций для дальнейшего расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: криминальная ситуация, наркотические средства, изготовление наркотических средств, производство наркотических средств

Для цитирования: Чистова Л. Е. Значение криминальных ситуаций, возникающих при незаконном изготовлении и производстве наркотических средств // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 212–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-212-214>. EDN: KZNNHP.

Original article

The significance of criminal situations arising from illegal manufacturing and production of narcotic drugs

Lubov E. Chistova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tchistova-lubov@yandex.ru

Abstract. The situation of committing illegal actions with narcotic drugs for their manufacture and production is being investigated. Attention is drawn to the actions for their preparation and concealment; the significance of the criminal situations that develop in this case for further investigation of crimes in the field of drug trafficking is analyzed.

Keywords: criminal situation, narcotic drugs, production of narcotic drugs, production of narcotic drugs

For citation: Chistova L. E. The significance of criminal situations arising from illegal manufacturing and production of narcotic drugs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):212–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-212-214>. EDN: KZNNHP.

Криминальные ситуации по изготовлению наркотических средств возникают, исходя из того, какое сырье при этом используется.

Если растительное, криминальные ситуации могут отражать действия преступников по:

- обмолоту растений (гашиш);
- измельчению растений, или верхушечной его части (маковая солома, марихуана);
- экстракции (ацетилованный опий, гашишное масло; эфедрин);

- приготовлению настоев, чаев, отваров (псилобицинсодержащие грибы, бутоны кактуса пейотль);
- выделению белого млечного сока при надрезании коробочек мака (опий).

О произведенных действиях с растительным сырьем могут свидетельствовать обнаруженные там же приспособления: платины, прессы, мясорубки, кухонные комбайны, ножи, с частицами соответствующих растений; кастрюли с налетом коричневого цвета с

внутренней стороны; химические вещества и растворители, используемые при экстракции: аммиак, сода, толуол, ацетон, этиловый спирт и др. Готовая продукция в соответствующем виде и консистенции, что также свидетельствует о совершении конкретных действий с наркотикосодержащими растениями.

Синтетическим путем наркотические средства изготавливаются путем химических реакций, а криминальная ситуация при этом отражает наличие в соответствующем помещении химического оборудования: колб — круглодонных, плоскодонных, Вюрца, Клайзена, Бунзена; термометров; прямого и обратного холодильников; насадок; пробок; груш; разновесов для лабораторных весов; лабораторных установок; воронок; хлоркальцевых трубок; вакуум-сушильных шкафов; вакуум-насосов и др.

То же самое можно сказать и о производстве наркотических средств, при котором используются те же технические средства и лабораторное оборудование, а также сырье. Однако, в отличие от изготовления, незаконные действия по производству наркотических средств и психотропных веществ направлены на их серийное получение. Но такой факт будет установлен только в процессе расследования. В целом же, криминальная ситуация по этим незаконным действиям будет, практически, одинаковая, если только обстановка совершения преступления не будет отражать нахождение в конкретном месте большого количества рассматриваемых средств или веществ, и об этом не будет свидетельствовать находящееся там оборудование.

Однако тщательное исследование непосредственно криминальной ситуации [1] позволит выявить и иные действия преступника, которые он совершал в предкриминальной [2, с. 104] ситуации, а если использовать чисто криминалистический термин — по подготовке к совершению незаконного действия.

Подготовительные действия по изготовлению наркотиков из растительного сырья предусматривают его подыскание. С этой целью преступники могут посещать те или иные регионы нашей страны, где такие растения произрастают. А это позволит следователю обращать внимание при осмотре места происшествия на различные карты, схемы, проездные билеты, куда, предположительно, могли виновные лица выезжать, иные предметы, свидетельствующие о подготовке к преступлению.

Подготовка к изготовлению синтетических наркотиков предполагает, во-первых, приобретение лабораторного оборудования, во-вторых, знание процесса синтеза. В связи с этим, также необходимо при производстве осмотра места происшествия обращать внимание на квитанции, свидетельствующие о покупке такого оборудования в соответствующих торговых точках, литературу или иные записи с описанием особенностей производства различных реакций при синтезе конкретных наркотических средств. К тому же, при изготовлении синтетических наркотических

средств обязательно используются различные прекурсоры, например, магний, ангидрид уксусной кислоты, софрол, этиламин, натрий цианоборгидрид, натрия бисульфит, натриевая амальгама и др., на наличие которых также необходимо обращать внимание.

Таким образом, несмотря на то, что подготовительные действия к совершению незаконных действий непосредственно в криминальной ситуации не отражаются, их все равно возможно проследить, что, впоследствии окажет положительное влияние на процесс выяснения всех обстоятельств происшедшего преступного события.

Поскольку в криминалистическом понятии способ совершения преступления помимо непосредственных действий по доведению преступного умысла до конца или непосредственного совершения преступления, включает в себя подготовку и сокрытие, действия по сокрытию преступного результата сотрудникам правоохранительных органов также необходимо выяснять в целях эффективного расследования. О том, какие действия при этом совершал преступник, возможно определить опять же из тщательного исследования непосредственно криминальной ситуации, хотя они напрямую в ней не отражаются.

Например, с целью сокрытия совершения преступных действий по тому же изготовлению синтетических наркотических средств, преступники выбирают или заброшенные строения вдали от жилых кварталов, чтобы не привлекать внимание жителей исходящими из этого помещения специфическими запахами и другими подозрительными моментами, оборудуют их соответственным образом и осуществляют свою преступную деятельность. В связи с этим, несмотря на то, что непосредственно в криминальной ситуации отражается только сам процесс изготовления, на сокрытие этого процесса будет указывать та обстановка, в которой он протекает: изолированность от посторонних глаз, наличие кодового замка и т. д.

Рассматривая криминальные ситуации, возникающие при совершении незаконных действий с наркотическими средствами или психотропными веществами, следует обратить внимание на еще один очень важный момент. А именно на то, что исследуя криминальную ситуацию какого-либо конкретного преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, возможно определить логическую связь этого преступления с другими в этой же сфере.

Как мы уже неоднократно указывали в своих ранее изданных работах, одной из особенностей незаконных действий в сфере оборота рассматриваемых средств и веществ является то, что все они между собой тесно связаны, взаимообусловлены, и одно без другого совершаться не может в принципе.

Так, нельзя сбыть какое-либо наркотическое средство или психотропное вещество, не переместив его в это место. До сбыта оно должно где-то храниться,

а чтобы что-то хранить, нужно изготовить. К тому же, совершение единичных незаконных действий с рассматриваемыми средствами или веществами, бессмысленно. Зачем, к примеру, рисковать, перемещая эти средства или вещества на территорию нашей страны контрабандным путем, особенно внутривластным способом, если они впоследствии не будут реализованы?

Чтобы достичь определенного результата — получить прибыль от реализации наркотических средств или психотропных веществ, преступная деятельность в этой сфере должна пройти через определенные стадии: введение их в незаконный оборот (изготовление, переработка, контрабанда, незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, хищение) → перевозка, пересылка, хранение → реализация (сбыт, организация и содержания притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ, склонение к потреблению наркотических средств).

Если такие незаконные действия организованы, они совершаются по эстафетному принципу: одна группа, входящая в преступное сообщество (организацию) выполняет только присущие ей функциональные обязанности с такими средствами и веществами (к примеру, контрабанду). Остальные действия с этими средствами (перевозку, хранение, реализацию и др. до достижения преступной цели — получить огромную прибыль) совершают другие группы, согласно распределенным функциональным обязанностям.

Исходя из этого, каждое незаконное деяние в этой сфере является связующим звеном в единой преступной цепи.

Таким образом, если опять возвратиться к рассматриваемому нами незаконному действию — изготовлению наркотических средств и психотропных веществ, рассматривая такие незаконные действия изолированно от других, получается, цель преступников — изготовить именно определенное количество таких средств и веществ, то есть изготовление ради изготовления. Но, на самом деле, цель все же дру-

гая — сбыть их и получить доход. Речь идет о получении финансовой или иной материальной выгоды, т. к. изготовление наркотических средств и психотропных веществ обуславливают в дальнейшем получение денежных средств или иной имущественной выгоды членами преступного сообщества (организации). Таким образом, уже изначально при подготовке к совершению данного незаконного действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, преступниками тщательно продумывается последовательная связь с другими стадиями его преступной деятельности для того, чтобы достичь желаемого результата. А поэтому, после тщательного исследования именно этой криминальной ситуации, следователь имеет возможность (да и должен сделать это) установить соучастников виновных в изготовлении рассматриваемых нами средств и веществ лиц, а также проследить всю преступную цепочку этих незаконных действий. Именно данная криминальная ситуация будет являться основой для производства других следственных действий.

Список источников

1. Давыдов С. И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51).
2. Плешаков В. А. Введение в криминологическую теорию ситуаций, или ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76).

References

1. Davydov S. I. The criminal situation as an object of knowledge in the process of solving a crime // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4 (51).
2. Pleshakov V. A. Introduction to the criminological theory of situations, or situational criminology // Man: crime and punishment. 2012. № 1 (76).

Информация об авторе

Л. Е. Чистова — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. E. Chistova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-215-221>

EDN: <https://elibrary.ru/ghwsvl>

НИОН: 2003-0059-3/24-074

MOSURED: 77/27-003-2024-03-273

Методологические подходы к исполнению обязательств

Розалина Васильевна Шагиева^{1,2}, Андрей Владимирович Рыжик^{3,4}

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия

² Российская таможенная академия, Люберцы, Россия

³ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, aspirant8381@mail.ru

⁴ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия

Аннотация. Рассматриваются методологические подходы к исполнению обязательств. Основное внимание уделяется изучению процесса выполнения обязательств, а также различным подходам и стратегиям, которые могут быть применены для эффективного исполнения обязательств. Анализируются различные факторы, влияющие на успешное выполнение обязательств, такие как правовые аспекты, экономические условия и социальные факторы. Прослеживаются современные тенденции и инновации в области исполнения обязательств. Статья представляет собой полезный ресурс для исследователей, юристов и специалистов, занимающихся исполнением обязательств. Она предлагает обзор существующих методологических подходов и предлагает рекомендации и рекомендации для улучшения процесса исполнения обязательств.

Ключевые слова: методологические подходы, исполнение обязательств, процесс исполнения обязательств, правопорядок, соблюдение

Для цитирования: Шагиева Р. В., Рыжик А. В. Методологические подходы к исполнению обязательств // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 215–221. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-215-221>. EDN: GHWSVL.

Original article

Methodological approaches to the fulfillment of obligations

Rosalina V. Shagieva^{1,2}, Andrey V. Ryzhik^{3,4}

¹ State University of Management, Moscow, Russia

² Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

³ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, aspirant8381@mail.ru

⁴ Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Smolensk, Russia

Abstract. The methodological approaches to fulfilling obligations are being considered. The main focus is on studying the process of fulfilling obligations, as well as various approaches and strategies that can be applied to effectively fulfill obligations. The article analyzes various factors influencing the successful fulfillment of obligations, such as legal aspects, economic conditions and social factors. Modern trends and innovations in the field of fulfillment of obligations are also being investigated. The article is a useful resource for researchers, lawyers and professionals involved in the fulfillment of obligations. It provides an overview of existing methodological approaches and offers recommendations and recommendations for improving the commitment process.

Keywords: methodological approaches, fulfillment of obligations, the process of fulfilling obligations, law and order, compliance

For citation: Shagieva R. V., Ryzhik A. V. Methodological approaches to the fulfillment of obligations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):215–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-215-221>. EDN: GHWSVL.

© Шагиева Р. В., Рыжик А. В., 2024

Рассмотрение методологических подходов к исполнению обязательств также актуально с практической точки зрения. Корректная и своевременная реализация обязательств позволяет предотвращать возможные споры и конфликты между сторонами, что является основой для доверительных отношений и развития правовой культуры общества в целом.

Кроме того, постоянное развитие общества и изменения в законодательстве требуют постоянного обновления и совершенствования методологических подходов к исполнению обязательств. Новые обязательства и новые виды деятельности требуют новых правил и принципов исполнения, чтобы учитывать особенности и потребности современного общества.

В современном законодательстве Российской Федерации существуют различные методологические подходы к исполнению обязательств. Исполнение обязательств — это процесс, в результате которого одна сторона (кредитор) получает от другой стороны (должник) обещанное по договору или установленное нормами законодательства [7, с. 105].

Один из методологических подходов к исполнению обязательств основывается на принципе договорной свободы, в соответствии с которым стороны самостоятельно определяют условия и порядок исполнения обязательств. В рамках этого подхода стороны имеют право заключать договоры по своему усмотрению, определять сами сроки и условия исполнения обязательств.

Еще один методологический подход основывается на принципе обязательной доли исполнения. Согласно этому подходу, стороны договора обязаны исполнить обязательство хотя бы в определенной минимальной сумме или объеме. Это означает, что сторона, для которой исполнение обязательства является невыгодным или невозможным, должна все равно произвести определенное исполнение, чтобы удовлетворить претензии кредитора.

Также в законодательстве предусмотрены методологические подходы, основанные на принципе исполнительской деятельности [10, с. 65]. Согласно этим подходам, исполнение обязательств возлагается на определенное лицо или организацию, которые имеют специальные полномочия или статус исполнителя. Например, это может быть нотариус, курьерская служба или государственный исполнитель [1, с. 86].

Следует отметить, что выбор методологического подхода к исполнению обязательств может зависеть от характера договорных отношений и специфики ситуации. Например, в случае крупных коммерческих сделок стороны могут предусмотреть дополнительные гарантии или условия исполнения обязательств. В то же время, в сфере государственных закупок или социального обеспечения часто применяются специальные методологические подходы для обеспечения государственных интересов и защиты прав потребителей.

Обязательство является основной категорией гражданского права и играет важную роль в экономическом обороте. В основе обязательства лежит

правоотношение между кредитором и должником, в котором кредитор имеет право требовать от должника выполнения определенного действия или предоставления определенной вещи [2, с. 23].

Однако, несмотря на то, что общая суть обязательства понятна и не вызывает споров, многочисленные специальные вопросы и аспекты обязательства неоднозначны и вызывают противоречивые трактовки среди ученых и специалистов.

Один из таких вопросов — различие между имущественным и неимущественным характером обязательства. В имущественном обязательстве предметом требования кредитора является вещь или имущественное действие, а в неимущественном обязательстве — иное, например, выполнение определенной работы или оказание услуги. Отличие между этими видами обязательств имеет большое значение в правоприменительной практике, так как определяет возможность применения различных правовых последствий при нарушении обязательства.

Еще одной важной проблемой в теории обязательств является вопрос об эквивалентности обязательства. Обычно обязательство считается эквивалентным, когда стороны осуществляют обмен равноценными ценностями. Однако, в некоторых случаях стоимость предоставляемых сторонами вещей или услуг может быть неравноценной. Это может привести к возникновению споров о справедливости условий обязательства и возможности его исполнения [12, с. 51].

Также, в дискуссии ученых есть очень важный аспект обязательства — его активный и пассивный характер. В активном обязательстве кредитор требует от должника определенного действия или предоставления вещи, а в пассивном обязательстве должник обязан совершить определенное действие по требованию кредитора. В зависимости от характера обязательства применяются различные нормы и правовые последствия в случае его нарушения.

Несогласие между учеными по поводу этих и других аспектов обязательства затрудняет формирование единого и четкого законодательства, которое бы учитывало реальные потребности участников экономического оборота [5, с. 49]. Также, неправильное понимание и неправомерное применение отдельных аспектов обязательства в правоприменительной практике может тормозить развитие экономики и приводить к негативным последствиям для участников рынка.

Проблемы, которые возникают при исполнении обязательств, могут быть решены путем разработки новых подходов и использования научно обоснованных методов, найденных в других областях знания. В настоящее время один и тот же объект исследуется несколькими науками одновременно, однако дисциплинарный подход к познанию ограничивает возможность выявления междисциплинарных связей. Это приводит к искусственному разделению единого объекта между различными науками.

В свете этих проблем Г. В. Мальцев справедливо отмечает, что в XXI веке понимание права должно быть

основано на интеграции общественного и естественно-научного знания. Поэтому, при исполнении обязательств, наука гражданского права должна не только опираться на свои теоретические разработки, но и использовать достижения других наук, таких как экономическая теория, психология и философия [11, с. 102].

Использование интердисциплинарных подходов позволит более полно и глубоко понять сущность права и его влияние на общественные отношения. Например, экономическая теория может помочь исследовать мотивацию сторон при заключении и исполнении договоров, в то время как психология может помочь в понимании поведенческих аспектов участников данных отношений.

Одним из главных преимуществ использования междисциплинарных подходов является возможность добиться более комплексной и всесторонней оценки общественных отношений, которая поможет в разработке более эффективных механизмов исполнения обязательств. Также это позволит предотвратить или минимизировать возникновение споров и конфликтов, связанных с неоднозначным толкованием обязательств.

Следовательно, для решения проблем, возникающих при исполнении обязательств, необходимо осуществлять интеграцию различных научных знаний. Это поможет создать более совершенные и эффективные механизмы исполнения обязательств и снять искусственное разделение объекта на различные науки.

Для того чтобы правильно определить природу какого-либо явления, необходимо использовать не только специализированные, но и общенаучные методы, доказавшие свою состоятельность. При этом следует помнить, что каждый научный метод вносит что-то новое в понимание своей задачи, и не только один из них должен считаться важным. В то же время нельзя исключать, что один из них может оказаться наиболее ценным, в зависимости от поставленной исследовательской задачи.

Один из основоположников системного подхода Э. Г. Юдин отмечал, что основными методологическими направлениями исследования системных проблем являются структурно-функциональный анализ и системный подход. Их научная ценность выражается, прежде всего, в акценте на целостность объекта исследования [16, с. 74].

Методологические подходы к исполнению обязательств:

1. Аналитический подход — основан на анализе и изучении ситуации в целом, выделении основных факторов и причин, определении целей и задач, разработке плана действий и последующем выполнении обязательств.

2. Системный подход — предполагает рассмотрение ситуации как системы, состоящей из взаимосвязанных элементов. Применение системного подхода позволяет рассмотреть все аспекты и взаимодействия между ними, что улучшает качество исполнения обязательств.

3. Проектный подход — основан на применении принципов управления проектами. В рамках этого подхода обязательства рассматриваются как проекты, которым необходимо назначить ответственных исполнителей, разработать план действий, определить ресурсы и контролировать выполнение.

4. Комплексный подход — предполагает использование нескольких методологических подходов одновременно. Например, сочетание аналитического и системного подходов позволяет учитывать все факторы, а также их взаимодействие при выполнении обязательств.

5. Инновационный подход — основан на применении новых и уникальных методов и технологий для эффективного исполнения обязательств. Этот подход позволяет находить новые решения и идти в ногу с современными требованиями и тенденциями.

6. Кооперативный подход — предполагает сотрудничество и взаимодействие различных сторон для эффективного выполнения обязательств. Этот подход акцентирует внимание на сотрудничестве, обмене информацией и ресурсами, а также совместной работе над достижением общих целей.

На наш взгляд, системный подход отличается от структурно-функционального подхода тем, что он учитывает развитие системы. Это его главное преимущество. При этом системный подход не исключает использование методов синтеза и анализа, которые обычно изучают явления в статике.

Социальная система обязательно обладает динамичностью. Ее структура включает в себя не только элементы, но и специфические взаимосвязи между ними, благодаря которым появляются новые целостные свойства, присущие только системе и отсутствующие у ее компонентов. Однако, некоторые философы рассматривают структуру не только как связи и отношения, но и как элементы, между которыми устанавливаются связи. Понятия «состав» и «структура» следует разделять. Системный подход изучает не просто набор элементов, а взаимосвязи между ними, то есть структуру.

Именно структура, то есть особый характер связей между элементами, неизбежно определяет развитие системы. Согласно диалектике, которую считают неотъемлемой частью системного подхода, существует «борьба и единство противоположностей». Это парадоксальное объединение противоречивых интересов и сотрудничества обеспечивает динамику обязательства. О. А. Красавчиков, анализируя сущность правоотношения, отметил, что любое единство — это существенная связь различных элементов. Таким образом, ученый неявно подтвердил необходимость применения системного подхода [9, с. 62]. В обязательстве эта системная особенность структуры проявляется наиболее ярко.

Взаимодействие между элементами системы в обязательстве представлено тремя вариантами: ассоциация, диссоциация и сохранение неустойчивой формы взаимодействия.

Диссоциация в структуре обязательства проявляется в противоположности конкретных целей участников товарного оборота. Каждый из них стремится получить выгоду, которая находится у другого субъекта, при этом пытаясь минимизировать затраты для себя. Такое направление интересов неизбежно ведет к конфликту и противоречию.

Ассоциация, в свою очередь, достигается с помощью договора, в котором стороны выражают свое согласие и волю. Это позволяет создать общую направленность обязательства как системы. Стороны сотрудничают и взаимодействуют на протяжении исполнения обязательства, что обеспечивает временную стабильность отношений.

Сохранение неустойчивой формы взаимодействия является третьим вариантом. В данном случае, стороны остаются в отношениях, однако их взаимодействие сохраняет неустойчивую форму. Возникают противоречия и конфликты, которые могут привести к нарушению обязательства или его досрочному прекращению. Несмотря на нестабильность, данная форма взаимодействия может сохраняться в течение определенного времени.

Следует иметь в виду, что обязательство само по себе и ради самого себя не имеет никакой ценности. Заключение договора лишь для того, чтобы связать лиц отношениями подчинения не имеет ни экономического, ни, соответственно, правового смысла. Такой договор притворен (ст. 170 ГК РФ) и не порождает никаких последствий, кроме указанных в ст. 167 ГК РФ [6].

Однако, ценность обязательства заключается в надлежащем исполнении. Именно через исполнение обязательства происходит акт товарообмена, который является нормальным способом прекращения обязательства. О. А. Красавчиков, известный юрист, обозначил в движении правоотношения «два главных узла» — возникновение и прекращение [8, с. 201]. Соответственно, система обязательств состоит из двух подсистем:

- на стадии возникновения, где заключается договор, и создаются права и обязанности сторон;
- на стадии исполнения, где осуществляется надлежащее исполнение обязательства и происходит акт товарообмена.

Данный вывод находит подтверждение в известном для немецкого права деления договоров на обязательственные и вещные: первые — создают притязание, то есть обязательство в первой стадии (потенцию), а вторые — опосредуют передачу титула, то есть обязательство в стадии исполнения. Характерно, что в доктрине германского гражданского права вещные договоры принято называть еще договорами исполнения. Известный немецкий цивилист Я. Шапп, давая характеристику процесса купли-продажи, говорит о двух фазах соответствующего обязательства: 1) обоснование притязания (до передачи вещи); 2) фаза исполнения. Эти фазы оформляются соответственно обязательственным и вещными договорами (один из них о передаче титула на вещь, другой — на денеж-

ные знаки) [15, с. 82]. Учитывая, что договор купли-продажи представлен ученым как модельный, можно сделать вывод, что данные фазы характерны для всех договорных обязательств.

Между подсистемами обязательства есть существенные различия, хотя, конечно, они неразрывно связаны. Собственно, исполнение обязательства невозможно, если между его сторонами не сложились определенные системные связи. Понимание этой системной связи между обязательственными и вещными договорами является важной основой для правовой науки и практики в Германии.

Важно отметить, что германская доктрина гражданского права придает большое значение разграничению между обязательственными и вещными договорами. Они имеют разные цели и функции в правовой системе. Обязательственные договоры создают обязательства, которые могут быть приведены в исполнение в будущем, в то время как вещные договоры определяют передачу права собственности на конкретные объекты или имущество.

Изучение германского права и его деления договоров на обязательственные и вещные является важным для понимания общих принципов и концепций, применяемых в правовых системах различных стран. Это дает возможность сравнить и анализировать различия и сходства в подходах к обязательственным отношениям и передаче права собственности.

При возникновении обязательства между определенными субъектами в рамках товарообменных отношений возникает правоотношение, состоящее из предоставления субъекту права и юридической обязанности. Предполагается, что это отношение является статичным и обусловлено практической целью, а именно необходимостью юридического и правильного признания товарообменных отношений в качестве конкретного обязательства. При возникновении обязательства его стороны должны соотнести свое последующее поведение с определенными правилами, обязательными с момента заключения соглашения (в договорном обязательстве). В этот момент об обязательстве следует говорить как о договоре, который одновременно представляет собой и сделку, и правоотношение. В этом смысле обязательства соответствуют статической идеальной модели системы.

Вторая подсистема обязательства — это его исполнение. Как только обязательство возникает, оно, как и любая динамичная система, обязательно эволюционирует, и в его развитии может быть множество вариаций. Однако появление «точек бифуркации» (моментов предполагаемого исполнения) неизбежно [4, с. 153]. В идеале эти моменты должны заканчиваться надлежащим исполнением обязательства в соответствии с намерениями сторон. Однако бывают ситуации, когда ожидаемое сторонами надлежащее исполнение (статья 408 Гражданского кодекса РФ) не наступает. Это может быть неисполнение обязательств, ненадлежащее исполнение или расторжение договора по любой причине. Например, согласно пункту 3 статьи 418

Гражданского кодекса Российской Федерации, если обязательство прекращается вследствие утраты предмета исполнения по причинам, не зависящим от воли сторон, или если непреодолимая сила (пункт 3 статьи 403 Гражданского кодекса Российской Федерации) освобождает должника от ответственности за неисполнение обязательства (ненадлежащее исполнение), это равносильно прекращению. Такие обстоятельства должны быть предусмотрены законом или иным образом и могут различаться в зависимости от страны [6].

Изменение обязательства является нормальным явлением, которое часто происходит при усложнении или изменении ситуации. Возможность изменения обязательства позволяет сторонам достичь более выгодных условий или приспособиться к новым обстоятельствам.

Однако, в случае, когда обязательство изменяется настолько, что становится существенно отличным от исходного, возникают вопросы о том, должно ли считаться это новым обязательством или прекращением старого [3]. В контексте обеспечения обязательства, такие изменения могут серьезно повлиять на действительность залога.

Например, если обязательство было обеспечено залогом недвижимости, а затем произошло изменение в субъектном составе или расширение содержания обязательства, возникает вопрос о том, должен ли залог остаться в силе. По мнению О. А. Красавчикова, такие изменения должны привести к прекращению залога, поскольку возникшее новое обязательство уже не соответствует исходному залогоу [9, с. 62].

Однако, такой подход представляется недопустимым, так как может создать неопределенность и юридическую неопределенность для сторон. Вместо этого, целесообразно рассматривать изменение обязательства как эволюцию и адаптацию его условий к новым обстоятельствам. В таком случае, залог должен сохранять свою действительность, при условии, что он по-прежнему соответствует измененному обязательству.

Исполнение может также представлять собой ряд фактических действий в течение определенного времени. Означает ли это модификацию обязательства? На наш взгляд, момент исполнения обязательно должен подразумеваться в силу феномена безусловной срочности, который отличает обязательства от имущественных отношений.

Согласно статье 314 Гражданского Кодекса Российской Федерации, срок является одним из важных условий для надлежащего исполнения обязательства. Он определяет конкретный временной период, в течение которого должно быть выполнено обязательство.

Интересное наблюдение по этому вопросу сделал З. И. Цыбуленко [14, с. 55]. Он отметил, что некоторые обязательства представляют собой ряд фактических действий, которые могут быть разбросаны во времени. Это означает, что исполнение такого обязательства может проходить поэтапно.

Однако, важно понимать, что совершение одного или нескольких таких действий до окончательного

срока исполнения не является изменением обязательства. В этом случае, стороны или закон могут предусмотреть промежуточные сроки в исполнении. Исполнение в данных промежутках времени будет являться компонентом общего исполнения обязательства.

Такое разделение выполнения обязательства на промежуточные сроки может быть полезным, особенно если требуется контроль за ходом исполнения и возможность вмешательства при необходимости. Например, при строительстве здания может быть предусмотрено сдача отдельных этапов работ на определенные даты, что позволяет заказчику контролировать процесс и своевременно реагировать на возможные проблемы.

Е. В. Титов отметил, что если обязательства понимаются как система, то включение третьих лиц, участвующих в исполнении, достаточно допустимо. Однако это возможно только в подсистеме «исполнение обязательств» в ее нормальной форме существования, т. е. в процессе исполнения. Даже лицо, названное законодателем или в доктрине третьим лицом, обязательно признается стороной и возникает множественность, когда оно участвует в возникновении обязательства и в отношении него устанавливаются права и обязанности. Следовательно, он должен участвовать в исполнении обязательства в качестве стороны. Особенно это наблюдается при заключении договоров, подпадающих под структуру, предусмотренную статьей 430 Гражданского кодекса Российской Федерации [13].

Важно отметить, что данное положение выражено в контексте понимания обязательств как системы: По мнению Е. В. Титова, обязательства вполне допустимы, когда они берутся в широком смысле, то есть включают в себя не только сами стороны, но и третьих лиц, которые участвуют в их исполнении. Эти третьи лица становятся участниками обязательства, создавая для сторон такие последствия, даже если их действия сами по себе не влекут юридических последствий. Однако следует отметить, что такая ситуация возможна только в подсистеме «исполнение обязательства» и ее нормальной функции, то есть фактического исполнения.

Кроме того, Е. В. Титов отмечает, что если в возникновении обязательства участвуют третьи лица и в отношении них устанавливаются определенные права или обязанности, то эти третьи лица обязательно признаются сторонами обязательства, что приводит к множественности сторон. В таких случаях эти третьи лица также должны участвовать в исполнении обязательства. Примером такой ситуации является заключение договора, входящего в состав, предусмотренный статьей 430 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для совершенствования методологических подходов к исполнению обязательств необходимо учитывать несколько ключевых моментов.

Во-первых, необходимо улучшить процесс планирования и оценки обязательств. Для этого важно определить ясные цели и задачи, разработать детальный план действий, а также провести оценку ресурсов, необходимых для успешного выполнения обязательств.

Это поможет избежать непредвиденных ситуаций и сделает процесс исполнения более эффективным.

Во-вторых, следует активно применять принципы проектного подхода в исполнении обязательств. Проектный подход предполагает разделение задач на этапы, установление сроков и ресурсов для каждого из них, а также контроль и оценку достигнутых результатов. Применение проектного подхода позволит более точно определить последовательность выполнения обязательств и упростит процесс контроля за их исполнением.

В-третьих, важно совершенствовать коммуникационные подходы при исполнении обязательств. Регулярное информирование о состоянии выполнения обязательств позволит своевременно выявлять проблемы и производить необходимые корректировки. Кроме того, открытая коммуникация между всеми сторонами, участвующими в процессе исполнения обязательств, снизит возможность недопонимания и конфликтов.

В-четвертых, стоит обратить внимание на обучение и развитие персонала, ответственного за исполнение обязательств. Повышение уровня знаний и навыков сотрудников поможет им более эффективно выполнять свои обязанности и достигать поставленных целей. Также следует предоставлять возможности для профессионального роста и развития сотрудников, что будет способствовать повышению их мотивации и результативности.

В заключение, совершенствование методологических подходов к исполнению обязательств требует внимания к различным аспектам, таким как планирование и оценка, применение проектного подхода, коммуникационные подходы и обучение персонала. Использование этих путей позволит повысить эффективность исполнения обязательств и достижение поставленных целей.

Таким образом, методологические подходы к исполнению обязательств в Российской Федерации являются разнообразными и определяются законодательством, спецификой договорных отношений и требованиями участников сделок. Они направлены на обеспечение четкости и надежности исполнения договоров и защиту интересов сторон.

Список источников

1. Ананьева К. Я. Принцип надлежащего исполнения обязательств : понятие, основные элементы // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 85–89.
2. Аюшева И. З. Исполнение обязательства за должника третьим лицом : новеллы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 10. С. 22–28.
3. Байбак В. Третий не лишний (исполнение обязательства в новой версии ст. 313 ГК) // URL: https://zakon.ru/blog/2015/4/14/tretij_ne_lishnij_ispolnenie_obyazatelstva_v_novoj_versii_st_313_gk (дата обращения: 10.02.2024).
4. Визниченко И. А. Место исполнения обязатель-

ства // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2012. № 2. С. 152–155.

5. Волос А. А. Принципы обязательственного права / под ред. Е. В. Вавилина. М. : Статут, 2016. 176 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) : федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Захаркина А. В. Особенности действия принципа надлежащего исполнения при реализации факультативных обязательств // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4. С. 103–107.
8. Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения / Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. II. М., Статут. 2005. 494 с.
9. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. I. М. : Статут, 2005. 492 с.
10. Кузьмина И. Д. Состав принципов исполнения обязательств // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54).
11. Мальцев Г. В. Понимание права. Походы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
12. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М. : Наука, 1974. 280 с.
13. Титов Е. В. Правовая природа исполнения обязательства // BaikalResearchJournal. 2016. № 3.
14. Цыбуленко З. И. Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации об исполнении обязательств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016 г. № 5 (112). С. 54–60.
15. Шапп Я. Система германского гражданского права : учебник ; перевод с немецкого С. В. Королева. Москва : Международные отношения, 2006. 360 с.
16. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. 208 с.

References

1. Ananyeva K. Ya. The principle of proper fulfillment of obligations : the concept, the main elements // Legalscience. 2017. № 4. P. 85–89.
2. Ayusheeva I. Z. Fulfillment of obligations for the debtor by a third party : novelties of legal regulation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016 № 10. P. 22–28.
3. Baibak V. The third is not superfluous (fulfillment of obligations in the new version of Art. 313 of the Civil Code) // URL: https://zakon.ru/blog/2015/4/14/tretij_ne_lishnij_ispolnenie_obyazatelstva_v_novoj_versii_st_313_gk (accessed: 10.02.2024).

4. Viznichenko I. A. Place of performance of the obligation // Priority scientific directions: from theory to practice. 2012. № 2. P. 152–155.
5. Volos A. A. Principles of the law of obligations / edited by E. V. Vavilin. M. : Statute, 2016. 176 p.
6. Civil Code of the Russian Federation (part 1) : federal law № 51-FZ of 30.11.1994 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
7. Zakharkina A. V. Features of the principle of proper execution in the implementation of optional obligations // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2016. № 4. P. 103–107.
8. Krasavchikov O. A. Civil law relations — the legal form of public relations / Categories of the science of civil law. Selected works: in 2 vols. Vol. II. M., Statute. 2005. 494 p.
9. Krasavchikov O. A. Legal facts in Soviet civil law / Categories of the science of civil law. Selected works: in 2 vols. T. I. M. : Statute, 2005. 492 p.
10. Kuzmina I. D. Composition of the principles of fulfillment of obligations // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2018. № 1 (54).
11. Maltsev G. V. Understanding the law. Hiking and problems. M. : Prometheus, 1999. 419 p.
12. Sadovsky V. N. The foundations of the general theory of systems. M. : Nauka, 1974. 280 p.
13. Titov E. V. The legal nature of the fulfillment of obligations // Baikal Research Journal. 2016. № 3.
14. Tsybulenko Z. I. New in the Civil Code of the Russian Federation on the fulfillment of obligations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 5 (112). P. 54–60.
15. Schapp Ya. The system of German civil law : textbook ; translated from German by S. V. Korolev. Moscow : International Relations, 2006. 360 p.
16. Yudin E. G. A systematic approach and the principle of activity. Methodological problems of modern science. M. : Nauka, 1978. 208 p.

Информация об авторах

Р. В. Шагиева — профессор кафедры частного права Государственного университета управления, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Рыжик — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доцент Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук.

Information about the authors

R. V. Shagieva — Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A.V. Ryzhik — Professor of the Department of Civil and Business Law of the Russian State Academy of Intellectual Property, Associate Professor of the Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Научная статья

УДК 34. 01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-222-226>

EDN: <https://elibrary.ru/golonx>

НИОН: 2003-0059-3/24-075

MOSURED: 77/27-003-2024-03-274

Институт прав и свобод человека и гражданина в истории государства и гражданского общества

Павел Геннадьевич Шеленговский

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, shelengovskiy.pg@rea.ru

Аннотация. Представлен краткий исторический обзор идей и представлений о правах и свободах человека и гражданина, понятии и сущности охраны и защиты прав, и свобод, а также взаимосвязи гражданского общества и уровня развития прав и свобод человека и гражданина. На основании существующих научных мнений и позиций, автором статьи обосновывается мнение относительно целесообразности дальнейшего развития института защиты прав и свобод человека и гражданина, отмечены положительные черты подобного развития. Рассмотрена сущность института защиты прав человека и гражданина с точки зрения государственной функции, реализуемой всеми государственными структурами на различных уровнях управления. Отмечена необходимость активного поведения субъектов гражданского общества с целью недопустимости нарушения прав и законных интересов граждан, а также с целью их более оперативного и эффективного восстановления.

Ключевые слова: права человека, права гражданина, защита прав человека и гражданина, гарантии прав человека и гражданина, государство, гражданское общество

Для цитирования: Шеленговский П. Г. Институт прав и свобод человека и гражданина в истории государства и гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 222–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-222-226>. EDN: GOLONX.

Original article

Institute of human and civil rights and freedoms in the history of the state and civil society

Pavel G. Shelengovsky

Plekhanov Russian State University of Economics, Moscow, Russia, shelengovskiy.pg@rea.ru

Abstract. This article provides a brief historical review of ideas and ideas about human and civil rights and freedoms, the concept and essence of protection and protection of rights and freedoms, as well as the relationship between civil society and the level of development of human and civil rights and freedoms. Based on the existing scientific opinions and positions, the author of the article justifies the opinion on the feasibility of further development of the institution for the protection of human rights and freedoms and positive features of such development are noted. The essence of the Institute for the protection of human and civil rights is considered from the point of view of the state function implemented by all state structures at various levels of government. The need for active behavior of civil society entities in order to prevent violation of the rights and legitimate interests of citizens, as well as in order to restore them more quickly and effectively, was noted.

Keywords: human rights, civil rights, protection of human and civil rights, guarantees of human and civil rights, state, civil society

For citation: Shelengovsky P. G. Institute of human and civil rights and freedoms in the history of the state and civil society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):222–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-222-226>. EDN: GOLONX.

Конституция Российской Федерации [1] провозглашает основные права и свободы человека, однако они имеют смысл и ценность только в случае их реализации. Права, выраженные в норме права, должны быть обеспечены системой практических мер, иначе они не

смогут быть воплощены в реальность. Только возможность практического осуществления прав человека подтверждает действительность закрепления их в законе.

В Конституции Российская Федерация декларирует себя как государство, которое стремится быть пра-

вовым. Закрепление указанного положения указывает на обязанность государственной власти создавать все необходимые условия для обеспечения в реальности поставленных целей. Вместе с тем, сегодняшняя правовая действительность свидетельствует об обратном. В период реформирования законодательства в нашей стране было принято и принимается большое количество нормативно-правовых актов. Но, к сожалению, законодатель не всегда способен быстро реагировать на изменения, происходящие в экономической, политической, социальной и иных сферах нашей жизни.

Следствием этого являются наличие значительно количества пробелов в законодательном регулировании, неопределенность многих правовых отношений. Более того, принимаемые во исполнение закона отдельные правовые акты нередко не исправляют, а, наоборот, усугубляют и без того проблемную ситуацию, создавая трудноразрешимые правовые коллизии. Таким образом, субъекты, осуществляющие правоприменительную деятельность, а суды в первую очередь, нередко сталкиваются с серьезными затруднениями при осуществлении своих полномочий.

Не случайно поэтому в последнее время в юридической литературе все чаще высказываются суждения о том, что разрешить накопившиеся проблемы, опираясь лишь на традиционные научные подходы, весьма сложно. Необходимо изыскивать новые резервы, обращать более пристальное внимание на международный опыт.

«Право вообще нельзя сводить только к писаной его части, к позитивному праву, — утверждает М. В. Баглай. Это тем более верно в отношении конституционного права, которое призвано охранять свободу человека» [3, с. 23]. Свою позицию известный ученый обосновывает нормой, предусмотренной ч. 2 ст. 17 Конституции РФ: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Однако данная позиция подверглась критике со стороны других ученых. Так, А. А. Безуглов и С. А. Солдатов к недостаткам теории естественного права относят то, что она предоставляет широкий простор в оценке справедливого, разумного, естественного от рождения. К тому же, всякие попытки составить перечень естественных прав человека, приемлемый для всех времен и народов, являются беспочвенными и нереальными потому, что сами представители теории естественного права не имеют достаточно четких критериев, по которым можно отличить естественное право от позитивного. В результате остается широкое поле для субъективизма даже среди тех, кто разделяет идеи естественного права [8, с. 9–11].

Зарождение института прав и свобод человека и гражданина уходит корнями в античные времена, в связи с чем данное явление можно считать социально-историческим. Концепция естественного права получила свое наиболее полное развитие в период буржуазных революций XVII–XVIII вв. на волне борьбы с всевластием государства и стремлением ограничить абсолютную власть монарха [6, с. 4]. Поэтому сторонники концепции часто исходят из противопоставле-

ния естественного и позитивного права и признания приоритета естественного права перед позитивным.

Достигнув наиболее активного развития в период Нового времени, основные права и свободы человека и гражданина представляют собой на сегодняшний день общемировую ценность, признаваемую как отдельными индивидами, так и защищаемую всем мировым сообществом. Актуальность темы защиты прав человека и гражданина обусловлена общемировыми гуманистическими тенденциями. Качественная реализация государством своих социальных функций, обеспечение граждан необходимыми благами и отсутствие препятствий на пути их получения — одна из основных задач, стоящих перед представителями государственного аппарата.

Как и подавляющее большинство иных представлений об оптимальном государственном и общественном устройстве, господствующих в современном мире, идеи прав человека и гражданского общества и его организации, зародились еще в древности. При изучении понятия и сущности защиты прав человека и гражданина необходимо отграничивать данное правовое явление от смежных категорий. Одной из таких в теории права принято считать реализацию прав человека [9].

Реализация прав человека и гражданина представляет собой процесс претворения правовых норм субъектами права в действительность. Именно благодаря реализации становится возможным переход предусмотренных нормами права гарантий в состояние конкретных благ, получаемых гражданами. Механизм реализации прав человека и гражданина предполагает наличие определенных нормативных правовых актов, благодаря которым становится возможной реализация прав, закрепленных в нормативных актах различного уровня.

Юридическая наука, располагающая обширным научным аппаратом, оперирует такими понятиями, как «индивид», «человек», «личность», «гражданин». Каждое из них характеризует человеческое существо, но таким образом, что в нем определяется лишь его отдельная сторона или ряд сторон, определенная черта или некоторая совокупность черт. Соотношение понятий «индивид» — «человек», «человек» — «личность» в праве и психологии, в праве и философии далеко не идентично.

Определяя это соотношение, право исходит из того, что различие между этими понятиями указывает лишь на количественный момент. Индивид — это единственный человек, взятый в отдельности, но взятый во всей полноте своих качественных определений.

Признание индивидуального, особенного в качестве основы человеческого бытия, в то же время утверждает нас в мысли о примате общечеловеческого. Приоритет общечеловеческих ценностей предусматривает такую модель, когда первичная индивидуальность, а не пространное «вообще» лежит в основе системы. Под индивидуальным мы понимаем здесь ценность отдельного человека, признание за каждым индивидом человеческого достоинства, не только формально декларируемого, но и реально гарантированного юридически.

Слова «индивид» и «человек» становятся синонимами, если понятие «человек» мыслится не как родовое (человек вообще), а как единичное понятие (данный конкретный человек). отождествление понятий личности в правовой науке и социологической концепции личности как образца, идеала прямо противоречило бы конституционному положению равенства граждан. Рассмотрение политико-правового аспекта изучения личности требует выяснения соотношения понятий «личности» и «гражданина». По своему объему понятие «личность» трактуется гораздо шире понятия «гражданин», так как включает в себя естественные и неотъемлемые права, данные человеку с его рождением.

Этап построения правового государства, создания гражданского общества требует переориентации к «личностному» направлению взаимоотношений личности и государства, при котором личность выступает на первый план, становится целью государства. Ее положение в обществе определяется уровнем развития демократических институтов, степенью познания законов общественной жизни, уровнем развития экономики. Но ее взаимоотношения с государством, их конструктивность зависят от характера поведения самой личности, ее конкретного вклада в экономическую и политическую жизнь государства.

В качестве всеобщего и равного масштаба свободы выступает право. Юридические нормы правового государства должны быть в высшей степени чувствительны как к широкой трактовке общедозволительного принципа, так и к элементам его ограничения. Личность, обладая совокупностью социально-экономических, политических и личных прав и свобод, вправе требовать от государства соответствующего обеспечения их реального осуществления. Государство, восстанавливая нарушенное право, применяет к виновным в его нарушении определенные меры ответственности, то есть оно не ограничивается простой фиксацией прав граждан, а основываясь на законе, обеспечивает эти взаимоотношения всей системой гарантий государства соответствующего обеспечения их реального осуществления. Государство, восстанавливая нарушенное право, применяет к виновным в его нарушении определенные меры ответственности, то есть оно не ограничивается простой фиксацией прав граждан, а основываясь на законе, обеспечивает эти взаимоотношения всей системой гарантий.

Социальное положение, предопределяющее правовой статус личности, характеризуется системой социальных возможностей, направленных на удовлетворение возникающих интересов и потребностей.

Признание существования множества частных статусов в известной мере девальвирует существо общего принципа равноправия граждан. Правовой статус не может зависеть от профессии, пола, возраста гражданина, его движения по социальной «лестнице» и т. п. Все эти особенности, изменения накладывают отпечаток на правовое положение конкретной личности, в нем получают свое конкретное юридическое воплощение.

На понимании правового статуса как системы прав и обязанностей акцентировали внимание многие ученые-юристы (Л. Д. Воеводин, Г. В. Мальцев, В. М. Чхиквадзе).

Однако в правовой литературе нет единства относительно включения тех или иных структурных элементов в понятие правового статуса. Аргументация точки зрения в пользу включения в правовой статус личности субъективных прав и обязанностей сводится к тому, что конституционные права и обязанности носят субъективный характер, так как принадлежат «не только всем, но и каждому гражданину» (Л. Д. Воеводин). Это положение достаточно давно понимается как само собой разумеющееся.

Но с этим трудно согласиться. В общей теории государства и права субъективное право в самом общем виде определяется большинством авторов как установленные и охраняемые государством вид и мера возможного поведения лица (субъекта). В отличие от объективного права субъективное право приурочено к конкретному субъекту в конкретном правоотношении. Именно поэтому субъективные права, которые у субъектов различны, не могут включаться в понятие правового статуса, так как иначе получилось бы, что правовой статус неодинаков у граждан РФ. И именно включение субъективных прав в структуру правового статуса предполагает элемент неравенства правового статуса граждан, а это недопустимо.

Абсолютно резонным выглядит сомнение С. Н. Братуся по поводу того, что «статус гражданина включает в себя субъективные права и обязанности, ибо объем некоторых из них (в частности, гражданских) у разных граждан различен».

Правовой статус личности определяет границы возможного и должного поведения человека, его деятельности, направленной на достижение правомерного результата. Ядро правового статуса личности, как отмечалось, составляет совокупность закрепленных в Конституции РФ и других законах основных прав и обязанностей, а не субъективных. И здесь невозможно поставить знак тождества, поскольку основные права и обязанности уравнивают граждан в их возможностях, устанавливая общие пределы возможного и должного поведения. Формируясь в системе социальных возможностей, основные (главные) возможности наиболее полно и глубоко выражают суть взаимоотношений личности и общества. Превращение предоставленных объективным правом основных социальных возможностей в реальность осуществляется при наличии определенных условий (юридических фактов).

Возможно бесконечное множество индивидуальных правовых положений личности. Оно подвержено непрерывным изменениям в связи с изменением жизненных ситуаций личности, изменениями, происходящими в обществе, и т. д.

На диалектику отношений основных и субъективных прав личности распространяются положения об общем и отдельном, объективном и субъективном. Общее и отдельное, а на уровне правовых катего-

рий — основное (объективное) и субъективное права являются элементами объективной действительности, образуя свое диалектическое единство на уровне правового положения личности [2, с. 176–178]. Представляется, что словам и выражениям закона должно придаваться то значение, которое они имеют в литературном языке, и только в случае их высокой интерпретируемости законодатель вправе конкретизировать или сузить их значение применительно к тексту закона. Например, «сторона» — это направление, пространство, в общелитературном языке; «сторона» — человек, группа лиц, вступивших в правоотношения, с точки зрения юриспруденции. Очевидно, что в основу терминологического юридического значения понятия «сторона» положено значение направленности (отношений), а именно термин «сторона» есть сужение значения общелитературного слова «сторона», так как после момента вступления в отношения воздействие сторон направлено строго друг на друга. Однако недопустимо придавать словам и выражениям закона значение, не соотносимое с общелитературным либо противоречащее ему [7, с. 104].

Описанные выше проблемы есть следствие косвенного игнорирования того языкового требования к текстам законов, которое является обязательным и позволит избежать инотолкования юридических текстов: в тексте юридического закона как тексте официально-делового стиля должна быть реализована категория коммуникативной точности, которая в данном случае в значительной степени зависит от терминологической точности [4, с. 10; 5, с. 178].

Например, Б. Н. Головин определяет точность на основе соотношения «речь — действительность» и «речь — мышление» и говорит: «Точность речи это прежде всего строгое соответствие слов обозначаемым предметам (явлениям) действительности». Однако возникает проблема: если понимать точность как соблюдение в речи норм словоупотребления, то точность речи необходимо сознательно принимать как вариант ее правильности (имеется в виду правильность словоупотребления). Точность и правильность словоупотребления — различные качества текста. Правильность оценивается исключительно через лингвистические нормы и понимается через связь «язык — текст». Точность, по мнению автора, основана на связях «текст — действительность» и «слово — предмет».

Интерпретационный анализ понятий «охрана» и «защита» в их юридическом терминологическом значении позволяет обнаружить следующие составляющие: очевидно общее начало толкования понятий охрана трактуется как явление постоянное, непрерывное, тогда как защита дискретное, ограниченное спецификой ситуации нарушения права, кратковременное и конечное [10, с. 133–134].

Синонимизация некоторыми авторами данных понятий как юридических терминов, восходящая к общелитературному толкованию значений слов «защита» и «охрана» (защищать, охранять, ограждать, оборонять, стеречь и т. п. — синонимы с точки зрения общели-

тературного языка), не должна приводить к полной аппликации их значений (синонимы в русском языке различаются оттенками значений, абсолютные синонимы непродуктивны и поэтому достаточно редки), так как это приведет к высокой вариативности толкования норм права. Поэтому нам представляется продуктивным подход авторов, подчеркивающих именно различия и специфику значений каждого из этих терминов, что в законодательной деятельности приведет к точному формулированию норм права, а в правоприменительной — к их точному, однозначному толкованию и, следовательно, применению.

Следует отметить, что высокая теоретическая разработанность содержания охраны прав как междотраслевого института привела к его закреплению на конституционном уровне. При этом следует отметить, что употребление того или иного термина на высшем конституционном уровне закрепляет его значение и в силу принципа иерархии нормативно-правовых актов автоматически ведет к его закреплению на отраслевых и иных уровнях законодательства. Собственно, в Конституции СССР термин «охрана» также встречается: в ст. 11 — «Право наследования имущества гражданина признается и охраняется законом»; ст. 17 — «Принимаются необходимые меры для охраны земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира»; ст. 21 — «Государство заботится об улучшении условий и охране труда»; ст. 27 — «Государство заботится об охране духовных ценностей»; ст. 35 — «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права».

Однако в Конституции СССР также употребляется и термин «защита». В первом случае он употребляется как политологическая категория в преамбуле. Во втором случае указанный термин употребляется в его правовом значении в ст. 37. Таким образом, в Конституции СССР термин «защита» употреблялся только применительно к юридической защите личности. Подобной точки зрения придерживались многие ученые. Хотя А. М. Яковлев даже правосудие рассматривал как разновидность правоохранительной деятельности и считал, что целью правосудия является именно охрана политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и свобод граждан от посягательств. Г. В. Мальцев, в частности, рассматривал охрану прав граждан как один из видов воздействия права на общественные отношения, а юридическую защиту как один из видов охраны [10, с. 133–134].

Термин «защита» употребляется в Конституции 1993 года, во-первых, применительно к юридической защите личности. Например: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ч. 1 ст. 46). Во-вторых, термин «защита» употребляется как абсолютный синоним термина «охрана» в Конституции 1977 г.

В текстах Конституций 1977 г. и 1993 г. термин «охрана» во многих случаях употребляется идентично. Например, в обеих конституциях закреплено право: на охрану здоровья; охрану земли, недр и природных ресурсов; охрану правопорядка; охрану труда и т. п. Из вышеизложенного можно сделать вывод о

замещении термина «охрана» термином «защита» в конституционных нормах при сохранении первоначального содержания. То есть речь идет о фактической подмене понятий. Подобная тенденция сохраняется и в текущем Федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации URL://<http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности : Личность как объект и субъект социальных отношений. М., 1984.
3. Баглай М. В. Конституция Российской Федерации : историко-правовой комментарий М. В. Баглая. 3-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2010.
4. Витрук Н. В. Общая характеристика конституционных прав, свобод и обязанностей граждан СССР // Социализм и личность / Отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М. : ИГиП АН СССР, 1979.
5. Витрук Н. В. Права личности в социалистическом обществе. М., 1981.
6. Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право. М., 1999.
7. Комаров С. А. Личность в политической системе российского общества. Саранск, 1995.
8. Конституционное право / отв. ред. А. Е. Козлов. М. : БЕК, 1996.
9. Крылатова И. Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации : понятие, сущность, структура, формы // Антиномии. 2014. № 3.

10. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы) // Юридическая литература. М., 1968.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including new constituent entities of the Russian Federation — Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region and Kherson Region, is published on the Official Internet portal of legal information URL://<http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Anufriev E. A. Social status and activity of personality : personality as an object and subject of social relations. M., 1984.
3. Baglay M. V. Constitution of the Russian Federation : historical and legal commentary by M. V. Baglay. 3rd ed., revise. M. : Norm: INFRA-M, 2010.
4. Vitruk N. V. General characteristics of constitutional rights, freedoms and obligations of citizens of the USSR / / Socialism and personality / Resp. ed. V. M. Chkhikvadze. M. : IGiP Academy of Sciences of the USSR, 1979.
5. Vitruk N. V. Individual rights in socialist society. M., 1981.
6. Kolyushin E. I. Constitutional (state) law. M., 1999.
7. Komarov S. A. Personality in the political system of Russian society. Saransk, 1995.
8. Constitutional law / resp. ed. A. E. Kozlov. M. : BECK, 1996.
9. Krylatova I. Yu. Mechanism for the implementation and protection of human rights in the Russian Federation : concept, essence, structure, forms // Antinomies. 2014. № 3.
10. Maltsev G. V. Socialist law and individual freedom (theoretical issues) // Legal literature. M., 1968.

Информация об авторе

П. Г. Шеленговский — кафедра гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

P. G. Shelengovsky — Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian State University of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-227-230>

EDN: <https://elibrary.ru/hufkio>

НИОН: 2003-0059-3/24-076

MOSURED: 77/27-003-2024-03-275

Современный этап цифровизации законодательства об административной ответственности: состояние, риски, перспективы развития

Диана Николаевна Шурухнова^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, diana_shu@inbox.ru

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Представлено современное состояние процесса цифровой трансформации законодательства об административных правонарушениях, проанализированы предлагаемые поправки в рассматриваемой сфере в действующее законодательство, направленные на предоставление возможности по составлению и направлению процессуальных документов в электронном виде, а также дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях посредством системы видеоконференц-связи и веб-конференции. Высказаны авторские предложения, а также сомнения по отдельным положениям законопроекта. Тезисно определены направления дальнейшей цифровой трансформации законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: цифровая трансформация, законодательство об административной ответственности, цифровизация, производство по делу об административном правонарушении, система видеоконференц-связи и веб-конференции

Для цитирования: Шурухнова Д. Н. Современный этап цифровизации законодательства об административной ответственности: состояние, риски, перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 227–230. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-227-230>. EDN: HUFKIO.

Original article

The current stage of digitalization of legislation on administrative responsibility: status, risks, development prospects

Diana N. Shurukhnova^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, diana_shu@inbox.ru

² Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

Abstract. The current state of the process of digital transformation of legislation on administrative offenses is presented, the proposed amendments in this area to the current legislation aimed at providing the opportunity to compile and send procedural documents in electronic form, as well as remote participation in proceedings on administrative offenses through a video conferencing system and a web conference are analyzed. The author's proposals were expressed, as well as doubts about certain provisions of the bill. Thesis defined directions for further digital transformation of legislation on administrative offenses.

Keywords: digital transformation, legislation on administrative liability, digitalization, administrative proceedings, video conferencing system and web conferences

For citation: Shurukhnova D. N. The current stage of digitalization of legislation on administrative responsibility: status, risks, development prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):227–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-227-230>. EDN: HUFKIO.

© Шурухнова Д. Н., 2024

В последние годы мы наблюдаем поэтапный процесс цифровизации различных сфер общественной жизни, что можно признать неизбежным. Указанные изменения коснулись и сферы законодательства об административных правонарушениях. Более того, следует констатировать определенные отставания указанной сферы правового регулирования от других отраслей. Положения КАС РФ, АПП РФ, ГПП РФ уже подверглись цифровой трансформации. Законодательство об административных правонарушениях по вопросам цифровизации является наиболее консервативным, этому есть и объективные причины, прежде всего, это широкий круг общественных отношений, регулируемый данной отраслью законодательства, а также большая группа субъектов, вовлеченных в производство по делам об административных правонарушениях (только субъектов, полномочных привлекать к административной ответственности более восьмидесяти), что в период проведения масштабного реформирования предполагает усложненную систему согласования новых правовых положений. Тем не менее, определенные изменения по вопросам цифровизации мы можем наблюдать и в положениях действующего КоАП РФ. Принимаются определенные дополнения и изменения, многие ранее обсуждаемые инициативы нашли свою реализацию в рамках действующего кодекса [об этом: 1].

Следует констатировать, что разработка и внедрение электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации осуществляется по двум направлениям:

- закрепление (нормативное) отдельных цифровых инструментов, способных в дальнейшем создать условия для внедрения электронного производства;
- внедрение отдельными субъектами публичной власти электронного производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных данным субъектами [2, с. 181].

Очередным этапом по внедрению цифровых технологий в законодательство об административных правонарушениях является разработка Минюстом России проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [3]. В пояснительной записке к проекту отмечается, что его положения направлены на закрепление возможности направления любых процессуальных документов в электронном виде, а также дистанционного участия в производстве по делам об административных правонарушениях посредством системы видеоконференц-связи и веб-конференции, что соответствует современным тенденциям развития процессуального законодательства и будет способствовать повышению оперативности производства по таким делам, сокращению процессуальных издержек. Ожидается сокращение расходов бюджетной системы

Российской Федерации в связи со снижением затрат на хранение, обработку и пересылку процессуальных документов в бумажном виде.

Законопроектом предполагается возможность подачи процессуальных документов участниками производства по делу об административных правонарушениях (прежде всего, заявлений, ходатайств, жалоб, протестов и иных документов) в электронном виде посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг, либо через информационную систему, определенную Верховным Судом Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, либо через системы электронного документооборота участника производства посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Определяется порядок осуществления судьей, органом или должностным лицом изготовления, вручения и направления постановлений, решений, определений, протоколов и других процессуальных документов в электронном виде процессуальных документов участникам производства. Устанавливается возможность изготовления заключения эксперта в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Предлагается ввести институт судебных поручений, предполагающий осуществление судьей (судом) того же уровня либо нижестоящего уровня осуществить определенные процессуальные действия (судебного поручения).

Особого внимания заслуживают предложения о возможности составления протокола об административном правонарушении с использованием видеоконференц-связи. Предусматривается участие судьей, органом, должностным лицом в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования систем видеоконференц-связи, а участников производства по делу об административном правонарушении — систем веб-конференции.

Необходимо подчеркнуть, что с учетом дифференциации уровня цифровой обеспеченности, предлагаемые инструменты цифровизации могут быть использованы только при наличии технической возможности у соответствующих субъектов.

Убеждена, что разработанный проект федерального закона о внесении изменений и дополнение в КоАП РФ необходим, а предложенные положения будут способствовать совершенствованию нормативного правового регулирования материальных и процессуальных аспектов в сфере административной ответственности исходя из современных реалий. В тоже время, следует высказать ряд сомнений, опасений и рекомендаций, связанных с реализацией отдельных положений обсуждаемого законопроекта.

Прежде всего, необходимо учитывать, что уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации очень сильно разнится. В этой связи и готовность

к реализации положений будет находиться в диапазоне от долгожданной до неприемлемой.

В этой связи, представляется важным обеспечить возможность участникам производства по делу об административном правонарушении, прежде всего, лицу, в отношении которого ведется производство по делу, непосредственного взаимодействия посредством телефонной связи с субъектами, наделенными административно-юрисдикционными полномочиями. Такая необходимость может возникнуть, например, для получения консультаций, уточнения определенных обстоятельств (совершаемых процессуальных действий, их оформления, правовых последствий, подтверждения о поступлении документов и т. д.). На первоначальном переходном этапе это особенно важно, цифровизация не должна создавать впечатления отсутствия межличностной коммуникации между людьми.

Второе опасение, которое я хотела бы отметить, связано с возможностью сбоев в системе, исключить полностью которые мы не можем. Хакерские атаки, сбои в работе интернета могут пусть даже на очень короткий временной отрезок создать проблемы в работе, например, Единого портала.

Указанное опасение обусловлено положениями п.п. 8–11 части 5 статьи 24.9 проекта, связывающими факт получения процессуальных документов с фактом доставления их в личный кабинет или фактом входа в личный кабинет на Едином портале.

Представим ситуацию: гражданин заходит на свою страницу Единого портала, и в этот момент происходит определенный сбой. Система отражает факт захода на страницу, что является важным юридическим фактом в рамках производства по делу об административном правонарушении, в то время как гражданин не имел возможности ознакомления с уведомлениями о поступлении тех или иных процессуальных документов. Если гражданин добровольно уклоняется от ознакомления с документами, это одна ситуация. Но в данном случае у него отсутствует объективно возможность быть должным образом осведомленным о ходе производства со всеми вытекающими последствиями, предполагающими возможность нарушения его законных прав и свобод.

Предлагаю рассмотреть возможность обмена определенными сообщениями о направлении, поступлении и прежде всего, получении процессуальных документов между субъектами производства по делу об административных правонарушениях.

В части 5 статьи 24.9 содержится положение, согласно которому «В случае, если процессуальный документ, направленный (размещенный) в порядке, предусмотренном пунктами 7–13 настоящей части, поврежден, вследствие чего лицо не имеет возможности ознакомиться с ним, лицо не считается получившим такой процессуальный документ». Предлагаю расширить перечень случаев, при которых лицо считается не

получившим тот или иной процессуальный документ, включив в него ситуации, связанные с техническим сбоем в системе.

Возникает вопрос о том, каким образом корреспондируются между собой предлагаемые положения части 1.1 статьи 28.8 с действующими положениями статьи 28.5 КоАП РФ, закрепляющими сроки составления протокола об административных правонарушениях. Законопроектом предлагается дополнить статью 28.8 КоАП РФ частью 1.1, установив, что должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, если его составление обеспечено путем использования системы видеоконференц-связи, извещает заинтересованных лиц о дате, времени и месте организации видеоконференц-связи не менее, чем за десять рабочих дней до дня составления протокола об административном правонарушении. Согласно действующей редакции КоАП РФ, протокол об административном правонарушении составляется:

- немедленно;
- в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о лице;
- по окончании административного расследования, срок которого не может превышать один месяц.

Следовательно, предлагаемое положение о возможности составления протокола об административном правонарушении путем использования системы видеоконференц-связи, может быть реализовано только в случае проведения по делу об административном правонарушении административного расследования. В противном случае у компетентного должностного лица будет отсутствовать возможность известить заинтересованных лиц в предлагаемые сроки. Соответственно, возможность использования системы видеоконференц-связи при составлении протокола об административных правонарушениях существенно сужается, так как административное расследование осуществляется далеко не в рамках каждого производства по делу. Кроме того, не стоит забывать и о сроках давности привлечения к административной ответственности, которые по общему правилу составляют 60 или 90 дней.

Представляется, что предлагаемые сроки извещения о составлении протокола об АП путем использования систем видеоконференц-связи нуждаются в сокращении.

Исходя из логики изложения положений главы 29 КоАП РФ, устанавливающих порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, считаю необходимым объединить предлагаемые статьи 29.14 и 29.15 в одну. Статья 29.14 посвящена участию в рассмотрении дела об административном правонарушении судьей путем использования систем видеоконференц-связи, а статья 29.15 — участию в рассмотрении

дела об административном правонарушении органом, должностным лицом путем использования систем видеоконференц-связи. Принципиальных различий в положениях указанных статей нет. Кроме того, все статьи главы 29 КоАП РФ закрепляют порядок рассмотрения дела без разделения на субъектов: судей, органов, должностных лиц.

Определяя направления дальнейшего цифровизации в сфере административной ответственности, следует отметить необходимость разработки единой системы межведомственного взаимодействия органов государственной власти, а также Единой информационной системы производства по делам об административных правонарушениях, представляющей собой унифицированную для всех субъектов административной юрисдикции информационную платформу, позволяющую осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, а также участвовать в нем.

Как было уже отмечено, цифровая трансформация приобрела характер объективной необходимости. Законодательство об административных правонарушениях по вопросам цифровизации является наиболее консервативным, что предопределило его отставание в рассматриваемой сфере, однако определенные цифровые инструменты находят свое закрепление в действующем законодательстве. Подготовленный Минюстом России проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», расширяющий возможность осуществления производства в электронном виде и предоставляющий возможность дистанционного участия в производстве по делу, яв-

ляется необходимым, отражает требования современных реалий, и будет способствовать дальнейшей цифровизации законодательств об административных правонарушениях и института административной ответственности.

Список источников

1. Шурухнова Д. Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 278–280.
2. Шурухнова Д. Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5.
3. <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=144391>. ID проекта: 144391.

References

1. Shurukhnova D. N. Digital technologies in the field of legislation on administrative offenses // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 6. P. 278–280.
2. Shurukhnova D. N. The main directions of the introduction of electronic production in cases of administrative offenses in the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2023. № 5.
3. <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=144391>. Project ID: 144391.

Информация об авторе

Д. Н. Шурухнова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. N. Shurukhnova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-231-239>

EDN: <https://elibrary.ru/hytwia>

ИПОН: 2003-0059-3/24-077

MOSURED: 77/27-003-2024-03-276

Система экономической безопасности организации в условиях инновационных и цифровых преобразований

Николай Валентинович Артемьев^{1,2,3}, Евгений Сергеевич Митяков⁴

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nikvalart@rambler.ru

² Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

³ Институт международных экономических связей, Москва, Россия

⁴ МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия, mityakov@mirea.ru

Аннотация. Исследованы связи между различными уровнями экономической безопасности и определена ключевая роль безопасности хозяйствующих субъектов. Обобщены и систематизированы основные элементы системы обеспечения экономической безопасности организации. Обоснована необходимость создания вариативной структуры обеспечения экономической безопасности организации, способной учитывать современные тенденции развития цифровых технологий, инноваций и экономики знаний. На основе использования проекционного подхода разработаны индикаторы, учитывающие влияние инновационной деятельности и цифровой трансформации на состояние экономической безопасности и их пороговые значения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, организация, инновации, цифровые преобразования, индикаторы, пороговые значения

Для цитирования: Артемьев Н. В., Митяков Е. С. Система экономической безопасности организации в условиях инновационных и цифровых преобразований // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 231–239. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-231-239>. EDN: HYTWIA.

Original article

System of economic security of an organization in the context of innovative and digital transformations

Nikolay V. Artemiev^{1,2,3}, Evgenii S. Mityakov⁴

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nikvalart@rambler.ru

² Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow, Russia

³ Institute of International Economic Relations, Moscow, Russia

⁴ MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia, mityakov@mirea.ru

Abstract. The connections between different levels of economic security and identified the key role of the security of business entities are being examined. The main elements of the organization's economic security support system are summarized and systematized. The necessity of creating a variable structure for providing an organization's electronic security that is capable of taking into account modern trends in the development of digital technologies, innovation and the knowledge economy is substantiated. Based on the use of a projection approach, indicators have been developed that take into account the impact of innovation activity and digital transformation on the state of economic security and their threshold values.

Keywords: economic security, organization, innovation, digital transformation, indicators, threshold values

For citation: Artemiev N. V., Mityakov E. S. System of economic security of an organization in the context of innovative and digital transformations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):231–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-231-239>. EDN: HYTWIA.

Введение.

Для обеспечения экономической безопасности (ЭБ) организации, поддержания ее стабильного функционирования и минимизации рисков хозяйственной деятельности целесообразно идентифицировать ключевые стратегические направления безопасности бизнеса и сформировать надежную логическую структуру, способную оперативно обнаруживать и устранять возможные опасности и угрозы. Использование научных категорий «экономическая безопасность» применительно к разноуровневым социоэкономическим системам позволяет проиллюстрировать их взаимосвязь в виде схемы, изображенной на рисунке 1. Сплошные стрелки указывают на влияние экономической безопасности одного уровня на другой, в то время как стрелки с пунктирной линией показывают, какие уровни представляют собой составные элементы других иерархических уровней.

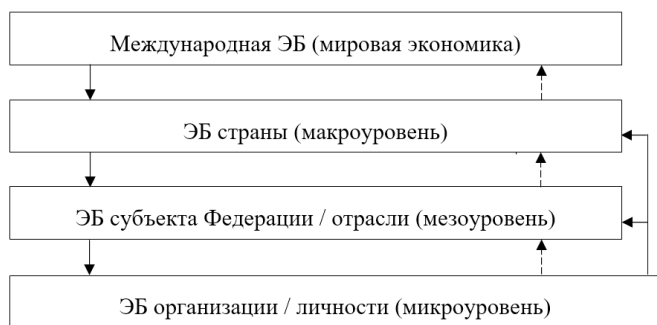

Рис. 1. Взаимосвязь экономической безопасности систем различных иерархических уровней

Представленная схема иллюстрирует, что между разными уровнями существует взаимосвязь: состояние ЭБ на более высоком уровне влияет на ЭБ на более низком уровне, и, в свою очередь, ЭБ на нижестоящем уровне становится важным элементом ЭБ на более высоком уровне. Согласно нашему мнению, именно микроуровень играет решающую роль в определении состояния всех вышестоящих уровней ЭБ.

Проблема развития теоретико-методологического базиса обеспечения ЭБ по сей день остается остроактуальной, требует тщательной проработки, особенно в контексте турбулентной внешней среды. По нашему мнению, данная научная проблема частично связана с неопределенностью в понимании того, что в первую очередь следует обезопасить в деятельности организации. В настоящее время растущее значение ЭБ связано с приумножением угроз эндогенного и экзогенного характера, социальными и геополитическими вызовами, охватывающими национальную экономику в целом и ее структурные элементы.

Обеспечение ЭБ организаций выступает непрерывным процессом, который направлен на защиту их интересов путем создания надлежащих условий для

хозяйственной деятельности, предотвращения потенциальных убытков и достижения экономической стабильности в текущем и будущем. Для достижения необходимого общего уровня ЭБ организация должна обеспечить соответствующий уровень безопасности в рамках отдельных функциональных элементов (проекций) хозяйственной деятельности. Каждая проекция имеет определенный набор анализируемых показателей (индикаторов) и их пороговых значений. Индикаторы ЭБ представляют собой количественно измеримые показатели, отражающие текущее состояние факторов, влияющих на ее уровень [1]. Разработка таких индикаторов, применимых при оценке уровня и динамики ЭБ, является важным элементом процесса ее обеспечения.

Цель данной работы заключается в развитии методических основ обеспечения ЭБ организации в условиях инновационных и цифровых преобразований.

Материалы. В различных научных исследованиях предложены вариативные наборы показателей и проекций для осуществления объективной оценки ЭБ хозяйствующих субъектов. Например, Л. Н. Мамаева, Я. А. Осипова и С. Е. Хожина предлагают использовать 24 индикатора, разделенных на три функциональные группы: финансово-экономическую, производственную и социальную [2]. И. Г. Борок выделяет пять аспектов для оценки ЭБ организаций малого и среднего бизнеса: кадровый, производственно-технологический, финансовый, экологический и цифровой [3]. Л. М. Широко представляет систему индикаторов для мониторинга ЭБ организации в сфере дорожного хозяйства, основанную на четырех сферах: финансы, клиенты, внутренние бизнес-процессы и кадры [4].

На наш взгляд, структура ЭБ организации должна учитывать современные тренды цифровых технологий, инноваций, экономики знаний и их мультипликационного влияния на развитие, а также включать внутреннюю (финансовая, экологическая, кадровая, социальная, правовая, технико-технологическая, производственная, информационная, инновационная и цифровая) и внешнюю (политическая, рыночная, сетевая) составляющие (рис. 2) [5; 6].

Конечно, представленный перечень компонент ЭБ предприятий не является исчерпывающим. В зависимости от деятельности хозяйствующего субъекта к составляющим ЭБ могут быть добавлены (или исключены) другие проекции (например, маркетинговая составляющая). Однако, на наш взгляд, приведенные направления наиболее полно соответствуют современным экономическим реалиям.

Анализ. Реальность такова, что ЭБ, цифровизация и инновационная деятельность тесно связаны между собой. На наш взгляд, эти три компоненты выступают важными элементами общего процесса развития экономической системы. Инновационные и цифровые трансформации имеют двойственный характер при обеспечении ЭБ различных хозяйствующих субъектов (табл. 1).

Рис. 2. Составляющие экономической безопасности организации

Таблица 1

**Влияние цифровых и инновационных преобразований
на экономическую безопасность организации**

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Цифровизация	- увеличение эффективности производства и управления за счет автоматизации процессов; - рост качества продукции и услуг благодаря внедрению современных технологий; - рост скорости обработки информации, коммуникации и принятия решений и др.	- риск кибератак, возможность возникновения сбоев в работе из-за неполадок в системе; - необходимость постоянного обновления цифровой инфраструктуры; - необходимость переподготовки кадров и др.
Инновационные преобразования	- разработка новых продуктов и услуг, которые могут стать успешными на рынке; - рост прибыли компании за счет инноваций; - создание устойчивого преимущества на рынке благодаря инновациям и др.	- высокие затраты на научно-исследовательскую работу; - проблемы интеллектуальной собственности; - неудачное внедрение инновационных решений и др.

Далее рассмотрим ЭБ организации с использованием системного подхода, который предполагает исследование хозяйственной единицы как сложной системы, состоящей из множества взаимосвязанных компонентов и направлен на более глубокое понимание экономических процессов, происходящих внутри организации.

Система обеспечения ЭБ предприятия — это совокупность согласованных организационно-управленческих мероприятий, направленных на защиту интересов хозяйственной единицы от угроз разнообразной природы. В условиях перехода к инновационной экономике и цифровизации экономических процессов роль обеспечения требуемого уровня ЭБ актуализируется по причине того, что в современных реалиях трансфер инновационных технологий происходит с задействованием разнообразных цифровых средств и коммуникационных каналов. Это меняет саму сущ-

ность организационно-управленческих отношений. Поэтому при создании системы обеспечения ЭБ целесообразно решать новые управленческие задачи, связанные с интеграцией цифровых технологий в хозяйственную деятельность бизнес-единиц. Система ЭБ нацелена на оперативную идентификацию, предотвращение и нивелирование угроз эндогенного и экзогенного характера, могущих оказать негативное влияние на достижение целей и реализацию комплекса мероприятий организационного и экономического характера, экономическое состояние организации, обеспечение защищенности ее хозяйственной деятельности.

По нашему мнению, основная цель обеспечения ЭБ организации в условиях инноваций и цифровой трансформации заключается в обеспечении стабильности и успешного функционирования организации в условиях экономической нестабильности, приспособлении к новым вызовам инновационной и цифровой эконо-

мики, защите экономических интересов, сохранении устойчивого роста, развитии внешних экономических связей и оптимальном использовании ресурсов.

Среди задач системы обеспечения ЭБ организации можно выделить следующие [6]:

- проведение анализа состояния организации в текущем и прошлых периодах;
- разработка и внедрение предупредительных мер для предотвращения угроз ЭБ;
- обеспечение оперативной реакции на возникшие угрозы;
- прогнозирование возможных угроз для хозяйственной деятельности;
- разработка и внедрение концепции обеспечения ЭБ;
- оценка эффективности предпринятых мер для обеспечения ЭБ;
- постоянное совершенствование системы обеспечения ЭБ в организации и др.

С учетом инновационных и цифровых преобразований, организации сталкиваются с новыми задачами в области обеспечения ЭБ:

- разработка и внедрение предупредительных мер защиты данных от кибератак, утечек и несанкционированного доступа;
- выявление возможных угроз, связанных с применением инновационных и цифровых технологий;
- определение и оценка рисков, связанных с цифровыми процессами и инновациями;
- разработка и внедрение стратегий, учитывающих особенности цифровых и инновационных процессов;
- обеспечение подготовки кадров по вопросам безопасности в цифровой среде и др.

Мероприятия по обеспечению ЭБ направлены на достижение и сохранение стабильного состояния организации в настоящем и в будущем. Во многом они зависят от защищаемых объектов. К *объектам обеспечения ЭБ* организации относятся [7]: имущество, ресурсы, различные виды деятельности, разнообразные отделы как элементы структуры, службы, сотрудники и др.

Субъектами обеспечения ЭБ выступают физические лица и организационные подразделения, которые непосредственно осуществляют деятельность в направлении обеспечения безопасности в сфере экономики [8].

Формирование *системы обеспечения ЭБ* организации опирается на следующие *принципы* [9]: непрерывность, комплексность, своевременность, системность, централизованное управление, экономическая целесообразность, оптимизация расходов, эффективность управленческих решений, сбалансированность интересов, результативность, законность, профессионализм, обоснованность, сохранение конфиденциальности, соблюдение корпоративной этики и комплексное использование ресурсов. В процессе цифровых и инновационных преобразований объекты и субъекты обеспечения ЭБ получают новые качественные характеристики.

Ключевыми элементами системы обеспечения ЭБ организации выступают *инструменты* и *механизмы*, направленные на такое обеспечение. Они представляют собой совокупность приемов и средств, которые используются для воздействия на процесс формирования и реализации управленческих решений. В условиях инновационных и цифровых преобразований появляются новые механизмы обеспечения ЭБ (например, технологии Больших данных и искусственного интеллекта), а существующие — приобретают новые свойства (учет кибербезопасности и др.).

С одной стороны, хозяйственная деятельность организаций является неотъемлемой частью общей социально-экономической системы страны. Поэтому при разработке системы обеспечения ЭБ организаций можно опираться на соответствующие исследования на уровне страны и региона [10; 11]. С другой стороны, каждая организация обладает своей уникальностью, особенностями хозяйственной деятельности и внутренней документацией.

Результаты. Исследованию структуры систем ЭБ на уровне хозяйствующих единиц посвящено значительное количество научных работ. Обобщив их результаты, можно выделить ключевые элементы системы обеспечения ЭБ организации (рис. 3):

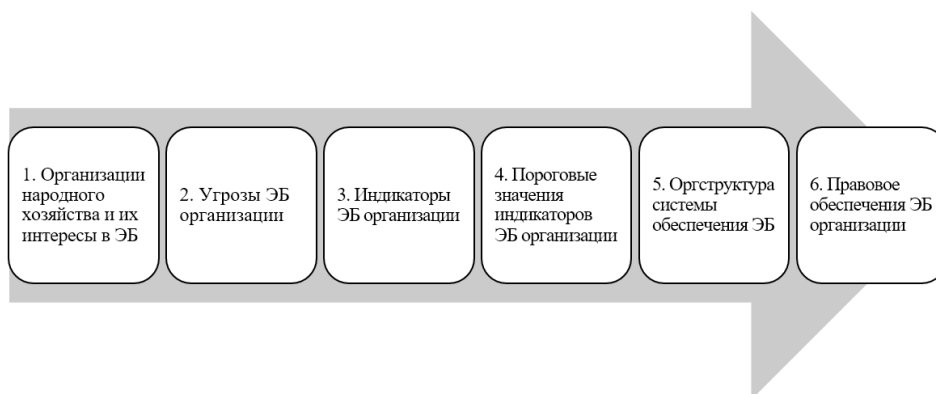

Рис. 3. Ключевые элементы системы экономической безопасности организаций

Рассмотрим эти элементы более подробно.

1. *Организации народного хозяйства и их интересы в экономической сфере* представляет собой важный элемент общего экономического пространства РФ. Каждая бизнес-единица функционирует как независимая социально-экономическая система, одновременно входя в общую систему отрасли, региона и страны. Важно достигнуть баланса между интересами конкретной организации региональными, отраслевыми и национальными интересами.

Следует отметить, что интересы организации в экономической сфере могут быть разнообразными в зависимости от видов их хозяйственной деятельности (обеспечение финансовой стабильности, рост доходов, максимизация прибыли, укрепление рыночных позиций, внедрение нововведений, улучшение условий труда, решение социальных задач и т. д.).

В условиях инновационной и цифровой экономики интересы организаций в экономической сфере могут быть переосмыслены. Новыми приоритетами для организации становятся успешная адаптация к цифровым изменениям, достижение конкурентных преимуществ через цифровые инновации, а также эффективное управление инновациями и цифровыми процессами.

2. Существует широкий спектр потенциальных *угроз* ЭБ, которые могут нанести ущерб хозяйственной деятельности организации. Эти угрозы могут быть непредсказуемыми и зависеть от множества совершенно различных факторов.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года определено, что «угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или

косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере» [14]. На наш взгляд, данное определение может быть спроецировано на микроуровень и адаптировано под уровень организации.

В общем смысле угрозы ЭБ могут быть внешними (изменения законодательства, кризисы, конкуренция на рынке, технологические изменения и др.) или внутренними (внутренние конфликты, проблемы в управлении, финансовые трудности, неэффективное использование ресурсов, некачественная продукция или услуги). В условиях инновационных преобразований и цифровой трансформации появляются новые специфические угрозы, связанные со значительной трансформацией бизнес-процессов организации (угрозы кибербезопасности, потери данных и проблемы совместимости, структурные сдвиги на рынках и изменения потребительского поведения и т. д.).

Угрозы ЭБ организации связаны с опасностями, вызовами и рисками. Согласно Стратегии под вызовами экономической безопасности следует понимать «совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности», а под риском в области экономической безопасности — «возможность нанесения ущерба в связи с реализацией угрозы экономической безопасности» [14].

В отдельных исследованиях предлагается следующая цепочка взаимосвязи данных категорий: «вызов → опасность → угроза → риск» [12]. Нам видится, что такой подход является достаточно упрощенным. Более точная взаимосвязь данных понятий обеспечения ЭБ организации представлена в диссертационном исследовании М. В. Кузнецовой (рис. 4) [15].

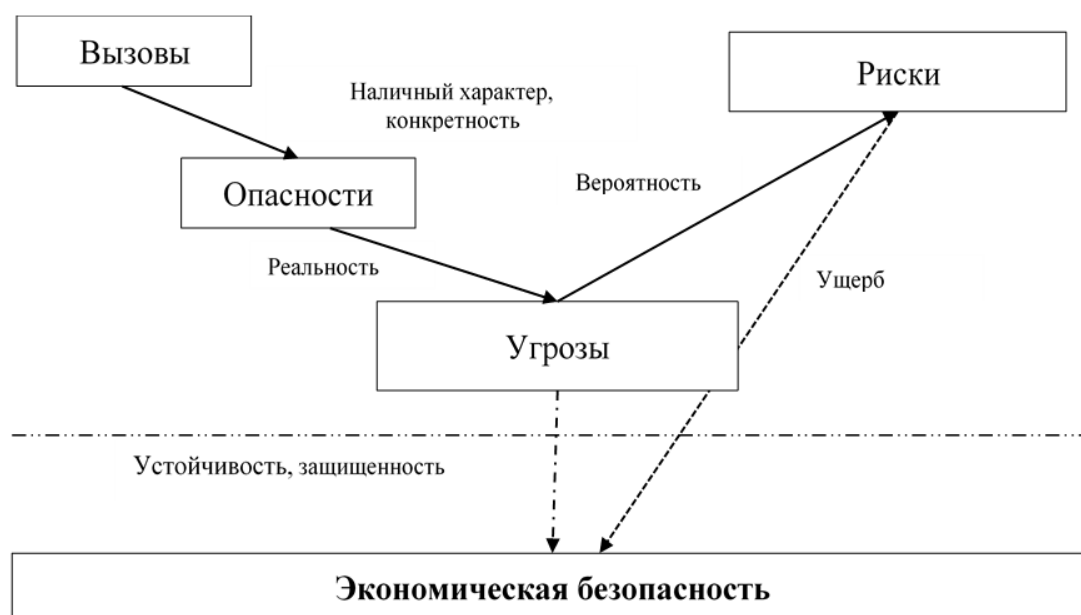

Рис. 4. Связи категорий сферы обеспечения экономической безопасности организации

Существует ряд общих угроз ЭБ организации:

- финансовые риски (проблемы с доступом к кредитам, нестабильность на финансовых рынках, колебания валют, отток капитала и др.);
- угрозы со стороны конкурентов (появление альтернативных продуктов или услуг, потеря доли рынка и пр.);
- проблемы в управлении (отказы в производстве, потеря ключевого персонала, нарушения в цепочках поставок и пр.);
- технологические угрозы (кибератаки, слабая защищенность интеллектуальной собственности, отсутствие инноваций, устаревание технологий, сбои в информационных системах, утечка конфиденциальной информации и др.);
- изменения в законодательстве, нарушения законов, проблемы с лицензированием и сертификацией и т. д.;
- стихийные бедствия, изменения климата, чрезвычайные ситуации и др.

Представленный выше перечень — это лишь часть из возможных угроз ЭБ организации. Конкретные угрозы могут варьироваться в зависимости от отрасли, географического положения и других факторов, связанных с деятельностью организации.

Отметим, что ряд угроз, обозначенных в Стратегии ЭБ, уже воплотился на практике [15]. К ним можно отнести введение санкционных мер, которые ограничили доступ не только к иностранным финансовым ресурсам, инвестициям, но и к передовым технологиям. В результате санкций значительная часть золотовалютных резервов была заморожена, отечественные финансовые учреждения отсоединены от мировой финансовой системы, а хозяйствующие субъекты столкнулись с проблемами в получении важных экспортных поставок, которые необходимы в процессе производства. Кроме этого, можно констатировать, что появились также новые угрозы ЭБ, вызванные попытками ряда недружественных к России стран подорвать экономический фундамент нашего государства. С другой стороны, появились новые перспективы для укрепления ЭБ путем консолидации всего общества.

3. Оценка ЭБ организаций осуществляется с использованием *индикаторов экономической безопасности*. Хозяйственная деятельность любой организации характеризуется множеством показателей, однако не все из них являются индикаторами ЭБ. На наш взгляд, создание единой системы индикаторов ЭБ — универсальной для всех организаций является сложной и практически невозможной задачей. Более целесообразным подходом является разработка системы, учитывающих географические характеристики, отраслевые особенности, формы собственности и масштабы организации. Систему индикаторов целесообразно разделить на различные проекции, а при выборе показателей для анализа важно учитывать их сопоставимость и доступность

исходных данных, а также придерживаться принципов достоверности и обозримости.

В условиях активного внедрения инноваций и цифровых технологий необходимо задействовать специальные индикаторы для оценки ЭБ организации, которые отражают особенности ее деятельности в этих областях. К ним могут относиться индикаторы кибербезопасности, инновационной активности организации, цифровой зрелости и др.

Важно отметить, что выбор индикаторов должен быть адаптирован к конкретным целям и особенностям организации, а состав индикаторов может трансформироваться в соответствии с изменениями приоритетов и целей деятельности организации, геополитической обстановки, экономических условий и др.

4. Определение *пороговых значений* индикаторов играет важную роль в обеспечении ЭБ организации. Не достижение или избыточное превышение этих значений может привести к возникновению угроз в различных областях деятельности организации.

В настоящее время можно зафиксировать разнообразие мнений ученых-экономистов относительно методологии установления пороговых значений ЭБ [13]. Одни предлагают определить одно единственное значение показателя, превышение или не достижение которого сигнализирует об отклонении от нормы. Другие исследователи считают целесообразным задействование систем с несколькими порогами. В настоящее время более распространенным является первый подход.

Отметим, что установление пороговых значений индикаторов ЭБ организации представляет определенные трудности в методологическом обосновании. При разработке рекомендаций важно учитывать не только сами значения показателей, но также их динамику и отклонение от порогового уровня. Максимальный уровень ЭБ достигается, когда все индикаторы находятся в пределах установленных границ.

В профильных литературных источниках излагаются разнообразные системы индикаторов и пороговых значений для оценки ЭБ организаций народного хозяйства. Однако, во многих исследованиях недостаточно представлены проекции инновационного и цифрового развития. На наш взгляд, для анализа данных аспектов деятельности организации можно использовать показатели из табл. 2 [5].

5. Разработка *организационной структуры обеспечения ЭБ* имеет в качестве цели предотвращение различных угроз и укрепление позиций организации на рынке. Для координации деятельности по обеспечению ЭБ могут быть созданы специальные подразделения, которые занимаются мониторингом, анализом и контролем различных аспектов экономической деятельности. Важным аспектом выступает правильное распределение обязанностей между этими подразделениями.

**Индикаторы и пороговые значения для анализа инновационной деятельности
и цифровой трансформации организации**

Индикатор	Пороговое значение
Проекция «Инновационное развитие»	
Интенсивность затрат на технологические инновации в организации, %	≥3,0 %
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	≥25 %
Проекция «Цифровое развитие»	
Индекс использования цифровых технологий, % ¹	≥15 %
Индекс использования программных средств, % ²	≥35 %
Индекс использования средств защиты информации, % ³	≥50 %

¹ Определяется путем расчета среднего арифметического значения показателей, которые отражают процентное соотношение использования различных цифровых технологий внутри организации (Интернет вещей, промышленные роботы, технологии Больших данных, RFID-технологии, облачные сервисы, геоинформационные системы, цифровые платформы, технологии искусственного интеллекта).

² Определяется путем расчета среднеарифметического значения показателей задействования различных программных решений в организации: технологии электронных финансовых расчетов, электронный документооборот и др.

³ Определяется как среднее арифметическое значение показателей, отражающих процентное использование различных программных средств для обеспечения безопасности информации в организации.

В условиях инновационных и цифровых трансформаций организационная структура обеспечения ЭБ должна быть способна обеспечить безопасность на всех соответствующих направлениях. Ключевыми элементами такой структуры могут быть: специализированные отделы по экономической и информационной безопасности; руководящий персонал, отвечающий за обеспечение ЭБ; команда по управлению инновационными и цифровыми рисками; внутренние аудиторы и т. д.

6. *Правовое обеспечение экономической безопасности* организации включает использование нормативных документов и законов, которые регулируют и защищают ее деятельность. Целью правового обеспечения является разработка эффективных мер, направленных на защиту интересов организации, обеспечение стабильности и уменьшение возможных угроз.

В период активного развития новых технологий и цифровизации, в рамках обеспечения ЭБ, организации могут использовать законодательство, касающееся защиты интеллектуальной собственности, персональных данных, финансовой деятельности, противодействия коррупции, ответственности за нарушения в области информационной и кибербезопасности и т. д.

Вывод. В данной работе представлены авторские подходы к структуре обеспечения ЭБ организации. Выделены основные элементы системы ЭБ организации, среди которых: хозяйствующие субъекты, как структурные звенья экономического пространства РФ; специфические угрозы на микроуровне; индикаторы ЭБ субъектов хозяйствования и их пороговые значения; организационные структуры обеспечения ЭБ на уровне организации; правовое обеспечение ЭБ организации.

Список источников

1. Гильфанов М. Т. Организационно-методический инструментарий оценки детерминант обеспечения экономической безопасности предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8. С. 19–27.
2. Мамаева Л. Н., Осипова Я. А., Хожина С. Е. Оценка уровня экономической безопасности предприятия // Экономическая безопасность и качество. 2020. № 1(38). С. 20–25.
3. Борок И. Г. Оценка уровня экономической безопасности предприятий малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4-2. С. 160–163.
4. Широко Л. М. Система показателей оценки экономической безопасности предприятия в сфере дорожного хозяйства // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 12. С. 3285–3396.
5. Митяков Е. С., Куликова Н. Н. Управление инновационной деятельностью при обеспечении экономической безопасности. Москва : МИРЭА-Российский технологический университет, 2023. 100 с.
6. Устойчивое развитие Российской Федерации в условиях глобальных вызовов и угроз экономической безопасности : монография: в 3 ч. Ч. 1. Экономическая безопасность и устойчивое развитие отраслей и секторов российской экономики в условиях новой реальности / Н. В. Артемьев, А. Д. Петров, М. Ю. Маковецкий [и др.] ; под ред. Н. В. Артемьева, М. Ю. Маковецкого ; Моск. ун-т им. С.Ю. Витте ; каф. ме-

- неджмента [Электронное издание]. Москва : изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023. 3,4 Мб.
7. Федоров А. Ю. Виктимологические аспекты экономической безопасности корпораций в условиях корпоративных конфликтов : постановка проблемы // Адвокат. 2011. № 9. С. 15–20.
 8. Ключкова М. В. Экономическая безопасность предприятия как необходимый элемент управления предприятием в современной рыночной экономике // Системное управление. 2014. №4 (25). С. 53–58.
 9. Скуратова А. Н. Сущность, принципы и цели экономической безопасности предприятия // Вестник магистратуры. 2019. № 10-3 (97). С. 37–40.
 10. Митяков Е. С. Модель региональной системы экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12-1 (89-1). С. 356–360.
 11. Экономическая безопасность регионов России : монография / под ред. В. К. Сенчагова. Нижний Новгород : Растр-НН, 2014. 299 с.
 12. Соколов М. С., Абрамов Р. А. Институциональные аспекты межгосударственной интеграции стран-участников Союзного государства в инновационной сфере // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 2. С. 113–127.
 13. Митяков С. Н., Митяков Е. С. Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 5. С. 83–113.
 14. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/ (дата обращения: 11.04.2024).
 15. Кузнецова М. В. Механизм повышения экономической безопасности на основе инновационных и цифровых преобразований в экономике : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Кузнецова Мария Владимировна ; [Место защиты: Волжский государственный университет водного транспорта]. М.: 2022. 154 с.
 - enterprise // Economic security and quality. 2020. № 1(38). P. 20–25.
 3. Borok I. G. Assessing the level of economic security of small and medium-sized businesses in the context of digitalization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 4-2. P. 160–163.
 4. Shirko L. M. System of indicators for assessing the economic security of an enterprise in the field of road management // Economics, entrepreneurship and law. 2020. Volume 10. № 12. P. 3285–3396.
 5. Mityakov E. S., Kulikova N. N. Management of innovative activities while ensuring economic security. Moscow : MIREA-Russian Technological University, 2023. 100 p.
 6. Sustainable development of the Russian Federation in the context of global challenges and threats to economic security : monograph: in 3 parts. Part 1. Economic security and sustainable development of industries and sectors of the Russian economy in the conditions of the new reality / N. V. Artemyev, A. D. Petrov, M. Yu. Makovetsky [and others] ; edited by N. V. Artemyeva, M. Yu. Makovetsky ; Moscow University named after S.Yu. Witte ; department management [Electronic edition]. Moscow : ed. CHOUVO «MU named after. S.Yu. Witte», 2023. 3.4 MB.
 7. Fedorov A. Yu. Victimological aspects of the economic security of corporations in the context of corporate conflicts: statement of the problem // Advocate. 2011. № 9. P. 15–20.
 8. Klochkova M. V. Economic security of an enterprise as a necessary element of enterprise management in a modern market economy // System management. 2014. № 4 (25). P. 53–58.
 9. Skuratova A. N. Essence, principles and goals of economic security of an enterprise // Magistracy Bulletin. 2019. № 10-3 (97). P. 37–40.
 10. Mityakov E. S. Model of a regional economic security system // Economics and Entrepreneurship. 2017. № 12-1 (89-1). P. 356–360.
 11. Economic security of Russian regions : monograph / ed. V. K. Senchagova. Nizhny Novgorod : Rastr-NN, 2014. 299 p.
 12. Sokolov M. S., Abramov R. A. Institutional aspects of interstate integration of member countries of the Union State in the innovation sphere // Theoretical and applied economics. 2017. № 2. P. 113–127.
 13. Mityakov S. N., Mityakov E. S. Development of the theory of risks and threshold values of economic security // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 5. P. 83–113.
 14. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 № 208 «On the Strategy of economic security of the Russian Federation for

References

1. Gilfanov M. T. Organizational and methodological tools for assessing the determinants of ensuring the economic security of an enterprise // Socio-economic phenomena and processes. 2013. № 8. P. 19–27.
2. Mamaeva L. N., Osipova Ya. A., Khozhina S. E. Assessing the level of economic security of an

the period up to 2030» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/ (accessed: 11.04.2024).

15. Kuznetsova M. V. Mechanism for increasing economic

security based on innovative and digital transformations in the economy : dissertation ... Candidate of Economic Sciences : 08.00.05 / Kuznetsova Maria Vladimirovna ; [Place of protection: Volga State University of Water Transport]. M.: 2022. 154 p.

Информация об авторах

Н. В. Артемьев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры менеджмента Московского университета имени С.Ю. Витте, профессор кафедры экономики Института международных экономических связей, доктор экономических наук, профессор;

Е. С. Митяков — профессор кафедры информатики Института кибербезопасности и цифровых технологий МИРЭА — Российского технологического университета, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

N. V. Artemiev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Management of the Moscow University named after S.Yu. Witte, Professor of the Department of Economics of the Institute of International Economic Relations, Doctor of Economic Sciences, Professor;

E. S. Mityakov — Professor of the Department of Computer Science of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies of the MIREA — Russian Technological University, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 338.242

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-240-247>

EDN: <https://elibrary.ru/hglule>

НИОН: 2003-0059-3/24-078

MOSURED: 77/27-003-2024-03-277

Современные тенденции преступности экономической направленности в Российской Федерации

Юлия Викторовна Быковская^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, zima7327@yandex.ru

² Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется уровень экономической преступности высок. И как в период пандемического кризиса 2020–2021 гг., так с начала проведения СВО, существенных колебаний в объемах и структуре преступности экономической направленности не наблюдалось. Изменение ситуации в России и в мире вследствие возникновения и распространения пандемии и реакции российского государства, направленной на ее локализацию и предотвращение, а также проведение СВО, не повлекли за собой всплеск количества экономических преступлений. Такое положение вещей говорит о стабильности российской экономики, а также об огромной работе правоохранительных органов, проводимой в непростых для России условиях. Вместе с тем, уровень экономической преступности, учитывая ее латентный характер, фактически не снижается. Сегодня особое значение для дальнейшего развития России имеют вопросы обеспечения и достижения государственных национальных интересов, стабильности и планомерных темпов роста российской экономики. При этом нельзя забывать о том, что современная экономическая преступность способна в кратчайшие сроки приспособиться и подстроиться практически под любой порядок, условия и правила хозяйствования. При реализации задач российского государства в части долгосрочного социально-экономического развития необходимо принимать это обстоятельство во внимание. В связи с этим, сегодня и в перспективе правоохранительным органам предстоит огромная работа по снижению уровня преступности данного вида. Мероприятия, направленные на борьбу с экономической преступностью, должны быть комплексными, системными и учитывать накопленный как положительный, так и негативный опыт последних нескольких лет, прежде всего, периода противодействия пандемии, а также новые реалии и прогнозы развития военных, социально-экономических и политических событий, как в России, так и в мире.

Ключевые слова: преступность экономической направленности, динамика экономической преступности, структура экономической преступности, пандемия, специальная военная операция

Для цитирования: Быковская Ю. В. Современные тенденции преступности экономической направленности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 240–247. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-240-247>. EDN: HGLULE.

Original article

Current trends in economic crime in the Russian Federation

Yulia V. Bykovskaya^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, zima7327@yandex.ru

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The level of economic crime is analyzed. And as during the pandemic crisis of 2020–2021, so since the beginning of the SMO implementation, there have been no significant fluctuations in the volume and structure of economic crime. The change in the situation in Russia and in the world due to the emergence and spread of the pandemic and the reaction of the Russian state aimed at its localization and prevention, as well as the implementation of the SMO, did not entail an increase in the number of economic crimes. This state of affairs speaks about the stability of the Russian economy, as well as about the tremendous work of law enforcement agencies carried out in difficult conditions for

© Быковская Ю. В., 2024

Russia. At the same time, the level of economic crime, given its latent nature, is not actually decreasing. Today, issues of ensuring and achieving state national standards are of particular importance for the further development of Russia the interests, stability and planned growth rates of the Russian economy. At the same time, we must not forget that modern economic crime is able to adapt and adjust to almost any order, conditions and rules of management in the shortest possible time. When implementing the tasks of the Russian state in terms of long-term socio-economic development, it is necessary to take this circumstance into account. In this regard, today and in the future, law enforcement agencies have a lot of work to do to reduce the crime rate of this type. Measures aimed at combating economic crime should be comprehensive, systematic and take into account the accumulated positive and negative experience of the last few years, primarily the period of countering the pandemic, as well as new realities and forecasts of the development of military, socio-economic and political events, both in Russia and in the world.

Keywords: economic crime, dynamics of economic crime, structure of economic crime, pandemic, special military operation

For citation: Bykovskaya Yu. V. Current trends in economic crime in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):240–247. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-240-247>. EDN: HGLULE.

Введение

Большое количество различного рода преступных деяний могут иметь под собой экономическую основу. При этом современная экономическая преступность является довольно мобильной и быстро перестраиваемой и подстраиваемой под новые условия, правила, запреты и ограничения, что существенным образом способно оказать влияние на масштабы криминализации общества и объемы материального ущерба, наносимого преступниками в ходе совершения подобных преступлений. В связи с этим тенденции преступности в сфере экономики представляют значительный интерес. Особое значение этот анализ имеет в связи с тем, что в последние несколько лет в России и на мировом пространстве произошли и происходят сегодня крупномасштабные события, которые по степени воздействия практически на все направления деятельности большинства стран мира и последствиям не имели аналогов. Имеется ввиду распространение коронавирусной инфекции в 2020–2021 годах и проведение СВО с 24 февраля 2022 года, которая продолжается в настоящий момент.

Материалы и методы

Согласно официальной статистике МВД России [5] в целом по России за последние пять лет (2019–2023 гг.) уровень экономической преступности имеет довольно внушительные масштабы. Сотрудниками МВД России ежегодно выявляется от 104,9 до 117,7 тыс. данного вида преступлений (рис.1).

В 2019–2020 гг. и в 2023 г. количество выявленных экономических преступлений было немного ниже, чем в 2021–2022 гг., и составляло около 90–95 % от уровня 2021 г., когда наблюдалось максимальное количество преступлений.

Такой уровень экономической преступности, динамика экономической преступности являются объяснимыми. В 2020 г. вследствие кардинального изменения ситуации и в России, и в мире из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19 изменились условия хозяйствования, были введены локдаун, приостановлена

работа многих российских предприятий и компаний, большинство граждан отправили на вынужденные каникулы. Как следствие, с одной стороны, преступники уже не могли действовать в прежнем режиме и совершать преступления по уже имеющимся и отработанным схемам, с другой стороны, работа контрольных и правоохранительных органов также была перестроена, ограничена и не могла проводиться в полном объеме.

Рис. 1. Количество выявленных экономических преступлений, тяжких и особо тяжких экономических преступлений, экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, и тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, за 2019–2023 гг.

На разработку новых схем преступникам потребовалось какое-то время. Однако, как известно, современная экономическая преступность, становясь все более интеллектуальной, имеет возможности и способность к молниеносной адаптации и переориентации под новые законодательство, правила и условия. В итоге перенастройка преступного сообщества под новые обстоятельства произошла довольно быстро, и этот факт оказал влияние на взлет уровня экономической преступности в 2021 году, когда количество выявленных экономических преступлений возросло на 11,6 % по сравнению с 2020 «ковидным» годом и составило 117,4 тыс. преступлений.

Также на повышение уровня экономической преступности в 2021 году оказало воздействие то обстоятельство, что с конца 2020 года российское государство постепенно начало снимать ранее введенные ограничения, работа многих организаций, включая работу контролирующих и правоохранительных органов, постепенно возобновилась и вошла в привычное русло. Как следствие, по итогам 2021 года количество преступлений экономической направленности не только возросло, оно превысило уровень «доковидного» 2019 года.

В 2022 году состояние преступности экономической направленности изменилось. Хотя ее размер находился на отметке ниже уровня 2021 года, тем не менее, он был на 6,2 % выше величины «доковидного»

периода, что говорит о сложности ситуации и необходимости принятия ряда мер для ее изменения.

В 2023 году ситуация улучшилась. Произошло снижение показателя выявленных экономических преступлений по сравнению в 2020–2022 гг. Количество экономических преступлений практически достигло отметки 2019 года, что говорит о некоторой стабилизации ситуации и об огромной работе правоохранительных органов.

Анализ динамики выявленных экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере [5], подтверждает сделанный выше вывод о сложности ситуации. Уровень таких преступлений в течение рассматриваемого периода находился на отметке около 30,0–34,0 тыс. преступлений в год. Удельный вес данных преступлений в общем объеме преступлений экономической направленности ежегодно составлял 27,5–32,2 %. При этом при сокращении, хотя и незначительном, уровня таких преступлений в 2020 году по сравнению с 2019 «доковидным» годом, в 2021–2023 гг. происходил ежегодный рост рассматриваемого показателя (рис. 1 и рис. 2). В 2023 году удельный вес экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, в общем объеме экономических преступлений достиг максимального размера за анализируемый период — 32,2 %.

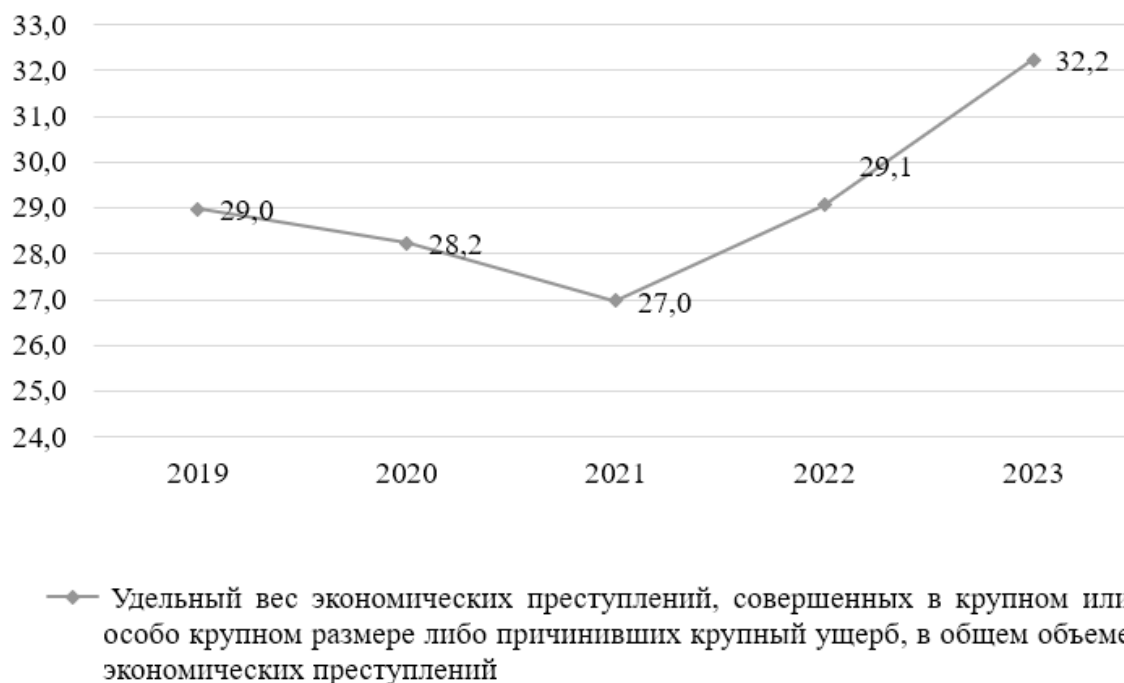

Рис. 2. Удельный вес выявленных экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, в общем объеме выявленных экономических преступлений, за 2019–2023 гг., %

Количество тяжких и особо тяжких экономических преступлений, а также тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, и выявленных сотрудниками органов внутренних дел в течение рассматриваемого периода также было высоким (рис. 1).

При этом количество тяжких и особо тяжких экономических преступлений, а также тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб в течение рассматриваемого периода, росло. Исключение составляет 2023 год, когда уровень тяжких и особо тяжких

преступлений, хотя и не достиг значения «предковидного» периода, тем не менее, сократился на 5,1 % по сравнению с предыдущим годом и составил 64,2 тыс. преступлений. Однако, опасение вызывает ситуация с тяжкими и особо тяжкими экономическими преступлениями, совершенными в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, так как уровень таких преступлений ежегодно растет и к концу 2023 года по сравнению с 2019 годом вырос на 17,2 %.

В течение рассматриваемого периода 2019–2023 гг. удельный вес тяжких и особо тяжких экономических преступлений в общем объеме экономических преступлений [5] находился на отметке 57,8–61,2 % (рис. 3).

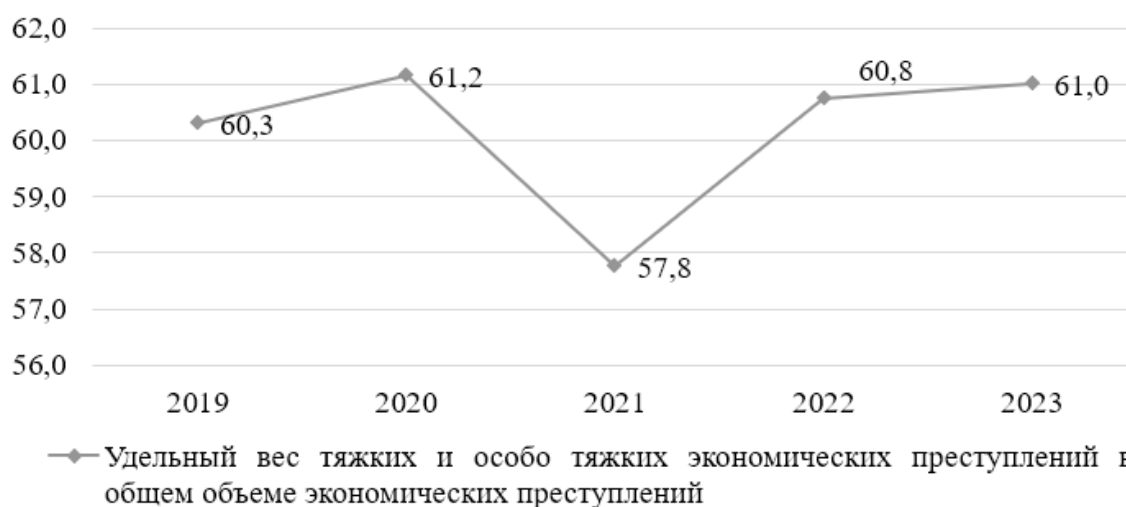

Рис. 3. Удельный вес тяжких и особо тяжких экономических преступлений в общем объеме экономических преступлений, за 2019–2022 гг., %

В 2021 году размер удельного веса тяжких и особо тяжких экономических преступлений в общем объеме экономических преступлений резко сократился по сравнению с предыдущим годом — с 61,2 до 57,8 %. В следующие два года размер рассматриваемого показателя повысился и достиг величины предковидного периода. Спад рассматриваемого показателя в 2021 году свидетельствует о периоде перенастройки преступных схем, в то время как его довольно большое увеличение всего за один год показывает, что преступники быстро адаптировались и в сложных для России условиях введения огромного количества санкций рядом стран Европы, США и их союзников, блокировки многих международных связей практически во всех сферах деятельности России, ухода с Российского рынка многих зарубежных компаний, деятельность и продукция которых

имела для нашей страны огромное и, нередко, стратегическое значение, начали осуществлять свою противоправную деятельность, надеясь на то, что России бросит все силы на решение новых серьезных проблем и ослабит работу по противодействию экономической преступности.

Если говорить об удельном весе тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, в общем объеме экономических преступлений [5], то картина следующая (рис. 4). В целом размер данного показателя в течение рассматриваемого периода не подвергся серьезным колебаниям ни в сторону повышения, ни в сторону сокращения. Однако в последние два анализируемых года (2022–2023 гг.) наблюдается ежегодное незначительное повышение размера данного показателя.

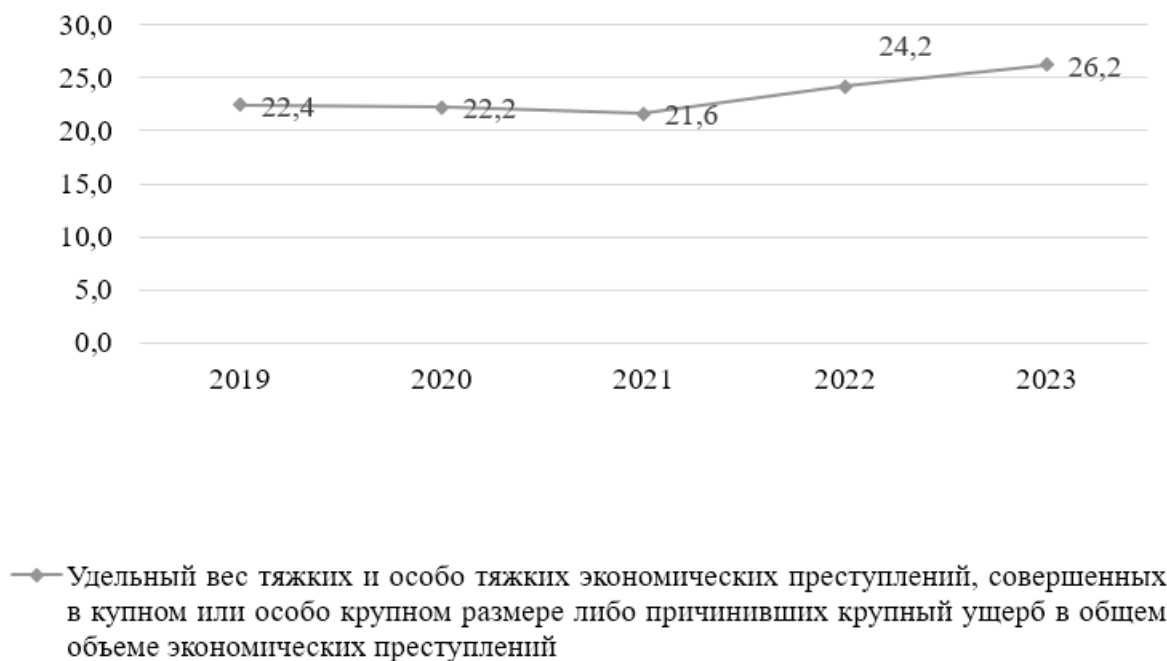

Рис. 4. Удельный вес выявленных тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, в общем объеме экономических преступлений, за 2019–2023 гг., %

Таким образом, анализ динамики экономической преступности за 2019–2023 гг. показывает, что в целом в течение анализируемого периода существенных колебаний в масштабах экономической преступности не произошло. Изменение ситуации в России и в мире вследствие возникновения и распространения пандемии и реакции российского государства, направленной на ее локализацию и предотвращение, а также проведение СВО, не оказало существенного влияния на состояние экономической преступности — резких скачков в сторону ее увеличения или спада не наблюдалось. Можно сказать, что с одной стороны, это положительный момент, так как сложившиеся беспрецедентные обстоятельства могли спровоцировать ее резкий всплеск, хотя предпосылок к этому было и есть довольно много. С другой стороны, принимая во внимание, что экономическая преступность — это один из основных факторов, сдерживающих рост национальной экономики и полноценное социально-экономическое развитие государства [1], к негативным аспектам следует отнести то обстоятельство, что уровень преступности экономической направленности, и прежде всего тяжких и особо тяжких экономических преступлений, а также экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, их большой удельный вес в общем объеме экономической преступности на протяжении последних лет остается довольно высоким. Более того, удельный вес экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный

ущерб, в общем объеме выявленных экономических преступлений, в последние несколько лет растет.

Интерес представляет анализ структуры экономической преступности за 2019–2023 гг., то есть исследование преступности экономической направленности в разрезе глав Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Положения, касающиеся экономических преступлений, в целом, содержатся в следующих главах УК РФ:

- глава 21 УК РФ «Преступления против собственности»;
- глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»;
- глава 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»;
- глава 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Также к преступлениям экономической направленности может быть отнесен ряд преступлений, включенных в другие главы и статьи УК РФ. Например, к преступлениям, имеющим экономическую почву, могут быть отнесены следующие преступления — изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование (ч. 2 ст. 327.1 УК РФ), подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.2 УК РФ) и другие.

Проанализируем структуру преступности экономической направленности в разрезе глав УК РФ за 2019–2023 гг. [5] (рис. 5).

В рассматриваемом периоде наибольшее количество экономических преступлений было выявлено по следующим направлениям: в сфере экономиче-

ской деятельности — от 33,6 до 40,7 тыс. преступлений в год и против собственности — от 31,4 до 33,6 тыс. преступлений в год и, наименьшее — преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях — от 1,6 до 2,0 тыс. преступлений в год.

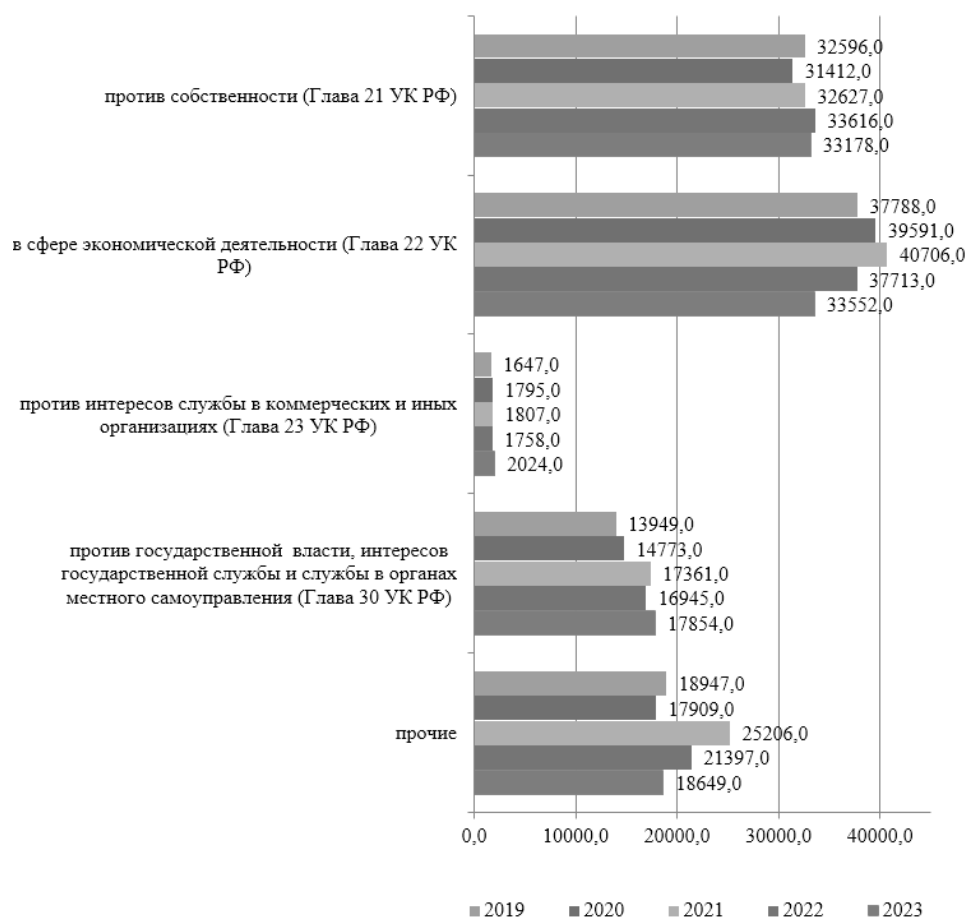

Рис. 5. Структура преступности экономической направленности в разрезе глав УК РФ за 2019–2023 гг., преступлений

В целом структура преступности в 2019–2023 годах не подверглась существенным изменениям как по сравнению с предыдущими годами, так и в течение рассматриваемого периода. Колебания были незначительными, не изменяющими эту структуру. В критические периоды 2020 и 2022 гг. и в «постковидный» 2021 г. скачков экономической преступности ни по одному из рассматриваемых направлений также не было.

Удельный вес экономических преступлений в разрезе глав УК РФ [5] показывает картину, похожую на картину экономической преступности в абсолютном выражении (рис. 6).

В анализируемом периоде удельный вес экономических преступлений в структуре экономической преступности также не претерпел изменений. Преступления в сфере экономической деятельности составляли от 31,9 до 37,5 % в общем объеме экономических пре-

ступлений, преступления против собственности — от 27,7 до 31,5 %, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях — от 1,6 до 1,9 %.

Результаты

Введение различных ограничений и запретов для многих граждан и организаций, направление огромных объемов денежных средств, в том числе бюджетного финансирования, на ликвидацию последствий пандемии и вынужденное ослабление контроля за освоением бюджетных ресурсов вследствие необходимости быстрого реагирования на постоянно возникающие новые вызовы и угрозы и принятия быстрых решений в течение 2020 года, существенное изменение хозяйственных связей между российскими и зарубежными организациями, введение многочисленных санкций со стороны недружественных стран Запада, прежде всего, Велико-

британии, Франции, Германии, в также США и ряда других стран мира, поддерживающих антироссийскую политику, в 2022–2023 годах, не смогли увеличить уровень экономической преступности ни по одному из рассмотренных направлений. Величина рассматриваемых показателей не имела тенденции существенного роста. Это — с одной стороны. С другой стороны, существенного сокращения экономической преступности, в том числе тяжких и особо тяжких экономических престу-

плений, экономических преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, также ни по одному из анализируемых направлений структуры экономической преступности в разрезе глав УК РФ не произошло. И это довольно серьезный отрицательный момент, так как уровень экономической преступности, особенно учитывая ее латентный характер [3], остается на довольно высоком уровне.

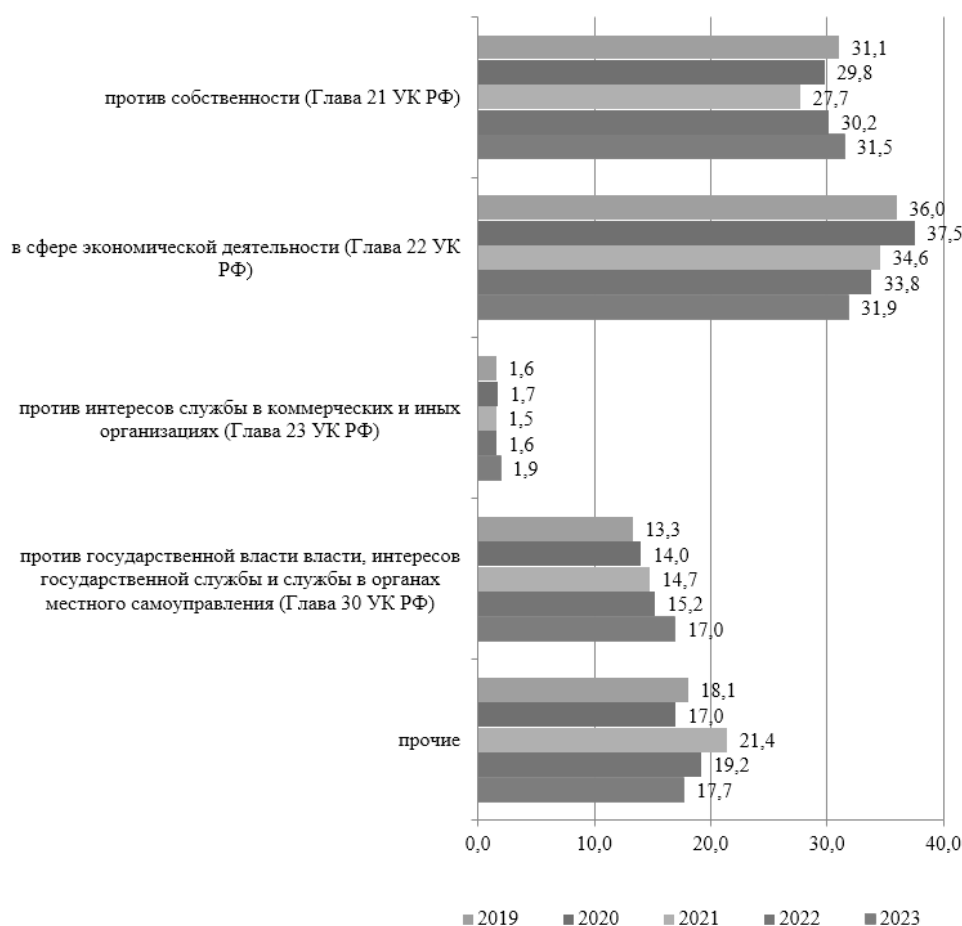

Рис. 6. Структура преступности экономической направленности в разрезе глав УК РФ за 2019–2023 гг., в %

Сегодня для дальнейшего развития России, выполнения намеченных долгосрочных целей особое значение имеют вопросы обеспечения государственных национальных интересов, поддержания стабильности и достижения планируемых темпов роста российской экономики. При этом нельзя забывать о том, что современная экономическая преступность способна в кратчайшие сроки приспособиться и подстроиться практически под любые порядок, условия и правила хозяйствования. При реализации задач российского государства в части его долгосрочного социально-экономического развития, необходимо принимать это обстоятельство во внимание. В связи с этим, сегодня и в

перспективе правоохрательным органам предстоит огромная работа по снижению уровня преступности данного вида. Мероприятия, направленные на противодействие экономической преступности, учитывать накопленный опыт последних нескольких лет, как положительный, так и негативный, а также новые реалии и прогнозы развития военных, политических, экономических событий, как в России, так и в мире [2; 4].

Совокупность мер по борьбе с преступностью правоохрательными органами, разработанная для новых условий и ситуации, должна быть направлена на:

- повышение уровня взаимодействия правоохрательных органов;

- стимулирование профессиональной деятельности сотрудников силовых структур;
- совершенствование работы имеющихся информационных ресурсов и внедрение в работу силовых структур современных информационных технологий;
- оптимизацию работы по подготовке кадров для подразделений, занимающихся противодействием преступлениям экономической направленности;
- повышение уровня профессиональной квалификации специалистов-практиков, занимающихся выявлением и расследованием преступлений в сфере экономики.

Немаловажное значение в процессе повышения эффективности деятельности по борьбе с экономической преступностью имеет работа подразделений внутреннего финансового контроля организаций, органы Федерального казначейства, Федеральная налоговая служба, которые в рамках осуществления текущей контрольной деятельности способны оказать профилактическую помощь в части своевременного выявления непреднамеренных и преднамеренных ошибок в финансово-хозяйственной деятельности организаций и недопущению совершения экономических преступлений.

Заключение

Таким образом, в настоящее время преступность экономической направленности имеет огромные масштабы. Это относится ко всем направлениям экономической преступности. В течение 2019–2023 гг. существенных изменений, как в масштабах такой преступности, так и в ее структуре не произошло. События 2020 и 2022 годов, являющиеся беспрецедентными по своему характеру, масштабам и последствиям, не оказали значительного воздействия на величину рассматриваемых показателей и не изменили структуру экономической преступности. Имеющаяся ситуация требует принятия ряда мер, которые помогут повысить эффективность работы по противодействию преступности.

Информация об авторе

Ю. В. Быковская — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ведущий научный сотрудник сектора экономической безопасности Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Bykovskaya — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Leading Researcher in the Economic Security Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Список источников

1. Васильев Э. А., Дьяченко Н. Н. Тенденции развития экономической преступности и особенности борьбы с ней в современной России // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 90–97.
2. Меньшикова Е. А. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России и ее регионов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 1 (56). С. 71–80.
3. Мирошниченко А. Ю. Понятие, сущность и особенности экономической организованной преступности // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 135–141.
4. Моденов А. К., Васильченко А. И. Экономика и преступность в постковидный период : угрозы экономической безопасности // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5. № 2. С. 241–247.
5. Официальная статистика МВД России // URL://<https://mvd.rf/dejatelnost/statistics>.

References

1. Vasiliev E. A., Dyachenko N. N. Trends in the development of economic crime and features of the fight against it in modern Russia // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (60). P. 90–97.
2. Menshikova E. A. Economic crime as a threat to the economic security of Russia and its regions // Bulletin of the Pacific State University. 2020. № 1 (56). P. 71–80.
3. Miroshnichenko A. Yu. Concept, essence and features of economic organized crime // Philosophy of Law. 2023. № 3 (106). P. 135–141.
4. Modenov A. K., Vasilchenko A. I. Economy and crime in the post-Covid period : threats to economic security // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5. № 2. P. 241–247.
5. Official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://mvd.rf/dejatelnost/statistics>.

Научная статья

УДК 327.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-248-256>

EDN: <https://elibrary.ru/fvalew>

НИОН: 2003-0059-3/24-079

MOSURED: 77/27-003-2024-03-278

Факторы корпоративного управления бизнесом российских компаний/организаций и развития экономики в современных условиях

Сергей Владимирович Коблов

Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский институт машиностроения»

(АО ЦНИИМаш), Королев, Россия, Koblov-s@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9052-0955, SPIN-код: 5861-5203,

Author ID: 1076187

Аннотация. Рассматриваются ESG-факторы, выступающие основой корпоративного управления российским бизнесом и определяющие баланс между экономической эффективностью, социальной и экологической результативностью деятельности компаний и организаций, детерминирующих развитие экономики в современных условиях. Указывается, что повышение качества управления ESG-факторами способствует формированию новых экономических связей, направлений деятельности и реализации современных стратегий ведения российского бизнеса с учетом использования ESG-инструментов. Особое значение приобретает G-фактор — качество корпоративного управления, что является новым современным треком развития для руководства компаний и политического руководства страны. В контуре активного внимания при этом также остаются вопросы, связанные с экологической безопасностью, ресурсосбережением и другими составляющими E-фактора. Социальный фактор (S-фактор), определяя решение социальных проблем в трудовой сфере, актуализирует необходимость создания релевантной социокультурной среды для роста российской экономики. В заключение предлагаются меры по реализации проблемного поля экономики России в современных условиях с опорой на направления деятельности российского бизнеса в соответствующих блоках ESG-инструментов.

Ключевые слова: ESG-факторы, бизнес, компания/организация, корпоративное управление, персонал, потенциал, профессиональные компетенции, ресурсы, российская экономика, стратегия, устойчивое развитие, эффективность

Для цитирования: Коблов С. В. Факторы корпоративного управления бизнесом российских компаний/организаций и развития экономики в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 248–256. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-248-256>. EDN: FVALEW.

Original article

Factors of corporate business management of Russian companies/organizations and economic development in modern conditions

Sergei V. Koblov

Joint Stock Company «Central Research Institute of Mechanical Engineering» (JSC TsNIIMash), Korolev, Russia,

Koblov-s@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9052-0955, SPIN-код: 5861-5203, Author ID: 1076187

Abstract. The article examines the ESG factors that serve as the basis for corporate governance of Russian business and determine the balance between economic efficiency, social and environmental performance of companies and organizations that determine the development of the economy in modern conditions. It is indicated that improving the quality of management of ESG factors contributes to the formation of new economic ties, areas of activity and the implementation of modern strategies for doing Russian business, taking into account the use of ESG tools. Of particular importance is the G-factor — the quality of corporate governance, which is a new modern development track for the management of companies and the political leadership of the country. At the same time, issues related to environmental safety, resource conservation and other components of the E-factor also remain in the contour of active attention. The social factor (S-factor), determining the solution of social problems in the labor sphere, actualizes the need to create a relevant socio-cultural environment for the growth of the Russian economy. In conclusion, measures are proposed to

© Коблов С. В., 2024

implement the problematic field of the Russian economy in modern conditions based on the activities of Russian business in the relevant blocks of ESG tools.

Keywords: ESG-factors, business, company/organization, corporate governance, personnel, potential, professional competencies, resources, Russian economy, strategy, sustainable development, efficiency

For citation: Koblov S. V. Factors of corporate business management of Russian companies/organizations and economic development in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):248–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-248-256>. EDN: FVALEW.

Введение

К факторам корпоративного управления бизнесом российских компаний/организаций и развития экономики в современных условиях относятся ESG-факторы.

ESG-факторы — это экологические, социальные и управленческие факторы, рассматриваемые во взаимосвязи или по отдельным направлениям и результатам деятельности. Их реализация направлена, прежде всего, как указывается в ESG-стратегии Российской Федерации (РФ) в современных санкционных условиях на «... осуществление стратегий бизнеса российских организаций/компаний/предприятий с целью повышения их эффективности в современных экономических условиях, путем совмещения поисков различных подходов к решению возникающих тактических и стратегических задач» [1, с. 19].

ESG-стратегия — это новая для России парадигма развития бизнеса, заключающаяся в сохранении, не только безопасности окружающей среды, но и как отмечают С. Б. Епихина и Е. И. Переверзева, реализации потенциала бизнеса, развития его корпоративной структуры, выстраивании новых бизнес-стратегий и новых связей, в создании условий для удовлетворения человеческих потребностей, привлечения персонала (специалистов) с современными профессиональными компетенциями» [2]. При этом исходя из решения, как текущих задач по сохранению производства, рабочих мест, цепочек поставок, так и контекста задач средне- и долгосрочной пер-

спективы ESG-факторы, по нашему мнению, играют существенную роль в реализации этой парадигмы, которая заложена в основание ESG-стратегии РФ в условиях санкционного давления со стороны США и Европейских стран [1].

Экономическая ситуация, сложившаяся в России под влиянием новых вызовов (например, введенные более 18.000 различных санкций против Российской Федерации (РФ) за последние 3 года) существенно влияет на бизнес, заставляет не только переосмысливать многие устоявшиеся представления, методы и способы корпоративного управления российскими компаниями/предприятиями, но и корректировать тактические решения по развитию бизнеса, планы, производственные программы, о чем заявлено в российской ESG-стратегии [1]. Вызовы, с которыми сталкиваются организации в РФ связаны со многими факторами [2; 3; 4], которые представлены на рисунке 1.

Результаты деятельности передового российского бизнеса (в частности, МК ПАО «Русал», ПАО «Газпром», ПАО «Интер РАО», ПАО «НЛМК», ПАО «Россети» и ряд других, — более 43 компаний различных отраслей экономики, действующих на территории РФ) наглядно демонстрируют повышение качества управления ESG-факторами, что в свою очередь детерминирует эффективные решения, не только задач по сохранению (повышению) производства и рабочих мест, но и новых направлений деятельности в импортозамещении и реализации современных стратегий ведения бизнеса [5; 6].

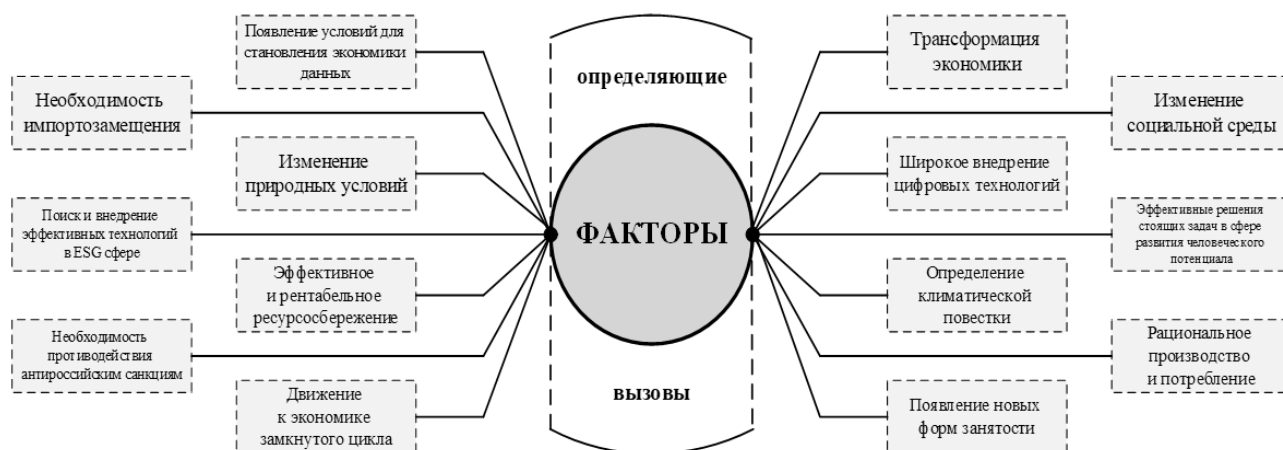

Рис. 1. Схема факторов, определяющих вызовы, с которыми в настоящее время сталкиваются российские организации/компании/предприятия

В частности, формирование и развитие новых устойчивых бизнес-цепочек поставок и связей (конструктивного взаимодействия с заинтересованными сторонами), в числе современных приоритетов отмечает значительное количество российских компаний — 78 % [7]. При этом по решению проблемы импортозамещения компаниями используется широкий спектр подходов (рис. 2).

Рис. 2. Подходы по решению проблемы импортозамещения российскими компаниями и организациями

Эффективный менеджмент ESG-факторов – основа результативной деятельности и устойчивого развития российского бизнеса

Можно полагать, что эффективный менеджмент ESG-факторами через решение широкого круга экономических, экологических, социальных и собственно управленческих задач (по повышению и совершенствованию качества корпоративного управления) играет существенную роль в поиске путей разрешения возникающих задач в направлении оценки эффективности деятельности бизнеса и, по мнению Б. Николаева, поддержанию баланса между экономической эффективностью, социальной и экологической результативностью деятельности организации или компании как основы устойчивого развития [8]. Так, в частности, согласно результатам проведенных исследований РСПП, более 50 % участвовавших в опросе компаний, отмечают 11 целей, которые коррелируют с целями развития России и обеспечивают определение подходов для решения тактических и стратегических задач бизнеса с учетом использования ESG-инструментов, а также имеющихся возможностей и ограничений.

На рисунке 3 представлены приоритетные целевые установки российских организаций/компаний/предприятий за 2021–2022 гг.

При этом необходимо отметить, что в последнее время из триады ESG-факторов особое значение приобретает фактор **G-фактор** — качество корпоратив-

ного управления. Очевидное возрастание данного фактора является новым современным треком развития и вызовом, не только для высшего руководства российских организаций/компаний/предприятий, но и страны в целом. Это обстоятельство детерминируется многими составляющими, к которым по-нашему мнению [9; 10], а также мнению российских ученых [11; 12; 13; 14], в соответствии с ESG-повесткой устойчивого развития в новых российских условиях [15], можно отнести следующие задачи (рис. 4).

На рисунке 5 представлены приоритетные направления корпоративной политики и стратегии российских компаний/организаций, которые отмечаются ими в 2022–2023 гг.

К приоритетам ESG-повестки в настоящее время согласно мнения С. Б. Епихиной и Е. И. Переверзевой, а также А. В. Шевчука относятся формирование новых устойчивых цепочек поставок, учет необходимости уточнения современных стратегий и направлений деятельности по срокам, приоритетам, новым циклам, повышение эффективности и целевой ориентации социальных инвестиций, в том числе на располагающих территориях, их поддержка с заданной направленностью на развитие [2], а также разработка и совершенствование содействующей им системы корпоративного управления и выстраивание эффективного взаимодействия с местными сообществами [16].

В контуре активного внимания российских компаний и организаций/предприятий остаются вопросы, связанные с **фактором E** — экология и климат, в частности, охрана окружающей среды, вопросы ресурсосбережения, переработки и управления отходами, климатическая повестка, сохранения биоразнообразия, «зеленой» и «синей» энергетики [17], снижения углеродного следа, энергоэффективность, обеспечение экологической и промышленной безопасности, модернизации оборудования. С ростом актуальных проблем, связанных, в частности, с использованием водных ресурсов, «синяя» экономика привлекает все больше внимания, как со стороны государства, так и со стороны организаций и компаний [16]. В данном направлении увеличивается число новых стандартов, практик и рекомендаций, развиваются механизмы финансирования «синих» проектов. Предприятия, как правило, вписывают инструменты «зеленой» и «синей» экономики в корпоративные ESG-стратегии или, формируют отдельную стратегию развития. Для повышения прозрачности информации о водных ресурсах компании/организации включают данные вопросы в нефинансовую отчетность. Некоторые лидеры отраслей выпускают самостоятельные водные отчеты с расширенным набором показателей по использованию и сохранению водных ресурсов [17].

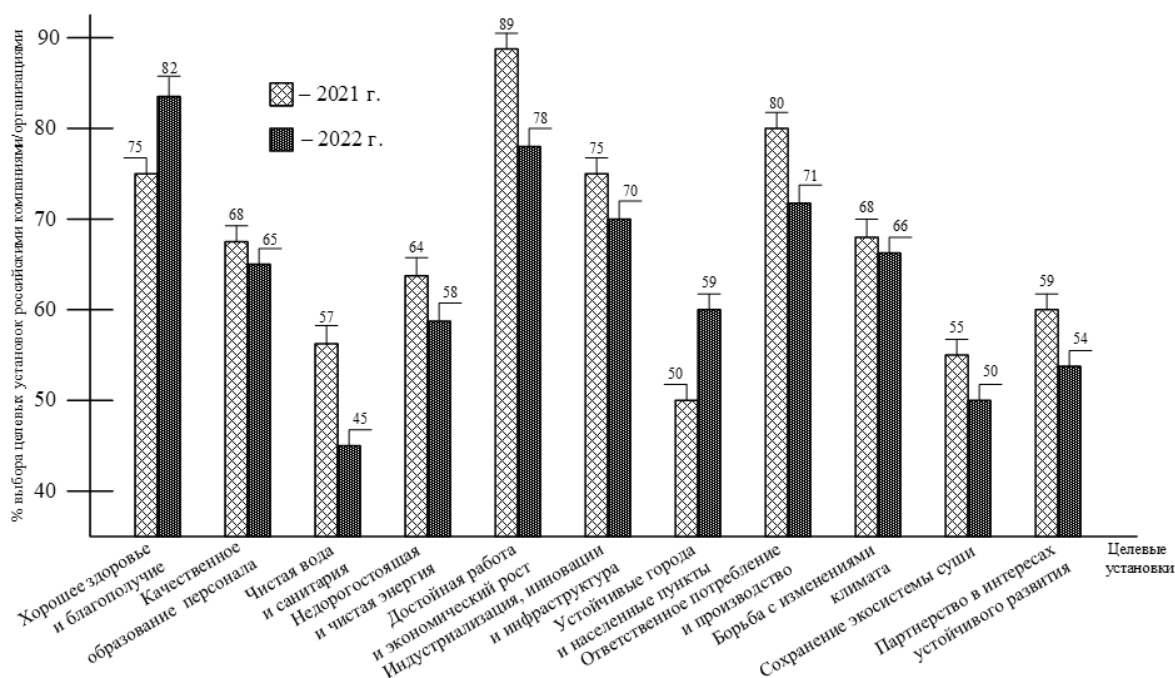

Рис. 3. Приоритетные целевые установки российских организаций/компаний/предприятий за 2021–2022 гг.

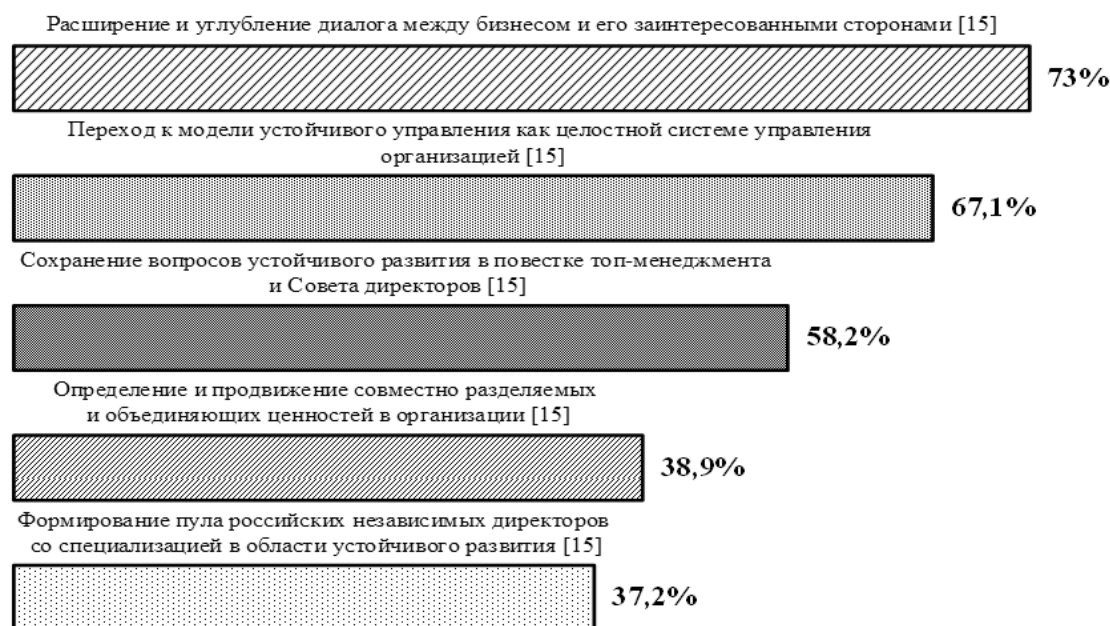

Рис. 4. Основные задачи в области развития корпоративного управления

Безусловным приоритетом для 88,7 % российских компаний/организаций являются вопросы развития кадрового потенциала и повышения качества человеческого капитала. По мнению российских и зарубеж-

ных экономистов, значение *S-фактора* (социального фактора) с которым связано решение социальных проблем в трудовой сфере, как правило, усиливается в условиях кризисных ситуаций [18; 19; 20; 21; 22].

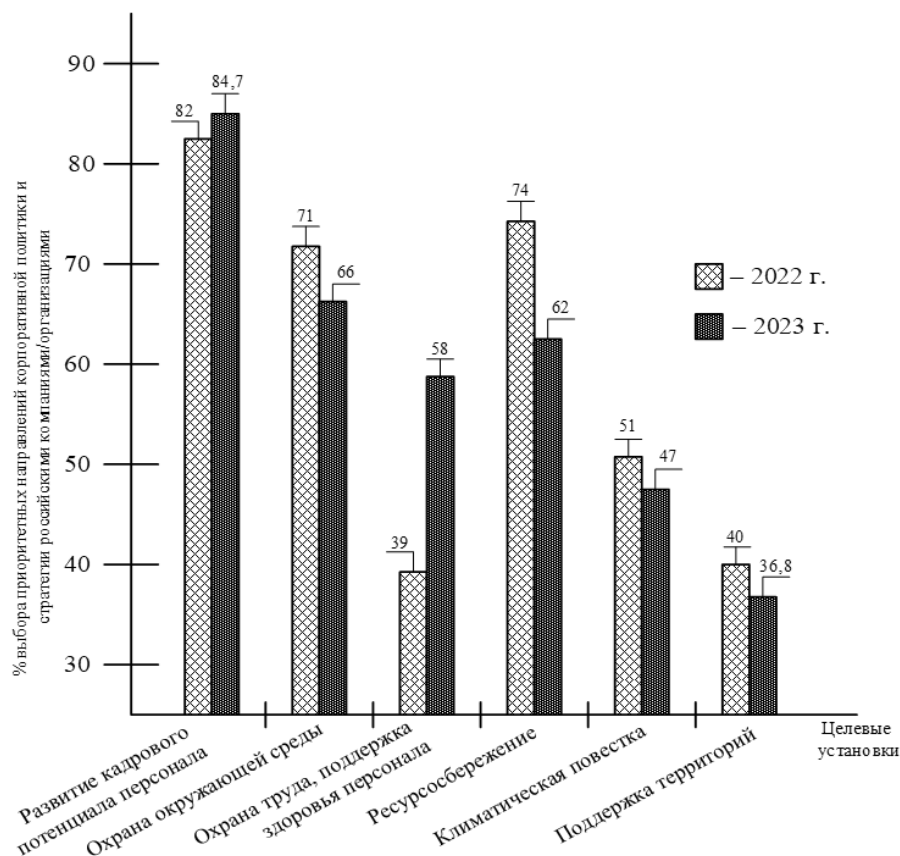

Рис. 5. Приоритетные направления корпоративной политики и стратегии российских компаний/организаций в 2022–2023 гг.

Социальные аспекты, включающие в себя качество управления в этой сфере, согласованность во взаимодействии заинтересованных сторон, поддержание занятости и доходов населения, развитие трудового потенциала и поддержка работников, повышение их профессиональных компетенций, охрана труда и поддержка здоровья сотрудников, обучение и развитие персонала, играют все более значимую роль в обеспечении экономической устойчивости, как в текущей ситуации, так и в контексте задач средне- и долгосрочной перспективы, что указано в ESG-стратегии РФ в современных условиях развития российской экономики [1].

Особенно актуальными в настоящий момент, не только для компаний/организаций, но и для регионов, являются проблемы обеспеченности квалифицированными кадрами [23; 24], повышения уровня их осведомленности в вопросах ESG-повестки, совершенствования и наращивания соответствующих компетенций сотрудников, посредством увеличения вовлеченности персонала в повестку. Это актуализирует необходимость совместных действий тех и других в реализации совпадающих интересов для создания такой социокультурной среды, посредством которой можно организовать и сформировать предпосылки,

которые бы способствовали привлечению, удержанию и развитию человеческого капитала (профессиональных кадров) за счет обеспечения комфортных условий труда, обучения персонала, реализации эффективных социальных программ для сотрудников [8; 24; 25; 26].

Можно согласиться с российскими учеными С. Б. Епихиной и Е. И. Переверзевой, которые указывают, что в настоящее время возрастает необходимость активизации усилий по созданию благоприятных условий и использования современных цифровых технологий социального инвестирования, соответствующей инвестиционной среды для притока частных инвестиций в интересах устойчивого развития российской экономики, включая расширение возможностей решения социальных проблем, увеличения занятости, доходности населения России и улучшения среды обитания [2].

Решение выше обозначенных задач требует активных действий и принятия комплекса мер, направленных на повышение качества управления S-фактором, детерминирующим развитие партнерства, государственно-частных программ, поддержку инвестиций бизнеса [2; 6]. В таблице 1 представлены предлагаемые меры по реализации проблемного поля российской экономики в современных условиях.

**Предлагаемые меры по реализации задач социальных аспектов
устойчивого развития современной российской экономики**

№ п/п	Направления реализации задач по устойчивому развитию социального фактора (S)
1.	Стимулирование инвестиций бизнеса в развитие системы высшего и профессионального образования и их связи с экономической составляющей [2; 6].
2.	Расширение участия бизнеса в реализации проектов «Профессионалитет», «Передовые инженерные школы» в целях усиления координации потребностей рынка труда и системы профессионального образования [2; 6].
3.	Тесное партнерство образовательных организаций и работодателей для подтверждения соответствия профессиональных образовательных программ текущим и перспективным потребностям в знаниях и умениях [2; 6].
4.	Поддержка обучения на рабочем месте (включая ученичество и наставничество), расширение каналов качественного дистанционного обучения с использованием цифровых технологий.
5.	Стимулирующие меры для вложения бизнесом средств в проекты социальной и экологической направленности в территориях их присутствия.
6.	Формирование благоприятной среды для внедрения инструментов «зеленого» и «синего» финансирования, включая выпуски «зеленых» и «синих» облигаций, социальных бондов, поддержку «инвестиций воздействия».
7.	Расширение сотрудничества государственных органов и корпоративного сектора с учетом взаимных интересов, в том числе практики государственно-частного партнерства, отвечающим интересам и целям устойчивого развития бизнеса на основе эффективного корпоративного управления возникающими факторами и рисками, учета интересов общества и задач развития страны в целом [2; 6].
8.	Реализация мер по развитию благотворительной деятельности коммерческих и некоммерческих организаций, а также физических лиц как значимого фактора повышения социального благополучия в обществе [2].
9.	Поддержка и поощрение добровольчества, корпоративного волонтерства [2].
10.	Внедрение методологии оценки социального воздействия реализуемых корпоративных проектов в регионах и раскрытия соответствующей информации в отчетности компаний, содействие учету этой информации как вклада бизнеса в реализацию национальных проектов и его общественному признанию [2; 6].

Заключение

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что в последнее время все большее число компаний в своей деловой практике руководствуются принципами ответственного ведения бизнеса, информируют заинтересованные стороны о стратегии и результатах деятельности и ее воздействия на общество и окружающую среду. Запрос на эту информацию растет и в обществе, различные структуры которого используют ее, принимая решения о взаимодействии с представителями предпринимательского сообщества с учетом возникающих новых задач и ожиданий заинтересованных сторон. В таблице 2 представлены обобщенные направления деятельности российских компаний/организаций/предприятий в соответствующих блоках ESG-инструментов.

Все эти направления подтверждают актуальность тематики поддержания, развития, использования и продвижения приоритетных направлений в ESG-сфере, прежде всего, для устойчивого развития российской экономики в современных условиях [1] — условиях существующих изменений геополитической, экономической и социальной среды.

Список источников

1. Филиппова Т. В., Склюева А. М. Актуальность ESG-стратегии в современных санкционных

условиях в Российской Федерации // Научный журнал «DIGITAL». 2022. Т. 3. № 3(9). С. 17–24.

2. Епихина С. Б., Переверзева Е. И. Предпосылки формирования новых видов профессиональной деятельности и профессиональных квалификаций в сфере оценки социальных эффектов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 9. С. 3347–3366.
3. Ляхно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации : становление и развитие: монография. М. : Изд-во МГУ, 2014. 477 с.
4. Пилипенко Е. А. Управление виртуальными организациями в сфере социальных коммуникаций : дис. ... к.э.н. СПб, 2019. 198 с.
5. Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса. Сборник корпоративных практик. М. : Изд-во РСПП, 2023. 224 с.
6. Позиция РСПП «Рекомендации РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике». 2023. 31 января. 27 с. // URL://<https://rspp.ru/activity/position/pozitsiya-rspp-rekomendatsii-rspp-po-podderzhaniyu-i-prodvizheniyu-povestki-ustoychivogo-razvitiya-v/>
7. Капустин П. П. Управление брендом работодателя на основе концепции маркетинга отношений : дис. ... к.э.н. Волгоград, 2021. 203 с.

Таблица 2

**Обобщенные направления деятельности
российских компаний/организаций/предприятий
в соответствующих блоках ESG-инструментов**

Блок ESG-инструментов	Направления деятельности российских компаний/организаций/предприятий
Экологический блок E	• Управление воздействием на атмосферу и водные ресурсы. • Регулирование в сфере управления отходами и переработкой. • Регулирование в сфере выбросов парниковых газов, внедрение решений по снижению углеродного следа. • Развитие решений в области энергоэффективности и ресурсосбережения. • Внедрение практик управления экологическими рисками. • Формирование устойчивых цепочек поставок и логистических решений. • Сохранение биоразнообразия [16].
Социальный блок S	• Сохранение, поддержка трудовых коллективов и занятости персонала, включая: – развитие и обучение/переобучение персонала, учитывая образовательные программы по соответствующей тематике, повышения человеческого потенциала; – сохранение и обеспечение здоровья и благополучия персонала, безопасности в сфере охраны труда; – реализация комплексных социальных программ по поддержке благополучия работников; – поддержка волонтерских инициатив. • Развитие территорий присутствия и формирование устойчивых сообществ, городов и населенных пунктов, включая оказание поддержки и содействие развитию коренных малочисленных народов. • Поддержка субъектов малого бизнеса, социального предпринимательства. • Поддержка развития образования по тематике устойчивого экономического развития, интеграция этой повестки в существующие программы и разработка новых программ для экспертов разных профессиональных областей (в области высшего и среднего образования, в системе повышения квалификации, в том числе в рамках корпоративного образования, органов местного самоуправления и региональных общественных формирований). • Развитие системы профстандартов для экспертов узкого и широкого профиля в области корпоративной социальной ответственности и ESG, формирование системы сертификации экспертов и образовательных программ. • Поддержка проектов межотраслевого взаимодействия [16].
Блок управления G	• Переход к модели устойчивого управления и повышения потенциала ESG-повестки в России. • Повышение эффективности системы управления. • Усиление практик управления рисками. • Управление взаимодействием с заинтересованными сторонами с целью поддержания баланса интересов и снижения нефинансовых рисков. • Обеспечение прозрачности при взаимодействии со стейкхолдерами. • Развитие механизмов государственной поддержки. • Проведение оценки квалификации топ-менеджеров с учетом критериев в сфере устойчивого развития и ESG-факторов, введение соответствующих ключевых показателей эффективности (КПЭ) в оценку результатов деятельности. • Реализация программы национальной сертификации «зеленых» и «синих» проектов [8].

8. Николаев Б. ESG-фактор в условиях международной нестабильности. РСПП имеет пути устойчивого развития для российского бизнеса // Независимая газета. 2023. 13 февраля. С. 3–4 // URL://https://www.ng.ru/ng_energiya/2023-02-13/9_8659_instability.html.
9. Коблов С. В. Особенности российской специфики управления ресурсным потенциалом научных и наукоемких организаций на современном этапе экономического развития : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 181 с.
10. Коблов С. В. Цифровая трансформация процессов управления организацией как новая управленческая парадигма : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 177 с.
11. Антонов В. Г., Райченко А. В. Развитие теории управления — вызов времени // Вестник университета. 2021. № 4. С. 5–10.
12. Грошев И. В., Жерегеля А. В. Особенности взаимодействия в компаниях в условиях развития цифровизации // Вестник университета. 2019. № 7. С. 108–113.
13. Грошев И. В., Жерегеля А. В. Цифровая трансформация экономики: изменение бизнес-практики и цифровое лидерство // Менеджмент в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 10–17.
14. Жерегеля А. В. Управление организацией в контексте цифровой трансформации : теоретико-методические и практические подходы : дис. ... к.э.н. Владимир, 2023. 178 с.
15. Повестка устойчивого развития (ESG-повестка) в новых российских условиях (по ма-

- териалам опроса компаний май-июнь 2022 г.). М. : Изд-во РСПП, 2022. 12 с.
16. Шевчук А. В. ESG-современная стратегия экологизации экономики России // Глобальные вызовы и национальные экологические интересы : экономические и социальные аспекты. Сборник материалов XVII международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики / Под редакцией Т. О. Тагаевой, Л. К. Казанцевой. Новосибирск: Изд-во Ин-т экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2023. С. 71–81.
17. Шейнфельд С., Лернер Е. «Синяя» экономика : вызовы и решения новой парадигмы // Business Excellence. 2024. № 4. С. 5–9.
18. Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами : материалы II Международной научно-практической конференции 10–11 декабря 2020 г. Том 1. М. : Институт развития дополнительного профессионального образования, 2020. 286 с.
19. Борщова Е. А. Влияние процессов цифровизации экономики на рынок труда // Modern Science. 2019. № 12-1. С. 65–69.
20. ДеМарко Т., Листер Т. Человеческий фактор. Успешные проекты и команды. М. : Изд-во Символ-Плюс, 2014. 298 с.
21. Edmondson A.C. The fearless organization: Creating psychological safety in the workplace for learning, innovation, and growth. John Wiley & Sons, 2018. 314 p.
22. Hamel G., Zanini M. Harnessing Everyday Genius How Michelin gives its frontline teams the power to make a difference // Harvard Business Review. 2020. № 98 (4). P. 86–95.
23. Грошев И. В., Волобуев Н. А., Краснослободцев А. А. Маркетинг территорий. СПб : Питер, 2024. 384 с.
24. Управление человеческими ресурсами. Стратегическая функция менеджмента / под науч. ред. Ю. А. Цыпкина, В. С. Осипова ; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили, И. В. Грошева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 423 с.
25. Грошев И. В., Коблов С. В. Компетенции, умения и навыки руководителей и персонала в эпоху цифровой трансформации российской экономики // E-Management. 2022. Т. 5. № 3. С. 117–124.
26. Грошев И. В., Коблов С. В. Векторы развития моделей компетенций сотрудников в цифровой среде организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 74–80.
- the ESG strategy in modern sanctions conditions in the Russian Federation // Scientific journal «DIGI-TAL». 2022. Vol. 3. № 3(9). P. 17–24.
2. Epikhina S. B., Pereverzeva E. I. Prerequisites for the formation of new types of professional activities and professional qualifications in the field of social impact assessment // Economics, entrepreneurship and Law. 2023. Vol. 13. № 9. P. 3347–3366.
3. Lakhno P. G. Energy law of the Russian Federation: formation and development : monograph. M. : Publishing House of Moscow State University, 2014. 477 p.
4. Pilipenko E. A. Management of virtual organizations in the field of social communications : PhD in economics. St. Petersburg, 2019. 198 p.
5. Sustainable development in the strategy of Russian business. Collection of corporate practices. M. : Publishing House of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, 2023. 224 p.
6. The position of the RSPP «Recommendations of the RSPP on maintaining and promoting the sustainable development agenda in modern Russian practice». 2023. January 31. 27 p. // URL://<https://rspp.ru/activity/position/pozitsiya-rspp-rekomendatsii-rspp-po-podderzhaniyu-i-prodvizheniyu-povestki-ustoychivogo-razvitiya-v/>
7. Kapustin P. P. Employer brand management based on the concept of relationship marketing : PhD in Economics. Volgograd, 2021. 203 p.
8. Nikolaev B. The ESG factor in conditions of international instability. RSPP has ways of sustainable development for Russian business // An independent newspaper. 2023. February 13. P. 3–4 // https://www.ng.ru/ng_energiya/2023-02-13/9_8659_instability.html.
9. Koblov S. V. Features of the Russian specifics of resource potential management of scientific and knowledge-intensive organizations at the present stage of economic development : monograph. M. : UNITY-DANA, 2024. 181 p.
10. Koblov S. V. Digital transformation of organization management processes as a new management paradigm : monograph. M. : UNITY-DANA, 2023. 177 p.
11. Antonov V. G., Raichenko A. V. Development of management theory — a challenge of time // Bulletin of the University. 2021. № 4. P. 5–10.
12. Groshev I. V., Zheregelya A. V. Features of interaction in companies in the context of digitalization development // Bulletin of the University. 2019. № 7. P. 108–113.
13. Groshev I. V., Zheregelya A. V. Digital transformation of the economy: changing business practices and digital leadership // Management in Russia and abroad. 2021. № 3. P. 10–17.

References

1. Filippova T. V., Sklyueva A. M. The relevance of

14. Zheregelya A. V. Organization management in the context of digital transformation : theoretical, methodological and practical approaches : dissertation of the Candidate of Sciences. Vladimir, 2023. 178 p.
15. The Sustainable Development Agenda (ESG agenda) in the new Russian conditions (based on a survey of companies May-June 2022). Moscow : Publishing House of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, 2022. 12 p.
16. Shevchuk A. V. ESG-a modern strategy for greening the Russian economy // Global challenges and national environmental interests : economic and social aspects. Collection of materials of the XVII International scientific and practical conference of the Russian Society of Ecological Economics / Edited by T. O. Tagaeva, L. K. Kazantseva. Novosibirsk : Publishing House of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, 2023. P. 71–81.
17. Sheinfeld S., Lerner E. The «Blue» economy : challenges and solutions of a new paradigm // Business Excellence. 2024. № 4. P. 5–9.
18. Current theoretical and applied issues of management of socio-economic systems : proceedings of the II International Scientific and Practical Conference on December 10–11, 2020 Volume 1. Moscow : Institute for the Development of Additional Professional Education, 2020. 286 p.
19. Borshchova E. A. The influence of the processes of digitalization of the economy on the labor market // Modern Science. 2019. № 12–1. P. 65–69.
20. DeMarko T., Lister T. The human factor. Successful projects and teams. M. : Publishing house Symbol-Plus, 2014. 298 p.
21. Edmondson A.C. The fearless organization: Creating psychological safety in the workplace for learning, innovation, and growth. John Wiley & Sons, 2018. 314 p.
22. Hamel G., Zanini M. Harnessing Everyday Genius How Michelin gives its frontline teams the power to make a difference // Harvard Business Review. 2020. № 98 (4). P. 86–95.
23. Groshev I. V., Volobuev N. A., Krasnoslobodtsev A. A. Marketing of territories. St. Petersburg : St. Petersburg, 2024. 384 p.
24. Human resource management. The strategic function of a manager / edited by Yu. A. Tsypkin, V. S. Osipov ; under the general editorship of N. D. Eriashvili, I. V. Groshev. M. : UNITY-DANA, 2024. 423 p.
25. Groshev I. V., Koblov S. V. Competencies, skills and abilities of managers and staff in the era of digital transformation of the Russian economy // E-Management. 2022. Vol. 5. № 3. P. 117–124.
26. Groshev I. V., Koblov S. V. Vectors of development of models of competencies of employees in the digital environment of the organization // Management in Russia and abroad. 2023. № 4. P. 74–80.

Информация об авторе

С. В. Коблов — генеральный директор Акционерного общества «Центральный научно-исследовательский институт машиностроения» (АО ЦНИИмаш), кандидат технических наук.

Information about the author

S. V. Koblov — General Director of the Joint Stock Company «Central Research Institute of Mechanical Engineering» (JSC TsNIIMash), Candidate of Technical Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 334.02

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-257-261>

EDN: <https://elibrary.ru/etbjwb>

ИПОН: 2003-0059-3/24-080

MOSURED: 77/27-003-2024-03-279

Методика противодействия преступности в рамках экономической политики

Николай Валерьевич Мячин

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, nmyachin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются междисциплинарные подходы отечественных исследователей к изучению преступности. Анализируется, как данные подходы могут быть обогащены использованием зарубежного опыта и достижений в области экономической теории преступления и наказания. Предложена авторская методика противодействия преступности, основанная на принципах экономического анализа и теории рационального выбора. Данная методика предусматривает использование экономического подхода для снижения уровня преступности путем воздействия на мотивацию преступников и оптимизации затрат на правоприменительную деятельность. Рассматриваются ограничения предложенной методики, включая объективные сложности ее использования в текущих условиях российской правоохранительной системы.

Ключевые слова: преступность, экономическая криминология, сдерживание преступности, экономический рост, криминометрика

Для цитирования: Мячин Н. В. Методика противодействия преступности в рамках экономической политики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 257–261. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-257-261>. EDN: ETBJWB.

Original article

Methods of combating crime in the framework of economic policy

Nikolay V. Myachin

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia, nmyachin@mail.ru

Abstract. The interdisciplinary approaches of Russian researchers to the study of crime are being examined. It is analyzed how these approaches can be enriched by using foreign experience and achievements in the field of economic theory of crime and punishment. Based on the analysis of the results of scientific works, the author proposes a methodology for combating crime based on the principles of economic analysis and the theory of rational choice. This methodology provides for the use of an economic approach to reduce crime by influencing the motivation of criminals and optimizing the costs of law enforcement activities. The limitations of the proposed methodology are considered, including the objective difficulties of its use in the current conditions of the Russian law enforcement system.

Keywords: crime, economic criminology, crime deterrence, economic growth, criminometry

For citation: Myachin N. V. Methods of combating crime in the framework of economic policy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):257–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-257-261>. EDN: ETBJWB.

Введение

Преступность и ее причины традиционно считаются объектами исследования юристов, но изучение работ криминологов показывает, что большая часть преступлений совершается по корыстным мотивам. В таком случае, борьба с ними должна вестись не только

правовыми методами, но и с применением экономических стимулов и институциональных ограничений. Однако в российской криминологической науке такой подход описан достаточно абстрактно и заслуживает, одновременно, расширения и конкретизации.

Среди научных работ на стыке экономики и пре-

© Мячин Н. В., 2024

ступности можно выделить две основные категории исследований. Первая категория содержит работы по общей методологии противодействия преступности. К ярким представителям этой категории можно отнести исследования известных отечественных криминологов Я. И. Гишинского [2], Ю. В. Латова [5], И. М. Мацкевича [8] и других.

Обобщенные выводы исследований этой категории следующие:

- наибольшая доля преступлений совершается в целях получения наживы или прибыли, причем эта доля неуклонно растет;
- наибольшей степенью латентности и общественной опасности среди остальных видов преступлений обладает экономическая преступность;
- сдерживание преступности является более эффективным способом противодействия криминалу, нежели борьба с ним. Поэтому необходимо использовать не исключительные уголовно-правовые методы, а комплексный подход противодействия преступности.

Вторая категория исследований носит более узконаправленный характер и содержит работы по криминологическому анализу экономической преступности. Здесь мы находим исследования не только юристов и социологов, но и редких экономистов. Основная цель таких исследований — выявить причины совершения преступлений и, в частности, возникновения теневой, неформальной экономики. Среди известных отечественных авторов таких работ можно выделить В. В. Лунеева [7], В. А. Номоконова [11], В. В. Колесникова [4] и других.

Основные выводы, которые содержат исследования второй категории, следующие:

- корыстная преступность возникает вследствие институциональных противоречий, которые выражаются в неравенстве доходов, отсутствии работающих социальных лифтов, ограниченному доступу к образованию и пр.;
- экономической преступностью является наиболее латентным видом преступного поведения;
- для эффективной борьбы с преступностью необходим комплекс мер экономической и социальной политики.

Выводы исследований обеих категорий наглядно показывают, что инструменты эффективной борьбы с преступностью лежат далеко за границами уголовно-правовой науки, а успешность их применения зависит от состояния экономики и ее институтов. Тем удивительнее, что доля экономистов, которые исследуют эти вопросы, в российском научном поле исчезающе мала, а наиболее близкой областью их научных интересов становятся вопросы противодействия теневой эконо-

мике и обеспечения экономической безопасности на уровне страны или хозяйствующего субъекта [6; 10]. Однако если мы обратимся к работам западных ученых, то найдем там принципиально иную область исследования, которая пытается найти ответ на искомый вопрос — как же применять эффективные экономические инструменты противодействия преступности.

Методология исследования

Особая область исследований, которая существует в зарубежной научной литературе и находится на границе экономики и криминологии, называется *Economics of Crime* (далее — ЕОС). Начало ей положил американский экономист Г. Беккер в своей фундаментальной работе «Преступление и наказание: экономический подход» [14], где он пришел к выводу, что эффективная борьба с преступностью достигается, когда для большинства членов общества стимулы законной занятости сильнее стимулов преступной деятельности.

С момента публикации работы Беккера в 1968 году и до конца 1980-х годов эмпирическая экономическая наука использовала преимущественно методы анализа временных рядов и панельные данные для анализа преступного поведения. Однако с конца 1980-х годов количественные исследования преступного поведения начали фокусироваться на выявлении причинно-следственных связей с использованием естественных экспериментов, применением инструментальных переменных и метода разности в разностях.

Богатый инструментарий ЕОС позволил получить следующие выводы в этой области исследования:

- преступники рационально взвешивают риски и выгоды от своих действий, поэтому совершение преступлений по корыстным мотивам — осознанный выбор;
- оптимальная политика контроля за преступностью возможно только при нахождении баланса между вероятностью наступления и тяжестью наказания, при котором издержки на борьбу с преступностью не превышают издержки от самой преступности, за счет чего достигается эффективное равновесие по Парето;
- доступ к легальному рынку труда повышает издержки от преступной занятости, откуда следует, что важным направлением антикриминальной политики является достижение низкого уровня безработицы;
- более высокий уровень образования дает больше возможностей для законного трудоустройства и повышает потенциальные издержки совершения преступлений из-за более высоких ожидаемых доходов, полученных легальным путем;
- рост реальных доходов населения ведет к за-

мене насильственных преступлений на имущественные, а и снижение неравенства доходов — к сокращению уровня преступности;

- инвестиции в социальную инфраструктуру улучшают качество жизни и снижают стимулы повысить уровень жизни незаконным путем;
- сильные, стабильные семейные связи являются сильным сдерживающим фактором для преступных стимулов, так как оказывают социальное давление по соблюдению законов.

Достижение этих факторов возможно исключительно при увеличении спроса и предложения на рабочую силу и повышении реальных доходов населения, т. е. при экономическом росте. Но так как ресурсы и, в частности, государственный бюджет, которые используются для стимулирования экономического роста, ограничены, то экономические исследования должны отвечать на вопрос, какие именно действия приближают общество к оптимальному уровню преступности.

При этом, повышение расходов на правоохранительную деятельность неэффективно по той причине, что преступники адаптируются к новым условиям, и уровень преступности возвращается к равновесию, но в другой точке [9]. Кроме того, повышение результативности работы полиции приведет к повышению издержек на содержание пойманных преступников.

Здесь можно привести аналогию со стимулированием экономики увеличением денежной массы. В краткосрочном периоде это приведет к увеличению выпуска, но в долгосрочном — исключительно к росту цен. Ровно то же самое происходит при неконтролируемом увеличении бюджетных расходов на финансирование правоохранительной деятельности.

Несмотря на многообразие исследований в области EOS в западной научной школе, основной интерес отечественных ученых, как говорилось ранее, сосредоточен в области криминологии и обеспечении экономической безопасности. Их исследования редко содержат количественные оценки и анализ причинно-следственных связей. Среди немногих российских работ, которые посвящены изучению криминальных стимулов в российском контексте можно выделить исследования В. М. Полтеровича [12], Ю. В. Андриенко [1], В. И. Цурикова [13], Л. А. Жижина [3]. Тем не менее, на основе достижений EOS, мы можем определить методику противодействия преступности в рамках экономической политики.

Результаты

Устойчивое снижение уровня преступности в России видится результатом последовательного применения следующих шагов:

1. Сбор и анализ всесторонних данных о преступности.

Проблема, которую надо решить на этом этапе — создать доступную и всестороннюю базу данных криминальной статистики.

Например, в США Федеральное бюро расследований ведет интерактивную базу данных, в которой можно не только сравнить уровни преступности в разных регионах, но и в наглядном виде получить данные о социально-демографических характеристиках преступника или жертвы в отдельном деле. Похожие базы данных ведутся в Евросоюзе (Eurostat), Австралии (United Nations Office on Drugs and Crime) и других странах. В то же время в России основным доступным официальным источником являются ежегодные отчеты МВД России о состоянии преступности, а более детальные данные содержатся в закрытых базах ГИАЦ МВД, что даже тем исследователям, которые имеют к ним доступ, приходится вручную обрабатывать имеющуюся там информацию. Кроме того, остается нерешенной проблема соотношения зарегистрированных и совершенных преступлений, так как официальная статистика зачастую не отражает реальный уровень преступности в силу объективных искажений.

2. Определение оптимального уровня преступности.

Широкие данные криминальной статистики позволяют рассчитать оптимальный уровень преступности для каждого региона страны. Так как в определенный момент издержки общества от максимизации усилий правоохранительных органов могут быть выше, чем издержки от преступной деятельности можно считать принцип неотвратимости наказания экономически неоптимальным.

3. Оценка социально-экономических факторов преступности.

На этом этапе анализируются причинно-следственные связи между криминальным поведением и экономическими стимулами — уровнем доходов, доступности образования и др. Этот этап применения методики является основным — и именно на этом этапе наблюдается нехватка количественных исследований в изучении причин преступности.

4. Принятие управленческих решений.

На основе полученных научно-практических результатов необходимо распределить ограниченные бюджетные ресурсы. При этом, как утверждалось выше, сконцентрироваться не только на финансировании раздела национальной безопасности и правоохранительной деятельности, но и образовании, здравоохранении, социальной политике и прочих. Распределение бюджетных ресурсов на противодействие преступности должно осуществляться в соответствии с достижениями научных исследований, которые были обобщены на третьем шаге методики. Здесь важно определить последовательность применяемых инструментов экономической политики: стимулирование занятости, повышение доступности образования, поддержка малого бизнеса, социальная реабилитация, финансирование правоохранительных

органов, улучшение качества здравоохранения и пр.

5. Мониторинг и оценка.

Заключительный этап методики состоит в оценке эффективности использования бюджетных средств и его корректировке с учетом новых научных достижений в этой области.

Дискуссия

Предложенная методика применима в отношении корыстных преступлений, и в меньшей степени — в отношении других видов преступлений. В этом смысле, она является составной частью общей методологии противодействия преступности на уровне государства. Тем не менее, предполагаем, что накопленный эффект от применения мер снижения корыстной преступности может сказываться на стимулы людей совершать, к примеру, насильственные преступления. Однако, достоверных исследований, подтверждающих или опровергающих эту гипотезу, авторы не встречали.

Следующее ограничение состоит в том, что наибольшей степенью общественной опасности и материальным ущербом обладают преступления, совершаемые так называемыми «белыми воротничками». Очевидно, что стимулы совершения высококвалифицированных корыстных преступлений отличаются от стимулов остальных корыстных преступлений. Борьба с ними должна лежать скорее в области культурных, нежели экономических институтов.

Наконец, объективным препятствием реализации данной методики является дефицит работ российских исследователей, содержащих количественные оценки преступного поведения. Отчасти это связано с нехваткой данных, отчасти — с фокусом экономистов на других, более узкоспециализированных темах.

Дальнейшие направления работы видятся, однако, не только в решении указанных выше проблем, но и в определении последовательности применения инструментов экономической политики, описанных на четвертом шаге методики.

Список источников

1. Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период : криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2001. № 2. С. 194–220.
2. Гишинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна : взгляд криминолога // Криминалист. 2016. № 1. С. 3–8.
3. Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности : измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // Прикладная эконометрика. 2023. № 69. С. 91–120.
4. Колесников В. В., Маркова А. Б. О роли инсти-

туционального подхода в разработке стратегии предупреждения преступного экономического поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 29. С. 180–184.

5. Латов Ю. В. Экономическая теория преступлений и наказаний (экономические империалисты в гостях у криминологов) // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 60–75.
6. Литвиненко А. Н., Грачев А. В., Виноградова Ю. А. Анализ влияния теневой экономики на показатели экономической безопасности страны // Russian Journal of Management. 2023. № 11(2). С. 45–52. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2023-11-2-45-52>.
7. Лунеев В. В. Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С. 32–40.
8. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектива», 2017.
9. Мячин Н. В. Существует ли в России естественный уровень преступности? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 53. С. 85–98. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-4>.
10. Мячин Н. В., Шкварок В. М. Трансформация угроз экономической безопасности на примере института фальшивомонетничества в России // На страже экономики. 2023. № 26. С. 48–55. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-48-55>.
11. Номоконов В. А. Причины преступности в современной России : проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 11(2). С. 247–257.
12. Полтерович В. М. Факторы Коррупции // Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). 1998. № 34(3).
13. Цуриков В., Цуриков А. Экономический подход к анализу корыстных преступлений // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>.
14. Becker G. S. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy, 1968. № 76(2). P. 169–217.

References

1. Andrienko Yu. V. In search of an explanation for the growth of crime in Russia during the transition period : a criminometric approach // HSE Economic Journal. 2001. № 2. P. 194–220.
2. Gilinsky Ya. I. Crime and social control over it in modern postmodern society : a criminologist's

- view // Criminalist. 2016. № 1. P. 3–8.
3. Zhizhin L. A., Knorre A.V., Kuchakov R. K., Skugarevsky D. A. The costs of Russian society from crime : measurement using compensating changes in income // *Applied econometrics*. 2023. № 69. P. 91–120.
 4. Kolesnikov V. V., Markova A. B. On the role of the institutional approach in the development of a strategy for the prevention of criminal economic behavior // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006. № 29. P. 180–184.
 5. Latov Yu. V. Economic theory of crimes and punishments (economic imperialists visiting criminologists) // *Questions of economics*. 1999. № 10. P. 60–75.
 6. Litvinenko A. N., Grachev A.V., Vinogradova Yu. A. Analysis of the influence of the shadow economy on the country's economic security indicators // *Russian Journal of Management*. 2023. № 11(2). P. 45–52. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2023-11-2-45-52>.
 7. Lunev V. V. Problems of countering economic crime // *State and law*. 2014. № 2. P. 32–40.
 8. Matskevich I. M. The causes of economic crime. Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2017.
 9. Myachin N. V. Is there a natural crime rate in Russia? // *Journal of the New Economic Association*. 2022. № 53. P. 85–98. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-4>.
 10. Myachin N. V., Shkvarok V. M. Transformation of threats to economic security by the example of the institute of counterfeiting in Russia // *On guard of economics*. 2023. № 26. P. 48–55. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-48-55>.
 11. Nomokonov V. A. The causes of crime in modern Russia : the problem is getting worse // *All-Russian Journal of Criminology*. 2017. № 11(2). P. 247–257.
 12. Polterovich V. M. Factors of Corruption // *Journal of Economics and Mathematical Methods (EMM)*. 1998. № 34(3).
 13. Tsurikov V., Tsurikov A. An economic approach to the analysis of mercenary crimes // *Economic issues*. 2007. № 1. P. 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>.
 14. Becker G. S. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*, 1968. № 76(2). P. 169–217.

Информация об авторе

Н. В. Мячин — доцент кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук.

Information about the author

N. V. Myachin — Associate Professor of the Department of Economic Security of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 33.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-262-270>

EDN: <https://elibrary.ru/duzrbo>

НИОН: 2003-0059-3/24-081

MOSURED: 77/27-003-2024-03-280

Выгоды и риски импортозамещения в экономике

Нелли Викторовна Цхададзе

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, nelly-vic@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ импортозамещения как эффективного способа развития и поддержания национальных производителей; отмечается, что импортозамещение может принести пользу экономике за счет развития местного производства и снижения зависимости от импорта. Однако оно несет в себе и риски, неэффективного развития отраслей, ухудшения отношений с другими странами и неготовности отечественного производства к таким изменениям. Рассмотрен зарубежный опыт политики импортозамещения, выявлены особенности импортозамещения в России.

Ключевые слова: импортозамещение, национальное производство, риски импортозамещения, выгоды импортозамещения, перспективы импортозамещения

Для цитирования: Цхададзе Н. В. Выгоды и риски импортозамещения в экономике // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 262–270. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-262-270>. EDN: DUZRBO.

Original article

Benefits and risks of import substitution in the economy

Nelli V. Tskhadadze

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, nelly-vic@mail.ru

Abstract. The analysis of import substitution as an effective way to develop and maintain national producers is provided; it is noted that import substitution can benefit the economy by developing local production and reducing dependence on imports. However, it also carries risks, such as inefficient development of industries, deterioration of relations with other countries and the unpreparedness of domestic production for such changes. The foreign experience of import substitution policy is considered, and the features of import substitution in Russia are identified.

Keywords: import substitution, national production, risks of import substitution, benefits of import substitution, prospects for import substitution

For citation: Tskhadadze N. V. Benefits and risks of import substitution in the economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):262–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-262-270>. EDN: DUZRBO.

Политика импортозамещения является защитным механизмом государства для поддержания конкурентоспособности национальных производителей. Концепция импортозамещения заключается в ограничении или прекращении импорта определенного продукта путем его замены на местный.

Политика государственного импортозамещения относится к комплексу государственных мер, направленных на защиту, поддержку и развитие производственных организаций, продукция которых будет иметь ряд преимуществ перед импортной продукцией.

Такая стратегия государства характерна для раз-

вивающихся стран: путем сокращения импорта местная продукция становится приоритетнее, чем дорогой зарубежный товар. Следовательно, потенциальные финансовые ресурсы национального производителя становятся обширнее из-за снижения конкуренции искусственным путем, так как повышается спрос на необходимую продукцию.

К основным принципам импортозамещения можно отнести:

- приоритетность местного производителя и его товаров. Под этим подразумевается всесторонняя поддержка и развитие внутренних организа-

- ций для повышения их конкурентоспособности;
- ограниченность во времени. Меры импортозамещения должны применяться только в кризисных и непредвиденных ситуациях, а также при создании новых групп товаров или отраслей;
- комплексный характер. Одна мера импортозамещения никак не поможет государству достичь поставленных целей. Следовательно, правительством должен приниматься комплекс мер, который всесторонне воздействует на необходимые субъекты. Только таким путем может строиться импортозамещение;
- сохранение минимального объема вмешательства государства в экономику. На данном этапе развития человечества большая часть стран имеет рыночную экономику с элементами государственного воздействия. Если государство будет слишком активно вмешиваться в экономику путем политики импортозамещения, то могут быть созданы идеальные условия для развития торговли. Следовательно, могут быть нарушены основные экономические законы, что приведет к самоизоляции экономики страны и другим различным негативным последствиям.

Политику импортозамещения проводит государство, поэтому многие инструменты характерны и для воздействия на другие экономические процессы.

Отличительной чертой импортозамещения явля-

ется прямое или косвенное влияние на импортную продукцию. Это означает, что в обязательном порядке применяются инструменты для регулирования объемов импорта.

Меры в контексте импортозамещения представляют собой совокупность создаваемых механизмов и используемых инструментов, направленные на достижение планируемых результатов политики импортозамещения государства.

Механизм импортозамещения — это меры, создаваемые государством чаще всего в самом начале применения политики импортозамещения и позволяющие запустить процесс саморегулирования реализации политики импортозамещения. Отличительной чертой механизма является его одноразовость. Требуются усилия только для его запуска, а далее только меры по поддержке и развитию. К механизмам можно отнести создание особых экономических зон, налоговых режимов и т. д. Инструменты в свою очередь используются часто и требуют больших затрат, например субсидии.

Инструменты импортозамещения — это точечные действия, которые воздействуют на экономических субъектов, требуют постоянной корректировки и поддержки. К инструментам можно отнести выделение финансирования, субсидии, инвестирование и т. д.

По характеру воздействия на субъекты экономики меры делятся на защитные и стимулирующие, как представлено на рис. 1.

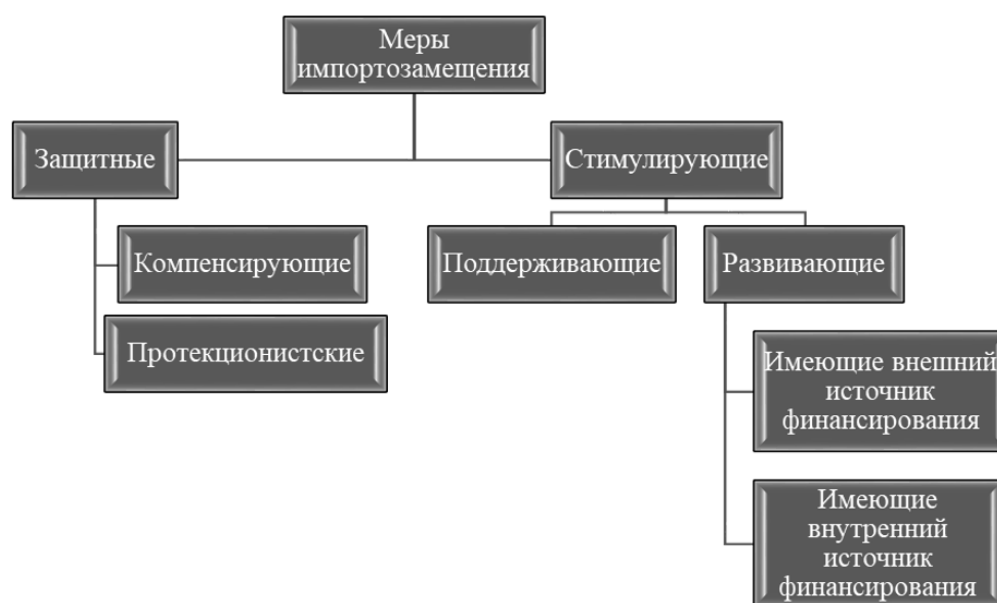

Рис. 1. Виды мер импортозамещения

Источник: составлено автором по [1]

Защитные меры направлены на поддержку местного производителя путем снижения уровня конкуренции с более сильными иностранными органи-

зациями. Такие меры можно поделить на компенсирующие и протекционистские.

Компенсирующие меры используются для умень-

шения глубины негативных последствий протекционистской политики другого государства. Включают в себя введение антидемпинговых мер, компенсирующих пошлин, торговых квот и другие способы защиты своих производителей.

Протекционистские меры представляют собой протекцию (ограничение/запрет) от импортной деятельности или же создание невыгодных условий путем установления пошлин/сборов, которые делают импортную продукцию неконкурентоспособной из-за высокой цены.

Прямое воздействие представляет собой законодательное ограничение импорта товаров. Такие действия государства иногда воспринимаются враждебно со стороны других стран. В современном мире также употребляются понятия «санкция» и «эмбарго». Данный инструмент используется для «освобождения места» для внутренних производителей. Происходит искусственное уменьшение предложения для стимулирования объемов производства местного производства. Тем самым уменьшается отток денежных средств зарубежных компаний в их бюджеты, и национальные производители имеют больше ресурсов для повышения своей конкурентоспособности.

Более мягким (косвенным) инструментом является изменение политики таможенного регулирования, которое позволяет без прямых ограничений импорта уменьшить объем ввозимой продукции. Рациональное использование тарифных и нетарифных мер позволяют грамотно сократить импорт путем удорожания продукции. Для потребителя будет заметна разница в цене между импортным товаром и местным. Тем самым спрос на зарубежные товары плавно снизится. Также различные пограничные пошлины и сборы пополняют бюджет государства, который может быть использован на финансирование программ развития бизнеса.

Стимулирующие меры направлены на развитие внутреннего производства для повышения конкурентоспособности местной продукции. Их можно поделить на поддерживающие и развивающие.

Меры по поддержке бизнеса направлены на создания благоприятных условий для развития организаций. Смягчение кредитной и налоговой политики позволяет увеличивать объем ресурсов для модернизации производства.

Для стимулирования производства также могут использоваться различные государственные программы субсидирования, инвестирования и финансирования. Исходя из различных условий, государство выбирает наиболее эффективную тактику для достижения нужного результата. Например, государство может повышать долю организаций с государственным участием, развивать инструменты проектного финансирования или инвестировать в технические и инженерные организации для дальнейшей модернизации производства,

что приведет к повышению качества продукции и снижению себестоимости выпуска.

Развивающие меры применяются в случае отсутствия какой-либо отрасли в стране, где требуется ее создание. Участие государства необходимо для преодоления барьеров при вхождении производителя на рынок. Деление данных мер производится по виду источника финансирования. Внутренний источник финансирования представляет собой в большинстве случаев средства бюджета государства. Относится в большинстве случаев к стратегически важным отраслям экономики. В России, например, это оборонно-промышленный комплекс. Существует также внешний источник финансирования, который заключается в привлечении частных инвестиций. При этом возникает возможность не только получить денежные средства, но и зарубежные технологии, оборудование и специалистов.

Также меры импортозамещения можно классифицировать по широте воздействия (для всех субъектов экономики или для отдельных организаций/отраслей) и территориальности (действуют на всей территории государства или только на его части).

Преимуществом грамотной политики импортозамещения является сравнительная безопасность внедрения по сравнению с политикой стимулирования экспорта. При импортозамещении происходит удовлетворение местного потребителя, когда при политике стимулирования экспорта насыщается зарубежный покупатель. В интересах государства политика импортозамещения выглядит выигрышной, потому что все производственные процессы национального производителя проходят внутри страны. Следовательно, контролировать эффективность программы намного проще, чем вкладываться в экспорт. Также стоит отметить историческую составляющую, что сначала постепенно развивались производственные и торговые цепочки внутри страны. Только после налаженного процесса внутри и удовлетворения местного потребителя торговля выходит за пределы страны.

В случае успешно проведенной стратегии импортозамещения общая тенденция развития макроэкономических показателей положительна. Данный факт положительно сказывается не только на экономической сфере государства, но и имеет отражение в других сферах.

Риском политики импортозамещения является некомплексный подход государства к разработке данной стратегии. Чрезмерное вмешательство в развитие какой-либо отрасли может привести к ее неэффективности, что в дальнейшем подразумевает большие убытки.

Также стоит отметить, что возможны ухудшения отношений с другими странами. Политика импортозамещения часто используется как инструмент торговых войн. Например, в ходе торговой войны между США и КНР не раз были применены различного рода

меры по регулированию объемов импорта, т. к. наибольшую часть импортной продукции США предоставляет Китай. Закрытие рынка или его сужения может восприниматься странами негативно, особенно если контроль импортной продукции касается определенной группы стран.

Потенциальным риском также может являться неготовность производства к таким изменениям. В данном случае государство должно заранее подготовиться к снижению объемов импорта для избежания дефицита.

Для планирования и прогнозирования результатов политики импортозамещения правительству государства необходимо выделить факторы, которые могут повлиять на эффективность такого мероприятия. Многие страны имеют особенности, которые невозможно никак исправить на конкретном этапе их развития, и это должно быть обязательно учтено.

В первую очередь стоит выделить такой аспект как политическая стабильность – состояние войны (как гражданская, так и внешняя) негативно сказывается на экономике. Потребители ведут себя намного чаще иррационально, малые производители чаще достигают стадии банкротства. У государства нет средств для поддержания внутренних производителей, потому что большая часть средств реализуется в оборонно-промышленном комплексе.

Далее стоит отметить аспект инфраструктуры. Есть множество примеров стран, которые достигли экономического успеха с помощью политики импортозамещения, но их объединял один факт. Практически во всех странах имелась необходимая инфраструктура (хотя бы минимальная). Практически во всех африканских странах политика импортозамещения была бесполезной и даже ухудшила положение государства [2].

Финансовые возможности страны. Важным элементом эффективной политики импортозамещения является государственная поддержка. Если страна не готова финансово обеспечивать развитие инфраструктуры и внутренней торговли, то тогда есть возможность привлечения внешних инвестиций. В этом кроется проблема, потому что для привлечения инвестиций третьих лиц требуется предсказуемость и прибыльность. Без государственной поддержки инвесторы только в редком случае будут готовы вкладывать свои ресурсы в такие проекты.

Если все вышеперечисленные пункты имеют временный характер, т. е. государство имеет шанс изменить свое положение, то географическое положение поменять очень тяжело. Климатические особенности, географическое положение во многом предопределили развитие стран: некоторые богаты ресурсами, какие-то имеют плодородные почвы. Такие аспекты также определили историческое развитие государств: сложившийся менталитет, религия, мировоззрение также важно учитывать при планировании политики импортозамещения.

Импортозамещение в зарубежных странах

Политика импортозамещения активно использовалась во многих странах с середины XX века. Рыночные основы экономики в различные периоды времени требовали корректировки развития национальных производителей для поддержания их конкурентоспособности. Особенную популярность импортозамещение получило после окончания Второй мировой войны, так как большая часть стран-участниц пережили экономические кризисы и достаточно серьезные пробелы в развитии производства.

Турция, Южная Корея, Индия, Китай и др. — страны, которые достигли мирового лидерства после реализации политики импортозамещения.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить три основных вида политики импортозамещения [2].

В первую очередь, большинство стран прибегают к развитию отсталых отраслей, которые не могут выдержать конкуренцию зарубежных производителей. Для их поддержки используются защитные меры, которые снижают уровень конкуренции на внутреннем рынке и повышают конечную стоимость импортной продукции. К странам, которые использовали такой вид импортозамещения, можно отнести КНР и страны Южной Америки.

При политике импортозамещения использовались различные методы. Например, в Аргентине была изменена кредитная политика для предоставления льготных кредитов организациям. Во многих странах применялась жесткая таможенная политика относительно товаров народного потребления. В Пакистане были введены высокие пошлины на эту группу товаров относительно других (сырье, оборудование и т. д.)

Одним из главных показателей роста экономики является ВВП. В странах Южной Америки при проведении политики импортозамещения в течение 20 лет наблюдался среднегодовой рост 5,5 % [2]. Сильно развились производства товаров народного потребления, а в каких-то странах была развита промышленность. Показателем успешной политики импортозамещения является отношение объема импорта к ВВП. Стоит отметить, что во многих странах этот показатель не изменился, так как ограничение импорта в одних отраслях приводит к его росту в других.

Одним из главных преимуществ политики импортозамещения является формирование национального среднего класса, что благоприятно влияет на социальные и экономические процессы.

Негативные последствия в полной мере представлены в Бразилии. Высокий государственный контроль экономики, рост импорта (из-за модернизации отраслей требовались зарубежные комплектующие), ослабление национальной валюты, снижение внутренней конкуренции, снижение международного взаимодействия и т. д. Суммируя все вышеизложенные последствия, формируется экономика с неэффективной промышленностью, которая сильно зависит от госу-

дарства и неконкурентоспособна за пределами внутреннего рынка.

Из-за таких серьезных негативных последствий, которые не компенсируются преимуществами, многие страны отказались от прямых инструментов импортозамещения (пошлины и тарифы). Были пересмотрены таможенные режимы. Многие страны снизили пошлины практически в 2 раза.

Основные негативные последствия импортозамещения первого типа:

- невыгодность экспорта из-за нестабильного курса национальной валюты;
- неконкурентоспособность продукции за пределами внутреннего рынка;
- недостаточный спрос на внутреннем рынке.

При втором виде импортозамещения государство направляет все ресурсы на создание необходимых отраслей, которые еще не представлены в стране. К ним чаще всего относятся наукоемкие и/или промышленные отрасли. Это означает, что государство нацелено максимально на создание полного цикла производства внутри страны для снижения зависимости ее технологического прогресса от импортных компонентов. На данном этапе к защитным мерам добавляются стимулирующие для поддержания развития промышленности страны (страны Восточной Азии).

В качестве более подробного примера необходимо рассмотреть опыт Индии. В середине XX века правительство решило развить государство до уровня полного обеспечения (т. е. снизить зависимость от импорта до 0 %). Для постепенной реализации данной цели были выделены приоритетные промышленные отрасли, которые в перспективе приносили бы необходимый доход для экономического роста. Основным инструментом импортозамещения в Индии было создание внушительного государственного сектора и использование административного (индикативного) планирования. За 10 лет применения политики импортозамещения монополия государства в экономике росла (25 % государственного сектора в экономике). В стратегических отраслях доля государства приближалась к 100%. Например, предприятия с государственным участием перерабатывали 100 % нефти в стране, вырабатывали 95 % электроэнергии и т. д. [2].

При государственной монополии в капиталоемких отраслях правительство старалось поддерживать малый и средний бизнес для приближения к максимальной занятости. В начале первого этапа импортозамещения в Индии наблюдался критический уровень безработицы, что требовало внимания государства для поддержания стабильного развития. Сохранение таким образом бизнеса позволило не только сохранить рабочие места, но и обеспечить низшие слои населения недорогой продукцией.

Правительство Индии использовало максимально возможный набор инструментов импортозамещения:

протекционизм стратегических отраслей, привлечение иностранных инвестиций и заимствование передовых технологий.

Экономический прирост в среднем составлял 23 % в течение 10 лет за счет развития промышленности [2]. Политика импортозамещения в Индии дала мощный толчок в модернизации экономики, а также в повышении уровня подготовки рабочей силы. На производствах стали использовать современные технологии, которые повышали не только производительность труда, но и качество продукции. Государственные инвестиции способствовали бурному экономическому росту страны. Однако уже на этом этапе присутствовали негативные факторы: завышенная себестоимость продукции, избыточная занятость и высокие издержки производства.

При реализации политики импортозамещения в стране с большой территорией требуется развитие транспортных сетей и различных путей сообщения. Благодаря этому в Индии были построены новые районы, которые повышали спрос на внутреннем рынке. Производство развивалось, не оставляя места для импортной продукции (менее 4 % для потребительских товаров) [2]. Защита внутренних производителей от внешней конкуренции и материальная поддержка бизнеса создали условия для расширения видов и объемов производимой продукции.

Однако с 1975 гг. политика импортозамещения в Индии начала демонстрировать обратную тенденцию. Во многих отраслях (производство мебели, табачная промышленность, сталелитейная промышленность и т. д.) невозможно использовать политику импортозамещения в долгосрочной перспективе.

При третьем типе государство нацелено на поддержание наиболее развитых и преимущественных отраслей, которые имеют перспективу увеличения экспорта. То есть после завершения политики импортозамещения или вовремя ее реализации проводится политика стимулирования экспорта, которая при неразвитости внутреннего рынка достаточно губительна для экономики (Сингапур, Гонконг, Южная Корея) [2].

В экономической науке данный тип политики известен под названием «новая экономическая политика». Существует три подвида политики импортозамещения в азиатских странах в разной степени зависимости от внешних инвестиций.

Правительство Сингапура строило свою политику импортозамещения, опираясь на важность иностранных инвестиций. Это обуславливается территорией страны. Площадь не позволяет создавать крупномасштабные промышленные производства для экономического развития страны.

Обратная такой политике является полная автономность политики импортозамещения от внешнего финансирования. Такая тактика использовалась в Южной Корее и на Тайване [2]. Задачами такого типа

импортозамещения являлись ограничение иностранных инвестиций и стимулирования развития приоритетных отраслей. На фоне свободной торговли были получены высококонкурентные отрасли промышленности.

При третьей модели отмечается нейтральное отношение к внешнему финансированию. Государство не определяло главного инструмента политики импортозамещения, поэтому в равной степени полагались и на иностранные инвестиции, и на развитие производства собственными силами. Такая модель была использована в Индонезии, Малайзии, Таиланде и на Филиппинах.

Особенности импортозамещения в России

Климатические и географические особенности России представляют большую сложность в составлении грамотной политики импортозамещения. Многие территории в силу сурового климата и неплодородных земель не могут быть использованы для увеличения внутреннего производства. При формировании политики импортозамещения не должна быть сильно завышена цена отечественного продукта. Например, из-за транспортных издержек.

Из этого плавно вытекает следующий пункт — наличие инфраструктуры. Развитие и наличие автомобильного, железнодорожного, авиа, морского и речного сообщения является одним из важных пунктов эффективности импортозамещения. Модернизация производств, развитие кредитного сектора, повышение социальных условий — все это необходимо. Именно комплексный подход может обеспечить достижение цели.

В РФ до 2026 года более 3 млрд. руб. будет выделяться ежегодно на развитие национальной экономики. В России зарегистрировано более 3 млн. организаций [4]. Ограничить этот список позволяет выделение стратегически важных отраслей экономики и введение определенных требований к организациям.

Говоря о политической стабильности, стоит отметить, что для российской экономики это главная проблема. Основные экономические потрясения связаны не с естественно протекающими процессами, а из-за разногласий государств. Политика импортозамещения была активно начата в России после первых введенных санкций в 2014–2015 гг. После этого в РФ был запрещен ввоз определенного ряда товаров. Экономика того времени находилась в достаточно хрупком положении, потому что спустя 20 лет все еще велась борьба с сильнейшим экономическим кризисом 1990-х годов, а также присутствовали последствия кризиса 2008 года. Достаточно сильное давление на экономику могло привести к внутреннему развалу страны, что требовало грамотного подхода к разработке политики импортозамещения. На данный момент времени экономика России все еще сталкивается с потрясениями, но делаются все шаги для достижения экономической стабильности.

Введение санкций в долгосрочной перспективе снижает объемы иностранных инвестиций и конкурентоспособность продукции. В краткосрочной — это имело бы позитивные эффекты, но с годами накапливаются только проблемы. В целом, санкционная политика России была составлена грамотно, исходя из сложившейся ситуации, т. к. был нанесен ответный ущерб экономикам США и ЕС.

Один из главных минусов импортозамещения в целом отразился на экономике России — внушительное снижение уровня конкуренции из-за ухода мировых лидеров с рынка. Вследствие этого качество продукции либо не изменилось, либо снизилось на фоне роста объемов производства и их реализации. Но цена все равно увеличилась.

Законодательная база значительно развилась за 15 лет. Была проделана огромная работа, охватывающая максимально все необходимые сектора экономики. Однако многие НПА требуют пересмотра и корректировки, т. к. некоторые из них не изменялись в течение 10 лет.

После анализа динамики объемов импорта была отмечена тенденция роста импорта как в целом, так и по каждой из категорий [4]. Несмотря на проведение политики импортозамещения, рост импорта с 2016 г. по 2021 г. составил 160%. Данный факт нельзя не отметить как негативный. Еще стоит добавить, что в каждой из анализируемых категорий произошел рост объемов импорта. Это означает то, что политика импортозамещения требует корректировки в текущих условиях.

Также стоит отметить централизацию валового регионального продукта (далее — ВРП). По данным Росстата более 33 % ВРП России приходится на центральный федеральный округ. ВРП Москвы при этом составляет 20 %. [4] Динамика ВВП показывает небольшой и достаточно нестабильный рост, но тенденция все еще положительна.

В таблице 1 указана динамика импорта и ВВП в РФ. Одним из важных показателей является их соотношение. Импорт растет с каждым годом. ВВП тоже растет, но намного медленнее. Из-за этого наблюдается тенденция сильной зависимости от импортной продукции.

Таблица 1

Показатели ВВП и импорта в РФ

Год	2000	2009	2016	2021
Импорт, млрд. долл.	33879	167348	182448	293531
ВВП, млрд. долл.	278,1	1 309,2	1 282,7	1840
Импорт/ВВП	121,8	127,8	142,2	159,5

Источник: составлено автором по [4]

Наиболее уязвимыми являются наукоемкие отрасли (машиностроение, фармацевтика, электроника и т. д.)

Политика импортозамещения в РФ затрагивает все отрасли экономики, но выделяются наиболее важ-

ные: государственные закупки; IT-сфера (основная мера — принудительный перевод государственных учреждений на отечественное программное обеспечение); машиностроение (основная мера — финансовая поддержка); сельское хозяйство (основные меры — эмбарго на ввоз продукции из недружественных стран, финансовая поддержка).

Основной проблемой импортозамещения в РФ на данном этапе становится отставание от планов. Например, фактическое снижение импорта молочной продукции составило 20 %, по плану — 30 %. Импорт овощей уменьшился на 27 % (целевой показатель — 70,3 %) [3].

Существует несколько причин формирования таких низких показателей:

- существует проблема с сельскохозяйственным оборудованием и техникой. В 2017 г. производства такой продукции еще не было, а на данный момент проводятся попытки запуска;
- иностранные аналоги более выгодны, чем отечественная продукция. Только несколько позиций могут конкурировать с идентичной продукцией других стран. На остальные позиции еще не удовлетворен спрос внутри страны (например, мясная отрасль);
- существует большая проблема молочной и кисломолочной продукции.

Импортная продукция, несмотря на высокие пошлины, может стоить дешевле местной. В 2020 г. импорт такого рода товаров достиг своего максимума. Эмбарго на ввоз большей части продовольственной продукции не имеет высокую эффективность на данный момент. Безусловно, часть рынка была освобождена, но на эти места импортируется продукция из Китая, Белоруссии и Латинской Америки.

В других отраслях сложилась схожая ситуация, но наиболее тяжелая сложилась в тяжелой промышленности. Причины следующие:

- недостаточность финансирования;
- из этого вытекает неразвитость научно-технической базы.

Зависимость от импорта в этой отрасли 10 лет назад доходила до 90 %. Например, многие производители не готовы отказаться от импортного сырья, потому что это бы привело к серьезному снижению качества готового продукта. Также невозможно отказаться от импортного оборудования, т. к. аналогов в России нет. Согласно статистике, в 2014 г. 40 % не готовы отказаться от импортного оборудования, и 37 % — от импортного сырья. В 2017 г. только 7 % предприятий отказались от импортного оборудования и 8 % — от импортного сырья [3].

Такая же острая ситуация присутствует в фармацевтической и IT отраслях. Причины остаются те же: дешевые и качественные импортные сырье и оборудование, отсутствие российских аналогов.

В России сложился ряд факторов, которые препятствуют развитию экономики:

- высокий уровень коррупции во всех сферах и на всех уровнях. Присутствует динамика роста взяток в государственных органах. Импортозамещение финансируется в России государственными средствами, присутствует нехватка финансовых ресурсов у организаций. Из-за кражи денежных средств происходит снижение эффективности импортозамещения;
- использование прямых и активных мер импортозамещения. Россия на начальных этапах импортозамещения запретила ввоз большого перечня продукции, но проблема была в том, что полноценной замены еще не было на внутреннем рынке. Особый ущерб был нанесен фармацевтической и IT отраслям. Это привело к снижению уровня жизни населения и эффективности работы многих структур, которые были переведены на отечественное программное обеспечение;
- растущий уровень бюрократизации. Из-за этого предприятия малого и среднего бизнеса не получают достаточного финансирования со стороны государства;
- неблагоприятный инвестиционный климат в стране, недостаток инвестирования;
- недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры, необходимой для достижения целей экспортоориентированной экономики;
- создание условий для появления монополий. В России существует тенденция рынка к образованию монополий. В наукоемких отраслях это обусловлено недостаточным финансированием и дороговизной производств.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что в РФ существует ряд проблем, которые снижают эффективность импортозамещения. Пути решения возможно выделить следующие: корректировка нормативной базы; финансовая поддержка как напрямую из бюджета, так и опосредованно, через государственные фонды развития промышленности; маркетинг, в том числе государственное продвижение и реклама отечественных товаров; привлечение иностранных инвестиций; развитие кадрового потенциала; создание «офшоров» и индустриальных парков; меры стимулирования производства промышленной продукции. Основой импортозамещения является научно-технический прогресс. Комплекс мер в рамках политики импортозамещения должен быть направлен на разработку нового оборудования для повышения производительности труда и качества продукции.

Осложняет ситуацию нестабильная экономическая и политическая ситуация, но при соблюдении баланса государственного вмешательства в экономику,

инвестировании в научные и инновационные разработки, отсутствии новых серьезных потрясений в будущем производство в РФ выйдет на новый уровень, и импортозамещение покажет свою эффективность.

Список источников

1. Безпалов В. В., Федюнин Д. В., Лочан С. А. Механизм обеспечения внешнеторговой безопасности региональных промышленных комплексов в условиях импортозамещения : монография. Москва : Русайнс, 2020. 183 с.
2. Ватолкина Н. Ш, Горбунова Н. В. Импортозамещение : зарубежный опыт, инструменты и эффекты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2015. № 3. С. 29–39.
3. Современные проблемы развития организаций, отраслей и территорий в условиях санкций, импортозамещения и концепции устойчивого развития : монография / Ю. И. Богомолова, Т. А. Шпилькина, Е. В. Анасенко [и др.] ; под ред. Ю. И. Богомоловой, Т. А. Шпилькиной. Москва : Русайнс, 2023. 416 с.
4. Росстат. Официальный сайт // URL://<https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

References

1. Bespalov V. V., Fedyunin D. V., Logan S. A. The mechanism of ensuring foreign trade security of regional industrial complexes in the context of import substitution : monograph. Moscow : Rusains, 2020. 183 p.
2. Vatulkina N. Sh, Gorbunova N. V. Import substitution : foreign experience, tools and effects // Scientific and technical bulletin of SPbGPU. 2015. № 3. P. 29–39.
3. Modern problems of development of organizations, industries and territories in the context of sanctions, import substitution and the concept of sustainable development: monograph / Yu. I. Bogomolova, T. A. Shpilkina, E. V. Anasenko [et al.]; edited by Yu. I. Bogomolova, T. A. Shpilkina. Moscow : Rusains, 2023. 416 p.
4. Rosstat. Official website // URL://<https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 01.03.2024).

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2016 г. № 925 (ред. от 16.05.2022) «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами».
2. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 616 (ред. от 09.12.2023) «Об установлении запрета на допуск промышленных

товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства».

3. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 2014 (ред. от 09.12.2023) «О минимальной обязательной доле закупок российских товаров и ее достижения заказчиком».
4. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 311 (ред. от 23.12.2023) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100».
5. Ключин В. В., Романец И. И. Перспективы импортозамещения в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 2 (68). С. 102–107.
6. Мурашко М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2 (22). С. 18–39.
7. Попова И. Н., Сергеева Т. Л. Импортозамещение в современной России : проблемы и перспективы // BENEFICIUM. 2022. № 2(43). С. 73–84.
8. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции в регионах РФ : монография / Н. В. Седова, Н. Н. Гагиев, Д. М. Мельникова. Москва : Русайнс, 2020. 98 с.
9. Тебекин А. В. Анализ проблем и перспектив реализации планов импортозамещения в отраслях промышленности // Транспортное дело России. 2022. № 2. С. 159–165.
10. Mohammad Amin. Asif Islam Use of Imported Inputs and the Cost of Importing: Evidence from Developing Countries // Applied Economic Letters, 2015, vol. 22, №. 6, p. 488–492.
11. Ruben Mercado P. Macroeconomic Volatility during Argentina's Import Substitution Stage // International Review of Applied Economics, 2001, vol. 15, № 2, p. 151–161.

Bibliographic list

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 16, 2016 № 925 (ed. dated 16.05.2022) «On the priority of goods of Russian origin, works, services performed and rendered by Russian persons in relation to goods originating from a foreign state, works, services performed and rendered by foreign persons».
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 30, 2020 № 616 (as amended on December 09, 2023) «On establishing a ban on the admission of industrial goods Originating from

- Foreign Countries for the purposes of Procurement for State and municipal Needs, as well as industrial goods Originating from foreign Countries, works (services) performed (rendered) by foreign persons, for the purpose of procurement for the needs of national defense and state security».
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 3, 2020 № 1014 (as amended on December 09, 2023) «On the minimum mandatory share of purchases of Russian goods and its achievement by the customer».
 4. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 9, 2022 № 311 (as amended on December 23, 2023) «On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated March 8 2022 № 100».
 5. Klyushin V. V., Romanets I. I. Prospects of import substitution in Russia // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2023. № 2 (68). P. 102–107.
 6. Murashko M. M. The Russian strategy of import substitution in the fuel and energy complex // Geoeconomics of energy. 2023. № 2 (22). P. 18–39.
 7. Popova I. N., Sergeeva T. L. Import substitution in modern Russia : problems and prospects // BENEFICIUM. 2022. № 2(43). P. 73–84.
 8. Import substitution of agricultural products in the regions of the Russian Federation: monograph / N. V. Sedova, N. N. Gagiev, D. M. Melnikova. Moscow : Rusains, 2020. 98 p.
 9. Tebekin A.V. Analysis of problems and prospects for the implementation of import substitution plans in industries // Transport business of Russia. 2022. № 2. P. 159–165.
 10. Mohammad Amin. Asif Islam Use of Imported Inputs and the Cost of Importing: Evidence from Developing Countries // Applied Economic Letters, 2015, vol. 22, №. 6, p. 488–492.
 11. Ruben Mercado P. Macroeconomic Volatility during Argentina's Import Substitution Stage // International Review of Applied Economics, 2001, vol. 15, № 2, p. 151–161.

Информация об авторе

Н. В. Цхададзе — профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. V. Tskhadadze — Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Налоговый процесс. Под ред. Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. М. Е. Косова. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Рассмотрены теоретические аспекты концепции налогового процесса, особенности процессуальных налоговых правоотношений, а также соответствующие аспекты деятельности налоговых администраций с учетом изменений в налоговом законодательстве.

Раскрыты элементы и формы регулирования налоговых правоотношений с учетом цифрового характера развития экономики страны. Детально выделены действующие нормы налогового процесса в механизме мероприятий налогового контроля и процессуальные аспекты принудительного исполнения налоговых обязанностей субъектов налоговых отношений.

Научная статья

УДК 159.923.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-271-274>

EDN: <https://elibrary.ru/cygywm>

ИПОН: 2003-0059-3/24-082

MOSURED: 77/27-003-2024-03-281

«Информационный след личности» в контексте осуществления профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации

Игорь Александрович Калининченко¹, Любовь Николаевна Костина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ support_mosu@mvd.ru

² kostin62@mail.ru

Аннотация. Актуализируется проблема исследования проявлений личности в информационном пространстве для обеспечения объективности сбора психологических данных о кандидатах на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Отмечается своеобразие «информационного следа личности», который отличается от проявлений гражданина в непосредственном общении с психологом анонимностью и свободой поведения и общения в соцсетях, легкостью высказываний своих взглядов и мнений, демонстрацией интересов, увлечений и привычек, способностей и характера. Расширяющееся жизненное пространство человека за счет информационных технологий обязывает психологов органов внутренних дел дополнять данные психодиагностического исследования о кандидатах на службу результатами психологического анализа: их переписки в соцсетях, включенности в определенные группы людей, просматриваемых медиафайлов, размещаемого контента и т. д. Раскрываются результаты научных исследований, проведенных в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в виде: компьютерных программ и словаря терминов, которые позволяют осуществить сбор первичной информации о возможных факторах риска кандидатов; содержания специальной таблицы со структурными компонентами личности для поиска и анализа информации о проявлениях индивидуально-психологических особенностей кандидатов на службу. В связи со спецификой профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел подчеркивается необходимость исследования и оценки в информационном пространстве нравственной зрелости кандидатов на службу, что позволит психологу оценить конструктивность развития правосознания и в целом гармоничность развития личности.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, кандидаты на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, психолог, структура личности, проявления личности, информационное пространство, информационный след личности

Для цитирования: Калининченко И. А., Костина Л. Н. «Информационный след личности» в контексте осуществления профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 271–274. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-271-274>. EDN: CYGYWM.

Original article

«Information trace of a person» in the context of professional psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Igor A. Kalinichenko¹, Lyubov N. Kostina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ support_mosu@mvd.ru

² kostin62@mail.ru

Abstract. The article updates the problem of studying personality manifestations in the information space to ensure the objectivity of collecting psychological data about candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The originality of the «information trace of a person» is noted, which differs from the manifestations of

© Калининченко И. А., Костина Л. Н., 2024

a citizen in direct communication with a psychologist by anonymity and freedom of behavior and communication in social networks, ease of expressing one's views and opinions, demonstration of interests, hobbies and habits, abilities and character. The expanding living space of a person due to information technology obliges psychologists of internal affairs bodies to supplement the data of psychodiagnostic research on candidates for service with the results of psychological analysis: their correspondence on social networks, inclusion in certain groups of people, media files viewed, posted content, etc. The results of scientific research conducted at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in the form of computer programs and a dictionary of terms that allow the collection of primary information about possible risk factors of candidates, the content of a special table with the structural components of personality for searching and analyzing information about the manifestations of individual psychological characteristics of candidates for service. In connection with the specifics of the professional work of employees of internal affairs bodies, the need is emphasized for research and assessment in the information space of the moral maturity of candidates for service, which will allow the psychologist to assess the constructiveness of the development of legal consciousness and, in general, the harmonious development of personality.

Keywords: professional psychological selection, candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, psychologist, personality structure, personality manifestations, information space, information trace of the individual

For citation: Kalinichenko I. A., Kostina L. N. «Information trace of a person» in the context of professional psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):271–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-271-274>. EDN: CYGYWM.

Значимость темы определяется совершенствованием профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации «... как важнейшего компонента надежности сотрудников и повышения качества работы с личным составом в системе МВД России» [3, с. 34]. Также актуальной остается проблема обеспечения психологом объективности информации о кандидатах, личность и субъект каждого из которых есть составляющие человеческой индивидуальности, которые могут проявляться в современных условиях в смешанном жизненном пространстве (оффлайн и онлайн). Проведение в установленном порядке психологических обследований, специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа, «... направленных на изучение, анализ и оценку индивидуально-психологических особенностей личности кандидатов на службу в органы внутренних дел...» составляют содержание профессионального психологического отбора, что является основной функцией психолога органов внутренних дел Российской Федерации, закрепленной п. 5 Приказа № 660 от 2 сентября 2013 г. «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации».

Расширяющееся жизненное пространство человека за счет информационных технологий ставит перед психологом органов внутренних дел Российской Федерации задачу объективизации данных о гражданине как предполагаемом кандидате на службу. В этой связи следует отметить появление нового термина «информационное пространство», который понимается как «...пространство отношений и связей, которое формируется как результат взаимодействия людей друг с другом в ходе освоения ими потенциала информационной среды (объектов, событий и явлений реального мира» [2, с. 45]. Учитывая это, подвергаемые психо-

диагностическому исследованию кандидаты на службу в органы внутренних дел как находящиеся в непосредственных прямых межличностных отношениях с близким кругом (оффлайн-пространство), могут быть частью онлайн-пространства. Уровень получения достоверности информации о гражданине как личности и как субъекте должен обеспечиваться комплексом методов исследования, применяемых психологом с учетом выбранного гражданином (предпочитаемого) пространства/пространств, что накладывает определенный отпечаток на психологическую работу.

Традиционное направление, когда психолог в непосредственном общении беседует или тестирует кандидата на службу, способствует сбору и дальнейшему анализу информации об индивидуально-психологических особенностях личности кандидата, уточнению и объективизации данных с помощью наблюдения, психологического анализа различных материалов и документов и др. В профессиональном общении с психологом кандидат на службу обычно подстраивается, корректирует или нивелирует отдельные свойства личности, создавая таким образом «позитивное впечатление». Вместе с тем, он может скрывать другие индивидуально-психологические особенности (не совсем красящие его личность), избегать открытого противостояния, не вступать в конфликтные межличностные отношения и т. п. Важным дополнением информации о личности кандидата, объективизирующим полученные психодиагностические данные, выступают результаты психологического анализа и оценки проявлений его личности в онлайн-пространстве. Этот своеобразный «информационный след личности» отличается от реальных проявлений личности кандидата в деятельности или непосредственном профессиональном общении значительной объективностью, поскольку из-за анонимности в информационном пространстве и соцсетях человек чувствует себя более

свободно, может легко высказывать свои взгляды и мнения, проявлять те или иные психические свойства, способности и характер, равно как и его акцентуации, другие качества личности, демонстрировать интересы и увлечения, которые в непосредственных контактах с психологом может скрывать или не показывать по различным причинам (боязнь или страх не пройти профессиональный психологический отбор, вероятность разоблачения в безнравственности, противоправных и иных действиях, сокрытие признаков аддиктивного поведения и т. д.).

Использование в качестве методологической основы идей субъектно-деятельностного подхода позволяет акцентировать внимание на высказанных утверждениях: С. Л. Рубинштейна о развитии и проявлении личности в деятельности [6, с. 203] и А. Н. Леонтьева об изменениях, которые «...субъект вносит в предметный мир, в предметную среду, действуя в этой среде» [5, с. 51]. С учетом сказанного, очевидно, что в современных условиях человек оставляет «информационный след» в виде проявления себя как личности и субъекта, проявлений целостности личности и субъекта: 1) в переписке (высказываниях, утверждениях, репликах, реакциях и пр., где в речи человек демонстрирует владение языком как средством передачи информации или обмена этой информацией, эмоциями, желаниями, планами и пр.); 2) просматриваемых медиафайлах, соответствующих его ценностным ориентациям, интересам, предпочтениям, потребностям; 3) за счет включенности в определенные группы, круг друзей, в которых от самоутверждается и на мнения которых ориентируется; 4) размещаемом контенте; 5) описании отдельных действий или определенной предметной деятельности в соответствии с личными планами, целями и мотивами, жизненным смыслом и пр.

На одном из важных этапов профессионального психологического отбора психолог может собрать и проанализировать в соцсетях первичную информацию о факторах риска девиантного поведения кандидата на службу, а также его личных и деловых качествах, подлежащих изучению в ходе комплексных обследований, отраженных в Постановлении Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Сбор первичной информации о возможных факторах риска кандидатов на службу может быть осуществлен с помощью результатов научных исследований: специально разработанных в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя компьютерных программ и словаря терминов, составленного с учетом мнений авторитетных лингвистов, специалистов в области криминальной психологии, сотрудников правоохранительных органов.

Структура заключений, которые готовят психологи органов внутренних дел Российской Федерации на кандидатов на службу, согласуется с психологической структурой личности по К. К. Платонову. Учитывая

это, курсанты, обучающиеся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», в совместной работе с преподавателями подготовили специальную таблицу для поиска и анализа информации о проявлениях в информационном пространстве индивидуально-психологических особенностей личности кандидата на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. В таблицу были включены разделы: 1) структурные составляющие личности (характер и отдельные черты, в т. ч. акцентуации; способности и их виды; направленность личности, формы и виды направленности, жизненные цели; знания, навыки, умения, личный опыт общения в информационном пространстве, привычки и культура общения в этом пространстве; индивидуальные особенности психических процессов и состояний; свойства нервной системы, темперамент); 2) внешние проявления личности в информационном пространстве («информационный след личности»); 3) индивидуально-психологические особенности личности кандидата. На учебных занятиях будущие психологи органов внутренних дел выполняют практические задания, которые способствуют формированию профессиональных навыков сбора и анализа данных о личности в информационном пространстве.

Подчеркивая значимость объединения научно-исследовательской работы и педагогической деятельности в направлении изучения «информационного следа личности» обратимся к идеям А. Ф. Лазурского, который подчеркивал важность применения естественного эксперимента в научном исследовании, который он стремился сделать более жизненным [4, с. 90]. Специфику проявлений современного человека как личности и субъекта можно исследовать с помощью естественного эксперимента в реальных условиях онлайн-пространства, анализируя «информационный след личности», который человек оставляет в процессе общения, взаимодействия и деятельности (или отдельных действий) в информационном пространстве. Подчеркнем, что в условиях этого пространства (которые можно считать естественными с условным допущением) человек выступает как субъект деятельности и субъект отношений, открыто проявляет свои личностные особенности и свойства субъекта.

Осознавая важность учета специфики предстоящей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, подчеркнем значимость расширения обозначенных структурных компонентов личности (по К. К. Платонову) в профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу так называемой «нравственной зрелостью», которая проявляется в ответственности, чувстве долга, совести и чести, верности своему слову, порядочности и т. п. Исследование и оценка нравственной зрелости кандидата выступает перспективным для проведения дальнейшего научного исследования. Получаемые психологом данные о нравственной зрелости гражданина могут стать основой для прогнозирования конструк-

тивного/деструктивного развития правосознания в период прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации. В этой связи согласимся с мнением отечественных ученых о том, что «...человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого сообщества» [7, с. 335]; «...фактором гармонического развития личности выступает приобщение человека к общечеловеческим нравственным ценностям» [1, с. 9].

Подводя итоги, отметим, что профессиональный психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, призванный «изучить профессиональную психологическую пригодность человека и спрогнозировать успешность его реализации в профессиональной деятельности» [8] в современных условиях информатизации общества должен включать исследование «информационного следа личности», а учитывая специфику профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел — нравственной зрелости личности, которая определяет конструктивность развития правосознания и в целом влияет на гармоничность развития личности.

Список источников

1. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности (Психологическое исследование). М. : Знание, 1985. 64 с.
2. Водяненко Г. Р. Информационное пространство человека // Интеграция образования. 2012. № 3. С. 42–48.
3. Кубышко В. Л., Крук В. М., Носс И. Н., Бородин Т. И. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 34–47.
4. Лазурский А. Ф. Об естественном экспери-

менте // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 2. С. 87–98.

5. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. 5-е изд., стер. М. : Смысл, 2019. 511 с.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
7. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека. М. : Школа Пресс, 1995. 383 с.
8. Смирнов Д. В., Сорокоумова С. Н. Профессиональный психологический отбор как цель, процесс и результат // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 3 С. 17.

References

1. Bratus B. S. Moral consciousness of the individual (Psychological research). M. : Knowledge, 1985. 64 p.
2. Vodyanenko G. R. Human information space // Integration of education. 2012. № 3. P. 42–48.
3. Kubysheko V. L., Kruk V. M., Noss I. N., Borodina T. I. Experimental substantiation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers // Psychology and Law. 2018. Vol. 8. № 3. P. 34–47.
4. Lazursky A. F. About a natural experiment // Experimental psychology, 2010. Vol. 3. № 2. P. 87–98.
5. Leontyev A. N. Lectures on general psychology. 5th ed., erased. M. : Smysl, 2019. 511 p.
6. Rubinshtein S. L. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg : Peter, 2002. 720 p.
7. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. M. : School Press, 1995. 383 p.
8. Smirnov D. V., Sorokoumova S. N. Professional psychological training as a goal, process and result // Bulletin of Minin University. 2022. V. 10. № 3 P. 17.

Информация об авторах

И. А. Калининченко — начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

Л. Н. Костина — начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

I. A. Kalinichenko — Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

L. N. Kostina — Head of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 04.06.2024. The article was submitted 27.04.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 04.06.2024.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-275-279>

EDN: <https://elibrary.ru/ejauvp>

НИОН: 2003-0059-3/24-083

MOSURED: 77/27-003-2024-03-282

Особенности работы психолога органов внутренних дел в зоне чрезвычайных ситуаций

Юлия Валерьевна Николаева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ulmit@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается значимость работы с травмой в практике психологического консультирования сотрудников органов внутренних дел и методы, которые могут быть использованы для обеспечения их психологического восстановления.

Ключевые слова: психологическое консультирование, психокоррекция, посттравматический стрессовый синдром, посттравматическое стрессовое расстройство, дебрифинг, когнитивно-поведенческая терапия, EMDR терапия, психологическая саморегуляция, палсинг, solwi-терапия

Для цитирования: Николаева Ю. В. Особенности работы психолога органов внутренних дел в зоне чрезвычайных ситуаций // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 275–279. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-275-279>. EDN: EJAUPV.

Original article

Features of the work of a psychologist of the internal affairs bodies in the emergency zone

Yulia V. Nikolaeva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ulmit@yandex.ru

Abstract. The importance of working with trauma in the practice of psychological counseling for employees of internal affairs bodies and methods that can be used to ensure their psychological recovery is considered.

Keywords: psychological counseling, psychocorrection, post-traumatic stress syndrome, post-traumatic stress disorder, debriefing, cognitive behavioral therapy, EMDR therapy, psychological self-regulation, palsing, solwi therapy

For citation: Nikolaeva Yu. V. Features of the work of a psychologist of the internal affairs bodies in the emergency zone. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):275–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-275-279>. EDN: EJAUPV.

Сотрудники полиции часто сталкиваются с опасными, тревожными и экстремальными ситуациями, такими как массовые беспорядки, террористические акты, конфликты, физическая агрессия, свидетельство насилия и несчастные случаи. Эти события могут вызывать посттравматический стрессовый синдром (ПТСС) и другие психологические проблемы. ПТСС может развиваться в ситуации, когда человек стал жертвой подобного события, если он оказался его свидетелем или подобное событие произошло с его близкими. Данный критерий также относится к специалистам, по роду своей работы сталкивающимся с последствиями

травматических событий: врачам, пожарным, кризисным психологам и так далее.

У каждого человека есть множество механизмов и ресурсов, позволяющих проживать непростые события, справляться с трудностями, переносить горе и потери, преодолевать разочарования и трагедии. Но иногда, мы сталкиваемся с событиями, справиться с которыми по определенным причинам не можем. Эти события совершенно не укладываются в наш личный опыт, и оказываются непреодолимыми потрясениями. Такие события, обычно связанные с реальным или кажущимся риском для жизни и здоровья, принято на-

зывать травмами, именно они могут стать причиной посттравматического стрессового расстройства — нарушения работы психики в результате столкновения с травмирующей ситуацией.

Наличие, по меньшей мере, одного из таких симптомов, как непроизвольные навязчивые и тревожащие воспоминания о событии, кошмарные сны, флэшбеки, мучительные переживания или физическая реакция в ситуациях, которые напоминают о событии, или, напротив, избегание воспоминаний о событии или всего того, что может о нем напомнить, нарушения мышления и эмоционального состояния вследствие пережитого события, снижение интереса к окружающему миру, раздражительность и вспышки гнева, повышенная настороженность, проблемы с концентрацией внимания — свидетельствуют о наличии посттравматического стрессового расстройства и требуют вмешательства специалиста.

Одним из основных принципов работы с травматическим событием ситуацией является ранее вмешательство. Это может включать как немедленные индивидуальные сеансы индивидуальных консультаций для отреагирования эмоций, улучшения самочувствия и разработки стратегий переработки травмы, так и групповое обсуждение, и анализ событий или опыта, который произошел в результате экстренной или травматической ситуации (дебрифинг). Индивидуальные консультации позволяют сотруднику полиции более открыто выразить свои эмоции и восприятия, а также сфокусироваться на своих индивидуальных потребностях.

Работа психолога ОВД в зоне чрезвычайных ситуаций характеризуется рядом особенностей: стрессовая нагрузка, круглосуточная доступность, оперативность, использование специфических методов и техник, особые требования к личным и профессиональным навыкам.

Общий подход к подготовке психологов для работы в зоне чрезвычайных ситуаций должен быть комплексным и ориентированным на быстрое реагирование, эффективное применение знаний и навыков в условиях, специфичных для кризисной ситуации:

- учет специфики работы в органах правопорядка и умение адаптировать свои методы и подходы к психологической помощи с учетом контекста;
- умение оперативно и эффективно оказывать помощь людям в кризисных ситуациях, включая острую реакцию на стресс, травму или потерю;
- владение методами и техниками оказания психологической помощи, включая работу с травмой, стрессом и адаптации к переменам;
- навыки управления собственными эмоциями в экстремальных условиях, чтобы сохранять спокойствие и эффективность в работе;

- умение работать в условиях ограниченной доступности ресурсов (время, пространство, материальные средства);
- способность быстро адаптироваться к новым обстоятельствам и принимать решения на основе текущей ситуации, так как ситуация может потребовать нешаблонного подхода и креативных решений;
- наличие навыков межличностного общения для работы с людьми в кризисной ситуации (эмпатия, эффективное слушание и умение устанавливать контакт непосредственно в условиях стресса);
- знания о психологических последствиях травмы и умение оказывать психологическую поддержку людям, пережившим экстремальные ситуации;
- навыки оказания помощи и поддержки семьям сотрудников ОВД, которые могут быть подвержены тревожности и стрессу из-за участия своих близких в чрезвычайных ситуациях;
- способность придерживаться высоких стандартов профессионализма и этики, обеспечивая конфиденциальность и уважение к индивидуальным потребностям и правам каждого человека;
- умения эффективно взаимодействовать с коллегами и координировать свою работу с работой других специалистов (медицинский персонал, спасатели, пожарные и правоохранительные органы).

Работа с травмой является одним из ключевых аспектов психологической помощи людям, пережившим экстремальные ситуации или травматические события. В травме мы замираем, «капсулизируемся», происходит реверберация нервных импульсов в головном мозге, наш мозг реагирует флешмобами на все, что напоминает нам о травме, происходит «захват комплекса» о котором писал К. Юнг [7].

Опыт психологического консультирования психологов, работающих с травмой, позволяет выделить несколько эффективных подходов и методов.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ). Этот подход фокусируется на идентификации негативных мыслей и поведения, связанного с травмирующим событием, обучении их распознавать и переоценивать, развивать стратегии совладения со стрессом.

Групповая терапия. Групповая работа создает пространство для обмена опытом, взаимной поддержки и понимания среди сотрудников, которые прошли через схожие ситуации. Психологический дебрифинг (Дж. Митчелл) обычно проводится после таких событий, чтобы помочь участникам обработать свои эмоции, разобраться в произошедшем и справиться с последствиями. Основными его целями являются: предоставление участникам возможности выразить

свои эмоции, переживания и реакции на событие, а также получить поддержку от других участников; обсуждение произошедшего события с целью анализа его причин, последствий и способов предотвращения подобных ситуаций в будущем; помощь участникам справиться с тревожностью, стрессом и другими негативными эмоциями, связанными с произошедшим событием. Оптимальным временем для проведения дебрифинга считается 48 часов после того, как случилось трагическое событие или стрессовая ситуация. Дебрифинг обычно проводится под руководством квалифицированного специалиста, с учетом индивидуального подхода, который помогает участникам ощутить себя в безопасной среде и обеспечивает структуру для эффективного обсуждения. Обычно дебрифинг проводится в группе людей, однако он применим и в индивидуальной работе с человеком, переживающим трагическое событие.

Психологическая саморегуляция. Дыхательные упражнения, медитация, визуализация, практики осознанности, релаксация могут помочь управлять своими эмоциями и снижать уровень тревожности и стресса.

Эмоциональное освобождение. Работа с выражением и обработкой эмоций, связанных с травматическим событием, может помочь сотрудникам освободиться от эмоционального напряжения и внутренних конфликтов. Это может быть достигнуто через техники экспрессивного письма, художественные выражения, театральные методы, психодраму или арт-терапию.

Телесно-ориентированные методы. Стрессы, которые сопровождают нашу жизнь, остаются в теле в виде мышечных блоков. Травмирующий опыт хранится в теле и психике и создает ограничения и проблемы в нынешней жизни. Тревожность, страхи, навязчивые сны, уныние, низкая самооценка и другие эмоциональные проблемы уходят корнями в предыдущий опыт [3].

Техники, ориентированные на работу с телом, могут помочь сотрудникам распознавать и расслаблять физические проявления стресса и тревоги. Это может включать в себя методы биоэнергетики, сенсомоторную психотерапию или работу с движением и дыханием. В настоящее время хорошо зарекомендовали себя методы с использованием холистического массажа (палсинга) как метода телесно-ориентированной психологической коррекции последствий профессионального стресса. Палсинг — это уникальный метод физической и психологической реабилитации, гармонизирующая физические, эмоциональные и энергетические поля нашего организма за счет пульсационных движений. Палсинг позволяет организму очень мягко, без эмоциональной и физической боли и кризисов, растворить созданные зажимы и разрешить спрятанные в них проблемы. По мнению Т. Браунинг, автора палсинга, лежащие в основе метода техники раскачивания и вибрации вызывают резонанс тканей и клеток

организма. Метод обладает сильным релаксационным и саморегулирующим действием и показал свою эффективность при лечении различных психосоматических расстройств [4].

Метод хевенинга, разработанная доктором Рональдом Руденом и его братом доктором Стивом Руденом основан на использовании сенсорных сигналов, включая физическое прикосновение (по определенному алгоритму) между терапевтом и пациентом, чтобы создать безопасное пространство для декодирования травматических воспоминаний [5]. По мнению Р. Рудена, прикосновение способствует увеличению количества успокаивающих химических веществ, таких как серотонин, который дезактивирует определенные рецепторы в банке памяти. Это может привести к изменениям, поскольку устраняются эмоциональные реакции, активируемые миндалевидным телом, на травматическое воспоминание. По мнению авторов метода, он может помочь людям с психологическими проблемами, особенно связанными с фобиями, посттравматическим стрессом и тревогой. Хевенинг подвергается критике многих ученых за отсутствие эмпирической поддержки, однако, довольно успешно применяется психологами при работе в зоне чрезвычайных ситуаций. Несомненный плюс данного метода в том, что он не имеет противопоказаний, может использоваться как дополнительный метод при работе с сотрудником, находящимся в состоянии шока или стрессовом состоянии.

EMDR терапия. Десенсибилизация и переработка травм с помощью движения глаз (ДПДГ или EMDR) представляет собой уникальный метод психотерапии, который был разработан американским психологом и педагогом Френсис Шапиро в 1987 году в США [6]. Этот метод успешно применяется для лечения посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий, жертв насилия, катастроф и стихийных бедствий. Кроме того, он показал высокую эффективность при работе с людьми, испытывающими тревожность, страхи в различных ситуациях, при работе с разными видами фобий, паническими и диссоциативными расстройствами. Мозг человека, находясь в стрессовой ситуации, выделяет дополнительные ресурсы, необходимые человеку для запоминания всех деталей происходящих событий. Иногда эти мельчайшие детали травмирующей ситуации фиксируются в памяти человека, происходит своеобразное «залипание» воспоминаний, которое приводит к формированию психологической травмы. Метод (ДПДГ или EMDR) способствует тому, что травматический материал проходит своеобразное разблокирование в памяти человека и, благодаря этому, происходят достаточно быстрые позитивные изменения [2]. С помощью этого метода человек способен вычленил из воспоминаний детали, связанные с переживанием травмы. Движения глаз на физиологическом уровне, вызывая попеременную активность правого и левого полушарий голов-

ного мозга, позволяют синхронизировать их работу. За счет этого корректируется процесс переработки информации, процессы естественной саморегуляции постепенно восстанавливаются, вследствие чего мозг может завершить работу по переработке информации, освобождая человека от травмы.

Метод Solwi-терапии, разработанный В. Б. Бажуриной, представляет собой интеграцию компонентов психодинамического, когнитивного, модульно-трансформационного подходов (Э. Блэйхмар) к терапии [1]. Уникальность метода проявляется в использовании билатеральной стимуляции, включая технику ДПДГ. Этот метод основывается на структурированном десятифазном подходе, который способствует ускоренной когнитивной переработке травматического опыта. Уникальная техника, применяемая в этом методе, позволяет создать условия для раскрытия этой психологической «капсулы», построения новых конструктивных нейронных связей путем создания некоего резонанса, движения. Задача терапевта установить психологический контакт и создать необходимые условия для работы, собрать психологический анамнез проблемы и определить модальность клиента (способа получения внешних сигналов с целью их последующей обработки, анализа, формирования индивидуальной реальности и реакций на происходящее).

При дальнейшей работе, перед клиентом ставится задача фокусироваться на трех вещах одновременно: на мысленном образе тревожной ситуации, на ощущениях в теле и на движении. В зависимости от ведущей модальности может быть использована различная схема воздействия: визуальный канал восприятия (быстрое движение глаз), аудиальный (работа со звуком) и кинестетический (похлопывания). В момент работы происходит активизация левого и правого полушария головного мозга. За счет смены модальностей, переключения внимания и поочередной работы полушарий головного мозга, происходит быстрая переработка тревожной информации и выход на положительный результат.

Работа с травмой в практике психологического консультирования сотрудников органов внутренних дел играет важную роль в обеспечении их психологического благополучия. Оказание поддержки и помощи после травматических событий может помочь сотрудникам полиции восстановиться и продолжить эффективное выполнение своих обязанностей.

Список литературы

1. Блэйхмар Э. Основы и применение модульно-трансформационного подхода // Психоналитические открытия. Международный психоаналитический журнал. 2010. № 1.
2. Полсен С. Глазами травмы и диссоциации : иллюстрированное руководство для EMDR терапевтов и клиентов. Под ред. М. Стишовой,

Н. Градской. М. : Издательские решения, 2021. 270 с.

3. Пряхина М. В. Оказание психологической помощи сотрудникам ОВД, пережившим травматический стресс // Вестник СПбУ МВД России. 2002. № 4 (16).
4. Пряхина М. В., Голуб Я. В. Возможности использования палсинга, светозвуковой и музыкальной стимуляции в коррекции состояний нервно-психической дезадаптации сотрудников органов внутренних дел // Вестник психотерапии. 2012. № 42 (47).
5. Рональд А. Руден «Когда прошлое управляет настоящим. Причины и лечение эмоциональных травм». Нью-Йорк, 2011. 177 с.
6. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз (EVDР). Протоколы и процедуры. Том 1. М. : Диалектика, 2023. 336 с.
7. Юнг К. Обзор теории комплексов (Синхроничность). М. : Рефл.Бук Ваклер, 1934. 313 с.

References

1. Bleichmar E. Fundamentals and application of the modular transformational approach // Psychoanalytic discoveries. International Psychoanalytic Journal. 2010. № 1.
2. Paulsen S. Through the eyes of trauma and dissociation : an illustrated guide for EMDR therapists and clients. Edited by M. Stishova, N. Gradskaya, M. : Publishing solutions, 2021. 270 p.
3. Pryakhina M. V. Rendering psychological assistance to police officers who have experienced traumatic stress // Bulletin of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. № 4 (16).
4. Pryakhina M. V., Golub Ya. V. The possibilities of using palsing, light and sound and musical stimulation in correcting states of neuropsychic maladjustment of employees of internal affairs bodies // Bulletin of psychotherapy. 2012. № 42 (47).
5. Ronald A. Ruden «When the past governs the present. Causes and treatment of emotional trauma». New York, 2011. 177 p.
6. Shapiro F. Psychotherapy of emotional trauma using eye movements (EVDR). Protocols and procedures. Volume 1. Moscow : Dialectics, 2023. 336 p.
7. Jung K. Review of the theory of complexes (Synchronicity). M. : Refl.Book Wackler, 1934. 313 p.

Библиографический список

1. Николаева Ю. В. Психологическое консультирование как одно из направлений дея-

тельности практического психолога ОВД // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2020). Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 403–409.

2. Николаева Ю. В. Теория и практика психологического консультирования : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. 88 с.
3. Николаева Ю. В. Основные направления и техники в практике психологического консультирования сотрудников ОВД // Психолого-педагогические аспекты становления развития сотрудника ОВД в условиях вузовской подготовки: Межведомственная научно-практическая конференция (31 марта 2021 г.): сборник научных трудов / [сост. А. А. Базулина]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 313–316.
4. Федорова Г., Бажурина В. Холистический массаж. СПб : Нев. Проспект, 2001. 186 с.

Bibliographic list

1. Nikolaeva Yu. V. Psychological counseling as

one of the activities of a practical psychologist of the Department of Internal Affairs // Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilyevsky readings — 2020). Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 403–409.

2. Nikolaeva Yu. V. Theory and practice of psychological counseling : textbook. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2022. 88 p.
3. Nikolaeva Yu. V. The main directions and techniques in the practice of psychological counseling of police officers // Psychological and pedagogical aspects of the formation of the development of an employee of the Department of Internal Affairs in conditions of university training: Interdepartmental scientific and practical conference (March 31, 2021): collection of scientific papers / [comp. A. A. Bazulina]. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. P. 313–316.
4. G., Bazhurina V. Holistic massage. St. Petersburg : Nev. Prospect, 2001. 186 p.

Информация об авторе

Ю. В. Николаева — заместитель начальника кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Nikolaeva — Deputy Head of the Department of Psychology of the Educational and Methodological Complex of the Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-280-286>

EDN: <https://elibrary.ru/btipgs>

НИОН: 2003-0059-3/24-084

MOSURED: 77/27-003-2024-03-283

Семья и школа как факторы риска и профилактики агрессии молодежи: современные вызовы

Артур Александрович Реан¹, Алексей Андреевич Ставцев²

^{1,2} Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ),
Москва, Россия

¹ aa.rean@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>

² stavtsev.alex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>

Аннотация. Исследуется проблема агрессии молодежи через призму двух ключевых институтов социализации личности: семьи и школы. В рамках статьи были рассмотрены риски и подходы к профилактике агрессии молодых людей. На примере современных исследований была обоснована эффективность системного позитивного подхода к профилактике агрессии, важнейшей особенностью которого является рассмотрение успешно пройденной социализации личности и достижения личностью действительной социальной адаптации, зрелости и психологического благополучия как ключевых аспектов, системно снижающих агрессию. Также были рассмотрены ключевые, по мнению авторов, современные вызовы в рамках профилактики агрессии как социальному институту семьи, так и социальному институту общеобразовательной школы. В заключении авторы формируют ряд результирующих и практических выводов из представленного анализа.

Ключевые слова: семья, школа, социализация, агрессия, агрессивность личности, зрелость личности

Для цитирования: Реан А. А., Ставцев А. А. Семья и школа как факторы риска и профилактики агрессии молодежи: современные вызовы // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 280–286. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-280-286>. EDN: BTIPGS.

Original article

Family and school as risk and prevention factors of youth aggression: contemporary challenges

Arthur A. Rean¹, Alexey A. Stavtsev²

^{1,2} Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia

¹ aa.rean@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>

² stavtsev.alex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>

Abstract. The problem of aggression of young people through the prism of two key institutions of socialization: family and school, is being explored. The article considers the risks and approaches to the prevention of aggression of young people. On the example of modern research the effectiveness of a systemic positive approach to the prevention of aggression was substantiated, the most important feature of which is the consideration of successfully completed socialization of the individual and the achievement by the individual of real social adaptation, maturity and psychological well-being as key aspects that systemically reduce aggression. The authors also considered the key modern challenges in the framework of aggression prevention to both the social institution of the family and the social institution of the secondary school. In summary, the authors form a number of resultant and practical conclusions from the presented analysis.

Keywords: family, school, socialization, aggression, personality aggressiveness, personality maturity

For citation: Rean A. A., Stavtsev A. A. Family and school as risk and prevention factors of youth aggression: contemporary challenges. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):280–286. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-280-286>. EDN: BTIPGS.

© Реан А. А. Ставцев А. А., 2024

Введение

Психологические исследования агрессии и агрессивности личности были, есть и, скорее всего, еще долго будут, будут в списке актуальности научного психологического знания. Это обусловлено как сложными социальными, биологическими и даже философскими базами понимания концепции агрессии, так и постоянно изменяющимися, эволюционирующими социальными принципами взаимодействия в обществе, моральными, этическими и ценностными ориентирами, постулируемыми на личностном, групповом и общественном уровне в целом. Ведь, объективно, различные микро- и макро-социумы предъявляют разнообразные критерии для оценки агрессивности личности — как готовности к проявлению агрессии, и к самой агрессии — как определенным действиям, причиняющим ущерб другому объекту [10]. Говоря языком наглядных аналогий, рамки низкого, среднего и высокого уровня агрессивности в межличностном взаимодействии спортсменов-боксеров будут, вероятно, отличаться от аналогичных у спортсменов-шахматистов. Поэтому именно социум и референтная группа индивида в значимой степени формирует уровень агрессивности личности и социальные, моральные и этические ориентиры уместности или неуместности проявления определенных действий, в частности агрессии, и то, что в одной социальной группе может являться спланированной шуткой, в другой будет воспринято как акт агрессии. Тем не менее, несмотря на отсутствие четких разделительных границ, регулирование уровня агрессивности личности и как следствие частоту актов агрессии осуществляет тот самый референтный социум, «поощряя» и, наоборот, «наказывая» в различных формах за те или иные действия, т. е. вполне резонно утверждать, что агрессивность как личностное свойство формируется в процессе социализации индивида. И именно успешно пройденная социализация подразумевает действительную социальную адаптацию, зрелость и психологическое благополучие личности [12], а как следствие низкий или средний уровень агрессивности личности, не выводящий ее за пределы границ социальной адаптации и просоциального поведения. Подход к агрессивности как следствию социализации является широко принятым и даже доминирующим в научном психологическом сообществе и, конечно, в значительной степени основан на теории социального научения Альберта Бандуры [1], которая позже была развита им в социально-когнитивную теорию [19].

При исследовании процессов социализации принято выделять институты или агенты социализации, в том числе 3 ключевых: семья, школа и неформальное окружение [10]. При этом, с точки зрения внешнего контролируемого воздействия, корректировки и модерации процесса социализации, именно семья и школа является наиболее подходящими институтами для возможного позитивного корректирования отклонений в процессе социализации индивида с целью ее успешного прохождения, а как следствие снижения рисков агрессии [11].

Таким образом, в рамках данной статьи мы хотели изучить современные исследования семьи и школы как факторов риска агрессии молодежи РФ, а также выделить наиболее значимые вызовы к системе профилактики агрессивности поколения молодых россиян в современных условиях.

Семья как фактор риска агрессии

В более ранних работах мы рассматривали проактивные и провокативные семейные факторы агрессивного поведения детей и подростков [10]. Выделяя две значимые группы факторов, связанных с семьей, выступающие в роли предикторов агрессивности, мы выделили группу социально-демографических семейных факторов и группу психологических семейных факторов. При этом важнейшее функциональное различие между группами заключается в том, что социально-демографические факторы (уровень дохода семьи, состав семьи, наличие братьев и сестер, уровень образования родителей, регион проживания и др.) по полученным данным, в том числе в ходе авторских эмпирических исследований, оказывают относительно предсказуемое и однозначное влияние на социализацию личности, т. е. изучая социально-демографические семейные факторы агрессивности личности, мы, с достаточно высокой степенью надежности, можем строго выделить факторы риска проявления агрессии.

Так, например, в исследовании В. С. Собкина и Е. А. Калашниковой [14], эмпирически установлено, что подростки из «слабых социальных страт с низким статусом в классе» чаще подвержены как психологическому, так и физическому буллингу и наоборот, открыто противодействовать агрессии в виде травли склонны учащиеся «из более сильных социальных страт: из семей с высшим образованием родителей и из высокообеспеченных семей» [14, с. 62]. Несмотря на это, задача нивелирования рисков агрессии происходящих из социально-демографических факторов гораздо более сложная с точки зрения фактического профилактического воздействия, чем задача нивелирования рисков агрессии происходящих из психологических семейных факторов (внутрисемейный климат, социальные установки членов семьи и др.) [10].

Объясняется это тем, что во многих случаях социально-демографические факторы, такие как состав семьи, уровень образования родителей или регион проживания, а также многие другие, являются для индивида условной константой, да, изменить эти факторы можно, но, как правило, — это означает существенный пересмотр базовых, формообразующих факторов семейной системы в различных аспектах. Кроме того, многие из социально-демографических семейных факторов агрессии связаны с внешними «надсемейными» показателями и носят не системный и не контролируемый на уровне семьи характер, например, экономическая ситуация в регионе или близость к району боевых действий. С другой стороны, внутрисемейные психологические факторы, связан-

ные с риском агрессии, даже при более сложной, чем в случае с социально-демографическими факторами конструкцией и системой взаимосвязей, имеют более гибкие механизмы воздействия, через которые можно эффективно осуществлять программу профилактики агрессии и агрессивности личности [10]. При этом работа с психологическим внутрисемейным климатом, социальными установками и паттернами взаимодействия между членами семьи также способствует компенсации социально-демографических рисков агрессии. Важным практическим результирующим выводом анализа протективных и провокативных семейных факторов агрессивного поведения детей и подростков, является тот факт, что при разработке методов воздействия с целью профилактики рисков агрессивности и агрессии, равнозначную, а вероятно и более значимую роль, наряду с редукцией провокативных семейных факторов агрессии несет создание протективных факторов [10]. Формирование условий для действительной социальной адаптации, развитие зрелости личности и стимулирование психологического благополучия является наиболее универсальным средством профилактики агрессивности и агрессии личности [10; 12].

Так в исследовании Лауры Бекманн и коллег (2021) была изучена широкая выборка ($N = 6\,444$) девятиклассников из Германии на предмет выявления предикторов агрессии подростков, направленной на родителей [20]. Исследователи установили, что важнейшим фактором проявления вербальной и физической агрессии в подростковом возрасте по отношению к родителям является аналогичное проявление вербальной и физической агрессии родителей по отношению к детям на более ранних этапах социализации и взросления ребенка, а развитие самоконтроля и терпимости, что, к слову, является неотъемлемыми компонентами личностной зрелости [12], представляется ключевым протективным фактором к проявлению детско-родительской агрессии.

Согласующиеся эмпирические результаты представлены в турецком исследовании медиативной роли эмоционального контроля между гневом и фактическим проявлением актов агрессии, проведенном на детях дошкольного возраста [23]. На выборке в 751 респондент от 3 до 6 лет, было установлено что развитие базовых навыков эмоционального контроля позволяли даже высоко чувствительным, эмоциональным и гневливым детям, в конечном счете, не проявлять свою агрессивность в виде акта агрессии.

В австралийском ретроспективном исследовании молодых людей от 18 до 30 лет ($N = 203$), выросших в условиях домашнего насилия (не сексуализированного), использовался количественный метод сбора статистических данных, а также качественный в виде беседы с группой согласившихся участников количественного опроса [21]. Главной задачей исследования было выявление факторов, позволивших людям, выросшим в условиях домашнего насилия, сформировать относительно здоровые внутрисемейные отноше-

ния во взрослой жизни. Такими факторами оказались наличие доверительных и теплых взаимоотношений как с определенными членами семьи, так и с друзьями, достижения в образовании и спорте, а также получения информации от третьей стороны, в том числе через масс-медиа, о критериях и примерах здоровых взаимоотношений, позволившей сравнить и осознать деструктивность семейной системы в которой находился респондент. Кроме того, в ходе исследования эксперты оценивали респондентов, сумевших преодолеть деструктивный паттерн домашнего насилия родительской семьи как «осознанных, вдумчивых и с высокой способностью к самоанализу», что, как стоит отметить, также является критериями зрелости личности [12].

Исследователь из США А. Фаган в ходе лонгитюдного изучения влияния жестокого обращения в детстве на проявление агрессии в раннем подростковом возрасте ($N = 674$) также установил, что близкие, теплые и доверительные отношения в семье значимо снижают риски агрессивного поведения, а в отдельных случаях служат протективным фактором агрессии в раннем подростковом возрасте даже при фиксировании случаев жестокого обращения в детстве [24].

Представленные результаты эмпирических исследований согласуются с проведенным нами ранее анализом протективных и провокативных семейных факторов агрессивного поведения детей и подростков [10]. На наш взгляд, важнейший вывод, который следует особо подчеркнуть — это необходимость работы с институтом семьи для формирования условий эффективной социализации молодых людей с целью достижения ими действительной социальной адаптации, зрелости личности, а также психологического благополучия. Именно эта работа будет наиболее эффективна, с точки зрения широкомасштабного воздействия по профилактике агрессии и агрессивного поведения. Аналогичное мнение высказывают австралийские ученые, говоря о том, что наиболее эффективная профилактика агрессии в семье реализуется при всеобщем систематическом подходе к проблеме, нежели при точечном вмешательстве в кризисной ситуации [21].

Тем не менее, опираясь на комплексную работу по профилактике агрессии на широкой аудитории молодых людей, не стоит забывать о группах риска. В современном временном контексте, а также в семейном контексте выделяется крайне уязвимая социальная группа с точки зрения высоких рисков социализации агрессии в семье. Мы говорим о семьях участников специальной военной операции (далее — СВО). Особым образом мы хотим подчеркнуть специфику проблемного поля, поднимаемого нами, в фокусе нашего внимания лежит именно система внутрисемейных отношений военнослужащих, участвующих в проведении СВО. В психологической литературе достаточно широко описано влияние экстренных ситуаций на психику человека в частности на примере участников боевых действий [4; 6], более того даны классифика-

ции и особенности личностной адаптации в ситуации боевого стресса [5].

Однако существует определенный недостаток научных работ изучающих социальную адаптацию участника боевых действий в мирной жизни через призму семейных отношений. Необходимо изучить механизмы поддержки членами семьи участников боевых действий, а также проанализировать риски и влияние дезадаптивных в мирной жизни, но устоявшихся в период нахождения в условиях боевых действий паттернов поведения. Даже при условии высоких показателей психологической жизнестойкости и адаптивности отдельно взятого военнослужащего, успешно прошедшего, с точки зрения последствий, стрессовый период, нельзя отрицать, что уровень агрессивности необходимый для выживания и успешного функционирования в условиях военных действий, несравнимо выше, чем в условиях мирной жизни. Семья как ключевой источник близких доверительных отношений, с одной стороны выступает в качестве важнейшего поддерживающего элемента психологической реабилитации участника боевых действий, с другой несет значимые риски столкновения с последствиями стресса полученного им в ходе боевых действий. При этом в научной литературе широко описаны методы работы по общей реабилитации участников боевых действий для их адаптации к мирной жизни [3; 13; 22], а также работы с острым стрессом военнослужащих, его проявлением и последствиями, в частности работа с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) у военнослужащих [4; 17], таким образом, недостаточно изученная тема рассмотрения реабилитации участников СВО через призму института семьи должно стать важным приоритетом психологов практиков и исследователей. Семья является важнейшим протективным фактором социальной адаптации в различных контекстах: и относительно детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации (например, буллинга), и относительно взрослых зрелого возраста, возраста «акме», в ситуациях воздействия различных стрессоров (профессиональных, социальных, бытовых и пр.), и относительно взрослых пожилого и старческого возраста. В этой связи, изучение семьи, как протективного фактора в ситуациях, о которых речь шла выше, и которые являются причиной ПТСР, является важнейшим и актуальным направлением, как исследований, так и разработки корректирующих, преодолевающих социально-психологических и индивидуально-психологических технологий и программ.

В рамках данного проблемного поля, на наш взгляд, высоким потенциалом эффективности обладает научное направление позитивной психологии и ее практический аспект — позитивные психологические интервенции (далее — ППИ). Наличие значимых эмпирических результатов при использовании ППИ как средства формирования психологического благополучия, психологической жизнестойкости и действительной социальной адаптации личности [12], а также как средства снижения агрессии и агрессив-

ности даже в группах с устоявшимися паттернами поведения, характеризующихся как высоко-агрессивные и деструктивные [16], может свидетельствовать о высоком потенциале эффективности при использовании их в адаптации участников боевых действий и психологической помощи им и членам их семей. Более того, в контексте работы со снижением агрессии и формировании протективных механизмов агрессии в семейном контексте, позитивная психология также выступает эффективным практическим инструментом [10].

Школа как фактор риска агрессии

Школа является другим важнейшим агентом социализации, при этом, если мы говорим о структурном вмешательстве в процесс социализации с целью его корректировки, то именно социальный институт общей образовательной организации является тем инструментом, в рамках которого общество в большей степени может системно вмешаться и сформировать важные личностные элементы, а также скомпенсировать дисфункциональные и даже деструктивные аспекты развития личности [11]. При этом, именно организация совместной деятельности школы и семьи, включая активное взаимодействие школьной администрации и учителей с родительским сообществом, позволяет обходить «чувствительные моменты» связанные с прямыми интервенциями, пусть даже позитивными, в семейную систему [8]. Стоит отметить, что наиболее распространенной системной проблемой, связанной с агрессией, в рамках общеобразовательных учебных заведений по всему миру и в РФ является такой подвид агрессии как буллинг [7]. Отечественный исследователь В. С. Собкин, представляя результаты широкомасштабного опроса школьников 7–11 классов (N = 40 575) из 17 субъектов РФ, представляет неутешительную статистику по распространенности буллинга среди подростков РФ, «практически каждый второй эпизодически подвергается психической агрессии, а каждый восьмой — физической...» [15, с. 16]. В свою очередь, меры по профилактике буллинга и агрессии в школе также широко описаны в отечественной научной литературе, в том числе на основе многочисленных эмпирических данных [2; 7; 9; 18]. Если говорить о комплексной системе профилактики школьного неблагополучия агрессии и буллинга, то мы неоднократно писали, что критериями эффективности школы должны быть не только результаты ЕГЭ, но и школьный климат, психологическое благополучие учащихся, а также воспитательные достижения образовательного учреждения [8; 9].

Важно подчеркнуть не очевидные риски, а именно, что действительными критериями оценки школьного климата и психологического благополучия учащихся должно быть не фактическое отсутствие жалоб и происшествий в учебном заведении, поскольку в практической плоскости, зачастую, многие общеобразовательные учреждения даже при наличии сложных структурных и функциональных проблем предпочитают «не выносить сор из избы» для сохранения статуса школьной администрации, при этом часто замалчивая

и усугубляя проблему. Исходя из вышеперечисленного, главным вызовом и задачей в рамках школьной системы на сегодняшний момент мы видим не отсутствие научного и практического базиса для внедрения систем профилактики агрессии, а отсутствие на практике эффективной системы коммуникации непосредственно школьной администрации и различных надзорных административных органов, отвечающих за общее образование. Необходима разработка системы взаимодействия между школьной администрацией и надзорными образовательными органами, главным условием которой будет отсутствие страха школьной администрации обращаться за помощью к компетентным органам, в частности, с целью направления к психологам, специализирующимся на теме агрессии и буллинга в школе. Безусловно, необходима подготовка и повышение квалификации как учителей-предметников, так и педагогов-психологов для эффективной работы с агрессией и агрессивным поведением на местах. Специальные исследования и наша практика консультирования школьных психологов показывают, что проблемы преодоления агрессии, буллинга и, в целом, деструктивного поведения учащихся, являются именно теми областями, которые вызывают наибольшие трудности в практической работе школьных психологов. Конечно, оговоренные точечные элементы противодействия непосредственным произошедшим ситуациям, связанным с агрессией, эффективны только при условии системного проведения комплексных программ профилактики школьного неблагополучия агрессии и буллинга.

Заключение

Подводя итог рассмотрению научных работ по проблемам семьи и школы как факторов риска и профилактики агрессии, на основе изложенного материала мы сформировали ряд результирующих выводов:

- повышенная агрессивность, в частности у молодежи, как правило, свидетельствует о наличии дезадаптивности, которая в свою очередь была сформирована в ходе социализации. Достижение действительной социальной адаптации, личностной зрелости и психологического благополучия и есть профилактика агрессии и агрессивности личности;
- семья и школа, как одни из главных агентов социализации, являются важнейшими институтами внедрения механизмов коррекции и профилактики агрессии. При этом с точки зрения системного и всеохватывающего воздействия именно школа как обучающая и воспитывающая структура играет ключевую роль в формировании просоциальности, действительной социальной адаптации, зрелости и психологического благополучия молодых россиян;
- за последние 5 лет было проведено большое число эмпирических и теоретических исследований проблем школьной агрессии и представлено большое количество программ профилактики. При этом, одними из наиболее

эффективных подходов к профилактике агрессии являются подходы, в которых доминанта ставится на формировании действительной социальной адаптации, зрелости личности и психологического благополучия личности и именно посредством этого достигается адекватный уровень агрессивности и агрессии;

- необходимо практическое системное применение в системе общего образования РФ упомянутых программ профилактики;
- необходим пересмотр системы оценки деятельности учебных заведений общего образования и налаживание их коммуникации с компетентными надзорными и научно-практическими организациями;
- особое внимание со стороны научного сообщества, а также практических психологов должно быть уделено изучению проблем и рисков реабилитации военнослужащих с боевым опытом с точки зрения протективных возможностей института семьи для предотвращения существенных рисков агрессии и социализации агрессии в семье;
- позитивно-психологический подход и использование позитивных психологических интервенций представляется, на наш взгляд, высокоэффективным и комплексным инструментом профилактики рисков агрессии как семейных, так и школьных и обладает значимым потенциалом для преодоления современных вызовов российскому обществу.

Список источников

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. РГБ, Москва, 2008.
2. Волкова Е. Н. Программы профилактики подросткового буллинга в деятельности педагога-психолога // Вестник практической психологии образования. 2021. Т. 18. № 3. С. 90–97.
3. Зуйкова А. А., Погодина Т. Г., Потемина Т. Е. Особенности медико-психологической реабилитации стрессогенных расстройств у членов семей ветеранов боевых действий // Медицинский альманах. 2013. № 2 (26). С. 148–150.
4. Караяни А. Г. Психологическая реабилитация участников боевых действий (Психология боевого стресса и стресс-менеджмента). М. : Военный ун-т, 2018. 152 с.
5. Караяни А. Г. Боевой стресс : проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 254–264.
6. Наумова М. М. К вопросу о социальной дезадаптации участников боевых действий и подходах к их реабилитации // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 10 (67). С. 766–770.
7. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозраст-

- ных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90.
8. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 3–12.
9. Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 37–59.
10. Реан А. А., Ставцев А. А. Протективные и провокативные семейные факторы агрессивного поведения детей и подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. № 2. С. 137–149.
11. Реан А. А., Ставцев А. А., Егорова А. В. Позитивная психология как инструмент модерации процесса социализации школьников // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 191–207.
12. Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Позитивная психология и педагогика. Москва : МПГУ, 2023. 411 с.
13. Склянок В. В. Адаптации участников боевых действий к мирной жизни // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2020. № 2. С. 243–251.
14. Собкин В. С., Калашникова Е. А. Подросток и поведенческие риски: к вопросу о буллинге // Практики развития: образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада. 2021. С. 54–65.
15. Собкин В. С. О социально-психологических аспектах буллинга среди российских школьников // Педагогика. 2022. № 1 (86). С. 54.
16. Ставцев А. А. Позитивная психология как инструмент социализации, воспитания и ресоциализации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 332–335.
17. Хадарцев А. А., Стариков Н. Е., Грачев Р. В. Профессиональный стресс у военнослужащих (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2020. Т. 27. № 2. С. 74–82.
18. Хломов К. Д., Бочавер, А. А., Андрианова, Р. А., Гурьянова, М. П., Лобынцева, С. В., Метлик, И. В., Шемшурин, А. А. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. М. : ФГБНУ «ИИДСВ» РАО, 2022. 364 с.
19. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1986.
20. Beckmann L. et al. Risk and protective factors of child-to-parent violence: A comparison between physical and verbal aggression // Journal of interpersonal violence. 2021. V. 36. № 3–4. С. NP1309–1334NP.
21. Buchanan F., Borgkvist A., Moulding N. What Helps Young People in Australia Create Healthy Relationships after Growing up in Domestic Violence? // Journal of Family Violence. 2023. P. 1–15.
22. Dodge J. et al. Programs to Address Violence for Military Families: a Systematic Review // Journal of Family Violence. 2023. P. 1–17.
23. Ersan C. Physical aggression, relational aggression and anger in preschool children: The mediating role of emotion regulation // The Journal of General Psychology. 2020. V. 147. № 1. P. 18–42.
24. Fagan A. A. Child maltreatment and aggressive behaviors in early adolescence: Evidence of moderation by parent/child relationship quality // Child maltreatment. 2020. V. 25. № 2. P. 182–191.

References

1. Bandura A., Walters R. Teenage aggression. RSE, Moscow, 2008.
2. Volkova E. N. Programs for the prevention of adolescent bullying in the activity of a teacher-psychologist // Bulletin of practical psychology of education. 2021. Vol. 18. № 3. P. 90–97.
3. Zuikova A. A., Pogodina T. G., Potemina T. E. Features of medical and psychological rehabilitation of stress disorders in family members of combat veterans // Medical Almanac. 2013. № 2 (26). P. 148–150.
4. Karayani A. G. Psychological rehabilitation of combatants (Psychology of combat stress and stress management). M. : Military University, 2018. 152 p.
5. Karayani A. G. Combat stress : problems of definition and classification // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. P. 254–264.
6. Naumova M. M. On the issue of social maladaptation of combatants and approaches to their rehabilitation // Bulletin of Science. 2023. Vol. 5. № 10 (67). P. 766–770.
7. Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. Bullying in Russian schools: experience in diagnosing prevalence, gender and age characteristics and connection with the school climate // Questions of education. 2021. № 3. P. 62–90.
8. Rean A. A. Prevention of aggression and antisociality of minors // National Psychological Journal. 2018. № 2 (30). P. 3–12.
9. Rean A. A., Stavtsev A. A. Positive psychological interventions as prevention of school problems, aggression and bullying // Questions of education. 2020. № 3. P. 37–59.
10. Rean A. A., Stavtsev A. A. Protective and provocative family factors of aggressive behavior of children and adolescents // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2021. Vol. 11. № 2. P. 137–149.
11. Rean A. A., Stavtsev A. A., Egorova A.V. Positive

- psychology as a tool for moderation of the process of socialization of schoolchildren // Siberian Psychological Journal. 2021. № 82. P. 191–207.
12. Rean A. A., Stavtsev A. A., Kuzmin R. G. Positive psychology and pedagogy. Moscow : MPSU, 2023. 411 p.
 13. Sklyanko V. V. Adaptation of combatants to civilian life // Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko. 2020. № 2. P. 243–251.
 14. Sobkin V. S., Kalashnikova E. A. Teenager and behavioral risks: on the issue of bullying // Development practices: educational paradigms and practices in a situation of technological change. 2021. P. 54–65.
 15. Sobkin V. S. On the socio-psychological aspects of bullying among Russian schoolchildren // Pedagogy. 2022. № 1 (86). P. 54.
 16. Stavtsev A. A. Positive psychology as a tool for socialization, upbringing and re-socialization of personality // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. P. 332–335.
 17. Khadartsev A. A., Starikov N. E., Grachev R. V. Occupational stress in military personnel (literature review) // Bulletin of new Medical technologies. 2020. Vol. 27. № 2. P. 74–82.
 18. Khlomov K. D., Bocharov A. A., Andrianova R. A., Guryanova M. P., Lobytseva S. V., Metlik I. V., Shemshurin A. A. Comprehensive prevention of aggressive behavior in an educational environment. Moscow : FGBNU «IIDSU» RAO, 2022. 364 p.
 19. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1986.
 20. Beckmann L. et al. Risk and protective factors of child-to-parent violence: A comparison between physical and verbal aggression // Journal of interpersonal violence. 2021. V. 36. № 3–4. C. NP1309-1334NP.
 21. Buchanan F., Borgkvist A., Moulding N. What Helps Young People in Australia Create Healthy Relationships after Growing up in Domestic Violence? // Journal of Family Violence. 2023. P. 1–15.
 22. Dodge J. et al. Programs to Address Violence for Military Families: a Systematic Review // Journal of Family Violence. 2023. P. 1–17.
 23. Ersan C. Physical aggression, relational aggression and anger in preschool children: The mediating role of emotion regulation // The Journal of General Psychology. 2020. V. 147. № 1. P. 18–42.
 24. Fagan A. A. Child maltreatment and aggressive behaviors in early adolescence: Evidence of moderation by parent/child relationship quality // Child maltreatment. 2020. V. 25. № 2. P. 182–191.

Информация об авторах

А. А. Реан — заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ), доктор психологических наук, профессор, академик РАО;

А. А. Ставец — научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ), кандидат психологических наук.

Information about the authors

A. A. Rean — Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education;

A. A. Stavtsev — Researcher of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-287-292>

EDN: <https://elibrary.ru/brbpcd>

ИПОН: 2003-0059-3/24-085

MOSURED: 77/27-003-2024-03-284

Эмпирическая верификация ресурсов профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел

Наталья Владимировна Шарафутдинова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Shnv_70@mail.ru

Аннотация. Анализируются психологические ресурсы в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел; отражены результаты применения относительно новой методики для диагностики самооценки, оптимистичности, самоощущения, жизнестойкости; приводится краткая характеристика применяемого инструмента при изучении профессионального самосознания субъектов служебной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, самооценка, оптимистичность, самоощущение, жизнестойкость, ресурсы, психологическая диагностика

Для цитирования: Шарафутдинова Н. В. Эмпирическая верификация ресурсов профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 287–292. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-287-292>. EDN: BRBPCD.

Original article

Empirical verification of the resources of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies

Natalia V. Sharafutdinova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Shnv_70@mail.ru

Abstract. Psychological resources in the structure of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies are analyzed; the results of the application of a relatively new technique for diagnosing self-efficacy, optimism, self-esteem, resilience are reflected; a brief description of the tool used in the study of professional self-awareness of subjects of official activity is given.

Keywords: professional self-awareness, self-efficacy, optimism, self-esteem, resilience, resources, psychological diagnostics

For citation: Sharafutdinova N. V. Empirical verification of the resources of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(3):287–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-287-292>. EDN: BRBPCD.

Актуальность темы определяется нечеткостью структуры профессионального самосознания, отсутствием разработанных программ диагностики и развития профессионального самосознания субъектов служебной деятельности.

Для органов внутренних дел важным остается проблема развития психических качеств личности и вариативности ее поведения в зависимости от требований профессиональных ситуаций и имеющихся ресурсов. Отбор на службу наиболее перспективных

сотрудников и их сопровождение, целенаправленное, организованное профессиональное развитие личности сотрудника на протяжении всей службы будет способствовать качеству выполняемых ими задач. Проблемы, стоящие перед психологом органов внутренних дел, заключаются не только в подборе и анализе существующего психодиагностического инструмента, но и в проведении целенаправленной профилактической, коррекционной работы с сотрудниками, грамотном психологическом сопровождении.

© Шарафутдинова Н. В., 2024

Повышение интереса исследователей к изучению психологического капитала связано и потребностями организаций, общества в их развитии, качественном изменении нематериальных активов, эффективном управлении организациями и контролем общественных процессов и т. п. В научной литературе можно встретить разнообразные термины, связанные со словом «капитал», например, «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», «психологический капитал», «позитивный психологический капитал», «социальный капитал» и др. Термин «капитал» в широком смысле означает все, что «способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг» [1, с. 53]. Как верно отмечает М. В. Ермолаева, «в современном обществе, построенном на рыночных отношениях, понятие «капитал» покинуло изначальное русло экономики и менеджмента и надежно обосновалось в психологии — социальной, экономической, организационной, политической и т. п.» [2, с. 60–61]. Словосочетание «психологический капитал», по мнению В. Г. Маралова, М. А. Кудака, О. В. Смирновой и др., это понятие, которое «логически дополняет триаду: экономический капитал, человеческий капитал, социальный капитал» [3, с. 169], которое, по нашему мнению, требует уточнения и конкретизации.

В нашем исследовании мы будем обращаться к понятиям «психологический капитал», что на наш взгляд, означает совокупность достоинств, сильных сторон личности, позволяющих эффективно функционировать и справляться с типичными и нетипичными, относительно новыми, сложными профессиональными задачами, «ресурсы», под которыми «понимаются любые средства, которые необходимы человеку для достижения поставленных целей и решения текущих задач» [4, с. 68]. Соглашаясь с мнениями И. А. Басовой, Л. А. Гаязовой, И. В. Кондаковой, отмечая в качестве основных групп ресурсов — «личностные (внутренние) и внешние (средовые) ресурсы, которые совместно используются при решении сложных жизненных ситуаций. При этом личностные ресурсы подростков и молодых людей еще находятся в стадии развития, поэтому часто они обращаются к средовым при решении возникающих трудностей» [5, с. 485], еще раз подтверждаем необходимость целенаправленного развития молодежи на этапе их профессионального становления, а в нашем случае еще и как субъектов служебной деятельности. К личностным ресурсам ученые относят, как правило, «различные навыки, способности и индивидуальные характеристики человека» [6, с. 124].

Ранее, в своих исследованиях были приведены результаты научно-категориального анализа и структуры профессионального самосознания личности [7, с. 269–272], даны трактовки понятиям «самосознание» и «профессиональное самосознание», но несмотря на

проделанную работу в этом направлении, недостаточное внимание уделено подбору и анализу психодиагностического материала. Моделируя структуру профессионального самосознания, были выделены различные показатели, к которым относятся и ресурсы личности, которые необходимо качественно оценить, проинтерпретировать.

При проведении данной части концептуального научного исследования профессионального самосознания курсантов, нами использовались такие методы, как научно-категориальный анализ, тестирование. Опросник «Психологический капитал» (А. Беккер в адаптации С. А. Маничева, В. Е. Погребницкой) позволил описывать различные варианты поведения в контексте выполнения служебных обязанностей в зависимости от требований ситуации и имеющихся ресурсов (внутренних и внешних), возможностей для совладания с нестандартными, сложными ситуациями, выбора адекватных форм поведения.

В данной части научного исследования, опираясь на относительно новую теоретическую модель, представленную в 2007 году А. Беккером и Е. Демероути, нами был использован опросник, направленный на «измерение психологического капитала, который является позитивным психологическим состоянием человека как ресурс для его деятельности в организации, отражающим общую способность работника использовать и восстанавливать физические и душевные силы, а также играющим одну из решающих ролей в функционировании индивида на работе» [8, с. 491].

Выполняя профессиональную деятельность, психолог анализирует индивидуальные и социально-психологические особенности сотрудника полиции, разрабатывает рекомендации и программы воздействия на личность и группу, осуществляет психологическое сопровождение. Как известно, у каждого человека есть свои ресурсы, возможности для осуществления разных видов профессиональных задач, достижения поставленных целей, успехов. Важно учитывать способности, возможности, ресурсы личности, анализировать, обращать внимание не только внешнюю активность личности, используемые ею вербальные и невербальные средства, стратегии общения, но и анализировать ее внутренние, не всегда внешне наблюдаемые, ресурсы, определять пути морально-психологического обеспечения и разрабатывать программы развития профессиональной субъектности и профессионального самосознания.

Компоненты позитивного психологического капитала, как отмечают В. В. Дайнеко и В. А. Штроо, так же как и психологического капитала, «характеризуются измеримостью, дополняемостью, возможностью развития и способностью влиять на повышение производительности сотрудника» [9, с. 5]. Структура психологического капитала схожа со структурой позитивного психологического капитала (по Ф. Лютан-

су), включающей помимо шкал «оптимизм», «эффективность», «жизнестойкость», шкалу «надежды».

Как известно, в психологической науке и практике актуализированы потребности в обновлении психодиагностического инструментария для оценки психических явлений и процессов, выбора надежного инструмента, в том числе и при изучении профессионального самосознания субъектов служебной деятельности, их самооффективности, оптимистичности, самооценки и жизнестойкости. Мы остановили свой выбор на опроснике А. Беккера, адаптированного для русскоязычной выборки.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе подбирались методы и методики исследования, определялась выборка и т. д. На втором — осуществлялся количественный и качественный анализ полученных данных, раскрывалась краткая характеристика применяемого инструмента при изучении профессионального самосознания личности.

Выборку составили сотрудники в возрасте от 19 до 22 лет. Респондентам предлагалось оценить утверждения опросника по определенным шкалам от «абсолютно неправда» до «абсолютно правда» или от «неприменимо ко мне» до «применимо ко мне всегда» и т. п. От одного до четырех или от одного до пяти баллов. Итоговые оценки по всем шкалам анализировались после получения сумм ответов по пунктам, входящим в шкалы: самооффективность, оптимистичность, самооценка, жизнестойкость.

Понятие «эффективный» в русском языке раскрывается как «дающий эффект, действенный» [10, с. 688]. Понятие «самооффективность» в психологии раскрывается как «способность выстраивать поведение и прикладывать необходимые усилия для успешной реализации сложных задач» [8, с. 492].

Понятие «оптимистичный» в русском языке раскрывается как «Полный оптимизма. Оптимистично смотреть в будущее» [10, с. 329]. Слово «оптимизм» описывается как «Бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек во всем видит хорошие, светлые стороны, верит в будущее, в успех» [10, с. 329]. Понятие «оптимистичность» в психологии раскрывается как «положительная установка, ожидание и стремление к изменениям к лучшему в настоящем и в будущем» [8, с. 492].

Понятие «самооценка» в психологии раскрывается как «ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения. Самооценка выступает как относительно устойчивое структурное образование, компонент Я-концепции, самосознания, и как процесс самооценивания...» [11, с. 485]. «Самооценка» — «самооценка себя работником по отношению к профессиональной деятельности в сравнении с другими работниками организации» [8, с. 492].

Слово «стойкий» в русском языке означает «1. Прочный, долго сохраняющийся. 2. Твердый, упор-

ный, не отступающий перед трудностями, испытаниями» [10, с. 575–576]. Понятие «жизнестойкость» в психологии означает «восприятие и позитивная оценка новых и трудных ситуаций как вызовов, повышающих активность сотрудника» [8, с. 492].

Исследование самооффективности, оптимистичности, самооценки, жизнестойкости субъектов служебной деятельности — важный этап в оценке ее профессионального самосознания. Данные психодиагностики были получены на русскоязычной выборке.

Изучая сознание, самосознание профессиональное самосознание личности, для психолога важной остается проблема разработки программы и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности, решение задач теоретико-методологического и эмпирического характера. Для решения проблемы нами были подобраны психологические методы и методики исследования, в числе которых был выбран опросник «Психологический капитал» (А. Беккер в адаптации С. А. Маничева, В. Е. Погребницкой) [8, с. 498–500], как надежный инструмент для оценки самооффективности, оптимистичности, самооценки, жизнестойкости, а в дальнейшей части работы — оценки согласованности с другими компонентами структуры профессионального самосознания, качеств личности, характеристик вовлеченности ее в работу, поведения и т. п.

В связи с актуальностью исследования психики и поведения субъектов служебной деятельности, изучения их качеств, ресурсов, профессионального самосознания, на текущий момент времени была проведена предварительная работа с целью осуществления подбора и обоснования выбора психодиагностического инструментария, оценки результатов тестирования и продолжения научной психологической работы в дальнейшем.

Выбранный нами опросник включает четыре шкалы. При работе с методикой, стоит обратить внимание исследователей и на особенности ее структуры, шкал для выбора оценки респондентом.

Анализ результатов психологической диагностики показал следующее.

По шкале «самооффективность» низкие показатели не выявлены, средние значения показали 13,64 % респондентов от всей выборки. 86,36 % выборки продемонстрировали высокие результаты, что может свидетельствовать о том, что каждый сотрудник (в данной выборке) уверен в том, что сможет справиться с неожиданными ситуациями в своей профессиональной деятельности, обладает находчивостью и умениями подбора адекватного решения возникшей проблемы, ресурсами, позволяющими справляться с трудностями, имеет способность выстраивать поведение и прикладывать необходимые усилия для успешной реализации сложных задач.

По шкале «оптимистичность» низкие показатели

не выявлены, средние значения показали 22,7 % респондентов от всей выборки. 81,8 % выборки продемонстрировали высокие результаты, что может свидетельствовать о том, что респонденты данной выборки ожидают лучшего даже в самые сложные, трудные времена, оптимистично смотрят на будущее, верят в успех, умеют отметить то позитивное, что происходит в их жизнедеятельности. Данные респонденты обладают положительными установками, стремлениями к изменениям к лучшему в настоящем и в будущем.

По шкале «самооценка» 100 % опрошенных набрали высокие баллы. Это может свидетельствовать о том, что респонденты данной выборки в целом удовлетворены собой, обладают рядом хороших качеств, осознают свои сильные стороны, имеющиеся ресурсы,

адекватны в самооценке, чувствуют свою ценность, значимость по сравнению с другими, в том числе в профессиональной деятельности.

По шкале «жизнестойкость» средние значения показали 13,64 % респондентов от всей выборки. 86,36 % выборки показали высокие результаты, что может свидетельствовать о том, что данным сотрудникам нравится иметь дело с новыми, необычными ситуациями, они обладают любопытством, любят и способны к созданию новых, разнообразных «вещей», ощущают себя как сильные личности, упорные, не отступающие перед трудностями, с позитивом оценивают затруднительные ситуации, испытаниями, воспринимают их как вызов, повышающий активность. Результаты, полученные на психодиагностическом этапе, отразим на рис. 1.

Рис. 1. Ресурсы в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел

Таким образом, опросник, предназначенный для диагностики психологического капитала, ресурсов личности, позволил оценить *самоэффективность* как способность выстраивать поведение и прикладывать необходимые усилия для успешной реализации сложных задач; *оптимистичность* как положительную установку, ожидание и стремление к изменениям к лучшему в настоящем и в будущем; *самооценку* как оценку самого себя респондентом, как работника, сотрудника в условиях профессиональной деятельности в сравнении с другими работниками, сотрудниками организации; *жизнестойкость* как восприятие и позитивную оценку новых и трудных ситуаций как вызовов, повышающих активность сотрудника органов внутренних дел.

Обсуждение результатов. Достоинством предложенного опросника «Психологический капитал» для проведения нашего научного исследования, реализа-

ции программы и методики эмпирического исследования профессионального самосознания, является его четкая структура, возможность оценки самоэффективности, оптимистичности, самооценки, жизнестойкости как ресурсов личности, ее возможностей. Ограничением данного исследования является тот факт, что выборка состояла преимущественно из лиц женского пола, что требует проведения дополнительного исследования с качественно иным составом, включающим специалистов разных направлений подготовки и специальностей.

Таким образом, предложенная версия опросника «Психологический капитал», адаптированная С. А. Маничевым и В. Е. Погребницкой позволила оценить выраженность ресурсов сотрудников и их возможностей, выявить высокий уровень психологического капитала, позволяющего адекватно отражать ситуацию, реагировать на угрозы и риски, не преуве-

личивая и не преуменьшая опасности. Полученные результаты на данной выборке указывают на необходимость более глубокого анализа индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, их ресурсов, профессионального самосознания.

В перспективе необходимо продолжить исследование на выборке с качественно иным составом для сравнительного анализа полученных данных. Важно исследовать связь психологического капитала с другими структурными единицами профессионального самосознания и реализовать структурно-динамическую концепцию профессионального самосознания субъектов служебной деятельности. Полученные результаты могут быть применены в исследовательских целях и при решении практических задач в органах внутренних дел.

Список источников

1. Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе : структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 50–64.
2. Ермолаева М. В., Лубовский Д. В. Психологический капитал организации в контексте ресурсного и социально-психологического подходов // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 4. С. 59–70.
3. Маралов В. Г., Кудака М. А., Смирнова О. В. Разработка и апробация русскоязычной версии опросника «Психологический капитал» для использования в сфере высшего образования // *Научно-педагогическое обозрение*. 2022. № 6(46). С. 168–180.
4. Маралов В. Г., Маралова Т. П. Психологический капитал как ресурс обеспечения безопасности личности : обзор исследований // *Общество*. 2023. № 1-2(28). С. 68–72.
5. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // *Интеграция образования*. 2021. Т. 25. № 3(104). С. 482–497.
6. Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической защищенности взрослых от негативных последствий насилия, пережитого в детстве // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2012. № 145. С. 122–135.
7. Шарафутдинова Н. В. Научно-категориальный анализ и структура профессионального самосознания личности // *Вестник Московского университета МВД России*. 2023. № 4. С. 269–272.
8. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 568 с.
9. Дайнеко В. В., Штроо В. А. Позитивный психологический капитал: теоретические концепции и методы измерения // *Мир психологии*. 2022. № 1(108). С. 4–14.
10. Лопатин В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Лопатина Л. Е. М.: Рус. яз., 1990. 704 с.
11. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 672 с.

References

1. Tatarko A. N. Socio-psychological capital of personality in a multicultural society : structure and dynamics // *Social Sciences and modernity*. 2014. № 1. P. 50–64.
2. Ermolaeva M. V., Lubovsky D. V. Psychological capital of an organization in the context of resource and socio-psychological approaches // *Social psychology and society*. 2020. Vol. 11. № 4. P. 59–70.
3. Maralov V. G., Kudaka M. A., Smirnova O. V. Development and testing of the Russian-language version of the questionnaire «Psychological capital» for use in higher education // *Scientific and pedagogical review*. 2022. № 6(46). P. 168–180.
4. Maralov V. G., Maralova T. P. Psychological capital as a resource for ensuring personal security : a review of research // *Society*. 2023. № 1-2(28). P. 68–72.
5. Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V. Personal resources of psychological safety of adolescents and youth in the educational environment // *Integration of education*. 2021. Vol. 25. № 3(104). P. 482–497.
6. Kondakova I. V. Personal resources of psychological protection of adults from the negative consequences of violence experienced in childhood // *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2012. № 145. P. 122–135.
7. Sharafutdinova N. V. Scientific categorical analysis and structure of professional self-awareness of a person // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. № 4. P. 269–272.
8. Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 8 / Edited by A. A. Oboznov, A. L. Zhuravlev. M. : Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2018. 568 p.
9. Daineko V. V., Stroo V. A. Positive psychological capital: theoretical concepts and measurement methods // *The world of psychology*. 2022. № 1(108). P. 4–14.

10. Lopatin V. V. Small explanatory dictionary of the Russian language / V. V. Lopatin, Lopatina L. E. М. : Rus. yaz., 1990. 704 p.

11. Large psychological dictionary / Comp. and the general editorship of B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. St. Petersburg : Prime-EUROZNAK, 2007. 672 p.

Информация об авторе

Н. В. Шарафутдинова — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Sharafutdinova — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Психология. Учеб. пособие. Под ред. И. В. Грошева, В. Л. Цветкова; под общ. ред. В. Ф. Родина, И. Б. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. 311 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность».

Рассмотрены основы психологии для сотрудников правоохранительных органов.

Для курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности.